

СТАРИНА И НОВИЗНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1904.

СТАРИНА И НОВИЗНА.

Печатано по распоряженію Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель Графъ С. Шереметевъ.

СТАРИНА И НОВИЗНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1904.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ и ПУШКИНЪ.

I.

7-го іюня 1903 года, въ Остафьевѣ, въ комнатѣ на верху, въ которой Карамзинъ, проживая лѣтомъ до 1816 года, писалъ *Исторію Государства Россійскаго*, а потому именуемой *Карамзинскою*, состоялось, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, въ присутствіи членовъ Общества С. О. Долгова, И. С. Бѣляева, графини Е. П. Шереметевой, стороннихъ посѣтителей Г. А. Муркоса, С. А. Бѣлокурова, А. С. Орлова и А. С. Долговой, предварительное засѣданіе Московскаго Отдѣленія Коммиссіи *Старины и Новизны*. На этомъ засѣданіи положено было издавать и въ Москвѣ, одновременно съ Петербургомъ, историческій Сборникъ Общества Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память Императора Александра III *Старина и Новизна*.

На мою долю, по порученію графа С. Д. Шереметева, выпалъ счастливый жребій начать это Московское изданіе *Старины и Новизны* письмомъ Карамзина, изъ Царскаго Села, отъ 17-го октября 1825 года, къ приснопамятному владѣльцу Остафьева князю П. А. Вяземскому, невошедшимъ въ собраніе писемъ Исторіографа, напечатанныхъ въ книгѣ первой *Старины и Новизны* (Спб. 1897, стр. 1—204).

II.

Съ 1830 по 1853 годъ князь Вяземскій служилъ въ Министерствѣ Финансовъ. Сначала онъ занималъ должность вице-директора Департамента Внѣшней Торговли (1832—1846), директоромъ котораго былъ Бородинскій товарищъ его Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, а потомъ управляющимъ Заемнымъ Банкомъ (1846—1854).

Въ своей рѣчи, произнесенной на юбилеѣ пятидесятилѣтней государственной дѣятельности Евграфъ Петровичъ Ковалевскаго, князь П. А. Вяземскій сказалъ юбиляру: „мы съ вами неоднократно сходились на служебномъ поприщѣ и, сколько помнится, мы другъ у друга не перебивали дороги, а шли дружелюбными спутниками и сослуживцами. Мы встрѣчались съ вами въ кабинетѣ общаго начальника нашего, незабвеннаго намъ и Россіи, графа Канкринна. Съ нами здѣсь преемникъ его, А. М. Княжевичъ, также нашъ современникъ и сослуживецъ. Тѣмъ охотнѣе заявляю при немъ доброе слово въ память государственнымъ заслугамъ общаго нашего начальника, что и онъ, убѣжденъ я, отзовется на голосъ мой и подкрѣпитъ его. Вы въ то время, для обогащенія Россіи, допытывались подземелій и рудниковъ ея. И тогда уже вы на этомъ пути встрѣчались съ литературою и ученостью нашею въ лицѣ родоначальника ихъ Ломоносова. Я въ тѣхъ же финансовыхъ цѣляхъ допытывался кармановъ потребителей нашихъ по части внѣшней торговли и проникалъ въ потаенные склады контрабанды. Тогда и я, по странному случаю и какъ будто пророчески, участвовалъ въ таможенной цензурѣ, которая именуется тарифомъ, чтобы позднѣе участвовать въ литературномъ тарифѣ, который именуется цензурою.“

Графъ Канкринъ, говори однажды князю Вяземскому о своихъ трудахъ и болѣзняхъ, сказалъ, что онъ уже пятнадцать лѣтъ сидитъ на оменномъ стулѣ *Министерства Финансовъ*. Но тотъ же графъ Канкринъ говорилъ: „порицаютъ такого-то, что встрѣчаешь его на всѣхъ обѣдахъ, балахъ, спектакляхъ, такъ что мало времени ему заниматься дѣлами. А я скажу: слава Богу! Другого хвалятъ: вотъ настоящій государственный человѣкъ, нигдѣ не встрѣтите его, цѣлый день сидитъ онъ въ кабинетѣ, занимается бумагами. А я скажу:

избави Боже!“ (*Полное Собрание Сочинений Князя П. А. Вяземскаго*. VII, 62—63. VIII, 183).

Въ Остафьевскомъ Архивѣ нашлась записка князя Вяземскаго въ толстой переплетенной тетради, на которой рукою его сдѣлано слѣдующее заглавіе: *Разные проекты и записки во время служенія моего въ Департаментъ Внѣшней Торговли*. Вся записка написана княземъ Вяземскимъ собственноручно; за нею слѣдуетъ рядъ другихъ, написанныхъ писарскою рукою, съ помѣтками князя Вяземскаго. Въ концѣ прилагаемой записки сдѣлана слѣдующая приписка: „Je vous embrasse de tout mon coeur et de toute la force de mon âme, je vous engage à continuer.“

Мы полагаемъ, что эта приписка сдѣлана Д. Г. Бибиковымъ, какъ уже сказано, тогда занимавшимъ должность директора Департамента Внѣшней Торговли.

По свидѣтельству покойнаго Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Юрія Васильевича Толстаго, Д. Г. Бибиковь очень цѣнилъ „возвышенный умъ“ своего Бородинскаго товарища и вице-директора Департамента Внѣшней Торговли, обладающаго даромъ проникать въ сущность предмета, хотя по существу ему чуждаго, и въ этомъ отношеніи почиталъ его „неоцѣненнымъ своимъ совѣтникомъ.“

Толстому же впоследствии, какъ онъ выражался, „выпало на долю счастье“, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, Спиридономъ Юрьевичемъ, присутствовать, въ 1869 году, на вечерѣ, когда опальнаго сановника посѣтилъ его вѣрный другъ и прочелъ свои *Поминки по Бородинской битвѣ*, ему, Дмитрію Гавриловичу Бибикову, посвященные:

И тебя ль сердечнымъ словомъ
Вѣрный стихъ мой обойдетъ?
Ты мнѣ также былъ покровомъ,
Мой старинный доброхотъ!

Вспоминая свое участіе въ Бородинскомъ боѣ, князь Вяземскій писалъ:

Ты, съ заботливостью брата,
Тутъ же выручилъ меня:
Что въ бою дороже злата,
Ты взаимы мнѣ далъ коня.

.....

Съ той поры умчало время
 Много лицъ, событий, лѣтъ;
 Разрослось другое племя,
 И чего не видѣлъ свѣтъ!

.....

Въ день борьбы за Русь Святую
 Ты руки не пощадилъ,
 А въ дни мира ей другую
 Гражданиномъ посвятилъ.

.....

Людямъ свойственны ошибки,
 Ошибиться могъ и ты,
 Но ты не былъ флюгеръ гибкій
 У вертлявой суеты.

.....

Разъ принявшись за дѣло,
 Не боялся ты трудовъ
 И одной рукою смѣло
 Съ зломъ бороться былъ готовъ.

У иныхъ—примѣръ не новый—
 „Двѣ огромныя руки“
 На себя служить готовы,
 И проворны и легки;

А на выручку страдальца,
 Если въ помощь ихъ зовешь,
 Не найдешь живого пальца,
 Полмизинца не найдешь.

Цѣлый міръ будь имъ поставщикъ,
 А радѣть ли о другомъ—
 Каждый пальчикъ и суставчикъ
 Въ нихъ разбить параличемъ.

Если жъ гдѣ тобой замѣченъ
 Случай пользѣ данъ принести,
 Позабывъ, что ты увѣченъ,
 Помнишь ты, что совѣсть есть.

А когда сведешь съ кѣмъ дружбу,
 Съ другомъ связь твоя крѣпка:
 И на дружбу, и на службу
 Горяча твоя рука.

(*Полное Собрание Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1896, XII, 391—401).

Внука князя Вяземскаго, княжна Александра Павловна Вяземская, вышла потомъ замужъ за крестника Д. Г. Бибикова, Дмитрія Сергѣевича Сипягина. Черезъ Кушниковыхъ *), онъ былъ въ свойствахъ съ Бибиковымъ и родился въ Кіевѣ въ генераль-губернаторскомъ домѣ. Въ дѣтскіе и юношескіе годы свои Д. С. Сипягинъ пользовался неизмѣннымъ родственнымъ участіемъ Д. Г. Бибикова, и съ своей стороны питалъ къ нему чувства глубокаго уваженія и признательности.

*) Родная сестра Карамзина Екатерина Михайловна была въ замужствѣ за Казанскимъ помѣщикомъ С. А. Кушниковымъ; а дочь ихъ Софья Сергѣевна была въ замужствѣ за Дмитріемъ Гавриловичемъ Бибиковымъ. Дѣдъ Дмитрія Сергѣевича Сипягина, Николай Мартыановичъ Сипягинъ, былъ женатъ на Елизаветѣ Сергѣевнѣ Кушниковой. *П. В.*

Д. С. Сипягину хорошо извѣстны были подробности той опалы, которая постигла Бибикова тотчасъ послѣ смерти Императора Николая I. Рассказывая эти подробности, Д. С. Сипягинъ выражалъ глубокое сочувствіе твердости духа, самостоятельности и благородству Бибикова, кончина котораго для Сипягина была истиннымъ горемъ.

III.

Въ іюнѣ 1849 года, князь П. А. Вяземскій, изъ своего подмосковнаго села Остафьева, предпринялъ путешествіе на Востокъ. Онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Константинополѣ, посѣтилъ Малую Азію и сподобился поклониться въ Іерусалимѣ Святому Живоносному Гробу Спасителя нашего...

„Когда приближаешься уже къ концу земного своего поприща“, пишетъ намъ паломникъ, „и имѣешь въ виду неминуемое путешествіе въ страну отцовъ, всякое путешествіе, если предпринимаешь его не съ какою нибудь спеціальною цѣлью въ пользу науки, есть одно удовлетвореніе суетной прихоти, бесплоднаго любопытства. Одно только путешествіе въ Святыя Мѣста можетъ служить исключеніемъ изъ этого правила. Іерусалимъ—какъ бы станція на пути къ великому ночлегу. Это—приготовительный обрядъ къ торжественному переселенію. Тутъ запасаешься не пустыми свѣдѣніями, которыя ни на что не пригодятся намъ за гробомъ, но укрѣпляешь, растворяешь душу наутренними впечатлѣніями и чувствами, которыя могутъ, если Богъ благословитъ, пригодиться и тамъ, и во всякомъ случаѣ нѣсколько очистить насъ здѣсь.

„Какъ поживешь во Святомъ Градѣ, проникнешься убѣжденіемъ, что судьбы его не исполнились. Тишина, въ немъ царствующая, не тишина смерти, а торжественная тишина ожиданія.

„Въ молодости моей, когда я былъ независимѣе и свободнѣе, путешествіе какъ-то никогда не входило въ число моихъ преднамѣреній и ожиданій. Я слишкомъ безопасно былъ поглощаемъ суетами настоящаго и окружающаго меня. Скорбь вызвала меня на большую дорогу, и съ той поры смерть запечатлѣла каждое мое путешествіе. Въ первый разъ собрался я за границу, по предложенію Карамзина, ѣхать съ нимъ; по кончинѣ его (1826 г.) разсѣяла это предположе-

ніе до приведенія его въ дѣйствіе. Послѣ, болѣзнь Пашеньки заставила насъ ѣхать за границу. Ея смерть (1835 г.) наложила черную печать свою на это первое путешествіе. Второе путешествіе мое окончательно ознаменовалось смертью Наденьки (1840 г.). Смерть Машеньки (1849 г.) была точкою исхода моего третьяго путешествія. Такимъ образомъ, четыре могилы служатъ памятниками первыхъ не сбывшихся сборовъ и трехъ совершавшихся путешествій моихъ. Не взмой меня волна несчастій, я, вѣроятно, никогда не тронулся бы съ мѣста. Вѣроятно, путешествія мои, всегда отмѣченныя смертію, кончатся путешествіемъ ко Святому Гробу, который примиряетъ со всѣми другими гробами. Такъ быть и слѣдовало“. (*Путешествіе на Востокъ князя П. А. Вяземскаго* (1849—1850). Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1883, стр. VII—VIII).

Во время путешествія князя П. А. Вяземскаго по Востоку, посланникомъ нашимъ въ Константинополь былъ Владиміръ Павловичъ Титовъ. „Есть умы“, замѣчаетъ В. А. Мухановъ, „теряющіеся въ сферахъ отвлеченности, для которыхъ вопросы положительные не доступны: таковъ умъ Титова, впрочемъ умнаго, образованнаго и добраго человѣка.“

Къ этому времени относятся печатаемыя ниже письма князя П. А. Вяземскаго къ его сыну князю Павлу Петровичу, который 18-го февраля 1846 года былъ назначенъ помощникомъ секретаря миссіи въ Константинополь, а въ 1850 году, онъ уѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ. 9-го декабря того же 1850 года онъ опредѣленъ былъ на вакансію младшаго секретаря нашей миссіи въ Гагъ.

IV.

„Насъ было пять братьевъ“, пишетъ въ своихъ *Запискахъ* М. А. Бестужевъ, „и всѣ пятеро погибли въ крушеніи 14 декабря 1825 года“.

Прославившійся въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ *Марлинскаго*, Александръ Александровичъ Бестужевъ, служилъ въ лейбъ-гвардіи Драгунскомъ полку и былъ адъютантомъ герцога Виртембергскаго. Въ Петербургѣ онъ жилъ на одной квартирѣ съ Рылѣвымъ.

Въ *Запискахъ* М. А. Бестужева сказано: „у Рылѣва бывали обычныя русскіе завтраки, происходившіе постоянно около 2-го или

3-го часа по полудни, и на которые обыкновенно собирались многіе литераторы и члены нашего (т. е. тайнаго) общества. Завтракъ неизмѣнно состоялъ: изъ графина очищеннаго *русскаго* вина, нѣсколько кочней кислой капусты и ржанаго хлѣба. Да не покажется страннымъ такая Спартанская обстановка завтрака. Эта потребность гармонировала со всегдашнею склонностью Рылѣева—налагать печать русицизма на свою жизнь“. (*Русская Старина* 1870, I, 260).

Первая книжка *Полярной Звѣзды* начинается статьею А. А. Бестужева *Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи*, которая заключаетъ въ себѣ краткія характеристики русскихъ писателей отъ Кантемира и кончая Пушкинымъ. О князѣ Вяземскомъ Бестужевъ сказалъ: „Остроумный князь Вяземскій щедро сыплеть сравненія и насмѣшки. Почти каждый стихъ его можетъ служить пословицею, ибо каждый заключаетъ въ себѣ мысль. Онъ творить новыя, облагораживаетъ народныя слова и любитъ блистать неожиданностью выраженій. Имѣя взглядъ бѣглый и соображательный, онъ вѣрно цѣнитъ произведенія разума, научаетъ шутками и одѣваетъ свои сужденія приманивою свѣтскостью и блестками ума просвѣщеннаго. Многія изъ мелкихъ его сочиненій сверкаютъ чувствомъ, всѣ скрѣплены печатью таланта, не смотря на неровное индѣ паденіе звуковъ и длину періодовъ въ прозѣ. Его упрекаютъ въ расточительности остротъ, не оставляющихъ даже тѣней въ картинѣ, но это происходитъ не отъ желанія блистать умомъ, но отъ избытка онаго“. (Сайтовъ. *Примѣчанія къ перепискѣ князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ*. Спб. 1901, стр. 557—558).

V.

Въ Остафьевской библіотекѣ хранится томикъ *Стихотвореній А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій*. Второе изданіе. Berlin 1870. Книжка эта снабжена собственноручными примѣчаніями князя П. А. Вяземскаго. На оберткѣ книжки его рукою написано: „La mère en defendra la lecture a sa fille. Держать при себѣ“.

Объ издателѣ князь Вяземскій отозвался: „Извѣстенъ ли издатель этой книжки? Есть и дѣльное, но есть много вздора и неправды“.

На стр. 34—42 напечатанъ отрывокъ изъ *Гаврилады*. При этомъ князь Вяземскій замѣтилъ: *У меня долженъ быть въ старыхъ бумагахъ полный собственноручный Пушкина списокъ Гаврилады, имъ мнѣ присланный. Должно сжечь его, что и завѣщаю сдѣлать сыну моему.*

Это замѣчаніе князя Вяземскаго вполне подтверждаетъ собственноручныя показанія Пушкина, данныя имъ въ Слѣдственной Комиссіи, въ августѣ 1828 года, а именно:

1) „Сія поэма писана не имъ; что онъ въ первый разъ видѣлъ ее въ Лицеѣ, въ 1815 или въ 1816 гг., и переписалъ ее, но не помнитъ, куда дѣвалъ сей списокъ, и что съ того времени онъ не видалъ ее“.

2) „Рукопись ходила между офицерами Гусарскаго полка, по отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомяну. Мой же списокъ сжегъ я, вѣроятно, въ 20-мъ году“.

Это же замѣчаніе князя Вяземскаго подтверждаетъ также и мое примѣчаніе къ показаніямъ Пушкина (*Старина и Новизна* 1902. V, 4).

Къ этому же времени, т. е. къ 1814 году, относится стихотвореніе Пушкина *Городокъ*, въ которомъ о князѣ Д. П. Горчаковѣ написано:

Хвала вамъ, чада славы,
Враги парнасскихъ узъ!
О князь, наперенникъ музъ,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкій стихъ
Въ посланіяхъ твоихъ,
Въ сатирѣ—знапье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвости куплета
Игриву острогу.

VI.

Въ Михайловской библіотекѣ хранится печатный экземпляръ, подаренный владѣльцу оной графу С. Д. Шереметеву княземъ П. А. Вяземскимъ, *Опаснаго Сосѣда*, поэмы В. Л. Пушкина. (Изданіе третье, Берлинъ 1876). Экземпляръ сей снабженъ собственноручными примѣчаніями князя П. А. Вяземскаго.

Это произведеніе В. Л. Пушкина выдержало три изданія. Первое было налитографировано въ 1815 году и разошлось въ Русской арміи. Второе было сдѣлано въ Лейпцигѣ, въ 1855 году, С. Д. Полторацкимъ; и наконецъ третье—въ Берлинѣ, въ 1876 году.

По замѣчанію послѣдняго издателя, „всѣ стихи В. Л. Пушкина забыты, а *Опасный Сосѣдъ* твердился нѣсколькими поколѣніями Русскихъ людей и теперь у многихъ въ памяти.“

Знаменитый племянникъ автора *Опаснаго Сосѣда*, безмятежно процвѣтавшій тогда въ Царскосельскихъ садахъ Лицея, еще въ 1814 году писалъ:

....Ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ,
 Въ картинахъ толь богатый
 И вкуса образецъ.

Николай Барсуковъ.

6-го сентября 1903 г.
 С. Михайловское.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ.

I.

Письмо Н. М. Карамзина.

Царское Село, 17-го октября 1825.

Любезнѣйшіе друзья!

Спѣшу отвѣтить на ваше письмо отъ 10 октября, милый Князь, въ доказательство моей точности возвращаю письмо Левенштерна ¹⁾, отъ котораго у меня почти волосы дыбомъ стали. Неужели оно не потрясло васъ въ намѣреніи быть его преемникомъ? Здѣсь говоритъ опытъ—доброжелательство. И съ другой стороны слышу, что мѣста вице-губернаторскія крайне опасны: тотчасъ взысканіе, и тотчасъ безъ имѣнія. Стоитъ ли рисковать для четырехъ или еще трехъ тысячъ жалованья? Не искать ли другаго мѣста, безопаснаго со стороны взысканій, отъ которыхъ ни умъ, ни совѣсть не могутъ спасти васъ. Да и въ землѣ чухонской, одному русскому между нерусскими, и безъ всякой опытности! Не взять ли еще зиму на размышленіе и развѣдываніе? То есть, я развѣдалъ бы, гдѣ вамъ можно приютиться—подумайте и рѣшите. Никакъ не совѣтую вамъ предлагать услугъ или ходатайства Левенштерну: по ихъ нѣмецкимъ связямъ они сильнѣе насъ съ вами; повѣрьте. Скромность лучше. Да онъ же ясно говоритъ, что *скоро* оставитъ свое мѣсто и безъ нашего содѣйствія.

Г. Строевъ мнѣ самъ предложилъ, и я согласился, чтобы онъ издалъ *Указатель* въ свою пользу: какъ же мнѣ отнять у него это

право? Надобно, чтобы онъ самъ отказался. Дѣйствительно ли занимается тѣмъ? Узнайте повѣриѣе ²⁾), а я радъ содѣйствовать пользѣ г. Габбе, который впрочемъ и безъ моего согласія воленъ издать свой трудъ, хотя и едва ли прибыльный; во всякомъ случаѣ лучше подождать XII-го тома. Напа публика не германская. 1800 экземпляровъ X и XI тома лежатъ у меня не проданными!..³⁾)

О подвигахъ Магницкаго или не читаль, или читаль вскользь, безъ вниманія ⁴⁾); вѣрю ужасу.

К. Андрей Петровичъ писалъ къ намъ о своей горести, а мы къ нему съ сердечнымъ участіемъ ⁵⁾). Столь же искренно жалѣемъ о Четвертинскихъ ⁶⁾).

Мнѣ лучше. По три часа въ день бываю на воздухѣ, пѣшій и конный. Уединеніе, единообразіе, тишина—мое лекарство. Холода не чувствуемъ, и желали бы прожить здѣсь еще недѣли три. Надѣмся, что ваши милые пенцы уже всѣ вмѣстѣ, и что кашель зачихъ. Какъ мы смѣялись остроумію и глубокомыслію Павлуши!*) Будетъ путь. Посланія дѣвицы милы. Николай готовится отвѣчать. У насъ были экзамены, въ которыхъ Андрей геройствовалъ: это атлетъ въ ученѣхъ. Нѣжно васъ обнимаемъ, любезнѣйшіе друзья, со всѣми малютками; особенно цѣлую крестницъ.

Вашъ навѣки Н. Карамзинъ.

II.

ЗАПИСКА КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКАГО.

Если хотятъ опредѣлить одною общею чертою положительный характеръ эпохи нашей, отдѣливъ ее отъ движеній, которыя придаютъ ей политическія страсти и состязаніе противоборствующихъ мнѣній, подлежащее не горячимъ изслѣдованіямъ современниковъ, по окончательному суду исторіи, то нельзя не согласиться, что *промышленность*, или усовершенствованіе практическаго просвѣщенія и примѣненіе послѣдствій онаго къ пользамъ общественнаго и частнаго

*) Князя Павла Петровича Вяземскаго. II. В.

благосостоянія, есть отличительное направленіе нашего современнаго общества. На сей стезѣ встрѣчаются и съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ взаимно содѣйствуютъ общія человѣческія силы, не смотря на противуборство ихъ на другихъ поприщахъ. Здѣсь Россія и Англія, Франція и Австрія, каждая въ очеркѣ соразмѣрномъ, равно слѣдуютъ благотѣльному движенію, какъ впрочемъ ни разнородны существенныя стихіи ихъ государственнаго бытія и славы. Политическія грядущія судьбы Европы и образованнаго міра намъ не извѣстны. Событія насаждаются людьми, но созрѣваютъ волею единаго Провидѣнія. Имъ положенъ срокъ и предѣлъ, и не предускоряютъ ихъ ни усилія человѣческой мудрости, ни порывы нетерпѣливыхъ страстей. Можетъ быть не нашему поколѣнію предназначено увидѣть умиротвореніе враждующихъ началъ и воцареніе общаго порядка, плода многихъ бурь и потрясеній, можетъ быть, таится еще много жребіевъ въ темной урнѣ современной судьбы, но успѣхи, совершенные духомъ промышленности, духомъ предпріимчиваго трудолюбія, потребностью устроить, какъ можно лучше, свое временное бытіе, извлечь изъ природы всѣ пособія, кои вѣрены ей рукою Создателя въ пользу человѣка, сіи успѣхи не погибнуть въ сшибкѣ событий, каковы ни были бы они, не пропадутъ для поколѣній, которыя смѣнятъ насъ, и останутся навсегда началомъ новой, достопамятной эры въ исторіи общественной гражданственности.

Въ послѣднее 16-тилѣтіе, когда, послѣ долговременной и истощительной брани, вся человѣческая дѣятельность, всѣ попеченія благонамѣренныхъ правительствъ, всѣ честолюбивые замыслы частныхъ умовъ, сдвинутые съ мѣста и упраздненные новымъ порядкомъ вещей, всѣ денежныя капиталы, подобно какъ и они опрокинутые, однимъ словомъ, всѣ физическія и нравственныя силы народовъ, утомленныя въ борьбѣ съ властолюбіемъ единаго человѣка, переродились въ новой стихіи и, привыкнувши къ свѣрхъестественнымъ усиліямъ, напряглись къ достиженію цѣли, болѣе соотвѣтственной выгодамъ человѣчества,— въ сіе послѣднее шестнадцатилѣтіе мы были свидѣтелями исполнскихъ успѣховъ промышленности. Въ сей промежутокъ времени природа была, такъ сказать, преслѣдована въ послѣднихъ ущеліяхъ своихъ, извѣдана въ соврениѣйшихъ свойствахъ, допытана въ глубочайшихъ тайникахъ. Никогда торжество человѣка надъ нею не было запечатлѣно столь вѣрными и блестящими слѣдами. Прежде

умъ человѣческой присвоивалъ себѣ по одному завоеванію въ два, три столѣтія и долго не могъ покорить его совершенно господству своему. Нынѣ завоеванія быстро слѣдуютъ одно за другимъ, умъ входитъ въ права собственности, съ мѣста и съ боя налагаетъ на нее вооруженную руку и собираетъ безпрекословную дань. Всѣ усилія, всѣ соображенія натянуты, чтобы жизнью искусственною, добытою просвѣщенными трудами, удвоить, утроить, удесятерить способы жизни естественной, расширить границы времени, сократить нужденія, и умножить послѣдствія, однимъ словомъ, пополнить дары природы производствами, также естественными, ибо они почерпнуты изъ ума, которому данъ ключъ ко всѣмъ тайнствамъ природы, подлежащимъ нашему вѣдѣнію. Сколь умозрительныя покушенія современной дѣятельности сбивчивы, обманчивы въ своемъ безпокойномъ и, такъ сказать, косвенномъ стремленіи, столь, напротивъ, надежны и плодотивы въ послѣдствіяхъ своихъ всѣ опыты, всѣ изысканія, имѣющія нѣкую пользу, ясную и положительную. Провидѣніе какъ будто хочетъ показать въ семъ случаѣ то, что человѣкъ можетъ предпринимать самъ собою и въ чемъ долженъ онъ покорить себя силѣ, свыше надъ нимъ господствующей, показать, что онъ опредѣленъ дѣйствовать, но что въ иномъ онъ самъ дѣйствующее лице, а въ другомъ только орудіе*?

Здѣсь земля оковывается желѣзными колеями, и удобство и быстрота сухопутныхъ сообщеній не зависятъ уже отъ своенравія почвы, или измѣненій непогодъ. Тамъ, какъ будто отомщая природѣ за непокорность ея въ царствѣ воздушномъ, человѣческая изобрѣтательность, позабывъ, или, лучше сказать, отсрочивъ изысканія свои въ устройствѣ воздушныхъ плаваній, во второй разъ покоряетъ себѣ рѣки и море, и освободившись отъ самовластия вѣтровъ, поручаетъ себя дѣйствию, зависящему отъ собственной воли, или сіе самое-же дѣйствіе обращаетъ на сухопутныя суда, которыя катятся безъ лошадей, по движенію, такъ сказать, единой мысли. Тутъ слово осуще-

*) Тутъ Провидѣніе ничему не причастно. Это наборъ словъ. Все равно сказать, что извѣстное извѣстно, а неизвѣстное неизвѣстно, не только темно. Но если бы не рылись, не шевелили неизвѣстнаго, не было бы и положительнаго.... Зачѣмъ мистику вводить въ промышленность: нора бы её исключить и изъ исторіи.

Замычаніе неизвѣстнаго.

ствленное безъ голоса, безъ письменъ передается скоропостижно, и одинъ край Европы молча откликается съ другимъ въ часы рѣшительныхъ событій, или великихъ ожиданій. Мало того, что всевластною волею человѣка поверхность земного шара исчерчена во всѣхъ направленіяхъ естественныхъ и сверхъестественныхъ, тамъ, гдѣ встрѣчается малѣйшая преграда стремительному ея шествію, тамъ, гдѣ можетъ она быть задержана на нѣсколько часовъ, она врывается въ самыя нѣдра земли и уготавливаетъ себѣ безпрепятственную дорогу, на коей сводъ рѣкъ заслопляетъ отъ человѣка сводъ небесъ съ солнцемъ своимъ, уже человѣку не нужнымъ. Быстрота сообщеній между одною гемисферою и другою пополняетъ, такъ сказать, важное изобрѣтеніе письменнаго искусства. Ему обязаны мы сочувствіемъ столѣтій, давно павшихъ въ бездну ничтожества и еще таящихся въ мракѣ грядущаго, сими изобрѣтеніями обязаны мы скорымъ сближеніемъ разноплеменныхъ жителей пространнаго міра, которые оставались бы навсегда чужды другъ другу. Благодаря современнымъ успѣхамъ слово антиподъ не существуетъ, ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ смыслѣ. Въ Божьемъ семействѣ рода человѣческаго антиподовъ быть не можетъ.

Но сверхъ сихъ Геркулесовскихъ подвиговъ, сихъ чудесъ промышленности, изумляющихъ насъ огромностью послѣдствій своихъ, сколько еще частныхъ ежедневныхъ, повсемѣстныхъ благодѣяній, утѣшающихъ насъ въ ограпиченныхъ кругахъ полезнаго движенія. Прежде гражданская дѣятельность сосредоточивалась въ однихъ городахъ, требовалъ значительныхъ поощреній, обширнаго стеченія вспомогательныхъ средствъ и многочисленія. Нынѣ разливается она по деревнямъ и требуетъ одной свободы дѣйствія. Тамъ, гдѣ находитъ она на пути своемъ рѣчку, лѣсъ, руду, каменное уголье, она водружаетъ знамя просвѣщенія, поселяетъ успѣхи ея, вноситъ свѣтильникъ полезныхъ свѣдѣній, развиваетъ умственные силы человѣка и въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ на самую нравственность народа. Въ семъ соображеніи заключается убѣдительноѣе опроверженіе лжеумствованій, которыя обвиняютъ промышленность въ направленіи ума человѣческаго къ цѣли слишкомъ физической и въ примѣненіи его къ выгодамъ исключительно вещественнымъ. Изъ того, что промышленность имѣетъ всегда таковыя возмездія для трудовъ, въ пользу ея понесенныхъ,

что она не требует от приверженцев своих самоотверженія безкорыстнаго и бесплатнаго, не слѣдуетъ однакоже, что она унинительно стѣсняетъ всѣ порывы дѣятельности, всѣ стремленія къ возможному усовершенствованію въ опредѣленномъ очеркѣ одного личнаго разсчета. Промышленность, напротивъ, наука преимущественно общественная. Въ ней частная польза есть неминуемое орудіе, несомнѣнный залогъ пользы общей. Неоспоримо, что промышленность развиваетъ благосостояніе по всѣмъ степенямъ общества, не минуя и нижней степени, распространяетъ свѣдѣнія практическія, примѣненные ко всѣмъ родамъ жизни, водворяетъ нѣкоторое просвѣщеніе и въ самой глуши людскихъ населеній. Слѣдовательно, она по возможности возвышаетъ человѣка, улучшая положеніе его. Человѣкъ, хорошо прикрытый отъ неблагопріятности стихій, покойно и тепло одѣтый, сытый, владѣющій средствами добывать изученнымъ трудомъ пропитаніе и содержаніе свое и обезпечивать нужды семейства своего, пользуется по возможности жизнью своею и, слѣдовательно, будетъ въ миролюбивомъ сочувствіи съ порядкомъ, его окружающимъ, съ законами, ему предписанными. Нищета, стѣсненіе, бѣдственность, немощь физическая и умственная суть худыя поруки въ нравственности. Таковой человѣкъ, человѣкъ страдающій, неминуемо раздражительнѣе здороваго. Оставимъ тщетныя мечтанія о первобытномъ состояніи человѣка, о какомъ-то желательномъ естественномъ положеніи человѣка, въ коемъ Божіе созданіе, одаренное мыслью и чувствомъ, осуждено прозябать, не пользуясь лучшими дарами своими. Человѣку даны не однѣ руки и ноги, не одни тѣлесныя чувства, но и предчувствіе, или внутреннее сознаніе всего, что онъ въ силахъ совершить, данъ ему разумъ, коего отличительное свойство есть безостановочное движеніе, стремленіе къ возможнымъ усовершенствованіямъ, которыми подаются впередъ по мѣрѣ, какъ присвоиваешь ихъ постепенно и благовременно. Человѣку, въ силу закона возвышенной природы его, не довольно, когда ему хорошо, онъ долженъ всегда искать лучшаго. Когда онъ повинуется благоразумію, онъ, въ стремленіи къ лучшему, не жертвуетъ хорошимъ, которое уже его, но и не отвергаетъ надежды, ибо умственная природа его есть возрастающая. Промыслъ одарилъ и нѣкоторыхъ животныхъ творческою дѣятельностью, предъ которою наша смиряется въ изум-

леніи, но дѣятельность эта не имѣетъ растительности, не имѣетъ грядущаго и поражена безплодіемъ неподвижности. Какъ ни изумительны труды бобра, пчелы, созидающей свое прочное и красивое зданіе, но каковы были строенія эти въ первые дни творенія, таковы они и нынѣ, послѣ многихъ тысячелѣтій, таковы будутъ и до скончанія вѣковъ. Нѣтъ, человекъ есть существо нравственное; слѣдовательно, все, что безъ нарушенія нравственности, главнаго условія человѣческой природы, содѣйствуетъ къ упроченію благосостоянія его, должно непосредственно, или косвенно, но окончательно, обратиться въ пользу и самой нравственности, начала и цѣли его земного существованія. Заключать иначе было бы клеветать на Провидѣніе, ибо одаривъ человекъ подвижностью и стремительною ловкостью, не могло оно поставить нищету и ограниченность, слѣдственно законсѣдность, условіемъ нравственнаго его достоинства. Человекъ—хозяинъ природы, и чѣмъ лучше устраиваетъ онъ свое хозяйство, тѣмъ вѣрнѣе исполняетъ онъ свое земное предназначеніе *).

Нигдѣ примѣненіе сихъ началъ не можетъ быть такъ удобно и понятно, какъ въ Россіи. Россія во многихъ отношеніяхъ еще новый міръ, который долженъ быть разработанъ промышленностью. Обширность Государства, разнообразіе климатовъ, народонаселеній, языковъ, вѣроисповѣданій, понятій, правъ, нравовъ, сіе болѣе смѣшеніе, нежели соединеніе исторической древности съ молодостью гражданственною, не столько развившеюся изъ столѣтняго корня, сколько привитою къ нему, сіе неравенство въ успѣхахъ гражданственности, такъ что одно званіе отъ другого, одна губернія отъ другой отдѣлены не столько политическими правами или географическими разстояніями, сколько столѣтіями въ образованности,—все сіе не позволяетъ подводить этотъ міръ, сплоченный изъ противорѣчій, подъ одинъ общій законъ просвѣщенія, не позволяетъ требовать отъ сего державнаго Великана, старца и отрока въ одно время, полного согласія и единства въ проявленіи его нравственныхъ и умственныхъ силъ. Но за то Россія тѣмъ удобнѣе къ водворенію практическаго просвѣщенія, которое прививается скорѣе и болѣе зависитъ отъ воли и способовъ прави-

*) Эту мысль можно сосредоточить въ слѣдующую формулу: съ наименьшими средствами большіе результаты—по русскому выраженію народному; копейку ребромъ поставитъ.

тельства. Нравственное и политическое образование Государства не можетъ быть нечаяннымъ событіемъ, выраженіемъ одной мысли, послѣдствіемъ одной воли. Нравы не созидаются вліяніемъ правительства, какъ ни будь благонамѣренны виды и ни могущественны средства ихъ, но покоряются въ этомъ отношеніи неизбѣжнымъ, ничѣмъ не предупредимымъ законамъ времени и порядка общаго. Образованность же (то есть, благосостояніе народное, ибо нѣтъ другой образованности истинной въ политическомъ смыслѣ), слѣдующая за промышленностью, образованность, которую наименовали мы практическимъ просвѣщеніемъ, чтобы отдѣлить ее отъ просвѣщенія болѣе умозрительнаго, чѣмъ положительнаго, поддается послушнѣе нашимъ усиліямъ. Польза ея говоритъ явственнѣе и языкомъ болѣе общепонятнымъ. Сія образованность есть часто нечаянный, но зрѣлый плодъ хорошаго, благовременно изданнаго коммерческаго учрежденія, нѣкоторыхъ правъ, законныхъ поощреній, дарованныхъ промышленности и торговлѣ, согласно съ истинными потребностями и выгодами народа и Государства. Такимъ отношеніемъ правительство можетъ точно преобразовать бытіе государственное въ извѣстный срокъ: можетъ населить и оживить пустыни, обогативъ города, обстроивъ села, разливъ благодѣянія довольства по званіямъ общества, неприхотливымъ въ требованіяхъ своихъ, искоренивъ невѣжество—стихію всякаго зла, праздность—мать всѣхъ пороковъ, и замѣнивъ ихъ бодрымъ трудолюбіемъ и благонамѣреннымъ просвѣщеніемъ—ручательствомъ порядка и политическаго долгоденствія правительствъ и народовъ.

Вопросъ, что такой-то державѣ не лучше ли быть исключительно земледѣльческою, или исключительно мануфактурною—давно разрѣшенъ на дѣлѣ *). Раздѣленіе работъ конечно въ частной дѣятельности, но оно не сбыточно въ примѣненіи къ народамъ. Нельзя раздѣлить родъ человѣческой на непремѣнные цехи, или, какъ въ оркестрѣ роговыхъ инструментовъ, осудить каждый изъ нихъ брать всегда одну ноту и выражать одинъ звукъ. Во всякомъ случаѣ сей вопросъ не

*) Мнѣ кажется, всю эту статью можно преобразовать. Понятія и выраженія сбивчивы и почти противорѣчатъ вышесказанному, которое можно вообще примѣнить къ *промышленности* въ обширномъ смыслѣ. Вдругъ переходъ къ промышленности фабричной; раздѣленія съ земледѣліемъ уже не дѣлается, и понятія о государственномъ земледѣліи и торговлѣ устарѣли.

Примѣчаніе неизвѣстнаго.

идеть къ Россіи; въ ней есть время и мѣсто для всего. Определенныя, готовыя системы ей не по росту, онѣ не могутъ обнять ее, какъ ни прикладывай ихъ, какъ ни растягивай, а все она съ какой нибудь стороны, но выдаться. Она переросла всѣ общекритическія мѣрки, всѣ извѣстные вопросы, ушла отъ всѣхъ вычисленій, выводимыхъ обыкновенными смѣтами соображеній. Къ тому-же Русскій созданъ промышленникомъ: онъ переимчивъ и предприимчивъ. Таковъ онъ по способностямъ ума своего, таковъ и по необходимости своего физическаго положенія. Разстоянія между селеніями и городами, продолжительность зимъ, неудобность сообщеній—все понуждаетъ его многосложитъ свою дѣятельность и быть на всѣ руки. За то сколько сторукихъ, энциклопедическихъ ремесленниковъ найдете вы по деревнямъ, гдѣ и нѣтъ еще мануфактурныхъ заведеній. Что же быть должно, когда этимъ врожденнымъ способностямъ дастся опытное направленіе, когда принаровленное къ понятіямъ и къ потребностямъ ученіе распрямитъ заблужденія невѣжества и предразсудки самоучки*)? Если Русскій въ состояніи сдѣлать многое на авось, то что будетъ онъ способенъ сдѣлать на вѣрное? Въ наукѣ есть расчетъ, въ самоучкѣ удача. Нѣтъ сомнѣнія, что нужно намъ приобрѣсти еще многое, чтобы научиться пользоваться тѣмъ, чѣмъ владѣемъ, а именно нужно учиться. Многія фабрики наши въ управленіи у людей безграмотныхъ, и дѣло идетъ хорошо. Это явленіе любопытное и достойное замѣчанія, но не поощренія и подражанія. Мы видимъ слѣщцовъ, которые съ успѣхомъ занимаются рукодѣліями, это прекрасно, но изъ того не слѣдуетъ, чтобы зрячему не легче было достигнуть до искусства. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи мануфактурная промышленность имѣетъ большое вліяніе на общее просвѣщеніе. Фабрика не можетъ существовать безъ нѣкотораго числа людей, умѣющихъ читать, писать и считать, слѣдовательно, безъ людей достойныхъ имени своего, ибо грамота есть неминуемое пополненіе дара слова, коимъ Творецъ отличилъ человѣка отъ прочихъ тварей. Здѣсь кстати изъявить желаніе, чтобы изданы были у насъ для простонароднаго употребленія нѣсколько технологическихъ руководствъ по разнымъ частямъ ремеслъ и художествъ.

*) Патріотическая выходка не совсѣмъ точна, потому что русскій самоучка не ремесленникъ, а таковъ всякій народъ, находящійся на одинаковой степени образованности.

Примѣчаніе неизвѣстнаго.

Нашему мастеровому негдѣ повѣрять свои догадки, не на чемъ утвердиться, онъ долженъ руководствоваться одними изустными преданіями и держаться того, что затвердилъ онъ въ ученикахъ. Если нѣкоторые изъ журналовъ нашихъ и содержатъ технологическія статьи, то не простымъ ремесленникамъ ими пользоваться: во первыхъ, весьма немногіе въ состояніи платить подписную цѣну журнала, во вторыхъ, статьи писаны обыкновенно языкомъ не понятнымъ для простолюдиновъ, а притомъ нѣтъ и не можетъ быть у насъ журнала, посвященнаго единственно такой то отрасли промышленности, или искусственности. Безъ необходимыхъ свѣдѣній всѣ средства физическія и нравственныя въ народѣ безплодны, или мертвые капиталы. Омраченная невѣжествомъ, праздностью и суетвѣріемъ Испанія умирала съ голода на золотой почвѣ своей, какъ скупецъ на мѣшкахъ съ деньгами, которыхъ онъ въ пользу употребить не умѣетъ.

Промышленность наша не имѣетъ корней своихъ въ старинѣ, не имѣетъ за себя давности—исторической. Предки наши знали болѣе одни промыслы рыбные, звѣриные и заграничную торговлю. Оно такъ быть и надлежало: промышленность и дѣятельность торговли внутренней уже плоды высшей образованности. Нѣтъ почти ни одного дикаго народа, который не имѣлъ бы торговли съ сосѣдями, или пріѣзжими купцами, но многія и устроенныя державы нуждались долго въ выгодахъ, кои неминуемо слѣдуютъ за водвореніемъ мануфактурной промышленности и внутренней торговли. Мы однако же усматриваемъ изъ исторіи, что нѣкоторыя руководѣлія были извѣстны предкамъ нашимъ и въ отдаленныя времена. Напримѣръ, искусство золотошвейное, доставлявшее древнимъ княжескимъ... почетныя украшенія для одежды ихъ, было въ употребленіи въ Россіи, прежде нежели во многихъ другихъ земляхъ Европейскихъ. Уже въ 1432 году существовали въ Москвѣ фабрики суконныя, которыя были разорены и выжжены Тахтамышемъ. Но истинныя основанія промышленности нашей были положены Петромъ, коего живоначальное имя сопряжено со всѣми успѣхами нашими на поприщѣ образованности государственной и гражданской. Куда ни пойдешь въ Россіи, вездѣ найдешь глубокіе и вѣрные слѣды богатырской ноги его, до чего ни дотронешься, нигдѣ еще не остыло впечатлѣніе его мощной и пламенной руки.

III.

ПИСЬМА В. П. ТИТОВА КЪ КНЯЗЮ П. П. ВЯЗЕМСКОМУ.

1.

Буюкдере, 14-го іюня (1850), вечеромъ.

Пароходъ за свѣжимъ вѣтромъ бросилъ противъ насъ якорь на ночь. А тутъ весьма кстати привезли изъ города прилагаемыя два письма, оба запоздалыя, изъ Іерусалима. Согласно разрѣшенію вашего Батюшки, я прочелъ ихъ громко въ присутствіи жены и Трубецкаго⁷⁾. Затѣмъ спѣшу запечатать и отослать на пароходъ, при усердномъ и нѣжномъ поклонѣ вамъ, милой вашей Княгинѣ и дѣтямъ.

Судя по позднѣйшимъ письмамъ отъ вашихъ изъ Бейрута, мы надѣемся скоро ихъ видѣть здѣсь и авось опять пожить нѣсколько недѣль вмѣстѣ. Будьте оба здоровы, счастливы и не совѣмъ забывайте преданнаго вамъ В. Титова.

2.

Буюкдере, 4-го августа, 1850.

Любезнѣйшій князь Павелъ.

Валли добрые родители сегодня покидаютъ насъ. Весьма грустно, безъ фразъ. Въ утѣшеніе я сегодня пишу Катеринѣ Андреевнѣ Карамзиной. Она въ деревнѣ, и я навѣрное не могъ узнать, за нею ли еще домъ Бибикова на Пустомъ рынкѣ, и если за ней, то существуетъ ли тамъ лѣтомъ хоть одна приказная душа для аккуратнаго принятія и пересылки моей грамоты. По этому прилагаю ее здѣсь, но съ условіемъ и просьбой переслать вѣрнымъ путемъ, безъ залежательства.

Жена моя и азъ благодаримъ за письмо ваше отъ 3 іюля. Я до толѣ уже излагалъ, и нынѣ повторяю богамъ Олимпійскимъ мои мысли о временномъ устройствѣ вашей заграничной служебности въ Питерѣ. Надѣюсь, что боги найдутъ способъ, лишивъ васъ турецкихъ окладовъ за время невольной вашей бытности на Русскомъ Сѣверѣ, сохранить вамъ занимаемую при миссіи штатную вакансію, такъ чтобъ, до лѣтнихъ жаровъ будущаго года, вы могли снова обрѣсти себя въ нашихъ объятіяхъ у живописныхъ береговъ вѣковѣчнаго Стамбула, округливъ па досугѣ семейныя, хозяйственныя и прочія дѣла, какъ ваши, такъ

и милой вашей Княгини, которой прошу поднести при этомъ случаѣ мое душевно-нѣжное почтеніе, пожелавъ ей отъ меня и жены „добраго успѣха и помощи Божіей“.

Вы столь непозволительно-скромнымъ и недовѣрчивымъ къ себѣ способомъ пишете о себѣ самомъ, что если не знать васъ, можно бы подумать, что напрашиваетесь на комплименты. Прощаясь на пароходѣ, я изъ полноты сердца исповѣдался вамъ въ томъ, что думаю и ощущаю на счетъ вашей карьеры. Бюрократическая дѣятельность едвали когда будетъ вапею спеціальностію. Скучно; однако и ею пренебрегать не должно: пригодится. Но ваша часть—*rag excellence*—*любить и изучать* историческія и современныя примѣчательности странной земли и странныхъ людей, посреди коихъ судьба привела насъ выжить съ вами 7 лѣтъ и можетъ быть еще приведетъ прожить столько же, а пожалуй съ помощью Аллаха и болѣе. Поэтому я люблю видѣть въ васъ одно изъ весьма рѣдкихъ въ наше время, но весьма частыхъ въ старину, звѣнзевъ между Босфоромъ и матерью—Россіей.

Довольны ли вы? Согласны ли, что при такомъ существѣ карьеры, *форма* рано ли, поздно сама собой устроится, и ни служба, ни вы въ накладѣ не будете. Поклонитесь четѣ Голицыныхъ. Мы часто тоскуемъ о здоровьѣ кн. Вѣры и не понимаемъ, что у нея за слабость къ поддѣльнымъ Петербургскимъ водамъ вмѣсто настоящихъ Нѣмецкихъ⁸). Преданный вамъ В. Г.

ПИСЬМА А. Я. БУЛГАКОВА КЪ КНЯЗЮ П. П. ВЯЗЕМСКОМУ⁹).

1.

Шметово, 9-го іюля 1850.

Исполняю препорученіе князя П. А. Вяземскаго и выписываю слова изъ письма его ко мнѣ изъ Перу ^{24 іюня}/_{6 іюля}: „Мы сейчасъ благополучно возвратились въ Перу и съ Божіимъ благословеніемъ совершили свой крестовый походъ. Не знаю, гдѣ теперь сынъ мой и гдѣ Карамзины, можетъ быть и въ Москвѣ, и зная, что ты всевѣдущій почтдиректоръ, прошу тебя дать имъ знать *письменно* или *устно* о нашемъ прибытіи сюда. Думаемъ пробыть здѣсь недѣли двѣ или три“.

Сожалѣю, что письмо это получилъ я не въ ту минуту, какъ уѣзжалъ я изъ Москвы, но здѣсь въ Туляковской (?) у дочери, коей празднуемъ мы послѣзавтра именины. Чтобы выиграть нѣсколько дней, я спѣшу отправить вамъ, любезный князь, сн строки чрезъ графа Воронцова, который ѣдетъ въ Москву и взялся переслать вамъ это письмо. Надѣюсь видѣть васъ въ Москвѣ, а куда долженъ довольствоваться обнять васъ заочно.

Весь Вашъ А. Булгаковъ.

2.

Votre papa m'annonce dans le moment son arrivée à Astafiewo. Cette nouvelle m' a fait un bien grand plaisir. Il me demande des journaux, des lettres et des cigarres, je crois que j'irai lui porter tout cela moi-meme, mon impatience de l'embrasser étant bien grande. Voici la lettre du Prince.

Tout à vous A. Bulgakow.

Moscou, le 22 Septembre 1850.

Переводъ:

Вашъ отецъ сейчасъ извѣщаетъ меня о своемъ прибытіи въ Астафѣево. Это извѣстіе доставило мнѣ большое удовольствіе. Онъ проситъ меня прислать журналы, письма и сигары; я думаю, что все это я отвезу ему самъ, такъ какъ стораю нетерпѣніемъ обнять его. Вотъ письмо Князя.

Весь Вашъ А. Булгаковъ.

Москва, 22-го сентября 1850 г.

ПИСЬМА КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

1.

Одесскій Карантинъ, $\frac{7}{19}$ августа 1850.

Благополучно прибыли мы сюда на Херсонесѣ вчера около полудни. Помѣстились мы въ карантинѣ въ тѣхъ-же комнатахъ, гдѣ и вы жили, и тотъ же гвардіонъ стережетъ насъ. Карантинъ очень чистъ, но все таки грустно возвращаться во свояси черезъ тюрьму. Мы надѣялись найти здѣсь письмо отъ васъ, но до сей поры нѣтъ. И послѣд-

ній пароходъ не привезъ намъ письма отъ васъ, впрочемъ и никому въ Буюкдере не было съ нимъ частныхъ писемъ. Это насъ нѣсколько успокоило. Богъ дастъ, не уѣдемъ изъ Одессы безъ добрыхъ вѣстей отъ васъ. Это тѣмъ нужнѣе, что вѣроятно до Москвы не будемъ имѣть писемъ отъ васъ. Пишите къ намъ въ Москву въ концѣ августа черезъ Булгакова.

Наши прощанія въ Буюкдере были самыя нѣжныя и сердечныя. Титовы и вся миссія обоого пола провожали насъ до Фанараки при лунномъ сіяніи. Мнѣ очень грустно было разстаться съ ними и съ Босфоромъ. Всѣ вамъ кланяются и всѣ зовутъ васъ обратно. Съ Каннингами ¹⁰⁾ прощанія наши были также очень нѣжны. Онъ и она пріѣзжали нѣсколько разъ въ Буюкдере къ намъ, и мы ночевали у нихъ въ Терапіи. Однимъ словомъ, мы вывели съ береговъ Босфора самыя пріятныя и дружелюбныя впечатлѣнія. Для тебя, милый Павелъ, ходилъ я въ домъ Спандони и пересмотрѣлъ всѣ углы и норы, и сарап, въ которыхъ мы бивуакировали. Сторожъ дома—не тотъ, что былъ при насъ,—разсказывалъ мнѣ съ насмѣшкой, что какіе-то глупые Русскіе князья платили за этотъ анбаръ 25,000 піастровъ и чуть въ немъ не замерзли. Если не буквально передаю тебѣ слова его, то передаю существенный ихъ смыслъ. Твоя маменька торжественно въѣхала въ карантинъ на роспускахъ, въ которые запряжены были два вола, и окруженная горшками со цвѣтами и деревьями. Это могло служить pendant картинамъ Леопольда Роберта. Теперь, кажется, кончились наши живописныя и поэтическія странствованія. Мы входимъ въ колею западной прозы. Жаль, что нельзя прямо изъ-за границы переброситься въ сердце, въ глубь святой Руси, куда нибудь на матушку Волгу, или даже на Москву рѣку. А здѣшняя полу-Россія не шевелитъ ретиваго. Это сѣренькое небо, это сѣренькое море какъ-то грустно смотритъ. Тутъ-же тотчасъ бросается въ глаза мундирная Россія, карантинная и таможенная стража, и вся наша официальность и формальность. Все это поддѣльная, а не коренная матушка Россія, по которой тоскую и которую надѣюсь найти въ незнакомомъ мнѣ Киевѣ, и въ родной Москвѣ, и въ задушевномъ Остафьевѣ. Обнимаю васъ отъ всего сердца. До свиданія,—дай Богъ, въ добрый часъ. Здѣшній гвардіонъ жалуется на Камила, что онъ его крѣпко обижалъ и увезъ у него двугривенный.

2.

Кіевъ, 2-го сентября 1850.

Вы вѣроятно удивитесь, мои милые, узнавъ, что мы еще не далѣе Кіева, а еще болѣе удивитесь, когда скажу вамъ, что и сюда дотащились мы только вчера ночью. Отъ самаго Николаева далась намъ знать матушка Россія, которая настоящая мачиха для проѣзжающихъ, вѣроятно потому, что любить, чтобы дѣти ея сидѣли дома, а не таскались по всѣмъ сторонамъ. Намъ дали въ Одессѣ почталіона, который долженъ былъ служить передовымъ, и этотъ передовой такъ отсталъ, что вотъ седьмой день, какъ мы не знаемъ, что сдѣлалось съ нимъ и съ нашимъ тарантасомъ. Въ тарантасѣ изломалось колесо; мы прождали его трое сутокъ въ Бѣлой Церкви и наконецъ просили почтмейстера послать провѣдать, что съ нимъ дѣлается. Нашли на станціи нашего передоваго пьянымъ, а до изломаннаго колеса никто еще не дотрогивался. Между тѣмъ я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы немножко прихворнуть, спасибо нашелся въ Бѣлой Церкви докторъ Браницкихъ, который скоро поставилъ меня на ноги. Впрочемъ, все дѣло было въ легкой простудѣ и въ раздраженіи нервовъ, обыкновенной дорожной болѣзни, когда Богъ приведетъ ѣздить по Россіи, которая прекрасна въ дѣломъ объемѣ, но въ частностяхъ своихъ никуда не годится. Люби, но не разбирай: вотъ нашъ девизъ. Отъ скуки и досады отправились мы въ Кіевъ безъ тарантаса и вотъ живемъ въ Кіевѣ другія сутки безъ тарантаса. То-ли дѣло на Востокѣ. Тамъ можно по дорогамъ шею себѣ сломить, или провалиться въ пропасть, но колеса уже никакъ не сломаешь, потому что турки въ эти тонкости не пускаются. А мы дурачье ѣздимъ на колесахъ и въ экипажахъ по землѣ, гдѣ нѣтъ дорогъ и нѣтъ лошадей на почтовыхъ дворахъ, а только развѣшаны по стѣнамъ инструкціи, да приказы разныхъ почтовыхъ начальствъ. Читай, удивляйся бдительности и предусмотрительности начальства, которое на бумагѣ все придумало, и сиди на мѣстѣ, или, если выѣдешь, засядь на первомъ пригорѣѣ, потому что лошади худо кормлены и не въ силахъ вывезти.

Сегодня обѣдаемъ у Бибикова¹¹). Я еще ничего не видалъ въ городѣ. Намъ приготовлены были комнаты въ заведеніи минеральныхъ

водъ. Не дурно. Жаль, что мы не указали вамъ писать намъ въ Кіевъ. Но кто же зналъ, что мы такъ долго замѣшкаемся. Впрочемъ, какъ-же бы не знать или предвидѣть? Говорятъ, что языкъ доведетъ и до Кіева. Такъ, но почтовые лошади хуже языка, онѣ съ большимъ трудомъ довозятъ до Кіева. Погода вдругъ измѣнилась: 21-го числа было въ Одессѣ еще жарко, а 22-го сдѣлалось холодно и холодъ продолжается. А что съ вами дѣлается, мои милые? Грустно быть безъ вѣсти объ васъ. Во всякомъ случаѣ пробудемъ здѣсь еще дня три или четыре. Нѣжно васъ всѣхъ обнимаю.

Примиска княгини Впры Федоровны.

и я также; n'avez aucune inquiétude pour mon mari; cela va Dieu merci très bien, mais il est horriblement impatient en route, et comme c'est au contraire le seul moment de la vie où je ne le soie pas du tout, j'espère que ce sera une compensation. Ce qui me contrarie seulement, c'est que nous serons longtemps sans avoir de vos nouvelles. Vu que d'ici nous allons par Тула à Жарки et puis par Kalouga à Ostafievo. De la il faudra que nous accusions Boulgakoff de notre arrivée, alors seulement nous pourrons avoir vos lettres. Nous n'avons plus de possibilité de rester à la campagne vu que la saison est si avancée, mais malgré cela je n'espère point que nous vous arrivions avant la mi-October, à moins que la chère Marie n'accouche avant, je ne veux pas renoncer à une position de M-me..... près d'elle. Nous vous embrassons tous et toutes.

Переводъ:

и я также; не беспокойтесь о моемъ мужѣ; слава Богу, все идетъ очень хорошо; только онъ ужасно нетерпѣливъ въ дорогѣ, а такъ какъ я, въ жизни своей, наоборотъ только въ пути совсѣмъ не нетерпѣлива, то я надѣюсь, что это будетъ равновѣсіемъ. Мнѣ только досадно, что мы будемъ долго безъ извѣстій о васъ, такъ какъ отсюда мы ѣдемъ черезъ Тулу въ Жарки и черезъ Калугу въ Остафьево. Оттуда надо будетъ сообщить Булгакову о нашемъ приѣздѣ, и только тогда можемъ получить ваши письма. У насъ нѣтъ болѣе возможности оставаться въ деревнѣ благодаря позднему времени года, но не смотря на это, я не надѣюсь приѣхать къ вамъ раньше половины октября,

развѣ что милая Мари*) родить раньше этого; я не хочу отказаться отъ роли Г-жи.... при ней. Цѣлуемъ васъ всѣхъ.

3.

Кіевъ, 9-го сент. 1850.

Кажется, сегодня отправляемся далѣе. Не смѣю сказать рѣшительно: ѣдемъ, потому что у насъ все что-то не клеится въ дорогѣ. Тарантасъ съ вещами отправили мы по конторѣ транспортовъ; одною заботою меньше. Женѣ лучше. Въ ногѣ боль очень уменьшилась.

Сейчасъ былъ у насъ Валеріанъ Канкринъ¹²⁾. Онъ сказалъ намъ, что недавно видѣлъ тебя у Дюссо. Это даетъ намъ надежду, что ты здоровъ. Обнимаемъ тебя и васъ всѣхъ нѣжно.

4.

Остафьево, 22-го сент. 1850.

Мы сейчасъ пріѣхали, то есть, въ десять часовъ утра; напли комнаты отопленными и надѣмся отдохнуть здѣсь нѣсколько дней, не трогаясь съ мѣста. Посылаю въ Москву справиться, нѣтъ ли письма отъ тебя. Въ Жаркахъ¹³⁾ имѣли мы довольно старое письмо отъ васъ и нетерпѣливо желаемъ знать, что съ вами дѣлается. Погода очень хороша. По утрамъ морозить, но зелени еще много. Продолжай писать на имя Булгакова. Мои письма съ дороги адресоваль я тебѣ въ Азіатскій департаментъ. Нѣжно васъ обнимаю.

Приписка княгини Впры Федоровны.

Au nom du ciel, Marie, engagez Paul à ne vous défendre de m'envoyer ni vieilles, ni véhémentes lettres etc.... elles sont toutes neuves, bonnes, charmantes. Des nouvelles, au nom du ciel, des nouvelles détaillées sur vous tous, que j'embrasse mille et mille fois.

Переводъ:

Ради всего святого, Мари, уговори Павла не запрещать тебѣ посылать мнѣ старыя и сердитыя письма и проч..., они всегда новыя, добрыя, прелестныя. Давайте извѣстія, во имя всего святого, давайте подробныя извѣстія о васъ всѣхъ, которыхъ цѣлую тысячу и тысячу разъ.

*) Княгиня Марія Аркадіевна Вяземская. *Н. В.*

5.

Москва, 28-го сент. 1850.

Я приѣхалъ въ городъ дня на два, а жена осталась въ Остафьевѣ. Все это время были мы въ деревнѣ не одни. Приѣзжали Булгаковъ, Мухановъ¹⁴⁾, Полтарацкій¹⁵⁾, Лодомирскіе*), Четвертинскіе, к. Феодоръ¹⁶⁾. Здѣсь я почти никого еще не видалъ, хотя отъ нечего дѣлать былъ вчера въ театрѣ, по грустно было и на сценѣ и въ публикѣ видѣть все новое и незнакомое поколѣніе мнѣ, московскому старожилу. На театрѣ видѣлъ я внучекъ—именно внучки бабушекъ, которыми и во время оно апплодировалъ. Встрѣтился я тамъ и познакомился съ Дмитріемъ Столыпинимъ¹⁷⁾, котораго прежде не зналъ или зналъ только съ виду. Погода здѣсь прелестная, красные и теплые дни, и много еще зелени на деревьяхъ, такъ что деревня очень еще пріятна. Изъ Константинополя давно не имѣемъ никакихъ извѣстій. Сдѣлай, Павлуша, доброе дѣло. Отыщи Дмитрія Александровича Давыдова¹⁸⁾, отца Ростислава. Онъ, говорятъ, умираетъ, т. е. отецъ, и едвали не одинъ въ Петербургѣ, безъ родныхъ и пріятелей. Можешь узнать о жительствѣ его въ домѣ Бобринскихъ, или к. Софіи Шаховской. Пускай Камилъ не безпокоится, я заплатилъ за него двугривенной, но все совѣтую впередъ быть осторожнѣе, а барышнѣ совѣтую не колоть сестрѣ глаза, ни тѣмъ, что она барышня, ни перьями. Всѣхъ вастнѣжно обнимаю.

6.

Москва, 11-го окт. 1850.

Мы выѣхали вчера изъ Остафьева съ солнцемъ, съ морозцемъ и съ снѣжкомъ, такъ что мнѣ очень жаль было оставить деревню, потому что я люблю первый снѣгъ, а не люблю только десятый, двадцатый и такъ далѣе снѣгъ, то есть, просто сказать, не люблю зимы.

Какъ-же вы не получали нашихъ двухъ писемъ изъ Кіева, въ которыхъ сказывалъ вамъ, что жена страдаетъ ревматизмомъ въ ногѣ?

*) Сестра княгини В. Ф. Вяземской, княжна Софія Феодоровна была замужемъ за Лодомирскимъ. Дѣти ихъ: княгиня Зинаида Васильевна Голицына, графиня Софья Васильевна Апраксина, Петръ Васильевичъ Лодомирскій. Имѣніе ихъ, въ которомъ они жили, село Братцово въ Московской губерніи. (Примѣчаніе графини Е. П. Шереметевой.)

Обѣдаю сегодня въ 3 часа у к. Андрея Петровича Оболенскаго¹⁹⁾. Вотъ это старая Москва. Вечеромъ въ театрѣ: танцуетъ Фанни Эльслеръ. Вотъ это новая Москва. Везу тебѣ старыя Остафьевскія медали, а Линде у меня въ Петербургѣ²⁰⁾. Нѣжно обнимаю васъ. Приѣхавшая ваша кормилица изображаетъ питомку свою въ самыхъ восхитительныхъ краскахъ.

7.

Москва, 19-го октября 1850.

Жена сердится, ругается, только, что не бѣгетъ меня, торопитъ ѣхать. Я и самъ желалъ бы ѣхать, но что-же дѣлать? Мнѣ даютъ обѣдъ здѣшніе литераторы и пріятели. По разнымъ обстоятельствамъ этотъ обѣдъ все откладывали. Теперь рѣшено, что обѣдаемъ въ субботу. Сейчасъ была у меня депутація: Шевыревъ, Павловъ и Новосильцовъ (управляющій губерніею!—прошу не шутить этимъ обѣдомъ) и пригласили меня. Будутъ на обѣдѣ и дамы, то есть сестры жены, а жена не ѣдетъ, и дамы литераторши, то есть, кажется, одна Павлова, потому что Ростопчина больна²¹⁾. Такимъ образомъ отправляемся въ Петербургъ во *вторникъ*, если Богъ дастъ. А какъ ѣдемъ? Богъ вѣсть! Здѣсь настоящая зима, и на колесахъ ли ѣхать, или на саняхъ, дѣло неизвѣстное. Съ нынѣшняго дня зима, кажется, начинается сходить. Николай Мухановъ²²⁾ сидитъ теперь у меня и тебѣ кланяется. У жены теперь гости, ногъ ея лучше. Но она никуда не выѣзжаетъ. Обнимаю васъ, мои милые.

Притиска княгини Впры Федоровны.

Je vous embrasse tendrement, chers amis; j'espère faire partir votre nourrice aujourd'hui. Отъ ранней зимы прекратились сношенія съ Одессой, les diligences n'y vont plus, nous avons trouvé un извозчикъ, qui se charge de l'y mener.—J'ai vu M-r Dmitry Stolipine qui est resté cinq minutes chez moi, il retourne à Pétersbourg dans trois semaines,—et nous je n'ose plus dire quand, vu cette abominable neige.

Переводъ.

Нѣжно цѣлую васъ, милые друзья; я надѣюсь сегодня отправить вашу кормилицу. Отъ ранней зимы прекратились сношенія съ

Одессой, diligansы туда болѣе не ходятъ; мы пашли извощика, который беретса ее туда доставить. Я видѣла г-на Дмитрія Столыпина, который пробылъ у меня пять минутъ; опъ вернетса въ Петербургъ черезъ три недѣли, а мы, я даже не смѣю сказать, когда, благодаря этому несносному снѣгу.

IV.

ПИСЬМО А. А. БЕСТУЖЕВА.

23-го мая 1823 года.

Простите меня, любезнѣйшій Князь изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ князей, что давно не писалъ къ вамъ; тому причиной было публичное засѣданіе Общества²³). Я поджидалъ окончанія, чтобы рапортовать вамъ объ успѣхѣ; теперь начинаю хотя и не отъ яиць Леды, хотя и не отъ яиць прошедшей Святой недѣли, но почти съ того же—съ предъуготовительныхъ собраній, которыя были весьма бурны.

Надо вамъ сказать, Князь, что у насъ въ Обществѣ, Богъ вѣсть отъ чего, завелись партіи. Гнѣдичь, котораго смѣнили съ вице-президенства, есть посеребренная пружина первой. Онъ посредствомъ Дельвига и Плетнева какъ сквозь рѣшето просѣваетъ слухи, которые отравляются, пройдя змѣнный ротъ Воейкова. Слѣдствіемъ оныхъ было неудовольствіе Ѡ. Глинки на Греча и на Общество, которые, какъ онъ думаетъ, желаютъ его затмѣнія. Другая партія есть партія положительнаго безвкусія; у ней голова князь Цертелевъ²⁴), а хвостъ (тѣла нѣтъ) Борисъ Ѡедоровъ²⁵) и еще два или три поползня. Есть и цензурные, или лучше сказать, полицейскіе партизаны, именно Вороновъ; прочіе суть благомыслящіе гласные, полугласные и безъ словъ. Число послѣднихъ статистовъ, какъ водится, есть наибольшее.

Сперва споры были назначить или неназначить публичнаго чтенія. Тому иные противились, потому что сами ничего не сдѣлали: другіе сомнѣвались, сдѣлаютъ ли что-нибудь путное остальные; но какъ всякій изъ званыхъ хотѣлъ попасть въ избранные, большинство рѣшило: назначить. Попель переборъ пьесъ. Я предложилъ между прочими и вапъ отрывокъ изъ біографіи почтеннаго нашего поэта И. И. Дмитріева, но какъ рукопись была въ цензурѣ, онъ до

последняго засѣданія не былъ читанъ. Въ послѣднее я предложилъ Обществу исключить изъ числа назначенныхъ для чтенія пьесъ разборъ одъ Державина Цертелевымъ, чистой вздоръ, гдѣ кромѣ: *прекрасно, неподражаемо, божественно*, забавнаго было одно имя сочинителя. Но чтобъ не показать пристрастїя, и свой *2-й Вечеръ на Бивуакахъ*. Цертелевъ возрился (sic), шумѣлъ, защищалъ красоту своей пьесы, возсталъ противъ неформы суда, однакожь шары покатались, и онъ слетѣлъ кубаремъ. Въ слѣдъ за этимъ Гречъ читалъ вашъ отрывокъ—Цертелевъ воскликнулъ противъ неформы, говоря, что теперь уже поздно назначеніе, но я доказывалъ неправду, Гречъ настоялъ въ исполненїи, а пьеса избрана была 19-ю противъ 4-хъ. Собраніе исполнилось 22-го маія (т. е. вчера) въ залѣ Державиной²⁶). Народу было много, мелькали и звѣзды и перья и султаны,—чтеніе началось въ 7^{1/2} часовъ. Гречъ изложилъ во введенїи занятїя и цѣль Общества и кончилъ благодарностію Общества Предсѣдателю, который по болѣзни не могъ теперь присутствовать. (Вообразите, Князь, что предложеніе благодарности *Θ*. Глинкѣ нашло противниковъ въ Обществѣ. Но лѣвая (т. е. правая) сторона восторжествовала, онъ теперь не былъ изъ каприза; но со всѣмъ тѣмъ Общество обязано ему благодарностію за труды и согласіе, а за рѣдкой его нравъ—уваженіемъ. Гнѣдичъ съ причтомъ не былъ тоже).

Булгарина статья была очень занимательна, однакожь у насъ еще не умѣютъ цѣнить историческихъ занятїй²⁷). Туманскому²⁸) аплодировали, и стоитъ; были звонкіе стихи и новыя картины. Корниловичъ²⁹) всѣмъ понравился, его читалъ мой братъ³⁰) очень внятно. Рылѣева *Смыслный* полонъ благородныхъ чувствъ и рѣзкихъ возвышенныхъ мыслей—принять съ душевнымъ ободреніемъ³¹). Никитинъ читалъ вашу статью—она всѣмъ полюбилась, и потому что просто высказано, и потому что любятъ героя оной³²). Рукоплескали. Я прочелъ Пушкина маленькую піеску: *Прощаніе съ жизнью*. Пушкинъ вездѣ Пушкинъ. Лобанова переводъ изъ *Θедры*—хорошъ³³). Борисъ *Θедоровъ*—гадокъ, словесной воръ и отецъ преотвратительной—не знаю, какъ и когда прошла сквозь оппозицію его пьеса. Въ заключенїи Измайловъ смѣшилъ болѣе своею тушею, чѣмъ стихами³⁴). Но вообще публика была довольна очень, и все прошло прекрасно. Просятъ поскорѣе еще.

Вотъ, любезный Князь, вѣсти объ засѣданіи; теперь пойдутъ кумовства и вѣсточьи. Просьба или, лучше сказать, жалоба ваша лежитъ у министра, *чающа движенія воды*. Но ни одинъ ангелъ не сходитъ возмутить ее. Даже А. И. Тургеневъ ничего не дѣлаеть; а цензура дѣлаеть свое³⁵). Замѣчанія ея на піесу Олина классической глупости и варварскаго деспотизма³⁶).—Критика ваша на Булгарина прекрасна и здѣсь ходитъ по рукамъ прежде растлѣнія, хотя я и не со всѣмъ согласенъ, но силою доказательствъ и слогомъ вашимъ доволенъ, какъ нельзя больше, и больше гораздо прежняго. Она пропущена, разумѣется, съ нѣкоторыми пропусками³⁷). Ваше посланіе³⁸) зацѣпилъ князь Цертелевъ, человекъ, какъ видно изъ его твореній, ничтожный, съ лубочнымъ вкусомъ, а какъ замѣтно изъ его поступковъ и мнѣній—способный на всякое низкое дѣло. Онъ малороссіянинъ. Измайловъ, какъ видно, хотѣлъ иронизировать цензуру, да самъ, обрѣзанный ею, напечаталъ ей акаѣистъ; простите ему это забавное прегрѣшеніе—онъ предоброй человекъ.—Впрочемъ, кромѣ приказовъ Уварова³⁹), здѣсь нѣтъ никакихъ литературныхъ новостей. Я стыжусь говорить о себѣ, ничего не дѣлая, ни о чемъ не заботясь. Генерала своего я уже оставилъ дней 12-ть. Ищу другога мѣста, потому что вступать во фронтъ не охотникъ, да и кому охота жить съ конями и съ лошадиными офицерами! Эта нерѣшительность вредитъ мнѣ, и я веду каждой день до вечера.

Благодаря васъ, князь Петръ Андреевичъ, за письмо ваше, прошу удостоить повтореніями; каждое изъ нихъ мнѣ подарокъ. Пишите ко мнѣ, пишите для публики, для Полярной Звѣзды. Она уже формируется⁴⁰). Будьте счастливы, князь, этого желаетъ истинно привязанный къ вамъ Александръ Бестужевъ.

Р. С. Еще отвѣтецъ: Защитникъ мой, ломавшій за меня съ Жандромъ указки, былъ Яковъ Толстой. Прекрасной малой—но, какъ видите, плохой критикъ. Я съ нимъ мало знакомъ⁴¹).—Комедію: *Гобмейстеръ*, поищу, хотя весьма сомнѣваюсь успѣть въ поискахъ. Объ ней, что называется, и слухъ простылъ, не только слѣдъ⁴²).

ПУШКИНЪ.

Пушкинъ.

Предисловіе. „Изъ написаннаго Пушкинымъ, много затеряно, многое до сихъ поръ находится подъ спудомъ, благодаря безчеловѣчности и распущенности лицъ, владѣющихъ автографами покойнаго поэта.“

(Стр. VI).

Нѣкоторыя лица, владѣющія важными матеріалами, завистливо хранятъ ихъ въ своемъ портфелѣ, и, не дѣлая изъ нихъ сами никакого полезнаго употребленія, упорно отказываются подѣлиться ими съ кѣмъ бы то ни было... Подобный образъ дѣйствій... напоминаетъ извѣстную басню Эзопа: Собака на сѣнѣ.

(Стр. VI—VII).

„Анненковымъ положительно доказано, что стихотворенія: „Цѣль нашей жизни“, „Гараль и Гальвина“, „Непомнишь ли ты, ваше благородье“...—также не принадлежатъ Пушкину.“

(Стр. X).

Для чего тебѣ, о Вигель.

(Стр. XI).

Князь Вяземскій.

Не думаю.

И это не вѣрно; не думаю, чтобы осталось что въ портфеляхъ.

Рѣшительно Пушкина. Онъ мнѣ ихъ читалъ. Это подражаніе пѣсни: *T'en souviens tu etc.* Беранже, котораго Пушкинъ не любилъ.

Кажется Пушкина.

Къ Олениной, которой Митрополитъ прислалъ плодовъ изъ своего сада. Кажется не Олениной, а Огаревой Елисаветѣ Сергѣевнѣ, которую Пушкинъ могъ встрѣчать у Карамзинныхъ.

(Стр. 5).

Отъ всенощной, вечеръ, идя домой... Едва ли Пушкина, окромѣ двухъ послѣднихъ стиховъ все прочее довольно вяло.

(Стр. 6).

Вольность.

Хочу воспѣть я вольность міру...
(Стр. 13).

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго Галла, (ibid.).

Ты ужасъ неба, срамъ природы.

(Стр. 15).

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сіяетъ и пр.

(Стр. 16).

Кажется лучше было бы сказать:

Хочу воспѣть свободу міру.

Позднѣ Пушкинъ не писалъ бы этихъ двухъ Херасковскихъ стиховъ.

Пустыя слова.

Едва ли не лучшая строфа. Тутъ Пушкинъ былъ дома, живописецъ слова... За исключеніемъ нѣкоторыхъ сильныхъ и счастливыхъ стиховъ остальное довольно слабо.

Кинжалъ.

О, Зандъ! твой вѣкъ угасъ на плахѣ.
Но добродѣтели святой
Остался блескъ въ казенномъ прахѣ:
Въ твоей Германіи ты грозной тѣнью
сталъ,

И на торжественной могилѣ,
Грози бѣдой престушной силѣ,
Горить безъ надписи кинжалъ.

(Стр. 18—20).

Глупое преступленіе Занда не стоило такихъ восторженныхъ стиховъ. Если нашелся бы убійца на Булгарина, сталъ ли бы Пушкинъ воспѣвать и его?

Сказали разъ царю...

(Стр. 21).

Рѣчь идетъ о графѣ (князѣ)
Воронцовѣ.

Десятая Заповѣдь.

(Стр. 27—28).

Послѣдніе 4 стиха какъ-то не клеятся къ предыдущимъ.

Иной имѣлъ мою Аглаю.

На Давыдова жену, Александра
(Стр. 29). Львовича, впоследствии вышедшую
замужъ за Себастьяни.

Къ Северину.
Твой дѣдъ портной и пр.

Не смотря на эти стихи, о ко-
(Стр. 49). торыхъ Сѣверинъ вѣроятно зналъ,
онъ прислалъ мнѣ 100 р. серебр.
изъ Мюнхена на памятникъ Пуш-
кина, какъ только была обнародо-
вана подписка. „Хотя Пушкинъ
меня и не жаловалъ“, писалъ онъ
(или что-то подобное), „посылаю
тебѣ“ и проч. А что дѣлается съ па-
мятникомъ и съ собранными день-
гами? Все кануло въ воду.

Конецъ стихотворенія Вишня.

Не могъ въ 1815 году Пуш-
(Стр. 71). кинъ написать такіе безобразные
стихи—развѣ гораздо ранѣе:

Пастухъ то зрѣть могъ,
и многіе другіе стихи черезъ чуръ
плохи. И во всякомъ случаѣ охота
печатать такую дрянь. Это худая
услуга и литературѣ и памяти
Поэта.

Второе посланіе къ Ари-
старху.
Сей старецъ дорогъ намъ и пр.
(Стр. 79).

Хорошо было Министерство
Просвѣщенія и въ рукахъ Шиш-
кова, нечего сказать.

Пестелю.
Снесемъ или нѣтъ главу свою...
(Стр. 89).

Должно быть отрывокъ чего-то,
или экспромптъ, сказанный за обѣ-
домъ, или ужиномъ.

На воцареніе Александра I.
Сказалъ деспотъ... и пр.
(Стр. 91).

Пушкинъ едва родился во время
воцаренія.

Николаю I.
Великій государь *и пр.*

(Стр. 93).

Не думаю, чтобы стихи были
Пушкина.

Къ портрету Аракчеева.
Холопъ вѣнчаннаго солдата!
Ты стоишь лавровъ Герострата,
Иль смерти вѣмца Коцебу;
А впрочемъ— !

(Стр. 97).

Вовсе не на Аракчеева, а на
Стурдзу, написавшаго современно
смерти Коцебу политическую за-
писку о Нѣмецкихъ Университе-
тахъ. Второй стихъ пропущенъ:

Благослови свою судьбу.

Послѣдній послѣ прибавленъ, а
можетъ быть и не Пушкинымъ.
Когда эти стихи ходили по рукамъ,
пятого стиха не было.

Надпись къ Исакиевской
церкви.
Сей храмъ трехъ царствъ изобра-
женъ:
Грабить, кирпичъ и разрушенъе.

(Стр. 96).

Стихи написаны гораздо ранѣе
Пушкина. Первые написанные
при Павлѣ:

Се памятникъ двухъ царствъ:

Обѣимъ имъ приличный,

Низъ мраморный, а верхъ кир-
ничный.

Князю А. Н. Голицыну.

III.

Онъ добрый малый, братъ сестри-
цамъ
Онъ не былъ золъ ни для кого;
Скажите правду, князь Голицынъ,
Ужъ не повѣситъ ли его?

(Стр. 98—99).

Не говорится ли здѣсь о Васи-
линъ Львовичѣ Пушкинѣ? Впрочемъ
не очень понимаю значенія и соли
этихъ стиховъ.

Про себя.

Великимъ быть желаю *и пр.*

(Стр. 102).

Едва ли Пушкина, во всякомъ
случаѣ стихи довольно пошлые.

Автору Исторіи Государства Россійскаго.

I.

Въ его Исторіи изящность, простота и пр. Я убѣжденъ, что стихи не Пушкина.

II.

На плаху истину влача и пр.
(Стр. 103).

Сошлись школьники и вскорѣ И эти стихи не должны быть
Одинъ изъ нихъ кой-какъ рецензію Пушкина. Онъ не высоко цѣнилъ
скропаль, дарованіе и комедію Грибоѣдова.
Въ которой ясно доказалъ,
Что горе отъ ума—не рецензента
горе.
(Стр. 104).

Жуковскому.

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею и пр. Не Пушкина, а Александра Бестужева, что подтверждается братомъ его въ Русской Старинѣ
(Стр. 105). Семевскаго.

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный. Врядъ ли Пушкина, развѣ Соболевскаго съ содѣйствіемъ Пушкина.
(Стр. 109).

А. Н. Муравьеву, послѣ представленія трагедіи его Битва при Тиверьядѣ. Не думаю, чтобы эта грубая эпиграмма принадлежала Пушкину.

Не всѣхъ бѣснующихъ людей и пр.
(Стр. 111).

Нѣтъ подлѣе до Алтая, и пр. И это скорѣе Соболевскаго.
(Стр. 113).

Эпиграммы на Булгарина.

II.

Булгаринъ — вотъ полякъ примѣр-
 ный, и *пр.* Эта эпиграмма не Пушкина, а
 (Стр. 114—115). моя.

III.

Лелѣешь ты свои красы, и *пр.* Нѣтъ повода полагать, что эпи-
 (Стр. 115). грамма написана на Булгарина.
 Льву Сергѣевичу Пушкину. Тоже не должно быть Пушкина.
 Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ и *пр.* Про брата не сказалъ бы онъ:
 (Стр. 120). Нашъ пріятель. . . .

Княжнѣ С. А. Урусовой (впо-
 слѣдствіи княгиня Радзивиль). Не полагаю, чтобы эти стихи
 (Стр. 125). принадлежали Пушкину. Мадри-
 галь довольно пошлый и приторный.
 Во всякомъ случаѣ не написанъ онъ
 княжнѣ Урусовой. Пушкинъ былъ
 влюбленъ въ сестру ея графиню
 Пушкину.

Библиографическая статья
 о сочиненіяхъ Пушкина.

„О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ,“ Товарищъ Пушкина по Лицею
 относится къ М. Л. Яковлеву. Яковлевъ былъ сенаторомъ въ Пе-
 (Стр. 136). тербургѣ.

Къ М. Ѳ. Орлову. Къ Алексѣю Ѳедоровичу.
 (Стр. 143).

Къ Ѳ. Ф. Юрьеву. Что это значить?
 Гдѣ съ громкимъ смѣхомъ *сладо-*
страстья. . . .
 (Стр. 147).

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда...
 Когда на хижинѣ сходила ночи тѣнь,
 И дѣва юная во мглѣ тебя искала,
 И именемъ своимъ подругамъ назы-
 вала.

Они были исключены Пушкинымъ *по особымъ причинамъ*, которыхъ теперь не существуетъ, и потому ихъ нечего относить въ примѣчанія, какъ это сдѣлали гг. Аппенговъ и Геннади. (Стр. 147).

Адели.

По словамъ г. Плетнева, стихотвореніе это написано къ дочери А. Л. Давыдова *декабриста*. . . . (Стр. 150).

Помѣтка Пушкина: „Услышалъ о смерти Рылѣева, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева 24-го іюля.“ (Стр. 155).

Аріонъ.

Это стихотвореніе имѣетъ отношеніе къ людямъ, замѣшаннымъ въ дѣлѣ 14-го декабря. Поэтъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые уцѣлѣли отъ тогдашней невзгоды. (Стр. 161).

Въ Альбомѣ.

Написано фрейлинѣ А. О. Россети, выданной, в послѣдствіи, в. к. Михаиломъ Павловичемъ замужъ за Смирнова, нынѣ сенатора. (Стр. 162).

Когда великое совершалось торжество.

Стихи написаны по тому случаю, что на выставкѣ около картины Брюлова, изображающей распятіе, были поставлены часовые, для предупрежденія тѣсноты отъ толпы. (Стр. 163).

И это что значить, не понимаю.

Совѣтъ не декабриста. Декабристомъ былъ братъ его Василій Львовичъ.

Пушкинъ вѣроятно записать бы о казни, а не просто о смерти.

Какъ же не уцѣлѣть, когда онъ не принадлежалъ къ заговору. Напротивъ Императоръ вызвалъ Пушкина изъ ссылки.

Вздоръ. Россети была фрейлиною Императрицы. По своей волѣ вышла замужъ за Смирнова, и Великій Князь тутъ ни причемъ.

Вѣроятно написаны потому, что въ Страстную Пятницу въ Казанскомъ Соборѣ стоятъ солдаты на часахъ у плащаницы.

Мѣдный Всадникъ.
Россію вздернулъ на дыбы!
(Стр. 166).

Мое выраженіе, сказанное Мицкевичу и Пушкину, когда мы проходили мимо памятника. Я сказалъ, что этотъ памятникъ символическій. Петръ скорѣе поднялъ Россію на дыбы, чѣмъ погналъ ее впередъ.

Евгеній Онѣгинъ.
Отрывокъ (слѣдуетъ къ XVII строфѣ 3-й главы).

Но ты губернія Псковская,
Теплица юныхъ дней моихъ,
.
Но, уважая русскій духъ,
Простилъ бы имъ
. и жеманство,
Но какъ простить имъ модный
бредъ

17-я строфа 3-й главы, начало разговора Татьяны съ нянею. Къ чему-же тутъ Псковская губернія?

Если простить имъ жеманство, то можно простить и модный бредъ и этикетъ, что почти одно и то же.

И неуклюжій этикетъ.
(Стр. 174—175).

Исторія Пугачевского бунта.
„Исторія Пугачевского бунта“ напечатана почти безъ измѣненій и этимъ она обязана цензурѣ Императора Николая Павловича. . . .
Одна изъ главъ вложена была въ листъ бумаги, на которомъ были написаны имена, пріѣзжавшихъ къ Пушкину съ визитомъ: „Креницыны Петръ и Александръ.“
Какъ бы негодуя на подобное небреженіе при представленіи рукописи, Государь подчеркнулъ ихъ и подписалъ: „Что такое?“

(Стр. 178).

„Князь Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой

Просто любопытство. Никакого негодованія тутъ незамѣтно.

человѣкъ и красавецъ. Императрица замѣтила его въ Москвѣ на придворномъ балѣ (въ 1775 г.) и сказала о немъ: „Какъ онъ хорошъ! настоящая куколка!“ Это слово было гибелью для Голицына. Шепелевъ вызвалъ Голицына на поединокъ и закололъ, сказываютъ, измѣннически. Молва обвинила Потемкина.“

(Стр. 182—183).

„Процесса Пугачева, къ сожалѣнію, я (Пушкинъ) не читалъ, не смѣвъ распечатать безъ Высочайшаго на то соизволенія“.

(Стр. 183).

Приложенія къ сочиненіямъ Пушкина.

(Стр. 185—212).

Записки Пушкина.

„Голосъ обольщеннаго Вольтера не избавить ея (Екатерины) славной памяти отъ проклятія Россіи“.

(Стр. 189).

„Княжнинъ умеръ подъ розгами и Фопвизинъ, котораго она (Екатерина) боялась, не избѣжалъ бы той же участи, если бы не чрезвычайная его извѣстность“.

(Стр. 190).

„Фарса нашихъ депутатовъ, столь непристойно разыгранная, имѣла въ Европѣ свое дѣйствіе... Простительно было Фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа въ юбкѣ и коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ

Почему-же Потемкинъ терпѣлъ другихъ любимцевъ?

Какъ-же Пушкинъ не испросилъ его?

Кстати скажешь здѣсь нынѣшнимъ языкомъ: что за экзажерація.

Трагедія Вадимъ напечатана была, кажется, по смерти Княжнина, и Княжнинъ при жизни своей пользовался извѣстностію не менѣе Ф. Визина. Все это сказано Пушкинымъ не справедливо.

знать истины; но подлость русских писателей для меня не понятна“.

(Стр. 191).

Этотъ отрывокъ написанъ Пушкинымъ въ Кипиневѣ въ 1821 году и сохранился въ сборникѣ Н. С. Алексѣева.

(Стр. 191).

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, товарищъ Пушкина по Лицею, былъ приговоренъ, за 14 декабря, къ каторжной работѣ. 14 декабря 1835 года онъ изъ Свеаборгской крѣпости отправленъ въ Сибирь.

(Стр. 192—193).

„Царю не должно сблизаться лично съ народомъ. Чернь перестаетъ скоро бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ государемъ“.

(Стр. 195).

„17. 6-го октября 1834 г. Дмитріевъ предлагалъ Императору А. Муравьева въ сенаторы. Царь отказался начисто и, помолчавъ, объяснилъ на то причину. Онъ былъ въ заговорѣ Палена и Паленъ заставилъ Муравьева писать конституцію—и между тѣмъ произошло дѣло 11 марта.“

(Стр. 200).

Не понятна также и запальчивость Пушкина.

Это объясняетъ запальчивость Пушкина. Хоть онъ и не принадлежалъ къ заговору, который пріатели таили отъ него, но онъ жилъ и раскалялся въ этой жгучей и вулканической атмосферѣ. Всѣ мы болѣе или менѣе дышали и волновались этимъ воздухомъ.

За что спустя десять лѣтъ былъ онъ сосланъ въ Сибирь? Облегченіе ли это или усиленіе наказанія?

?

Не Панина ли? Паленъ, думаю, не помышлялъ о конституціи. А графъ Никита Петровичъ, сколько мнѣ извѣстно, всегда дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ и духѣ.

Путешествіе въ Арзрумъ.

„Я передалъ Ермолову слово графа Толстого, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ Персидскую компанію, что умному человѣку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него.

(Стр. 206).

„Онъ (Паскевичъ или Ермоловъ?) недоволенъ Исторіей Карамзина: онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества въ славѣ и могуществу“.

(Стр. 206).

Журнальныя статьи.

Мысли въ дорогѣ.

(Стр. 207—211).

Стихотворенія, напечатанныя въ журналахъ, но не вошедшія въ послѣднее изданіе Сочиненій Пушкина.

(Стр. 213—221).

На выздоровленіе Лукулла.

„Подражаніе латинскому“; но это несправедливо. Подобно „знаменитому посланію Рылѣва: „Къ Временщику,“ выданному имъ за подражаніе Персію, оно только прикрито этою надписью отъ подозрительности цензуры.“

(Стр. 214).

„Стихи написаны на выздоровленіе графа Шереметева. Онъ былъ тогда бездѣтенъ,—и все его со-

Что то не понятно.

Карамзинъ не дописалъ Исторіи. Гдѣ же ему было взять славу и могущество, когда ихъ еще не было?

Выписки изъ знаменитаго путешествія Радищева.

?

стояніе должно было перейти къ
С. С. Уварову (еще не графу и
не богачу).

(Стр. 214).

„Эта стихотворная шутка была,
какъ говорятъ, источникомъ всѣхъ
огорченій Пушкина и, наконецъ,
причиной его смерти.

(Стр. 215).

Нѣтъ, онъ былъ уже богатъ.

Никакого основанія нѣтъ этой
догадкѣ.

Воспитанница Музъ, пре-
лестна Катерина!

На смерть Кутузова.

(Стр. 220—221).

Дѣйствительно оба стихотворе-
нія написаны Алексѣемъ Михай-
ловичемъ Пушкинымъ. Первое къ
Екатеринѣ Петровнѣ Луниной, сла-
вящейся своимъ пѣніемъ—впослѣд-
ствіи графиня Риччи.

ОПАСНЫЙ СОСѢДЪ

Василія Львовича Пушкина.

ИЗДАНИЕ.

Въ трактирахъ съ плясунами.
(Стр. 5).

Дивились двоицѣ, на бѣгъ ея визи-
рая.

Позволь, Варяго-Россъ, угрюмый
нашъ пѣвецъ,

Славянофиловъ кумъ, взять слово
въ образецъ.
(Стр. 7).

Херы съ повоями сдѣшлялись по-
стѣнамъ.
(Стр. 8).

Свѣтъ въ черепахѣ погасъ, и близокъ
былъ сундукъ. . .
(Стр. 13).

Благопристойности ничто не нару-
шало.
(Стр. 16).

Князь Вяземскій.

„Въ подлинникѣ: съ ямщиками.“

„Князь Шихматовъ въ стихотворе-
ніи на имя Шишкова употребилъ
выраженіе двонца коней вмѣсто
пара. Каченовскій въ своемъ Вѣст-
никѣ Европы сказалъ, что хорошо,
что поэтъ пріѣхалъ не на тройкѣ.“

„Забавно, что этотъ стихъ Жуков-
скаго.“

„Батюшковъ восхищенъ стыдливо-
стію и деликатностью этого стиха.“

„Этотъ стихъ въ этомъ мѣстѣ пре-
лестъ.“

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Баронъ Левъ Павловичъ Левенштернъ съ 1820 по 1828 годъ былъ вице-губернаторомъ въ Ревелѣ. Родственникъ его, баронъ Владиміръ Ивановичъ Левенштернъ (р. 1777 † 1858) въ русской литературѣ извѣстенъ своими Записками, недавно напечатанными въ Русской Старинѣ (1900—1902). Въ особенно дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ находились: графъ Нессельроде, князь Чернышовъ, графъ Воронцовъ и др.

2) Дѣломъ 1824 года П. М. Строевъ сдѣлалъ Карамзину предложеніе составить Алфавитный Указатель или Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго. Исторіографъ согласился на это предложеніе и при этомъ онъ прежде всего попросилъ о слѣдующемъ: „Пожалуйте, замѣчайте ошибки; вамъ онѣ будутъ виднѣе, нежели мнѣ.“ Все время, остававшееся свободнымъ отъ другихъ занятій, Строевъ посвящалъ этому по истинѣ египетскому труду. „Помню,“ писалъ ко мнѣ, въ 1870 году, покойный М. А. Максимовичъ, „когда бывало ни зайдешь къ П. М. Строеву, жившему въ домѣ Селивановскаго на Дмитровкѣ, вѣчно застаешь его надъ Ключемъ къ Исторіи Карамзина“. (Жизнь и Труды П. М. Строева. Спб. 1878, стр. 95).

3) Габбе—варшавскій знакомый князя П. А. Вяземскаго. Онъ служилъ въ Гвардейскомъ Литовскомъ полку и занимался литературою. Въ 1822 году онъ написалъ Похвальное Слово г-жѣ Сталь, на которое князь Вяземскій написалъ рецензію (Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1878. I, 79—83). Уже по смерти Карамзина, 4-го іюля 1826 года, Габбе писалъ П. М. Строеву: „Не имѣя чести быть лично съ вами знакомымъ, но умѣя, со всѣми любителями русской исторіи, цѣнить общепользные труды ваши и глубокія свѣдѣнія, я чувствую себя въ правѣ обратиться къ вамъ съ просьбою прямо, безъ

посредниковъ. Года четыре тому назадъ принялся я за работу, совершенно механическую, за составленіе алфавитной росписи предметовъ къ Исторіи Государства Россійскаго; я не торопился работою, которая меня утомляла, но въ концѣ прошедшаго (1825) года узналъ я, что и вы занимаетесь симъ дѣломъ. Состязаться съ вами было бы съ моей стороны вовсе неблагоуразумно; но потерять трудъ, которымъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ испытывалъ я мое терпѣніе, было бы весьма не утѣшительно. Нѣтъ ли возможности присоединить мое стараніе къ вашему искусству? Но это соединеніе, само собою разумѣется, оказалось невозможнымъ, въ чемъ убѣдился и самъ Габбе, послѣ прочтенія „пріятныхъ строкъ“, которыми Строевъ убѣдилъ своего конкуррента, что „трудъ его былъ напрасенъ“. (Жизнь и Труды П. М. Строева. Спб. 1878, стр. 96).

4) 18-го февраля 1825 года Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „Будучи и моложе, я не хотѣлъ сражаться съ нашими литературными забіяками. Ты говоришь о нападкахъ Булгарина; это передовое легкое войско, а главное еще готовится къ дѣлу, какъ мнѣ сказывали: Магницкій etc. etc. вступаются за Іоанна“. Въ другомъ письмѣ Карамзина (отъ 9-го іюля 1825) читаемъ: „Мнѣ сказывали, что Министръ Просвѣщенія написалъ грозное письмо къ Магницкому за всѣ его доносы неосновательные.“ (Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Спб. 1866, стр. 391, 399); а 31-го января 1826 года самъ Магницкій писалъ графу А. А. Аракчееву: „Я въ самомъ несчастномъ положеніи. Со мною сдѣланы вещи неслыханныя. Едва скончался Государь, я схваченъ какъ преступникъ, вывезенъ въ климатъ, для меня убійственный“.

Магницкій былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа и жилъ въ Петербургѣ. Императоръ Николай I приказалъ ему немедленно отправиться въ Казань. (Русская Старина 1901, мартъ, стр. 680).

5) Князь Андрей Петровичъ Оболенскій, р. 1-го августа 1769 г., † 19-го февраля 1862 г. По матери своей, княжнѣ Вяземской, сестрѣ князя Ивана Андреевича, князь Оболенскій состоялъ въ родствѣ съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ. Онъ былъ главою семейства Оболенскихъ, которое по выраженію Князя, „составляло особый, такъ сказать, міръ Оболенскихъ. Даже въ тогдашней патріархальной Москвѣ отличалось оно отъ другихъ какимъ-то благодушнымъ, свѣтлымъ и рѣзкимъ отпечаткомъ.“

6) Одна изъ сестеръ супруги князя П. А. Вяземскаго, княгини Вѣры Ѳедоровны (рожденной княжны Гагариной), княжна Надежда Ѳедоровна, была замужемъ за княземъ Борисомъ Антоновичемъ Святополкъ-Четвертинскимъ, роднымъ братомъ извѣстной Маріи Антоновны, въ замужествѣ Нарышкиной. У князя Бориса Антоновича и княгини Надежды Ѳедоровны были два сына: Борисъ, женатый на Ольгѣ Николаевнѣ Гурьевой, а другой сынъ умеръ холостой, и шесть дочерей: кн. Надежда Бо-

рисовна Трубецкая, кн. Прасковья Борисовна Щербатова, кн. Наталья Борисовна Шаховская, барон. Елисавета Борисовна, Марія Борисовна и Вѣра Борисовна. Послѣднія двѣ замужъ не выходили. Княжна Вѣра Борисовна постриглась въ монашество и основала въ родовомъ своемъ имѣннѣ Филимонкахъ (Московской губерніи Подольскаго уѣзда, близъ Остафьева) монастырь, въ которомъ похоронены всѣ Четвертинскіе. (Примѣчаніе графини Екатерины Павловны Шереметевой).

7) Александръ Васильевичъ Трубецкой, братъ княгини Марьи Васильевны Воронцовой.

8) Камеръ-юнкеръ князь Давидъ Ѳедоровичъ Голицынъ служилъ секретаремъ нашего посольства въ Константинополь и былъ женатъ на Вѣрѣ Аркадіевнѣ Столыпиной.

9) „Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, пишетъ князь Вяземскій, хотя собственно и не принадлежалъ ни къ Арзамасу, ни литературной дѣятельности нашей, былъ не менѣе того общимъ нашимъ пріителемъ, т. е. Жуковскому, Тургеневу, Дашкову, мнѣ и другимъ. Онъ былъ, такъ сказать, членомъ корреспондентомъ нашего кружка.“

10) Въ то время представителемъ Англіи въ Константинополь былъ лордъ Стратфордъ Каннингъ. При свиданіи съ княземъ Вяземскимъ онъ сказалъ ему: „entre autres choses qu'il n'y avait que deux honnêtes hommes en Europe,—les Russes et les Anglais.“ (Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1884. IX, 237).

11) Дмитрій Гавриловичъ Бибииковъ, впоследствии Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, въ то время Кіевскій Генераль-Губернаторъ.

12) Графъ Валеріанъ Егоровичъ Канкринъ, сынъ Министра Финансовъ.

13) Жарки—Калужское имѣніе княгини Елизаветы Петровны Голицыной, дочери графа П. А. Валуева и внуки князя П. А. Вяземскаго.

14) Николай Алексѣевичъ Мухановъ, изъ дворянъ Тульской губерніи. Родился въ 1805 году. Началъ службу 20-го сентября 1819 года въ Измайловскомъ полку. 14-го декабря 1825 года находился при Особѣ Государя и при войскахъ Гвардейскаго Корпуса, собранныхъ на Дворцовой и Исаакіевскихъ площадяхъ противу мятежниковъ. 5-го апрѣля 1830 года уволенъ изъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Въ томъ же году Всемилостивѣйше пожалованъ въ званіе камергера и опредѣленъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій. Съ „отличнымъ усердіемъ“ дѣйствовалъ въ 1830 и 1831 годахъ „къ прекращенію холеры“. 2-го апрѣля 1833 года, „Всемилостивѣйше повелѣно“ быть ему за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 7-мъ департаментѣ Сената. 21-го января 1848 года „согласно прошенію уволенъ отъ службъ“, на которую снова вступилъ 31-го января 1854 года въ Московскій Опекунскій Совѣтъ почетнымъ опекуномъ.

15) Страстный любитель книгъ Сергѣй Дмитріевичъ Полтарацкій.

16) Князь Ѳедоръ Гагаринъ, братъ кн. В. Ѳ. Вяземской. Въ 1814 году съ русскими войсками вошелъ въ Парижъ, умеръ въ Москвѣ въ 60-хъ годахъ. (Примѣчаніе графини Е. П. Шереметевой).

17) Дмитрій Аркадіевичъ Столыпинъ, на сестрѣ его Маріи Аркадіевнѣ былъ женатъ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій.

18) Дмитрій Александровичъ Давыдовъ родился 26-го мая 1786 г., умеръ 13-го мая 1851 года; былъ женатъ на княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Шаховской. „Въ числѣ предшественниковъ графа А. А. Бобринскаго“, пишетъ князь П. А. Вяземскій, „по сахарной промышленности нельзя забыть нашего общаго съ нимъ пріятеля Д. А. Давыдова. Онъ положилъ въ нее много лѣтъ, много усилій и трудовъ и много денегъ,—едвали не все свое благосостояніе, заключавшееся въ милліонъ рублей ассигнац. Удача не вознаградила его усердія и пожертвованія“. (Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1882. VII, 230).

19) См. Примѣчаніе 5-е.

20) Słownik języka Polskiego. Warszawa, 1807—1814. Въ шести томахъ.

21) Въ дневникѣ своемъ, подъ 29 сентября 1850 г., Погодинъ записалъ: „Вечеръ у Уварова, гдѣ встрѣтилъ Вяземскаго. Шевыревъ предлагаетъ дать обѣдъ Вяземскому. Думаль о рѣчи“. Въ этомъ обѣдѣ приняли участіе: Марія Ховрина, Елизавета Горсткіна, Марта Новосильцова, княгиня Надежда Четвертинская, Софія Ладомирская, Зинаида Ладомирская, княгиня Надежда Трубецкая, Каролина Павлова, Дарья Сушкова, Евгенія Танненбергъ, графиня Елизавета Сальясъ, Авдотья Глинка, Прасковья Бакунина, Иванъ Лужынъ, Степанъ Шевыревъ, Александръ Булгаковъ, Константинъ Булгаковъ, князь Николай Трубецкой, Михаилъ Загоскинъ, Николай Сушковъ, Ѳедоръ Глинка, князь Александръ Ухтомскій, князь Ѳедоръ Гагаринъ, Николай Павловъ, Николай Боборыкинъ, Сергѣй Полтарацкій, графъ Н. Орловъ-Денисовъ, Алексѣй Мельгуновъ, Николай Мухановъ, Михаилъ Погодинъ, Александръ Армфельдъ, Михаилъ Гульковскій, Дмитрій Столыпинъ, графъ Василій Бобринскій, Александръ Вельтманъ, Александръ Плещеевъ, Владиміръ Драшусовъ, Петръ Перевлѣскій, Василій Корнильевъ, Алексѣй Верстовскій, Павелъ Нащокинъ, Ѳедоръ Буслаевъ, Тимоѳей Грановскій, Сергѣй Соловьевъ, Левъ Мей, графъ Дмитрій (Андреевичъ) Толстой, Николай Билевичъ, Петръ Новосильцовъ, князь Михаилъ (Андреевичъ) Оболенскій, Михаилъ Скотти, Василій Добровольскій, Петръ Чаадаевъ, Дмитрій Бегичевъ, Ѳедоръ Иноземцевъ, Иванъ Горсткинъ, Михаилъ Щепкинъ, князь В. С. Голицынъ.

Шевыревъ писалъ Погодину: „Надобно было оправдать отсутствіе

Хомякова, Гоголя, Максимовича. Не всѣ же знаютъ, что ихъ нѣтъ въ Москвѣ. А обѣдъ-то былъ славный“.

(Подробное описаніе этого обѣда см. Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1897. XI, 157—167).

22) См. Примѣчаніе 14-е.

23) С.-Петербургское Вольное Общество Любителей Россійской Словесности существовало съ 1816 года. „Цѣль Общества“, коего предсѣдателемъ въ 1822 году былъ Ѡ. Н. Глинка, свидѣтельствуеъ Гречъ, „есть соревнованіе просвѣщенію и благотворенію. Оно имѣетъ засѣданія частныя и публичныя, и съ 1818 года издаетъ журналъ, подъ заглавіемъ: Соревнователь Просвѣщенія; деньги выручаемыя изъ продажи онаго, назначаются въ помощь бѣднымъ и достойнымъ литераторамъ и художникамъ“. (Учебная Книга Россійской Словесности. Спб. 1822. IV, 514—517).

24) Князь Николай Андреевичъ Цертелевъ. Родился въ 1790 г. Началъ свою службу 31-го декабря 1801 г. въ Черниговскомъ уѣздномъ Казначействѣ. 12-го апрѣля 1809 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ губернскаго секретаря. 3-го августа 1810 г. поступилъ студентомъ въ Харьковскій Университетъ. Въ томъ же году перемѣщенъ въ Московскій Университетъ на Этико-Филологическій Факультетъ. По окончаніи курса съ званіемъ студента, 20-го октября 1814 г., опредѣленъ въ Канцелярію Статсъ-Секретаря у принятія прошеній. 26-го октября 1817 г. перешелъ на службу въ Министерство Финансовъ. 23-го февраля 1819 г. избранъ дѣйствительнымъ членомъ Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. 6-го февраля 1820 г. награжденъ Академіею Наукъ серебряною медалью за разсужденіе О Русскомъ Народномъ Стихотворствѣ. Въ томъ же году „имѣлъ счастье“ получить брилліантовый перстень за поднесенную Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ книгу Опыты общихъ правилъ Стихотворства. 11-го мая 1823 г. уволенъ изъ Канцеляріи Министерства Финансовъ, а въ томъ же году, 17-го іюля, опредѣленъ директоромъ училищъ Тамбовской губерніи.

25) Борисъ Михайловичъ Ѡедоровъ (род. 5-го марта 1798 г. въ Москвѣ, ум. 7-го апрѣля 1875 г. въ Петербургѣ), по словамъ В. И. Саитова, принадлежалъ къ числу второстепенныхъ русскихъ писателей первой половины XIX столѣтія. Въ своей литературной дѣятельности онъ являлся лирикомъ, драматургомъ, романистомъ, историкомъ, биографомъ, критикомъ, журналистомъ и въ концѣ концовъ дѣтскимъ писателемъ. (Остафьевскій Архивъ Князей Вяземскихъ. Переписка Князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціею и съ примѣчаніями В. И. Саитова, Спб. 1901, II (Примѣчанія), стр. 431).

Когда въ 1832 году, въ Москвѣ, Погодинъ издалъ свои Повѣсти, то Полевой ядовито замѣтилъ: „Г. Погодинъ не имѣеть соперника въ разнообразіи трудовъ. Развѣ Б. М. Ѳедоровъ, единственный изъ русскихъ писателей, можетъ сравниться съ нимъ въ этомъ“. (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1892. IV, 23).

Борисъ Ѳедоровъ благоговѣлъ предъ Державиннымъ. Однажды, въ 1815 году, онъ зашелъ къ нему, и когда Ѳедоровъ „слишкомъ восторженно похвалилъ его“, то Пѣвецъ Фелицы ему замѣтилъ: „только умѣренная похвала пріятна, какъ благоуханіе розы и резеды; густой же дымъ ошеломяетъ.“ (Гротъ. Сочиненія Державина. Спб. 1866. III, 736).

Благоговѣя передъ Державиннымъ, Ѳедоровъ довольно развязно отнесся къ Пушкину, и даже дерзнулъ критиковать Евгенія Онѣгина. „Г. Борисъ Ѳедоровъ“, писалъ Пушкинъ, „разбирая довольно благосклонно IV и V главы Онѣгина, замѣтилъ однакожь мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряду начинаются у меня частицею ужъ, что и назвалъ ужами, и что въ риторикѣ зовется единоначатіемъ. Осудилъ также слово корова и выговорилъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ, назвалъ дѣвчонками (что конечно не учтиво), между тѣмъ какъ простую деревенскую дѣвку назвалъ дѣвою:

Въ избушкѣ распѣвая, дѣва прядетъ“.

Почти одновременно съ Борисомъ Годуновымъ Пушкина, Борисъ Ѳедоровъ выступилъ съ своимъ романомъ Князь Курбскій. Пушкинъ писалъ Плетневу: „Борька также вывелъ юродиваго въ своемъ романѣ: и онъ байроничаетъ, описываетъ самого себя! Мой юродивый, впрочемъ, гораздо милѣе Борьки—увидишь“.

Пушкину приписывалась эпиграмма, принадлежащая Дельвигу, а по другимъ указаніямъ Соболевскому:

Ѳедорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

(Сочиненія А. С. Пушкина. Спб. 1887. V, 126—127; VII, 168—169).

Борисъ Ѳедоровъ пользовался покровительствомъ А. И. Тургенева и служилъ у него подъ начальствомъ, занимая должность старшаго помощника столоначальника въ 3-мъ отдѣленіи Департамента Духовныхъ Дѣлъ. Въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, 22-го мая 1823 г., Ѳедоровъ прочелъ свои стихи подъ заглавіемъ: Ободреніе. „Вотъ тебѣ нѣсколько стиховъ“, писалъ А. И. Тургеневъ къ князю Вяземскому, „изъ піесы секретаря моего—Ѳедорова, которую избрали для публичнаго чтенія сегодня въ Обществѣ литераторовъ.“ Въ

другомъ письмѣ своемъ къ князю Вяземскому, Тургеневъ писалъ: „Въ стихахъ Оедорова много хорошаго и публика была ими очень довольна“. Но первые четыре стиха Оедорова:

Сіянье дню, роса цвѣтамъ,
Крыле уму въ его стремленіѣ,
Талантовъ воспитатель намъ,
Живительное ободреніе!

показались князю Вяземскому не понятными, и онъ спрашивалъ А. И. Тургенева: „Что значать первые четыре стиха Оедорова? Нѣтъ въ нихъ никакой связи“. (Остафьевскій Архивъ, II, (Примѣчанія 573, 575), 325—329).

26) 25-го мая 1823 г., А. И. Тургеневъ писалъ князю Вяземскому: „Сбирался описывать тебѣ вечеръ въ Бесѣдной Храминѣ, но хлопоты и недостатокъ въ матеріалахъ помѣшали“ (Остафьевскій Архивъ, II, 325). Подъ этой Бесѣдной Храминой слѣдуетъ разумѣть залу, въ домѣ Державина на Фонтанкѣ, въ которомъ нѣкогда собирались члены Бесѣды Русскаго Слова. По смерти Пѣвца Фелицы, вторая супруга его, Дарья Алексѣевна, рожденная Дьякова, воспѣтая своимъ мужемъ подъ именемъ Милены и образъ которой недавно живописалъ намъ И. П. Хрущевъ (Русскій Вѣстникъ 1903 г.), предоставила Бесѣдную Храмину для засѣданій членовъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности. Это одушевило графа Д. И. Хвостова и онъ написалъ Посланіе Оедору Петровичу Львову, на случай чтенія Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества Любителей Словесности въ залѣ Д. А. Державиной, 1823 г. мая 22-го дня (Примѣчаніе В. И. Саитова). 25-го мая 1823 года А. И. Тургеневъ писалъ князю Вяземскому: „Посылаю двѣ крайности: Пушкина и Хвостова. Какъ ни отказывали Хвостову въ чтеніи разныхъ предложенныхъ отъ него піесъ, но онъ нашелъ средство быть напечатану и даже прочтену: похвалилъ хозяйку за храмину и вызвалъ громкія рукоплесканія“. (Остафьевскій Архивъ, II, 325).

27) Булгаринъ читалъ Отрывки изъ жизни Марины Мнишекъ. По отзыву Греча, „статья была слабая, плохо написанная. Онъ не читалъ ее, а мямлялъ, и паденіе было совершенное“. (Примѣчаніе В. И. Саитова).

28) Василій Ивановичъ Туманскій служилъ въ Одессѣ въ канцеляріи графа Воронцова. Въ бытность свою въ Петербургѣ онъ прочелъ въ Обществѣ отрывки изъ Посланія къ Державину (Вѣкъ Елисаветы и Екатерины).

29) Александръ Осиповичъ Корниловичъ былъ издателемъ историческаго сборника Русская Старина въ 1824—1825 г. Получилъ образованіе въ Муравьевской школѣ колонновожатыхъ. Потомъ состоялъ по генеральному штабу или, какъ тогда называли, свитскимъ гвардейскимъ

офицеромъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ членомъ Южнаго Тайнаго Общества и делегатомъ этого Общества къ Сѣверному. За участіе въ событіяхъ 14-го декабря 1825 года осужденъ въ каторжную работу, но вскорѣ возвращенъ секретно въ Петербургскую крѣпость. (Русская Старина, 1878, XXIII, 319—320). Когда въ концѣ 1825 года Погодинъ являлся къ Карамзину, то послѣдній очень раздраженнымъ тономъ говорилъ о происшествіи 14-го декабря, бранилъ предводителей: „каковы преобразователи Россіи: Рыльевъ, Корниловичъ, который переписывался съ памятью Петра Великаго!“ Это относится къ посвященію Корниловича его Русской Старины: Памяти Петра Великаго. (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1888. I, 331).

30) Статью А. О. Корниловича Объ увеселеніяхъ въ царствованіе Петра Великаго прочелъ Николай Александровичъ, старшій изъ братьевъ Вестружевыхъ.

31) Въ этомъ засѣданіи В. И. Туманскій прочелъ отрывокъ изъ думы Рыльева—Войнаровскій.

32) 25-го мая 1823 г. А. И. Тургеневъ писалъ князю Вяземскому: „Отрывокъ изъ біографіи Дмитріева не хорошо выбранъ и читанъ неудачно.“ (Остафьевскій Архивъ II, 325).

33) Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ, помощникъ бібліотекаря въ Публичной Библіотекѣ. Въ то время переводилъ онъ Федру, отрывки изъ которой читалъ въ Публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности. (Гречъ. Учебная книга Россійской Словесности. Спб. 1822. IV, 608).

34) Александръ Ефимовичъ Измайловичъ родился 14-го апрѣля 1779 года и скончался въ 1831 году, въ Петербургѣ. Въ Альбомѣ Сестрицѣ (1822 г.), онъ самъ о себѣ пишетъ:

Извѣстный авторъ, сочинитель,
Поэтъ альбомный, фабулистъ,
Благонамѣренный и толстый журналистъ,
Недѣльныхъ книжечекъ издатель,
Членъ разныхъ обществъ, предсѣдатель.

Подробная біографіа его написана Иваномъ Кубасовымъ и напечатана въ Русской Старинѣ 1900—1901 г.

35) О двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ Европы (Шолное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1878. I, 84—97). Въ Русскомъ Архивѣ напечатано прошеніе „въ Главное Училищъ Правленіе коллежскаго совѣтника, Императорскаго Московскаго Университета почетнаго члена и кавалера князя Петра Андреева сына Вяземскаго“, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Господинъ цензоръ Красовскій не соблаговолилъ одобрить моего сочиненія, которое отдано было г. Гречу для помѣщенія въ журналъ, издаваемомъ

имъ подъ именемъ Сына Отечества. . . Представляю при семъ рукопись мою на благоустройство Главнаго Училищъ Правленія и прошу покорно оное о защитѣ правъ автора . . . Соблюдая должное уваженіе къ свѣдѣніямъ и личному достоинству чиновника, удостоившагося довѣренности начальства и званія цензора, долженъ я однакоже видѣть въ настоящемъ запрещеніи или слѣдствіе какого либо недоразумѣнія, или дѣйствіе недоброжелательства ко мнѣ. И нынѣ не говоря уже о томъ, что г. цензоръ Красовскій рѣшительно запрещаетъ мнѣ въ представляемомъ сочиненіи сказать, почему уважаю дарованіе такого то писателя и почему не раздѣляю мнѣній другаго, . . . г. Цензоръ принимаетъ на себя въ отношеніи ко мнѣ обязанность рецензента и съ учительскою заботливостію наставляетъ меня искусству писать по своему.“ (Русскій Архивъ 1896. № 6, стр. 293—295).

Припоминая стихи Пушкина Братья Разбойники, князь Вяземскій писалъ (1823) А. И. Тургеневу: „Я благодарилъ его (Пушкина) и за то, что онъ не отнимаетъ у насъ, бѣдныхъ заключенныхъ, надежду плавать и съ кандалами на ногахъ. Я пробую, сколько могу, но все что-то ныряю ко дну. Дѣло въ томъ, что ихъ было двое, а мнѣ достается одному уплывать на островокъ разсудка, вопреки погони Красовскихъ съ товарищами.“ (Остафьевскій Архивъ. II, 1823.)

Глубоко оскорбляется патриотическое чувство отъ подобнаго отношенія какихъ-то Красовскихъ къ Русской Литературѣ.

36) Валеріанъ Николаевичъ Олинъ (умеръ послѣ 1839 г.), по свидѣтельству В. И. Саитова, „принадлежалъ къ числу плодовитѣйшихъ писателей первыхъ десятилѣтій прошлаго вѣка“. (Л. Н. Майковъ. Сочиненія К. Н. Батюшкова. Спб. 1886. III, 730). Одно изъ стихотвореній его подверглось строгой цензурѣ Красовскаго. Олинъ писалъ:

Улыбку устъ твоихъ небесную ловить.

Красовскій замѣчаетъ: „Слишкомъ сильно сказано; женщина недостойна, чтобъ улыбку ея называть небесною“. Желаніе Олина, выраженное въ стихахъ:

О какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши

Безвѣстный, близъ тебя къ блаженству приучаться, привело Красовскаго въ негодованіе. „Это значитъ“, писалъ онъ—„что авторъ не хочетъ продолжать службы Государю для того только, чтобъ быть всегда съ своей любовницей; сверхъ сего, къ блаженству можно приучиться только близъ Евангелія, а не близъ женщины“. (Пятковскій. Изъ Исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Спб. 1876. II. 298—299)

Любопытно, что въ программѣ (1821 г.) своей газеты—Рецензентъ—Олинъ, между прочимъ, заявилъ: „Издатель поставляетъ долгомъ извѣстить заблаговременно любителей изящной словесности, что поэзія

будеть занимать уголокъ весьма тѣсный въ издаваемой имъ газетѣ; за то они не встрѣтять въ оной стиховъ убійственныхъ нашихъ Котеновъ; Прадоновыхъ, Бавіевъ и Мевіевъ. . . . Издатель съ удовольствіемъ и благодарностію будетъ помѣщать въ своей газетѣ пьесы, написанныя со вкусомъ и пріятностію, и нисколько не предосудительныя для нравственности и религіи“.

37) Замѣчаніе на краткое обозрѣніе Русской Литературы 1822 года, напечатанное въ № 5 Сѣвернаго Архива 1823 года. (Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Сиб. 1878. I, 101—109).

38) Посланіе къ И. И. Дмитріеву. (Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Сиб. 1880. II, 294—297).

39) Любопытно знать: какіе приказы С. С. Уваровъ могъ давать въ 1823 года литературѣ изъ департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли, котораго онъ въ то время былъ директоромъ?

40) Полярная Звѣзда. Карманная книжка для любителей и любителей Русской Словесности, на 1823 годъ, изданная А. Бестужевымъ и К. Рылѣвымъ.

41) Здѣсь разумѣется полемика Жандра съ Яковомъ Толстымъ по поводу статьи А. А. Бестужева Взглядъ на старую и новую Словесность въ Россіи, напечатанной въ 1-ой книжкѣ Полярной Звѣзды, въ которой Бестужевъ неблагопріятно отозвался о переводахъ Жандра. Князь Вяземскій въ письмѣ своемъ къ Бестужеву, отъ 10-го мая 1823 г., писалъ: „Ради Бога, уймите Жандра, да, воля ваша, и своему рыцарю велите вложить перо въ чернильницу, ихъ перья уже такъ притушились, что способа нѣтъ. Признаюсь, до сей поры не могу разобрать, въ чемъ состоитъ ихъ споръ. Вотъ уже точно споръ до слезъ! то есть до слезъ, извлекаемыхъ зѣвотою“. (Русская Старина, 1888. IX, 318).

42) Въ письмѣ своемъ (1823 г.) къ издателю Сына Отечества князь П. А. Вяземскій писалъ: „Недостатокъ полного изданія сочиненій писателя, каковъ Фонъ-Визинъ, замѣтенъ въ библіотекахъ нашихъ. Известно, что за день до кончины своей привозилъ Фонъ-Визинъ къ Г. Р. Державину комедію свою Гофмейстеръ; ея нѣтъ въ оставшихся по немъ бумагахъ, и всѣ старанія отыскать послѣднее сіе произведеніе оригинальнаго комика нашего остались до сего времени тщетными“. (Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Сиб. 1878. I, 98—99).

ПИСЬМА

князя ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКАГО

къ Д. Θ. и Е. Θ. ТЮТЧЕВЫМЪ.

Письма эти были доставлены предсѣдателемъ Московскаго Отдѣленія Общества Ревнителѣй Русскаго Историческаго Просвѣщенія Иваномъ Ѳедоровичемъ Тютчевымъ графу Сергѣю Дмитріевичу Шереметеву при такомъ интересномъ сообщеніи:

„Въ 1853 году, въ бытность нашу заграницей, сестра моя Марія, 13-ти лѣтъ, играла на домашнемъ спектаклѣ роль какого-то маіора. Кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій посвятилъ ей по этому поводу слѣдующее стихотвореніе:

24-го декабря, 1853 г.

„Любезнѣйшій маіоръ, теперь ты чиномъ малъ,
Но потерпи и будетъ повышенье,
Въ глазахъ твоихъ читаю увѣренье,
Что будешь ты, въ строю красавицъ, Генераль.
Учись, трудись, и умъ, и сердце просвѣщай,
Чтобъ послѣ не попастьъ, маіоръ мой, невзначай
Въ разрядъ безграмотныхъ, хоть видныхъ Генераловъ“.

„Много лѣтъ спустя, въ юбилей князя, отецъ отъ имени сестры отвѣтилъ ему слѣдующими стихами:

„Когда-то я была маіоромъ,
Тому ужъ много-много лѣтъ,
И Вы мнѣ въ будущемъ судили
Блескъ генеральскихъ эполетъ!
Въ какомъ теперъ служу я чинѣ,
Того не вѣдаю сама:
Но къ Вамъ прошусь я въ ординарцы,
Фельдмаршалъ Русскаго ума!“

1.

Kissingen, le 22 juin 1863.

Hôtel Sanner.

Pourquoi les médecins n'ont ils pas eu la bonne idée, de vous envoyer à Kissingen, ou bien pourquoi ne suis je pas condamné à faire une cure de petit lait sur les bords fortunés du Léman? Une fois, que vous êtes souffrante, j'aurais tant aimé à me trouver enfermé avec vous dans la même infirmerie. Je ne sais, si ma présence vous aurait été bonne à quelque chose, mais la votre m'eut été très agréable et très salutaire. C'est par votre soeur que nous avons appris, que vous étiez à l'hôtel Byron. Comment vous y trouvez-vous, y avez-vous quelque société, et le temps, qui est assez mauvais chez nous, vous est-il plus favorable? Nous aimerions bien à avoir de vos nouvelles et à savoir ce que vous faites à la fin de juillet. Si l'écriture vous fatigue, j'espère que vous avez près de vous quelqu'un qui pourra sous votre dictée satisfaire à notre affectueuse curiosité. Que nous sommes loin, chère Mademoiselle Daria, l'un et l'autre, de Czarskoë et de Péterhoff, de nos jours calmes et sereins, de nos promenades, et du ciel gris pommelé de la cara patria, qui pourtant avait bien son charme, et que je regrette souvent. Vous aurez été surement bien contente, comme nous le sommes aussi, d'avoir eu, après la visite de Scanzoni, des nouvelles plus rassurantes sur la santé de notre si chère Impératrice. Nous en avons une ici, mais malgré sa beauté, dont tout le monde est ravi, je regrette bien

que les circonstances n'aient point permis à la notre de venir faire sa cure à Kissingen, comme elle en avait le projet. Quand je parle de sa beauté, je n'en juge pas encore pour moi-même, car avec ma vue basse, je n'ai encore pu distinguer que la démarche élégante et gracieuse et les touffes de cheveux qui tombent avec abondance sur ses épaules et sur son dos. En général, nous connaissons ici peu de monde et je mène une vie plus animale qu'intellectuelle, chose que je vous désire aussi pour rétablir l'équilibre entre le corps et l'âme. Nous attendrons avec impatience un mot de votre part, soit direct, soit indirect, et sur ce je vous serre et vous baise main cordialement et affectueusement.

Притиска княгини Вѣры Ѳеодоровны Вяземской.

Je vous embrasse tendrement, chère Daria, j'aurais tant aimé à vous soigner et à devenir votre soeur grise, momentanément, pour vous voir reflleurir. Mille mille tendres amitiés et au revoir j'aime à l'espérer bientôt.

Переводъ.

Киссингенъ, 22-го іюня 1863.

Гостинница Заннеръ.

Почему доктора не возмѣдли благую мысль прислать васъ въ Киссингенъ, или почему я не обреченъ на лѣченье сывороткой на богатныхъ берегахъ Лемана? Разъ, что вы больны, я былъ такъ счастливъ, если бы меня помѣстили въ одну лѣчебницу съ вами. Не знаю, было ли бы вамъ полезно мое присутствіе, но знаю, что ваше общество было бы для меня и очень пріятно и очень цѣленно. Мы узнали о томъ, что вы находитесь въ гостинницѣ Байронъ, черезъ вашу сестру. Какъ вы себя тамъ чувствуете, есть ли у васъ хотя какое-нибудь общество, а погода, которая у насъ очень плоха, благопріятствуетъ ли вамъ? Намъ бы очень хотѣлось получить отъ васъ извѣстія и знать, что вы намѣрены дѣлать въ концѣ іюля.

Если васъ утомляетъ писать, надѣюсь, что при васъ есть кто-нибудь, который могъ бы писать подѣ вашу диктовку и тѣмъ удовлетворить нашему сердечному любопытству. Какъ мы оба далеко, любезная Дарья Ѳеодоровна, отъ Царскаго и Петергофа, отъ спокойныхъ и ясныхъ дней, прогулокъ и сѣраго неба нашего возлюблен-

наго отечества, которое однако имѣло свою прелесть и о которомъ я нерѣдко вздыхаю. Вы навѣрное очень довольны, какъ и мы, успокоительными извѣстіями о здоровьѣ нашей дорогой Императрицы, полученными послѣ визита Скандони. У насъ здѣсь находится одна Высочайшая особа, но не смотря на ея красоту, которую всѣ восхищаются, я очень сожалью, что обстоятельства не позволили Нашей пріѣхать въ Киссингенъ на лѣченіе, какъ Она собиралась. Когда я говорю о красотѣ, я не сужу по себѣ, такъ какъ, благодаря моей близорукости, я пока могъ только разглядѣть, что у нея очень изящная и нарядная походка и масса волосъ, которые привольно падаютъ на ея плечи и спину. Вообще у насъ здѣсь мало знакомыхъ, и я веду жизнь болѣе животную, нежели умственную. Я также совѣтую вамъ это, чтобы возстановить равновѣсіе между тѣломъ и душой. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать отъ васъ словечко, будь оно прямое или косвенное, и за симъ жму и цѣлую вашу руку дружески и сердечно.

Притиска княгини Впры Федоровны Вяземской.

Нѣжно цѣлую васъ, милая Дарья; я такъ бы хотѣла ухаживать за вами и временно быть вашей сестрой милосердія, чтобы присутствовать при вашемъ расцвѣтѣ; тысячу привѣтовъ и, надѣюсь, до скораго свиданія.

2.

Kissingen, le 7me juillet (1863).

Je vous remercie bien, chère Mademoiselle Daria, pour votre bonne lettre, vos félicitations, vos vœux, et pour tout, ce que vous me dites d'aimable et d'affectueux. Votre lettre est datée de Genève, mais je pense que vous êtes de nouveau à l'hôtel Byron, et qu'en tout cas ma réponse vous parviendra. Vous me demandez ce que nous comptons faire plus tard. C'est une question, à laquelle il m'est bien difficile de répondre. Je suis à la merci des démons de la nuit et c'est eux qui disposent de ma destinée. Tous ces derniers temps ils m'ont beaucoup tourmenté et je crains bien que toute ma cure de Ragozzi ne soit passablement compromise. Maintenant on me fait prendre des bains, qui, s'ils réussissent doivent me conduire jusqu'aux 1-ers jours de mois d'août nouveau style. Je crois bien, que plus

tard et en tout cas la Suisse sera notre refuge et que nous nous y rencontrerons. Les nouvelles que nous avons ici démentent le départ de l'Impératrice pour la Crimée, du moins jusqu'à l'époque, où les notes et contre-notes auront un peu éclairci l'horizon politique. Je crains bien qu'elles ne finissent plutôt pour l'obscurcir et le brouiller complètement. Ce ne sont pas les faits pour eux mêmes, qui sont allarmants, mais bien la sollicitude à notre égard de nos chers tuteurs. La révolution de Pologne n'a pas son siège à Varsovie, mais elle est à Paris, et à Londres, et à moins que notre ami l'écuyer tranchant Mouca-noff ne parvienne à couper le fil de toutes ces intrigues, nos bonnes dispositions et la valeur de nos soldats, n'y pourront rien faire. Nous sommes ici depuis quelques jours en plein Pétersbourg et en plein Czarskoë Sélo, nous avons pour voisins à l'hôtel M-me Marie Narischkine, et ses soeurs, Nadine et Vera, en tous 18 personnes. M-me Schéremeteff, née Stolipine, qui se rappelle à votre souvenir amical, nous a donné des nouvelles de votre soeur Kitty, dont elle vient de recevoir une lettre; elle nous quitte mardi, pour aller consulter Scanzoni. Nous avons survécu ici à plusieurs générations de buveurs d'eau et si cela va de ce train, je crains bien que nous ne finissions par nous trouver les tous derniers et les seuls survivants. Quelle triste histoire que cet incendie de Czarskoë, pas tant pour les pertes qu'il a occasionnées, que comme symptôme de notre imprévoyance en tout et pour tout. Comment n'avoir pas eu sous la main toutes les ressources nécessaires pour arrêter le feu à sa 1-ère apparition. Mais si effectivement cette alerte n'a pas fait de mal à l'Impératrice on peut encore se consoler. Hier soir, nous avons eu aussi nos feux, mais c'étaient des feux de joie pour fêter l'arrivée du Roi de Bavière, qui est venu rendre visite à l'Impératrice, qui au reste, tous deux, n'ont point paru et ont trompé l'attente du public. Je vous baise les mains, vous souhaite un succès complet dans votre cure et plus de confiance en votre M-r Cossy que je n'en ai en mes Cossy à moi. Dites nous un peu ce que vous savez, ou apprendrez au sujet du voyage de l'Impératrice. Mille hommages bien dévoués.

Притиска княгини Вѣры Федоровны Вяземской.

Je vous embrasse tendrement, chère Daria, je serai doublement

heureuse de vous revoir, car cela prouvera, que mon mari reprend un peu de courage. Mille mille amitiés.

Переводъ.

Киссингенъ, $\frac{4}{10}$ іюля (1863).

Благодарю васъ, любезная Дарья Федоровна, за ваше милое письмо, ваши поздравленія и за всѣ ваши любезныя и сердечныя слова. Ваше письмо помѣчено Женевой, но я думаю, что вы опять въ гостинницѣ Байронъ и что во всякомъ случаѣ мой отвѣтъ дойдетъ до васъ. Вы спрашиваете у меня, что мы думаемъ дѣлать позднѣе. Мнѣ очень трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Я во власти демоновъ ночи и они распоряжаются моей судьбой. Они очень мучили меня все это послѣднее время, и я боюсь, что все мое лѣченіе въ Рагоцци значительно поколеблено. Теперь меня заставляютъ принимать ванны; если все пойдетъ хорошо, это затянется до первыхъ дней августа мѣсяца по новому стилю. Позднѣе, вѣроятно, Швейцарія будетъ нашимъ убѣжищемъ, и, вѣроятно, мы встрѣтимся съ вами. По здѣшнимъ свѣдѣніямъ, поѣздка Императрицы въ Крымъ не состоится или по крайней мѣрѣ отложится, пока ноты и контръ-ноты не очистятъ нѣсколько политическій горизонтъ. Боюсь, какъ бы они его не затемнили или даже окончательно не спутали бы. Не факты сами по себѣ тревожны, а забота нашихъ милыхъ опекуновъ. Польское возстаніе не гнѣздится въ Варшавѣ, а въ Парижѣ и въ Лондонѣ, и если нашему другу, оберъ гофъ шнейдеру Муханову, не удастся перерѣзать нить этихъ интригъ, я думаю, наши благія намѣренія и доблесть нашихъ солдатъ намъ не помогутъ. Здѣсь совсѣмъ Петербургъ и Царское Село. Г-жа Марія Нарышкина и сестры ея, Наденька и Вѣра, всего 18 человекъ, наши сосѣди по гостинницѣ. Г-жа Шереметева, урожденная Столыпина, очень вамъ кланяется; она на дняхъ получила письмо отъ вашей сестры Китти и уѣзжаетъ во вторникъ, чтобы посовѣтоваться съ Скандони. Мы пережили нѣсколько поколѣній лѣчащихся водой, и если все пойдетъ также, я боюсь, что мы всѣхъ переживемъ и останемся послѣдними и единственными. Какая грустная исторія этотъ пожаръ въ Царскомъ, но не особенно еще за убытокъ, а какъ доказательство нашей близорукости во всемъ и для всего. Какъ не имѣть подъ рукой всѣ возможныя средства, чтобы при первомъ появленіи огня не

остановить его. Но если эта тревога дѣйствительно не повредила Императрицѣ, можно еще утѣшиться. У насъ вчера вечеромъ были радостные огни по случаю приѣзда Короля Баварскаго, который приѣхалъ, чтобы навѣстить Императрицу. Они оба не показывались и этимъ обманули публику. Цѣлую вашу руку, желаю вамъ полного успѣха въ вашемъ лѣченіи и болѣе довѣрія къ Г-ну Косси, нежели я имѣю къ своимъ Косси. Скажите намъ, что вы знаете о путешествіи Императрицы. Сердечное почтеніе.

Притиска княгини Вѣры Федоровны Вяземской.

Нѣжно цѣлую васъ, милая Дарья, и буду вдвойнѣ рада васъ видѣть, потому что это будетъ признакъ, что мой мужъ нѣсколько приободрился. Искренній привѣтъ.

3.

Venise, le 4 août (1863).

Au lieu de nous rapprocher de vous, nous voici loin de vous à Venise. On m'a conseillé de venir y prendre des bains, que j'avais déjà pris il y a une dizaine d'années, et qui en tout cas ne m'avaient pas fait de mal. Si je répons bien tard à votre dernière lettre, c'est que j'ai été très souffrant tout le dernier temps de mon séjour à Kissingen, et puis le voyage etc. Je vous remercie bien pour le remède de houblon, que vous me conseillez. J'en avais déjà fait usage, d'après l'avis du même P. Lieven, dont vous me parlez, mais le succès en a été médiocre, pour ne pas dire nul. L'oreiller, qui doit me rendre le sommeil, n'a pas été encore ni inventé, ni trouvé. Si le remède de Georges IV lui faisait du bien, c'est qu'il arrosait son oreiller de houblon de quelques bouteilles de Sherry! Moi aussi je dormais bien, quand je suivais, quoique de loin, cet auguste exemple, mais aujourd'hui, que je me suis rangé, je suis tout-à-fait dérangé. C'est le cas de dire avec je ne sais plus qui, qu'une bonne action ne reste jamais impunie. Il est vrai de dire que les journaux, les notes et contre-notes, les dépêches et tout ce qui s'en suit, et tous ceux qui s'en suivent, font aussi un mauvais oreiller, bien fait pour donner le cauchemar et non le sommeil. Sa Majesté a eu l'extrême bonté de répondre à mon télégramme de félicitations du 22;

comme de raison, elle n'y dit rien de son voyage et de sa santé, mais j'aime à croire, que cette réponse est une preuve que l'état de sa santé n'est pas plus mauvais. Je ne vous dirai rien de Venise, parce que jusqu'à le moment, mes impressions ne lui sont guères favorables, en dépit de tout l'amour, que je lui ai porté jadis. Donnez nous, je vous prie, de vos nouvelles et dites nous, ce que vous faites et comptez faire, pour que nous puissions nous orienter d'après vous. Je pense quelquefois à aller passer l'hiver en Crimée, si toute fois la chose est possible. Vous avez l'air de vous excuser de m'écrire trop souvent. En tout cas je vous engage beaucoup à vous endurcir dans ce péché et à m'en donner la preuve le plus souvent possible. Ecrivez nous à Venise poste restante. Mes bains doivent bien me prendre un mois de temps, et puis, et puis, mais comment faire des projets, quand tout peut changer d'un jour à l'autre.

Je vous baise les main et me dis votre tout dévoué Wiasemsky.

Переводъ.

Венеція, 4-го августа (1863).

Вмѣсто того, чтобъ приближаться къ вамъ, мы далеко уѣхали въ Венецію. Мнѣ посовѣтовали приѣхать сюда, чтобы принимать ванны, которыя я принималъ лѣтъ десять тому назадъ и которыя во всякомъ случаѣ вреда мнѣ не сдѣлали. Если я такъ поздно отвѣчаю на ваше послѣднее письмо, то это потому, что я былъ очень боленъ послѣднее время въ Киссингенѣ, а затѣмъ путешествіе и пр. Благодарю васъ за лѣченіе хмѣлемъ, которое вы мнѣ совѣтуете. Я уже пробовалъ его, по совѣту того же князя Ливена, о которомъ вы мнѣ говорите, но пользы отъ него было мало, чтобы не сказать никакой. Подушка, которая должна мнѣ возвратить сонъ, еще не сочинена и не найдена. Если средство Георга IV помогало ему, то это оттого, что онъ обливалъ свою хмѣлевую подушку нѣсколькими бутылками хереса. Я тоже хорошо спалъ, когда я, хотя бы и издали, слѣдовалъ этому августѣйшему примѣру, но теперь, что я остепенился, я разстроился. Кстати, можно дѣйствительно повторять, не знаю чье, сказанье, что доброе дѣло никогда не остается безнаказаннымъ. Надо правду сказать, что газеты, ноты и контръ-ноты,

депешы и все, что за ними слѣдуетъ, и всѣ, которые за ними слѣдуютъ, плохая подушка и существуютъ для того, чтобы давать кошмары, а не сонъ. Ея Величество была такъ милостива, что отвѣтила на мою поздравительную депешу къ 22-му; она конечно ничего не говоритъ про свое путешествіе и про свое здоровье, но я надѣюсь, что этотъ отвѣтъ означаетъ, что здоровье ея не хуже. Я вамъ ничего не говорю про Венецію, потому что до сихъ поръ мое впечатлѣніе не въ ея пользу, не смотря на всю мою прежнюю любовь. Дайте намъ пожалуйста извѣстіе о себѣ, о томъ, что вы дѣлаете, и о томъ, что намѣреваетесь дѣлать, чтобы мы могли ориентироваться по васъ. Я иногда думаю о зимѣ въ Крыму, если это вещь возможная. Вы, какъ будто, извиняетесь, что слишкомъ часто пишете. Очень совѣтую вамъ укорениться въ этомъ проступкѣ и какъ можно чаще убѣждать меня въ немъ. Пишите въ Венецію до востребованія. Мои ванны займутъ навѣрное мѣсяцъ, а потомъ, а потомъ, но какъ можно дѣлать планы, когда все можетъ переимѣниться въ теченіе одного дня.

Цѣлую ваши руки и остаюсь преданный вамъ Вяземскій.

4.

Venise, le 9 août (1863).

Quoique vous en soyez, peut-être, déjà instruite, je m'empresse de vous dire, qu'un télégramme d'hier m'apprend que l'Impératrice *compte partir vendredi prochain pour la Crimée*, et m'engage à y venir si ma santé me le permet. J'aimerais bien à le faire, mais je voudrais y passer l'hiver pour éviter celui de Pétersbourg, que tous les médecins redoutent pour moi. Vous devriez, chère Mademoiselle Daria, vous associer à ce projet et nous irions nous établir ou bien camper sur la montagne, qui est la propriété de votre soeur. En attendant, Venise ne semble pas être encore le lieu où je doive retrouver mon sommeil. Il y fait une chaleur accablante, encore plus sensible la nuit, que le jour et les cousins, espèce de sangsues ailées nous piquent à qui mieux-mieux. Il paraît que vous aussi, vous n'êtes guère contente de votre cure. Nous avons une lettre de Lise Karamsine. Ils sont à Carlsbad et paraissent aussi tous médiocrement satis-

faits des leurs, et comptent rentrer en Russie pour la fin du mois d'août. Quand vous écrirez à Maman, dites lui bien des choses affectueuses de ma part, et que je compte répondre un de ces jours à sa lettre de l'année dernière. C'est une réponse un peu tardive, mais c'est une preuve que j'y pense toujours, et c'est l'essentiel en amitié. Je vous baise les mains. Vous ne nous dites rien de votre père. Où est-il et que fait-il? Les événements doivent remuer sa bile et faire jaillir des flots de mots piquants, sagaces, et qui portent coup.

Приписка князю Впры Ѳеодоровны.

C'est mon mari qui a reçu la lettre pour moi seule, nous y répondons, comme vous le voyez, tout les deux, ainsi—reprenez votre assiette et calmez vous.—Dites moi avec un peu de précaution, si vous croyez aller en Crimée et quand. Ce serait charmant d'y aller ensemble. Nous devons et croyons rester ici tout le mois d'août, si les bains sont favorables à mon mari. J'aimerais tant à faire le voyage avec vous, les Bartenieff, que nous avons vu à Kissingen, m'ont assuré que vous serez à Livadia. De grâce écrivez au fait et à mesure que vous serez décidé à quelque chose. Nous vous embrassons tendrement.

Переводъ.

Венеція, 9-го августа (1863).

Хотя васъ можетъ быть уже увѣдомили, но все таки спѣшу сообщить вамъ, что вчера телеграмма извѣстила меня о томъ, что Императрица собирается въ будущую пятницу ѣхать въ Крымъ и приглашаетъ меня пріѣхать туда, если мое здоровье мнѣ это позволить. Я бы хотѣлъ исполнить это, но хотѣлъ бы провести тамъ зиму, чтобы избѣжать зиму въ Петербургѣ, которую всѣ доктора боятся для меня. Не присоединитесь ли вы, любезная Дарья Ѳеодоровна, къ этому предположенію и мы поселились бы вмѣстѣ или раскинули бы свои шатры на горѣ, которая принадлежитъ вашей сестрѣ. А пока Венеція, кажется, не есть то мѣсто, въ которомъ я долженъ найти свой утеранный сонъ. Здѣсь душливая жара, болѣе чувствительная ночью, нежели днемъ, а комары, родъ летучихъ пиявокъ, кусаютъ васъ непрерывно. Кажется, вы тоже не очень довольны своимъ лѣченіемъ.

Мы получили письмо отъ Лизы Карамзиной. Они въ Карлсбадѣ; кажется, тоже не особенно довольны своими лѣченіями и собираются вернуться въ Россію въ концѣ августа. Когда вы будете писать Маменькѣ, передайте ей отъ насъ тысячу нѣжностей и скажите, что я на дняхъ собираюсь ей отвѣтить на ея прошлогоднее письмо. Это нѣсколько поздній отвѣтъ, но это доказательство, что я постоянно о ней думаю, а это главная вещь въ дружбѣ. Цѣлую ваши руки. Вы ничего намъ не говорите о вашемъ отцѣ. Гдѣ онъ и что онъ дѣлаетъ? Путешествія должны волновать его желчь и способствовать изливанію потоковъ дальновидныхъ и острыхъ словъ, которыя будутъ мѣтко попадать въ цѣль.

Приписка княгини Впры Федоровны.

Мой мужъ получилъ письмо, которое было предназначено для меня одной; какъ вы видите, мы оба вамъ на него отвѣчаемъ; и такъ вернитесь въ свою колею и успокойтесь.—Скажите мнѣ съ осторожностью, думаете ли вы ѣхать въ Крымъ и когда. Очень было бы пріятно ѣхать туда вмѣстѣ. Мы собираемся и даже должны остаться здѣсь весь августъ, если ванны будутъ благопріятны моему мужу. Мнѣ такъ бы хотѣлось совершить это путешествіе съ вами; Бартечевы, съ которыми мы видѣлись въ Киссингентѣ, увѣряли меня, что вы поѣдете въ Ливадію. Умоляю васъ писать по мѣрѣ того, какъ вы примете какія нибудь рѣшенія. Мы нѣжно васъ цѣлуемъ.

5.

Venise, le 19 août (1863).

Je suis bien aise, chère Mademoiselle Daria, d'avoir été pour vous porteur d'une bonne nouvelle, et je puis vous dire aujourd'hui qu'elle m'a été confirmée par une lettre de votre soeur Anna, du 31 juillet, qui me semble toute fière et heureuse de pouvoir dire, c'est après-demain deux août que nous quittons Czarskoë pour la Crimée. Vous savez probablement, s'il faut en croire les journaux, que l'Empereur accompagne l'Impératrice jusqu'à Nijni. Il faut espérer que tout cela n'a pas rencontré d'obstacle et amènera le tout à bonne fin. Quant'à moi, avant de me décider à quelque chose, je voudrais savoir, s'il y a moyen de passer l'hiver en Crimée, car y aller pour

revenir sur ses pas, dans une saison avancée, serait chose peu facile et peu raisonnable. Au reste, ne parlez pas de mes incertitudes à votre soeur, car il est encore fort possible, que je les mette de côté. Nous étions hier en Afrique, ou sur les bords du Gange, et aujourd'hui, nous sommes à Pétersbourg sur les bords de la Черная рѣчка. La température a changé dans quelques heures, du tout au tout. Je ne sais, ce que me dira le bain d'aujourd'hui, mais tous les jours ci les bains froids du canal étaient des bains chauds. Nous attendrons avec impatience de vos nouvelles, pour savoir quand finira votre cure et pour nous orienter réciproquement, si en effet notre réunion est possible, soit quelque part en Suisse, soit sur la route qui conduit à la mer noire. Donnez moi, je vous prie, l'adresse de votre soeur Anna, car le nom de Livadia ne doit guère être géographiquement connu dans ces parages. Et si j'avais à envoyer un télégramme, comment le faire? La G. D. Olga doit être au fait de tout cela, et vous pourriez l'apprendre par Eveline Massenbach. Ce que je vous envie en Suisse, c'est le bon café et la bonne crème, chose difficile, mais cependant possible à trouver, tandis qu'elle est absolument introuvable ici. Cela me met de mauvaise humeur dès le matin. Mille tendres amitiés. Ma femme vous embrasse et si j'osai—achevez ma phrase pour moi.

Переводъ.

Венеція, 19-го августа (1863).

Я очень радъ, любезная Дарья Федоровна, что я далъ вамъ хорошее извѣстiе, а сегодня могу вамъ сообщить, что оно подтверждается письмомъ вашей сестры Анны отъ 31-го iюля. Она, кажется, очень довольна и гордится тѣмъ, что можетъ сказать, что послѣ завтра, 2-го августа, мы покидаемъ Царское, чтобъ ѣхать въ Крымъ. Если вѣрить газетамъ, Государь поѣдетъ съ Императрицей до Нижнего. Надо надѣяться, что все это не встрѣтитъ препятствiй и приведетъ все въ хорошему концу. А относительно меня, я бы хотѣлъ знать, можно ли провести зиму въ Крыму до того, чтобъ рѣшить что бы то ни было; а ѣхать туда, чтобъ затѣмъ возвращаться поздней осенью, было бы и не легко и не благоразумно. Впрочемъ, не говорите вашей сестрѣ о моихъ колебанiяхъ, такъ какъ очень можетъ быть, что я

г*

еще отложу ихъ въ сторону. Вчера мы были въ Африкѣ, или на берегахъ Ганга, а сегодня мы въ Петербургѣ, на берегу Черной рѣчки. Погода совершенно измѣнилась въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Не знаю, что скажетъ сегодняшняя ванна, но всѣ эти дни холодныя ванны канала были теплыми ваннами. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать извѣстій отъ васъ, чтобъ знать, когда кончится ваше лѣченіе и взаимно ориентироваться, если наше соединеніе дѣйствительно состоится, либо гдѣ нибудь въ Швейцаріи, либо на дорогѣ, которая ведетъ къ Черному морю. Дайте мнѣ пожалуйста адресъ вашей сестры Анны. Имя „Ливадія“ не должно быть географическимъ названіемъ, извѣстнымъ въ здѣшней мѣстности. А если мнѣ надо будетъ послать депешу, какъ исполнить это? Великой Княгинѣ Ольгѣ вѣроятно все это извѣстно, и вы могли бы это узнать черезъ Эвелину Массенбахъ. То, чему я вамъ завидую въ Швейцаріи, это хорошій кофе и хорошія сливки. Это трудно найти, но возможно, здѣсь же это совершенно невозможно найти. Это съ утра наводитъ на меня дурное настроеніе духа. Сердечный привѣтъ. Моя жена васъ цѣлуетъ, а я кабы смѣлъ— кончите за меня фразу.

6.

St.-Petersbourg, 8 février 1866.

Des bruits confus et flatteurs parviennent jusqu'à moi, mais je ne sais rien de positif au sujet de mon apothèose. Comme c'est vous, qui avez été la fée tutélaire et la marraine du nouveau né caduc, c'est à vous que je m'adresse pour obtenir mon acte baptistaire. Je commence par exprimer l'espoir, que vous avez reçu ma lettre. Le comte Sollohub a-t'il pris chez Pogodin les poesies, que je vous avais indiquées dans ma lettre? S'il ne l'a pas fait, pourquoi ne s'est-il pas adressé à moi pour avoir d'autres pièces inédites, comme je vous avais offert, de mettre à sa disposition tout ce que j'avais en réserve dans ma besace. On me dit que la notice de Sollohub est charmante, je n'en doute pas, mais je voudrais en être convaincu, et puisqu'il est constaté que je suis une jolie femme, je voudrais avoir le miroir magique, pour me mirer tout à mon aise. Tout ce qui a été fait, lu et dit, à la séance en question, sera-t'il publié, ou bien n'aurais-je été proclamé grand homme, ou jolie femme, qu'à

la sourdine? Donnez-vous la peine, chère et aimable marraine, de satisfaire à ma légitime curiosité et tâchez de me faire mettre en possession de tous mes titres à l'immortalité. Je vous ennuie et vous vexez, mais que faire? Soyez généreuse et magnanime. *Ceci pour vous seule et tout-à-fait entre nous*: a-t-on lu à la séance une poésie de fort peu d'importance à moi, mais que j'affectionne particulièrement, la barcarolle, page 189: Разсѣянно она...? Sur ce, laissez moi vous serrer la main affectueusement, retrospectivement et actuellement et agréez l'hommage de mon dévouement inaltérable.

Wiasemsky.

Переводъ.

Петербургъ, 8-го февраля 1866 г.

Смутные и лестные слухи доходятъ до меня, но точнаго я ничего не знаю относительно моего апофеоза. Такъ какъ вы были крестной матерью и волшебной попечительницей запоздалаго новорожденнаго, то обращаюсь къ вамъ за моимъ метрическимъ свидѣтельствомъ. Начинаю съ того, что выражаю надежду, что вы получили мое письмо. Взялъ ли графъ Соллогубъ отмѣченныя мною стихотворенія у Погодина? Если нѣтъ, то почему онъ не обратился ко мнѣ за другими неизданными стихотвореніями, такъ какъ я предлагалъ ему чрезъ васъ доставить все, что оставалось у меня въ запасѣ, въ моей сумкѣ? Мнѣ говорятъ, что статья Соллогуба прелестна, и не сомнѣваюсь въ этомъ, но желалъ бы убѣдиться, и разъ что рѣшено, что я красивая женщина, я желалъ бы получить волшебное зеркало и налюбоваться въ немъ досыта. Будетъ ли напечатано, что было говорено, читано и сдѣлано на вышеозначенномъ засѣданіи, или я провозглашенъ великимъ человѣкомъ и красивой женщиной только подъ сурдинку? Потрудитесь удовлетворить моему законному любопытству, милая и дорогая крестная мать, и постарайтесь доставить мнѣ всѣ мои свидѣтельства на безсмертіе. Я вамъ надоѣдаю и сержу васъ, но что же дѣлать?... Будьте щедры и великодушны.

Читали ли на засѣданіи одно очень незначительное стихотвореніе, но которымъ я особенно дорожу, Баркаролла, стр. 189: Разсѣянно она...? За симъ, жму сердечно вашу руку, теперь и retrospectивно и прошу принять выраженія моего неизмѣннаго почтенія.

Вяземскій.

7.

Czarskoë Selo, 7 juillet 1866.

Je vous envoie toute ouverte la lettre, que j'écris à votre soeur. Vous y trouverez quelques détails concernant M-elle Daria, et tout ce que vous pourrez apprendre sur mon compte, si je ne compte pas sans mon hôte, en pensant que vous êtes, peut-être, envieuse d'apprendre quelque chose là dessus.

10.—J'ai vu hier le medecin de votre soeur. Il est plein d'espoir en sa guérison, si elle suit avec persévérance le traitement qu'il a entrepris. Il ne croit pas, qu'elle puisse se mettre en route avant la fin du mois d'août. J'ai entendu dire, que votre père avait demandé pour après-demain une consultation avec Zdekauer. Il faut voir ce qui en sera et M-me Tutcheff ne manquera certainement pas de vous instruire de tout ce qui aura été arrêté à cette occasion. Votre soeur a fait ses dévotions et a communié l'autre jour. Elle a parfaitement bien assisté aux prières et a supporté sans trop de lassitude les fatigues, qui les accompagnent. Sa femme de chambre persiste à dire, que M-elle Daria va mieux, et que ses souffrances, quand elles reviennent, sont moins fortes et durent moins qu'auparavant.

Voici, chère Mademoiselle Kitty, un rapport complet sur le sujet qui vous interesse. Je n'ai guère rien à vous dire de nouveau hors de ce sujet. Dans l'absence de la Cour Czarskoë Selo est silencieux, morne et apathique. Je ne hais pas cet état de prostration et d'atonie phisique et morale. Je me laisse vivre, je me laisse aller tout doucement à la dérive, sans mouvoir les rames, sans consulter le courant. Dans quelques jours ce sera tout autre chose. Je me trouverai en pleine mer, en pleine agitation à Péterhoff. Quand vous écrirez à votre maman, dites lui bien de choses affectueuses de ma part, ainsi qu'à M-me Marie. Rappelez moi au bon souvenir de votre tante et agrééz l'impression de mon tendre et à jamais inaltérable dévouement.

Wiasemsky.

Dites à Souschkoff que je ne suis pas encore en possession de la caisse, qui contient les mémoires de Храповицкій. Ma femme me charge de vous transmettre ses amitiés.

Переводъ.

Царское Село, 7-го іюля 1866 г.

Посылаю вамъ не запечатанное письмо, написанное мною вашей сестрѣ. Вы найдете нѣсколько подробностей на счетъ Дарьи Ѳедоровны, и все, что вы можете узнать обо мнѣ, если только я не ошибаюсь, и вы желаете узнать что нибудь по этому поводу.

10-е. Я вчера видѣлъ врача вашей сестры. Онъ полонъ надеждъ на счетъ ея выздоровленія, если она исполнитъ аккуратно все предписанное имъ лѣченіе. Онъ не думаетъ, чтобъ она могла пуститься въ путь раньше конца августа. Я слышалъ, что вашъ отецъ хотѣлъ послѣ завтра пригласить Здекауера на консультацію. Увидимъ, что изъ этого выйдетъ, а Госпожа Тютчева конечно сообщитъ вамъ, что рѣшатъ. Ваша сестра говѣла и на дняхъ причащалась. Она отлично выстаивала службы и перенесла эти труды безъ большого утомленія. Ея дѣвушка утверждаетъ, что ей лучше и что боли, когда онѣ возвращаются, менѣе сильны и не такъ долго продолжаются, какъ прежде. Вотъ, любезная Екатерина Ѳедоровна, подробный отчетъ объ интересующемъ васъ вопросѣ. Кромѣ этого кажется почти нечего вамъ сказать. Въ отсутствіе Двора Царское безмолвно, мрачно и апатично. Я не ненавижу это состояніе изнеможенія и физическаго и нравственнаго расслабленія. Я живу потихоньку, меня уноситъ по теченію, и я не певелю веслами и не вопрошаю теченіе. Черезъ нѣсколько дней все будетъ совсѣмъ иначе. Я буду въ открытомъ морѣ среди полной Петергофской суеты. Когда вы будете писать вашей Маменькѣ, пожалуйста передайте ей и госпожѣ Маріи мой сердечный привѣтъ. Напомните обо мнѣ вашей Тетушкѣ и примите выраженіе моей нѣжности и неизмѣнной преданности.

Вяземскій.

Скажите Сумькову, что я еще не получилъ ящика съ бумагами Храповицкаго. Моя жена поручаетъ мнѣ передать вамъ ея привѣтъ.

8.

Péterhoff, 28 juillet.

J'apprends, chère Mademoiselle Kitty, (j'aurais du vous donner de l'excellence, en réponse à votre glacial „mon prince“), que vous êtes à Czarskoë Selo, et je m'empresse de venir vous souhaiter la

bienvenue et la malvenue à la fois, car il m'est très dur de vous savoir à Czarskoë Selo, tandis que nous sommes dans notre grenouillère péterhoviennne, et que d'après les „on dit“ authentiques des истопники et des écureuses de vaisselle, nous devons y grenouiller encore une bonne partie du mois d'août. Vous continuez à bailler à mon adresse. C'est un parti pris, je le vois bien. J'ai communiqué votre lettre à Valouieff, qui m'a répondu: „Справлюсь, постараюсь, болѣе сказать ничего не могу“. C'est bien peu de chose, et je n'ai pas le courage de le répéter à M-r Souschkoff. Agissez comme vous le trouverez bon et remettez lui, je vous prie, la lettre ci-jointe qu'il m'avait confiée. Que fait la chère Mademoiselle Darius? On me dit, que l'on la rencontre à la promenade, ce qui prouverait, qu'elle va un peu mieu. Dieu veuille. Dites moi ce que vous comptez faire et combien de temps resterez vous dans nos parages. J'espère bien, en tout cas, que vous ne répartirez pas pour Moscou, sans venir voir l'Impératrice.

Mille tendresses affectueuses aux deux soeurs.

Wiasemsky.

Переводъ.

Петергофъ. 28-го іюля. (Безъ года, но по
всѣмъ вѣроятіямъ—1866 г.).

Я слышу, любезная Екатерина Федоровна, что вы въ Царскомъ, (въ отвѣтъ на ваше ледяное „Князь“ я бы долженъ васъ почтить превосходительствомъ), и сіѣпу привѣтствовать васъ и въ то же время выразить сожалѣніе, потому что мнѣ очень горько знать, что вы въ Царскомъ, когда мы еще въ нашемъ петергофскомъ лягушатникѣ. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ истопниковъ и смывалокъ посуды, мы должны еще лягушатничать бѣольшую часть августа. Вы продолжаете притворяться относительно меня. Я вижу очень ясно, что это ужъ такое положеніе. Я передалъ ваше письмо Валуеву, который мнѣ отвѣтилъ: „Справлюсь, постараюсь, болѣе ничего сказать не могу.“ Это очень мало и у меня не хватаетъ храбрости, чтобы повторить это Г-ну Сушкову. Дѣйствуйте, какъ найдете лучше, и передайте ему пожалуйста письмо, которое онъ мнѣ поручалъ. Что дѣлаетъ милая дѣвица Дарій? Мнѣ говорятъ, что ее иногда встрѣчаютъ на гуляньѣ.

Это доказываетъ, казалось бы, что ей немного лучше. Дай Богъ. Скажите мнѣ пожалуйста, что вы намѣрены дѣлать и сколько времени вы пробудете въ нашихъ краяхъ. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что вы не вернетесь въ Москву, не повидавъ Императрицу. Тысячу сердечныхъ нѣжностей обѣимъ сестрамъ.

Вяземскій.

9.

17 decembre.

Tout au contraire, je vous prie de me tracasser, d'abord cela vous oblige involontairement à penser à moi, et puis, cela me donne la facilité de vous prouver que je suis tout zèle et tout empressement quand il s'agit d'obéir à vos ordres. Vous voyez que le bénéfice est doublement de mon côté. Ainsi tracassez, tracassez toujours, sans vous rebuter. Il en restera toujours quelque chose à mon profit. Et vous savez, que charité bien ordonnée commence par soi-même. Ne vous étonnez donc pas, si je vous impose de l'ennui qui se traduit en plaisir pour moi. Le billet ci-joint de Walouieff vous prouvera que je n'ai pas tardé à lui mettre le couteau sur la gorge. Ce qu'il en adviendra, je l'ignore, car parole de ministre est comme parole de femme. Bien fou qui s'y fie! Au reste, je viens de le voir à l'instant, et il m'a de nouveau confirmé de propre bouche ce qu'il m'a dit de main propre. Communiquez, je vous prie, le commencement du billet à M-me Julie Titoff, néé Lewitzky. Vous devez la connaître, ou connaissez quelqu'un qui la connaît. C'est une réponse à sa lettre. Plus tard, je lui écrirai plus longuement, quand j'aurais de plus amples renseignements. J'ai vu dernièrement ma voisine, votre soeur Daria. Il me semble qu'elle va mieux. Elle est bien établie et logée en princesse. Je n'ai rien de bon à vous dire sur mon compte. J'ai fréquemment de mauvaises nuits, et les mauvaises nuits ne donnent pas de bonnes journées. Votre soeur a entrepris ma cure avec de la земляника оренбургская, qui ne se trouve qu'à Moscou. Ne pourriez vous pas la déterrer et m'en donner des nouvelles. Vous voyez bien, que je me permets aussi de vous tracasser, chère Mademoiselle Cathérine. C'est encore de la sympathie. Hélas, à mon âge, je ne puis vous en offrir une autre plus séduisante. Ma

femme est bien sensible à votre bon souvenir et vous dit mille amitiés, et moi, je vous dis deux mille tendresses respectueuses et tracassières.

Votre tout dévoué Wiasemsky.

Adressez moi vos tracasseries, car j'y compte, въ Большую Миліонную, у Машкова переулка, домъ № 16.

Dites, je vous prie, de ma part bien de choses à votre tante et à votre oncle, ainsi qu'à M-me Aksakoff.

Переводъ.

17-го декабря, (вѣроятно 1866 г.)

Напротивъ того, прошу васъ меня беспокоить: во первыхъ, это заставляетъ васъ невольно думать обо мнѣ, и потомъ, это облегчаетъ мнѣ возможность доказать вамъ, что я послѣшно и ревностно стараюсь исполнить ваши приказанія. Видите, выгода вдвойнѣ на моей сторонѣ. Итакъ, беспокойте, беспокойте смѣлѣе, не останавливаясь. Все что нибудь да перепадетъ мнѣ. А вы знаете, что хорошо направленное милосердіе всегда начинается съ себя. Не удивляйтесь же, если я васъ подвергну скукѣ, которая для меня переведется въ удовольствіе. Прилагаемая записка Валуева докажетъ вамъ, что я не замедлилъ приступить къ нему съ ножомъ къ горлу. Чтò изъ этого выйдетъ, я не знаю, потому что вы знаете, что слово министра то же самое, что слово женщины. Безуменъ тотъ, который на него положится! Между прочимъ я сейчасъ видѣлъ его, и онъ собственными устами подтвердилъ то, что онъ мнѣ сказалъ собственноручно. Передайте пожалуйста начало записки Г-жѣ Юліи Титовой, рожденной Левицкой. Вы должны ее знать, или по крайней мѣрѣ кого-нибудь, кто ее знаетъ. Это отвѣтъ на ея письмо. Позднѣе, когда у меня будутъ болѣе подробныя свѣдѣнія, я ей напишу пространнѣе. Я недавно видѣлъ свою сосѣдку, вашу сестру Дарью. Мнѣ кажется, что ей лучше. Она хорошо устроилась, помѣщеніе княжеское. Про себя ничего не могу вамъ сказать хорошаго. У меня часто сверныя ночи, а сверныя ночи не даютъ хорошихъ дней. Ваша сестра взялась меня лѣчить оренбургской земляникой, которую можно найти только въ Москвѣ. Не можете ли вы ее разыскать и дать о ней свѣдѣнія. Вы видите, я тоже позволяю себѣ приставать къ вамъ для себя. Давайте

приставать другъ къ другу, любезная Екатерина Федоровна. Все же это симпатія. Къ сожалѣнію, въ мои годы не могу вамъ предложить другой, болѣе привлекательной. Моя жена очень благодаритъ васъ за добрую память и велитъ передать тысячу нѣжностей, а я вамъ говорю двѣ тысячи почтительныхъ и надоѣдливыхъ нѣжностей.

Преданный вамъ Вяземскій.

Присылайте ваши приставанія на Большую Милліонную, у Машкова переулка, домъ № 16. Я на нихъ разсчитываю. Пожалуйста напомните обо мнѣ вашей тетускѣ, и вашему дядѣ, и Госпожѣ Аксаковой.

10.

29 décembre 1866.

Si j'étais plus jeune, ou du moins, si je n'étais pas aussi vieux, j'aurais composé une fable et elle vous eut été dédiée: la rose et la fraise. Mais malheureusement, les roses ne sont plus de saison pour moi, et mon estomac n'a plus besoin que des fraises séchées. C'est sec, mais c'est vrai. Recevez néanmoins mes remerciements en prose, mais bien sentie et toute cordiale, pour votre aimable et curative attention. Je vais m'abreuver de votre thé, dormir comme un bienheureux, et rêver à vous aussi tendrement, que je songe à vous, quand je suis éveillé. Je vois assez souvent votre soeur Daria, et suis content de son état et de son humeur. Je vous désire tout plein de bonnes choses pour l'année 1867, et espère qu'elle ne s'écoulera pas sans m'avoir donné la satisfaction de vous revoir.

Dites, je vous prie, mes compliments affectueux à toute la famille et dites vous à vous-même tout ce que vous voudriez, que je vous dise. Je souscris d'avance à tout avec confiance et empressement.

Wiasemsky.

Переводъ.

29-го декабря 1866 г.

Если бы я былъ моложе, или покрайней мѣрѣ не такъ старъ, я сочинилъ бы басню и посвятить бы ее вамъ: розанъ и земляника. Но къ сожалѣнію розаны болѣе мнѣ не къ лицу, а желудокъ мой нуждается только въ сухой земляникѣ. Это сухо, но это правда. Примите все же мою прочувствованную и искреннюю благодарность въ

прозѣ за ваше любезное и лѣчбное вниманіе. Я буду упиваться вашимъ чаемъ, спать какъ блаженный и мечтать о васъ во снѣ также нѣжно, какъ я мечталъ о васъ на яву. Я довольно часто вижу вашу сестру Дарью и доволенъ ея состояніемъ и ея настроеніемъ.

Желаю вамъ массу хорошихъ вещей на 1867 годъ и надѣюсь, что онъ не пройдетъ, не давъ мнѣ удовольствія васъ видѣть. Пожалуйста передайте мой искренній привѣтъ всему семейству, а себѣ скажите все, что вы бы хотѣли, чтобъ я сказалъ вамъ. Усердно, и съ полнымъ довѣріемъ напередъ все подписываю.

Вяземскій.

11.

Czarskoë Selo, 30 mai 1868.

Je vois, que vous n'êtes pas dans le vrai, et je viens rectifier vos idées. Vous me croyez un nécessaire de voyage. C'est une erreur. Je ne suis pas même un en cas. Je suis une grande inutilité honorable. Voilà tout. Je ne viens pas à Kissingen parce que l'on ne m'y prend pas. Pas plus fin que cela.

Et rose, j'ai vécu ce que vivent les roses:

L'espace d'un matin.

N'allez pas prendre tout ceci pour une plainte, un ressentiment, un dépit, Dieu m'en garde. D'ailleurs, mes vers vous prouvent, que je ne suis pas un malcontent. Je ne suis pas un eunuque révolté, impliqué dans la révolte du sérail. Vous saurez probablement, que les demoiselles Frédéricks ont quitté la Cour, ayant demandé et obtenu leur congé. La vielle garde meurt, mais ne cède pas à la C-tesse Alexandrine Tolstoy. C'est féodal, mais c'est bien, si l'on veut. Cela a de la couleur. Et nous sommes tous tellement ternes, qu'un peu de bigarrure, rococo a son charme. A propos de terne, et soit dit en passant, votre encre bleu l'est aussi, et mes mauvais yeux ont eu de la peine à y voir clair. Tout ce que je vous dis de moi, comme *rose déchue*, est bien entendu pour vous seule, et intimement, et exclusivement seule. C'est une grande preuve de confiance, que je vous donne, que cet épanchement non de bile—le ciel n'est pas plus pur, que le fond de mon coeur,—mais de sincérité rectificative. Ce sont quelques lignes d'histoire contemporaine et autobiographique.

Continuez à rêver à moi, ne fut ce que sur une plaine de neige. Il serait difficile même en rêve de me trouver ailleurs, qu'au milieu des frimas. C'est de mon âge et de ma saison. Quant'au livre que nous lisions, je vais mettre mes rêves aux enquêtes, pour en saisir le titre. Ne serait-ce pas *l'an 2240, ou rêve s'il en fut jamais?* C'est le titre d'un ouvrage publié à la fin du siècle dernier. Quand nous nous retrouverons avec vous cette année là dans quelque planète, nous aurons peut-être le mot de l'énigme. En tout cas, c'est dit, nous avons entre nous un livre à nous commun. Il ne se trouve pas dans le commerce de la librairie, il est peut-être inedit, il ne contient peut-être que des feuilles blanches. C'est égal. Je sais bien ce que j'y inscrirai l'an 2240. Avis et salut au lecteur, ou à la lectrice bienveillante!

D'après les bruits des cours et d'antichambres, car c'est là que l'on attrape les nouvelles vraies, l'Impératrice et les enfants cadets nous quittent le 30 juin.

Merci pour votre bonne et *très chère* lettre. Mille hommages dévoués et particulièrement affectueux. W.

Tâchez, ne fut-ce que par un mot, de m'accuser la réception de la lettre. Je n'aimerais pas à voir ma *rose* égarée ou perdue.

Переводъ.

Царское Село, 30-го мая 1868.

Я вижу, что вы ошибаетесь, и пришель возстаповить истину въ вашихъ мысляхъ. Вы думаете, что я дорожная необходимость. Это ошибка. Я даже не на всякій случай *). Я только почтенная ничтожность. Больше ничего. Я не ѣду въ Киссингенъ, потому что меня не берутъ. Не глубокомысленнѣе этого.

И розанъ, я прожилъ жизнь розана, время одного утра.

Не примите все это за жалобу, неудовольствіе, огорченіе. Боже избави. Впрочемъ, стихи мои вамъ докажутъ, что я не недовольный. Я не взбунтовавшійся евнухъ, который принялъ участіе въ возмущеніи серала. Вы вѣроятно знаете, что барышни Фредериксъ разстались со Дворомъ, просили отставку и получили ее. Старая гвардія умира-

*) Игра словъ: Нессеръ. Необходимость и дорожный мѣшокъ. Зонтикъ отъ солнца и дожда.

еть, но не уступить дороги графинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой. Это феодаально, но это хорошо, если хотите. Мы всѣ такъ безцвѣтны, что маленькое развлеченіе рококо, не безъ прелести. Кстати о безцвѣтности; скажу мимоходомъ, что ваши голубыя чернила тоже безцвѣтны, и мои дурные глаза плохо разбираютъ ихъ. Все, что я вамъ говорю про себя, какъ о павшемъ розанѣ, конечно для васъ одной, исключительно и безусловно. Это изліяніе, не желчи, а оправдательной искренности, большой знакъ моего довѣрія къ вамъ. Небо не чище глубины моего сердца. Это нѣсколько строкъ автобіографической и современной исторіи. Продолжайте мечтать обо мнѣ, хотя бы среди снѣжной равнины. Трудно было бы даже и во снѣ думать обо мнѣ иначе, какъ среди морозовъ. Это мнѣ и къ лицу, и по годамъ. Что же касается книги, которую мы читали, я прибѣгну къ моимъ снамъ, чтобы отыскать названіе. Не 2240 ли годъ или мечта изъ мечтаній? Это названіе одной книги, которая была напечатана въ концѣ прошлаго столѣтія. Когда мы встрѣтимся съ вами на какой нибудь планетѣ въ данномъ году, мы поймемъ можетъ быть значеніе загадки. Во всякомъ случаѣ между вами и мной есть общая намъ книга, которая не находится ни въ торговлѣ, ни въ библіотекѣ, можетъ быть даже не издана и можетъ быть состоятъ исключительно изъ бѣлыхъ страницъ. Это все равно. Я очень хорошо знаю, что я въ ней запишу, въ 2240 году. Примѣчаніе читателю или благодушной читательницѣ и поклонъ.

По придворнымъ и лакейскимъ слухамъ, а это самые вѣрные, Императрица и меньшія дѣти оставляютъ насъ 30-го іюня.

Благодарю Васъ за ваше доброе и очень дорогое письмо. Тысячу особенно нѣжныхъ и почтительныхъ привѣтовъ. В.

Постарайтесь отвѣтить мнѣ хотя бы однимъ словомъ. Я бы не хотѣлъ, чтобы мой розанъ заблудился бы или пропалъ.

12.

Homburg v. d. H.
Ferdinandstrasse. 2.

30 déc. 73.
11 janv. 74.

Nous ne voulons pas, chère mademoiselle Daria, achever l'année sans nous rappeler à votre bon souvenir, ainsi qu'à celui de

votre maman. Nous sympathisons trop sincèrement avec votre deuil et votre douleur pour vous offrir des félicitations banales au sujet de l'année qui s'approche. Mais laissez nous, votre maman et vous, profiter de l'occasion pour vous prier d'agréer nos vœux modestes, mais fervents, puisse cette année vous donner de la santé et un peu de calme. On nous avait dit, que votre maman comptait aller passer quelque temps auprès de son frère, qu'en est il advenu? En tout cas, si vous ou maman deviez traverser Francfort, ou toute autre région voisine, n'oubliez pas, que Homburg est tout près, et venez nous voir, ou bien donnez-moi rendez-vous quelque part. Je parle de Homburg, comme un homme attaché et rivé à son sol, mais vous savez, qu'en fait d'avenir je n'aime pas à voir plus loin que mon nez, et vous savez tout aussi bien que mon nez prend fort peu de place sur mon visage. Partout où je suis, je crois que je n'en sortirai pas. Voici près d'un an que nous bivouaquons ici. Nous y avons peu, ou plutôt nous n'y avons aucune ressource, excepté le bon air, l'air vivifiant que l'on attribue à Homburg. C'est déjà quelque chose pour un malade. Le temps marche et passe comme partout ailleurs. A nos âges, ma femme et moi, l'on ne vit plus, on végète, et vaut tout autant végéter ici que dans un autre endroit. J'espère que vous nous donnerez de vos nouvelles et nous parlerez de votre maman, à laquelle je baise la main bien affectueusement, et de vos soeurs au souvenir desquelles je vous prie de me rappeler. Ma femme est indisposée, elle a eu le talent de prendre froid, sans sortir de la maison, qui, du reste, est passablement chaude. Tous deux, nous vous prions, maman et fille, d'agréer l'impression de notre attachement bien vrai et invariablement dévoué.

Wiasemsky.

Переводъ.

Гомбургъ передъ высотами.

Фердинандъ штрассе. № 2.

30-го декабря 73.

11-го января 74.

Любезная Дарья Федоровна, мы не хотимъ кончить годъ, не напомнивъ о себѣ вамъ и вашей маменькѣ. Мы слишкомъ искренно сочувствуемъ вашей потерѣ и вашему горю, чтобы предлагать вамъ

заурядныя поздравленія съ наступающимъ годомъ. Но позвольте намъ, и вы и ваша маменька, воспользоваться случаемъ, чтобъ выразить вамъ наши скромныя, но усердныя пожеланія. Пусть этотъ годъ вамъ принесетъ добраго здоровья и немного спокойствія. Намъ говорили, что ваша маменька собирается провести нѣкоторое время у своего брата. Чѣмъ это кончилось? Во всякомъ случаѣ, если маменька или вы будете проѣзжать черезъ Франкфуртъ или какой нибудь другой сосѣдній городъ, не забудьте, что Гомбургъ рядомъ, и пріѣзжайте къ намъ или назначьте намъ гдѣ нибудь свиданіе. Я говорю про Гомбургъ, какъ человѣкъ прикованный къ землѣ, но вы знаете, что на счетъ будущаго я не люблю видѣть дальше моего носа, а вы сами знаете, что мой носъ занимаетъ очень мало мѣста на моемъ лицѣ. Я всегда думаю, что никогда не покину то мѣсто, на которомъ нахожусь. Вотъ уже скоро годъ, что мы здѣсь бивуакируемъ. У насъ здѣсь очень мало ресурсовъ, или скорѣе ихъ даже совсѣмъ нѣтъ, кромѣ хорошаго оживотворяющаго воздуха, который приписываютъ Гомбургу. Для больного это что-нибудь. Время идетъ и проходитъ, какъ вездѣ. Въ наши года, жены и меня, не живешь, а прозябаешь, и можно прозябать здѣсь точно такъ же, какъ и въ другомъ мѣстѣ. Надѣюсь, что вы намъ дадите извѣстія о себѣ и поговорите о вашей маменькѣ, которой сердечно цѣлую ручки, и о вашихъ сестрахъ, которымъ прошу поклониться. Моя жена не совсѣмъ здорова. Она ухитрилась простудиться, не выходя изъ дому, который однако довольно теплый. Мы оба просимъ васъ, мать и дочь, принять выраженіе нашей искренней и неизмѣнной преданности.

Вяземскій.

13.

Homburg es monts.

9/10 juillet 1875.

Pourquoi faites vous de mechantes contes sur mon compte? Où, comment, quand avez vous trouvé, que vous avez perdu mon auguste bienveillance et mon humble affection? Quand m'avez-vous écrit, et quand ne vous ai-je pas répondu? Avouez, belle et chère dame, que tout cela sont de inventions, et que ce sont des finesses cousues de gros fils blancs. Le fait est que vous ne vouliez pas vous donner la

fatigue et la peine d'écrire une lettre, et que vous avez mieux aimé charger Marie de cette besogne. Vous voyez bien que je vous déchiffre, vous devinez, vous reconnaissez et vous connaissez. Mais je suis bon prince et vous pardonne vos petites manigances. Venons au fait, je n'ai ici aucune lettre, aucun billet de votre père. En général je n'ai jamais été en correspondance avec lui. Tous mes papiers sont à Pétersbourg. Je vais écrire à celui qui les conserve pour faire les recherches nécessaires, en lui recommandant d'envoyer à votre beau frère tout ce que lui tomberait sous la main de l'écriture de votre père. Je vous prie de communiquer tout ceci à M-r Aksakoff. Avez-vous des projets de voyage et ne vous viendrait-il pas en tête de passer par Homburg?—Et que fait maman? Dites lui, je vous prie, toutes nos amitiés et nos affectueux et constants souvenirs. Quant à vous, sans rancune, mais à l'avenir, ne me mettez pas à dos et en coeur vos injustes et coupables billevesées. Je vous serre les mains affectueusement et y dépose mes tendres et chastes baisers.

Wiasemsky.

Переводъ.

Гомбургъ на горахъ.
6—18-го іюля 1875 г.

Почему вы распускаете на мой счетъ злыя сказки? Гдѣ, когда и почему вы нашли, что потеряли мою августѣйшую благосклонность и скромную дружбу? Сознайтесь, чудная и дорогая госпожа, что все это ваши выдумки и что эти хитросплетения пропитаны тлстыми бѣлыми нитками. Дѣло въ томъ, что вы не хотѣли дать себѣ труда и скуки написать письмо и что вы предпочли поручить это дѣло Мари. Вы видите, что я васъ разбираю, отгадываю, узнаю и знаю. Но я добрый человѣкъ и прощаю ваши маленькія хитрости. Подойдемте къ дѣлу. У меня здѣсь нѣтъ ни писемъ, ни записокъ вашего отца. Вообще я никогда не былъ съ нимъ въ перепискѣ. Всѣ мои бумаги въ Петербургѣ. Я напишу тому, у котораго они хранятся, чтобы онъ произвелъ нужные поиски, и скажу ему послать вамъ зятю все, что попадетъ ему подъ руку написанное почеркомъ вашего отца. Прошу васъ сообщить все это Г-ну Аксакову. Не собираетесь ли вы путешествовать и не придетъ ли вамъ въ голову проѣхать черезъ Гомбургъ? Что дѣлаетъ маменька? Передайте ей, пожалуйста, нашъ

6

привѣтъ и нашу дружескую и вѣрную память. А вамъ, безъ упрековъ; по другой разъ не навязывайте мнѣ ни на спину, ни на сердце несправедливья и пустья сказки. Нѣжно жму ваши руки и позволяю себѣ приложить къ нимъ мои дружескіе и чистые поцѣлуи.

Вяземскій.

14.

Homburg ès monts.

7/18 juillet. 77.

Je suis très sensible, chère mademoiselle Daria, à votre bon souvenir et vous remercie pour votre lettre et vos félicitations. C'est un fleuron, que vous enlacez dans ma couronne octogénaire, octogénaire avec fractions. Je suis plus sage, que le vieillard de Lafontaine. Je ne pense plus à planter et à bâtir. Je me borne à végéter. Quand on me demande: „comment allez-vous? Je réponds: „Je ne vais plus, je reste.“ Avec tout cela, votre lettre datée de Péterhoff a ravivé les souvenirs du bon vieux temps. Il est loin ce bon vieux temps! Mais j'aime à vous retrouver dans votre maisonnette au bord de l'eau, et apprendre que je n'y suis pas complètement oublié. Je remercie mon patron de m'avoir valu un souvenir affectueux de votre part. Cette fois ci, nous sommes très seuls. Tous ceux de notre famille, qui avaient eu l'intention de venir nous voir, ont du renoncer à leur projet. L'été même me manque. Nous n'en avons pas. Après quelques chaudes journées, nous en avons de fraîches avec vent et pluie. Et moi, qui ai besoin de me fortifier au grand air et de me nourrir de soleil. Cela me désoriente et me contrarie. Nous regrettons beaucoup que votre maman ne vienne pas nous voir. Nous aurions été si heureux de l'abriter et de la choyer sous le toit et les ombrages de notre villa. Dites lui, je vous prie, nos plus tendres amitiés. Ne m'oubliez pas aussi, quand vous écrirez à votre soeur Catherine. Comment va sa santé? Elle s'en plaignait lors de notre rencontre à Weimar. Vous ne me dites rien de la votre, et j'aime à croire qu'elle est bonne. Remerciez M-elle Milutine de ne pas oublier son старый и престарый именинникъ—et laissez-moi vous serrer et vous baiser affectueusement la main, comme au bon vieux temps.

Wiasemsky.

Переводъ.

Гомбургъ на горахъ.

7—19-го іюля 1877 г.

Я очень тронутъ вашей доброй памятью, любезная Дарья Федоровна, и благодарю васъ за ваше письмо и поздравленіе. Это цвѣтокъ, который вы вплели въ мой восьмидесятилѣтній вѣнокъ, восьмидесятилѣтній съ дробями. Я разумнѣе старика Лафонтена. Я не думаю больше строить и сажать. Я довольствуюсь прозябаніемъ. Когда у меня спрашиваютъ: какъ вы поживаете? — я отвѣчаю: никакъ не живу, я застылъ. Не смотря на это, ваше письмо, помѣченное „Петергофъ“, оживило во мнѣ воспоминанія добраго, стараго времени. Какъ оно далеко, это доброе, старое время! Но я люблю думать о васъ въ вашемъ домикѣ, на берегу воды, и знать, что меня тамъ не совсѣмъ забыли. Благодарю моего ангела, что благодаря ему я получилъ отъ васъ дружеское воспоминаніе. Мы очень одиноки этотъ разъ. Всѣмъ тѣмъ изъ нашего семейства, которые собирались насъ посѣтить, пришлось отказаться отъ этого намѣренія. Даже лѣто намъ измѣнило. У насъ его не было. Послѣ нѣсколькихъ теплыхъ дней наступила свѣжая погода, съ вѣтромъ и дождемъ. А мнѣ бы надо было подкрѣпляться на вольномъ воздухѣ и пропитываться солнцемъ. Мнѣ это досадно и сбиваетъ меня. Мы очень сожалѣемъ, что вапа маменька не пріѣдетъ повидаться съ нами. Мы были бы такъ счастливы пріютить ее и ухаживать за ней подъ крышей и въ тѣни нашей виллы. Передайте ей, пожалуйста, нашъ самый сердечный привѣтъ. Не забудьте меня также, когда будете писать вашей сестрѣ Екатеринѣ. Какъ ея здоровье? Она жаловалась, когда мы встрѣтились въ Веймарѣ. Вы ничего не говорите о себѣ, надѣюсь, что вы здоровы. Поблагодарите Е. Д. Милютину за то, что не забыла своего „стараго и престараго именинника“, и позвольте мнѣ сердечно пожать и поцѣловать вашу руку, какъ въ доброе старое время.

Вяземскій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стр. 62—68. Письма отъ 4, 9, 19 августа изъ Венеціи, вѣроятно, писаны въ 1863 году. Въ этомъ году въ Венеціи княземъ Вяземскимъ написанъ рядъ стихотвореній, и въ одномъ изъ нихъ читаемъ:

Изъ Венеціи въ Ливадію

Переходитъ мысль моя.

(Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1896. XII, 35).

Н. Б.

Стр. 68—69. 26 февраля 1866 года исполнилось пятидесятилѣтіе со дня избранія князя Вяземскаго (26 февраля 1816 года) въ члены Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности. Общество отпраздновало этотъ день публичнымъ засѣданіемъ, на которомъ графъ В. А. Сологубъ прочелъ о значеніи князя П. А. Вяземскаго въ Россійской Словесности (Бесѣды въ Обществѣ Россійской Словесности. М. 1867. I, 17—32).

Н. Б.

На послѣдней страницѣ этого письма иной рукой приписана баркаролла князя Вяземскаго:

Разсѣянна она

Мнѣ руку протянула:

И молча, долго я

Ее въ своей держалъ.

Я вздрогнулъ, а она,

Вглядясь въ меня зѣвнула;

Но скуки праздный взоръ

Ея не выражалъ.

Ни гнѣвъ не вспыхнетъ въ ней,
Ни искрою участя
Отрады не подасть
Она въ моей тоскѣ.
Но сердцу ли роутать?
Съ него довольно счастья,
Что обожлось оно,
Прильнувъ къ ея рукѣ.

(Ср. Полное Собрание Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.
Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1887. XI, 86.)

С. Д.

Стр. 76—78. Графиня Александра Андреевна Толстая (р. 17 іюля 1816 † 31 марта 1904) въ 1866 г. была назначена фрейлиной Императрицы Маріи Александровны и въ то же время воспитательницей Великой Княжны Маріи Александровны на мѣсто Анны Ѳедоровны Тютчевой, вышедшей въ это время замужъ за Ивана Сергѣевича Аксакова.

С. Д.

Князя П. А. Вяземскаго
ПРИГЛАШЕНІЕ ДРУЗЕЙ НА ПИКНИКЪ.

Да будетъ извѣстно честнымъ господамъ, что я завтра ѣду въ Царское Село и предлагаю въ четвергъ вечеромъ, или въ пятницу въ обѣденное время, или въ ужинное составить прощальный пикникъ, гдѣ, какъ и у кого угодно. Вотъ предлагаемые, или лучше сказать предполагаемые собесѣдники:

Алексѣй Оленинъ junior.

Грибоѣдовъ.

Киселевъ.

Пушкинъ.

К. Сергѣй Голицынъ.

Шиллингъ.

Мицкевичъ.

Если проектъ мой будетъ одобренъ честными господами, то приглашаю ихъ приступить къ принятію потребныхъ мѣръ въ отношеніяхъ личныхъ, мѣстныхъ и свѣстныхъ, а тѣмъ паче питейныхъ. Я заранѣе даю на все свое согласіе. Въ четвергъ явлюсь за отвѣтомъ.

Читалъ junior.

Читалъ Пушкинъ и лапу приложилъ.

Подлинникъ этого собственноручнаго приглашенія князя П. А. Вяземскаго хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеехъ, куда былъ подаренъ И. Е. Бецкимъ въ числѣ другихъ автографовъ его собранія.

Написано это приглашеніе на отрѣзѣѣ писчаго листа, длиною 31, шириною 19½ сантиметровъ; водяныхъ знаковъ нѣтъ.

Можно предположить, что листокъ этотъ былъ оставленъ княземъ Вяземскимъ или у себя на дому, или въ клубѣ для свѣдѣнія „предполагаемыхъ собесѣдниковъ“. Изъ числа послѣднихъ только двое удостовѣрили своей подписью, что до нихъ дошло это приглашеніе; причемъ Пушкинъ шутливой подписью, очевидно, памекаль на свое арзамасское прозвище— „сверчокъ“.

С. Д.

Д Ъ Л О

О БЫВШЕМЪ ВЪ ПЕКИНѢ ІЕРОМОНАХЪ АЛЕКСѢЙ.

Документы эти извлечены членомъ Общества Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія В. Н. Смольяниновымъ изъ находящагося въ его завѣдываніи извѣстнаго фамильнаго архива князя Ѳ. А. Куракина при Страннопріимномъ домѣ имени князей Куракиныхъ, что у Красныхъ воротъ въ Москвѣ.

Оберкамергеръ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ (1751—1809) ходатайствовалъ за игумена Алексѣя передъ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ (1752—1818) не только потому, что тотъ былъ въ это время вице-канцлеромъ, т. е. министромъ иностранныхъ дѣлъ, но и по увѣренности въ его доброжелательномъ къ себѣ расположеніи, ибо они были друзьями съ ранняго дѣтства и вмѣстѣ воспитывались за границею.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, кромѣ огромнаго количества разнаго рода писемъ и дѣловыхъ бумагъ за XVII—XIX вв., заключаетъ въ себѣ 1375 переплетенныхъ рукописныхъ фоліантовъ весьма важнаго историческаго содержанія. Нѣкоторая часть этихъ бумагъ уже напечатана въ десяти томахъ „Архива князя Ѳ. А. Куракина“ (1890—1902 гг.) подъ редакціею сначала М. И. Семева, а начиная съ III тома—В. Н. Смольянинова. Съ 1903 года князь Ѳедоръ Алексѣевичъ печатаетъ ихъ двумя параллельными изданіями, подъ названіемъ „XVIII вѣкъ“ и „XIX вѣкъ“.

1.

**Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ—князю Александру
Борисовичу Куракину.**

1798 мая 3.

Милостивый государь мой князь Александръ Борисовичъ. Устюжскаго Николаевскаго Моденскаго монастыря игумень Алексѣй, бывшій нѣкогда въ селѣ моемъ Останкипѣ діакономъ, а послѣ уже отправленный по указу Святѣйшаго Синода въ Пекинъ, гдѣ находился четырнадцать лѣтъ іеромонахомъ въ свитѣ архимандрита Іоакима Шипковскаго, проситъ меня убѣдительноше черезъ письмо о доставленіи ему возможной помощи къ полученію недоданнаго жалованья за два года, о чемъ изъ его прошенія и двухъ копій, свидѣтельствующихъ дѣятельную его тамъ бытность, яснѣе усмотрѣть изволите. Я, уважая, съ одной стороны, дѣла его и добропорядочную бытность въ моемъ домѣ, съ другой же, зная совершенно, съ какимъ удовольствіемъ ваше сіятельство являете себя на помощь ищущимъ благотворенія вашего, смѣю покорнѣйше просить о принятіи и сего просителя въ число тѣхъ, кои находятъ душевное услажденіе въ покровительствѣ вашемъ. Свидѣтельствуя при томъ истинное почитаніе и совершенную преданность, съ коими навсегда остаюсь, милостивый государь мой, вашего сіятельства (*дайте собственноручно*) покорно-искреннѣйшій слуга графъ Николай Шереметевъ.

На поляхъ собственноручная приписка князя Александра Борисовича Куракина: „По приложеннымъ бумагамъ учинить справку и для меня записку“.

2.

**Въ Государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ Устюжскаго Николаевскаго Моденскаго монастыря отъ игумена
Алексѣя покорнѣйшее прошеніе.**

1798 марта 23.

Въ прошломъ 1780 г., по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отправленъ я былъ, будучи іеромонахомъ, въ свитѣ

архимандрита Іоакима Шишковскаго, Китайскаго государства въ городъ Пекинъ, въ коемъ и находился 14 лѣтъ, откуда, по указу онаго-жь Синода, возвратился обратно въ Россію въ 1795 г. И при выѣздѣ моемъ оттуда жалованье получилъ я за 1794 г. отъ новоприсланнаго въ упоминаемый городъ Пекинъ архимандрита Софронія, а за 1795 г., при отправленіи моемъ изъ Иркутска въ Москву, выдано мнѣ изъ тамошней казенной палаты. По пріѣздѣ же моемъ въ Россію, находился я прошлаго 1797 г. іюля по 26-ое число за болѣзнью нигдѣ не опредѣленнымъ, и жалованья за 1796 и 1797 года по означенное іюня 26-ое число ни откуда не получалъ, почему принужденъ былъ войти въ долги у партикулярныхъ людей, и нынѣ симъ одолжителямъ заплатить не имѣю. Того ради Государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію всепокорнѣйше прошу оное слѣдующее мнѣ за полтора года жалованье благоволить выдать. Марта 23 дня 1798 г. *Къ сему прошенію игуменъ Алексѣй руку приложилъ.*

3.

Копія съ копій.

Правитель Иркутскаго намѣстничества Ларіонъ [Людвигъ] Тимофеевичъ Нагель—игумену Устюжскаго Николаевскаго Моденскаго монастыря Алексѣю.

Иркутскъ, 1795 ноября 6.

По секрету.

Преподобный отецъ священно-іеромонахъ, государь мой. Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей Государынѣ, въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ правившему передъ симъ должность генераль-губернатора иркутскаго и кольванскаго г. генераль-поручику и кавалеру Ивану Алферьевичу*), отъ 16 августа 1793 г., благоугодно было повелѣть, по возвращеніи изъ Пекина архимандрита Іоакима Шишковскаго, потребовать на письмѣ свѣдѣнія о тамошнемъ государствѣ и примѣчанія, каковыя обязанъ онъ данною ему изъ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ инструкцію въ бытность

*) Фамилія не указана. В. С.

свою тамо сдѣлать относительно къ пользѣ Всероссійской Имперіи, также, чтобъ подалъ онъ свое свидѣтельство объ успѣхахъ и поведеніи бывшихъ съ нимъ въ Пекинѣ учениковъ для обученія тамошнимъ языкамъ; каковое свѣдѣніе, за увольненіемъ правившаго должность генераль-губернатора отъ дѣлъ, надлежало бы по главному моему въ Иркутской губерніи начальству отобрать отъ того архимандрита Іоакима мнѣ; но смерть, похитившая его жалостнымъ образомъ, лишила тѣхъ свѣдѣній, каковыя отъ него ко отобранію слѣдовали. Однакожъ за смертію того архимандрита остались въ свѣтъ старшимъ преемникомъ ваше преподобіе, и все, что по непрерывному его въ Пекинѣ чрезъ четырнадцать лѣтъ пребыванію случилось замѣтить, должно быть и вамъ въ извѣстности, особливо, что чрезвычайное и заслуживающее вниманія. И для того, во исполненіе объявленной вамъ Высокомонаршія воли Ея Императорскаго Величества, прошу ваше преподобіе доставить мнѣ на письмѣ свѣдѣніе, не представлялось ли иногда вамъ такъ, какъ бы и покойному архимандриту, искуснаго способа свѣдать о какихъ-либо въ семъ удаленномъ государствѣ происходящихъ обстоятельствахъ, образующихъ ихъ мысли, поведеніе и дѣйствія правительства, каковое не можетъ быть не любопытно по оскудѣвающимъ инако способамъ имѣть нѣкоторыя надежныя извѣстія о тамошнихъ происхожденіяхъ. Кромѣ сего, за смертію трехъ учениковъ, должны вы показать по истинѣ объ оставшемся ученикѣ Антонѣ Владыкинѣ, съ какимъ раченіемъ и успѣхомъ производилъ онъ свое ученіе, какъ вы во всю вашу бытность въ Пекинѣ замѣчали его въ поведеніи, словомъ, въ такомъ ли онъ находился состояніи, съ каковымъ онъ туда для чаемой пользы былъ отправленъ. И во ожиданіи на все вышеписанное вашего отзыва съ почитеніемъ остаюсь вашего преподобія охотный слуга (*на подлинномъ подписано*) Людвигъ Нагель.

4.

Копія съ копій.

СТАРЕЦЪ АЛЕКСѢЙ—ПРАВИТЕЛЮ ИРКУТСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА
ЛАРИОНУ [Людвигу] Тимофеевичу Нагелю.

1795 ноября 27.

Ваше превосходительство, милостивѣйшій государь. Исполняя почтеннѣйшее вашего превосходительства секретное предписаніе, данное мнѣ отъ 6-го числа сего мѣсяца, поспѣшаю вамъ, милостивѣйшему государю, нижайше донести.

Хотя бытность моя въ столичномъ китайскомъ городѣ Пекинѣ подъ начальствомъ архимандрита Іоакима не доставляла мнѣ толь ближайшихъ способовъ приобрѣтать полезныхъ для отечества нашего свѣдѣній, каковыя обязанъ онъ узнавать [по] основанію данной ему изъ Государственной иностранной коллегіи инструкціи, которой содержаніе и понынѣ мнѣ неизвѣстно, особливо, что не предоставлено мнѣ отъ него ничего болѣе, какъ знать только должность свою, которая возложена по званію, на мнѣ облажающему; однакожь, по усердію моему для любезнаго отечества, не оставляя я, хотя по-сторонне, дѣлать замѣчаніевъ моихъ, когда позволяли мнѣ случай и обстоятельства, и потому осмѣливаюсь изъяснить вашему превосходительству:

1. Во время бытности моей въ Пекинѣ неоднократно случилось мнѣ слышать отъ посѣщающихъ отца архимандрита іезуитовъ сильное уваженіе къ тѣмъ великимъ произведеніямъ, каковыя соверпались могуществомъ Всеавгустѣйшія Россійскія Самодержицы. Китайскій государь, получая изъ разныхъ европейскихъ державъ свѣдѣнія о происшествіяхъ въ свѣтѣ, подобно тѣмъ извѣстіямъ, каковыя въ Россіи изъ газетъ приобрѣтаются, между прочимъ со удивленіемъ замѣчалъ дѣятельности воинскихъ силъ Ея противу всѣхъ тѣхъ возстающихъ непріятелей, которые дерзнули поднять оружіе. Ему было извѣстно страшное происшествіе при взятіи Очагова, котораго огражденіе высокихъ стѣнъ, глубина рововъ не удержали ихъ неустранимости. Самые іезуиты, горя любовью, съ восторгомъ и признательностью говорили мнѣ о власти и силѣ великой Государыни, управляющей великою державою совершенно подъ рукою Божіею.

2. Китайскій государь желаетъ имѣть съ Россіей миръ и доброе согласіе по завѣщанію дѣда и отца своего; сіе, какъ слышать имъ случилось отъ ученыхъ изъ его подданныхъ; а потому, хотя дверь кяхтинскія торговли была затворена, о которой намъ формально извѣстно не было, кромѣ посторонняго слуху, но къ нашей духовной свитѣ изъ политики, или по другимъ какимъ видамъ, никакихъ упрековъ или презрѣній оказывано не было. Сіе доказывается производимымъ изъ ханской казны жалованьемъ, которое все мы, какъ мѣсячное, такъ и трехлѣтнее, на платье получали въ первый день мѣсяца безъ удержанія. Кромѣ того, свобода, которою мы пользовались отъѣздомъ на теплыя воды въ городъ Тунжу, къ главной ихъ пристани, дозволеніе ходить вокругъ всего Пекина за называемыя Чеминскія стѣны служили для насъ пріятнѣйшимъ случаемъ, и ни отъ кого ни малѣйшаго оскорбленія не видѣли. Я, конечно, не имѣлъ бы, ваше превосходительство, хвалить той пріязни, которою наша духовная свита пользовалась, если бы не видѣли ея отъ китайскаго двора въ настоящемъ совершенствѣ. Но не скрою, милостивѣйшій государь, и того сожалѣнія, какое замѣтилъ я въ разсужденіи ихъ подданныхъ.

Ибо 3. Мнѣ случилось знать о несчастіи въ прошломъ 1784 и 1793 годахъ надъ нѣкоторыми китайскими провинціями, отъ глада бывшемъ, во время коего бѣдные жители, снимая съ деревь кору и листь, употребляли въ пищу. Но и то не помогало: для усилившагося голоду рѣшились съѣдать другъ друга, наконецъ, оставивъ свои жилища, шли великими толпами въ столичный городъ Пекинъ. Тутъ, ходя по улицамъ, воя съ собою малолѣтнихъ дѣтей и женъ, съ великимъ воплемъ продавали; другіе носили въ корзинахъ младенцевъ по городу, а матери ихъ, утомленныя голодомъ, не могли ходить на испорченныхъ ногахъ, кои онѣ обыкновенно обпиваютъ, валялись по улицамъ. Какое же они обращали на себя пекинскихъ жителей въ толь крайнѣйшемъ бѣдствіи сожалѣніе?— По истинѣ, ничего. Весь народъ оставлялъ ихъ въ презрѣніи, говори съ гнѣвомъ, что сіи—худые люди, забвенные ихъ богами, досадуя, пусть бы они умирали въ своемъ мѣстѣ, нежели ожидать отъ нихъ тутъ такого же глада. Однакожь, китайскій государь, какъ примѣтно, имѣя естественную жалость къ своему народу, опредѣлилъ

изъ казны бѣдствующимъ дневную пищу, а ко оставшимъ въ жилища ихъ посылаетъ довольно серебра, крупъ для сохраненія отъ голодной смерти. Но сіе сдѣлано только для одного чрезвычайнаго происшествія, а вообще довольно такихъ, кон, не имѣя одѣянія, трясущіеся отъ мороза, умираютъ. Никто не воззритъ на него жалостнымъ окомъ, подтверждая то же, что забыли ихъ боги; ибо у выспихъ за особенную честь поставляется гордость и надменность, а средніе подражаютъ ласкательствомъ. Упражнение горделивыхъ въ веселостяхъ,—собираясь въ театры и трактиры, и никогда не мыслить ни о чьей бѣдности, исключая нѣсколько тѣхъ, кои носятъ на себѣ бѣдныхъ родителей, произнося о нищетѣ ихъ жалостные вопли: тѣмъ посылаютъ какое ни есть подаваніе, ибо вообще, по узаконеніямъ китайскаго государя, отцы ихъ и матери въ почтеніи. Подлые ищутъ и наблюдаютъ, у кого случится по обѣщанію называемая чюфынза, т. е. убитая свинья; тутъ собираются сожрать, какъ имъ принадлежащее. Другіе цѣлый день таскаются по уличнымъ комедіямъ и по чайнымъ лавкамъ, гдѣ большая часть праздныхъ нижнихъ военныхъ служителей не думаютъ, что жена и дѣти не тоюмо наги, но и голодны, которымъ всякая трава служить пищею.

4. Здѣсь я осмѣливаюсь включить и тѣ происшествія, кои служить могутъ для единаго любопытства, какъ-то:

I. 1785-го года, лѣтомъ, въ ночное время, отъ страшной грозы внутри самаго дворца сгорѣло въ трехъ палатахъ великое число хапскихъ сокровищъ, которыя были подъ наблюденіемъ вельможъ и другихъ придворныхъ казначеевъ, за что многіе, по сомнительству, заключены были подъ стражу во узахъ; но китайскій государь, бывъ послѣ того на звѣриной ловлѣ, отнесъ все то несчастье на власть неба, приказавъ ихъ освободить безъ всякаго штрафа.

II. Китайскій государь былъ въ другую пору на той же звѣриной охотѣ, гдѣ нечаянно изъ-за горъ поднялась туча съ ужасною грозою; проливной дождь, протекая быстрою рѣкою, великое число бывшихъ съ нимъ офицеровъ, солдатъ и маркитановъ подвергъ потопленію; самъ государь съ поспѣшностью едва могъ спастись, жену его одинъ мунгальскій князь спасъ отъ потопленія, получилъ за сіе щедрое награжденіе.

III. Во время бытности хана въ столичномъ городѣ, Напжинѣ называемомъ, одна изъ любимыхъ его женъ, какъ слышно, будучи неспрадная, упала въ рѣку, за которою бывшія служительницы сами по себѣ отъ страха пометались въ воду, утонули.

IV. Слышно было, что китайскій городъ, имени коего не упомяну, построенъ былъ близъ рѣки такъ, что несравненно расположено жителство ниже воды, ограждался стѣною; нечаянно сдѣлавшись на оной проломъ, затоплены были жители всё безъ остатку; спасся только бѣгствомъ одинъ начальникъ города на лошади.

V. 1792 г. имѣлось сильное трясеніе земли, каковаго почти не бывало, и того же году лѣтомъ столь было великое множество саранчи, что вся на поляхъ трава, посѣянные хлѣбы, гдѣ она пала, безъ остатка поѣдены.

VI. Въ томъ же году, отъ бывшихъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ сильныхъ дождей, дѣлались по полямъ наводненія, такъ что изъ разныхъ мѣстъ дѣлало развалины, во многихъ мѣстахъ посѣянные хлѣбы замыло, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, даже и въ самомъ Пекинѣ, не одна тысяча домовъ опрокинулась въ развалины.

VII. Случилось мнѣ видѣть обучающееся войско воинскому искусству, которое одѣто все въ обыкновенное долгополое платье, и нѣтъ никакой отъ прочихъ разности. Собравшись онаго въ линію, примѣрно верстъ на 10, начальники смотрѣли на него поодаль съ высокихъ холмовъ; знамена въ немъ почти мало видны. Начальное дѣйствіе: слышенъ былъ нелѣпый трубный голосъ для поощренія своего или вызова на брань непріятельскаго войска. Потомъ началась изрѣдка пушечная и ружейная пальба, такъ, чтобъ, выстрѣливъ, отъ 1000 сто человекъ убѣгали за фронтъ, потомъ, отъ 50 человекъ выбѣгая по одному и по два, выстрѣливъ, того скорѣе спѣшить обратно. Въ то время съ непріятельской стороны, съ подобнымъ же ополченіемъ выбѣгая, падаютъ на землю, катаясь, кричать страннымъ голосомъ, показывая видъ побѣжденными; тогда уже наступаетъ на нихъ конница.

Впрочемъ, ваше превосходительство, хотя вратцѣ, конечно, могъ бы еще сдѣлать мое о тамошнемъ государствѣ изъясненіе, ежели бы только не наскучить простотою смысла моего, но не въ силахъ, милостивѣйшій государь, теперь исполнить по причинѣ уто-

пленныхъ мною записокъ въ рѣкѣ Селенгѣ во время слѣдованія моего нынѣ изъ Кяхты, а доложу только, противу предписанія вашего, о выѣхавшемъ со мною ученикѣ Антонѣ Владыкинѣ, который во всю свою въ Пекинѣ бытность оказывалъ къ изученію манжурскаго и китайскаго языковъ довольное прилежаніе, такъ что, во время бытности моей обще съ нимъ предъ угринскими анбанами, получилъ въ знаніи языковъ отъ нихъ одобреніе, похвальнымъ поведеніемъ всегда обращалъ на себя, какъ отъ покойнаго священно-архимандрита Іоакима, такъ и отъ прочихъ нашихъ духовныхъ, уваженіе.

Затѣмъ, поручая себя въ милостивое благоволеніе вашего превосходительства, съ достодожнымъ моимъ къ особѣ вашей высокопочитаніемъ имѣю счастье назваться вашего превосходительства низжайшій слуга старецъ Алексѣй.

5.

Выписка о бывшемъ въ Пекинѣ геромонахъ Алексѣй, что нынѣ Устюжскаго Николаевскаго Моденскаго монастыря игумень.

Безъ даты.

Упомянутый въ письмѣ къ его сіятельству вице-канцлеру отъ оберъ-гофмаршала графа Николая Петровича Шереметева, отъ 3 мая сего 1798, Устюжскаго Николаевскаго Моденскаго монастыря игумень Алексѣй, по учиненной въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ справкѣ, дѣйствительно, въ 1780 г. отправленъ былъ въ Пекинъ съ духовною свитою при архимандритѣ Шишковскомъ, а по возвращеніи его оттуда въ Россію въ 1795 г., какъ онъ поданнымъ прошеніемъ 7 іюля 1797 г. въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ представилъ, что онъ жалованья получилъ за 1794 г. въ Пекинѣ отъ новоприѣхавшаго туда архимандрита Софронія, а при отправленіи его изъ Иркутска въ Москву выдано ему тамъ же за 1795 г. изъ тамошней казенной палаты, и за 1796 и 1797 гг. іюня по 26 число онъ не получалъ, а вслѣдствіе того и просилъ о выдачѣ ему онаго. И какъ означенный игумень со дня возвращенія онаго въ Россію болѣе къ вѣдомству Коллегіи уже не принадлежалъ, то сія Колле-

гія и представила оное прошеніе его на разсмотрѣніе Святѣйшему Синоду при доношеніи своемъ отъ 31 іюля 1797 г., препроводи туда по принадлежности и его самого для опредѣленія въ мѣсту, а посему и долженъ онъ о доводищемся ему жалованьѣ просить тамъ, гдѣмъ паче, что и отправленіе его въ Пекинѣ было по его-жъ, Святѣйшаго Синода, предписанію. Секретарь Алексѣй Лоповъ.

(Архивъ князя Ѳ. А. Куракина при Страннопріимномъ домѣ князей Куракиныхъ въ Москвѣ, томъ 166, стр. 240—249.)

ЛЕКЦІИ

Ө. И. БУСЛАЕВА Е. И. В. НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ
НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
(1859—1860 г.)

Въ концѣ 1859 года профессоръ Московскаго университета Федоръ Ивановичъ Буслаевъ былъ приглашенъ читать лекціи по исторіи русской литературы Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу. Чтенія талантливаго профессора пробудили такой интересъ въ его Царственномъ Ученикѣ, что послѣдній просилъ не прерывать занятій даже на Святой недѣлѣ; по той же причинѣ чтенія эти продолжались съ небольшими перерывами и лѣтомъ.

О ходѣ этихъ занятій Ө. И. Буслаевъ рассказываетъ во второй части своихъ „Воспоминаній“, напечатанныхъ въ февральской книжкѣ Вѣстника Европы за 1892 годъ. Сообщивъ между прочимъ о томъ, какъ порадовало его желаніе Цесаревича не прерывать занятій и на Святой, Буслаевъ прибавляетъ: „тогда же было рѣшено, чтобы я передалъ Государю Наслѣднику всѣ листы прочитанныхъ мною лекцій въ его собственность, а слѣдующіе затѣмъ не бралъ бы съ собою назадъ, и навсегда оставлялъ ихъ у него. Такимъ образомъ *весь мой рукописный курсъ исторіи русской литературы и остался въ библіотекѣ Его Высочества*“.

Послѣ смерти Цесаревича Николая Александровича оригиналы этихъ лекцій, по словамъ Буслаева, были взяты его Державнымъ Братомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ, и хранились въ библіотекѣ Его Величества.

Съ части этого курса Ѡ. И. Буслаевъ, впрочемъ, имѣлъ списокъ, который впоследствии переплелъ въ большой томъ и пожертвовалъ вмѣстѣ съ другими своими бумагами въ Московскій Публичный и Румянцевскій музеи. Не разъ онъ выражалъ многимъ свое желаніе, чтобы курсъ этотъ былъ напечатанъ, чего вполне заслуживаетъ. „Лекціи эти, говоритъ профессоръ А. И. Кирпичниковъ въ статьѣ своей о нихъ, напечатанной въ IV книгѣ Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1898 годъ, не только талантливая учено-педагогическая работа, но и важный историческій фактъ, показатель важной ступени въ развитіи русскаго самосознанія, вполне соотвѣтствующій великой дѣятельности Царя-Освободителя, который выбралъ Буслаева въ наставники своему Настѣднику“.

Припомнимъ, что тогда Ѡ. И. Буслаевъ находился въ лучшей порѣ своей жизни и дѣятельности, и мы убѣдимся, что отзывъ этотъ нимало не преувеличенъ. Въ своей области Буслаевъ въ то время былъ „первымъ ученымъ, какъ справедливо указываетъ А. И. Кирпичниковъ, и по глубинѣ и широтѣ своего умственного кругозора, а въ то же время еще оставался живымъ и искуснымъ педагогомъ, который старается не только о томъ, чтобы излагаемое имъ было наиболѣе полной истиной, но также и о томъ, чтобы эта истина была наиболѣе пригодною для данной аудиторіи и чтобы она могла быть усвоена ею вполне и съ наибольшей пользой“.

Курсъ лекцій, прочитанный Цесаревичу, былъ совсѣмъ особый; именно, здѣсь Буслаевъ имѣлъ поводъ высказать свои взгляды на такіе памятники и явленія русской литературы, о которыхъ въ обычныхъ его университетскихъ лекціяхъ ему высказываться не приходилось. Напримѣръ, здѣсь мы встрѣчаемъ воззрѣнія Буслаева на Палею, на хронографы, на Кормчюю, на Пчелу, на Данила Паломника, на силу татарскаго вліянія и на другое многое, чего въ университетскихъ своихъ лекціяхъ Буслаевъ почти не касался. Въ заключительной лекціи этого курса Буслаевъ высказываетъ свой взглядъ на общій ходъ русской литературы проплага вѣка, съ самаго его начала до

современнаго чтенію лекцій періода, причеиъ даетъ характеристику представителей литературныхъ чтеній—Карамзина, Шишкова, Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и другихъ нашихъ писателей. Всего этого опять таки мы не встрѣтимъ въ обычныхъ его университетскихъ курсахъ. Но кромѣ всего этого въ курсѣ этомъ, по словамъ А. И. Кирпичникова, „на первомъ мѣстѣ стоитъ *общее* развитіе, которое ученикъ можетъ получить, и то живое впечатлѣніе, которое произведетъ на него изучаемый предметъ въ цѣломъ и въ частностяхъ“.

Становится яснымъ отсюда, какъ важно для русскаго общества, особенно же для юношества, изданіе этого замѣчательнаго курса Ѳ. И. Буслаева, въ полной мѣрѣ заслуживающаго названіе *историческаго*. Къ сожалѣнію до сего времени изданіе это не могло появиться, между прочимъ потому, что единственный общедоступный ихъ списокъ былъ далеко не полонъ: копія Румянцевскаго музея содержитъ въ себѣ только 58 лекцій изъ числа 93 прочитанныхъ, т. е. немногимъ болѣе половины.

Государь Императоръ, по докладу объ этомъ г. Предсѣдателя Общества Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память Императора Александра III, Всеимлостивѣйше соизволилъ разрѣшить произвести печатаніе означенныхъ лекцій по подлиннику, хранящемуся въ Собственной библіотекѣ Его Величества, для чего и были переданы два большихъ переплетенныхъ тома лекцій Буслаева въ распоряженіе Общества на время печатанія. Самое печатаніе производится нынѣ, по порученію Совѣта Общества, подъ наблюденіемъ библіотекаря Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ С. О. Долгова.

Свои чтенія Наслѣднику Цесаревичу профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ заключилъ такимъ общимъ выводомъ: „Итакъ, необходимость въ *правильномъ обученіи* Русскаго народа по всѣмъ его сословіямъ и классамъ—вотъ главный и существенный результатъ, извлекаемый нами изъ исторіи русской литературы“. Да послужитъ изданіе этихъ драгоценныхъ лекцій однимъ изъ средствъ къ достиженію сей великой задачи!

Лекція 1-я.

Читана 28-го декабря 1859 года въ 12 часовъ утра.

Исторія литературы въ хронологическомъ порядкѣ знакомитъ насъ съ произведеніями словесности, устными и письменными, въ которыхъ народъ, въ теченіе вѣковъ, послѣдовательно выражалъ свои понятія и убѣжденія, радости и печали, вѣрованія и надежды и вообще всѣ задушевные интересы своей нравственной жизни. Для того чтобы вполнѣ и разумно усвоить себѣ все существенно важное въ исторіи литературы, надобно войти въ прямое, непосредственное сношеніе съ литературными памятниками, то есть—надобно перечитывать въ подлинникѣ и изучить самыя произведенія словесности въ ихъ хронологическомъ порядкѣ.

Перечень писателей и ихъ твореній, съ болѣе или менѣе подробными характеристиками, обыкновенно выдаваемый за исторію литературы, точнѣе можно назвать только введеніемъ въ эту науку, только руководствомъ къ самостоятельному, личному знакомству съ ея богатымъ содержаніемъ, дошедшимъ до насъ и на ветхихъ листахъ пергамна, и въ пѣснѣхъ или пословицѣхъ простолюдина, и въ щеголеватомъ стихѣхъ такъ называемаго образцоваго писателя искусственныхъ одъ и героическихъ поэмъ.

Отношеніе и ученаго изслѣдователя, и учащагося къ исторіи литературы совершенно иное, нежели къ исторіи жизни государственной, церковной и вообще къ исторіи образованности, или культуры. Историкъ жизни государственной или народной возсоздаетъ передъ нами, по лѣтописямъ, мемуарамъ, по записямъ самаго разнообразнаго содержанія, даже по какой нибудь приходо-расходной книгѣ монастырской или городской—(возсоздаетъ) цѣлую эпоху, давно минувшую, съ живыми характеристиками ея дѣятелей. Очищая строгою критикою матеріалы своей науки, онъ постоянно отличаетъ въ нихъ истинное отъ ложнаго, безпристрастное отъ временныхъ увлеченій и личныхъ ошибокъ лѣтописцевъ, и, собирая въ одно цѣлое отдѣльныя, разсѣяныя тамъ и сямъ черты эпохи, старается передать, какъ бы въ зеркалѣ, правдивое изображеніе отжившей дѣйствительности; это не только работа ученаго, но и глубокая философія политика, проникающаго своимъ взглядомъ въ судьбы народовъ, а вмѣстѣ и вдохновенное

творчество художника, возсоздающего изъ развалинъ и обломковъ древняго, разрушеннаго зданія—стройное цѣлое.

Напротивъ того, памятники словесности, а равно и памятники другихъ искусствъ—живописи, ваянїя, зодчества—какъ неизмѣнные остатки минувшаго, уже сами говорятъ за себя и безъ всякой посторонней помощи историка вводятъ изучающаго въ тотъ духовный мїръ, котораго правдивымъ выраженїемъ они служатъ. Самая высшая задача историка литературы состоитъ въ томъ, чтобы своими личными взглядами и соображенїями онъ не нарушилъ полноты и свѣжести впечатлѣнїя, которое самъ собою получаетъ изучающїй при личномъ знакомствѣ съ памятниками словесности,—чтобы отвлеченными разсужденїями историкъ не сгладилъ съ произведенїя фантазіи живительнаго обаянїя его внѣшней формы, и тѣмъ самымъ чтобы не повредилъ уразумѣнїю мысли, таящейся подъ этою оболочкою. (*Сравни съ исторїей искусства* *).

Всякая ученая характеристика въ исторїи литературы, какъ бы мастерски ни была она составлена, отзывается не только личностїю ея составителя, но и посторонними воззрѣнїями и понятїями того позднѣйшаго времени, къ которому онъ принадлежитъ. И то и другое, и личность ученаго, и его позднѣйшія, современныя намъ убѣжденїя—только заслоняютъ передъ учащимся разнообразное, но послѣдовательное теченїе исторической жизни, выражаемой въ литературной дѣятельности народа, и уже тѣмъ самымъ уничтожаютъ всю пользу, какую можетъ и должна приносить исторїя словесности въ образованїи человѣка. (*Обмеченїе прошедшаго*). Еслибы эта наука имѣла своею цѣлю только перенесенїе читателя или учащагося въ отдаленныя эпохи, по ихъ хронологическому порядку (*школа романтиковъ*), то, безъ сомнѣнїя, значенїе ея было бы очень одностороннее, не столько полезное, сколько забавляющее, и прїятное для тѣхъ, кто привыкъ мечтать и отъ современности уходитъ въ прошедшее. Напротивъ того, обязательная для всякаго образованнаго человѣка сила этой науки состоитъ именно въ воспитанїи и прїуготовленїи его къ полному уразумѣнїю современности. Чтобы въ современныхъ направленїяхъ духовной жизни, такъ тонко и съ такими видоизмѣне-

* Эти замѣтки Ѳ. И. Буслаева на копїи Румянцевскаго музея, по всей вѣроятности, служили конспектомъ для устныхъ дополненїй преподавателя. С. Д.

ніями въ литературѣ отражающихся, умѣть отличать истинное отъ ложнаго, существенное отъ случайнаго, вѣчное и непреходящее отъ всего временнаго и ничтожнаго, надобно умственно стать выше всѣхъ направленій; чтобы безошибочно и разумно судить о современности, надобно, вооружившись идеями всѣхъ прошедшихъ вѣковъ, стать выше ея, надобно надъ нею господствовать, и именно это-то правственное, несокрушимое господство надъ случайностями временныхъ направленій эпохи воспитываетъ въ насъ исторія литературы въ томъ ея прямомъ значеніи, свободномъ отъ всякой личности ученаго авторитета, когда она поучаетъ непосредственнымъ знакомствомъ съ своимъ многовѣковымъ содержаніемъ.

Такимъ образомъ, вся неотразимая сила этой науки состоитъ въ послѣдовательномъ воспріятіи идей и убѣжденій развивавшагося въ теченіе вѣковъ челоувѣчества, въ духовномъ общеніи съ вѣками и поколѣніями посредствомъ самаго вѣрнаго проводника идей, то есть, посредствомъ слова. Историкъ литературы уже нѣтъ нужды возсоздавать отжившее, воспроизводить, реставрировать развалины, какъ это дѣлаетъ историкъ жизни политической, общественной и государственной; напротивъ того, все живучее, въ полномъ цвѣтѣ и свѣжести, дано уже изслѣдователю литературы въ богатомъ матеріалѣ его науки; ему надобно только способствовать учащемуся въ разумнѣннн самыхъ памятниковъ, легко и нечувствительно подвести его къ нимъ для самостоятельнаго, непосредственнаго съ ними знакомства, и изъ многаго выбрать самое важное и существенное.

Итакъ, изъ самой сущности нашей науки опредѣляется тотъ методъ, которымъ должно руководствоваться въ ея изученіи. Историкъ литературы только облегчаетъ учащемуся путь къ самобытному воспитанію себя самого посредствомъ своего личнаго труда. Успѣхи въ этой наукѣ опредѣляются не числомъ пройденныхъ статей или параграфовъ руководства, а духовнымъ возрастаніемъ самого учащагося, по мѣрѣ личнаго общенія его съ вѣковыми преданіями челоувѣчества, дошедшими до насъ въ самой разумной формѣ—слова.

Прежде нежели приступимъ къ историческому изложенію самаго предмета, необходимо объяснить то важное значеніе, которое приписано нами исторіи литературы. Всякій ученый спеціалистъ съ увлече-

ніемъ ставить на первый планъ любимую имъ науку. Историкъ политической и государственной жизни съ немалымъ успѣхомъ будетъ заявлять свои права на преимущественное къ своей наукѣ вниманіе, какъ и юристъ, во всей подробности изслѣдующій семейныя и общественныя отношенія жизни народной. Само собою разумѣется, что исторія церкви и вообще христіанскаго просвѣщенія—торжественнымъ величіемъ своего предмета оставляетъ позади себя всѣ прочія отрасли исторической науки.

Человѣку, не спеціально занимающемуся литературою, ничтожнымъ должно казаться ея легкое, игривое содержаніе, передъ колоссальными вопросами исторіи государства, церкви, юридическихъ и гражданскихъ отношеній. (*Наука о природѣ.*)

Пѣсни, сказанія и сказки, преданія, театральныя игрища и представленія, и другія досужія забавы ума и воображенія, какъ все это мелочно и ничтожно передъ насущными потребностями жизни дѣйствительной, которая безъ устали ищетъ пропитанія и довольства въ промыслахъ и торговлѣ, ждетъ суда и расправы передъ судьбою, охраняетъ свое отечество отъ враговъ грозою оружія, или заявляетъ свои государственныя права въ европейскихъ трактатахъ! Возьмемъ ли мы одного человѣка, или цѣлое общество, или даже весь народъ и государство, въ каждомъ изъ этихъ круговъ жизнь человѣческая отмѣчаетъ свои эпохи и періоды именно только тѣми важными явленіями, которыя составляютъ содержаніе исторіи церкви, государства юридическихъ, финансовыхъ, промышленныхъ и другихъ тому подобныхъ отношеній, которыя отодвигаютъ на самое послѣднее мѣсто скромныя забавы литературнаго досуга.

И однако—странное противорѣчіе въ человѣческой природѣ! Чѣмъ болѣе преуспѣваетъ народъ въ жизни дѣйствительной, чѣмъ болѣе совершенствуется на пути гражданственности, тѣмъ шире развивается его литература. Чѣмъ болѣе предается онъ важнымъ интересамъ жизни государственной и общественной, тѣмъ неотразимѣе чувствуетъ онъ потребность въ литературномъ общеніи. Потому-то литературы западныя разнообразнѣе и богаче литературы русской.

Стало бытъ, подъ легкою игрою словеснаго произведенія кроется нѣчто болѣе существенное, нѣчто необходимое для нравственнаго бытія и отдѣльнаго человѣка, и цѣлаго народа.

И дѣйствительно, крупные и серьезные случаи жизни, подлежащіе, какъ было сказано, вѣдѣнію прочихъ отраслей исторической науки, такъ сказать, поглощая собою всего человѣка только на время, потомъ оставляютъ его въ покоѣ предаваться постоянному нравственному расположенію его духа. И именно это-то постоянное расположеніе духа, независимое отъ случайностей дѣйствительности, состоящее въ безконечной цѣпи убѣжденій, вѣрованій и идей, составляетъ ту духовную атмосферу, въ которой человѣчество постоянно живетъ и которую отражаетъ оно во множествѣ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ явленій, начиная отъ пѣсни или пословицы и до торжественнаго гимна.

Слѣдовательно, понятно, почему съ развитіемъ гражданственности и расширеніемъ умственнаго горизонта усиливается въ народѣ и потребность въ литературномъ выраженіи.

Изящная словесность, по самому назначенію своему, забавляя поучаетъ, потому что служить легкимъ и для всѣхъ понятнымъ проводникомъ всѣхъ идей, и религіозныхъ, и государственныхъ, въ сознаніе народное.

Произведенія словесности, и устныя, и письменныя или печатныя, всегда бывають мѣриломъ того духовнаго развитія, котораго въ данную эпоху достигъ народъ на пути общечеловѣческаго совершенствованія. Даже само христіанское просвѣщеніе, чтобъ войти въ плоть и кровь жизни народной, должно было вступить въ міръ литературныхъ, художественныхъ идей, подъ формою религіозной поэзіи, въ тѣхъ духовныхъ стихахъ, гимнахъ и поэмахъ, которыми такъ богаты средневѣковой Западъ, и которые доселѣ раздаются по всѣмъ концамъ нашего отечества въ торжественномъ пѣніи слѣпыхъ пѣвцовъ.

Обращаясь собственно къ словесности русской, надобно сказать, что значеніе ея въ историческомъ изученіи тѣмъ важнѣе, что юный и свѣжій народъ русскій, еще не успѣвши заявить себя громкими подвигами умственной, промышленной или юридической дѣятельности, предлагаетъ богатые задатки для великой будущности, которые ясно чувствуются въ необычайной способности развиваться и идти впередъ.

Эти нравственные задатки великаго будущаго надобно видѣть не только въ новѣйшей образованной литературѣ, такъ легко и бы-

стро усвоивающей себѣ всѣ существенные интересы Запада, но и въ устной словесности народа, который неоднократно и въ прежніе вѣка доказывалъ и теперь доказываетъ своею подвижностью и готовностью къ развитію, что его нравственные и умственные основы, выработанныя его многовѣковою словесностью, не чужды общечеловѣческимъ интересамъ образованной Европы.

Сверхъ того, словесность народная, безъискусственная, имѣеть еще то великое значеніе, что она служитъ выраженіемъ не личныхъ понятій или воззрѣній какого-нибудь одного поэта или оратора, а духовнаго расположенія цѣлыхъ массъ. И какъ эти необозримыя массы народа представляютъ собою нѣчто безличное, какъ бы внѣшнюю и вещественную силу, руководимую свыше Промысломъ Божиимъ, такъ и устная словесность, безсознательно переходя отъ одного поколѣнія къ другому, стоитъ какъ бы внѣ человѣческаго произвола, подчиняясь только высшимъ судьбамъ: гласъ народа—гласъ Божій, такова безсознательная вѣщая словесность народа, такова его старобытная поэзія, его мудрое изреченіе, таковы его многовѣковыя, маститыя преданія.

Чтобы войти въ интересы нравственной жизни народа, надобно изучить его словесность.

Лекція 2-я.

Читана 30-го декабря 1859 г.

Обыкновенно начинаютъ исторію словесности какого либо народа общимъ обзорѣніемъ главнѣйшихъ литературныхъ явленій, которыми опредѣляются эпохи и періоды въ послѣдовательномъ развитіи народной образованности. Для самого ученаго такое обзорѣніе возможно только тогда, когда онъ изъ всѣхъ своихъ историческихъ изслѣдованій выведетъ точные и опредѣлительные результаты. Это уже есть, такъ сказать, сокращеніе, подведеніе къ одному знаменателю всѣхъ подробностей науки.

Само собою разумѣется, что такое сокращеніе исторіи, подведенное подъ нумера періодовъ, для учащагося или слушателя, безъ предварительнаго знакомства съ подробностями, будетъ не вразумительно. Сверхъ того, въ раздѣленіи исторіи на періоды выражается уже личный взглядъ ученаго или автора на изучаемый имъ матеріалъ,

его собственная система. Слѣдовательно, на первомъ планѣ нашей науки дѣлать особенное удареніе на системѣ историческихъ періодовъ значило бы въ самомъ началѣ посягать на ту самостоятельность и отчетливость, которыя въ прошедшей лекціи были признаны за главное ручательство въ успѣшномъ изученіи литературы.

Однако, уступая естественному желанію всякаго ориентироваться, или говоря по русски, *опознаться* на новомъ пути, на который онъ входитъ, уступая обыкновенному любопытству всякаго читателя просмотрѣть въ оглавленіи главы той книги, которую потомъ онъ примется читать, я полагаю возможнымъ и даже не лишнимъ сообщить самое краткое оглавленіе важнѣйшихъ періодовъ исторіи русской литературы, единственно съ тою цѣлю, чтобъ, указавъ на неизвѣстное, возбудить вопросы, рѣшеніе которыхъ будетъ современемъ явствовать изъ подробнаго изложенія.

1-й періодъ, *до-историческій* и *языческій*, до принятія Русью христіанской вѣры.

2-й періодъ—*начатки христіанскаго просвѣщенія* въ древней Руси, до татарскаго ига.

3-й періодъ, *татарскій*, до второй половины XV вѣка, когда окончательно утверждается господство Москвы надъ старыми городами.

4-й періодъ—*московскій*, объемлющій вторую половину XV вѣка и XVI вѣкъ.

5-й періодъ, отъ начала XVII вѣка и до Ломоносова: это періодъ *сближенія Руси съ Западомъ*, и наконецъ,

6-й періодъ, отъ Ломоносова до нашихъ временъ: *господство западно-европейскихъ началъ* въ русской литературѣ.

Сколько недоумѣній и вопросовъ предлагаетъ этотъ краткій перечень!

Періодъ *до-историческій*, и однако въ исторіи литературы: странное, непозволительное противорѣчіе! Какъ можетъ знать исторія то, чего еще не было записано на ея страницахъ? И какое дѣло намъ, русскимъ, народу историческому, быстро идущему впередъ, до того, что было когда-то такъ давно, чего не помнить и сама исторія? Не ученая ли это тонкость, интересная для спеціалиста и необязательная ни для кого? Или же и въ народѣ истори-

ческомъ и даже принявшемъ христіанство, до позднѣйшихъ временъ можетъ удержаться до-историческая, языческая грубость? Нѣтъ ли слѣдовъ ея и доселѣ въ отдаленныхъ концахъ нашего отечества? Неужели, и въ наше образованное время, во второй половинѣ XIX в., гдѣ нибудь, въ захолустьяхъ нашего необъятнаго отечества можно еще быть наблюдателемъ необычайнаго явленія, какъ воочію совершается до-историческій, языческій періодъ бытія народнаго?

Начатки христіанскаго просвѣщенія (періодъ 2-ой). Гдѣ же были они привиты? Успѣли ли они распространиться по всей, тогда заселенной, Русской землѣ, въ общедоступной формѣ словеснаго произведенія, или ограничивались тѣснымъ кругомъ извѣстныхъ мѣстностей? Каково вліяніе избранныхъ христіанскихъ просвѣтителей на массы народа? Если язычество существовало на Руси и спустя многія столѣтія по крещеніи Руси, то понятіе о христіанскомъ просвѣщеніи, не только въ XI или XII вѣкѣ, но даже въ позднѣйшія эпохи, должно быть принимаемо въ довольно тѣсномъ смыслѣ, ограниченномъ избранными ревнителями новыхъ на Руси, христіанскихъ началъ. Притомъ, истина неоспоримая, что вмѣстѣ съ христіанствомъ дается народу и высокая общечеловѣческая способность къ постоянному развитію, къ самобытному усвоенію себѣ всѣхъ человѣческихъ (то есть, какъ говорятъ, гуманныхъ) началъ. Почему же Русь не ограничилась своими собственными средствами къ развитію, и стала впоследствии заимствовать ихъ отъ Западной Европы?

Далѣе, 3-й періодъ—татарскій. Но даже не всѣ ученые признаютъ его слѣды во внутреннемъ образованіи Россіи. Другіе приписываютъ татарамъ только отрицательное значеніе, оказавшееся замедленіемъ въ христіанскомъ совершенствованіи Руси, застоємъ въ управленіяхъ духовной жизни народа. Если бы я въ настоящее время сталъ объяснять свою историко-литературную систему, то приписалъ бы ей слишкомъ большую важность, сравнительно съ тѣми литературными фактами изъ эпохи татарской, которые уже сами за себя будутъ говорить на своемъ мѣстѣ. Здѣсь же скажу только одно, что безъ татарщины невозможно бы было сосредоточеніе русской литературы не только XV-го вѣка но и XVI-го въ Москвѣ, какъ въ главномъ центрѣ самобытнаго, древне-русскаго просвѣщенія.

4-й періодъ имѣетъ предметомъ литературу Московскую. Слѣ-

довательно, кромѣ Москвы была литературная дѣятельность и въ другихъ городахъ. Оставила ли она по себѣ какіе либо слѣды доселѣ? Заслуживаетъ ли даже она вниманія въ наше время, когда всѣ областныя видоизмѣненія русской жизни видимо сглаживаются подѣ общимъ уровнемъ западно-европейскаго характера русской литературы? Или же вѣковое, монументальное значеніе Кіева, Смоленска, Пскова, Новгорода, Ростова, Мурома, Москвы и другихъ старыхъ городовъ опредѣляется не только политическими и церковными событіями, но и литературными преданіями, дававшими каждой мѣстности свой отличительный характеръ въ умахъ и воображеніи русскаго народа? Если мы опредѣляемъ вторую половину XV-го вѣка и весь XVI-й вѣкъ литературою московскою, то должны знать, въ какомъ отношеніи стояла тогда Москва къ литературному образованію другихъ городовъ, и преимущественно Пскова и Новгорода.¹⁾

Сближеніе русской литературы съ Западомъ мы ведемъ (въ 5-мъ періодѣ) не съ Петра Великаго, а съ начала XVII вѣка, и преобразованія, совершенныя этимъ Государемъ, не ставимъ гранью, отдѣляющею различные періоды въ историческомъ движеніи русской литературы. Опять новое противорѣчіе, рядъ новыхъ недоумѣній и вопросовъ. Коренныя преобразованія цѣлой Россіи остаются не отмѣченными особою эпохою въ исторіи литературы. Петръ Великій сблизилъ, сроднилъ насъ съ Западомъ, а мы сближеніе русской литературы съ европейскою ведемъ почти за сто лѣтъ до этого великаго генія. Стало быть, преобразованія жизни государственной, общественной, промышленной, преобразованія всей внѣшней обстановки русскаго быта, совершенныя Петромъ, съ одной стороны, были приуготовлены предшествовавшимъ развитіемъ русской образованности, а съ другой стороны, не вдругъ отразились въ общемъ сознаніи народномъ, котораго выраженіемъ служить литература.

Нужно было болѣе четверти столѣтія, чтобы окрѣпшее въ русской жизни новое начало, введенное въ нее преобразованіемъ, принесло свои плоды въ новой литературной дѣятельности, начатой Ломоносовымъ и продолженной его энергическими послѣдователями. До тѣхъ поръ Русь пробавлялась древними литературными средствами, между которыми она въ обиліи находила западно-европейскіе элементы, особенно вкоренявшіеся въ XVII-мъ вѣкѣ на юго-западѣ Рос-

сіи и оттуда быстро переходившіе въ Москву. Вся литературная дѣятельность первой четверти XVIII-го вѣка, то есть, современная Петру Великому, есть не что иное, какъ естественное развитіе началъ, положенныхъ въ предшествовавшемъ столѣтіи.

Съ намѣреніемъ останавливаюсь на этомъ фактѣ, чтобы (въ видѣ примѣра) объяснить имъ изложенную въ прошедшей лекціи мысль объ отношеніи литературы къ прочимъ отраслямъ исторической дѣятельности государства и народа. Весь внутренній и внѣшній организмъ старой Руси былъ уже потрясенъ великими преобразованіями въ началѣ XVIII вѣка, но общее духовное настроеніе народа, но самая атмосфера нравственная, отражающаяся въ литературныхъ идеяхъ, была еще исполнена понятіями и воззрѣніями XVII-го вѣка.

Перехожу къ новому періоду. Въ немъ господствуютъ западныя литературныя начала. Въ какомъ же отношеніи къ нимъ состоятъ начала древней народности и православія? Успѣла ли наша новая литература сравняться во всемъ съ литературами Запада? Подчиняясь этому послѣднему, не утратила ли она свои національныя особенности? И если утратила, то стоитъ ли о нихъ сожалѣть? Можно ли ихъ воротить? Или же еще недостаточно литература наша проникнута результатами европейскаго просвѣщенія, а потому не довольно сильна для того, чтобы водворить свое господство надъ необозримыми массами простого народа, сгладивъ въ нихъ застарѣлыя остатки невѣжества, котораго не могли искоренить преобразованія XVIII-го вѣка? Наконецъ, въ самой литературѣ нашего новаго, такъ называемаго просвѣщеннаго періода нѣтъ ли еще слѣдовъ юности и незрѣлости, которая отзывается древнею Русью, не смотря на похвальное стремленіе идти по слѣдамъ великаго преобразователя?

Очевидно—все это вопросы, которыхъ рѣшеніе возможно не въ общемъ обзорѣніи періодовъ исторіи литературы, а на подробномъ изученіи самыхъ произведеній. Не достаточно того, чтобы привести краткіе, опредѣлительные отвѣты на эти вопросы: надобно въ полномъ убѣжденіи рѣшить ихъ, вооружившись всѣми пособіями науки, или, по крайней мѣрѣ, необходимо подвергнуть критикѣ, даже скептически заподозрить самые вопросы, если постановка ихъ окажется невѣрною или неудовлетворительною.

Итакъ, приступаю къ самому изложенію нашей науки.

Исторія словесности начинается въ народѣ за многія столѣтія предъ тѣмъ, какъ онъ впервые вступаетъ на историческое поприще. Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ точныхъ историческихъ свидѣтельствъ объ этой незапамятной, до-исторической эпохѣ; но сравнительное изученіе языковъ, миѳологіи, обычаевъ и преданій народныхъ, въ послѣднюю четверть столѣтія такъ успѣшно разработанное въ Германіи, а въ настоящее время начавшее обращать на себя должное вниманіе ученыхъ Франціи и Англіи, дало возможность по древнѣйшимъ остаткамъ въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ языковъ, не только уже вымершихъ, каковы греческій, латинскій, но и живыхъ, каковы нѣмецкій, литовскій, славянскій, а также по остаткамъ національныхъ преданій, обычаевъ и вѣрованій—составить довольно точное понятіе о первобытномъ до-историческомъ развитіи родственныхъ, индо-европейскихъ народовъ. Эти народы, составлявшіе нѣкогда въ эпоху незапамятную одно родственное племя, жившее по сѣверной сторонѣ Гималаевъ, суть слѣдующіе, по ихъ главнымъ четыремъ группамъ: 1) Индійцы и Персы—съ своими древнѣйшими языками: санскритомъ и зендомъ; 2) Греки и Римляне—съ прочими италійскими племенами; 3) Кельты и 4) Германцы, Литва и Славяне.

Эти народы, выселяясь изъ своей первобытной родины, шли съ Востока на Западъ. Ранѣе другихъ отдѣлились отъ общаго всѣмъ родственнаго, индо-европейскаго цѣлаго—Кельты, и, двигаясь все далѣе и далѣе, въ самыя первобытныя времена заселили крайній западъ Европы. За ними вышло изъ своей восточной родины (какъ говорятъ—прародины) племя славяно-нѣмецкое, впоследствии раздѣлившееся на Германцевъ, Литву и Славянъ, занявшихъ среднюю часть Европы. Пелазги, давшіе происхожденіе двумъ классическимъ народамъ, Грекамъ и Римлянамъ, долѣе другихъ составляли одно цѣлое вмѣстѣ съ Индійцами и древними Персами, наконецъ отдѣлились отъ нихъ и заняли юго-востокъ Европы.

Сравнительная грамматика, сдѣлавшаяся въ настоящее время самою точною, положительною наукою, убѣждаетъ насъ своими неопровержимыми доводами, что языки всѣхъ этихъ народовъ суть не что иное, какъ вѣтви или нарѣчія одного общаго имъ цѣлаго, и что ни одинъ изъ нихъ не происходитъ отъ другого,

а всѣ они находятся между собою въ братственномъ отношеніи. Родство ихъ обозначается не только въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, особенно въ мѣстоименіяхъ, именахъ числительныхъ, но и во многихъ словахъ, имѣющихъ бытовое и семейное значеніе. А такъ какъ языкъ есть выраженіе мыслей и представленій говорящаго, то ученые полагаютъ, что у всѣхъ упомянутыхъ народовъ образовались сообща всѣ первобытныя начала цивилизаціи, выразившіяся у нихъ почти одинаковыми словами для понятій о земледѣліи, скотоводствѣ, о домашнемъ бытѣ, о семейномъ родствѣ, т. е. названіями брата, сестры, матери, снохи, свекра и т. п.*)

Вмѣстѣ съ языкомъ, то есть, съ міромъ идей и представленій, народы перенесли въ Европу и начала цивилизаціи, состоявшія въ общихъ мифологическихъ вѣрованіяхъ, въ устройствѣ быта семейнаго, въ нѣкоторыхъ умственныхъ понятіяхъ, выработанныхъ въ быту пастушескомъ и земледѣльческомъ.

Сверхъ общаго индо-европейскаго сродства всѣхъ упомянутыхъ выше народовъ, слѣдуетъ отличать ближайшую, братственную связь между приведенными группами этихъ народовъ. Такимъ образомъ Индійцы состоятъ въ ближайшей связи съ древними Персами, Греки съ Римлянами, Кельты являются особнякомъ, и наконецъ мы Славяне въ ближайшемъ родствѣ испоконъ вѣку состояли съ Литвою и Нѣмцами.

Нисколько не имѣя намѣренія входить ни въ лингвистическія, ни въ филологическія тонкости, мы должны были привести эти существенные результаты новой сравнительной науки для того, чтобъ при первомъ прикосновеніи къ вопросу о русской народности дать понятіе о той благородной, индо-европейской почвѣ, на которой она возрасла вмѣстѣ съ основными началами жизни классическихъ и образованныхъ народовъ древняго и новаго міра.

Изъ предложенныхъ мною результатовъ уже явствуется тотъ путь, по которому доходитъ наука до открытія первобытныхъ словесныхъ произведеній каждаго изъ родственныхъ народовъ.

Но теперь представляется слѣдующій вопросъ: ведутъ ли къ чему-нибудь существенно важному эти открытія доисторическихъ слѣдовъ народной поэзіи? Что объясняютъ они намъ въ уразумѣніи жизни русскаго народа и какое имѣютъ значеніе для современности?

*) См. Max Müller. Essai de Mythologie comparée. Стр. 12, 13, 16, 24, 32, 40.

Было уже замѣчено, что славяне въ наибольшемъ родствѣ состоятъ не только съ литвою, но и съ нѣмцами. Въ народныхъ преданіяхъ и сказаніяхъ, и доселѣ живущихъ въ устахъ русскаго народа, встрѣчается такъ много сходнаго, почти одинаковаго съ народною поэзіею нѣмецкою, что, не предпославши выше приведенныхъ результатовъ сравнительной науки, мы пришли бы къ самымъ превратнымъ заключеніямъ; мы могли бы предположить, что русскіе заимствовали свои національныя преданія у нѣмцевъ, или же нѣмцы у славянъ. И то и другое предположеніе, противное всѣмъ положеніямъ сравнительно-историческаго изученія индо-европейскихъ народовъ равно было бы оскорбительно и для славянъ, и для нѣмцевъ. Напротивъ того, видя первобытное, доисторическое сродство національностей—славяно-русской и нѣмецкой, мы уже можемъ объяснить себѣ, почему такъ легко и свободно позднѣйшая образованность Западной Европы, двинутая преимущественно германскими началами, привилась и доселѣ не перестаетъ прививаться къ русской народности.

Таковъ практическій выводъ даже для современности изъ ученыхъ изслѣдованій о темной доисторической сторонѣ индо-европейскихъ народовъ!

Прежде нежели предложу сравнительное обзорѣніе общихъ началъ славяно-германской древнѣйшей словесности, въ связи съ вѣрованіями и бытомъ народа, почитаю необходимымъ для большей убѣдительности предложить примѣры сказаннаго сродства.

Извѣстенъ въ исторіи нѣмецкой литературы превосходный эпизодъ, дошедшій до насъ въ отрывкѣ VIII-го вѣка, изъ эпоса о Дитрихѣ Бернскомъ, имѣющій предметомъ битву Дитрихова товарища и друга, Гильдебранда, съ его сыномъ Гадубрандомъ.

Возвращаясь домой изъ земли Гуновъ, престарѣлый Гильдебрандъ, сопровождаемый дружиною, встрѣчаетъ на пути юнаго витязя, тоже съ дружиною. Это былъ не кто другой, какъ сынъ Гильдебранда, Гадубрандъ, котораго отецъ оставилъ съ матерью еще младенцемъ. Гадубрандъ, не зная, что встрѣтился съ своимъ отцемъ, вызываетъ его на бой. Но старый воинъ призналъ уже въ молодомъ человѣкѣ своего сына, и старается отклонить его отъ опасности. Для того рассказываетъ онъ ему, кто онъ такой и что съ нимъ происходило. Но сынъ не вѣритъ рассказу незнакомца: „Померъ мой отецъ Гиль-

дебрандъ, сынъ Герабрандовъ—говорить онъ—это рассказывали мнѣ корабельщики, заѣзжавшіе къ намъ по морю.“ Отецъ не щадитъ даже своей воинской чести и изъ отеческой любви готовъ на покорность кичливому молодому герою: онъ снимаетъ съ себя золотой обручъ или гривну, и предлагаетъ своему сыну, только бы примириться съ нимъ. Но и это не помогаетъ: „Копьемъ добывается добыча—говорить онъ—мечъ противъ меча! вижу: ты старый Гунъ, хочешь обмануть меня, чтобъ потомъ легче убить!“—„О горе мнѣ!—воскликаетъ Гильдебрандъ: О Боже, всѣмъ управляющій! что за невзгода на насъ! Шестьдесятъ лѣтъ и зимъ (то есть, 30 лѣтъ и 30 зимъ, всего 30 годовъ) воевалъ я на чужой сторонѣ, и вотъ теперь родное, милое дѣтище изрубитъ меня мечемъ, а можетъ, и самъ я буду убійцею! Ну такъ знай же, что самый подлый трусъ во всей Восточной странѣ (т. е. въ странѣ Остъ-готовъ) былъ бы тотъ, кто теперь отклонилъ бы меня отъ бою, если уже тебѣ того такъ хочется!“ Затѣмъ слѣдуетъ энергическое описаніе битвы, на которомъ прекращается отрывокъ VIII-го вѣка. Впрочемъ, по позднѣйшимъ передѣлкамъ, даже до XV-го вѣка, извѣстно, что отецъ побѣждаетъ сына, и оба возвращаются домой, гдѣ Гильдебрандъ, подобно Одиссею, находитъ такъ давно покинутую имъ супругу.

Не говоря уже о сходствѣ этого эпизода съ извѣстною персидскою поэмою Фирдеви (или Фирдуси) о Ростемѣ и Зурабѣ*), указываю на замѣчательнѣйшіе слѣды того же общаго мотива индоевропейской поэзіи въ одномъ эпизодѣ изъ русской поэмы объ Ильѣ Муромцѣ**).

Въ заключеніе укажу еще на замѣчательнѣйшее сродство русской поэмы о Потоцкѣ Михайлѣ Ивановичѣ съ одною простонародною нѣмецкою сказкою***).

ЛЕКЦІЯ 3-я.

Читана 5-го января 1860 г.

Когда мы говоримъ о сродствѣ нѣмцевъ и славянъ по ихъ древнѣйшимъ національнымъ преданіямъ и словесности, тогда должны

*) Извѣстна и у насъ въ переложеніи Жуковского.

***) Кирша Даниловъ, стр. 361—364.

****) Кирша Даниловъ, стр. 215—225. Grimm, Kinder und Hausmärchen, № 16.

мы разумѣть подъ тѣмъ и другимъ народомъ не цѣлыя сплошныя, однообразныя массы, а собраніе отдѣльныхъ племенъ и нарѣчій, изъ которыхъ оба эти народа составились, и которыя выдѣлились поодиночкѣ и получили свой самостоятельный характеръ въ эпоху незапамятную.

Основателями новѣйшей школы сравнительнаго изученія нѣмецкихъ племенъ и нарѣчій, по языку, вѣрованіямъ, преданіямъ и словесности, были братья Гриммы, Вильгельмъ, и особенно—гениальнѣйшій ученый нашего времени, Яковъ Гриммъ, составившій Сравнительно-историческую Грамматику нѣмецкихъ нарѣчій (въ 4-хъ частяхъ, до 1000 страницъ въ каждой), Нѣмецкую Миеологию, Исторію нѣмецкихъ юридическихъ древностей, издавшій—частію одинъ, частію вмѣстѣ съ братомъ своимъ—множество памятниковъ древней и народной нѣмецкой словесности, написавшій цѣлыя томы отдѣльныхъ статей, или монографій по старинѣ и народности нѣмецкой, статей, разсѣянныхъ въ разныхъ ученыхъ журналахъ, въ теченіе болѣе 50 лѣтъ, и наконецъ въ Исторіи нѣмецкаго языка давшій своимъ соотечественникамъ общее обозрѣніе всѣхъ главнѣйшихъ основъ нѣмецкой національности, состоящихъ въ языкѣ, въ вѣрованіяхъ, въ юридическихъ обычаяхъ и понятіяхъ, и наконецъ въ самыхъ главныхъ существенныхъ преданіяхъ литературныхъ. Этотъ великій ученый, выступившій на литературное поприще въ первомъ десятилѣтіи текущаго столѣтія, и доселѣ еще не перестаетъ трудиться для созданной имъ науки и для прославленія столь-же великой нѣмецкой національности.

Счастливъ тотъ народъ, который въ полувѣковой дѣятельности такого ученаго могъ воздвигнуть такой колоссальный памятникъ своей народности и старинѣ!

Новыя идеи объ изученіи національныхъ основъ, возбужденныя въ ученой публикѣ Яковомъ Гриммомъ и его трудолюбивою школою, не остались бесплодны для славянъ. Ученые интересы, чувство национальной гордости, а также, вѣроятно, и политическія соображенія вызвали, во второй четверти текущаго столѣтія, цѣлый рядъ ученыхъ славянъ западныхъ на разработку славянской старины и народности.

Между ними съ особенною энергіею выступилъ трудолюбивый пражскій ученый, Шафарикъ. Изъ многихъ его сочиненій по сла-

вянщинѣ преимущественно замѣчательны: 1) Славянскія древности (или *старожитности*—какъ названо у него по чешски), въ которыхъ критически излагается первобытная исторія славянскихъ племенъ, возводимая имъ въ отдаленную эпоху до Рождества Христова, и 2) Славянская этнографія (*народопись*—какъ у него названо), въ краткомъ обзорѣни предлагающая характеристику славянскихъ племенъ по языку, по различнымъ мѣстностямъ, ими занимаемымъ, по вѣроисповѣданіямъ и литературѣ. (Съ картою).

Хотя славянскіе ученые далеко не успѣли совершить того, что сдѣлано и продолжаетъ дѣлаться для нѣмецкой національности ученою школою братьевъ Гриммовъ, однако немедленно была признана необходимость въ сравнительномъ изученіи славянскихъ нарѣчій, и уже въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія этотъ предметъ сталъ преподаваться въ русскихъ университетахъ. Съ тѣхъ поръ оказалось уже невозможнымъ изученіе русской словесности и вообще народности и старины независимо отъ родственныхъ намъ славянскихъ племенъ.

Такимъ образомъ, современное состояніе нашей науки и позднѣйшія преобразования въ университетскомъ преподаваніи ея достаточно убѣждаютъ насъ въ томъ, что та далекая старина, на которой мы остановились теперь, имѣетъ свое немаловажное значеніе и въ настоящее время. Какъ ни отвлеченны покажутся съ перваго раза мнимые доводы славянистовъ о первобытномъ господствѣ славянъ въ Европѣ, о древнѣйшихъ національныхъ преимуществахъ ихъ не только передъ литвою, но даже и передъ нѣмецкими племенами, но эти доводы воспламеняютъ чувство національной гордости, сближаютъ разноплеменныхъ славянъ болѣе прочными родственными узами, а вмѣстѣ съ тѣмъ время отъ времени, могутъ вести къ какому нибудь и ложнымъ увлеченіямъ, выходящимъ уже изъ предѣловъ скромной науки. Ясно, слѣдовательно, что старина, не только дѣйствительная, но даже и мнимая, имѣетъ свою немалую долю въ современныхъ жизненныхъ вопросахъ.

Какъ въ прошедшей лекціи мы познакомились съ общими результатами сравнительнаго изученія народовъ индоевропейскихъ, такъ и теперь, хотя въ немногихъ словахъ, сдѣлаемъ краткое обзорѣне

славянских нарѣчій, составляющихъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ въ историко-филологическомъ факультетѣ русскихъ университетовъ.

Но предварительно упомянемъ о тѣхъ изъ нѣмецкихъ племенъ, которыя особенно важны въ сравнительномъ изученіи національных основъ славяно-нѣмецкой древнѣйшей словесности. Эти племена суть слѣдующія:

1) Готы. Уже въ IV вѣкѣ выступили они изъ до-историческаго мрака невѣжества на поприще христіанской образованности съ переводомъ Св. Писанія на ихъ, готскій языкъ, почитаемый древнѣйшимъ между прочими нѣмецкими нарѣчїями. Свое великое историческое значеніе, въ эпоху перехода отъ древняго міра къ новому, выразили готы во множествѣ баснословныхъ и историческихъ сказаній, между которыми въ позднѣйшихъ передѣлкахъ особенное вниманіе заслуживаетъ упомянутый уже нами готскій эпосъ о Дитрихѣ Бернскомъ, впоследствии распавшійся на множество самыхъ разнообразныхъ эпизодовъ и отдѣльныхъ поэмъ. Это нѣмецкое племя издавна состояло въ ближайшемъ сродствѣ и въ постоянныхъ историческихъ сношеніяхъ съ южными придунайскими славянами.

2) Англо-саксы. Они перенесли съ береговъ сѣвернаго нѣмецкаго материка на Британскій островъ древнѣйшія національныя преданія своего племени, изъ которыхъ особенно знаменитъ эпосъ о героѣ Беовульфѣ, предлагающій много сходнаго съ русскими пѣснями о богатыряхъ Владиміровыхъ.

3) Скандинавы. По особеннымъ историческимъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ, на далекомъ снѣжномъ островѣ, называемомъ Исландіею, сберегли они, до XI вѣка, въ возможной свѣжести и полнотѣ, преданія о первобытной религіи, обычаяхъ и нравахъ нѣмецкихъ племенъ, въ превосходныхъ образцахъ нѣмецкой поэзіи, извѣстныхъ подъ именемъ пѣсенъ Древней Эдды. Глубокое національное чувство, поддерживаемое знаменитыми подвигами сѣверныхъ моряковъ, и послѣ того въ теченіе столѣтій успѣло ознаменовать себя самою богатою національною литературою скандинавскаго племени. Эти сѣверные моряки важны для насъ не только потому, что на берегахъ Балтійскаго моря они смѣшивали свои національныя преданія съ преданіями обитавшихъ тамъ славянъ, но и потому, что въ

IX-мъ вѣкѣ дали новую, политическую жизнь славянамъ, населявшимъ Русскую землю.

Великій переломъ, оказавшій свои послѣдствія въ исторіи чело- вѣчества образованіемъ новыхъ европейскихъ государствъ и народовъ, былъ совершенъ собственно нѣмецкими племенами. Римскія области въ Италиі, Испаніи, Галліи, вмѣстѣ съ языкомъ усвоившія себѣ нравы, обычаи и вообще цивилизацію древняго Рима, получили совершенно новый характеръ, какъ скоро коснулась ихъ мощная свѣ- жая народность нѣмецкихъ племенъ. Латинскій языкъ въ этихъ про- винціяхъ сначала исказился въ устахъ сѣверныхъ дикарей, но потомъ вскорѣ принялъ новыя формы въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, а въ синтаксисѣ подчинился способу мышленія и выраженія идей, свой- ственному племенамъ нѣмецкимъ. Такимъ образомъ произошли новыя романскіе языки, къ которымъ принадлежатъ итальянскій, испан- скій, португальскій, французскій. Вліяніе не могло ограничиться язы- комъ, потому что языкъ вмѣстѣ съ звуками и грамматическими фор- мами вноситъ въ покоренную его вліянію страну и тѣ идеи, которыя на общихъ съ языкомъ основахъ возрастали. Потому нѣмецкія пле- мена передали романскимъ народамъ свои коренныя національныя преданія, состоящія въ миѳическихъ вѣрованіяхъ, въ нравахъ, юри- дическихъ обычаяхъ и наконецъ въ поэтическихъ сказаніяхъ.

Если не такъ громко отозвалась въ исторіи чело вѣчества болѣе скромная національность славянскихъ племенъ, то, по крайней мѣрѣ, близкое сродство ея съ нѣмецкою, даетъ намъ право на признаніе въ ней обще-европейскаго интереса.

Когда славяне явились историческими дѣятелями, они дѣлились уже на многія племена, которыя наука сгруппировала въ два глав- ныхъ отдѣла: въ Юго-Восточный и Западный. Берега Дуная были древнѣйшею родиною ихъ европейской формации. Оттуда расселились они на западъ и сѣверо-западъ до Адриатическаго и Балтійскаго морей и на востокъ и сѣверо-востокъ до Новагорода.

Такимъ образомъ, не только образъ жизни славянъ, не столь громкій, воинственный и побѣдоносный, какъ образъ жизни племенъ нѣмецкихъ, но и самая мѣстность, славянами занимаемая и особен- но нѣкогда имъ по преимуществу принадлежавшая на Дунаѣ, была причиною тому, что уже въ самыхъ возрѣніяхъ на природу славяне

издавна отличались отъ нѣмцевъ болѣе спокойнымъ, мирнымъ и свѣтлымъ тономъ. Это особенно явствуетъ изъ названія года по одной изъ частей его, болѣе замѣтное оставившихъ по себѣ впечатлѣніе. Славяне—какъ свидѣтельствуютъ древнѣйшіе письменные памятники XI-го вѣка—издавна считали годъ, какъ и теперь, по теплымъ временамъ года, то есть, считали *лѣтами* (5 лѣтъ, 6 лѣтъ и т. д.) Напротивъ того, не только скандинавы, уже въ своихъ пѣсняхъ древней Эдды, но даже готы еще въ IV-мъ вѣкѣ—какъ показываетъ переводъ Библии, сдѣланный Ульфилою, или Вульфилою, считали года *зимами* (то есть, 5 зимъ, 6 зимъ, вмѣсто 5 или 6 лѣтъ. По готски зима *wintras*, по скандинавски—*vetr*, то есть *winter*). Соответственно этому, суровый и мрачный колоритъ пѣсни скандинавской или англо-саксонскаго эпоса противопоставляется радостному и игривому сочувствію тихой и свѣтлой природѣ въ такъ называемой женской пѣснѣ серба или въ бытовой пѣснѣ малорусса, сопровождающей его сельскія работы, посѣвъ, сѣнокосъ или жатву.

Итакъ, берега Дуная были любезною родиною, старымъ отеческимъ жилищемъ, откуда славяне разнесли далеко на сѣверъ, западъ и востокъ сѣмена своей первобытной національности. Какъ ни странно покажется, но русскій народъ и доселѣ вспоминаетъ въ своихъ пѣсняхъ эту нѣкогда священную для славянъ рѣку. Иногда имя ея является въ бессмысленной припѣвкѣ: ай Дунай ты мой, Дунай, не кстати прибавляемой въ какой нибудь хороводной (или плясовой, соединенной съ мимическими играми) пѣснѣ, иногда въ цѣломъ эпическомъ разсказѣ о нѣкоторомъ богатырѣ Дунаѣ, отъ котораго, какъ говорится въ народѣ:

Быстра рѣка Дунай словеть,
Своимъ устьемъ впала въ сине море.

Въ народномъ эпизодѣ повѣствуется, будто Дунай добывалъ невѣсту для самого Князя Владиміра въ Золотой Ордѣ у грознаго Короля Етманула Етмануловича, его дочь Афросинью Королевишну, и будто бы тогда же взялъ себѣ въ супруги сестру ея Настасью Королевишну. Эта послѣдняя была существо необыкновенное, одна изъ тѣхъ воинственныхъ, сверхъестественныхъ дѣвъ, которыя отдаютъ себя въ супруги мощному витязю не иначе, какъ съ бою.

Древняя Эдда знает такую воительницу въ сверхъестественной полу-богинѣ (или валькириі, распорядительницѣ и покровительницѣ битвъ) Брингильдѣ, которую побѣждаетъ могучій и свѣтлый герой Зигурдъ (Зигфридъ въ Нибелунгахъ).

Нашъ эпосъ сохранилъ тоже преданье о невѣстѣ-воительницѣ въ супругѣ Дуная, въ Настасѣ Королевишнѣ. Когда Дунай, вступивъ въ бой съ воинственною дѣвицею, низпровергъ ее на землю и уже хотѣлъ было поразить ее въ грудь, она сказала ему:

Гой еси ты, удалой доброй молодець!
 Не коли ты меня дѣвицу до смерти!
 Я у батюшки, сударя, отпрошалася:
 Кто меня побьетъ въ чистомъ полѣ,
 За того мнѣ дѣвицѣ замужъ иди.

Послѣ того Дунай женился на Настасѣ Королевишнѣ. Несчастное происшествіе, по которому быстра рѣка Дунай словоетъ, совершилось на пиру у князя Владиміра, какъ повѣствуетъ тотъ же эпизодъ въ Древнихъ Россійскихъ стихотвореніяхъ. (Стр. 98—101).

Такъ долго въ поэзіи народной сохраняется память о древнѣйшихъ жилищахъ славянъ! Доисторическая поэзія съ береговъ Дуная и доселѣ еще живетъ въ воображеніи простонародныхъ гѣвцовъ. Еще авторъ Слова о полку Игоревѣ, произведенія конца XII-го вѣка, очень мѣтко выразился объ этой родственной симпатіи: „Дѣвицы поютъ на Дунаѣ—говоритъ онъ—вкются голоса черезъ море до Кіева!“

Мы уже упомянули, что славянскія нарѣчія издавна раздѣлились на два отдѣла—юго-восточный и западный. Объемля общимъ взглядомъ поселенія славянъ отъ Дуная и Балканскихъ горъ до Адриатическаго, Балтійскаго и Бѣлаго морей, мы замѣчаемъ, что славяне юго-восточные, заселяютъ южныя части Австріи и сѣверныя Турціи до Адриатическаго моря, и потомъ, черезъ Галицію, распространяются на сѣверо-востокъ по всей Россіи. Эти племена суть: Болгарское, Иллирійское и Русское.

Болгарское, издавна заселявшее сѣверныя предѣлы Греціи, ранѣе другихъ подчинилось вліянію средневѣковой образованности, и, принявши отъ грековъ христіанскую вѣру, задолго до Кирилла и Меѳодія исповѣдывало эту вѣру и, вѣроятно, имѣло на родномъ языкѣ

многія молитвы. Древній церковно-славянскій языкъ есть не что иное, какъ одно изъ мѣстныхъ нарѣчій племени Болгарскаго, ранѣе прочихъ подвергнутое литературной обработкѣ трудами христіанскихъ славянъ, жившихъ вмѣстѣ съ греками, и потому усвоившихъ себѣ всѣ плоды тогдашней ихъ образованности.

Къ Иллирійскому племени относятся Сербы, Корутане, или Хорутане, и Хорваты,—вдоль Адриатическаго моря и къ сѣверовостоку до Венгрии. Въ этомъ отдѣлѣ особенно замѣчательны сербы по своей народной поэзіи, которая глубиною чувства, высокимъ эпическимъ настроеніемъ и разнообразіемъ художественныхъ мотивовъ, не уступаетъ не только пѣснямъ Древней Эдды, но и поэмамъ Гомера. Знаменитый собиратель народной поэзіи сербской, Вукъ Стефановичъ Караджичъ болѣе тридцати лѣтъ связанъ самою искреннею дружбою съ великимъ германистомъ, Яковомъ Гриммомъ, который своими совѣтами и просвѣщеннымъ руководствомъ не мало способствовалъ тому, что въ изданіяхъ Вука Караджича мы имѣемъ превосходнѣйшіе образцы самой изящной поэзіи славянской въ сербскихъ мифологическихъ и историческихъ поэмахъ, въ такъ называемыхъ юнацкихъ или богатырскихъ пѣсняхъ (юнакъ—по сербски витязь), въ женскихъ, то есть, въ свадебныхъ, колыбельныхъ и т. п.; въ различныхъ прозаическихъ обрядовыхъ причитаньяхъ, напр. въ здравницахъ или обычныхъ рѣчахъ, говоримыхъ, когда пьютъ за здоровье, наконецъ въ пословицахъ и сказкахъ. Къ нѣкоторымъ изъ изданій Караджича Я. Гриммъ писалъ даже предисловія, напримѣръ еще въ 1824 году къ Сербской Грамматикѣ—предисловіе, въ которомъ нѣмецкій ученый, между прочимъ, обращаетъ вниманіе образованной публики на великія поэтическія сокровища, доселѣ сохранившіяся въ устахъ не только сербовъ, но и другихъ славянскихъ племенъ. Недавно, въ 1854 году, Я. Гриммъ написалъ предисловіе къ нѣмецкому переводу собранныхъ Вукомъ Караджичемъ сербскихъ сказокъ.

Обращаю вниманіе на эти мелкія бібліографическія подробности въ томъ намѣреніи, чтобы показать, какъ Западная Европа, въ лицѣ своего лучшаго представителя по изученію народности, интересуется богатыми остатками славянской поэтической старины, и именно по той причинѣ, что въ этихъ славянскихъ остаткахъ сохранилось многое, столь же близкое и родное для нѣмцевъ, какъ и для насъ.

Третье племя, относящееся къ юго-восточному отдѣлу, есть наше Русское, которое уже съ древнѣйшихъ временъ дѣлилось на Сѣверное, или Новгородское, и Южное, или Кіевское. Изъ перваго въ послѣдствіи развилось нарѣчіе великорусское, изъ послѣдняго малорусское. Сверхъ того въ губерніяхъ Могилевской и Минской, и частию въ смежныхъ съ ними, образовалось особенное нарѣчіе, отличное отъ двухъ первыхъ и называемое бѣлорусскимъ. Последнее бѣднѣе двухъ первыхъ поэтическими произведеніями народными.

Всѣ эти три племена—Болгарское, Иллирійское и Русское, представляютъ между собою ближайшее сродство въ отношеніи языка, и существенно отличаются нѣкоторыми грамматическими особенностями отъ славянъ западныхъ.

Къ западному отдѣлу относятся: Поляки, Чехи съ Словаками (въ Богеміи и Моравіи), Лужичане (въ Лузаціи) и наконецъ нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, нѣкогда заселявшихъ берега Балтійскаго моря; изъ нихъ и до позднѣйшаго времени по берегамъ Эльбы (по славянски Лаба) сохранилось племя по-лабское, недавно вымершее, будучи заглушено сильнымъ вліяніемъ нѣмецкаго элемента.

Племена славянскія западныя находились въ ближайшихъ и постоянныхъ историческихъ сношеніяхъ съ Западною Европою; потому менѣе восточныхъ сохранили они свою древнѣйшую народную поэзію, и очень рано, вмѣстѣ съ принятіемъ католичества, усвоили себѣ западную цивилизацію. Отъ западныхъ славянъ, именно отъ поляковъ, черезъ Кіевъ древняя Русь уже съ начала XVII вѣка стала воспринимать на себя литературное вліяніе Европы.

Такимъ образомъ исторія русской литературы предложитъ намъ любопытныя данныя, изъ которыхъ мы увидимъ, какъ русское племя, мало по малу теряя мѣстный и односторонній характеръ юго-восточной славянской семьи, сближается съ самымъ образованнымъ изъ западныхъ славянскихъ племенъ, для того чтобы потомъ непосредственно пользоваться плодами европейской цивилизаціи, и силою своей самостоятельной образованности господствовать надъ прочими славянами, особенно юго-восточными, которыхъ мы, русскіе, такъ далеко опередили въ успѣхахъ просвѣщенія.

Л Е К Ц І Я 4-я.

Читана 7-го января 1860 г.

Согласно принятому нами правилу ничего не оставлять въ изученіе предмета полуобъясненнымъ, ничего не брать на вѣру въ авторитетъ ученыхъ мнѣній, но повѣрять сказанное самостоятельнымъ знакомствомъ съ фактами,—я почитаю необходимымъ еще разъ остановиться на родственныхъ намъ славянскихъ племенахъ, и въ доказательство голословныхъ похвалъ ихъ высокой поэзіи предложу одинъ изъ эпическихъ разсказовъ сербскихъ. Этотъ эпизодъ будетъ для насъ примѣромъ не только высокаго изящества народной поэзіи, но и необыкновенной глубины нравственнаго чувства; потому что народная поэзія, не смотря на нѣкоторую грубость и наивность, въ основѣ своей всегда высоко нравственна: точно такъ, какъ въ природѣ физической—здоровье есть необходимое условіе красоты. И какъ произведенія природы прекрасны потому только, что это согласно съ общимъ ихъ устройствомъ, съ физическими законами ихъ бытія: такъ и изящество безыскусственной поэзіи не намѣренная прикраса сочинителя, а необходимое выраженіе самого содержанія, самого міа или басни, и кроющейся въ содержаніи мысли.

Поэма, на которой мы остановимся, въ сборникѣ сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича Караджича (часть 2, № 25) названа Женитьбою врана Вукашина. Предметомъ своимъ имѣетъ она одну изъ частыхъ распрей между мелкими владѣтелями Сербской области во второй половинѣ XIV-го вѣка. Въ основѣ лежитъ историческое событіе, вслѣдствіе котораго новое поколѣніе Вукашина становится господствующимъ надъ прежними властителями. Но на языкѣ эпическомъ это не что иное какъ хитрая побѣда новаго, мелкаго поколѣнія надъ древнимъ, правдивымъ, какимъ-то гигантскимъ родомъ, представителемъ котораго является благородная и колоссальная фигура героя Момчила.

Но обратимся къ самой поэмѣ. Начинается она низкимъ предательствомъ, но оканчивается торжествомъ благороднаго, высоконравственнаго чувства.

Въ бѣломъ городѣ Скадрѣ на Боянѣ (Скутари) щедушный Вукашинъ (въ подлинникѣ жура—тоненькій и маленькій, откуда жу-

равъ—журавль) пишетъ письмо, и тайно посылаетъ его въ Герцеговину, въ бѣлый городъ Перлиторъ, къ Видосавѣ, Момчиловой женѣ. Такъ онъ пишетъ: „Видосава, Момчилова супруга! Что тебѣ въ этомъ лѣдѣ и снѣгѣ? Какъ поглядишь ты изъ города вверхъ—только и видишь бѣлую гору Дурмитора, покрытую льдомъ и снѣгомъ, и зимою, и лѣтомъ. Взглянешь внизъ—течетъ мутная Тара, волнистая; она валить деревья и камни, нѣтъ по ней ни броду, ни мосту, а около нея сосны да скалы. А ты отрави воеводу Момчила, или мнѣ его выдай, и ступай ко мнѣ въ ровное приморье, въ бѣлый Скадръ на Бояну. Тогда будешь ты мнѣ вѣрной женою, будешь госпожа Королева, будешь прясть полкъ золотымъ веретенкомъ, будешь прясть полкъ, на шелку будешь сидѣть, въ бархатѣ да въ чистомъ золотѣ ходить. А каковъ Скадръ на Боянѣ! Поглядишь изъ города вверхъ на горы—горы всѣ поросли смоевами да маслинами и тѣми кустами виноградными! Взглянешь внизъ—растетъ бѣлая пшеница, а кругомъ—зеленые луга, по лугамъ течетъ зеленая Бояна, въ Боянѣ плаваютъ всякая рыба!“

Такимъ образомъ, сама поэзія вводитъ насъ въ живописныя страны, заселенныя сербскимъ племенемъ, въ эту гористую и приморскую мѣстность, богатую разнообразными переменными плодородныхъ и тощихъ, бесплодныхъ ландшафтовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ это одно изъ замѣчательнѣйшихъ эпическихъ описаній природы. И какъ вѣренъ здѣсь пѣвецъ своему безыскусственному, эпическому стилю. Пѣвецъ не прямо отъ себя восторгается набросанною имъ картиною горъ, рѣкъ и полянъ, какъ сталъ бы новѣйшій лирический поэтъ излагать свои чувства и мысли по случаю какого нибудь описываемаго имъ мѣстоположенія. Нѣтъ! Ландшафтъ самъ для себя, независимо отъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ, есть уже явленіе позднѣйшее, какъ въ живописи, такъ и въ поэзи.

Пѣвцу даже вовсе не нужно описаніе природы. Какъ житель той страны, онъ уже привыкъ къ этой гористой и приморской мѣстности. Но онъ заставляетъ Видосаву въ письмѣ Вукашина взглянуть изъ городу вверхъ, взглянуть внизъ: онъ живописуетъ впечатлѣнія самого зрителя или слушателя его пѣсни. И зачѣмъ это описаніе природы? Зачѣмъ такъ любитъ Вукашинъ своимъ ровнымъ приморьемъ, по которому протекаетъ Бояна? Изъ отвлеченнаго ли эсте-

тического чувства къ красотамъ природы, какъ это бываетъ обыкновенно въ позднѣйшихъ лирическихъ пѣсняхъ Пушкина или Лермонтова? Или же любитъ хитрый воевода изъ другихъ, болѣе простыхъ, чисто практическихъ видовъ? Онъ думаетъ только объ одномъ, чтобъ внести бѣдствіе въ семью своего страшнаго врага, котораго думаетъ побѣдить хитростью; онъ хочетъ переманить Видосаву въ прекрасный Скадръ на Боянѣ.

Даже въ самомъ взглядѣ на природу, при всей поэтической свѣжести этого описанія, виденъ практической взглядъ, отъ котораго простой человѣкъ не можетъ никогда отрѣшиться, любуясь природою, не ради ея красоты, а ради тѣхъ выгодъ, которыя она даетъ ему. Такъ и для русскаго мужика природа прекрасна только тогда, когда она плодородна, когда удовлетворяетъ его практическимъ цѣлямъ, когда у него уродился хлѣбъ и довольно лѣсу для дровъ,—и безобразна тогда, когда бесплодна. Дикія скалы и пустынные степи плѣняютъ только досужее воображеніе позднѣйшихъ, развитыхъ цивилизаціею художниковъ. Напротивъ того, многохитростный грекъ Одиссей, въ отношеніи красотъ природы, стоитъ еще на степени русскаго поселнина и воинственнаго сербскаго дикаря XIV вѣка. Описывая въ своемъ хвастливомъ разсказѣ дѣвственную природу острова Циклоповъ (Одиссея IX, 116 и слѣд.), Одиссей не можетъ удержаться, чтобъ не замѣтить, какъ бы хорошо было развести на немъ винодѣліе и хлѣбопашество, и какъ бы удобно было устроить пристань въ его тихихъ заливахъ. Это не чувствительный, сентиментальный поэтъ, восхищающійся дикою красою необитаемаго острова, а умный грекъ, желающій бросить сѣмена своей ранней цивилизаціи вездѣ, куда ни ступить своею ногою.

Но возвратимся къ сербской пѣснѣ. Предательница Видосава не можетъ извести Момчила смертію. Его стережетъ вѣрная его сестра Евросима, стерегутъ также и братья его и племянники. Къ тому же у Момчила есть крылатый конь и сабля съ очами.

Самъ пѣвецъ, изъ устъ котораго Вукъ Караджичъ записалъ эту пѣсню, не могъ объяснить ему, что такое сабля съ очами. Но конь Момчила, какъ разсказывается въ сербскихъ преданіяхъ, происходилъ отъ нѣкотораго миѳическаго, тоже крылатаго коня, жившаго въ одномъ озерѣ. Совершенно независимо отъ греческаго

Пегаса, этотъ сербскій миѳическій конь, праотець нашихъ сказочныхъ Сивокъ-бурокъ вѣщихъ коурокъ, находитъ себѣ соотвѣтствіе въ крылатомъ конѣ Слейпнирѣ, на которомъ во главѣ грознаго ополченія мчится Одинъ—воинственное, верховное божество воинственныхъ нѣмецкихъ племенъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что крылья Момчилова коня для простаго глаза были невидимы, и показались только тогда, когда конь выпускалъ ихъ изъ себя въ глухую полночь, когда запоютъ пѣтухи.

Видосава сговорила съ Вукашиномъ дѣйствовать заодно на погибель героя Момчила. Видосава въ полночь спалила коню крылья и затопила саблю въ ножнахъ, чтобъ она изъ нихъ не вынималась. Вукашинъ съ своимъ войскомъ засѣлъ засадою и поджидалъ, когда Момчилъ выѣдетъ по обычаю на охоту. Только что этотъ витязъ появился, Вукашинъ бросается на него изъ засады. Момчилъ храбро бьется, хотя и чужою саблею, потому что его собственная, съ очами, не вынимается изъ ноженъ, будто вросла въ нихъ корнемъ. Но когда видитъ онъ всѣхъ своихъ братьевъ убитыми, сердце его надорвалось отъ жалости, рука не поднимается съ саблею. И хотѣлъ было онъ пустить въ летъ своего крылатога коня, но конь провѣщаль ему, что не можетъ летѣть: Видосава опалила ему крылья. И бросился Момчилъ къ городу пѣшій. Добѣгаетъ. Но городскія ворота предательски заперты. Онъ кличетъ вѣрную сестру Евросиму, чтобъ она спустила ему со стѣны полотно, по которому онъ взберется вверхъ. Но и любящая, преданная сестра не можетъ помочь ему. Чтобъ она не помѣшала предательству, Видосава привязала ее за ея собственныя косы къ столбу. Однако жалостливо сердце нѣжной сестры, жаль ей стало родного брата, обреченнаго на погибель, и—какъ говорится въ пѣснѣ—взвизгнула она, какъ лютая змѣя, взмахнула головой и всѣмъ станомъ, вырвала изъ головы, удерживавшія ее, собственныя ея косы, оставила ихъ на столбѣ, и, схвативши кусокъ полотна, спустила брату черезъ стѣну. Момчилъ уже влѣзъ было на стѣну, но прибѣгаетъ предательница—жена съ острою саблею и пересѣкаетъ полотно немного повыше рукъ его, и несчастный упадаетъ на копья враговъ своихъ. Подбѣгаетъ къ нему Вукашинъ и ударяетъ его копьемъ посередь живаго сердца. Тогда говоритъ своему убійцѣ умирающій Момчилъ: „вотъ тебѣ мой завѣтъ,

Вукашине кралю! не бери за себя мою вдову Видосаву, мою невѣрницу! Она и твою загубить голову: нынче меня предала, завтра предасть и тебя! Но возьми за себя мою милую сестру Евросиму: будетъ она тебѣ всегда вѣрна, и родить тебѣ такова же, какъ я, богатыря!“—Такъ говорилъ воевода Момчиль, а съ душою уже боролся; сказалъ, и испустилъ легкую душу.

Только народная эпическая поэзія способна возвыситься до такого неподдѣльнаго, нравственнаго величія въ простодушномъ изображеніи человѣческой природы. Умираетъ витязь—и своему предательскому убійцѣ, внесшему бѣдствіе въ его семью, не только даетъ самый искренній, радушный совѣтъ, но и вручаетъ ему самое лучшее, самое дорогое, что только онъ на землѣ оставляетъ—свою преданную, великодушную сестру.

Но самъ пѣвецъ, излагая эту умиленную сцену, нисколько не удивляется нравственному величію умирающаго героя, никакого восклицанія отъ себя лично не прибавляетъ. Онъ рассказываетъ эту сцену, какъ событіе обыкновенное, которое могло бы случиться и съ другимъ. Такъ увѣренъ онъ въ нравственномъ чувствѣ неиспорченной природы человѣческой. Эта-то непоколебимая вѣра въ господство на землѣ добра и правды составляетъ самое высокое, нравственное достоинство народнаго эпоса!

Шиллеръ (въ своемъ сочиненіи *O* наивной и сентиментальной поэзіи) приводитъ въ примѣръ эпическаго, торжественнаго спокойствія въ изложеніи драматическихъ столкновеній то мѣсто изъ *Иліады* (IV, 215—236) гдѣ Главъ и Діомедъ—оба между собою врага—въ общей битвѣ нападаютъ другъ на друга, но, узнавъ, что, по семейнымъ обстоятельствамъ, они взаимно обязаны другъ другу гостепріимствомъ, прекращаютъ драву, мѣняются дарами и дружески расходятся. Описавъ трогательную сцену превращенія двухъ героевъ изъ враговъ въ друзей, Гомеръ отъ себя не прибавляетъ ни слова. Пусть говоритъ за себя самое дѣло!

Но какъ сравнить съ этой, впрочемъ прекрасной, сценою умиленную высоту души и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное эпическое спокойствіе въ предсмертномъ примиреніи Момчила съ его предателемъ и убійцею! И если Шиллеръ съ полною справедливостію отдаетъ рѣшительное предпочтеніе сценѣ Гомеровою передъ соотвѣтственною

ей у Аріоста, въ Неистовомъ Орландѣ (*Orlando furioso*), то какъ ничтожна поважется эта послѣдняя передъ сербскою, не смотря на заманчивость ея рыцарской обстановки, или, вѣрнѣе сказать, именно по причинѣ условныхъ, искусственныхъ понятій о рыцарской вѣжливости и чести.

Въ лѣсу дерутся два рыцаря, Ринальдо и Феррау, одинъ христіанинъ, другой сарацинъ, оба соперники, ищущіе руки прекрасной Анжелики. Изранивъ въ поединкѣ другъ друга, они наконецъ рѣшаются преслѣдовать рѣзвую красавицу, предметъ ихъ соперничества; но какъ случился только одинъ конь для обоихъ, то они и сѣли вмѣстѣ на одного. Аріостъ, современникъ Рафаэля, не умѣлъ уже удержаться въ предѣлахъ спокойнаго эпическаго разсказа и нарушилъ ровное его теченіе слѣдующимъ изліяніемъ собственныхъ своихъ чувствъ, по поводу рыцарскаго великодушія:

„О великая доблесть старинныхъ рыцарей! Были соперники, были разныхъ вѣроисповѣданій, и еще во всѣхъ членахъ своего тѣла чувствовали боль отъ нанесенныхъ другъ другу жестокихъ ударовъ,— и вотъ ѣдутъ они вмѣстѣ въ темномъ лѣсу, по извилистымъ тропинкамъ, нисколько не подозрѣвая другъ друга“. Пѣснь (I, Октава 22).

Но воротимся къ сербской пѣснѣ. Вукашинъ вступаетъ въ городъ побѣдителемъ. Хитрая Видосава торжественно принимаетъ его, угощаетъ виномъ и разными яствами; потомъ, какъ цѣломудренная, скромная Пенелопа выносить своимъ женихамъ оружіе Одиссея, такъ и Видосава выносить Вукашину одежду и воинскіе доспѣхи своего убитаго мужа.

Но вотъ великое чудо!—воскликаетъ пѣвецъ: что Момчилу было по колѣно, то Вукашину волочится по землѣ! Что Момчилу была шапка, то Вукашину по плеча входитъ; что Момчилу былъ одинъ сапогъ, то Вукашину лѣзетъ на обѣ ноги; что Момчилу былъ золотъ перстень, то Вукашину идетъ на цѣлые три пальца; что Момчилу была сабля, Вукашину на аршинъ по землѣ тащится; что Момчилу былъ доспѣхъ въ самую пору, Вукашинъ подъ тѣмъ и двинуться не можетъ.

Вотъ какой могучій великанъ былъ погибшій герой нашъ!

Это мѣсто предагаетъ любопытный образецъ эпическаго стиля въ описаніи наружности героевъ. До сихъ поръ пѣвецъ не знако-

милъ съ нею своихъ слушателей подробною характеристикою ихъ возраста, красоты или безобразія, и вообще внѣшняго вида и душевныхъ свойствъ, какъ это обыкновенно дѣлаетъ романистъ нашего времени, будто рекомендуя читателямъ вводимыя имъ въ разсказъ дѣйствующія лица. Сербскому пѣвцу доселѣ это было вовсе не нужно. Но теперь, когда великаго героя нѣтъ уже на свѣтѣ, и когда его мѣсто заступаетъ его врагъ и убійца, сравненіе между тѣмъ и другимъ очень естественно, потому что теперь убійца входитъ въ права убитаго. Но даже и здѣсь, подобно Гомеру отрѣшаясь отъ своего личнаго произвола, пѣвецъ не случайно, не по своему личному расположенію духа, обращается къ этому сравненію. Нѣтъ, самыя обстоятельства разсказа навели его на это: онъ передъ глазами своихъ слушателей заставляеть Вукашина примѣривать доспѣхи Момчиловы. Именно вотъ это-то самое и называется живописью поэтическою, которую такъ хорошо Лессингъ объяснилъ въ своемъ Лаокоонѣ на разборѣ Гомера. Прибавимъ къ этому, что громадность и сила героя измѣряются здѣсь не отвлеченною мѣрою, не аршинами и пудами, но изобразительно, самымъ дѣйствиємъ, точно такъ, какъ въ языкѣ живописуется пространство и время и всякое измѣреніе; наприкладъ, два, три перестрѣла (т. е. на разстояніи двухъ или трехъ выстрѣловъ); стѣна выведена такъ высоко, что, сяди на конѣ, можно достать рукою, мечемъ, и т. п.

Что же—убійца, примѣривая доспѣхи убитаго имъ врага, позабывалъ ему? Или порадовался, что успѣлъ избавиться отъ такого богатыря и наслѣдовать его домъ и имущество?

Нѣтъ! нравственное чувство, правда должна восторжествовать, и не потому, что такъ хотѣлъ бы самъ поэтъ для назиданія своимъ слушателямъ, но потому, что—рано или поздно—правда на землѣ всегда возьметъ верхъ надъ обманомъ, предательствомъ и всякою кривдою!

Примѣривъ чужіе доспѣхи, говоритъ король Вукашинъ: „увы мнѣ, о милый Боже! Какая злодѣйка—эта младая Видосава! Когда предала она такого богатыря, какихъ теперь уже нѣтъ больше на свѣтѣ, какъ же ей не предать меня завтра же?

Сожалѣніе, искреннее сожалѣніе—вотъ та единственно возможная, великодушная дань, которую приносить убійца своей жертвѣ:

и эта искренность, это безпристрастное уваженіе къ убитому врагу примиряетъ насъ нѣсколько съ Вукашиномъ, поступки котораго частію оправдываются грубостью и жестокостью суроваго вѣка. Преступную Видосаву велѣлъ онъ привязать къ конямъ и размыкать по полю—обыкновенная казнь и въ русскихъ и нѣмецкихъ эпическихъ разсказахъ,—а самъ женился, въ исполненіе завѣщанія Момчила, на вѣрной сестрѣ его Евросимѣ.

Отъ этого брака произошолъ величайшій изъ героевъ сербскаго эпоса—Марко Краевичъ.

Л Е К Ц І Я 5-я.

Читана 2-го января 1860 г.

Общій законъ въ историческомъ развитіи народной словесности состоитъ въ томъ, что поэзія предшествуетъ прозѣ, и что въ поэзіи сначала господствуютъ миѳологическіе вымыслы, а потомъ миѳы смѣняются историческими разсказами о дѣйствительныхъ событіяхъ и лицахъ, болѣе или менѣе перемѣшанными съ баснями народной фантазіи. Племена, обреченныя судьбою на многовѣковое страдательное, недѣятельное существованіе, конечно не могутъ имѣть поэзіи исторической; но если они богато одарены поэтическимъ творчествомъ, то у нихъ можетъ процвѣтать только миѳологическій эпосъ. Таковы племена финскія, откинутыя русскими славянами на отдаленный сѣверъ и сѣверо-востокъ. Напротивъ того, народъ могущественный, собственнымъ силамъ обязанный въ своемъ развитіи и оказавшій сильнѣйшее дѣйствіе на историческіе перевороты въ судьбахъ человѣчества, выражаетъ свое высокое національное сознаніе въ эпосѣ миѳологическомъ и историческомъ. Въ древнемъ мірѣ таковы были племена греко-римскія, въ новомъ—племена нѣмецкія. Поэмы Гомера—не только блистательный результатъ предшествовавшаго имъ, продолжительнаго періода, когда составлялась вся греческая миѳологія, но уже и плодъ ранней исторической цивилизаціи народа, которому предназначено имѣть всемірное вліяніе на образованіе Европы. Такъ и нѣмецкія племена, уже въ пѣсняхъ Древней Эдды умѣли соединить все неистощимое богатство своихъ вѣрованій съ исторією древнѣйшаго развитія народовъ новой Европы. Въ этихъ пѣсняхъ вполнѣ созрѣвшая и глубоко обдуманная миѳологія нѣмецкихъ племенъ уже

тѣсно связана, какъ бы органически срослась съ историческими преданіями о той темной эпохѣ, которую въ исторіи называютъ переселеніемъ народовъ. И какъ изъ Гомера черпали свои національныя преданія не только позднѣйшіе трагики, но и философы, и историки, такъ и древнѣйшія поэтическія сказанія скандинавскія сохранили до нашихъ временъ тѣ національные источники, изъ которыхъ брали для себя содержаніе не только составители раннихъ поэтическихъ произведеній, каковы Нибелунги, но и позднѣйшіе драматическіе писатели, изъ которыхъ укажемъ на Шекспира, заимствовавшаго сюжетъ для Гамлета, черезъ хронику Саксона Грамматика, изъ древнѣйшаго мифологическаго преданія объ Орденелѣ или Орвандилѣ, которое занесено уже въ Новую Эдду (XIII в.).

Теперь обратимся къ славянамъ. Не успѣвъ разработать въ надлежащей полнотѣ свой мифологическій эпосъ, славянскія племена, рано захваченныя вліяніемъ сильной народности нѣмецкой и потомъ впесеніемъ къ нимъ христіанства, должны были дать новый исходъ своему поэтическому творчеству, которымъ они такъ сильно одарены отъ природы. Развитіе жизни общественной и государственной у западныхъ славянъ рано отдѣлило ихъ отъ восточныхъ. Также раннее соприкосновеніе славянъ юго-восточныхъ съ образованностію древняго міра, черезъ посредство Византіи, должно было вывести народное сознаніе изъ первобытнаго состоянія безсознательнаго мифологическаго творчества, выражаемаго въ эпосѣ мифологическомъ.

Вотъ причины, почему славянская мифологія такъ бѣдна разсказами о происхожденіи и подвигахъ славянскихъ божествъ—Сварога (солнца), Сварожича (огня), Дажь-бога (тоже огня), Стрибога (вѣтра)*, Волоса или Велеса (скотьяго бога), Перуна (грома и плодородія земли), Рода (бога-производителя) и другихъ болѣе или менѣе мелкихъ мифическихъ существъ: между тѣмъ какъ племена нѣмецкія въ разрозненныхъ гнѣсныхъ и сказаніяхъ своего мифологическаго эпоса предлагаютъ намъ самую подробную и обстоятельную исторію всѣхъ своихъ божествъ, героевъ и наконецъ историческихъ лицъ, которыя народная фантазія черезъ героевъ ведетъ отъ самыхъ божествъ нѣмецкаго Олимпа. Итакъ, могущество націо-

*) Въ Словѣ о полку Игоревѣ: *силы Дажьбожи вѣтри*, то есть, силы русскія, русскіхъ князей; *вѣтры Стрибожи вѣтри*; *Боянь—Велесовъ вѣтъ*.

нальных силъ племень нѣмецкихъ должно было выразиться въ историческихъ событіяхъ дѣйствительности и въ неистощимомъ богатствѣ поэтическихъ вымысловъ даже еще языческой фантазіи.

Огромныя массы славянъ на востокѣ, разъединенныя между собою лѣсами и болотами и другими естественными преградами, не скоро могли проникнуться новыми христіанскими началами образованности, которыя могли быть усвоены, и то не скоро, только нѣкоторыми высшими представителями этихъ массъ, духовенствомъ и князьями. Поэтому въ нѣдрахъ простаго народа, на славянскомъ востокѣ и юго-востокѣ, въ теченіе многихъ столѣтій и даже до настоящаго времени слышатся еще отголоски древняго эпическаго творчества, но уже раздробленнаго на множество мелкихъ мотивовъ, какъ бы въ соотвѣтствіе тѣмъ мелкимъ мифическимъ существамъ, южно-русскимъ русалкамъ, сербскимъ виламъ, нашимъ доморощеннымъ лѣшимъ и домовымъ, которыми въ народной фантазіи смѣшались величавые типы стародавнихъ Волосовъ и Перуновъ.

Это очень естественно. Измельчавшая жизнь, оторванная отъ успѣховъ гражданственности и просвѣщенія, находила себѣ приличное выраженіе въ мелкихъ типахъ народной демонологіи.

Но независимо отъ этой поэтической области темнаго дохристіанскаго вѣрованія, очень рано—какъ было уже замѣчено—является въ сознаніи славянскихъ племень новое историческое начало, вслѣдствіе столкновенія ихъ съ историческими дѣятелями отдаленныхъ среднихъ временъ. Это начало выразилось въ поэзіи исторической, въ направленіи историческомъ, которое принялъ славянской эпосъ у всѣхъ славянъ, и особенно рано у западныхъ, именно у чеховъ и поляковъ или ляховъ, которые болѣе восточныхъ славянъ вошли въ столкновеніе съ энергическою дѣятельностію западныхъ европейскихъ народовъ. Но за то у этихъ племень, подъ вліяніемъ чуждой образованности, раньше и заглохла народная поэзія, между тѣмъ какъ у славянъ юго-восточныхъ и восточныхъ, то есть, у сербовъ, болгаръ и у насъ, русскихъ, вмѣстѣ съ остатками эпоса мифологическаго и доселѣ процвѣтаетъ эпосъ историческій, какъ уже могли мы убѣдиться въ этомъ на разборѣ прекрасной сербской пѣсни о Вукашинѣ.

Итакъ, славяне западные рѣшительнѣе восточныхъ выступаютъ съ своими историко-поэтическими сказаніями. Эти сказанія имѣютъ

своимъ предметомъ преданія о переходѣ славянъ изъ дикаго, кочеваго быта въ бытъ осѣдлый и земледѣльческій. Это самый важный историческій фактъ, который, пробудивъ народное сознаніе, сильно подѣйствовалъ на фантазію, и выразился въ цѣломъ рядѣ эпизодовъ чехо-польскаго или чехо-ляшскаго историческаго эпоса.

По этимъ историческимъ баснямъ, занесеннымъ въ лѣтописи чешскія и польскія²,—славяне, поселившіеся отъ Эльбы до Вислы, въ лѣсахъ и долинахъ, будто бы многое время проводили жизнь полукочующую, занимаясь звѣриною ловлею и скотоводствомъ, при самыхъ скудныхъ начаткахъ осѣдлаго земледѣлія. Чувствуя потребность въ болѣе прочномъ общественномъ и государственномъ устройствѣ, эти славяне, будто бы, обратились къ своимъ соплеменникамъ въ Далмаціи и Иллиріи, и просили себѣ оттуда въ правители двоихъ братьевъ, знаменитыхъ храбростью и умомъ. Эти братья воеводы были Лѣхъ (или Ляхъ: ѣ-я) и Чехъ. „Въ сербскомъ языкѣ есть земля—говоритъ Далемиль—имя ей Харвата (т. е. хорваты): въ той землѣ былъ Лѣхъ (имя нарицательное), ему же имя Чехъ“.

Черезъ Дунай отправились братья въ богатія земли славянъ и, дошедши до Влѣтавы (Молдавы),—основали Прагу и множество деревень, раздѣлили землю на участки и учредили общежитіе. По имени вождя своего Чеха жители получили названіе Чеховъ*).

Между тѣмъ старшій братъ Лѣхъ съ своими полками отправился дальше къ сѣверо-востоку, переходилъ горы и дебри и быстрыя рѣки и наконецъ достигъ равнинъ Вислы. Здѣсь были обширныя болота, непроходимые лѣса и суровый климатъ, почва, хотя песчаная, но нелишенная плодородія. Вся страна казалась пуста и необитаема, только въ лѣсахъ жили многочисленныя толпы дикарей, незнавшихъ земледѣлія, но неутомимыхъ на охотѣ и въ воинскихъ набѣгахъ. Они вели жизнь кочующую, не вѣдая удобства жизни осѣдой и городской. Послѣ долгаго странствія, наконецъ, остановился Лѣхъ съ своими полками въ одномъ лѣсистомъ мѣстѣ, усѣянномъ холмами. При его приближеніи со всѣхъ холмовъ поднялись цѣлыя стаи бѣлыхъ орловъ, которые гнѣздились въ рощахъ. Этотъ случай показался Лѣху добрымъ предзнаменованіемъ, и онъ рѣшился

*) По другимъ преданіямъ основаніе Праги относится ко времени Любуши: о чемъ будетъ далѣе.

на томъ мѣстѣ построить для себя и своихъ спутниковъ тоже гнѣздо, то есть, осѣдлое жилище. Велѣль вырубить и расчистить лѣсъ, и на одномъ холмѣ, который и доселѣ слыветъ горою Лѣха, велѣль соорудить храмъ богу—покровителю, а кругомъ огородить городъ, который по орлинымъ гнѣздамъ и названъ былъ Гнѣзна или Гнѣздо. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лѣхъ извлекъ народъ изъ быта кочующихъ дикарей, и водворилъ въ немъ земледѣліе и осѣдлость. По имени его народъ назвалъ себя Ляхами.

Позднѣйшая геральдика объясняла гербъ польскій орлами Лѣха.

Такова лѣтописная сказка о переходѣ чеховъ и ляховъ изъ быта кочеваго въ земледѣльческій и осѣдлый.

Орлы Лѣха соотвѣтствуютъ тѣмъ мифическимъ птицамъ, которыя, по древнимъ сказаніямъ чеховъ, обитаютъ въ священныя рощахъ, гдѣ подъ деревьями язычники чехи приносили покормъ, то есть, жертву своимъ богамъ. Самое слово Гнѣздо, которымъ было названо первое осѣдлое жилище, указываетъ на переходъ къ осѣдлости народа, именно охотничьяго и звѣроловнаго. Самая басня о Лѣхѣ и Чехѣ не что иное, какъ подведеніе народныхъ именъ ляховъ и чеховъ—подъ вымышленные типы двухъ героическихъ личностей. Самое слово Лѣхъ употреблялось, какъ нарицательное названіе извѣстнаго сословія въ народѣ*). Сверхъ того слову Лѣхъ соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ одного съ нимъ происхожденія слово лѣха—борозда на полѣ, слѣдовательно слово уже изъ быта земледѣльческаго.

Изъ сближенія собственнаго имени Лѣхъ или Ляхъ съ лѣха уже явствуетъ, почему впоследствии ляхи назвались поляками или полянами отъ слова поле, то есть, обработанная земля.

Итакъ, по самому языку, басня о Чехѣ и Лѣхѣ есть не что иное, какъ поэтическое преданіе о томъ, какъ нѣкогда славяне перестали быть кочующими дикарями и сдѣлались полянами (около Кіева), поляками и ляхами или лѣхами.

Родственная связь чеховъ и ляховъ хорошо была извѣстна нашимъ предкамъ. Несторъ, повѣствуя о Святополкѣ Окаянномъ, говоритъ, что онъ испровергъ животь свой въ пустынь между Ляхы

*) Кметы. Лѣхи и Владыки—такъ называются въ одной древне-чешской поэмѣ важнѣйшія сословія.

и Чехы. Но вотъ что особенно любопытно. Память объ этихъ двухъ родственныхъ и нѣкогда сосѣднихъ племенахъ изъ Южной Руси далеко распространилась на Новгородскій Сѣверъ,—и даже въ настоящее время—въ Архангельской губерніи простой народъ знаетъ имена этихъ племенъ, хотя и придаетъ имъ иное значеніе, именно въ своей поговорѣ, напоминающей Нестора: между Чахи и Ляхи, употребляя ее въ смыслѣ: такъ и сякъ, ни дурно, ни хорошо, не при чемъ, ни то, ни сѣ.

Въ этомъ чисто народномъ свидѣтельствѣ, въ этой тайной связи между сказаніемъ Нестора и простонародною Архангельскою поговоркою я нахожу одинъ изъ самыхъ очевидныхъ доводовъ въ необходимости общеславянскихъ основъ для исторіи русской словесности. Что живетъ въ народѣ безсознательно и какъ бы бессмысленно, то возводитъ наука до разумнаго сознанія.

Независимо отъ исторической басни о Чехѣ и Лѣхѣ составилась другая, тоже общая полякамъ и чехамъ о Кракѣ (у поляковъ) или Крокѣ (у чеховъ).

Сначала о баснѣ чешской.

Чехъ померъ, не оставивъ по себѣ наслѣдника. Народъ выбралъ себѣ въ правители Крока, не только мудраго и во всѣхъ отношеніяхъ способнаго, но и вѣщаго, то есть, чародѣя, какимъ обыкновенно бываетъ герой полу-миѳологическаго героическаго эпоса. У него было три дочери: Каша, Тетка и Любуша. Каша, старшая сестра, была вѣщая лѣкарка, знала силу всякаго зелья, и вообще ворожея и колдунья, своимъ вѣщимъ духомъ знавшая всю подноготную, и умѣвшая открывать всякую пропажу (согласно съ древнѣйшими идеями и языкомъ, въ которомъ врачъ значить не только лѣкаръ, но и колдунъ, врачеванье—колдовство, и наоборотъ вѣщеванье—лѣкарство). Вторая сестра—Тетка, будучи жрицею, учредила поклоненіе лѣсамъ, источникамъ и горамъ, то есть, божествамъ лѣсовъ, водъ и горъ*).

Наконецъ Любуша, младшая изъ сестеръ, была тоже вѣщая дѣва; послѣ отца управляла она народомъ въ качествѣ княжны и при своемъ дворѣ для служенія имѣла десять дѣвъ. Къ княженію Любуши относится знаменитый судъ ея надъ двумя братьями, у кото-

*) *Русалка* живетъ въ водахъ, *Вила*—въ воздушныхъ пространствахъ на горахъ и въ лѣсахъ.

рыхъ была тяжба объ отеческомъ наслѣдствѣ. При стеченіи многочисленнаго народа, сама княжна въ бѣлыхъ ризахъ возсѣдала на престолѣ, а посреди находились двѣ судныя дѣвы. У одной были доски правдодатныя, у другой—мечъ, карающій кривду. Противъ нихъ—пламень, возвѣщающій правду, подъ ними—очистительная вода.

Этотъ судъ составляетъ предметъ древне-чешской поэмы, извѣстной подъ именемъ Суда Любуши. Рѣшается судъ въ пользу славянскаго закона, по которому оба брата вмѣстѣ наслѣдуютъ отеческое имѣніе.

По преданію, упомянутому выше, Любуша, сначала княжившая въ Вышеградѣ, будто-бы велѣла построить замокъ, и, по отвѣту работника, что онъ работаетъ на порогѣ (на прагѣ), будто бы дала этому замку имя Праги (то есть, какъ бы границы или заставы для защиты отъ враговъ, или же порога, черезъ который переступаетъ чловѣкъ, входя въ родное, постоянное, осѣдлое жилище).

Три вѣщія сестры исторической чешской басни, какъ мнѣ кажется, между прочимъ, имѣютъ тотъ смыслъ, что и женщинѣ въ ея первобытномъ героическомъ періодѣ не должно отказывать во вліяніи на образованіе народности. Согласно съ нѣкоторыми воинственными типами женщинъ русскаго и сербскаго эпоса, каковы извѣстныя уже намъ личности супруги баснословнаго Дуная, Видосавы и Евросимы, и въ соответствіе съ героинями сѣвернаго и вообще нѣмецкаго эпоса, каковы, на примѣръ, упомянутая нами валькирія, Брингильда—и чешскія героини своими величавыми, миѳическими типами предъявляютъ права женщины на образованіе народныхъ вѣрованій и обычаевъ.

Но историческая баснь чешскаго эпоса рядомъ съ этою мыслию проводитъ другую—о борьбѣ мужской власти съ женскою. Эта мысль выражается—1) въ послѣдующей судьбѣ самой Любуши, и 2) въ ополченіи чешскихъ дѣвъ, собравшихся въ Дѣвинѣ подъ предводительствомъ Власты.

Управленіемъ уже самой Любуши народъ былъ недоволенъ, и требовалъ, чтобы она, вышедши замужъ, дала народу въ своемъ супругѣ достойнаго воеводу. Какъ вѣщала дѣва, сама Любуша сказала посламъ, какъ и гдѣ найти для нея супруга. „Ступайте, гово-

рила она, на Бѣлую рѣку (или на Бѣлину рѣку), и тамъ на полѣ Стадицы найдете вы пахаря, пашущаго землю двумя пѣгими волами— онъ будетъ обѣдать на желѣзномъ столѣ. Этотъ человекъ будетъ вашимъ правителемъ, “—а чтобы узнать туда путь и самого пахаря, Любуша дала посламъ своего бѣлаго коня. Онъ привелъ пословъ къ сказанному мѣсту и своимъ ржаніемъ указалъ на пахаря, будущаго владыку чеховъ—и палъ передъ нимъ наземь. Гаданіе вѣщимъ конемъ, соотвѣтствующимъ извѣстному уже намъ скандинавскому Слейпниру, господствовало, какъ выше увидимъ, у прибалтійскихъ славянъ, а также и доселѣ употребительно въ суевѣрныхъ обычаяхъ русскаго народа.

Пахарь, къ которому пришли чешскіе послы, назывался Премьслъ (по русски Перемыслъ, отъ предлога пре, пере, и мысль, какъ индійскій Ману, отъ котораго будто бы происходитъ человѣчeskій родъ, значить мыслящій, отъ ман*)—думать, мыслить, мнить, мнѣніе). Перемыслъ находился на полѣ Стадицы, а Стадице есть не что иное, какъ уменьшительное отъ стадо, и указываетъ на связь занятій пахаря съ занятіями пастуха, какъ явствуетъ изъ дальнѣйшаго хода разсказа.

Прежде нежели Премьслъ отправился съ послами, сталъ обѣдать, положивъ на свою соху (это его желѣзный столъ, о которомъ говорила Любуша) сыръ и хлѣбъ—произведеніе быта пастушескаго и земледѣльческаго, а быкъ, которыми онъ пахалъ, поднялись на воздухъ, и потомъ, опустившись, скрылись въ расщелинѣ скалы, кото- рая, принявъ быковъ, сомкнулась. Послы надѣли на Премьсла княжеское одѣяніе, но онъ, въ знакъ своего земледѣльческаго происхожденія, взялъ съ собою свои лапти, которые, какъ національная драгоценность, до позднѣйшаго времени свято хранились. Польское сказаніе ту же подробность приписываетъ польскому Пясту.

Подчиненіе Любуши власти мужской повторилось въ послѣдующей затѣмъ исторической баснѣ о побѣдѣ Премьсла надъ героинею Властою и надъ всѣмъ ея дѣвичьимъ ополченіемъ.

Въ мифѣ о Премьслѣ—каково бы ни было его древнее мифологическое значеніе—нельзя не видѣть слѣдовъ того древняго обы-

*) Отсюда названіе человека вообще ману-джа—рожденный отъ Ману. а отсюда наше мажъ (то есть, манжъ) или мужъ.

чал, который, по свидѣтельству Мавроурбина, до его времени совершался въ Каринтіи при поставленіи новаго герцога или воеводы, князи *).

Этотъ южно-славянскій обычай тѣмъ важнѣе для насъ, что и Лѣхъ и Чехъ, учредители быта земледѣльческаго въ Польшѣ и Богеміи, по преданію, происходятъ отъ юго-восточныхъ славянъ.

ЛЕКЦІЯ 6-я.

Чтана 12-го января 1860 г.

Переходимъ ко второй половинѣ исторической басни о Крокѣ или Кракѣ, именно къ половинѣ польской.

По смерти древняго Лѣха, будто бы, поляки долгое время управлялись выборными людьми, или воеводами, число которыхъ было 12, число замѣчательное, символическое, соотвѣтствующее чешскимъ 12-ти кметамъ или земскимъ присяжнымъ старѣйшинамъ, которые, будто бы, въ древнѣйшую эпоху управляли Чешскою землею.

Во время этого управленія выборными людьми, будто бы, однажды сошлись поляки на сеймѣ при источникахъ Вислы (какъ бы въ знакъ того, что судъ и правда должны рѣшаться при священныхъ водахъ, согласно съ мнѣніемъ преданіемъ, уже извѣстнымъ намъ изъ чешской поэмы объ очистительной водѣ на Судѣ Любуши, и согласно съ источникомъ Норнъ или судныхъ дѣвъ сѣвернаго, скандинавскаго эпоса, о чемъ будетъ сказано впоследствии).

Тамъ явился на сеймѣ нѣкто, именемъ Кракъ—по однимъ сказаніямъ, пришедшій отъ чеховъ (то есть, самъ чешскій Крокъ), по другимъ—оттуда же, откуда пришли нѣкогда древніе Лѣхъ и Чехъ, изъ земли Хорватской, и именно отъ Карпатскихъ горъ. Этотъ Кракъ былъ избранъ княземъ. Онъ построилъ городъ, названный по его имени Краковомъ, и далъ полякамъ законы.

Въ княженіе Крака, по стариннымъ поэтическимъ преданіямъ, будто-бы, народъ терпѣлъ великое бѣдствіе отъ страшнаго змѣя, гнѣздившагося въ пещерахъ горы Вавель. Онъ поѣдалъ скотъ и жителей. Какъ благодѣтель своихъ подданныхъ, Кракъ спасъ свой народъ отъ этого чудовища, точно такъ, какъ и англо-саксонскій

*) Книга Исторіографія Мавроурбина. 1722 г. Стр. 30—32.

Беовульфъ (въ упомянутой уже нами англо-саксонской поэмѣ) является спасителемъ своего народа, поразивъ страшнаго дракона и въ битвѣ съ этимъ чудовищемъ пожертвовавъ собственною своею жизнію отъ ядовитой крови убитаго имъ этого дракона.

Кракъ извелъ змія слѣдующимъ способомъ. Нѣсколько шкуръ съ быковъ были начинены смолою и другими воспалительными снадобьями, и, какъ настоящіе быки, были придвинуты къ змѣиной норѣ. Змій сталъ пожирать эти начиненныя шкуры, которыя тотчасъ же въ утробѣ его воспалились, и онъ издохъ. Это польское преданіе нашло себѣ отголосокъ въ южно-русской сказкѣ о Кириллѣ Кожемякѣ (кожевникъ, усмошвецъ), который также, прибѣгнувъ къ воспалительнымъ снадобьямъ, сокрушилъ лютаго змія, который пожиралъ народъ въ Кіевѣ, и которому въ умилостивленіе ежегодно платили тяжкую дань—мальчика или дѣвочку, которыхъ онъ пожиралъ.

Разъ очередь дошла до самой княжны, дочери Кіевского князя. Она была отправлена къ змію; но, случайно узнавъ отъ него, что нѣкто Кирилль Кожемяка, живущій въ Кіевѣ, можетъ изгубить это чудовище, тотчасъ же дала о томъ знать своему отцу. Выбраны были старѣйшины и посланы къ Кожемякѣ. Приходятъ къ нему и видятъ—онъ сидитъ спиною къ пришедшимъ и за одинъ разъ мнетъ 12 воловьихъ кожъ. Одинъ изъ посланныхъ кашлянулъ, и Кожемяка, быстро обернувшись, нечаянно разорвалъ пополамъ всѣ 12 шкуръ. Старѣйшины стали просить его помочь общему бѣдствію и убить змія, но Кожемяка и слушать не хочетъ, разсердился, что изъ-за нихъ порвалъ шкуры. Дѣлать нечего, уходятъ. За ними приходятъ другіе послы, помоложе, но и тѣ безъ успѣха воротились. Думали, думали кіевляне, какъ имъ быть, и наконецъ догадались—послали малыхъ дѣтей.

Какъ пришли малыя дѣти—продолжаетъ малорусская сказка—какъ начали просить, да какъ стали на колѣна и заплакали, то и самъ Кожемяка не вытерпѣлъ, заплакалъ и говоритъ: „ну ужъ, такъ и быть, для васъ сдѣлаю!“

Пошелъ къ князю, спросилъ себѣ у него 12 бочекъ смолы и 12 возовъ конопли; обмотался коноплями, осмолился смолою, и, взявъ въ руки палицу пудовъ въ десять, вышелъ въ бой противъ змія.

Вотъ и стали они битъся, только земля гудеть. Какъ разбѣжится змій, да ухватить Кирилла зубами, такъ кусокъ смолы и вырветъ вмѣстѣ съ коноплями, а между тѣмъ Кирилль колотить его палицею, такъ въ землю и вгоняетъ. А змій, какъ огонь горить—такъ ему жарко! И пока сбѣгаетъ къ Днѣпру, чтобъ напиться, да вскочить въ воду, чтобъ немножко освѣжить себя, тѣмъ временемъ Кожемяка снова обмотается коноплями и осмолится смолою.

А тутъ—говорить сказка—въ колокола звонять, молебны правятъ, а по горамъ народъ стоитъ, будто не живой, спѣвившись руками; ждеть, что будетъ. А когда змій издохъ, земля потряслась; народъ, стоя на горахъ такъ и всплеснулъ руками: „Слава тебѣ, Господи!“

Убивши змя, Кожемяка освободилъ княжну и отдалъ ее князю. Съ того времени и стало называться то урочище, гдѣ онъ жилъ, Кожемяками.

Къ этому любопытному мѣстному преданію, ведущему свое начало отъ временъ отдаленныхъ, сказка прибавляетъ слѣдующую наивную подробность, впрочемъ отзывающуюся отголоскомъ мнѣологическихъ сказаній объ устройствѣ всего міра, то есть, славянскою космогоніею.

Одно только Кирилль сдѣлалъ неразумно—заключаетъ сказка—взялъ онъ спалилъ змя и пустилъ его пепель по вѣтру; и отъ того пеплу завелась на свѣтѣ всякая дрянъ—мошки, комары и мухи! А если бы онъ взялъ да закопалъ тотъ пепель въ землю, то ничего такого и не было бы на свѣтѣ *).

Если съ одной стороны это сказочное преданіе, прикрѣпленное къ извѣстной кievской мѣстности, называемой Кожемяками, есть какъ бы повтореніе польскаго сказанія о Кракѣ, который тоже сжегъ змя,—то съ другой стороны—оно есть не что иное, какъ видоизмѣненіе Несторова повѣствованія о томъ переяславскомъ юношѣ, тоже Кожемякѣ, который при Владимірѣ Святомъ вышелъ въ бой съ печенѣжскимъ великаномъ и его поразилъ; и будто бы въ память этого событія на томъ мѣстѣ, на рѣкѣ Трубежѣ Владиміръ построилъ городъ, назвавъ его Переяславлемъ („запе перея славу отрок-отъ“—какъ наивно пускается въ грамматическія словопроизводства

*) Кулишъ. Записки о Южной Руси. Спб. 1857 г., ч. 2-я. стр. 27—30.

нашъ лѣтописецъ Несторъ). Этотъ Кожемяка времянъ Владиміра, не только въ присутствіи самого князя, вырвалъ клокъ кожи вмѣстѣ съ мясомъ у бѣжавшаго во весь опоръ быка, но и подобно сказочному Кожемякѣ однажды, разгнѣвавшись за что-то на своего отца перервалъ воловьи кожи, которыя тогда мять*).

Но возвратимся къ польской исторической баснѣ.

У Крака было два сына и дочь. Сыновой звали—старшаго Кракѣ, меньшаго Лѣхѣ—это не что иное, какъ повтореніе уже прежнихъ именъ и лицъ, обыкновенное круговращеніе народныхъ сказаній. Единственное прибавленіе къ прежнему состоитъ въ томъ, что Лѣхѣ, подобно нашему Святополку Окаянному, убилъ своего брата, желая единодержавствовать, и за то былъ изгнанъ изъ Польши и, скитаясь по разнымъ странамъ, неизвѣстно гдѣ и какъ, погибъ.

Дочь стараго Крака и сестру этихъ обоихъ братьевъ звали Вандою. Эта личность—безъ сомнѣнія—миѳическая.

Относительно изучаемой нами исторической чехо-ляпской басни, польская Ванда соотвѣтствуетъ чешской Любушѣ. Ванда тоже дочь Крака и въ качествѣ княжны управляла своимъ народомъ. Сверхъ того въ баснѣ о ней очевидны слѣды чешскаго преданія о дѣвичьемъ ополченіи подъ предводительствомъ Власты, такъ что польская Ванда въ своей миѳической личности соединяетъ чешскую княжну Любушу съ воительницею Властою. Ванда была знаменита своею ослѣпительною красотою, а также добрымъ и мудрымъ управленіемъ. Какъ сѣверная Брингильда или супруга нашего Дуная, она дала обѣтъ безбрачія, и—вѣроятно, какъ эти героини—вышла бы замужъ только за того, кто побѣдитъ ее.

Въ земли Ванды вступилъ войною нѣкоторый алеманскій князь по имени Ритогаръ. Плѣненный красотою княжны, неоднократно чрезъ пословъ просилъ онъ ее себѣ въ супруги, подобно тому, какъ русскую княгиню Ольгу чрезъ пословъ сваталъ себѣ въ супруги древлянскій князь Малъ. Но воинственная дѣва, отвергая всѣ предложенія, мужественно вооружилась съ своимъ войскомъ противъ алеманскаго князя, какъ русская Ольга противъ сватавшаго ее жениха древлянскаго князя Мала. Войско алемановъ, видя передъ собою прекрасную воительницу, будто ослѣпляемое лучами солнца,

*) Лѣтопись, т. I, стр. 52—53.

стремительно отступало, а князь аллеманскій Ритогарь, воскликнувъ: „да здравствуетъ Ванда на морѣ, Ванда на землѣ и Ванда въ воздухѣ“—поразилъ себя мечемъ, будто желая принести себя въ жертву передъ лицомъ божества воды, земли и воздуха. Послѣ того, опять подобно нашей древней Ольгѣ—еще язычницѣ, Ванда сотворила по убитомъ аллеманскомъ князѣ тризну, сопровождая ее жертвоприношеніемъ, какъ Ольга творила тризну по убиенномъ Игорѣ.

Какъ божество стихійное (то есть, земли, воздуха и преимущественно воды), Ванда кончаетъ свою жизнь, бросившись въ воды Вислы. Если въ нѣкоторыхъ подробностяхъ эта героиня польскаго эпоса напоминаетъ намъ сказки объ Ольгѣ—язычницѣ, а также и пѣсню о Дунаѣ и его воинственной супругѣ, то по стихійному характеру божества—она не только южно-русская русалка, то есть, существо рѣчное и вообще водное, но и сербская Вила—существо воздушное—Ванда въ воздухѣ.

Къ тому же Ванда отличалась необычайною красотою, а это качество есть необходимая принадлежность сербской Вилы. Однажды—такъ поется въ одной сербской свадебной пѣснѣ—хвалился нѣкоторый женихъ, что его невѣста прекраснѣе самой Вилы—самая высшая похвала для обыкновенной, смертной дѣвицы. Заслышала эту похвалу Вила съ горы и потребовала, чтобъ женихъ вывелъ на дворъ свою невѣсту помѣряться красотою съ самою Вилою. Вывелъ женихъ свою невѣсту—русая коса у ней по колѣна, мелкій бисеръ до пояса, въ ушахъ золотыя серьги—второе лучше она Вилы. Но когда увидѣла это Вила, сказала: „Не велика твоя хвала, добрый молодецъ! Хоть и лучше меня твоя невѣста, меня Вилы отъ горы, но ее мать породила, въ шелковый повой повила, своимъ материнскимъ молокомъ кормила. А меня—Вилу отъ горы, меня сама гора породила, въ зеленое листьѣ повила; утренняя роса падала—меня Вилу кормила; отъ горы вѣтерокъ повѣвалъ—меня Вилу убаюкивалъ!“ То есть, красота этихъ миѳическихъ существъ неизмѣнна и постоянна, какъ красота самой природы.

Въ такомъ именно смыслѣ должно разумѣть и миѳическое, стихійное существо Ванды, которая здравствуетъ въ водахъ, на землѣ и въ воздухѣ, и тѣмъ самымъ соответствуетъ извѣстной уже намъ чешской жрицѣ Теткѣ, учредившей поклоненіе лѣсамъ, водамъ и

горамъ. Сходствуя съ супругою Дуная воинственнымъ героизмомъ, Ванда подъ конецъ испытала общую участь съ Дунаемъ, который тоже погибъ, бросившись въ рѣку.

Таковы чешскія и польскія историческія басни о переходѣ славянъ изъ дикаго, кочеваго состоянія въ бытъ земледѣльческій при нѣкоторыхъ успѣхахъ гражданственности, руководимой представителями племенныхъ массъ или князьями.

Изъ поэтическихъ сказаній, въ которыхъ развивается таже основная мысль, обратимъ вниманіе на два особенно замѣчательныхъ. Въ обоихъ древнѣйшее вымышленное содержаніе приписывается уже позднѣйшимъ христіанскимъ личностямъ, или, точнѣе сказать, только ихъ именамъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ народныхъ преданіяхъ.

Первое сказаніе повѣствуетъ о первобытныхъ временахъ перехода русскихъ славянъ въ бытъ земледѣльческій, будто бы, при участіи князей Бориса и Глѣба (убіенныхъ Святополкомъ). Это сказаніе юго-западной Россіи касается собственно Зміеваго или Троянова вала, идущаго отъ рѣки Прута до Днѣпровскаго лимана.

Будто бы, въ незапамятныя времена казачества послалъ Богъ на казачій православный народъ ужасное чудовище—змія, который опустошалъ всю ту страну. Для умилостивленія его, также по очереди, каждая семья давала ему на жертву ежедневно по одному юношѣ. Черезъ сто лѣтъ очередь пала на самого царевича. Напрасно весь народъ предлагалъ змію любого изъ дѣтей своихъ; онъ и слушать не хотѣлъ. Царевича взяли и привезли на то мѣсто, гдѣ змій пожиралъ свои жертвы. Тогда явился къ царевичу ангелъ небесный, и, выучивъ его молитвѣ „Отче нашъ“, далъ совѣтъ уходить отъ змія, повторяя безпрестанно эту молитву. Вскорѣ ужасный шумъ, будто буря, далъ знать о приближеніи врага. Царевичъ сталъ читать молитву и побѣжалъ. Три дня и три noci безъ остановки спасался онъ бѣгствомъ, но лишь только, хотя на минуту, прекращалъ свою молитву, тотчасъ же огненный зѣвъ чудовища почти сожигалъ несчастнаго. На четвертый день царевичъ, выбившись изъ силъ, едва не былъ уже постигнутъ зміемъ, какъ увидѣлъ кузницу, въ которой въ то время угодили Божіи, святые князья Борисъ и Глѣбъ, усердно работали: первый плугъ для народа той страны. Царевичъ вбѣжалъ въ кузницу,

а Борисъ и Глѣбъ затворили за нимъ желѣзную дверь. Напрасно змій требовалъ принадлежавшей ему жертвы, и, послѣ рѣшительнаго отказа, началъ лизать дверь пламеннымъ своимъ языкомъ, и за четвертымъ разомъ весь языкъ его прошелъ съвозъ желѣзо. Но въ это самое время князя Борисъ и Глѣбъ схватили языкъ раскаленными клещами, и такимъ образомъ покоривъ себѣ страшное чудовище, запрягли его въ готовый уже плугъ, и провели въ степи эту исполнскую борозду земли, которая и доселѣ слыветъ въ народѣ Зміевымъ валомъ*).

За исключеніемъ совершенно случайной прибавки христіанскихъ именъ Бориса и Глѣба, всѣ остальные мотивы сказанія намъ уже извѣстны. Змій польскаго Крака и кіевскаго Кожемяки имѣеть здѣсь еще ближайшее соотношеніе съ переходомъ въ быту земледѣльческому. Страшное чудовище дикой жизни кочевыхъ племенъ укрощается непобѣдимую силою новой образованности, и само проводитъ первую борозду по невоздѣланной еще землѣ.

Есть вариантъ, по которому это преданіе какъ нельзя болѣе сближается съ кіевскимъ о Кожемякѣ. Рассказывается, будто бы змію дается на сѣдненіе тоже царевна, но ее спасаетъ какой то богатырь Кузьма, а змія запрягаетъ въ плугъ и проводитъ борозду, извѣстную въ народѣ подъ именемъ Зміеваго вала.—О Борисѣ и Глѣбѣ не упоминается**).

Таково первое изъ русскихъ сказаній. Другое еще съ болѣею энергіею выставляетъ передъ нами любопытную эпоху выхода славянъ русскихъ изъ первобытнаго состоянія дикости, изъ какого-то до-историческаго темнаго хаоса на новое поприще гражданственности. Это сказаніе дошло до насъ въ поэтической формѣ народнаго стиха, воспѣваемаго слѣпыми старцами, о Егоріи Храбромъ***).

Само собою разумѣется, что этотъ герой русскаго стиха имѣеть такъ же мало сходнаго съ Побѣдоносцемъ Георгіемъ, пострадавшимъ

*) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1846 г. Часть 13, стр. 179 и слѣд. въ статьѣ Историческое введеніе въ статистическое описаніе Бессарабской области.

**) Обзорѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, изд. Фундуклей. Кіевъ 1848 г., стр. 30—31.

***) Кирѣевскій. Русскія народныя пѣсни. Въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1848 г. № 9, стр. 148—154.

при Діоклетіанѣ, какъ и Владиміръ Красно-Солнышко русскихъ пѣсенъ съ настоящимъ, историческимъ характеромъ Равноапостольнаго Князя.

Разъѣзжая по землѣ Свѣтло-Русской и утверждая въ ней вѣру православную, Егорій еще не встрѣчаетъ на Руси людей. По смыслу народнаго стиха, это утвержденіе вѣры состояло не въ обращеніи народа въ христіанство, а въ первобытныхъ подвигахъ сверхъестественнаго героя, который извлекаетъ дивую страну изъ ея доисторическаго косненія, пролагаетъ пути и дороги по непроходимымъ дремучимъ лѣсамъ, по зыбучимъ болотамъ, черезъ широкія рѣки и толчучія горы. Онъ не только вноситъ начала образованности, но и творитъ всю внѣшнюю природу страны, устрояетъ и приводитъ въ порядокъ первобытныи нравственный и физическій хаосъ земли Русской.

Вмѣсто людей наѣзжаетъ Егорій на стада чудовищныхъ животныхъ, на стада летучихъ змѣевъ и рысучихъ волковъ. Только пастухи этихъ волчьихъ стадъ носятъ на себѣ обличье человѣческое, но ихъ сверхъестественный, чудовищный видъ, напоминающій миѳическія, стихійныя существа, въ родѣ виль, русалокъ, лѣшихъ (то есть, существъ лѣсныхъ)—не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что нашъ герой попалъ не только въ страну языческую, но даже въ самое капище миѳическихъ существъ.

По странной путаницѣ народной фантазіи эти страшные пастухи волчьихъ стадъ были его родныя сестры, до ихъ обращенія въ православную вѣру.

На нихъ тѣла, яко еловая кора,

Власъ на нихъ, какъ кавыль трава—

поется въ стихѣ; а извѣстно, что, по народнымъ сказаніямъ, русалки представляются именно съ зелеными, травяными косами, которыя онѣ расчесываютъ, сидя на деревьяхъ, когда на время оставляютъ свою влажную стихію.

Устрояя землю, Егорій велѣлъ звѣрямъ разойтись по два, по три и по одному, а пить и ѣсть только отъ него повелѣнное. Отсюда пословица, и доселѣ употребляемая въ устахъ народа: „что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ“—или просто: „у волка въ зубахъ—Егорій далъ“. Съ той поры, какъ Егорій устроилъ Русскую землю, сталъ

покровителемъ стадъ. Соединяя свои грубые вымыслы съ извѣстными числами христіанскаго календаря, русскій простой народъ чтитъ обычай—выгонять скотину на весеннія пастбища съ Егорьева дня, то есть, съ 23-го апрѣля. Въ грубомъ невѣжествѣ присоединяя христіанскія имена къ своимъ темнымъ суевѣріямъ, простой народъ въ заклинаніяхъ или заговорахъ отъ скотскаго падежа призываетъ именно Егорія Храбраго: „Встану я (имя рекъ), пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ воротъ въ ворота, а изъ воротъ въ чистое поле, и поклонюсь на всѣ на четыре стороны и скажу: Гой еси Егорій Храбрый! исцѣли отъ недуга и всякой скорби стадо (имя рекъ), и пошли всѣ недуги и скорби на нечистые гады.—Заключаю слова поклономъ низкимъ. Будьте мои слова крѣпки и дѣлки.“

Если въ предшествовавшихъ этому послѣднему преданіяхъ выражается мысль о переходѣ славянъ въ бытъ земледѣльческій, то въ стихѣ о Егоріи Храбромъ затрогивается эпоха еще древнѣйшая, когда славянскія племена, выходя на историческое поприще, приготавлились въ бытѣ пастушескомъ къ новымъ успѣхамъ осѣдлаго земледѣлія. Чешскій Премысль былъ не только земледѣлецъ, но и пастухъ: на своемъ желѣзномъ столѣ онъ ѣлъ сыръ и хлѣбъ. Волосу—скотьему богу поклонялись наши предки одновременно съ чествованіемъ Перуна—божества грома и покровителя осѣдой земледѣльческой жизни, и еще до XII вѣка сохранялась на Руси память о скотьемъ богѣ Велесѣ, внукомъ котораго поэтически назывался соловей стараго времени, вѣщій пѣвецъ Боянъ.

Л Е К Ц І Я 7-я.

Читана 14-го января 1860 г.

Тѣ племена, могущественныя нравственными силами, которымъ предназначено было въ исторіи обновить ветхое человѣчество—именно, племена нѣмецкія, выступаютъ первыя между прочими народами новой Европы въ исторіи національной поэзіи съ своимъ великимъ всеобъемлющимъ эпосомъ, которому равнаго по глубинѣ мыслей и по богатству историческаго содержанія не могла представить даже самая Греція въ поэмахъ Гомерическихъ.

Все неясное, отрывочное и неполное въ славянскихъ преданіяхъ находитъ себѣ оправданіе и настоящій смыслъ въ полной системѣ

національныхъ нѣмецкихъ сказаній, которую сохранила для потомства по преимуществу скандинавская литература, и особенно въ отдѣльныхъ пѣсняхъ Древней Эдды и въ систематическомъ изложеніи Эдды Новой.

Выходцы съ скандинавскаго материка во второй половинѣ IX вѣка перенесли съ собою въ Снѣжную землю (Snialand) или Исландію, вмѣстѣ съ древнѣйшими учрежденіями и съ языческой вѣрою отцевъ своихъ, всѣ существенныя преданія и сказанія старины. Около 1000 года на островѣ распространилось христіанство, а черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ того (1054—1056 г.*) родился Семундъ Вѣщій, или Умный, которому наука обязана собраніемъ пѣсень, содержащихъ въ себѣ древнѣйшія, мифологическія и историческія преданія нѣмецкихъ племенъ. Этотъ сборникъ пѣсень въ послѣдствіи былъ названъ Эддою, что значитъ старуха или бабушка, прабабка. Семундъ былъ человѣкъ образованный, въ молодости много путешествовалъ по чужимъ странамъ, былъ въ Германіи и два раза въ Парижѣ, который онъ особенно полюбилъ; потомъ по возвращеніи домой былъ онъ посвященъ въ священники, и, основавши на своей родинѣ (въ Оуде) школу, прилежно занимался воспитаніемъ юношества. Онъ пользовался уваженіемъ народа, епископовъ и литераторовъ своего времени, и былъ прозванъ Умнымъ или Вѣщимъ.

Впослѣдствіи, именно въ XIII-мъ вѣкѣ, всѣ разнообразныя преданія сѣверной старины были приведены въ систематическое обзореніе человѣкомъ образованнымъ и предприимчивымъ воиномъ, въ битвѣ сложившимъ свою голову. Это былъ Снорри Стурлусонъ (1178—1241). Его сборникъ извѣстенъ подъ именемъ Новой Эдды.

Пользуясь этими двумя сборниками, познакомимся съ важнѣйшими сказаніями нѣмецкихъ племенъ въ той мѣрѣ, сколько это нужно для уразумѣнія нашей собственной, славянской старины и преданій.

Народный эпосъ нѣмецкихъ племенъ, какъ его излагаютъ обѣ Эдды въ связи со множествомъ другихъ поэтическихъ сказаній, содержитъ въ себѣ преданія о происхожденіи міра и боговъ, о судьбахъ боговъ, героевъ и всего человѣчества. Это эпосъ не только мифологическій, но и историческій. Къ баснямъ древняго язычества

*) Въ одно время съ рожденіемъ нашего Нестора и написаніемъ Остромирова евангелія (1056—1057 г.).

въ немъ присовокупляются преданія о судьбахъ народовъ, вошедшихъ въ составъ новой Европы.

По космогоническому ученію Эдды, въ началѣ была зіяющая бездна. На сѣверъ отъ этой пропасти было жилище мрака и холода (Niflheimr), на югъ—жилище огня (Muspelheimr). Изъ жилища холода изливалось 12 рѣкъ въ эту бездну; вода мерзла, но отъ теплаго вѣтра, со стороны жилища огня, ледъ оттаивалъ, давая отъ себя капли воды. Эти капли оттаившаго льда, оживотворяясь, произвели на свѣтъ нѣкоторое безобразное, великанское существо. Это былъ Имиръ. Отъ него произошли великаны, жители мрака и холода.

Такимъ образомъ, происхожденіе перваго исполинскаго рода совершается въ безграничныхъ ледовитыхъ пустыняхъ:—это порожденіе холода, инея и морскаго тумана.

Затѣмъ наступаетъ происхожденіе божествъ втораго поколѣнія, болѣе развитаго. Оно совершается уже въ болѣе опредѣленномъ, пастушескомъ бытѣ, къ которому переходитъ древній исполинскій родъ.

Въ происхожденіи втораго поколѣнія главную роль играетъ мионическая корова Аудумбла, происшедшая на свѣтъ независимо отъ Имира. Отъ ея вымени изливаются четыре млечныя рѣки, которыми питается самъ Имиръ (какъ бы означая тѣмъ пастушескій бытъ поколѣнія исполиновъ, подобно тому, какъ у грековъ, по сказанію Одиссеи, циклопы, не зная правды и гражданскаго порядка, только пасутъ свои стада).

Корова Аудумбла питалась льдомъ, она лизала соленую (то есть, морскую) глыбу льду; и въ первый день къ вечеру, изъ подъ льду показались волосы, на другой вечеръ голова человѣческая, а на третій и весь человѣкъ. То былъ прадѣдъ Одина, божества новаго, лучшаго порядка вещей.

Одину предназначено было нанести рѣшительный ударъ древнему поколѣнію страшныхъ великановъ. Одинъ и его два брата убили Имира, и изъ ранъ его столько вытекло крови, что въ ней потонули всѣ исполинскіе потомки этого чудовища, за исключеніемъ одного, который вмѣстѣ съ своею семьей выплылъ на челнокѣ изъ этого кроваваго потопа, и отъ котораго вновь продолжался на землѣ родъ исполиновъ холода, бури, огня и горъ.

Тогда то, по уничтоженіи древнѣйшаго порядка вещей, вмѣстѣ съ погибелью исполинскаго рода начинается, по сѣвернымъ сказаніямъ, собственно сотвореніе міра.

Одинъ и его оба брата приводовли трупъ Имира въ пропасть и творили изъ него міръ. Изъ крови Имира сотворили море и воды *), изъ его мяса—землю, изъ костей—горы, изъ волосъ—деревья, изъ зубовъ и осколковъ разможженныхъ костей—скалы и утесы, изъ черепа—небо, которое подняли надъ землею на четырехъ рогахъ, подъ каждымъ поставивъ по карлику, которые именуются Востокъ, Западъ, Сѣверъ и Югъ. Мозгъ Имира бросили въ воздушныя пространства и сотворили изъ него облака. Изъ червей на истлѣвшихъ остаткахъ Имирова трупа произошли мелкія стихійныя существа эльфы, или альфы, и карлики. Послѣ того Одинъ и его братья, взявши искръ, которыя изъ себя выбрасывало жилище огня (Muspelheimr) сдѣлали изъ нихъ свѣтила и положили ихъ на небѣ для счета дней и годовъ.

Землю окружало со всѣхъ сторонъ море; берега моря были назначены въ жилище племени исполиновъ, или Ютовъ (это жилище Ютовъ — Jotunheimr). Отъ нападенія этихъ великановъ середина земли была обведена оградю, на которую Одинъ съ своими братьями употребилъ брови Имира. Эта середина земли или срединное жилище (Midhgardr) впоследствии было назначено для людей.

Божества новаго, болѣе развитаго поколѣнія назывались Асы и Ваны. Это были не только двѣ породы божествъ, но и два различныя племени или два народа, которые нѣкогда между собою враждовали и потомъ, примирившись, вошли въ родственные союзы и вмѣстѣ составили божественный Олимпъ сѣвернаго мифологическаго эпоса.

Во главѣ Асовъ стоялъ Одинъ, Вуотанъ и Воданъ (иначе Гводанъ). Это было племя могущественное, героическое. Отъ него вели свой родъ готскіе князья и короли: по свидѣтельству древнѣйшихъ лѣтописцевъ, предки ихъ назывались Асами, Ансами, то есть полубогами.

Ваны уступаютъ предводителю Асовъ, великому Одину, въ силѣ воли, рѣшительности, храбрости и другихъ доблестяхъ воинской

*) Сличн въ русскомъ стихѣ о Голубиной Книгѣ.

эпохи. За то они берутъ верхъ надъ Асами не только въ отноше-
ніи физическомъ—красотою, но и въ умственномъ—мудростью,
потому Ваны постояннымъ эпитетомъ своимъ имѣютъ мудрые.

Ваны шли съ юга. Нѣкоторые ученые видятъ въ нихъ Вен-
довъ, то есть, славянъ древнѣйшей эпохи.

Божества земли и моря были высшими въ породѣ Вановъ.
Самые прекрасные изъ Вановъ были Фрей и Фрея, которая потомъ
стала супругою Одина, когда по заключеніи войны Асы примири-
лись съ Ванами.

Эдда не столько значенія приписываетъ враждѣ этихъ племенъ,
сколько ихъ примиренію. Это послѣднее было необходимою ступенью
въ дальнѣйшемъ развитіи не только сѣверной мифологіи, но и обра-
зованности нѣмецкихъ племенъ. Воинственные Асы принимаютъ
къ себѣ красоту и мудрость отъ Вановъ. Стремительность и не-
укротимость въ характерѣ Одина, предводителя Асовъ, была умѣрена
граціею и благоразуміемъ элемента Вановъ.

Примиреніе Асовъ съ Ванами было обезпечено заложниками
съ той и другой стороны, Фрея была въ числѣ заложниковъ со сто-
роны Вановъ. Обрядъ примиренія замѣчательнъ по своей необычай-
ной странности. Асы и Ваны собрались около сосуда и въ знакъ
примиренія въ него плевали. Слюна замѣняетъ здѣсь кровь, сліяніе
которой символически означало примиреніе или побратимство. Изъ
этихъ слюней боги сотворили Квасира, мудрѣйшее изъ всѣхъ су-
ществъ въ мірѣ. Квасиръ ходилъ по свѣту и училъ всѣхъ мудрости.
Итакъ, результатомъ примиренія Асовъ и Вановъ—новый шагъ
впередъ: достиженіе величайшей мудрости. Но она на землѣ невоз-
можна. Квасиръ приходитъ къ двоимъ карликамъ, которые его уби-
ваютъ. Крови его нацѣдили они два сосуда и одинъ котель, смѣшавъ
кровь съ медомъ, отъ чего и произошелъ знаменитый напитокъ
мудрости и поэзіи—извѣстный подъ именемъ драгоцѣннаго меда.
Желая скрыть убійство, карлики распустили слухъ, что Квасиръ
самъ собою задохся отъ излишка мудрости. Однако быстро разнес-
лась молва о драгоцѣнномъ напиткѣ изъ крови Квасира. Послѣ раз-
ныхъ приключеній, этотъ вѣщій, поэтической напитокъ достается
Одину, который въ три глотка выпилъ его весь. Потомъ, въ образѣ
орла, летитъ онъ къ Асамъ, и тамъ возвращаетъ онъ изъ себя назадъ

этотъ драгоценный медь, на потребу и на радость Асамъ и людямъ вѣщимъ, или поэтамъ.

Таковъ сѣверный мнѣ о происхожденіи поэзіи. Онъ выражаетъ ту глубокую мысль, что поэзія, то есть, народный эпосъ, есть результатъ, есть сумма всей первобытной народной мудрости, проистекающей изъ вѣрованной эпохи, обозначенной примиреньемъ враждебныхъ началъ—воинственныхъ Асовъ и мудрыхъ Вановъ, и запечатлѣнной господствомъ разума надъ хаотическимъ броженіемъ первобытной эпохи Имира и его злаго, исполинскаго поколѣнія.

Примирившись съ Ванами, Асы взяли ихъ къ себѣ, въ свое божественное жилище, въ Асгардъ.

Для защиты жилища боговъ отъ вторженія дикихъ великановъ недостаточно было бровей Имира, которыми окруженъ Мидгардъ или срединное жилище. Нужно было построить искусственную стѣну. Къ Асамъ приходитъ нѣкоторый зодчій и предлагаетъ имъ свои услуги—соорудить крѣпость въ защиту отъ великановъ, и за это просить себѣ у Асовъ Солнце, Луну и прекрасную Фрею. Локи, самое злобное и коварнѣйшее существо между Асами, совѣтуетъ имъ уступить зодчему требуемую имъ за постройку плату, которая впрочемъ будетъ выдана ему только тогда, когда будетъ готова стѣна. Она должна быть кончена въ теченіе одной зимы въ первому лѣтнему дню. Въ случаѣ неустойки со стороны зодчаго Асы не обязаны выдавать обѣщаннаго вознагражденія. Притомъ зодчій долженъ строить одинъ, только при помощи своего коня, который будетъ ему возить камни. Условіе съ зодчимъ было скрѣплено самою священною клятвою Асовъ. Но когда они увидѣли, что его вѣщій конь таскаетъ на постройку огромнѣйшія скалы, и что уже въ теченіе какихъ нибудь трехъ дней будетъ выведена вся крѣпость, тогда имъ стало жаль расстаться съ Солнцемъ, Луною и Фреею. Они ясно увидѣли, что въ переговорахъ съ чудеснымъ зодчимъ Локи ихъ обманулъ, и грозили ему смертью, если онъ не избавитъ ихъ отъ бѣды. Тогда изворотливый Локи, обратившись лошадю, промчался мимо коня зодчаго: этотъ послѣдній конь, сбросивъ съ себя ношу, пустился вслѣдъ за Локи, а зодчій погнался за своимъ конемъ: такъ они и гонялись другъ за другомъ до истеченія срока постройки, которая такимъ образомъ и не могла быть окончена, и Асы спасли Солнце, Луну и

Фрею. Этотъ зодчій былъ изъ страны дикихъ великановъ или Юговъ, въ холодную страну которыхъ хотѣли переманить небесныя свѣтила и прекрасную Фрею. Торъ, сынъ Одиновъ, своимъ молотомъ (молніею) прогналъ его и потомъ убилъ.

Этотъ мифъ о построении первой на землѣ крѣпости заслуживаетъ особеннаго вниманія.

При выходѣ изъ быта кочеваго и пастушескаго, при встрѣчѣ воинственныхъ Асовъ съ земледѣльческимъ поколѣніемъ Вановъ—оказывается необходимость въ искусственномъ сооруженіи крѣпости, или города для защиты возникающей осѣдлости. Дѣйствительно, этотъ переходъ блуждающихъ племенъ къ постоянному житію, подъ благоприятнымъ вліяніемъ начинающагося земледѣлія, есть великій переломъ въ жизни народовъ, и онъ не могъ не выразиться въ мифологическихъ преданіяхъ народныхъ особеннымъ рядомъ вѣрованій, приуроченныхъ къ мифическому значенію постройки какой нибудь стѣны, башни или цѣлаго города. Потому то Чехъ, Лѣхъ и Кракъ были не только учредители земледѣлія, но и основатели городовъ. Потому же, вѣроятно, русскій народъ окружаетъ суевѣрнымъ чествованіемъ какіе то едва замѣтные слѣды до-историческихъ построекъ, извѣстныхъ подъ именемъ городищъ, которыя разсыяны по всѣмъ концамъ нашего отечества.

Первобытная постройка сооружается при помощи сверхъестественныхъ силъ, причемъ необходима умилостивительная жертва въ благодарность высшимъ существамъ за сооруженіе. Сѣверный мифъ такую жертвою назначалъ прекрасную Фрею. Этотъ поэтический мотивъ о сооруженіи съ благодарственною жертвою повторяется во множествѣ средневѣковыхъ сказаній, но, можетъ быть, нигдѣ не сохранился онъ въ такой эпической свѣжести, какъ въ превосходной сербской пѣснѣ о построении города Скадра*).

„Городили городъ три брата родные**). Одинъ былъ король Вукашинъ, другой былъ воевода Углеша, третій былъ Гойко. Городили городъ Скадръ на Боянѣ, городили городъ три года, три года съ тремя стами мастеровъ, и не могли вывести и самого основанія. Что мастера въ день наработають, то ночью все Вида разрушить.

*) Вукъ Караджичъ. Пѣсни, ч. 2. № 26.

***) Мрнявчевичи, дѣти Мрнявы, или Мрлявчевичи, какъ значитса въ пѣснѣ.

Тогда закричала Вила съ планины: „Не мучься, Вукашине кралою, не мучься и не траться по пустому; не можешь вывести основанье, а ужь куда городить городь“. Но чтобъ пошло дѣло успѣшно, Вила требуетъ жертву: „вотъ вы всѣ три брата родные—говорить она: у всякаго по вѣрной женѣ. Которая утромъ придетъ на Бояну и принесетъ мастерамъ обѣдъ, ту и закладите въ основаніе башни: тогда обдержится основа, и вы построите городь“. Вукашинъ сообщаетъ своимъ братьямъ о необходимости одному изъ нихъ принести въ жертву свою жену. Тутъ они дали другъ другу клятву, чтобы не сообщать этой тайны своимъ женамъ, и предать ихъ участь судьбѣ. Однако и Вукашинъ и Углеша не сдержали клятвы, тотчасъ же рассказавъ женамъ, что грозитъ имъ. Только младшій изъ нихъ Гойко остался вѣренъ клятвѣ, и ни слова не сказалъ своей вѣрной Гойковицѣ. На утро жены старшихъ братьевъ, за болѣзнію, отказались идти на Бояну, нести обѣдъ мастерамъ и предлагаютъ идти младшей невѣсткѣ Гойковицѣ. Та охотно идетъ, но вотъ она не успѣла еще вымыть бѣлое полотно, не успѣла искупать свое малое дѣтище. Все берется за нее исполнить сама королева, жена Вукашина, только бы Гойковица понесла мастерамъ обѣдъ. Ничего не подозрѣвая, отправляется эта молодая женщина съ обѣдомъ. Когда подошла она къ Боянѣ, завидѣлъ ее мужъ ея Гойко; разжалилось витязю сердце, жаль ему милой супруги, жаль ему и своего ребенка въ колыбелькѣ—ему исполнился только еще одинъ мѣсяцъ; и льетъ онъ съ лица своего горячія слезы. Завидѣла его статная—въ подлинникѣ тонкая—Гойковица, кротко идетъ, къ нему приближаясь, кротко идетъ, тихо говорить ему: „Что съ тобой, добрый господарю! что ты льешь слезы съ своего лица?“ Отвѣчаетъ ей Гойко: „Горе мнѣ, моя милая жена! было у меня золотое яблоко, да нынче упало въ Бояну: оттого мнѣ и жалко, такъ жалко, что не могу стерпѣть“. Не догадывается прекрасная женщина: „Моли Бога, чтобъ былъ здоровъ—говорить она—добудешь и лучше“. Еще тошнѣе стало витязю, и онъ отворотился, чтобъ больше не смотрѣть на нее.

Когда ее схватили два ея деверя и вкликнули зодчаго и мастеровъ, и когда стали ее закладывать бревнами и камнемъ, она все смѣялась, думая, что съ нею шутятъ. Вотъ, заложили ее по колѣна, а она все смѣется, прекрасная Гойковица, думаетъ, что это

шутять; и только тогда догадалась о страшной истинѣ, когда заложили ее по поясъ, и стала молить своихъ деверьевъ и мужа о пощадѣ. Но мольба ея не помогала. Тогда она обратилась съ трогательною просьбою къ самому зодчему: „по Богу братецъ (Богомъ брате), зодчій Раде! Оставь мнѣ оконца для грудей! Когда принесутъ сюда мое малое дѣтище, моего Іована, пусть сосеть онъ мою грудь“. Зодчій Радъ исполнилъ эту священную волю любящей матери. Тогда несчастная женщина, въ которой чувство материнской любви переживаетъ ее самое, и только оно одно привязываетъ ее къ землѣ,—тогда несчастная мать обращается къ зодчему съ другою просьбою, чтобъ онъ оставилъ ей оконца для глазъ, чтобъ она видѣла, какъ будутъ къ ней приносить ея милаго Іована, и какъ будутъ его уносить отъ нея назадъ домой. И эта воля ея была исполнена. Такъ ее и заложили въ стѣну. И приносили къ ней дитя въ колыбельѣ, и кормила она цѣлую недѣлю; потомъ уже потеряла голосъ, а все давала пищу своему ребенку и кормила его цѣлый годъ.

„Какъ было тогда—заключаетъ пѣсня—такъ и осталось, и понынѣ идетъ отъ нея питанье, ради испѣленія женамъ, у которыхъ не бываетъ молока“.

Эта трогательная пѣсня, въ которой древній миѳическій мотивъ такъ тѣсно связанъ съ выраженіемъ глубокой материнской любви, состоитъ у сербовъ въ связи съ преданьемъ, что для всякаго сооруженія необходима человѣческая жертва, то есть, кто нибудь долженъ быть заложенъ въ основу зданія. Это преданье соответствуетъ русскому простонародному суевѣрью, по которому всякое новоселье требуетъ себѣ жертвы, то есть, кто нибудь изъ перешедшихъ во вновь построенную избу скоро долженъ умереть.

Л Е К Ц И Я 8-я.

Читана 16-го января 1860 г.

Сотвореніемъ челоѳка заключается космогоническій эпосъ нѣмецкихъ племенъ. „Однажды вышли могущественные, милостивые Асы—такъ повѣствуетъ одна изъ пѣсенъ древней Эдды объ Одинѣ съ двумя его товарищами (или братьями) изъ Асовъ—и видятъ—на берегу стоятъ безсильные и безжизненные Ясень и Олъха (Askr и Embla), безъ силы и безъ движенія; не было въ нихъ ни души,

ни чувствъ, ни крови, ни движенія, ни цвѣтущаго румянца“. Асы дали имъ жизнь и человѣческую природу, одѣли ихъ и назвали— Ясень и Оляха. Это были первые на землѣ люди, по ученію Эдды. Мидгардъ данъ былъ имъ въ жилище. Намъ уже извѣстны изъ русскаго стиха чудовищныя дѣвицы, одѣтыя въ еловую кору и въ ка-выль-траву. Сербскую Вилу пеленали въ древесное листье, у Русалокъ—зеленыя, то есть травяныя, косы, соотвѣтственно ученію въ Голубиной книгѣ, что человѣческіе волосы произошли отъ травы. Въ сказкахъ разсказывается о героиняхъ въ деревянныхъ платьяхъ. Есть народное саксонское преданье о томъ, что дѣвицы на деревьяхъ рождаются и вырастаютъ.

Но ни у кого изъ родственныхъ народовъ не удержалось нѣмецкое сказанье о первыхъ человѣкахъ въ такой полнотѣ, какъ въ Литвѣ. Есть литовское преданье о томъ, будто бы когда то очень давно, въ одной приморской деревнѣ жилъ человѣкъ, по имени Праведный (Тейсусъ). Къ нему обращались всѣ за совѣтомъ и предсказаньемъ, какъ къ человѣку вѣщему. Когда въ глубокой старости пришелъ ему смертный часъ, за его праведную жизнь боги превратили его въ Ясень, соотвѣтственно тому, какъ Асы изъ Ясени сотворили перваго человѣка. Потому у литовцевъ это дерево именуется древомъ праведнымъ*): боги, сходя на землю, любили собираться подъ этимъ деревомъ.

Въ дополненіе къ превращенію праведнаго человѣка въ ясень, есть литовское же сказанье о превращеніи прекрасной женщины въ ель.

Въ этомъ литовскомъ сказаніи мнѣ о превращеніи дѣвицы въ ель связанъ съ преданьемъ о водяномъ змѣи или ужѣ, женившемся на этой дѣвицѣ.

Водяной ужъ присватался къ прекрасной дѣвицѣ, по имени Ель, и вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ успѣлъ на ней жениться. Это былъ не кто другой, какъ прекрасный юноша, и именно само божество водъ. Онъ взялъ свою жену къ себѣ. У нихъ родились дѣти—два мальчика и дѣвочка. Спустя нѣкоторое время, Ель соскучилась по отцѣ съ матерью, и отпросилась съ дѣтьми побывать у

*) Тейсибес—меджіасъ.

своихъ. Отпуская жену, ужъ говорилъ: „когда придешь къ озеру, клини меня три раза: мужъ мой, жена зоветь, зоветь тебя! Если ты живъ, выдь молочною пѣною, если мертвъ—покажись на водахъ кровью“.

Братья Ели, узнавъ отъ ея дочери, какъ вызвать изъ озера Ужа, выманили его и убили.

Когда Ель собралась домой и подошла къ озеру съ своей призывною рѣчью,—поверхъ воды выступила кровь, и голосъ мужа, прощаясь съ женою, увѣдомилъ ее о его убійцахъ.

Тогда боги, сжалившись надъ прекрасною женщиною, оплакивавшею своего мужа, превратили ее въ ель, старшаго сына въ дубъ, младшаго въ ясень, а дочь въ осину.

Это общее всѣмъ индоевропейскимъ народамъ вѣрованье о превращеніи деревь въ людей и обратно, давшее столько граціозныхъ басенъ классической, греко-римской литературѣ, въ космогоническомъ эпосѣ нѣмецкомъ получило высшее значеніе, можно сказать—значеніе міровое, историческое.

Созданіе людей изъ деревьевъ въ сѣверной поэзіи состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ мифомъ о всемірномъ, историческомъ Древлѣ. Это дерево (Jggdrasil) своими корнями исходитъ изъ первобытной пропасти, предшествовавшей созданію міра, и вѣдряется въ жилищахъ великановъ, людей и самого Ада. Вѣтвями покрываетъ весь свѣтъ, а вершиною восходитъ въ небо, къ жилищу самихъ боговъ, господствуя надъ Вальгаллою, гдѣ наслаждается божественною жизнію Одинъ съ своими неустрашимыми, стремительными дружинами. Это есть древо всего человѣчества; оно не только простирается по всему свѣту, объемля и Адъ, и Землю съ людьми, и высшія жилища боговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, выражаетъ собою совокупность историческихъ судебъ въ жизни боговъ и людей;—это древо историческаго развитія; это древо времени.

Мифъ о такомъ древлѣ могъ составиться только у племенъ съ самыми богатыми задатками великаго историческаго развитія.

Это дерево было Ясень—называлось оно Jggdrasil, что значитъ несущій или держащій страхъ и ужасъ—дерево самого Одина—божества, въ которомъ олицетворилось (впослѣдствіи) историческое развитіе воинственныхъ племенъ нѣмецкихъ.

Водружається это древо тремя корнями. Подъ однимъ—Адъ (Hel) божество смерти, дочь Локи; подъ другимъ—великаны; подъ третьимъ—люди. Корни древа орошаются тремя источниками.

Первый источникъ именуется источникомъ прошедшаго. Сами боги ежедневно спускаются на него изъ своихъ небесныхъ жилищъ—для суда и правды: здѣсь ихъ судилище и вѣче, при источникѣ прошедшаго, то есть, правдивой, священной старины и преданья (соотвѣтственно тому, какъ литовскіе боги сходятъ на землю подъ древо праведное или подъ Ясень).

Спускаются сѣверные боги на источникъ прошедшаго по мосту, крѣпко сдѣланному изъ трехъ цвѣтовъ, и нисходящаго съ самаго неба. Его охраняетъ отъ враговъ стражъ (Heimdallr). Этотъ мостъ не что иное, какъ радуга; въ сѣверномъ эпосѣ называется колеблющимся или зыбкимъ, зыбучимъ поприщемъ (Bifröst).

При источникѣ прошедшаго есть палаты. Въ нихъ живутъ три вѣщія дѣвы—это три Норны. Онѣ опредѣляютъ судьбу человѣчества, сидя при источникѣ старины и преданія. Потому-то и сами боги собираются сюда для совѣщаній о судѣ и правдѣ.

Двѣ судныя дѣвы при очистительной водѣ въ Судѣ Любушиномъ—не что иное, какъ тѣ же сѣверныя Норны при источникѣ прошедшаго.

Составляя принадлежность древняго времени и жизни, Норны получили и свои имена соотвѣтственно главной идеѣ этого мѣа: Прошедшая, Настоящая и Будущая (Urdr, Verdandi, Skuld). Самый источникъ получилъ названіе Прошедшаго по имени старшей изъ Норнъ.

Какъ древне-классическія Парки или вѣщія Пряхи славянскія, Норны прядутъ героямъ нити судьбы и растягиваютъ по небу золотой канатъ: одна Норна держитъ конецъ каната на Востокѣ, другая на Западѣ (то есть—рожденіе и смерть), третья—притягиваетъ къ Сѣверу.

Онѣ рѣшаютъ судьбу человѣка при самомъ его рожденіи, предсказывая ему будущее. Вѣщія женщины, въ извѣстной сказкѣ о Спящей Царевнѣ, предсказывающія ей судьбу при самомъ ея рожденіи—тоже Норны. Норна же и та Пряха, веретенемъ которой Царевна уволола себѣ руку, отчего впала въ непробудный сонъ.

Судьба-Пряха во всей очевидности выражает свой миѳическій характеръ въ одной сербской сказкѣ, изданной въ сборникѣ сказокъ Вука Стефановича Караджича подъ названіемъ судьба (Усудъ—то есть Судъ *).

Жили два брата, одинъ счастливый, другой несчастный. У перваго все родится и плодится, у втораго нѣтъ ни въ чемъ спорины. Однажды идетъ несчастный по лугу и видитъ стадо овецъ, но безъ пастуха: только сидитъ прекрасная дѣвица и прядетъ золотыя нити. Тотъ спрашиваетъ: чьи это овцы?—Она отвѣчаетъ: чья сама я, того и овцы.—Кто же ты?—А я счастье твоего брата. (По сербски счастье—срѣтя, то есть, встрѣча, согласно народнымъ русскимъ суевѣрьямъ относительно встрѣчи, напримѣръ, съ священникомъ и т. п.).

Потомъ, въ образѣ безобразной старухи, несчастный встрѣчаетъ свое счастье, или встрѣчу. Затѣмъ отправляется онъ по свѣту искать самоё судьбу или Судъ (Усудъ). Наконецъ онъ нашель Судъ, и видѣлъ, какъ въ одну ночь Судъ дѣлилъ между новорожденными великія сокровища изъ великолѣпныхъ палатъ, на другую ночь дѣлилъ довольство изъ скромнаго жилища, и на третью ночь—мелкія деньги изъ лачуги.

Страшная Норна смерти, меньшая изъ трехъ сестеръ, вмѣстѣ съ своимъ роковымъ источникомъ—является въ видѣ Вилы въ одной изъ лучшихъ сербскихъ пѣсенъ, имѣющей предметомъ смерть Марка Кралевича **):

Ѣдетъ Марко по планинѣ. Вѣщій конь его Шарацъ пошатывается, спотыкается—слезы роняетъ. Вила съ горы предвѣщаетъ герою смерть и скорую разлуку съ конемъ. Но Марко увѣренъ, что никто его не побѣдитъ, никто не побѣетъ въ полѣ. Тогда Вила предсказываетъ ему, что онъ умретъ не отъ юнака (витязя), не отъ вострой сабли или боеваго копья. „Ты не боишься на землѣ юнака—говоритъ Вила—но умрешь, Марко, больной, отъ бога, отъ стараго кровника ***) (очевидно, отъ существа миѳическаго, потому-что старый кровопролитель или убійца—есть самый грубый, языческій эпитетъ божества, насылающаго болѣзни и смерть). А если не хочешь

*) № 13. По нѣмецкому переводу стр. 106 и слѣд.

**) Въ изданіи Вука Караджича, ч. 2, № 74.

***) въ подлинникѣ: од старог кровника.

мнѣ вѣрить—продолжала Вила,—то когда будешь наверху планины, взгляни справа налѣво: увидишь двѣ тонкія ели, всю гору своими вершинами покрыли, зеленымъ листомъ приодѣли (это, очевидно, Иггдразиль сѣвернаго эпоса); между ними источникъ. Туда поверни своего Шарца. Слѣзь съ коня и привяжи его къ ели. Наклонись къ источнику: взглянешь на свое лицо и увидишь, когда умрешь.“ (Это, очевидно—языческой первообразъ позднѣйшаго гаданья на Святкахъ—смотрѣть въ зеркало—гаданья, будто-бы, самаго страшнаго, роковаго).

Такъ Марко Кралевичъ и сдѣлалъ, какъ наказывала ему Вила. Увидѣлъ въ источникѣ судьбы, подъ высокими елями, свою смерть—и смиренно подчинился ожидавшей его участи. Заколочъ своего вѣрнаго коня, изломалъ оружіе; потомъ написалъ завѣщаніе, чтобъ на одну часть оставленнаго имъ золота похоронили его, другую часть отдали на украшеніе храмовъ, а третью—слѣпымъ старцамъ, пѣвцамъ—пусть они ходятъ по всему свѣту, пусть поютъ пѣсни и вспоминаютъ о Маркѣ Кралевичѣ. Это завѣщаніе закинулъ онъ на еловую вѣтвь, а самъ легъ по край источника—дождаться смерти—и уже больше не вставалъ. Такъ и померъ. И долго проходящіе по широкой дорогѣ, видя издали Марка, не смѣли къ нему подойти, боялись, чтобъ не разбудить могучаго богатыря, думая, что онъ спитъ.

Но возвратимся къ сѣверному эпосу. Мы познакомились съ первымъ источникомъ историческаго древа Иггдразила.

Первый источникъ важнѣе всѣхъ, потому что идетъ въ жилище людей. Другой источникъ орошаетъ корень древа, идущій въ страну великановъ. Это источникъ Мимира, самаго мудраго изъ Асовъ, а, можетъ быть, и изъ породы великановъ. Источникъ Мимира—источникъ мудрости. Ежедневно Мимиръ черпаетъ себѣ изъ него питье сосудомъ, который въ сѣверной поэзіи называется звонкимъ или звенящимъ рогомъ (Giallar-horn). Съ мудростью Мимиръ соединялъ предвѣдніе будущихъ судьбъ.

Самъ Одинъ позавидовалъ Мимиру, и просилъ у него его мудраго питья. Мимиръ согласился, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ богъ отдалъ ему за то одинъ свой глазъ. Оттого Одинъ и сталъ одноглазымъ—слѣдовательно самъ Одинъ былъ нѣкогда изъ породы великановъ, соотвѣтствующихъ древне-классическимъ Циклопамъ.

Это — одноглазое божество Солнца, которому поклоняются дикіи, кочующія племена. Но въ лицѣ Одина, вѣсившаго мудрости за великую жертву, нѣмецкія племена ясно выразили стремленіе впередъ по пути умственнаго развитія.

Должно замѣтить, что Мимиръ былъ въ числѣ заложниковъ, отданныхъ Асами Ванамъ во время заключенія мира. Ваны за мудрость и хитрость убили Мимира. Но онъ умеръ не весь. Осталась его вѣщая голова, которая изрекала мудрые совѣты и предсказанія даже самому Одну.

Вѣщая голова Мимира есть первообразъ тѣхъ чудовищныхъ, великанскихъ головъ, которыя, по русскимъ сказкамъ, лежатъ на полѣ битвы, покрытомъ костью, и говорятъ человѣческимъ голосомъ подвѣхавшему случайно богатырю. Подъ головою обыкновенно лежитъ богатырскій мечъ, побѣждающій всякаго врага, мечъ кладенецъ.

Мимиръ учитъ Одну духовнымъ рунамъ, то есть, вѣщимъ, мудрымъ совѣтамъ и изреченіямъ. Эти руны Мимира касаются всей природы, всѣхъ явленій ея и предметовъ, и звѣрей, и птицъ, и произведеній человѣческаго искусства. Мимиръ такимъ образомъ вводитъ Одну въ уразумѣніе сокровенныхъ тайнъ природы, и даетъ этому божеству, какъ нравственныя, такъ и физическія средства господствовать надъ нею во всемъ безконечномъ разнообразіи отдѣльныхъ твореній.

Послѣ того, какъ все было сотворено, надобно было всему дать смыслъ, опредѣливъ каждую вещь въ отдѣльности руною, то есть, мыслию и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣщимъ словомъ. Такимъ образомъ, преданіе о Мимирѣ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ космогоническою системою сѣвернаго эпоса. Какъ воплощенная мудрость—подобно Квасиру—онъ долженъ былъ лишиться жизни, или, по крайней мѣрѣ, цѣльнаго, нераздѣльнаго существованія, и какъ поэтическую кровь мудраго Квасира выпилъ Одинъ, такъ и Мимиръ своими вѣщими, духовными рунами, долженъ былъ, такъ сказать, войти въ самое существо Одна.

Третій источникъ историческаго Древа менѣе замѣчателенъ. Онъ идетъ въ подземныя жилища Ада.

Хотя Норны ежедневно освѣжаютъ вѣтви Иггдразля очистительною водою своего источника, но подъ другимъ источникомъ лежитъ злой, великій змій и подгрызаетъ корень этого дерева,

то есть, между жизнью и смертью постоянно совершаются судьбы человечества. И по ветвямъ Древа судьбы бѣгаютъ четыре оленя, подкусывая на нихъ свѣжія почки, какъ бы въ знакъ того, что и свѣжая юность подчинена тому же роковому закону. Наверху въ ветвяхъ сидитъ орелъ, многое знающій, и между орломъ и змѣемъ, находящимся внизу, бѣгаетъ бѣлка. Между бровями орла сидитъ коршунъ. На вершинѣ дерева пасется мифическая коза*). Изъ ея вымени ежедневно столько выходитъ молока, сколько бываетъ достаточно для питья храбрымъ героямъ, которыхъ—по убіеніи ихъ на полѣ битвы—беретъ къ себѣ Одинъ въ Вальгалду. Съ листьевъ этого всемірнаго Древа каплетъ сладкая, медвяная роса, которою питаются пчелы.

Какъ бы ни были объяснены всѣ эти любопытныя подробности—всѣ онѣ вмѣстѣ согласуются съ главною идеею мифа:—изобразить жизнь человечества въ ея развитіи, подъ вліяніемъ благопріятныхъ и зловредныхъ обстоятельствъ, надъ которыми господствуетъ время рано или поздно все разрушающее.

Образъ этого Древа судьбы человеческой, подтачиваемаго Днемъ и Ночью въ образѣ бѣлой и черной мыши—черезъ письменные уже источники—до позднѣйшаго времени пользовался популярностью между русскими грамотными людьми.

Сѣверный Иггдразиль оставилъ по себѣ явственныя слѣды не только въ двухъ еляхъ съ источникомъ, въ которомъ Марко Кралевичъ узналъ свою судьбу, но и особенно въ юго-западномъ русскомъ космогоническомъ преданіи о двухъ дубахъ, существовавшихъ будто бы до сотворенія всего міра.

„Когда-то было, съ початку свѣта—такъ поется въ одной южно-русской пѣснѣ—не было тогда ни неба, ни земли, а было только синѣ море, а середь моря два дубочка. Сѣли—упали два голубчика на два дубочка, и начали они раду радити (то есть, совѣтоваться): какъ намъ свѣтъ основать? Спустимся мы на дно моря: вынесемъ мы дробнаго песку, дробнаго песочку—синяго камушка. Дробный песочекъ посѣемъ мы, синій камушекъ подунемъ мы. Изъ дробнаго песку—чорная земляца, студена водица—зеленая

*) Аудумбла.

травушка: изъ синяго камушка — синее небо, свѣтлое солнышко, ясенъ мѣсяцъ и всѣ звѣздочки *)!«

За первобытнымъ созданиемъ міра и людей, сѣверный эпосъ, вѣрный историческому развитію, предлагаетъ превосходный эпизодъ о происхожденіи состояній или классовъ народныхъ.

Этотъ эпизодъ между пѣснями Древней Эдды извѣстенъ подъ именемъ пѣсни о Ригѣ (Rígsmal).

Стражъ зыбучаго поприща, или радуги, Геймдаль, иначе называется Ригомъ (Rígr). Вся пѣсня о Ригѣ содержитъ въ себѣ странствованіе этого божества по разнымъ мѣстамъ, гдѣ встрѣчаетъ онъ семьи, отъ которыхъ произошли рабы, свободные, благородные воины и наконецъ властители и князья. Этимъ устройствомъ народныхъ классовъ какъ бы заключается космогоническое ученіе Эдды о происхожденіи всего важнаго и существеннаго въ мірѣ.

Однажды—такъ передаетъ эта пѣсня—шоль по зеленымъ дорогамъ могущественный, благородный, многовѣдущій Ась, быстрый Ригъ. На дорогѣ попался ему домъ съ отворенными настежь дверями. Онъ вошоль въ домъ. Тамъ сидѣли у огня двое старыхъ людей въ рубищѣ, мужъ и жена, по имени Прадѣдъ и Прабабка (Aí и Edda). Старики угостили Рига ужиномъ, предложивъ ему чорстваго хлѣба и теленка. Тутъ пробылъ онъ три дня. У стариковъ родился сынъ, которому дали они имя Рабъ (Thraell), потому что кожа его была черна. Началь онъ подростать, и на рукахъ его показалась косматая шерсть. Суставы его были угловаты, пальцы жирны и толсты, лице нечистое, все истрескалось, самъ сутулый. Скоро привыкъ онъ къ труду—лыки вязать, домой таскать хворостъ. Такая же грубая и безобразная съ сплюснутымъ носомъ и загорѣлыми руками была у него и жена, по имени Рабыня (Thyr). Много родилось отъ нихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ. Отъ нихъ произошоль родъ рабовъ. (Итакъ, вотъ поколѣніе грубое, жители лѣсовъ, не знающіе благотворнаго земледѣлія).

А Ригъ все шоль дальше прямою дорогой. Подошоль къ дому: двери отворены только на половину. Вошоль внутрь. Тамъ сидѣли мужъ съ женою. Оба были заняты работою. Мужъ строгасть навой

*) Костомаровъ. Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи. 1843 г., стр. 66—67.

на кросна. Лобъ его былъ чистъ, одежда складна. На полу стоялъ сундукъ. Подлѣ сидѣла жена и пряла ленъ, выводя тонкія нити. На головѣ у ней былъ волосникъ, на шеѣ монисто, станъ прикрытъ платкомъ, на плечахъ вшиты тесемки. Это были Дѣдъ и Бабка (Afî и Amna) въ собственномъ домѣ. И у нихъ Ригъ прогостилъ тоже три дня. У Дѣда и Бабки родился сынъ, по имени Свободный (Karî). Былъ румянъ и свѣжъ, съ блестящими глазами. Сталъ онъ подростать и мужать. И укрощалъ онъ быковъ, сдѣлалъ соху, строилъ дома и житницы, собралъ телѣгу и сталъ обрабатывать поля. Тогда стала ходить по двору увѣшенная ключами, въ теплой шубѣ, невѣста Карла. Её звали Сноха (Snôg—Schnur); сиживала она подъ липою. Она народила дѣтей и, любуясь ими, воспитывала ихъ. Отъ нихъ произошелъ родъ земледѣльцевъ.

Между тѣмъ Ригъ идетъ далѣе по прямой дорогѣ: потому что не могло же человѣчество остановиться на ограниченномъ довольствѣ осѣдлага пахаря. Подходить онъ къ палатамъ съ прекрасными воротами. Входить внутрь. Тамъ сидѣли мужъ и жена; ихъ звали Отецъ и Мать (Fadîg и Mòdîg). Хозяинъ сучилъ тетиву, сгибалъ лукъ, прилаживалъ стрѣлы; а жена охорашивалась и занималась нарядами. Была она пышно одѣта и прекрасна лицомъ. Ригъ сѣлъ между ними на скамейкѣ. Хозяйка накрыла столъ браною скатертью, принесла пшеничнаго хлѣба. Постановила на столъ на серебряныхъ блюдахъ дичь и другія сладкія яства, а также вино въ дорогихъ кубкахъ. И ѣли они, и пили, и веселились до вечера. И у нихъ Ригъ пробылъ три дня. У нихъ родился сынъ, по имени Благородный (Jarî), съ румянными щечками и съ глазками—по выраженію пѣсни—быстрыми какъ змѣя. И выросалъ онъ въ палатахъ своего отца. Натягивалъ лукъ, прилаживалъ стрѣлы, металъ копьѣ, ѣздилъ верхомъ на борзомъ конѣ, охотился съ собаками и переплывалъ черезъ заливъ.

Сознаніе воинской силы и предпримчиваго духа явственно въ образѣ этого юнаго представителя новаго поколѣнія воинственныхъ нѣмецкихъ племенъ, которыя поклонялись божеству войны и предпримчивыхъ подвиговъ. Но сказаннаго было недовольно для полной характеристики храбраго Ярля. Духъ воинственный и предпримчивый, по смыслу нѣмецкаго эпоса, даетъ только средства къ высшему умственному развитію. Ярль долженъ быть посвященъ въ заветныя

тайны мудрой старины: онъ долженъ образовать свой умъ знаніемъ руны, этой сокровищницы народныхъ вѣрованій и преданій. И вотъ еще разъ является Ригъ въ благородныхъ палатахъ и поучаетъ Яря въ рунахъ,—соотвѣтственно тому, какъ самъ Одинъ, воинственный представитель Асовъ, заимствуется мудростію у Мимира. Въѣтъ съ тѣмъ Ригъ даетъ благородному сыну наставленія о правахъ и обязанностяхъ, первыя юридическія понятія о собственности и наслѣдствѣ.

И летитъ юный герой черезъ влажныя горы по темнымъ степямъ—продолжаетъ наша пѣсня—потрясаетъ копьемъ, прищипываетъ копя и обнажаетъ саблю. Начинается бой. Луга обгаются кровью. Врагъ пать—земля завоевана.

(Итакъ, вотъ та новая почва, на которой могущественнымъ средневѣковымъ племенамъ предоставлено было установить новыя права и обязанности: завоеванье—вотъ предназначенье Яря, благороднаго сына, какъ праотца благороднаго поколѣнья, которое поклонялось воинственному (Одипу).

Теперь сидитъ онъ—продолжаетъ пѣсня—и властвуетъ въ восемнадцати палатахъ. Онъ дѣлитъ имѣнія, одаряя вѣхъ драгоценностями и борзыми копями, и раздаетъ гривны, разрубая ихъ пополамъ.

Поѣхали благородные витязи и сосватали своему властителю прекрасную дѣвицу, по имени Эрну (ern — свѣжій, дѣятельный, важный). И женился на ней Ярь, и стали они поживать въ весельи и радости, утѣшаясь подъ старость своими дѣтьми.

Дѣти Яря и Эрны были воинственны, въ своего отца. Но особенное вниманіе обращаетъ пѣсня на младшаго сына, по имени Князя или Короля (Konг—Konungг, Kuningс=князь).

Молодой Князь—говоритъ пѣсня—зпаль руны, руны времени, руны будущаго, и научилъ онъ людей разнымъ воинскимъ хитростямъ. Онъ понималъ языкъ птицъ, умѣлъ укрощать огонь и море, исцѣлять педуги. Къ тому же онъ имѣлъ силу восьми человекъ. Въ рунахъ онъ спорилъ съ самимъ Ригомъ, и во всякой хитрости одержалъ надъ нимъ побѣду. Тогда дано было ему самому имя Ригъ—знающій руны.

ЛЕКЦІЯ 9-я.

Читана 21-го января 1860 года.

Въ эпическихъ разсказахъ о божествахъ народъ возводитъ до идеальнаго представленія свое собственное бытіе, всю свою нравственную и умственную жизнь, развивавшуюся подъ различными историческими и мѣстными вліяніями. Чѣмъ болѣе жилъ народъ историческою жизнію и чѣмъ яснѣе сознавалъ онъ свое историческое назначеніе, тѣмъ полнѣе и опредѣленнѣе воссоздавалъ въ своемъ эпосѣ идеальные характеры божествъ, которыя были не что иное, какъ поэтическіе представители его собственной жизни.

Такими то идеалами, въ образѣ которыхъ воссоздана была духовная жизнь нѣмецкихъ племенъ, являются по преимуществу Торъ и Одинъ.

Хотя Торъ (Thótt, сокращено изъ Thonar) называется сыномъ Одина, но поклоненіе ему и поэтическіе о немъ мифы предшествовали въ исторіи нѣмецкаго быта господству Одина, представителя гражданственности и воинскихъ подвиговъ.

Было время, когда сознаніе о высокой важности возникшаго земледѣлія и въ связи съ нимъ осѣдлости вызвало въ европейскихъ народахъ цѣлый рядъ мифологическихъ и поэтическихъ сказаній. Къ этому-то періоду относится божество быта земледѣльческаго и осѣдлаго. Нѣмецкія племена называли это божество Торомъ, славянскія—Перуномъ, литовскія—Перкуномъ.

Торъ рождается отъ Одина и Матери Земли (Jord). А извѣстно, что поклоненіе землѣ и водѣ было особенно господствующимъ въ племени Вановъ. Ванъ Нёрдъ (Niórd) былъ отецъ Фрея и Фрей—все они были представителями божественнаго племени Вановъ. Извѣстно также, что божество, которому въ глубокой древности поклонялись германцы, звалось Нерта—божество земли и плодородія. Такимъ образомъ, въ мифологическомъ эпосѣ нѣмецкомъ земледѣліе состоитъ въ связи съ Ванами. Вѣроятно, Ваны были представителями новой ступени въ развитіи народнаго быта, ступени, опредѣляемой успѣхами земледѣлія.

Супруга Тора звалась Зифа (древне-нѣм. Sipra—миръ, родство). Золотые волосы Зифы—золотистые колосья нивы. Такъ произошли эти золотыя косы. Извѣстный злодѣй Локи однажды коварнымъ

обманомъ обрѣзаль косы Зифы. Торъ грозилъ ему за то разможить всѣ его кости. Тогда Локи добылъ отъ чернаго, подземнаго эльфа выкованный имъ золотой волосъ, который однако могъ выростать, какъ обыкновенный. Изъ этого волоса сдѣлана была коса Зифы.

Уже самыми обычаями своими Торъ отличается отъ воинственныхъ привычекъ прочихъ божествъ; всѣ они обыкновенно ѣздятъ верхомъ на коняхъ: только одинъ Торъ, какъ земледѣлецъ, или идетъ пѣшкомъ, или ѣдетъ въ телѣгѣ, запряженной двумя козлами. Даже въ служеніи у него были два лица изъ земледѣльцевъ, нѣкто братъ съ сестрою (Тіальфи и Рёсква).

Торъ—богъ грома, существо страшное только для злаго потомства Имирова.

Только въ борьбѣ съ великанами, съ этимъ олицетвореніемъ дикихъ силъ природы, является онъ во всемъ молніеносномъ своемъ величіи: тогда трясется земля и рушатся скалы. Для людей же онъ благодѣтель. Ему родственно все мирное и согласное въ жизни человѣка; потому и жена его называется Миромъ, согласіемъ, то есть, осѣдлымъ, семейнымъ бытомъ.

Оружіе, которымъ Торъ поражаетъ враговъ семейнаго и общественнаго порядка, есть Молотъ—Мельниръ (Mjǫlnir). Мельниръ крылатый. Поразивъ кого-нибудь, онъ самъ возвращается въ руки Тора.

Это оружіе, страшное для дикихъ великановъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ символъ семейнаго и общественнаго устройства. Молотомъ Тора освящались главнѣйшія семейныя и общественныя права и обязанности, а также и всѣ важныя событія въ жизни человѣка, каковы: свадьба, похороны; имъ же освящалось и жертвоприношеніе. Онъ былъ символомъ суда. До позднѣйшихъ временъ, по нѣмецкимъ юридическимъ обычаямъ, судьи, созывая общину на судъ, возвѣщали о томъ посредствомъ молота, который онъ приказывалъ обнести по селенію. Бросаніемъ молота, а потомъ и другаго оружія (потому что молотъ есть древнѣйшій видъ оружія) опредѣлялось завладѣніе землею и водою. Слѣды символическаго значенія молота въ продажѣ и покупкѣ, можетъ быть, доселѣ удержались на аукціонахъ.

Изъ множества сказаній Древней и Новой Эдды о похожденияхъ Тора, остановимся, для образца, на пѣснѣ Древней Эдды о возвращеніи Молота.

Однажды, проснувшись по утру, Торъ не находитъ своего молота, напрасно его ищетъ, и приходитъ въ неописанную ярость. Потомъ сообщаетъ о своей пропажѣ коварному Локи, безъ котораго, какъ мы уже знаемъ, не обходится дѣло ни въ какомъ случаѣ, гдѣ являются обманъ и хитрость. Только хитрому Локи удается узнать, куда дѣвался молотъ. Торъ и Локи идутъ въ палаты прекрасной Фрей и просятъ у ней ся одѣянья изъ перьевъ (слѣдовательно, Фрея такъ же, какъ и ея прислѣшницы Валькириіи, одѣвалась въ лебединую сорочку, то есть, подобно нашей Авдотѣ Лиховидьевнѣ, оборачивалась бѣлою лебедью). Фрея съ удовольствіемъ даетъ свое одѣяніе. Локи надѣваетъ на себя перья Фрей и летитъ изъ жилища Асовъ въ Ютунгеймъ, къ Ютамъ, или великанамъ. И видитъ: на холмѣ сидитъ Тримъ, господинъ великановъ, вьетъ золотыя привязи своимъ собакамъ, чиститъ и гладитъ гривы своимъ конямъ. Онъ спрашиваетъ у Локи, что новаго у Асовъ и Альфовъ, и зачѣмъ Локи одинъ прибылъ въ Ютунгеймъ?— „Бѣда случилась у Асовъ и Альфовъ“—говоритъ Локи:—„не ты ли спряталъ молотъ Тора?“

„И спряталъ молотъ Тора—говоритъ Ютунъ—на восемь поприщъ подъ землею; никто его оттуда не добудетъ, развѣ только дадутъ мнѣ въ жены Фрею“.

Съ условіемъ великана Локи возвращается къ Тору, и оба они идутъ къ Фреѣ: она должна надѣть покрывало невѣсты и отправиться въ Ютунгеймъ. Отъ такого предложенія Фрея приходитъ въ страшный гнѣвъ, такъ что самые чертоги Асовъ восколебались. Она рѣшительно отказывается отъ постыднаго для нея условія. Тогда собрались всѣ Асы, боги и богини, и стали разсуждать, какъ бы воротить молотъ. Геймдалъ, небесный привратникъ и свѣтлѣйшій изъ Асовъ, даетъ совѣтъ, чтобъ самъ Торъ одѣлся невѣстою и отправился въ Ютунгеймъ. „Но вѣдь тогда Асы будутъ называть меня бабою—возражаетъ Торъ—если я надѣну покрывало невѣсты!“ Но Локи уговорилъ его тѣмъ, что безъ его молота Юты скоро могутъ завладѣть всѣмъ Асгардомъ.

Тогда надѣваютъ на Тора украшения и одежду Фрей, а также и драгоценное ея ожерелье (Bresinga mene), которое сковали ей четверо искусныхъ карликовъ.

Переодѣлся Торъ, переодѣлся и Локи прислужницею и спут-

лицю невѣсты. Оба сѣли въ повозку, запряженную парой козловъ. Горы трещать, земля пылаетъ: сынъ Одиновъ ѣдетъ въ Иотунгеймъ. Тримъ въ ожиданіи невѣсты велитъ убрать свое жилище. Все у него есть, и драгоценности всякія, дорогой кузнечной работы; коровы съ золотыми рогами и черные быки пасутся на его дворѣ—ему на потѣху (какъ у Циклопа въ Одиссеѣ): только не достаетъ для его счастья одной Фрей.

Къ вечеру приѣзжаютъ желанные гости. Начинается угощеніе. Невѣста (вѣдь это самъ Торъ)—невѣста одна съѣдаетъ цѣлаго быка, восемь огромныхъ рыбъ и всѣ сласти, какими лакомятся женщины; потомъ выпиваетъ три бочки меду. Никогда не видывалъ Тримъ такого аппетита ни у одной невѣсты въ мірѣ. Хитрая прислужница (то есть, самъ Локи) спѣшитъ замѣтить: „Фрея ничего не ѣла ровно восемь дней: такъ хотѣлось ей поскорѣе сюда въ Иотунгеймъ“. Желалъ поцѣловать невѣсту, Тримъ заглянулъ ей въ лицо подъ покрывало—и такъ испугался блестящихъ, огненныхъ ея взоровъ, что отпрыгнулъ на другой конецъ палаты. Хитрая прислужница спѣшитъ замѣтить: „Не спала Фрея ровно восемь ночей: такъ ей хотѣлось поскорѣе сюда въ Иотунгеймъ“.

Наконецъ наступаетъ время совершить бракосочетаніе. Оно, по древнему обычаю, должно быть освящено молотомъ Тора. Тримъ велитъ его принести и положить на колѣни невѣсты, по заведенному обряду. Засмѣялось въ груди сердце Тора, когда онъ узналъ свой молотъ. Тотчасъ же схватилъ его, сначала размозжилъ самого Трима, потомъ перебилъ и остальныхъ Иотовъ. Такимъ-то образомъ сынъ Одиновъ воротилъ свой молотъ.

Сравнительно съ Одиномъ, характеръ Тора представляетъ большую опредѣленность и цѣльность, вѣроятно, потому, что это божество, созданное въ извѣстную эпоху учрежденія быта земледѣльческаго и осѣдлаго, выражало только одну извѣстную ступень въ развитіи нѣмецкихъ племенъ, сообща съ племенами славянскими, и литовскими, поклонявшимися Перуну или Перкуну. Напротивъ того, характеръ Одина осложнялся и развивался въ связи съ развитіемъ воинственной жизни и гражданскихъ успѣховъ нѣмецкихъ племенъ. Геймдалъ или Ринъ, учредитель народныхъ классовъ и какъ бы создатель благороднаго сословія и князей на землѣ, былъ не кто другой, какъ сынъ Одина.

Вмѣстѣ съ развитіемъ жизни, вступаетъ на свѣтъ и зло. Оно пустило глубокіе корни въ трагической судьбѣ свѣтлыхъ Асовъ и прекрасныхъ Вановъ. Постоянный ихъ сотоварищъ и совѣтникъ—Локи есть олицетвореніе этого темнаго начала. Самъ Одинъ при всѣхъ своихъ достоинствахъ отличается неразумною стремительностію, иногда даже коварствомъ. Самъ Локи не могъ бы быть орудіемъ зла и бѣдствія, еслибы въ этомъ нечистомъ орудіи не нуждались свѣтлые и прекрасные боги. Слѣдовательно, уже въ нихъ самихъ были задатки того зла, которое они должны были искупить только своею гибелью. Это есть глубочайшая идея сѣвернаго мифологическаго эпоса.

Сѣверный Олимпъ долженъ былъ лишиться высокой своей чистоты и непорочности съ смертію Бальдура, сына Одина и Фрей—существа самаго свѣтлаго и невиннаго, какое только могла создать языческая фантазія германца.

Бальдуръ прекрасенъ, какъ его мать изъ породы Вановъ, онъ даже самый прекрасный изъ всѣхъ боговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый мудрый. Онъ беретъ преимущество передъ своимъ отцомъ, Одиномъ, не только умомъ, но и чистотою нрава. Даже въ самомъ жилищѣ его никогда не было ничего нечистаго. Это былъ высочайшій идеалъ честности, правоты, благородства и душевной чистоты, по увѣренію сѣверныхъ сказаній. Потому былъ всѣми любимъ.

Вотъ какъ разсказывается въ Новой Эддѣ о смерти Бальдура.

Однажды это свѣтлое божество было омрачено тяжкимъ предчувствіемъ. Бальдуръ видѣлъ зловѣщій сонъ, будто угрожаетъ ему смерть. Это встревожило Асовъ. Всѣ они собрались и думали, какъ бы предовратить грозящее имъ бѣдствіе. Фрей взяла клятву со всѣхъ элементовъ природы, отъ камней, растеній, животныхъ, даже отъ болѣзней, что они не будутъ причинять Бальдуру никакого вреда. Только забыла она одно растеніе, именно омелу (*mistel, viscum*), растеніе, покрытое зеленью и зимою. Итакъ, вся природа, какъ бы чувствуя великое значеніе Бальдура, благоговѣя передъ его красотою и незлобіемъ, была готова охранять жизнь этого существа.

Такъ какъ Бальдуръ былъ заговоренъ отъ всякаго вреда, то боги въ шутку начали на него нападать, желая нанести ему вредъ и какъ бы испытывая тѣмъ силу клятвы, которою обезпечивалась жизнь Бальдура. Это показалось досадно вредоносному Локи. Узнавъ,

что съ одной только омелы не была взята клятва, онъ далъ, это растеніе слѣпому брату Бальдура, по имени Гѣдуру. Гѣдуръ бросилъ омолою въ Бальдура и тотчасъ же убилъ его.

И горько плакали о погибшемъ всѣ Асы, предчувствуя, какая бѣда грозитъ имъ всѣмъ по смерти Бальдура.

Тѣло убитаго перенесли они на морской берегъ и положили на самомъ огромномъ кораблѣ. Потомъ на кораблѣ былъ разожженъ костеръ. Торъ своимъ молотомъ освятилъ костеръ, въ который затѣмъ брошенъ былъ трупъ Бальдура. Тутъ же сожжена была и неутѣшная супруга Бальдура Нанна.

Паденіе свѣтлыхъ Асовъ очевидно. Они лишаются нравственной чистоты, которую хоронятъ вмѣстѣ съ сожженіемъ Бальдурова трупа. Зло торжествуетъ и получаетъ себѣ оправданіе, какъ казнь за содѣянное преступленіе.

Боги лишились Бальдура—потеря великая, но по ихъ собственной винѣ: это было правосудное воздаяніе за древнее преступленіе, за убійство Имира.

Страданіе и гибель боговъ могутъ возбудить сочувствіе; зло, въ его представителѣ Локи, естественно возбуждаетъ въ насъ отвращеніе; но страданіе боговъ—заслуженное, но преслѣдующее ихъ зло есть правосудная казнь, которой исполнителемъ, палачомъ является Локи.

Таковъ трагическій характеръ мифологическаго эпоса отдаленныхъ среднихъ временъ.

Нравственное паденіе боговъ и торжество Локи яркими чертами изображены въ пѣснѣ Древней Эдды о томъ, какъ Локи посрамляетъ боговъ (Locasenna).

Это было на пиру у нѣкотораго морскаго великана (подъ именемъ Егира). Туда собрались всѣ боги; не доставало одного только Тора.

Приходитъ Локи къ палатамъ и спрашиваетъ у привратника: „скажи мнѣ, о чемъ говорятъ на пиру въ бесѣдѣ сыны воителей боговъ?“ Привратникъ отвѣчаетъ: „говорятъ объ оружіи и воинской доблести сыны воителей боговъ. Изъ всѣхъ Асовъ и Альфовъ никто не скажетъ о тебѣ ласковаго слова“. — „Надо войти въ палаты Егира“ — говоритъ Локи — „посмотрѣть пиршество. Несу я довольно посрамлены и досады сынамъ Асовъ, растворю имъ медвяное питье желчью“ — и затѣмъ дерзко вступаетъ онъ въ пиршественный чертогъ. Видя его,

Асы прекращаютъ бесѣду. Локи прерываетъ молчаніе: „Утомленный жаждою, являюсь въ эти палаты съ дальняго пути“.—Воздушный Локи (такъ онъ себя называетъ) проситъ Асовъ, чтобъ поднесли ему кубокъ чистаго меду. „Но что же вы молчите—чванитесь—и не скажите мнѣ ни слова? Дайте же мнѣ мѣсто на пиру, или гоните вонъ!“—„Никогда не будетъ тебѣ мѣста на пиру Асовъ“—говоритъ одинъ изъ боговъ: „Асы знаютъ съ вѣмъ имъ дѣлать бесѣду“.—Обращаясь къ Одину, Локи говоритъ: „Припомни, Одинъ, какъ мы нѣкогда смѣшали съ тобою нашу кровь! Говорилъ ты въ то время, что никогда и глотка не выпьешь, не раздѣливши со мною!“ Одинъ велитъ дать ему мѣсто. Локи наливаетъ себѣ кубокъ, и передъ тѣмъ, какъ пить, привѣтствуетъ Асовъ слѣдующими словами: „Ваше здоровье, Асы, боги и богини! Ваше здоровье, вы всѣ, пресвѣтлые боги! выключая только вонъ того, что сидитъ на скамьѣ“—и это было придиркою начать съ кого нибудь свои поруганія, для которыхъ Локи явился между богами. И горькія истины, и клевету дерзко высказываетъ онъ каждому—будто какое угрызеніе совѣсти. Не спускаетъ и самому Одину, укоряя его въ неправосудіи, опрометчивости и пристрастіи. „Молчи ужъ ты, Одинъ!“—говоритъ онъ—„никогда не умѣлъ ты правильно раздѣлить судьбу битвы между смертными: часто давалъ ты побѣду тому, кому бы никогда не должно давать!—ты давалъ побѣду менѣе храбрымъ!“—Послѣ того Локи сталъ изрекать самыя дерзкія клеветы свѣтлымъ богинямъ, оскорбилъ и самое супругу Одина. Эта послѣдняя, съ чувствомъ негодованія, восклицаетъ: „Если бы здѣсь, въ палатахъ Егира, былъ у меня такой сынъ, какъ быстрый Бальдуръ,—ты бы безнаказанно не вышелъ отсюда отъ сыновъ Асовъ“.—„Не хочешь ли“—безстыдно возразилъ на это преступный Локи:—„не хочешь ли, и признаюсь тебѣ и въ другихъ, моихъ грѣхахъ? Вѣдь по моей же винѣ ты уже больше никогда не увидишь Бальдура на конѣ, какъ прежде пріѣзжалъ онъ на совѣтъ боговъ!“—„Безумствуешь ты, Локи“—говорила ему въ отвѣтъ на то одна изъ богинь:—„безумствуешь ты, признаваясь передъ всѣми въ своихъ постыдныхъ дѣлахъ!“—„Вѣдь ты пьянъ, Локи!“—говорилъ ему Геймдаль, стражъ зыбучаго моста,—„ты напился до того, что потерялъ рассудокъ. Зачѣмъ ты не перестаешь пить? Во хмѣлю люди говорятъ многое, чего и сами не знаютъ!“—„Молчи, Геймдаль!“—

отвѣчалъ ему Локи:— „въ началѣ вѣковъ выпала на твою долю скверная участь—принимать на влажную спину холодную росу и быть сторожемъ у боговъ!“

Наконецъ Локи сталъ было уже говорить дерзкія рѣчи Зифѣ, супругѣ Тора, и только что назвалъ по имени это страшное божество, какъ потряслись основанія горъ, и является и самъ Торъ, угрожая Локи своимъ Мельниромъ.— „Вотъ! только что ты явился сынъ земли“,—насмѣшливо говоритъ злодѣй— „и тотчасъ пошли грубости и жестокости!“—Затѣмъ, нанеши нѣсколько оскорбленій богу грома, Локи оканчиваетъ свои насмѣшки и хулы слѣдующими словами: „Асамъ я высказалъ все, что было у меня на душѣ; только передъ тобою, Торъ, я уклоняюсь, потому что знаю, какъ больно ты дерешься!—Изготовилъ ты, Егиръ, пиршество“,—заключаетъ Локи, обращаясь къ хозяину:— „но впредь ужъ не будешь угощать боговъ: потому что все твое добро въ этихъ палатахъ пожретъ пламя“.

Проклятіе, бѣдствія и конечную гибель изрекаетъ злобный Локи свѣтлымъ богамъ.—Таково главное содержаніе этой пѣсни. Всѣ они виновны, и должны погибнуть.

Надобно было привести въ ясность судъ надъ богами, прежде чѣмъ они погибнуть. Надобно было отказаться отъ старыхъ, языческихъ боговъ съ полнымъ сознаніемъ, и это-то сознаніе, это сомнѣніе въ вѣрованія языческихъ предковъ было выражено цѣлымъ рядомъ беспощадныхъ сарказмовъ Локи. Но это сомнѣніе выражается устами самаго злаго и гадкаго изъ мифическихъ существъ, какъ бы въ знакъ того, что сомнѣніе содержитъ въ себѣ нѣчто зловредное, разрушительное, бѣдственное, хотя и ведетъ человѣка впередъ на пути умственнаго развитія.

Въ этой пѣснѣ языческая фантазія какъ бы приноситъ сама себя въ очистительную жертву, для того чтобы, очистившись христіанствомъ, возродиться къ новой жизни.

ЛЕКЦІЯ 10-я.

Читана 26-го января 1860 года.

Сказавши послѣднія слова, Локи принялъ видъ рыбы семги и прыгнулъ въ водопадъ. Тамъ изловили его Асы и связали внутренностями его собственнаго сына. На лицо Локи была повѣшена ядо-

виталя змѣя. Она испускала ядъ. Жена Локи сѣла возлѣ него, подставивъ чашу подъ капающую ядъ змѣи. Когда наполнялась чаша, жена уносила ядъ. Между тѣмъ ядъ капалъ на лицо Локи: оттого онъ такъ сильно корчился, что трепетала сама земля: „это называютъ землетрясеніемъ“—наивно замѣчаетъ Семундъ, въ своемъ прозаическомъ приложеніи къ пѣснѣ о томъ, какъ Локи посрамлялъ боговъ.

Изъ дѣтей Локи особенно замѣчательны: Волкъ Фенриръ, Всемірный Змій, или Змій Мидгарда, и Гель (богиня ада и смерти). Матерью ихъ была женщина изъ породы великановъ. Воспитались они и возросли въ Йотунгеймѣ.

Чтобы избавиться отъ этого злаго отродья Локи, которое угрожало богамъ гибелью, Одинъ послалъ за ними Асовъ. Когда Асы воротились съ отродьемъ Локи, Одинъ бросилъ Змія въ море, гдѣ онъ такъ выросъ, что обружилъ всю землю, доставши пастью свой хвостъ и его кусая. Гель бросилъ онъ въ Нифльгеймъ и далъ ей власть надъ всѣми, кто умираетъ отъ старости и болѣзни.

Волка Фенрира боги оставили при себѣ и его кормили. Но чтобъ онъ не могъ вредить имъ, они положили на него чародѣйскія узы (или, какъ у насъ говорится, наузы). Эти наузы сдѣланы были хитрыми ковачами—карликами изъ шести составныхъ частей: изъ шороха кошачьей лапы, изъ бабьей бороды, изъ корней горы, изъ медвѣжьихъ жилъ, изъ рыбаго голоса и изъ птичьей слюны. Это не что иное, какъ тѣ необычныя снадобья, въ родѣ которыхъ средневѣковыя колдуны готовили свои чудодѣйственные припасы.

Новая Эдда, повѣствуя объ этомъ мастерствѣ карликовъ, наивно присовокупляетъ слѣдующую ироническую выходку, отзывающуюся уже позднѣйшею эпохою: „если ты никогда не слышалъ этой исторіи, то можешь удостовѣриться, что она истинная, и что мы не лжемъ; а если навѣрно знаешь, что у бабъ не бываетъ бороды, а у горы—корней, и что кошка ступаетъ безъ всякаго шума, то можешь ты мнѣ вполне повѣрить, что и все прочее въ моемъ разсказѣ справедливо въ такой же мѣрѣ“.

Итакъ, боги себя по возможности обезопасили. Посмотримъ, помогло ли имъ это.

Высокими поэтическими чертами описывается гибель, или помраченіе свѣтлыхъ боговъ, въ пѣснѣ Древней Эдды, подъ назва-

ніемъ Видѣніе вѣщей дѣвы Вала. Вся пѣсня есть не что иное, какъ видѣніе или предсказаніе о судьбѣ боговъ, которое торжественно излагаетъ сама Вала, проникнутая вѣщимъ, сверхъестественнымъ предвѣдѣніемъ.

„Призываю васъ къ благоговѣйному вниманію—такъ начинается вѣщая дѣва:—призываю васъ, благородные поколѣніе Геймдала, призываю васъ, и великихъ и малыхъ: я буду вѣщать о дѣлахъ Отца избранныхъ (то есть, Одина) и о старинѣ, все, что припомню“. И затѣмъ начинается рассказывать объ Имирѣ, о сотвореніи міра, о происхожденіи боговъ и судьбѣ ихъ, и наконецъ приступаетъ къ предсказаніямъ о ихъ гибели, или помраченіи, и о томъ лучшемъ, совершеннѣйшемъ времени, которое наступитъ, когда погибнуть Асы.

Итакъ, погибель боговъ представляется не въ прошедшемъ, а въ будущемъ. Она только предсказывается, какъ необходимое событіе, опредѣленное самимъ рокомъ.

Боги германской старины, боги отцевъ, свѣтлые Асы и Ваны еще живутъ и дѣйствуютъ; народъ еще вѣруетъ въ нихъ; еще ничто не измѣнилось на землѣ къ лучшему; но сознаніе человѣческаго достоинства и благоговѣніе передъ чистотою и непорочною души, неоскверненной зломъ, заставляетъ поэта—очами вѣщей Вала—прозрѣть въ будущее, и сквозь пламя и дымъ послѣдняго дня помраченія боговъ—впрочемъ все еще любимыхъ боговъ—узрѣть новый, лучшій, очищенный и облагороженный міръ.

Слишкомъ глубоко вкоренилось на землѣ зло. Сами боги тому виною. Съ особеннымъ намѣреніемъ останавливается Вала на первой войнѣ, какъ на великомъ злѣ, которое родилось на свѣтъ между Асами и Ванами. вмѣстѣ съ золотомъ, водворились корысть и зависть. Расторглись на землѣ всѣ священные союзы. Убіиство, ненависть и развратъ всюду господствуютъ. Вала представляетъ въ своихъ видѣніяхъ страшныя казни, которыя въ Нифльгеймѣ приготовлены падшему во злѣ поколѣнію. Страшный змій сосетъ трупы умершихъ злодѣевъ.

Какъ наши лѣтописцы временъ междоусобныхъ почитали братолюбіе одною изъ первыхъ добродѣтелей; какъ сербскій пѣвецъ, описывалъ страшный судъ въ своихъ пѣсняхъ, высочайшимъ грѣхомъ ставить разсторженіе семейныхъ узъ любви и пріязни между

родителями и дѣтьми, между братьями, и даже между кумовьями: такъ и для Вала величайшее въ мѣрѣ зло произошло отъ братоубійства и расторженія семейныхъ узъ. „Родные братья враждуютъ другъ съ другомъ“—воскликаетъ она—„и нападаютъ другъ на друга; родные не знаютъ между собою родства. Ужасное совершается на землѣ, великія злодѣянія! Прежде чѣмъ мѣръ рухнетъ, наступитъ злой вѣкъ. вѣкъ топора, вѣкъ меча, когда будутъ гремятъ щиты,—вѣкъ бурный, волчій вѣкъ, когда никто не будетъ щадить своего друга“.

Этотъ волчій вѣкъ, вѣкъ страшной, безсолнечной зимы будетъ продолжаться три года. Затѣмъ наступятъ Сумерки или Затмѣніе, Помраченіе могущественныхъ боговъ (Ragnarök).

Въ теченіе Волчьяго вѣка на раздолѣ възростала и воспитывалась звѣриная порода Локи. Отъ Волка Фенрира въ это время родились еще два лютые звѣря, два волка. Они пожираютъ солнце и мѣсяць, и тогда звѣзды падаютъ съ небесъ *).

Когда пали съ небесъ звѣзды, земля потрясается въ своихъ основахъ, такъ что деревья вырываются съ корнемъ, горы низвергаются, и расторгаются всѣ узы и оковы. Во время всеобщаго землетрясенія освобождаются отъ своихъ оковъ Локи и Волкъ Фенриръ. Послѣдній мчится впередъ съ распростертою, зіяющею пастью, которая готова поглотить весь мѣръ.

Поднимается изъ морскихъ волнъ и великій Всемирный Змій. Море выступаетъ изъ береговъ и покрываетъ землю. Змій, изрыгая ядь, присоединяется къ Волку Фенриру.

Вотъ наконецъ является и послѣднее знаменіе, предвѣстникъ великихъ Сумерекъ—плыветъ съ востока Корабль мертвецовъ.

Примѣчаніе: Этотъ корабль называется собственно—кораблемъ изъ погтей (Naglfari), потому что онъ былъ сдѣланъ изъ погтей всѣхъ бывшихъ доголѣ мертвецовъ. Чтобъ замедлить появленіе этого страшнаго корабля, предвѣстника всемірныхъ бѣдствій, древнепѣмецкій обычай требовалъ, чтобъ всякому покойнику тщательно остри-

*) Здѣсь находимъ мы объясненіе краткимъ намекамъ нашихъ лѣтописцевъ на языческое вѣрованіе древней Руси. будто во время затмѣнія солнца пожирается или сѣдается лютымъ чудовищемъ. Несторъ говоритъ слѣдующее о знаменіяхъ, предшествовавшихъ междуособіямъ и нашествіямъ половцевъ при дѣтяхъ князя Ярослава: „Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть: егоже невѣгласи (невѣжды) глаголють снѣдаему сущю“. (Собр. Лѣтоп. I, 71).

гали ногти. Слѣдовательно этотъ корабль тогда могъ быть готовъ, когда въ слѣдствіе общаго развращенія нравовъ перестали оказывать подобающее уваженіе мертвецамъ, когда перестали остригать имъ ногти. По преданіямъ славянскимъ, напротивъ того, мертвецамъ вовсе не нужно обрѣзывать ногтей, для того чтобы имъ съ длинными ногтями удобнѣе было карабкаться въ день Суда на райскую гору. По литовскимъ обычаямъ въ пепель сожженнаго мертвеца клали съ тою-же цѣлью рысы и медвѣжьи когти. (Литовск. Хроник. ч. 3, стр. 157).

Итакъ, корабль изъ ногтей плыветъ съ востока, на немъ сидятъ великаны стужи. А съ юга плывутъ сыны Муспелля, или вѣчнаго огня, съ ними и самъ Локи,—всѣ они подъ предводительствомъ Суртура, который былъ стражемъ пламеннаго міра. Передъ Суртуромъ и за нимъ пылаетъ огонь. Вострый мечъ его блеститъ ярче солнца. Вотъ вступаютъ страшные враги на зыбучее поприще, и оно подъ тяжестью ихъ разрушается. Наконецъ всѣ эти грозныя дружины въ воинскомъ порядкѣ располагаются на широкой равнинѣ—во сто поприщъ на всѣ четыре стороны. Равнина называется Ристалищемъ битвы*).

Только что показались первыя знаменія послѣдняго дня, Геймдаль, стражъ небеснаго пути, тотчасъ затрубилъ въ свой звенящій рогъ—и звуки его раздались по всѣмъ мірамъ.

Боги почували зловѣщій сигналъ и собрались на совѣтъ при источникѣ Мимира; самъ Одинъ совѣщался съ головою Мимира. Всемирное Древо—Игдразиль—потрясается, и все приходитъ въ ужасъ, и на землѣ и на небѣ. Асы вооружаются. Вмѣстѣ съ ними спѣшатъ на мѣсто битвы и всѣ герои Вальгаллы. Впереди мчится самъ Одинъ, золотымъ шоломомъ посвѣчивая, въ прекрасныхъ латахъ, потрясая копьемъ.

Начинается страшное побоище. Одинъ бьется съ лютымъ Фенриромъ и изнемогаетъ. Кто пожираетъ волкъ, котораго потомъ убиваетъ одинъ изъ сыновей Одина.

Торъ не успѣлъ помочь Одину. Ему самому предстояла борьба на смерть съ Всемирнымъ Зміемъ Мидгарда. Однако онъ побѣдилъ это чудовище и убилъ его. Но едва на десять шаговъ отошелъ отъ него, какъ палъ мертвъ, будучи отравленъ ядомъ, который изрыгаль змій**).

*) Wigrid (wig—битва, и ridn—reiten).

***) Эта битва съ зміемъ и смерть героя отъ змѣйнаго яда—сказаніе обычное, такъ сказать, типическое. Тоже повѣствуется о многихъ герояхъ, напримѣръ о Беовульфѣ.

Фрейръ, какъ богъ солнца, бьется съ предводителемъ огненной дружины, съ самимъ Суртуромъ, и тоже изнемогаетъ и гибнетъ.

Потомъ Торъ дерется съ лютою собакою (по имени Garm или Managarm)—и оба сокрушаютъ другъ друга.

Наконецъ Локи вступаетъ въ единоборство съ Геймдалемъ, и тоже другъ друга побиваютъ.

Послѣ того Суртуръ мечетъ огонь на землю, и все предается пламени.

„Чернѣетъ солнце—такъ поетъ Вала—земля тонетъ въ волнахъ, свѣтлыя звѣзды падаютъ съ неба; клокочущее пламя обвиваетъ питателя всѣхъ,—Всемирное Древо, и касается самыхъ небесъ“.

Послѣ того наступаетъ новое время, возрожденіе боговъ и всего міра.

„И видитъ Вала, какъ вновь всплываетъ изъ подъ воды земля и покрывается зеленью. Съ суши стремятся потоки—и надъ нею парить орелъ и съ вершины скалы слѣдитъ за рыбами“.

Является новое поколѣніе боговъ. Они живутъ на полѣ Возрожденія*). Наступаетъ золотой вѣкъ¹ невинности. Всякое зло исчезаетъ: на землю возвращается самъ Бальдуръ, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе сыновья Одина, а также и сыновья Тора. Великановъ Юговъ уже болѣе нѣтъ на свѣтѣ; даже между богами исчезаетъ всякое различіе мѣстное или племенное: Асы уже не отличаются отъ Вановъ.

На мѣсто прежняго солнца, съѣденнаго волкомъ, является дочь Солнца, такая же свѣтлая, какъ и ея мать, и ходитъ по пути своей матери. Происходятъ и новые люди, вскормленные утреннею зарею. Земля, безъ трудовъ человѣка, приноситъ ему обильный плодъ. Въ заключеніе Вала прозрѣваетъ въ будущемъ безконечныя наслажденія для человѣчества.

Таково всеобъемлющее содержаніе пѣсни Древней Эдды, подъ названіемъ видѣніе Валы! (Voluspá).

Основанная на мѣстныхъ, чисто національныхъ преданіяхъ, пѣсня эта, отъ родной космогонической старины восходя все далѣе и далѣе въ будущее, все болѣе и болѣе расширяетъ тѣсныя рамы національныхъ вѣрованій, и въ послѣднихъ звукахъ своихъ, навѣян-

*) Idavöllr. Отъ id—опять.

ныхъ, можетъ быть, новыми христіанскими идеями, гармонически сливается съ благороднѣйшими чаяніями и надеждами міра христіанскаго.

Этой краткой характеристикѣ космогоническаго и оеогоническаго эпоса пѣмецкихъ племенъ почитаю достаточнымъ для убѣжденія въ той мысли, что племена эти пѣкогда были главными представителями духовнаго развитія, выразившагося въ значительной зрѣлости миѳологическихъ идей и въ замѣчательномъ изяществѣ поэтическаго представленія.

Путемъ критическихъ изслѣдованій можно было бы въ славянской поэзіи найти множество подробностей, въ которыхъ краткими намеками сохранилось отрывочно то, что въ эпосѣ пѣмецкомъ излагается въ полной системѣ: но такое изслѣдованіе составило бы слишкомъ спеціальныи отдѣлъ науки и, безъ сомнѣнія, повело бы ко многимъ предположеніямъ и догадкамъ.

Вмѣсто того предложу нѣсколько образцовъ современной славянской и литовской поэзіи, въ которыхъ отрывки изъ древнѣйшаго миѳологическаго эпоса перемежаны съ позднѣйшими представленіями и даже съ именами христіанскими.

Слѣдующая пѣсня сербская О женитьбѣ свѣтлаго мѣсяца (Вукъ Караджичъ. Пѣсни, I, № 230, стр. 155) подъ христіанскими именами предлагаетъ въ сокращеніи нѣсколько миѳовъ, присоединенныхъ къ разсказу о томъ, какъ звѣзда Денница оженила свѣтлый Мѣсяць.

Хвалилася звѣзда Денница:

„Оженю я свѣтлый Мѣсяць, испрошу мошю отъ облака, покуюсь съ богомъ единымъ, деверьями будутъ Петръ и Павелъ, стараго свата возьму Святаго Ивана, воеводу — Святаго Николу, возницу — Святаго Илію“.

Чѣмъ хвалилась звѣзда Денница, то ей Богъ и далъ: оженила свѣтлый Мѣсяць, окумила бога единого, деверьями стали Петръ и Павелъ, старымъ сватомъ Святой Ивалъ, воеводою — Святой Никола, возницею — Святой Илія. И стала молнія дары дѣлить: Богу дала небесную высоту, Святому Петру — Петровскія жары, а Ивану — ледъ и снѣгъ, а Николѣ — на водѣ свободу, а Ильѣ — молнію и стрѣлы.

Трудно представить себѣ, чтобъ такая безобразная путаница могла сложиться въ народѣ, отказавшемся отъ язычества и усвоившемъ себѣ христіанское просвѣщеніе! Кромѣ христіанскихъ именъ—все здѣсь самое темное язычество!

Пѣсня эта возникла очевидно подъ вліяніемъ поклоненія Перуну; потому что Молнія, то есть, Перунъ раздастъ во владѣніе разнымъ лицамъ всю природу. Послѣдній стихъ противорѣчитъ смыслу главнаго мѣста: сама Молнія даетъ молнію же Ильѣ; но это потому, что у сербовъ онъ называется Громовникомъ, и Перунъ смѣшивается въ языческой фантазіи съ именемъ, освященнымъ христіанскою вѣрою.

Что касается до звѣзды Денницы, то въ другой сербской пѣснѣ, того же содержанія, она называется сестрою Мѣсяца.

Какъ по славянскимъ, такъ и по литовскимъ преданьямъ Мѣсяць жепится на Солнцѣ, которое первоначально представляется красною дѣвицею или молодою женщиною. На это ясно указываетъ слѣдующая литовская пѣсня, тоже изъ эпохи поклоненія Перуну, или литовскому Перкуну.

„Женился Мѣсяць на Солнцѣ; тогда была ранняя весна. Солнце встало утромъ рано, а Мѣсяць, разлучаясь, скрылся. И ходилъ Мѣсяць одинъ одиноконекъ, и полюбилъ звѣзду Денницу. За это разгнѣвался Перкунъ, и разрубилъ Мѣсяць своимъ мечемъ. „Зачѣмъ ты оставилъ Солнце? Зачѣмъ полюбилъ Денницу? Зачѣмъ ходишь ты одинъ одиноконекъ ночью?“

Разрубленный мѣсяць есть не что иное, какъ мѣсяць въ ущербѣ.

Не удаляясь отъ мѣста о свѣтилахъ, обратимъ вниманіе на одно литовское сказаніе о томъ, какъ Солнце было однажды взято въ плѣнъ, и какъ было оно освобождено посредствомъ огромнаго молота. Басня эта, очевидно, имѣющая самую тѣсную связь съ молотомъ Тора и съ желаніемъ залучить Солнце въ Ютупгеймъ, помѣщена въ разговорѣ между Жидомъ и Христіаниномъ въ книгѣ Іоанникія Галятовскаго, подъ названіемъ Мессія Правдивый (Кіевопечерская типогр., 1669 года). Будто бы пѣкоторый Король разгнѣвался на Солнце, и, приказавъ построить великую башню, посадилъ въ нее Солнце. Потому Солнце не свѣтило цѣлые 15 дней. За это разгнѣвались 12 Планетъ небесныхъ и велѣли сдѣлать огромный мо-

лотъ, больше самой бапки. Ударивши въ бапку тѣмъ молотомъ, огнь пробилъ въ ней отверстіе, черезъ которое выпустили Солнце. (Л. 66 обор.)

По другому, тоже литовскому преданію, молотомъ разбилъ башню и освободилъ Солнце нѣкоторый великанъ, вѣроятно, самъ Перунъ, и будто бы долгое время этотъ молотъ, какъ святыня, сохранялся и чествовался.

Въ исторіи мнѳологій поклоненіе стихіямъ и явленіямъ природы предшествуетъ олицетворенію тѣхъ и другихъ въ человѣкообразныхъ идеалахъ пародной фантазіи. У нѣмецкихъ племенъ этотъ новый періодъ мнѳологій и поэзіи обозначенъ эпохою, когда Асы соединились съ Вапами. Потому боги сѣвернаго Олимпа человѣкообразны, и потому способны къ восприятію въ свой идеальный характеръ— всѣхъ результатовъ историческаго развитія нѣмецкихъ племенъ.

Напротивъ того, въ поэзіи славянской, даже доселѣ живущей въ устахъ народа, слышатся отголоски первобытнаго поклоненія природѣ. Солнце, луна, звѣзды—предметы обоготворяемые племенами еще кочевыми, для которыхъ вѣчнымъ и неизмѣннымъ кажется только небо съ его свѣтилами, которыя руководятъ кочевыхъ странниковъ, непрестанно измѣняющихъ мѣсто жительства.

Но, вмѣстѣ съ осѣдлостью, возникаетъ поклоненіе Перуну—Тору, который изъ стихійнаго божества грома переходитъ къ идеальному существу, которое покровительствуетъ бытъ земледѣльческой и семейной.

Народныя пѣсни славянъ, смѣшивающія эти два періода, ясно говорятъ въ пользу той мысли, что славянская мнѳологія была задержана въ своемъ развитіи. Если Сварогъ (солнце) и Сварожичъ (огонь) предшествовали Волосу и Перуну, то Слово о полку Игоревѣ еще въ XII-мъ вѣкѣ помнитъ Стрибога, называя вѣтры его внуками. Вилы и русалки—существа стихійныя, но уже получившія человѣкообразную форму.

Славяне восточные и юго-восточные, кажется, вовсе не имѣли божества, соотвѣтствующаго нѣмецкому Одину, потому что не успѣли развить гражданственности въ эпоху языческую. Зато славяне прибалтійскіе, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ моряковъ, въ Свѣтовитѣ поклонялись какому-то существу въ родѣ Одина.

Л Е К Ц И Я 11-я.

Читана 28-го января 1860 года.

Какъ миобы и языческіе обряды составились въ народѣ неизвѣстно кѣмъ и когда, такъ и самая поэзія древнѣйшей эпохи, выражающая вѣрованія и преданія всего народа, есть достояніе цѣлыхъ массъ и поколѣній, смѣняющихъ другъ друга въ теченіе вѣковъ. Народъ не знаетъ и не хочетъ знать, кѣмъ составлена любимая имъ пѣсня или сказка, точно такъ же, какъ онъ не знаетъ, когда и кѣмъ были учреждены суевѣрные обычаи и обряды, которыми онъ сопровождаетъ святки, семикъ, ночь наканунѣ Рождества Іоанна Крестителя, и т. п. Даже самыя законы сначала происходятъ отъ юридическихъ обычаевъ, испоконъ вѣку жившихъ въ народѣ и никому неизвѣстно, когда и кѣмъ введенныхъ. Отрывки такого обычнаго права, собранныя при Ярославѣ и его дѣтяхъ въ XI и XII столѣтіяхъ, извѣстны подъ именемъ Русской Правды.

Впервые вступаая на историческое поприще, каждый народъ имѣетъ уже всѣ существенныя основы своей національности, состоящія въ вѣрованіяхъ, въ языкѣ, въ юридическихъ обычаяхъ и въ поэзіи, которая вмѣстѣ съ мифологіею замѣняетъ для него всякую мудрость и знаніе.

Уже въ самую раннюю эпоху бытія народнаго, всѣ эти національныя элементы окрѣпли въ народѣ, вошли въ основу нравственнаго бытія его, какъ самая жизнь, пережитая имъ въ теченіе вѣковъ, какъ прошедшее, на которомъ твердо полагается настоящій порядокъ вещей и все будущее развитіе народа.

Потому всѣ нравственныя идеи, будутъ ли онѣ касаться мифологическихъ свѣдѣній и колдовства, или лѣченія, будутъ ли касаться юридическихъ и бытовыхъ обычаевъ, или поэтическихъ сказаній, представляются народу, какъ преданіе, какъ великая родная старина, какъ завѣтъ предковъ потомкамъ.

Вотъ почему древнѣйшія мифологическія и поэтическія преданія пѣмцы, собранныя Семундомъ Мудрымъ, были названы Эддою, то есть, старухою или прабабкою, то есть, стариною. Потому и русскіе пѣвцы свою пѣсню называютъ, или былиною, то есть,

тѣмъ, что было, или просто стариною. Оканчивая свою пѣсню, они обыкновенно прибавляютъ:

Тѣмъ старина и кончилась *)

или:

То старина, то и дѣянье. **)

Словомъ дѣянье, то есть, фактъ, или быльица, пѣвцы выражаютъ ту мысль, что рассказъ ихъ не только старица, то есть, преданье, но и преданье о дѣйствительно случившемся фактѣ, что это быльица, обязательная для каждаго, поучительная и наставительная, идущее изъ рода въ родъ національное достоянiе:

То старина, то и дѣянье,
 Какъ бы спемю морю на утѣшенье,
 А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
 Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
 Молодымъ молодцамъ на перениманье,
 Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье. ***)

Какъ, по эпическимъ сказаньямъ, предки происходятъ черезъ героевъ отъ боговъ, такъ и народная мудрость и поэзія будто-бы обязаны своимъ непосредственнымъ происхожденіемъ отъ тѣхъ же боговъ. Мнѳическія существа Мнмиръ и Кваснръ—олицетворенная мудрость и поэзія—сообщаютъ свое высшее вдохновеніе людямъ черезъ бога Одина, согласно съ вѣрованіемъ Гомера, который за поэтическимъ вдохновеніемъ прибѣгалъ къ Музѣ. Наши предки называли Бояна внукомъ языческаго божества, и авторъ Слова о полку Игоревѣ относится къ Бояну, какъ Гомеръ къ Музѣ, и благоговѣнно припоминаетъ его старыя словеса, то есть, эпическую старину и преданье. Соответственно этому чествованью поэтической старины, предки наши глубоко уважали и старину юридическихъ обычаевъ. Каждый городъ имѣлъ свою старину и пошлину, то есть, что пошло и покоитъ вѣку.

Такимъ образомъ, всякій историческій народъ, въ свѣжую эпоху своего бытія, имѣетъ свою родную старину, и почитаетъ её тою священною областью, изъ которой идетъ все великое, все нравствен-

*) Кириша Данпловъ. Древнія Россійскія Стихотворенія. стр. 265.

**) Ibid.. стр. 101. 225. 241.

***) Ibid.. стр. 283.

ное, всякая правда и истина. Потому онъ чувствуетъ старину, называя её святою, на томъ основаніи, что въ глубинѣ ея онъ прозрѣваетъ своихъ предковъ-героевъ, прозрѣваетъ и самихъ боговъ, отъ которыхъ они произошли. Въ Словѣ о полку Игоревѣ русскіе, и, вѣроятно, особенно представители ихъ—князья, называются внуками Дажьбога, то есть, бога солнца, свѣта и огня.

На обожаніи старины крѣпится вся нравственная жизнь народа въ его первобытномъ состояніи. Онъ благоговѣетъ передъ своими нравами и юридическими обычаями, потому что будто бы они идутъ отъ самихъ боговъ, самими богами даны и введены; онъ свято чтитъ разные суевѣрные обряды, какъ напримѣръ, скаканье черезъ огонь пакануи Ивана Купалы, потому что въ такихъ обрядахъ, по его убѣжденію, содержится обаятельная сила старины и преданья. Онъ даже благоговѣетъ передъ какою нибудь обрядною пѣсней, по которой на святкахъ гадаютъ о будущемъ, или еще болѣе того—передъ чарующимъ заклятіемъ или наговоромъ, будто бы исцѣляющимъ педуги, потому что, въ своей дѣтской простотѣ, вѣритъ онъ въ вѣщую, сверхъестественную силу, вложенную въ поэтическое слово самимъ божествомъ. Теперь понятно, почему руны, то есть, вѣщія изреченія, по ученію сѣверной мнѣологич, будто бы даны были людямъ отъ самихъ божествъ. У насъ въ старину поэты назывались вѣщими, то есть, мудрыми и чародѣями.

Безусловное, слѣпое чувствованіе старины такъ глубоко заложено въ нравственной жизни русскаго народа, въ его до-историческихъ преданьяхъ, что даже съ припятіемъ христіанства не теряетъ оно своего древнѣйшаго значенія, получивъ характеръ двоевѣрный или полуязыческій. Между прочимъ этимъ объясняется упорная вѣра старообрядцевъ въ старину и нелѣное ихъ понятіе о вѣрѣ новой, или никоновской, называемой ими такъ въ отличіе, будто-бы, отъ вѣры старой, настоящей православной, то есть, расколынической.

Вообще должно замѣтить, что объяснять безсознательную преданность русскаго простонародья старины—православіемъ, то есть, съ точки зрѣнія только христіанской, значило бы святотатственно унижать идею христіанскаго православія: потому что всякому хорошо извѣстно, сколько еще нелѣпыхъ заблужденій и суевѣрій, воплигъ языческихъ, соединяетъ народъ русскій съ понятіемъ о своей старинѣ.

Народный эпосъ (то есть, слово), во всѣхъ разнообразныхъ его видахъ, начиная отъ мѣла и чарующаго заклѣтія—отголоска языческихъ обрядовъ, и до дѣтской игры, сопровождаемой пѣньемъ и сказками, и до колыбельной пѣсни,—есть не только выраженіе народнаго быта, но это сама духовная жизнь народа, перелитая въ гармоническіе звуки роднаго слова.

Потому, только въ связи съ характеристикой первоначальнаго эпическаго быта самого народа возможно составить себѣ вѣрное и полное понятіе, какъ о самой поэзіи, такъ и о жизни народа, ею выражаемой. И этотъ предметъ тѣмъ важнѣе для насъ русскихъ, что русскій простой народъ, за недостаткомъ грамотнаго просвѣщенія, доселѣ живетъ въ этомъ сомкнутомъ кругѣ эпической старины, опредѣляемой обрядностью и неизмѣнностью однажды принятыхъ обычаевъ и формъ.

Съ самаго рожденія и до смерти вся жизнь человѣка подчиняется этому ровному эпическому теченію, руководимая вѣрованіями старины и языческими преданіями, оглашаемая звуками роднаго слова (эпоса) въ его разнообразныхъ видахъ.

Пѣсни или сказка, точно такъ, какъ преданіе или обычай, принадлежали всѣмъ и каждому, и вѣнціе пѣвцы, звуки боговъ (по старинному выраженію), слагали въ своихъ пѣсняхъ только то, что и безъ того въ народѣ было уже извѣстно: они только лучше, складнѣе другихъ умѣли передавать родную старину. Какъ слѣпые старцы, и доселѣ ходящіе по городамъ и селамъ съ своими стихами, такъ и старинные вѣнціе пѣвцы были только хранителями старины и преданья. Сверхъ того всѣ члены семьи, отъ мала до велика, принимали, какъ и доселѣ принимаютъ, живѣйшее участіе въ общенародномъ поэтическомъ творествѣ. Мы русскіе, какъ и всѣ прочія славянскія племена, особенно богаты пѣснями семейными, и что особенно замѣчательно, пѣсни, именно женскія, то есть, сочиненныя женщинами, составляютъ самую главную часть этого семейнаго эпоса, которымъ напутствуется на землѣ человѣкъ, то въ колыбельной пѣснѣ любящей матери, то въ свадебной пѣснѣ невесты, оплакивающей свою красоту и молодость, съ которою расстается, то наконецъ въ раздѣрающемъ душу, высоко-поэтическомъ воплѣ на могилѣ отца, матери, сына или супруга.

Эти граціозныя убаюкиванья, эти надрывающіе сердце вопли, конечно, составлялись не предварительно, но мгновенно выливались изъ души, когда того требовали самые случаи жизни, когда радость или печаль взволновывали душу, когда, однимъ словомъ, отъ избытка сердца уста говорили.

Рожденье, жепитьба и смерть—вотъ три главные момента, три важнѣйшія эпохи, около которыхъ въ наибольшей силѣ сосредоточивается обрядность эпического быта, сопровождаемая преданьями, суевѣрьями, сказаніями и пѣснями.

Бросимъ бѣглый взглядъ на каждую изъ этихъ эпохъ въ отношеніи преданій и поэзіи.

Начнемъ съ рожденія и дѣтства.

Конечно, не услужливый поэтъ сочинялъ для матери колыбельную пѣсню, подъ которую она убаюкиваетъ свое милое дитя; сама она, воодушевляемая любящимъ сердцемъ матери, свою любовь и раздумье надъ будущею судьбою дорогаго дѣтища выражала въ поэтическихъ звукахъ:

Богородица дала,
Съ небесъ бросала,
Иваномъ назвала—

Такъ, въ панвпомъ мечтаніи, поетъ она о рожденіи своего матютки, убаюкивая его въ колыбели. Но вотъ—

Сонъ ходитъ по сѣнямъ,
Дрема по новѣмъ,
Сонъ ищетъ Дрему,
Дрема спрашиваетъ:
А и гдѣ-же колыбель
Да Вапошенькина?—
А его-ли колыбель
Во високомъ терему,
Во високомъ терему,
Въ шитомъ-браномъ пологу.

Затѣмъ, убаюкивая, мать задумывается нѣсколько надъ непроч-

ностью земныхъ связей, и, обращая грустные взоры на младенца, продолжаетъ:

Наше дитятко!
 Спи да успи,
 Наше маленько!
 Спи да успи—
 На погостъ гости (то есть, на кладбищѣ)—
 Хоть сегодня умри—
 А завтра къ дитяткѣ
 На похороны—
 Кладемъ чурочку—
 Въ могилоньку—
 Подъ бѣлы камешекъ,
 Подъ сыпучій песокъ,
 Подлѣ бабушки,
 Подлѣ своей родни!

Но раздумье мгновенно проясняется, и темная картина сглаживается свѣтлою надеждою:

Спи, Господь падъ тобой!
 Глазки ангельски закрой!
 Выростешь большой,
 Будешь въ золотѣ ходить,
 Будешь въ золотѣ ходигъ—
 Чисто серебро носитьъ,
 Мамушкамъ—нянюшкамъ
 Обносочки дарить,
 Младымъ дѣвцамъ
 По лепточкѣ,
 Старымъ старушкамъ
 По повойничку!

Еще въ языческую эпоху былъ обычай давать имя новорожденному ребенку. У пѣмецкихъ племенъ этотъ обычай сопровождался нѣкоторыми особенными обрядами, между прочимъ, подаркомъ отъ того, кто давать имя.

Въ известной сказкѣ о Спящей Царевнѣ присутствующія па рожденіи ея вѣдьмы дарятъ еѣ разными благами и талантами. Въ эпоху древнѣйшую имя поворожденнаго должно было имѣть известное значеніе: оно происходило отъ имени божества или согласовалось съ именами родителей и предковъ. Таковы родственныя имена известнаго отрывка изъ эпоса о Дитрихѣ Бернскомъ: Гери-брандъ, Гильде-брандъ, Гуду-брандъ. Таково родословіе Зигурда или Зигфрида: Зиги, Зиге-мундъ, отъ Зиге-мунда и жены его Зиге-линды произошелъ Зиг-урдъ или Зиг-фридъ. У насъ на Руси у полоцкаго Рогволода дочь пазывалась Рог-нѣдъ или Рог-нѣда.

Какъ для гѣмецкой, такъ и для славянской старины особенно любопытно родословіе готскаго владѣтельнаго рода героевъ Амалунговъ, сообщенное Иорнандомъ, готскимъ историкомъ половины VI-го вѣка. Онъ производитъ этотъ владѣтельный родъ отъ самихъ Асовъ (въ подлинникѣ „*Ansēs*, то есть, полубоги“). Имена Амалунговъ выражали родство созвучіемъ; напримѣръ: „Винитарій родилъ Теодемира, Вале-мира и Виде-мира; Теодемиръ родилъ Теоде-рика, Теоде-рикъ родилъ Амала-свенту, Амала-свента родилъ Аталарика (случи: Теоде-рикъ) и Мата-свенту“ и проч. Составныя части сложныхъ готскихъ именъ столько же принадлежать готамъ, сколько и славянамъ, именно -миръ и -свентъ или -свѣтъ, напр. Владимиръ, Свято-славъ. И, вѣроятно, первоначально и у славянъ означалось родство созвучіемъ въ первой или во второй части сложныхъ собственныхъ именъ, каковы напримѣръ: *Яро-славъ*, *Яро-полкъ*, *Яромиръ*, или: *Свято-славъ*, *Яро-славъ*, *Мсти-славъ*. Впрочемъ правило это не наблюдается даже у древнѣйшихъ русскихъ книзей.

Несмотря на введеніе христіанскихъ именъ вмѣстѣ съ христіанскою религіею, до позднѣйшихъ временъ давалось у славянъ имена языческія, и особенно у славянъ юго-восточныхъ, у сербовъ и болгаръ. Вотъ напримѣръ нѣсколько сербо-болгарскихъ именъ, внесенныхъ въ церковныя синодики или помянники.

Имена женскія:

1) Миѳологическія: Божа, Божна, Божница, Прія (Фрея), Перуника, Данница (то есть, Денница).

2) Отъ растений: Травница, Тръпница, Ружа (то есть, Роза), Маслина, Зрна, Вишня, Ягода, Ракита.

3) Отъ животныхъ: Галица, Пчела, Вучица (то есть, Волчица).

4) Отъ ископаемыхъ: Желѣзна, Серебра, Бисерка (бисерь—драгоценный камень вообще). Сюда же можно отнести Гривна.

5) Отъ нравственныхъ понятій и вообще отъ эпитетовъ: Разумна, Дума, Влада (то есть, власть), Мира, Слава, Дивна, Ясна. Создана (въ подлинникѣ Създана), Обрѣтена и проч.

Имена мужскія:

1) Мифологическія: Божекъ, Божикъ, Приакъ (отъ Прія—Фрся) и друг.

2) Отъ предметовъ природы физической: Волчокъ (въ подлинникѣ Вльчкъ), Голубъ (въ подлин. Голубъ), Славій (Соловей), Желѣзнь, Огненъ.

3) Отъ нравственныхъ понятій: Думецъ, Познапъ, Созданъ (въ подлин. Създанъ), Владъ, Славъ.

4) Отъ различныхъ отношеній: Жупанъ, Властелинъ, Дворянинъ (въ подлин. Дворанинъ), Богатъ, Путникъ, Продапъ.

Любопытны имена, заимствованныя отъ народовъ, напр. мужскія: Обрель (Обры или Авары), Алапъ, Грекъ (въ подлин. Грькъ, Грькинъ), Фрягъ (въ подлин. Фругъ) Угринъ (Угры—Венгры), Сербинъ (въ подлин. Срѣбинъ), Прусинъ. Женскія: Германка, Арменка, Латинка.

Говоря о собственныхъ именахъ, почитаю не лишнимъ замѣтить здѣсь объ одномъ очень любопытномъ сербскомъ обычаѣ. Молодая жена, на другой день послѣ своей свадьбы, даетъ свои имена каждому изъ своихъ родственниковъ мужа, и уже въ теченіе всей своей жизни называетъ ихъ этими новыми именами.

Въ древней Руси долгое время было въ обычаѣ давать по два имени, одно христіанское и другое—языческое, напр. Святополкъ—Михаилъ, и какъ кажется, имена языческія почитались родовой привилегією, потому что дѣтиснецы называютъ ихъ именами княжени.

Нѣжному дѣтскому возрасту соответствуетъ въ области народной поэзіи цѣлый рядъ затѣливыхъ произведеній творческой фантазіи въ дѣтскихъ пѣсняхъ и играхъ съ причитальнями. Многія изъ дѣтскихъ забавъ отзываются глубокою старинною. Такъ напр.,

пускає бумажнаго змія, очевидно, соотвѣтствуетъ эпическимъ рассказамъ о летучемъ змѣѣ. Доселѣ еще дописана обожаніе солнца въ извѣстномъ дѣтскомъ причитаніи:

Солнышко, ведрышко!
Выгляни въ окопечко!
Твои дѣтки плачуть,
По камушкамъ скачуть....
Пить—ѣсть просятъ....
Напой ихъ, накорми,
Съ собой спать положи!

Въ своемъ наивномъ незнаніи, дѣти ко всѣмъ предметамъ природы обращаются, какъ къ существамъ мыслящимъ; дѣти олицетворяють ихъ, такъ же какъ пѣвцы далекой мнѣической старины, и обращаютъ къ нимъ свою поэтическую рѣчь. Такъ напримѣръ, во время дождя дѣти поють:

Радуга—дуга!
Перебей дождя,
Дай намъ солнышко!

Человѣчество, болѣе и болѣе развиваясь, паходило для себя новыя занятія, удовольствія и забавы; но дѣти, близкіе къ природѣ и менѣе взрослыхъ подчиненные законамъ историческаго развитія, гораздо долѣе коснѣются на досужихъ забавахъ старины; и, какъ бы въ насмѣлку надъ отжившими мнѣическими вѣрованьями, они превратили въ свою дѣтскую забаву то, что казалось пѣкогда религіознымъ мнѣомъ и что было освящено преданьемъ. Вѣроятнѣе, и сказка содержала въ себѣ пѣкогда знаніе и мудрость эпохи языческой, но теперь стала она пустою забавою для дѣтей.

Л Е К Ц І Я 12-я.

Читана 30-го января 1860 года.

Познакомившись съ нѣкоторыми важнѣйшими преданіями и сказаніями народными о юномъ возрастѣ человѣка, скажемъ нѣсколько словъ о его наружности, по тѣмъ же народнымъ поэтическимъ источникамъ.

Определенный характеръ въ изображеніи какого либо лица, однажды искусствомъ принятый и постоянно удерживаемый, называется типомъ (слово греческое, значитъ: чеканъ, форма, образецъ, модель). Важнѣйшіе періоды искусства, отличающіеся своимъ собственнымъ стилемъ, имѣютъ и свои определенные типы. Характеръ типовъ зависитъ не только отъ господствующаго вкуса, но и отъ вѣрваній эпохи, потому что искусство и поэзія имѣютъ своимъ первоначальнымъ назначеніемъ служеніе религіознымъ идеямъ. Какъ искусство классическое, или античное, создало свои типы въ изображеніи боговъ и героевъ, такъ и искусство средневѣковое, сверхъ изображеній собственно христіанскихъ, имѣло свои народныя типы, составившіеся по древнѣйшимъ поэтическимъ и мифологическимъ преданіямъ и воззрѣніямъ на природу.

Винкельманнъ, одинъ изъ геніальнѣйшихъ ученыхъ поваго міра, въ своей исторіи древняго классическаго искусства, съ необыкновеннымъ эстетическимъ тактомъ умѣлъ определить античныя типы по отдѣльнымъ частямъ и очертаніямъ человѣческой фигуры, каковы: лобъ, глаза, прическа волосъ, шея и проч. Такъ напр., Зевсъ (или Юпитеръ) отличается большимъ, широкимъ челомъ, по которому съ обѣихъ сторонъ скатываются густыми прядями длинныя до ушей волосы, въ видѣ львиной гривы; строгое очертаніе очей царя боговъ смягчается спокойнымъ и какъ бы милостивымъ сложеніемъ устъ; лицо округляется широкою бородою.

Типъ Геркулеса отличается гладко остриженными волосами и толстою, короткою шеей; типъ Фавна—козлиными, заостренными ушами и короткими взъерошенными волосами, и т. д.

! Хотя средневѣковыя народныя типы, по неразвитости образованія и искусства, не успѣли созрѣть до той полноты и изящества, въ какихъ представляетъ намъ свои идеалы античная скульптура, однако эпическая поэзія славянскихъ и нѣмецкихъ племенъ достаточно выработала эти народныя типы, такъ что по нимъ легко можно составить себѣ понятіе о вкусахъ, воззрѣніяхъ на природу и даже о вѣрованіяхъ народа.

Античный скульпторъ не могъ своимъ рѣзцомъ обозначить блеска очей, выражающихъ движенія души. Напротивъ того, народная поэзія новыхъ европейскихъ племенъ особенную чарующую силу

приписывает очамъ, которыя какъ въ русской, такъ и въ пѣмецкой и даже въ романской поэзи называются соколиными. Вѣщья сила глаза, будто бы, выражается сглаживаньемъ, то есть, паслапиемъ на челоуѣка болѣзней и всякихъ бѣдствій посредствомъ взгляда.

Естественное условіе красоты бровей, строго наблюдаемое классическою скульптурою и инстинктивно признаваемое народною поэзіею, состоитъ въ раздѣленіи ихъ замѣтнымъ промежуткомъ. Но такъ какъ эстетическія воззрѣнія народа проникнуты вѣрованьемъ и тѣспыми узамы связаны съ мнѳомъ, то по преданьямъ народнымъ, и пѣмецкимъ и славянскимъ, сросшіяся брови не только не изящны, но и выражаютъ нѣчто сверхъестественное, чародѣйское. Есть повѣрье что челоуѣкъ со сросшимися густыми бровями одаренъ необычайною силою: будто-бы изъ бровей его вылетаетъ въ видѣ бабочки какое то демоническое существо и садится во снѣ на грудь того, на кого насылаетъ опъ эту напасть. Съ этимъ средневѣковымъ повѣрьемъ согласно сербское преданье о томъ, что будто-бы изъ вѣдьмы (вѣщницы) иногда вылетаетъ одержащій ее духъ въ видѣ бабочки: повѣрье согласное съ формами самаго языка; потому что по сербски вѣщею называется и бабочка, и вѣдьма.

Божество русыхъ племень средней и сѣверной Европы, именно пѣмецкій Торъ имѣлъ волосы и бороду—красные, то есть, русые, а напъ Перунъ, по сказанью Нестора—золотые усы. Коса Зифы, супруги земледѣльческаго божества—была золотая, или соломенная.

Русая коса, описанію которой посвящены лучшіе стихи нашихъ народныхъ пѣсепъ, есть самое дорогое украшенье женщины и по древпѣйшимъ эстетическимъ воззрѣніямъ пѣмецкихъ племень.

Съ красотою длинной косы славяне соединили вѣрованье въ какую-то чудодѣйственную ея силу. Это страпное вѣрованье во всей ясности выражено въ одной сербской сказкѣ, подъ заглавіемъ Чудесный волосъ *).

Одному бѣдному челоуѣку явилось во снѣ дитя, и, желая его обогатить, научило его, какъ достать изъ косы нѣкоторой чудной дѣввы червленый, какъ кровь, волосъ, который составитъ счастье

*) Вукъ Караджичъ. Сказки. № 31.

бѣдняка. Наученный дитятею, бѣднякъ пошелъ въ указанный ему мѣсто, достигъ рѣки и по рѣкѣ отправился къ ея истоку. Тамъ нашолъ онъ на озерѣ дѣву, свѣтлую какъ солнце, косы у ней спускались ниже плечъ. И вдѣвала она въ иглу солнечные лучи, которыми вышивала по основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ (то есть, богатырскихъ) косъ. Бѣднякъ хитростью успѣлъ добыть изъ ея длинной косы указанный дитятею чудный волосъ. Потомъ за огромную сумму продалъ онъ его царю. Царь раздѣлилъ его надвое и нашолъ: въ немъ записано много знатныхъ дѣлъ, которыя совершались въ старыя времена отъ начала свѣта.

„А это дитя, что появилось бѣдному человѣку во снѣ—заключаетъ сказка—былъ не кто другой, какъ ангелъ, посланный отъ Господа Бога, который хотѣлъ помочь бѣдному человѣку, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть тайны, которыя доселѣ не были объявлены“.

По эстетическимъ понятіямъ скандинавовъ мужскіе волосы должны быть тоже длинны, но не кудрявы, что казалось имъ женственнымъ качествомъ. Напротивъ того, нашъ народъ воспѣваетъ въ своей поэзіи именно кудри русыя добраго молодца:

„У него въ три ряда русы кудри завиваются,
Въ первый рядъ завивались чистымъ серебромъ,
Во второй рядъ завивались краснымъ золотомъ,
Въ третій рядъ завивались скатнымъ жемчугомъ.“

Князья и бояре дивовались доброму молодцу и гости торговые завидовали:

„Не зря ли тебя, молодець, споробдила? (говорили они)
Не часты ли мелки звѣзды убаюкивали?
Не свѣтѣль ли тебя мѣсяць воспоилъ, воскормилъ?“

Однимъ словомъ—уже не мнѣческаго ли онъ происхожденія, какимъ (какъ намъ уже извѣстно) гордится сербская Вила передъ прекрасною певѣстою?

Но отвѣчаетъ добрый молодець:
„Что на свѣтъ меня родила родна матушка,
Воспоилъ, воскормилъ родной баюшка,
Убаюкивала нянька—мамушка;

Что чесала буйну голову родная сестра,
Завивала русы кудри моя суженая!⁴
(то есть, певѣста.—Это святочная пѣсня).

Этому эстетическому воззрѣнію народъ даетъ даже нѣкоторый нравственный смыслъ, увѣряя въ своихъ пѣсняхъ и пословицахъ, что со радости кудри вьются, съ печали сѣкутся (то есть, ломаются).

Сверхъ того, длиныя косы на головѣ мушны—по древнѣйшимъ убѣжденіямъ — знакъ благородства, принадлежность героя. Князь Святославъ имѣлъ на головѣ длинный клочъ волосъ или чубъ.

Не буду распространяться о другихъ эстетическихъ подробностяхъ въ изображеніи народныхъ типовъ, и оставлюсь только на рукахъ и ногахъ.

Эти оконечности играютъ совершенно противоположную роль въ художественно-мифологическихъ преданьяхъ народа. Человѣкъ рожденъ для дѣятельности, и прежде нежели выучится работать головою, онъ работаетъ руками. Рука поднимаетъ мечъ или держитъ щитъ, рукою можно совершать чародѣйства, какъ увѣряютъ насъ средневѣковыя преданья о мертвой рукѣ, то есть, о рукѣ, отрубленной у повѣшеннаго человѣка, и потомъ особеннымъ чародѣйственнымъ способомъ изготовленной. Будто бы такую рукою разбойники обводили снящихъ, чтобъ эти послѣдніе отъ ихъ шуму не пробуждались. Доселѣ въ русскомъ народѣ есть поговорка: какъ мертвою рукою обвести (вѣроятно, въ смыслѣ усыпить).

Напротивъ того, ноги—полезныя только въ бѣгствѣ—почему и называются у насъ рѣзвыя или быстрыя ноги (согласно съ эпитетомъ Ахилла—быстропогій)—часто служатъ на погибель человѣку. Онѣ оставляютъ по себѣ слѣды, по которому гонится и лютой звѣрь и опасный врагъ. Потому самыя страшныя и опасныя чарованья были на слѣдъ, то есть, снималась мѣрка со слѣда, оставленнаго погою человѣка на травѣ, на пескѣ или на спѣгу, и потомъ, съ особенными причтаньями, эти снятые слѣды сожигались.

Вотъ какъ описывается это чародѣйство въ русской пѣснѣ подъ названіемъ: Три года Добрынюшка столпичаль *).

*) Кирша Даниловъ. Изд. 1818 г., стр. 63.

Однажды Добрыня Никитичъ, желая подстрѣлить голубей, сидѣвшихъ на окнѣ у одной вѣдьмы, по имени Маршны, разбить стекльчатую оконницу:

И вѣщоры Маршнѣ за бѣду стало:
 Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
 Набирала Маршна беремя дровъ,
 А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
 Клала дровца въ печку муравленую
 Со тѣми слѣды горячими.
 Разжигаетъ дрова палищатымъ огнемъ,
 А сама она дровамъ приговариваетъ:
 „Сколь жарко дрова разгораются
 Со тѣми слѣды молодецкими,
 Разгоралось бы сердце молодецкое
 Какъ у молода Добрынюшки Никитѣевича.“
 А и Божье крѣнко, вражье-то лѣнко,
 Взяло Добрыню нуще остраго ножа,
 По его сердцу богатырскому:
 Онъ съ вечера, Добрыня, хлѣба не ѣсть, и пр.

Какъ въ изображеніяхъ древнѣйшаго періода греческаго искусства идущія человѣческія фигуры, по эстетико-символическимъ понятіямъ эпохи, ступаютъ не всею ступнею, не приростаютъ къ пьедесталу всею подошвою ноги, а легко касаются земли только пальчиками; такъ и по эстетическимъ понятіямъ средневѣковаго эпоса красивая нога должна быть съ исподу ступни нѣсколько вогнута, такъ что—по выраженію одного древне-нѣмецкаго поэта—подъ ступнею можетъ спрятаться птичка чижикъ.

Для возведенія эстетическихъ воззрѣній народа къ болѣе строгимъ, мнѣологическимъ началамъ, особенно любопытно обратить вниманіе на замѣчательное согласіе этой подробности съ древнимъ преданіемъ о томъ, *отчего у людей посреди подошвы углубленіе*. Это преданіе, относящееся къ народной космогоніи, помѣщено Букомъ Караджичемъ между сербскими сказками (№ 18).

Когда дьяволы отпали отъ Бога и ринулись на землю, тогда взяли съ собой и солнце, и князь бѣсовъ, воткнувъ его на копые,

носила на плечахъ. И взмолилась Богу земля, что она вся погоритъ отъ солнца. Тогда Богъ послалъ Архангела, чтобъ онъ воротилъ солнце на свое мѣсто. Разъ Архангелъ съ похитителемъ солнца шолъ по берегу моря, и вздумали они попытаться, кто глубже нырнетъ. Сначала нырнулъ Архангелъ, и, вынырнувъ, вынесъ въ зубахъ морскаго песку. Очередь дошла до князя бѣсовъ. Онъ воткнулъ копье съ солнцемъ въ землю, и, чтобъ стеречь солнце, плюнулъ на землю, и изъ слюны сдѣлалъ сороку. Потомъ нырнулъ; а духъ свѣта тѣмъ временемъ перекрестилъ море, и оно впезапно покрылось льдомъ въ девять аршинъ толщиною; потомъ схватилъ солнце и поспѣшилъ на небо. Тогда сорока, стерегшая свѣтило, закаркала. Князь бѣсовъ, догадавшись въ чемъ дѣло, мгновенно подпялся со дна моря, но море промерзло: надобно было опять спускаться въ глубину—достать камень и разбить ледяную кору. Свѣтлый духъ, съ солнцемъ въ рукахъ, уже одною погою ступилъ на небо, но князь бѣсовъ успѣлъ подскокнуть къ нему, и своими когтями вырвалъ изъ середины другой его ступни кусокъ мяса. Въ утѣшеніе раненому Богъ повелѣлъ, чтобъ у всѣхъ людей посреди ступни съ исподу было малое углубленіе.

Итакъ, эта пластическая подробность о погѣ въ эстетическихъ воззрѣніяхъ народа получаетъ какъ бы мнѳологическій смыслъ. Это знакъ, по которому человѣкъ уподобился свѣтлому духу, спасителю небеснаго свѣтила, похищеннаго бѣсомъ.

Переходимъ къ свадебнымъ обрядамъ и къ поэзіи, ихъ сопровождающей.

Предварительно почитаю необходимымъ замѣтить, что народный эпосъ, не смотря на суровость и грубость изображаемой имъ эпохи, необыкновенно трогательными чертами рисуется пѣжныя чувства супружеской любви. Содержаніемъ превосходной поэмы о Нибелунгахъ служитъ именно такая преданная любовь жены къ мужу, любовь, во имя которой столько было перенесено горя и бѣдствій, столько было совершено ужаснаго.

Но возьмемъ примѣръ древнѣе. Едвали можно найти въ народной поэзіи болѣе трогательное, глубоко-потрясающее изображеніе чувства супружеской любви, какъ въ пѣсняхъ Древней Эдды о

Гельги, убійцѣ Гуидинга. Гельги былъ сынъ Зигмунда, братъ знаменитому Зигурду, только отъ другой матери.

Гельги, будучи пятнадцати лѣтъ, за смерть своего отца отометилъ Гуидингу, убивъ его. Дѣти Гуидинга въ свою очередь метили убійцѣ ихъ отца, но Гельги побѣдилъ и побилъ всѣхъ своихъ враговъ.

Между тѣмъ въ воздухѣ пролетали дѣвы войны, Валькирин. Гельги пригласилъ ихъ посѣтить его палаты. Къ нему подлетѣла прекрасная Зигруна, дочь Гагена, и объявляетъ ему, что она его любитъ, но что отцомъ своимъ сговорена она за немалаго ей чело-вѣка, за злаго Гѣдбродда. Зигруну полюбилъ и Гельги, и, вступивъ въ бой съ ея женихомъ, съ ея отцомъ и братьями, всѣхъ ихъ побилъ, кромѣ одного ея брата, по имени Дагъ; а самъ женился на Зигрунѣ. Но недолго были они счастливы.

Дагъ, хотя и поклялся въ вѣрности Гельги, но подстрекаемый самимъ Однимъ и отъ него вспомошествоемый, изъ мести убилъ Гельги. Но потомъ, раскаяваясь и лица примирепья, приходитъ къ своей сестрѣ, ко вдовѣ Зигрунѣ, предлагая ей богатый выкупъ или виру. Зигруна отказывается отъ всего, и проваливаетъ брата въ *клятвенныхъ рунахъ*, или заклятіяхъ.

„Не плыви корабль, на которомъ ты ѣдешь, хотя бы вѣялъ попутный вѣтеръ! Не скочи копь, на которомъ ты сидишь, хотя бы спасался отъ враговъ! Не руби мечъ, которымъ ты взмахнешь, *идь бы онъ ни тлъ надъ твоей головою!* Да отмститися на тебѣ смерть Гельги! И еслибъ ты былъ волкъ въ лѣсу—нѣтъ тебѣ ни добра, ни радости! Нѣтъ тебѣ корму, гдѣ бы ты ни рыскалъ между трупами!“

Надъ убитымъ Гельги былъ насыпанъ курганъ. Разъ вечеромъ прислужница Зигруны видѣла около этого кургана, какъ Гельги скакала къ нему съ другими войнами, и сказала своей госпожѣ. Зигруна приходитъ къ могилѣ своего мужа въ урочный часъ и говоритъ ему:

„Рада я свидѣю съ тобою, какъ жадные на падали кречеты Одна, когда они почуяли себѣ теплую пищу на трупахъ или когда они встрѣчаютъ туманно-влажное, сѣрое утро! Буду лобызать я усопшаго князя, покамѣстъ онъ сброситъ кровавую броню. Кудри твои, Гельги, заиндевѣли; весь ты покрытъ могильной росой, руки твои холодны, какъ ледъ.“

Гельги отвѣчаетъ: „Ты, Зигруна, сама виновата, что Гельги покрытъ росою скорби: когда отходишь ко сну, плачешь ты, въ злато одѣтая, горькими слезами, жгучими какъ солнце: и каждая слеза твоя кровью падаетъ на грудь герою, на грудь холодную, какъ ледъ, которую гнететъ и томитъ тоскою могильная земля.“

Недолго страдала Зигруна, оплакивая своего мужа. Пѣсни заключаются слѣдующею прозаическою припискою: „въ старину вѣрили, будто люди могутъ возрождаться, но это бредни старыхъ бабъ. Шла молва и о Гельги съ Зигруною, будто они возродились: опъ назывался тогда Гельги Гаддингя, а она—Кара, дочь Гальфдана, какъ это поется въ пѣсняхъ о Карѣ; а была она Валькирия.“

Мы можемъ присовокупить къ этому прозаическому окончанію, что такъ велика сила поэзіи, и такъ глубоко трогательно чувство, выраженное въ этой пѣснѣ, что герои ея не однажды возрождались въ поэтическихъ произведеніяхъ послѣдующихъ временъ. Лепора Бюргера и Людмила Жуковскаго—слабыя копія скандинавской Зигруны, ея послѣднее поэтическое на землѣ возрожденіе.

Мы были бы несправедливы къ славянамъ, еслибы отказали ихъ народной поэзіи въ подобной же глубинѣ и искренности пѣвшихъ чувствъ семейной любви. Мы уже знаемъ превосходный идеалъ сестриной любви и преданности въ матери Марка Кралевича. Ярославна въ Словѣ о полку Игоревѣ граціозно выражаетъ свою любовь къ отсутствующему на войнѣ супругу Игорю, посылая ему благословенія и напутствія его какъ бы мѣстными заклинаніями.

„Полечу—такъ поетъ она—кукушкою по Дунаю, омочу бобрый рукавъ въ Камлѣ рѣкѣ, утру князю кровавыя его раны на суровомъ его тѣлѣ.“

„О вѣгеръ, вѣтрило! Зачѣмъ, господине, сильно вѣешь? Зачѣмъ мычешь ханскія стрѣлы на своихъ легкихъ крыльяхъ на вонювъ моего мужа? (лады). Мало ли тебѣ подь облака вѣять корабли, лелѣючи на синемъ морѣ? Зачѣмъ, господине, мое веселье по ковылю развѣять?“

„О Днѣбрь Словутить! Ты пробилъ каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелѣялъ на себѣ ладьи Святославовы до полковъ Кобылка:—взлелѣй, господине, моего мужа ко мнѣ, чтобъ съ раннего утра не слала я ему слезъ на море!“

„Свѣтлое и пресвѣтлое Солнце! Всѣмъ ты тепло и красно: зачѣмъ же ты, господине, простерло свои горячіе лучи на воиновъ моего мужа? Въ полѣ безводномъ жаждою имъ луки согнуло, бѣдою имъ колчаны заткнуло?“

И такъ некрепень былъ этотъ призывъ любящей супруги съ мнѣологическими обращеніями къ вѣтру, Дѣпру и Солнцу, что какъ бы въ отвѣтъ на него Игорь немедленно возвращается изъ своего плѣна.

Лекція 13-я.

Читана 2-го февраля 1860 года.

Къ свадьбѣ, этой веселой серединѣ чловѣческой жизни, народъ сосредоточиваетъ множество своихъ обычаевъ и обрядовъ, суевѣрій, пѣсней и причитаній. Чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ важномъ явленіи въ жизни народной, мы остановимся на самыхъ замѣчательныхъ пунктахъ. Источниками будутъ служить намъ и сказанія древнѣйшихъ лѣтописцевъ, и современные обычаи русскаго народа и вообще славянскихъ племенъ, а также поэтическія и бытовыя преданія другихъ родственныхъ народовъ.

1. На свадьбѣ входятъ въ сношеніе не только двѣ чужія семьи, но и два *отдѣльные рода*, два племени (родъ-племя, какъ говорится въ народѣ). Изъ одного рода-племени женихъ, изъ другого—невѣста. Первоначально женихъ похищаль невѣсту. Этотъ обычай называется умыканьемъ. Несторъ говоритъ о древяпахъ: „брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица“ (стр. 6).

Обычай умыканья до позднѣйшихъ временъ сохранялся у славянъ. Сербская молодежь, собираваясь на похищеніе невѣсты, вооружается какъ на войну. Похитители сторожатъ дѣвицу, когда она идетъ въ стадо за скотомъ, или па рѣку за водой, хватаютъ и уводятъ. Иногда почью нападаютъ на избу, гдѣ она живетъ; вяжутъ по рукамъ и погамъ отца и братьевъ дѣвицы, а её похищаютъ. Въ этихъ случаяхъ иногда бывають кровопролитныя схватки. Потому похитители не смѣютъ открыто покушаться на умыканье невѣсты, живущей въ большой семьѣ, и особенно въ многолюдныхъ селеніяхъ: каждый изъ жителей села, только что услышитъ выстрѣлы и шумъ, тотчасъ же идетъ на помощь съ оружіемъ въ рукахъ. Срамъ дѣ-

лому селу, откуда похитили дѣвицу, похитителямъ же и еще болѣе сраму, когда не успѣли добыть невѣсты и воротились съ пустыми руками. Если же похитители завладѣютъ невѣстою, то не выпустятъ её изъ рукъ, пока не будутъ всѣ до послѣдняго перебиты. Когда похищенная станетъ сопротивляться, её тащатъ за косы и бьютъ палкою, какъ вола на капустѣ—по выраженію мѣстнаго сербскаго разсказа. Боясь погони, похитители уводятъ невѣсту въ лѣсъ. Когда погоня придетъ въ то село, откуда наѣзжали похитители, тогда эти послѣдніе предлагаютъ обиженнымъ мировую. Если помирятся, тѣмъ дѣло и кончается; въ противномъ случаѣ родственники невѣсты подають жалобу судѣ, который требуетъ на судъ похитителей вмѣстѣ съ похищенною. Рѣшеніе суда зависитъ отъ отвѣта похищенной. Если она скажетъ, что ее похитили силою, то виновные заключаются въ тюрьму и платятъ пеню; если же скажетъ: по доброй ея волѣ, то похитители, заплативъ судѣ за судъ, мирятся съ невѣстнымъ родомъ и справляютъ свадьбу. Таковъ современный сербскій обычай, служащій для насъ объясненіемъ Нестрова свидѣтельства о древянахъ.

Враждебное отношеніе похитителей къ роду-племени невѣсты доселѣ сохранилось во многихъ свадебныхъ преданьяхъ на Руси, но особенно въ наименованіи жениха и его свиты Литвою, въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ (въ переводѣ на великорусское нарѣчіе):

Не наступай, Литва!
 Будеть съ вами битва!
 Будемъ биться,
 Сабли доставати
 Марьечки не давати (то есть, невѣсты Марьи).

Когда молодой садится возлѣ своей молодой, и тѣмъ какъ бы дать знать, что побѣдилъ, тогда пѣсня возвѣщаетъ, что Литва взяла верхъ надъ русскими Подолянами, завладѣвъ ихъ дѣвицею:

Сгупайте, Подоляне,
 Изъ передняго угла за печку!
 Пускай сядетъ Литва
 Съ своею Литовкою,
 Съ нашею Подолянкою.

Согласно этому враждебному отношенію двухъ родовъ, сталкивающихся на свадьбѣ, женихъ называется по-великорусски чужанинъ, или чужь чужанинъ.

На похищеніи невѣсты и на враждѣ изъ за того между племенами и народами основаны многія изъ знаменитыхъ эпическихъ сказаній, къ которымъ частію принадлежитъ и Иліада, по особенно римская баснь о похищеніи сабиннокъ и финскій народный эпосъ Калевала*).

2. Знакомство жениха и невѣсты на игрищахъ и въ хоровахъ. Запирание невѣсты въ теремъ есть позднѣйшій русскій обычай, наблюдавшійся только высшимъ сословіемъ. Народъ никогда ему не слѣдовалъ. Еще Несторъ о радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ говоритъ слѣдующее: „брати не бываху въ нихъ (то есть, по христіанскимъ обрядамъ), но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясання, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкываху жены собѣ, съ нею же кто совѣщащеса; имяху же по двѣ и по три жены“ (стр. 6). Итакъ, сверхъ насильственнаго похищенія невѣсты, существовало и добровольное съ нею соглашеніе. Эти плясання и игрища суть не что иное, какъ хороводныя игры съ пѣснями и пляскою. Во многихъ хоровахъ и доселѣ разыгрываются свадебныя сцены, это какъ бы зародышъ драматическаго представленія, содержаніе котораго знакомство жениха съ невѣстою, иногда похищеніе или продажа невѣсты и свадьба.

3. Вѣно, или плата за невѣсту, не только у насъ въ старину, но и въ нѣмецкихъ племенахъ. Эта плата, вѣроятно, имѣла смыслъ не собственной покупки невѣсты, какъ вещи, но смыслъ вклада за невѣсту въ ту семью, или въ тотъ родъ-племя, которому она принадлежала. Потому, при обычаѣ вѣна, могло быть, и дѣйствительно бывало приданое, приносимое невѣстою. Остатокъ этого вклада въ семью невѣсты доселѣ сохранился въ областномъ словѣ: клѣдка или клѣжныя деньги—условная плата жениха и свекра невѣстѣ.

Символь вѣна до нашихъ временъ сохранился въ хороводныхъ играхъ, въ которыхъ драматически представляется выкупъ вѣна (вѣнгъ — вѣнокъ, иначе вѣюнъ). Такъ въ одной хороводной игрѣ

*) Это мнѣніе Якова Гримма.

выходить мѳлодець на средину съ платкомъ въ рукѣ или на плечѣ, и когда запоютъ: „положу тебя, вѣночекъ“—кладеть онъ платокъ на плечо одной изъ дѣвиць. Подъ платкомъ символически разумѣется вѣнъ или вѣнокъ. Когда вѣпъ отдапъ дѣвиць, въ пѣснѣ поется:

Чѣмъ миѣ вѣна выкупать?
Ужъ и дамъ ли, ужъ дамъ за вѣна
Три гривны серебряныя, и проч.

4. Рядъ драматическихъ представленій, составляющій содержаніе народныхъ свадебныхъ обрядовъ, предлагаетъ множество разнообразныхъ поэтическихъ мотивовъ, начиная отъ шутивныхъ причитаній дружки, свата или свахи, отъ обычныхъ, какъ бы заученныхъ наизусть, шутливыхъ разговоровъ и сценъ между ними, и до раздирающаго душу поэтического вопля невесты и подругъ ея.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ по преимуществу выражается мысль о рѣшительномъ, роковомъ переворотѣ въ судьбѣ женщины. Потому свадьба, какъ и смерть, называется судомъ, а женихъ и невеста сужеными.

Героинею свадебной драмы является невеста, во всей своей дѣвичей чистотѣ и юпой граціи. Она изображается несчастною жертвою, которая, будучи вырвана изъ родной семьи, отъ отца съ матерью, обрекается неизвѣстной судьбѣ, изображается прекраснымъ созданьемъ, которое останавливается въ своемъ развитіи къ совершенству. Потому въ свадебныхъ пѣсняхъ невеста оплакивается, вмѣстѣ съ юпостью и волею, вмѣстѣ съ своимъ роднымъ гнѣздомъ, изъ котораго ея насильно вырываютъ,—оплакивается и свою дѣвью или дѣвичью красоту, которая символически представляется подъ видомъ дѣвичьяго головнаго убора, въ родѣ вѣпка (вѣпъ), и называется почѳлокъ (отъ слова чело).

Этотъ дѣвичій головной уборъ противопологается убору замужней женщины, который въ пѣснѣ называется красотю бабьею и изображается мрачными чертами.

Оплакиваніе невесты сопровождается драматическою сценою, въ продолженіе которой одна изъ дѣвиць вырываетъ у невесты изъ рукъ ея вѣнокъ или красоту, а невеста упорно защищается, плачетъ и прижимаетъ вѣнокъ къ себѣ. Между тѣмъ дѣвицы пла-

чей, какъ хоръ въ греческой трагедіи, выражающій лирическія ощущенія дѣйствующихъ лицъ и зрителей, какъ бы говоря за самоё невѣсту, поютъ слѣдующую пѣсню*), отличающуюся необыкновенною нѣжностью чувства:

Ты красное мое солнышко,
 Ты родная моя матушка!
 Принеси мнѣ дорогую дѣвью красоту,
 Мнѣ порадоваться еще съ дѣввей красотой,
 При милыхъ своихъ подружелькахъ,
 На золотомъ принеси на блюдечкѣ,
 И прижму её къ сердцу своему ретивому,
 И вздыну выше своей буйной головы.
 Моя дѣвья дорогая красота—
 Она раститъ крылья лебедипья—
 Улетѣть хочетъ съ моей буйной головы.
 Мнѣ куда съ ней будетъ дѣватися?
 Мнѣ какъ съ ней будетъ разстатися?
 Она красила меня, дѣвья красота.
 Я спесу свою дѣвью красоту—
 Улечу я во чисто поле—
 Я на яблокъ спесу на кудрявую
 И на бѣлую на березыньку:
 Я отойду млада послушаю,
 Не кукуетъ ли въ полѣ сѣра кукуница
 О своемъ о тепломъ гнѣздынкѣ?
 И не плачетъ ли моя дѣвья красота? . . .
 Плачетъ, плачетъ дѣвья красота
 О моей буйной головѣ,
 Да и она въ-уголѣ за мною все гонится.
 Ворочусь я бѣдна дѣвица,
 Возьму на ручки опять на бѣлыя,
 Къ сердцу прижму, да ко ретивому,
 И вздыну буйную свою голову:
 Красота ты моя великая!

*) Въ Архангельской губерніи.

Мнѣ куда съ тобой дѣваться?
 Мнѣ какъ же съ тобой будетъ разстаться?
 Я снесу тебя на . . . рѣку,
 На тихія снесу я па волны,
 Ко бѣлымъ ко лебедушкамъ:
 Что еще пуцай же дѣвья красота
 Пуцай съ нимъ красуется. . . .

Охти мнѣ молодой тошнехонько!
 Призывать стану сестрицу свою родимую:
 Ты сестрица моя одноутробная!
 Ты подой дитко ко мнѣ, голубушка!
 Есть у меня дума съ тобой подумати,
 У меня съ тобой тайное мое молвити.
 Я тебѣ сдавать стану волю-большину,
 Дорогую дѣвью красоту,
 Ты красуйся, сестрица родимая,
 Въ дорогой снаряжайся красотѣ!
 Тебя знать стануть люди добрые,
 Почитать стануть честны родители,
 Похвальба про тебя пойдетъ хорошая,
 Ты береги своей дѣвьеи красоты—
 Отъ вѣтру береги отъ буйнаго,
 Отъ частыхъ мелкихъ дожличковъ!
 Ты красуйся, сестрица моя родимая!
 Есть у баюшки за печнымъ столбомъ,
 Злодѣйка сидитъ бабья красота:
 Что житье бабѣ позорливое,
 Оно позорливо житье бабѣ, понечальное,
 Попечально житье бабѣ—вѣковѣчное—
 Оно на вѣкъ на меня навяжется.
 Все я буду подъ грозою жить подъ великою,
 Во печали житье пойдетъ, не въ радости,
 Что злодѣйка бабья красота,
 Она сидитъ у матушки за печнымъ столбомъ,
 Раститъ крылья истребиныя,
 Раститъ когти совиные,

Налетѣть хочетъ, напорхнуть,
 На мою на буйну голову,
 Она влѣпитъ хочетъ когти вострые
 Въ мои русые волосы. . . .

Пѣсня эта, восходя крещендо, заключается отчаяннымъ воплемъ невѣсты, у которой наконецъ отнимаютъ ее головной уборъ, и какъ бы навсегда разлучаютъ съ юностью и красотой.

Строгая обрядность и торжественность сглаживаютъ въ подобныхъ, надрывающихъ сердце сценахъ всякую драматическую раздражительность. Такъ поется и такъ дѣлается, потому что такъ заведено изстари. Однако нельзя при этомъ не замѣтить, что для созданія подобныхъ пѣсень нужно было пережить много взволнованныхъ чувствъ, нужно было глубоко проникнуться мыслию о томъ безотрадномъ состояніи, которое такъ энергически эти пѣсни выражаютъ.

Такъ въ глубинѣ ровнаго и, казалось бы, невозмутимаго теченія народнаго поэзіи, скованной обрядностью, много сокрыто движенія чувствъ и волненія страсти!

Но какъ въ эпосѣ, личная судьба человѣка уносится общимъ потокомъ событій, такъ и въ свадебныхъ пѣсняхъ это минутно взволнованное состояніе духа скоро приходитъ въ свое обычное, покорное судьбѣ теченіе.

5. Начавшись враждою между двумя семьями или племенами, свадебная драма во всемъ своемъ развитіи находится подъ наитіемъ враждебныхъ, демоническихъ началъ. Свадьба безъ дивъ не бываетъ—говоритъ русская пословица, то есть, безъ демоническихъ чарованій. Потому поѣздъ жениха и невѣсты обыкновенно охраняется разными оберегами или заклятіями отъ порчи и всякаго зла, насылаемаго на суженыхъ недобрыми людьми. Сюда же, вѣроятно, относится вывороченная наизнанку шуба, которая до позднѣйшихъ временъ употреблялась даже на княжескихъ и царскихъ свадьбахъ*).

Посаженыи отецъ и мать, а иногда и сваха падѣвали на себя шубу, шерстью вверхъ, и осыпали молодыхъ, воротившихся отъ

*) Чтобы выйти изъ лѣсу, когда обойдетъ лѣшій, пѣтъ другаго средства, какъ выворотить на себѣ шубу, шерстью вверхъ.

вѣнца, осыпаломъ*), то есть, деньгами, хмѣлемъ, или какъ теперь кое-гдѣ употребляется—овсомъ.

Осыпаніе осыпаломъ (но безъ пшубы) употреблялось при возвращеніи къ себѣ въ палаты пововѣнчаннаго на княжество князя или царя. Такъ на примѣръ былъ осыпаемъ деньгами царь Иванъ Васильевичъ Грозный**).

б. Къ особенно любопытнымъ остаткамъ языческой старины въ свадебныхъ обрядахъ принадлежатъ слѣдующіе:

а) Символическое значеніе каши. Молодымъ подаютъ кашу, и они, черпая ложками, мечутъ её за себя. Въ послѣдствіи кашу молодые просто ѣли, какъ свидѣтельствуемъ описаніе бракосочетанія царя Михаила Ѳеодоровича; горшки съ кашею огибались соболями (стр. 119). Метаніе каши назадъ за себя напоминаетъ намъ греческій миѳъ о Девкалионѣ и Пиррѣ, которые, оставшіеся послѣ потопа одни, бросали назадъ за себя камни, изъ которыхъ рождались люди.

б) Символическое или миѳическое значеніе воды и огня. Мы уже знаемъ силу этихъ очистительныхъ элементовъ на судѣ, по свидѣтельству чешской поэмы о Судѣ Любуши. Свадьба, какъ Судѣ Божій, сопровождается суевѣрными обрядами надъ водою и огнемъ.—Сначала о водѣ. По болгарскому обычаю посаженный отецъ и женихъ бросаютъ деньги въ котелъ, наполненный водою, какъ бы принося жертву водѣ. По обычаямъ великорусскимъ, въ пѣкоторыхъ губерніяхъ, ожидая жениха на дѣвичникѣ, черпаютъ изъ колодца кувшинъ воды и ставятъ его на полати, для того чтобъ женихъ, войдя въ избу, непременно прошелъ подъ этою водою. По обычаю славянъ лужицкихъ, чтобъ водилась въ новомъ хозяйствѣ скотина, и чтобъ коровы давали хорошее молоко, невеста, пришедши отъ вѣнца, тотчасъ же должна идти въ хлѣвъ и ногою толкнуть воду въ корытѣ.—Теперь объ огнѣ. Въ одномъ старинномъ описаніи русскихъ свадебныхъ обрядовъ сказано: „свѣщами съ огнемъ волхвуютъ кругъ главы съ четырехъ странъ, и трижды къ головѣ притыкаютъ.“ По болгарскимъ обычаямъ свать, войдя въ избу невесты, прежде всего загребаемъ уголья въ печкѣ: по этому обряду и узнаютъ находящіеся въ избѣ, что это пришелъ свать. У сербовъ

*) Бракосочетаніе царя Михаила Ѳеодоровича, стр. 103.

***) Царственная книга, стр. 134.

ведется слѣдующій обычай: молодая, воротившись отъ вѣнца, обходитъ трижды кругомъ очага, и каждый разъ останавливается, и, взявъ въ руки зажженое полѣно, потрясаетъ имъ, чтобъ сыпались искры; затѣмъ бросается на нее изъ за угла свекровь и повязываетъ ее поясомъ (какъ бы связываетъ похищенную певѣсту *). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Германіи и доселѣ наблюдается сходный съ этимъ обычай. Молодую водятъ трижды кругомъ только что разведеннаго огня въ очагѣ. Кое-гдѣ въ Великой Россіи раскладываютъ пылающій костеръ передъ избою певѣсты: женихъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ долженъ перескочить черезъ него, какъ бы въ знакъ очищенія отъ всякой бѣды и напасти.

7. Символическое значеніе спинанья сапога. Молодая должна спясть сапоги съ своего мужа. Известно Песторово сказанье о Рогпѣдѣ. Не соглашаясь выйти замужъ за Владиміра, вмѣсто того, чтобъ сказать: „не хочу быть его женою,“ она употребляетъ обычное выраженіе: „не хочу розути робычича (то есть, сына рабы Малунн), но Ярополка хочу“ (стр. 32).

Этотъ обычай сохранился въ простомъ народѣ до позднѣйшихъ временъ. При этомъ предполагается гаданье о будущей судьбѣ молодыхъ. Заблаговременно въ одинъ сапогъ молодому кладется какая нибудь монета, а въ другой плетка. Съ чѣмъ сапогъ молодая спяметъ, таково ей и счастье. Если съ плеткою, то молодой долженъ свою молодую сию хлестнуть.

Символь сапога съ нѣкоторыми видоизмѣненіями встрѣчается и въ нѣмецкихъ свадебныхъ обычаяхъ. Во всякомъ случаѣ надобно полагать, что онъ означаетъ зависимость жены отъ мужа, и, вѣроятно, состоитъ въ связи съ однимъ юридическимъ символомъ, приводимымъ у Я. Гримма, въ его *Deutsche Rechts-alterthumer* (стр. 156): покоренные въ знакъ повиновенія, по древнему обычаю, должны были пестить сапоги своего побѣдителя.

8. Въ заключеніе почтаю целиннымъ упомянуть о нѣкоторыхъ свадебныхъ терминахъ. Какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ причитаньяхъ, молодые обыкновенно называются княземъ и княгиниею.

*) Въ областныхъ нарѣчіяхъ слово опутать употребляется въ значеніи сватать. Это слово состоитъ въ связи съ обычаемъ свахъ, ходить сватать съ пугомъ, или веревкою.

Шаферъ въ старину назывался кумомъ. Изъ міеологическихъ названій, доселѣ удержанныхъ въ народѣ, особенно замѣчательно сохранившееся у поляковъ слово жрецъ (жерца или жержецъ) въ смыслѣ дружки. Изъ многихъ празднествъ или пиршествъ, которыми сопровождается свадьба, по знаменательности своихъ наименованій особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ пиры послѣ свадьбы, на которыхъ два рода-племени, сначала враждебно столкнувшіеся, наконецъ примиряются. Обѣдъ, который даетъ новобрачный въ первое воскресенье по свадьбѣ своей и жепиной роднѣ, называется спѣзпать или отводное, причемъ глаголь отводить употребляется въ смыслѣ—знакомитъ женихову родню съ невѣстиной. Окончательное отдѣленіе молодой отъ своего прежняго рода-племени символически выражается отворотнымъ столомъ. Это уже у тестя званый обѣдъ и пиръ, на которомъ молодые отдариваютъ подарками всю свою родню.

Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ русскіе свадебные обряды. Міеологія и суевѣрія тѣсными узами связаны въ нихъ съ жизнью народа, а поэзія, состоящая въ пѣсняхъ и причитаньяхъ, служитъ вѣрнымъ выраженіемъ этой семейной драмы, главною героинею которой является женщина съ своимъ поэтическимъ плачемъ о будущей судьбѣ, вдалекѣ отъ отца и матери, отъ своего рода-племени.

Л Е К Ц І Я 14-я.

Читана 4-го февраля 1860 года.

Въ младенческой, эпической періодъ народнаго быта, вся жизнь человѣка, всѣ болѣе или менѣе важныя ея событія и явленія, подчинены вѣрованью и обряду, которымъ двоевѣрный народъ даетъ характеръ суевѣрія и міеологической старины. Не только странныя болѣзни и бѣдствія, но и домашніе, частные случаи жизни, для успѣшнаго окончанія, требовали ѳберега, заговора или заклятія. Переходы въ новую избу, сажая садъ, выгоняя коровъ въ поле, даже иди на судъ и расправу, человѣкъ чувствовалъ себя спокойнымъ только тогда, когда принялъ міеологическія средства, чтобы избавиться отъ бѣды и всякой неудачи*). Эти средства главнѣйшимъ

*) Подробности въ рѣчи О. И. Буслаева: о народной поэзіи въ древне-русской литературѣ.

образомъ состояли въ вѣщемъ словѣ, въ поэтическомъ причитаньѣ. Такимъ образомъ, эта безъискусственная поэзія была не пустою забавою досуга, но существеннымъ вопросомъ жизни; эта поэзія сопутствовала самой жизни, направляла ее, наносила вредъ—злыми чарами, или оберегала—оберегами.

Само собою разумѣется, что въ пародѣ, въ которомъ распространяется христіанство въ теченіе столѣтій, эта наивная поэзія должна представлять чудовищную смѣсь миѳологіи съ христіанскими именами.

Теперь обратимся къ печальному концу человѣческой жизни.

Въ исторіи похоронныхъ обрядовъ германо-славянскихъ отличаются три главнѣйшіе періода:

1. Древнѣйшій, до-историческій, когда мертвеца спускали въ лодьѣ на воду.

2. Древній, эпохи исторической, когда мертвеца сожигали, и

3. Позднѣйшій, который состоитъ въ погребеніи мертвѣго тѣла въ могилѣ, и который употребляется и доселѣ.

Первый періодъ соприкасается съ той грубой эпохою, когда непогребенные трупы подвергались всѣмъ случайностямъ разрушенія, когда кочевые дикари, безъ призрачія, оставляли на пути своихъ падшихъ товарищей. Но уже рано была признана мысль о необходимости отдѣлять мертвыхъ отъ живыхъ, и, какъ кажется, у племенъ береговыхъ, остановленныхъ въ своемъ кочеваньѣ рѣками, озерами или морями, при которыхъ племена медлили и впервые познакомились съ осѣдлостью. Тогда полагали мертвеца въ лодью или челнокъ (въ колоду) и спускали на волны. По миѳическимъ понятіямъ, мертвые должны по морю или по рѣкѣ отплыть въ невѣдомую страну предковъ, откуда, по преданьямъ, будто-бы приплывали и поворожденные герои.

Въ англо-саксонской поэмѣ о Беовульфѣ. Скильдъ, родоначальникъ Скильдинговъ, будучи младенцемъ, приплываетъ одинъ на лодьѣ съ далекаго моря. Когда онъ состарѣлся и померъ, его также положили на разукрашенную лодью, и спустили въ море. Такимъ образомъ, и рожденіе, и смерть этого героя покрыты туманною неизвѣстностію далекаго моря. Но въ той же поэмѣ, самого Беовульфа погребаютъ по обряду 2-го періода: его сожигаютъ.

Уже въ пѣсняхъ Древней Эдды смѣшиваются оба древніе періода. Гудрупа (въ Нибелунгахъ Кримгильда) завертываетъ трупъ Атли въ чистое полотно, полагаетъ въ коробъ и на лодѣ спускаетъ на морскія волны. Но трупъ чистаго и свѣтлаго Бальдура уже сожигается на кострѣ. Обрядъ сожженія состоитъ въ связи съ жертвоприношеніемъ. Потому вмѣстѣ съ покойникомъ сожигались его доспѣхи, конь, любимыя предметы и даже его жена.

Свидѣтельства Нестора уже не достигаютъ того періода, когда славяне спускали своихъ мертвецовъ на воду. Онъ помнитъ и знаетъ только 2-го періода обряды: „Аще кто умрѣше—говоритъ онъ о русскихъ славянахъ—твориху трызну падъ пимъ, и посемъ твориху кладу велику, и възложашуть и на кладу мертвеца, сожъжаху, а посемъ собравше кости, вложашу въ судну малу и поставиху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и ныгѣ“ (стр. 6).

Нѣтъ сомнѣній, что и у славянъ былъ пѣкогда распространенъ обычай спусканья мертвеца въ лодѣ. На это указываютъ не только повѣрья и сказанья поэтическаго содержанія, но и самый языкъ. Древнѣйшее названье могилы у славянъ павъ, то есть, лодка, корабль (латинск. *navis*), потомъ павою назывался адъ и вообще страна смерти, наконецъ самыя покойники—павьс, а день по веснѣ, когда совершается память по усопшихъ—Навскій день. Въ этотъ день, по южнорусскому обычаю, бросаютъ въ воду скорлупу отъ крапневыхъ яицъ, для того, чтобы увѣдомить покойниковъ о праздникѣ Пасхи. Слѣдовательно, въ страну загробной жизни надобно переплывать черезъ воды. Классическій Харонъ также перевозилъ души умершихъ черезъ адскую рѣку. Роковой корабль сѣверной осогоніи былъ сдѣланъ изъ ногтей мертвецовъ.

Поэтическія преданья и сказанья наполнены воспоминаньями о загробной странѣ, къ которой путь по водѣ. Рыцарь Лебедя, въ извѣстномъ средневѣковомъ сказаньѣ, изъ страны невѣдомой, отдѣленной отъ людей живыхъ—подъѣзжаетъ къ берегу на лодѣ, и опять туда же скрывается, какъ существо не здѣшняго міра. Сюда же принадлежитъ самый обыкновенный сказочный мотивъ: разгнѣванный царь, чтобъ погубить свою супругу съ сыномъ, спускаетъ обонхъ въ море, въ засмоленной бочкѣ.

Такимъ образомъ, въ древнѣйшихъ похоронныхъ обрядахъ явля-

ются на сценѣ тѣ же двѣ стихіи, которыя мы видѣли уже на судѣ и на свадьбѣ,—стихи очистительныя, вода и огонь. По древнерусскимъ суевѣріямъ, вмѣнялось въ обычай ставить чашку съ водою на окно въ то время, когда человѣкъ умираетъ, будто бы для того, чтобъ душа его, вылетая изъ избы, успѣла искупаться въ этой водѣ.

Въ заключеніе о похоронныхъ обрядахъ, должно коснуться эпическихъ воплей, которыми родные провожаютъ покойника до могилы. Эти причитанья или вопли, то въ прозаической, то въ стихотворной формѣ, составляютъ цѣлый отдѣлъ народной поэзіи, въ которой глубина и искренность чувства принимаютъ ровное и невозмутимое теченіе обряднаго плача.

И здѣсь, такъ же какъ въ пѣсняхъ колыбельныхъ и свадебныхъ, опять женщина является представительницею высокаго поэтическаго творчества. Хороша милое дѣтище, она еще помнитъ тихія радости своей колыбельной пѣсни, и невольно къ нимъ обращается, поэтически причитывая надъ прахомъ своего сына:

Зачѣмъ же я тебя,
Свѣта яснаго,
На свѣтъ спородила,
Во святое крещенье крестила,
Во пелены пеленывала,
Во пелены камчатыя,
Во пояса шелковые?
Свѣтъ ты мой молодой юношѣ,
Юношѣ сынѣ возлюбленный!

Поэзія, служа въ этихъ причитаньяхъ готовымъ проводникомъ сътованья и плача, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ воображенію плачущихъ милый образъ оплакиваемаго и даже заставляетъ живыхъ бесѣдовать съ усопшимъ.

Такъ въ одномъ сербскомъ причитаніи матери по сынѣ, мать спрашиваетъ умершаго: „о милый мой сыночекъ! Кому оставляешь твою горемычную мать и жалкую, твою вѣрную жену, безутѣшныхъ братьевъ и сестеръ и несчастныхъ твоихъ милыхъ дѣтей?“—И печально обращается онъ къ ней и говоритъ: „о моя старая матушка! Тебя оставляю твоимъ милымъ дѣтямъ, а жену ея милымъ дѣтямъ,

моихъ братьевъ оставляю бѣлому дню, а сестеръ—ихъ семьямъ. А мнѣ пора итти въ путь. Тамъ, говорятъ, много добра. Тамъ, говорятъ, три бѣлые града: въ одномъ жаркое солнце сіяетъ, которое для меня теперь потемнѣло; въ другомъ спитъ лютая змѣя, которая будетъ пить мои черныя очи; въ третьемъ, говорятъ, черная зима, тамъ мнѣ всегда зимовать, погрузившись въ студеную воду.“ Смерть и жизнь загробную покойникъ называетъ зимою, потому что это время года символически знаменуетъ смерть, какъ весна—жизнь.

По преданью старины, и доселѣ въ Малороссіи, оплакивая свою мать, дочь сиротка выражаетъ свое горе въ формахъ древней народной поэзіи: *)

„О матушка моя родимая! Кукушечка, сизая голубушка! На что ты меня, несчастную, бросила, на что ты меня, несчастную, покинула? Или же я свое счастье въ воскресный день прогуляла (проѣла), или я свое счастье въ пятницу проспала?

„Встань, моя матушка! Встань, моя родимая! Прикажи мнѣ, матушка, что мнѣ работать! Скажи слово ласковое, скажи слово привѣтливое!

„Не слышишь ты меня, родимая! Отходились твои ноженьки, отработались твои рученьки, отглядѣлись твои оченки! Не слышишь, моя матушка? Прогнѣвалась? . . . Занѣмѣли твои уста, сомкнулись твои оченки, закрѣпили твои рученьки!

„Чтожь ты такъ крѣпко разгнѣвалась на меня, моя матушка— не хочешь со мною и слова сказать?

„Чтожь ты меня, моя матушка, не научила, какъ мнѣ горе горевать? Что же ты мнѣ не сказала, откуда мнѣ тебя смотрѣть? Изъ какой стороны намъ тебя въ гости ждатель? Къ Рождеству—спѣгомъ занесеть! Къ Пасхѣ—водою залъетъ! На Святой недѣлѣ—травою заростетъ! Такъ всѣ твои тропинки и дорожки заростутъ. . .

„Когда будетъ кукушка куковать, стану ее я спрашивать: не видала ли ты моей родной матушки? Скажи ей, кукушечка, какъ мнѣ тошно, какъ мнѣ горько безъ матушки жить! . . .

„О матушка моя родименькая! На что ты меня, несчастную, покинула? Гдѣ же мнѣ теперь, моя матушка, счастья искать? Или

*) Метлинскій. Народныя южно-русскія пѣсни, 1854 г. стр. 292—3. Въ переводѣ на великорусское нарѣчіе.

мое счастье въ огнѣ сгорѣло, или въ водѣ потонуло? или мое счастье вѣтромъ разнесло? . . . “

Сколь ни чуждалась наша книжная старина свѣжихъ мотивовъ народной поэзіи, но поэтической женскій плачь не однажды заносила она на свои страницы, то въ вѣщемъ заклинаньи супруги Игоря, то въ трагическомъ воплѣ боярскихъ женъ, отпустившихъ своихъ супруговъ на Куликово поле, то наконецъ въ наивномъ причитаньи самой княгини, оплакивающей кончину Донскаго героя.

Види своего супруга мертваго на одрѣ, княгиня Евдокія, ударяя руками въ грудь, громко рыдала и причитывала слѣдующія поэтическія жалобы: „О какъ же ты умеръ, дорогая моя жизнь, оставивъ меня вдовою? Куда ты отходишь, дорогой мой жизнь? Чтò не провѣщаешь ко мнѣ? Что на меня не взглянешь? или меня ты забылъ? Кому приказываешь меня и дѣтей своихъ? О солнце мое свѣтлое, почто рано заходишь? Звѣзда восточная, почто къ западу грядешь? . . . Гдѣ, преславный государь, честь и слава твоя? Гдѣ государство твое? . . . Ты царь и государь всей Русской земли—нынѣ же мертвъ лежишь, никѣмъ не владѣешь! Многія страны примирилъ ты, и многія побѣды одержалъ—нынѣ же смертію самъ побѣждешь! . . . Звѣри земные на ложа свои идутъ и птицы небесныя по гнѣздамъ летятъ: ты же, царь, отъ дому своего не красно отходишь! . . . Старыя вдовы, утѣшайте меня! Младыя вдовы, поплачьте со мною Вдовья бѣда горче всѣхъ бѣдъ!“—Это причитанье, переданное намъ грамотными людьми, нѣсколько попорчено витѣватыми фразами, но въ основѣ его—очевидно, народныя, поэтическія мотивы.

Не смотря на нѣжность и глубину чувствъ, причитанья смягчаютъ и успокоиваютъ душевную скорбь, и тѣмъ болѣе причитанья заученныя, обычныя, испоконъ вѣку идущія изъ рода въ родъ; точно такъ же, какъ слезы облѣгчаютъ, между тѣмъ какъ нѣмая скорбь, не орошаемая ни одной слезинкой, невыразимо томитъ сердце. Поэтому, уже въ самыхъ причитаньяхъ этихъ, въ обычныхъ эпическихъ вопляхъ заключается источникъ облегченія.

Эти причитанья, начиная отъ гомерическаго плача женъ о погибели Гектора до современныхъ поэтическихъ воплей надгробной пѣсни корсиканской, составляютъ первую, низшую ступень въ поэтическомъ выраженіи чувства.

Драматизмъ страсти составляетъ вторую, высшую ступень. Поэзія сѣверная, такъ глубоко проникнутая началами новой цивилизаціи даже въ своихъ мѣстахъ, перешагнувъ черезъ первую ступень обычныхъ эпическихъ причитаній, умѣла уже возвыситься до драматизма страстей.

Никогда эпическая поэзія не выражала такъ блистательно драматическое состояніе безутѣшной скорби женщины, утратившей своего мужа, какъ сѣверное, скандинавское сказанье о томъ, какъ Гудруна (въ Нибелунгахъ Кримгильда) сокрушалась о своемъ убіеніемъ супругѣ Зигурдѣ.

Вслѣдствіе гнуснаго предательства и интригъ, Зигурдъ былъ убитъ врасплохъ, по однимъ преданьямъ, ночью спящій, по другимъ—на охотѣ.

Однажды—такъ повѣствуется въ скандинавской сагѣ—Гудруна сидѣла надъ трупомъ своего супруга Зигурда, думая умереть. Она не вздыхала, не ломала рукъ, не испускала воплей—по обычаю женскому. Не могла она плакать, хотя отъ тоски разрывалась на части.

Желая се утѣшить, къ ней приблизились прекрасныя жены героевъ, золотомъ украшенныя, и сѣли около Зигурда. Каждая изъ нихъ рассказывала о своемъ горѣ, самомъ тяжкомъ, какое случилось испытать.

Говорила тетка Гудруны, сестра Гьюки: „Нѣтъ горемычѣе меня на свѣтѣ. Я потеряла пятерыхъ мужьевъ, двухъ дочерей, трехъ сестеръ, восмерыхъ братьевъ: я одна осталась въ живыхъ.“

Но Гудруна отъ тоски не могла плакать: такъ сокрушала ее смерть мужа, такъ терзало ее убіеніе этого князя.

Тогда прервала рѣчь Герборгъ, королева Гуновъ: „и я скажу о великой кручинѣ: въ южныхъ земляхъ семеро моихъ сыновей были убиты и вмѣстѣ съ ними мой мужъ. А моего отца съ матерью и четверыхъ братьевъ обманулъ вѣтеръ на морѣ, поглотила ихъ волна. И я одна по вѣхъ по нимъ совершала тризну; и все это перенесла и въ теченіе полугодія, и не было при мнѣ никого, кто бы меня утѣшилъ! Послѣ того еще не исполнилось полугодія, какъ меня отвели въ плѣнъ: и я каждое утро одѣвала и убирала супругу своего господина и обувала ее въ башмаки!“

Но Гудруна отъ тоски не могла плакать: такъ сокрушала ее смерть мужа, такъ терзало ее убіеніе князя!

Тогда сказала сестра ея, дочь Гьюки: „хоть ты и умна, но не умѣешь облегчить сердце молодой женщины, зачѣмъ это вы покрыли трупъ героя?“

Она стащила съ Зигурда покровъ и поворотила его лицо къ его супругѣ и сказала: „На! гляди на своего младаго Зигурда и лобызай его въ уста! обними его, какъ бывало прежде!“

Гудруна взглянула и увидѣла: кудри героя запылали кровью, погасли свѣтлыя очи князя, и грудь короля насквозь проколота мечемъ. И опустилась Гудруна, гдѣ она сидѣла; волосы на головѣ ея разметались, щеки побагровѣли, и ручьями полились слезы по груди ея. И плакала Гудруна, и рѣками лились ея слезы,—а на дворѣ кричали гуси, прекрасныя птицы, за которыми сама Гудруна ухаживала.“

Поразительная истина въ изображеніи человѣческихъ страданій не требуетъ объясненій въ этой, потрясающей душу драматической сценѣ, вполне достойной самого Шекспира!

Сравненіе этой драматической сцены съ обычными эпическими причитаньями надъ умершими лучше всего даетъ понятіе о томъ, сколько народу нужно пережить, сколько преобразоваться, чтобъ отъ успокоительнаго надгробнаго вопля эпохи эпической дойти до тревожнаго волненія драматическихъ сценъ.

Эпосъ утишаетъ народную дѣятельность, давая ей ровное и торжественное теченіе, не возмущаемое минутными всплесками; драма, развивая страсти, раздражаетъ и тревожитъ. Вѣкъ эпическій предшествоуетъ лирическому движенію личныхъ чувствъ и увлеченій, и драматическимъ порывамъ страстей.

Характеръ народной поэзіи русской—чисто эпическій. Эпическая поэзія воспитываетъ народъ въ спокойномъ созерцаніи, въ невозмутимомъ и ровномъ существованіи, обеспеченномъ обычною обрядностью, чуждою всякихъ случайныхъ, драматическихъ тревоженій *).

Русскія причитанья стоятъ выше личнаго выраженія скорби. Это обычная, поэтическая дань живыхъ мертвымъ, перешедшимъ въ

*) Это мнѣніе Вильгельма Гумболяда.

область предковъ. По понятіямъ русскаго народа, мертвый уже теряетъ свою личность, свое личное отношеніе къ оставшейся послѣ него родилѣ. Эта мысль лучше всего выражается самымъ языкомъ, въ которомъ слово родители значитъ вообще покойники, хотя бы относилось это слово къ одному лицу, даже малолѣтнему, обоего пола; напр., говорится: „несутъ хоронить родителей“ (то есть, кого нибудь умершаго *).

Согласно съ этимъ, у славянъ слово Дѣды и Дзяды употребляется въ смыслѣ умершихъ предковъ. Какъ героевъ, ихъ чтили божескою честию въ лицѣ божества, которое называлось Родъ, будто бы, сотворившій весь свѣтъ.

Поклоненіе Роду и Рожаницамъ (богинямъ судьбы) было самое распространенное въ древней Русн.

Лекція 15-я **).

Если, съ одной стороны, творчество народной фантазіи было сковано обрядностью и неизмѣнностью обычаевъ, между которыми ровно и безсознательно протекала жизнь человѣка, отъ колыбели до могилы, оглашаемая причитаньями, пѣснями и заклятіями; то, съ другой стороны, и всѣ возрѣнія на явленія жизни и природы, вмѣсто того чтобы развивать мысль и способствовать дальнѣйшему образованію человѣческаго духа—только стѣсняли и замедляли его дѣятельность, ограничиваясь тѣми узкими предѣлами, которые извѣстари намѣчены мифологіею и суевѣріями.

Самое теченіе времени, постоянно идущее впередъ, постоянно освѣжаемое новыми струями въ историческіе періоды жизни развитой, образованной,—народная поэзія, вѣрная мнѣнческой старинѣ, замкнула въ ограниченный кругъ время года, и это чисто внѣшнее, чисто физическое опредѣленіе времени, этотъ неизмѣнный круговоротъ, возвела она до идеальнаго значенія, воплотивъ въ перемѣнахъ года перемѣны въ жизни и судьбѣ своихъ боговъ, и, такъ сказать, съ самымъ временемъ, съ перемѣнами время года, слила

*) Въ Калужской и Орловской губерніяхъ.

**) Время чтенія этой лекціи не обозначено. С. Д.

въ одно нераздѣльное цѣлое жизнь боговъ и вымышленныя ихъ похождения.

Многіе изъ мифическихъ преданій и обрядовъ, какъ у славянъ и нѣмцевъ, такъ и у другихъ народовъ, объясняются теченіемъ времени года, прибылью или убылью солнечнаго тепла, возвращеніемъ весны или замирашемъ природы съ наступленіемъ зимы.

Съ принятіемъ христіанства народная годовщина получила значительныя видоизмѣненія, хотя въ сущности и удержала языческія основы. Эти видоизмѣненія состояли въ слѣдующемъ:

1) Согласно греко-римскому календарю принято было опредѣленное и одинаковое число мѣсяцевъ съ классическими именами января, февраля и проч. *) Въстѣ съ тѣмъ установились имена и число недѣльныхъ дней. Но первоначально, въ народахъ языческихъ, раздѣленіе времени на участки зависѣло отъ мѣстности, климата и мифическихъ представленій. Понятіе о мѣсяцахъ развилось изъ понятія о временахъ года; самое число этихъ періодовъ было различно, то четыре, то шесть, и наконецъ 12. Согласно перемѣнамъ погоды и явленіямъ физическимъ мѣсяцы назывались, напримѣръ, у славянъ русскихъ:

Сентябрь—Рюинъ.
 Октябрь—Листопадъ.
 Ноябрь—Грудень.
 Декабрь—Студень.
 Январь—Просинець.
 Февраль—Сѣчепъ.
 Мартъ—Сухой.
 Апрель—Брѣзозоръ (или Березозоль).
 Май—Травень (иначе Цвѣтень).
 Іюнь—Изокъ (также Сѣпозорникъ).
 Іюль—Червень.
 Августъ—Заревъ.

Сверхъ того у другихъ славянъ были и другія имена мѣсяцамъ. Напримѣръ: у поляковъ: Февраль—Лютый, Іюль—Липецъ, Ав-

*) Въ русскомъ народѣ доселѣ счетъ мѣсяцами не употребителенъ.

густъ—Серпень. У пѣмцевъ Апрѣль—мѣсяцъ богини Остары—Ostarmånóth, Июль—мѣсяцъ сѣнокоса—Newimånóth, Ноябрь—волчій Wolfimånóth, и т. н. Само собою разумѣется, что эти древнія названія не всегда соответствовали классическимъ; такъ напр., Листопадомъ назывался вообще осенній мѣсяцъ, Студенымъ или Волчьимъ—зимній, Сухимъ—ранняя весна, Травнемъ или Цвѣтнемъ—время весеннее, Сѣнозорникомъ—лѣтнее и т. д.

Точно такъ и недѣльные дни имѣли пѣкогда народныя имена, изъ которыхъ обращаю вниманіе на четвергъ—день Тора или Церуна и на пятницу—день Френ*).

2) Празднества народныя были приурочены къ праздникамъ собственно христіанскимъ и къ воспоминаньямъ о событіяхъ священной и церковной исторіи. Еще и понынѣ у пѣмцевъ употребляется народное названіе апрѣля мѣсяца—Ostermonat, согласное съ наименованіемъ Пасхи—Ostern. И донынѣ съ этимъ праздникомъ соединяются дохристіанскіе обряды заженія огнищъ и купанья въ водѣ, а также преданье о томъ, что солнце въ этотъ день восходитъ на небо тремя ускоками или прыжками. Языческій обычай погруженія въ воду на праздникъ Пасхи существовалъ и на Руси**). Сверхъ того по древнерусскому преданью, Пасха называлась Великъ день, будто-бы потому, что этотъ день продолжается цѣлую недѣлю, въ теченіе которой солнце не сходитъ съ горизонта. Суетливые обычаи Святокъ и Коляды были приурочены къ христіанскому же празднику Рождества Христова. Эти обычаи, сопровождаемые гаданьемъ, соответствуютъ миѳическому значенію солнца, которое съ декабря мѣсяца, какъ бы возрождается и беретъ новую силу. Лѣтній праздникъ Купалы, соединенный съ поклопеніемъ солнцу и огню, то есть, Сварогу и Сварожичу, былъ приуроченъ къ 24-му іюня, ко-

*) Древне-скандинавскія названія недѣльныхъ дней:

Воскресенье—Sunnudagr (день Солнца).
Понедѣльникъ—Månadagr (день Мѣсяца).
Вторникъ—Tysdagr (день Тира).
Среда—Odinsdagr (день Одина).
Четвергъ—Thorsdagr (день Тора).
Пятница—Friadagr (день Френ).
Суббота—Laugardagr (день баши).

**) Сличіи жертвоприношеніе Садки.

гда воспоминается христіанскою церковью Рождество Іоанна Крестителя *).

Времена года, мѣсяцы и даже недѣльные дни, какъ проявленія жизни и сила мнѳогическихъ существъ, олицетворялись.

Не входи въ мнѳологическія изслѣдованія объ этихъ олицетвореніяхъ, предложимъ самыя данныя по народнымъ поэтическимъ сказаньямъ.

Сначала олицетвореніе времени года. Особенно замѣчательно въ народной поэзіи олицетвореніе весны, этого цвѣтущаго времени года, когда все получаетъ новую жизнь, все возрождается, цвѣтеть. Ни одно народное произведеніе не выразило этой идеи такъ поэтически, во всей ея благоуханной свѣжести, какъ валашская сказка о царевнѣ Флоріанѣ, то есть, о Цвѣтущемъ царевнѣ, или Цвѣтѣ-царевнѣ. (Въ изданіи Шотта, № 27).

Нѣкоторый король заключилъ свою прекрасную дочь въ замкѣ, чтобъ предохранить ее отъ вражескихъ покушеній. Когда царевнѣ исполнилось 16 лѣтъ, красота ея была такъ могущественна, что когда царевна проходила по саду, то самыя цвѣты передъ нею склонялись, птицы въ кустахъ благоговѣнно замолкали, даже рыбы выплывали изъ глубины, чтобъ взглянуть на красавицу. Разъ гуляючи въ саду, она получила отъ незнакомой женщины цыганки букетъ прекрасныхъ, пахучихъ цвѣтовъ, которые имѣли чудодѣйственную силу. Принесши ихъ домой, она поставила ихъ въ воду. Эту воду изъ подъ цвѣтовъ она выпила, и отъ того родила царевича, который отъ цвѣтовъ получилъ имя Флоріана или Цвѣтущаго.

Царь, разгнѣвавшись на свою дочь, велѣлъ ее посадить въ бочку вмѣстѣ съ сыномъ и пустить въ море. Выростая мгновенно, царевичъ разбилъ бочку въ дребезги и такимъ образомъ освободился вмѣстѣ съ своею матерью. Послѣ того стали они жить въ одномъ

*) Годъ и рокъ. Годъ—вообще время, година—извѣстная или неизвѣстная часть времени, потомъ часть. Годъ и годить (ждать), часть и чаять(?). Рокъ—годъ (отъ глагола реку)—значить: 1) рѣчь, слово (у—рокъ, за—рокъ); 2) сватовство (сличи: сговоръ); 3) судебное собраніе, совѣщаніе, вѣче (тоже при глаголѣ вѣщать, вѣчать); 4) юридическій срокъ; 5) судьба, и наконецъ. 6) годъ. Сличи: миръ и мѣръ. День родственно съ deus, divus и съ дивить (смотреть): дивч.—мнѳическое существо. Недѣля—праздникъ. Великъ день—праздникъ.

замкѣ, принадлежавшемъ Зміямъ, которыхъ всѣхъ перебилъ Флоріанъ, за исключеніемъ одного, котораго полюбила его мать.

Наша пѣсня о Волхѣ Всеславьевичѣ имѣетъ очевидное сходство съ этою валашскою сказкою, потому что Марѳа Всеславьевна также, гуляючи въ саду, родила Волха, и была въ сношеніяхъ съ Зміемъ.

Мать Флоріана вмѣстѣ съ Зміемъ покушаются на жизнь этого царевича. Дважды Флоріанъ спасается отъ смерти, съ великою опасностью добывая для своей матери, притворившейся больною, — мнимые цѣлебные предметы. Въ третій разъ, по ея же просьбѣ и по паущенію Змія, онъ отправляется за живою водою изъ источника жизни, который на Черной горѣ стережетъ злой духъ.

Отправляясь на этотъ опасный подвигъ, Флоріанъ увидѣлъ на Бѣломъ озерѣ близъ Черной горы купающихся водяныхъ дѣвъ. Узнавъ, куда онъ отправляется, они опасались за его жизнь и совѣтовали ему не ходить. Но онъ, повинувшись долгу сыновней любви, пошелъ въ гору за живою водою.

На вершинѣ горы окружилъ его такой густой, непроницаемый мракъ, что онъ ничего не могъ видѣть, и вдругъ очутился передъ источникомъ жизни. Едва онъ наклонился, чтобъ почерпнуть изъ него воды, мгновенно подъ его колѣнами закрутился страшный вихрь, мгновенно подхватилъ его отъ земли вверхъ, и тамъ въ воздухѣ разорвалъ его на тысячи кусковъ и разметалъ ихъ по берегу Бѣлаго озера.

„Въ полночь—такъ передаетъ валашская сказка—когда полный мѣсяцъ возшелъ надъ Бѣлымъ озеромъ, и его голубые лучи, трепеща, омывались въ пѣнящихся волнахъ, проснулись водяныя дѣвы отъ своей дремоты на днѣ озера, и выплыли на его поверхность. Сначала выплыла ихъ царица, потомъ съ разныхъ сторонъ сплылись онѣ и всѣ, и стали между собою играть и шутить, но вдругъ одна изъ нихъ съ плачемъ врывается въ ихъ толпу и показываетъ царицѣ сердце Флоріана, которое пало въ волны озера. Увидѣвъ сердце, царица очень опечалилась, созвала всѣхъ дѣвъ, и приказала имъ на берегу и на днѣ озера собрать всѣ растерзанные члены несчастнаго героя и принести къ ней. Спустя малое время, приплыли онѣ такъ же радостны, какъ печальны отплывали, потому что каждая изъ нихъ приносила одну изъ частей тѣла Флоріанова, высоко держа въ воз-

духъ надъ водою. Царица сложила всѣ члены вмѣстѣ, и одну изъ дѣвъ послала за живой водою, а другую за цвѣтами, на которые и положила Флоріана. Потомъ вставила въ него сердце, вспыснула трупъ живою водою, и возрожденный герой мгновенно вокрестъ, будто пробужденный отъ глубокаго сна.“

Олицетвореніе мѣсяцевъ.

Въ одной словацкой сказкѣ*) мачеха, чтобъ извести свою прекрасную падчерицу посылаетъ ее зимою въ лѣсъ за фіалками. Несчастная повинуется и въ слезахъ приходитъ въ лѣсъ. Вдали свѣтитъ огонь. Она идетъ въ ту сторону, и видитъ—на холмѣ зажженъ костеръ. Кругомъ огня на камняхъ сидятъ 12 человекъ: трое съ сѣдыми бородами, трое помоложе, трое еще помоложе, и трое самыхъ молодыхъ были прекрасны. Они молчали и тихо смотрѣли на огонь. Это были 12 мѣсяцевъ. Ледяной мѣсяць сидѣлъ на первомъ мѣстѣ. Волосы его и борода были бѣлы, какъ снѣгъ. Въ рукахъ держалъ онъ жезлъ. Тотчасъ же замѣтили они подошедшую къ нимъ дѣвицу. Она сообщила имъ о своемъ горѣ, называя ихъ государями настухами. Тогда Зимній мѣсяць велѣлъ сѣсть на первое мѣсто Маргу. Маргъ махнулъ жезломъ поверхъ огня. Огонь запылалъ сильнѣе и выше, и вотъ—снѣгъ начинаетъ таять, на деревьяхъ показываются почки, подъ деревьями зеленѣетъ трава—и такъ наступаетъ весна: подъ кустарникомъ зацвѣли фіалки. Когда падчерица зимою принесла мачехѣ цвѣтовъ, эта послѣдняя тѣмъ не удовольствовалась и послала ее за земляникою.

Падчерица опять приходитъ въ лѣсъ и встрѣчаетъ тотъ же радостный пріемъ. На первое мѣсто сѣлъ Іюнь и также махнулъ надъ огнемъ жезломъ. Пламя поднялось выше прежняго, снѣгъ тотчасъ растаялъ, поля зазеленѣли, деревья одѣлись листьями, зацвѣли птички и зацвѣли цвѣты. Настало лѣто: и вотъ по травѣ мелькаютъ бѣленькія звѣздочки, будто ихъ кто насѣялъ. Тотчасъ же, на глазахъ, бѣленькія звѣздочки переходятъ въ землянику: ягоды мгновенно созрѣваютъ, и не успѣла дѣвушка сиротка оглянуться,—столько ихъ высыпало на лугу—будто кто его обагрилъ каплями крови, и т. д.

Такъ глубоко проникнута жизнью природы настоящая народная поэзія! Вдохновенная чарованьями своихъ божествъ, она, будто-бы,

*) Wenzig, Westslawischer Märchenschatz. 1857 г. стр. 20.

чувствъ, какъ прозябають трава и какъ плестяють лепестки распускающагося цвѣтка!

Какъ времена года (и потомъ мѣсяцы) были почтены мнѣческой связью съ божествами, такъ и малые періоды времени, составляющіе недѣлю. Чередою смѣняющіеся дни и ночи, какъ выраженіе сверхъестественныхъ силъ божествъ свѣта и тьмы, не могли миновать того же строго замкнутаго мнѣческаго круга, въ которомъ вращалась творческая фантазія эпическаго періода.

Хотя уже въ эпоху незапамятную между славянами были распространены повья названія недѣльныхъ дней, состояція изъ отвлеченныхъ понятій счѣта (вторникъ, четвергъ, пятница), однако и доселѣ въ народныхъ преданіяхъ сохраняется память о связи дней недѣльныхъ съ существами мнѣческими. Такъ память о мнѣческомъ днѣ Тора или Перуна, то есть, о мнѣческомъ значеніи четверга доселѣ сохранилась въ особенномъ чествованіи седьмаго четверга по Пасхѣ, именуемаго Семикомъ. Въ этотъ день вьютъ вѣнки и играютъ хоробы. Пятница, какъ день посвященный божеству женскому, окружена суевѣрными преданіями. Кое-гдѣ на Русн доселѣ вѣрятъ, что въ ночь наканунѣ пятницы ходитъ по избамъ какое то сверхъестественное существо въ видѣ прекрасной жены, и если гдѣ пойдетъ подъ своимъ стопами соръ, то наказываетъ хозяйку. Потому передъ ея ночнымъ шествіемъ, съ вечеру выметаютъ изъ избъ всякій соръ.

Въ одной валашской сказкѣ являютя дѣйствующими лицами Св. мать Середа, Св. мать Пятница и Св. мать Недѣля (то есть, Воскресенье). Сюда же принадлежитъ Св. Недѣлька (то есть, первое воскресенье по новолуніи) въ словацкой сказкѣ о матери и ея сыгѣ, въ сказкѣ, имѣющей сходство съ валашской о Флоріанѣ. (Wenzig, стр. 144).

Очистивъ отъ Зміевъ пѣкоторый замокъ, сыгъ поселился въ немъ съ своею матерью. Но въ одной комнатѣ замка оставался еще Змій, котораго приковали тамъ его братья Зміи. Онъ успѣлъ сблизиться съ матерью, которая вмѣстѣ съ нимъ старается извести своего сына. Она притворяется больною, и, для изцѣленія своей болѣзни, проситъ сына добывать ей различные рѣдкостные предметы, которыхъ пріобрѣтеніе сопряжено съ смертельною опасностью. Въ этихъ то

подвигахъ помогаетъ юному герою Св. Недѣлка, которая даетъ ему даже своего сверхъестественнаго коня. Наконецъ матери удается связать своего сына полковнымъ шнуркомъ. Потомъ Змій убиваетъ юношу, и вырѣзавъ сердце, оставляетъ у себя. Но Св. Недѣлка воскрешаетъ сына помощію живой воды, и, по ея наставленію, герой хитростью выманываетъ у похитителей свое сердце.

Особенно замѣчательно по своей высокой деликатности и по нравственному чувству окончаніе этой сказки. Мать должна быть наказана по чувству справедливости человѣческой вообще; но врожденное чувство сыновняго благочестія ужасается при мысли быть исполнителемъ казни надъ матерью, хотя бы и преступною. Потому сынъ предоставляетъ ея участь Суду Божью, подвергая ему и себя вмѣстѣ съ матерью. Онъ выводитъ свою мать на дворъ замка, говоря: „Не бойся меня: я не хочу тебѣ зла! Пусть судитъ тебѣ самъ Богъ!“ Потомъ, выведши ее на дворъ, продолжаетъ: „Смотри, матушка! Этотъ мечъ я брошу вверхъ: и кто виноватъ, того накажетъ самъ Богъ“. Мечъ просвистѣлъ въ воздухѣ, сверкнулъ и, пролетѣвъ мимо головы юноши, вонзился прямо въ сердце матери.

Не только цѣлая недѣля въ обычномъ чередованіи недѣльныхъ дней, но даже перемѣны въ теченіе сутокъ были возведены въ предметъ суевѣрнаго чествованія. По скандинавской мифологіи темная богиня Ночь произвела на свѣтъ блистательнаго сына, котораго называли День. Зоря Зоряница, называемая у насъ въ пародной поэзіи Красною дѣвицею, какъ греческая Эосъ, играетъ мифическую роль въ русскихъ заклятіяхъ и загадкахъ.

Какъ въ теченіе года, переломъ зимы па лѣто (Святки) и высшая степень тепла лѣтомъ (Купало), то есть, середина зимы и лѣта—преимущественно годовщины мифическаго чествованія; такъ и въ суткахъ отмѣчены два перелома, два урочныхъ часа, къ которымъ особенно сосредоточена чарующая сила—это полночь и полдень.

Не касаясь слишкомъ извѣстныхъ, общераспространенныхъ суевѣрій о полуночи, укажу па мифическое значеніе полудня.

У славянъ есть особые мифическія существа изъ породы Виль и Русалокъ: это Полудницы. Въ полдень выходятъ онѣ въ поле съ серпомъ, которымъ до смерти поражаютъ онѣ тѣхъ, кто въ пол-

день замѣщается на работѣ или кто не отвѣтитъ имъ на ихъ распросы и загадки. По древнерусскому обычаю, какъ свидѣтельствуєтъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи дѣтямъ, полдень назначенъ и человѣкамъ и звѣрямъ для сна.

Особенное значеніе въ народныхъ вѣрованьяхъ и въ поэзіи имѣеть ночное время, какъ время сновидѣній.

По преданію русскаго стиха о Голубиной Книгѣ, почи будто бы произошли отъ думъ Господнихъ. По гомерическому повѣрью, сновидѣнья посылаются отъ самого Зевса. Въ безыскусственной поэзіи всѣхъ народовъ такъ глубоко вкоренено это вѣрованье въ непосредственное соотношеніе съ сверхъестественными силами во время сна, что самыя сновидѣнія принимаются за вѣщія предсказанія. Для народной фантазіи сновидѣніе не только равносильно дѣйствительности, но даже выше ея: это суцая правда, освобожденная отъ всякихъ случайностей дѣйствительности, это переложное прорицанье, на основаніи котораго будетъ совершаться все важное и роковое на самомъ дѣлѣ, въ жизни человѣка.

Поэма о Нибелунгахъ открывается описаньемъ вѣщаго сна Кримгильды, сна, исполненіе котораго составляетъ главное содержаніе всей поэмы. Ей снился ясный соколъ, котораго заклевали два орла: то есть—у ней будетъ ясный соколъ—женихъ и мужъ, но онъ погибнетъ отъ враговъ, какъ толкуеть ей этотъ сонъ мать ея Ута.

Итакъ, если въ сновидѣніи человѣкъ вообще предается безотчетной и часто безсвязной игрѣ воображенія, то народная поэзія, подчинивъ дѣйствительность вѣщему сновидѣнью, тѣмъ самымъ возвела ее въ идеальный, фантастическій міръ.

Л Е К Ц І Я 16-я.

Читана 9-го февраля 1860 года.

Предложимъ краткое обозрѣніе главнѣйшихъ народныхъ годовщинъ, особенно важныхъ для исторіи вѣрованій и поэзіи. Предварительно должно замѣтить, что годовщины предлагаютъ не только смѣшеніе язычества съ христіанствомъ, но и вліяніе позднѣйшей, исторической жизни племенъ. Видно, что эти народныя празднества

и сопровождающая ихъ поэзія, уходя своими мифическими основами въ глубь времени незапамятныхъ, время отъ времени вносили въ себя новые элементы развивающейся, исторической жизни.

Начнемъ съ годовщины зимнихъ.

1. Празднество Коляды и Святки.

Къ своей доморощенной мифологіи славяне присоединили въ этихъ празднествахъ два элемента: 1) Греко-римскій, хотя тоже языческій, но, вѣроятно, вслѣдствіе историческихъ вліяній классическаго міра на диварей славяно-германскихъ, потому что Коляда есть не что иное, какъ Kalendae, то есть, праздничные дни каждаго мѣсяца, когда приносились жертвы богамъ. 2) Элементъ христіанскій, главнѣйшимъ образомъ состоящій только въ томъ, что народныя суевѣрья этой годовщины были приурочены къ христіанскому празднику Рождества Христова.

Празднованіе Коляды происходитъ наканунѣ Рождества Христова. Это праздникъ земледѣльческій, въ честь солнца, которое начинаетъ объ эту пору забирать новыя силы. Особенно Галицкая Русь богата обрядами колядными. Тамъ на этотъ праздникъ ставятъ по угламъ избы снопы и гадаютъ ими о будущемъ урожаѣ. Но особенно важно на этомъ праздникѣ символическое употребленіе плуга: на столъ кладутъ рукоятъ плуга, будто бы для того, чтобъ мыши и кроты не портили нивы. Сверхъ того водятъ волка: наряжаются въ волчью шкуру, вѣроятно, согласно съ названіемъ декабря и смежныхъ съ нимъ по обѣ стороны мѣсяцевъ—Волчьимъ мѣсяцемъ.

Дѣти и нищіе на Коляду ходятъ въ Южной Руси по домамъ, поютъ пѣсни и собираютъ себѣ плату или подаище за колядованіе. Въ нарѣчій тверскомъ и доселѣ слово колада употребляется въ общемъ значеніи дневнаго сбора милостыни нищими. Обычай колядныхъ подарковъ былъ и у древнихъ римлянъ, отъ которыхъ перешолъ и въ средніе вѣка на западъ Европы*).

Само собою разумѣется, что въ пѣсняхъ колядныхъ воспоминается Рождество Христово, но сверхъ элемента христіанскаго очевидно и древнѣйшій, языческій.

*) См. Полидора Виргилія; въ русскомъ переводѣ, изд. 1720 г., стр. 238—9.

Особенно важна въ послѣднемъ отношеніи колядная пѣсни о жертвоприношеніи козла, доселѣ сохранившаяся въ Южной Руси:

За рѣкою, за быстрою, ой колѣдка!
 Лѣса стоять дремучіе,
 Во тѣхъ лѣсахъ огни горять,
 Огни горять великіе,
 Вокругъ огней скамьи стоять,
 Скамьи стоять дубовыя,
 На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
 Добры молодцы, красны дѣвицы
 Поютъ пѣсни колѣдушки.
 Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
 Онъ точитъ свой булатный ножъ.
 Котель кипитъ горючій,
 Возлѣ котла козель стоитъ:
 Хотятъ козла зарѣзати.
 Ты, братецъ Иванушко,
 Ты выди, ты выпрыгни!
 Я радъ бы выпрыгнуть:
 Горючь камень
 Къ котлу (иначе: Ко дну) тпнеть,
 Желты пески
 Сердце высосали.

Ой колѣдка! ой колѣдка!*)

Мы уже знаемъ, что козель былъ посвященъ Торѣ—Черунѣ, божеству земледѣлія и семейной осѣдлости. Онъ ѣзжалъ въ телегѣ, запряженной двумя козлами.

Празднество Свѣтокъ сопровождается гаданьемъ о будущей судьбѣ, подъ пѣсни подблюдныя, которыя называются такъ потому, что гаданье совершается надъ блюдомъ, въ которое кладутся собранныя отъ гадающихъ кольца, запонки, сережки, вмѣстѣ съ кусочками хлѣба. Сначала поютъ пѣсню хлѣбу и соли, потомъ другія подблюдныя пѣсни, содержаніе которыхъ предсказываетъ судьбу гадающихъ—богатство, свадьбу, смерть и т. п.

*) Снегиревъ. Русскіе прѣстонародные праздники. ч. 2, стр. 68—69.

Пѣсня хлѣбу и соли есть не что иное, какъ торжественный гимнъ во славу Господу Богу, Государю-Царю и всей землѣ Русской. Самый напѣвъ этого гимна отличается необыкновеннымъ величіемъ:

Слава Богу на небѣ,
 Слава!
 Государю нашему на сей земли,
 Слава!
 Чтобъ нашему Государю не старѣться,
 Слава!
 Его цвѣтному платью не изнашивать,
 Слава!
 Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
 Слава!
 Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
 Слава!
 А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
 Слава!
 Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
 Слава!*)

Иначе:

Слава Богу на небѣ!
 Слава!
 Государю Русскому по всей землѣ
 Слава!
 А и слугамъ его, боярамъ не старѣться!
 Слава!
 А бы правда пошла по всей Русской землѣ!
 Слава!**)

Начинають гаданья и запѣвають подблюдныя пѣсни обыкновенно съ Васильева вечера, то есть, наканунѣ Новаго года.

Изъ множества святочныхъ гаданій укажу на слѣдующія: ночью снимають съ насѣсти куръ и пускають въ избу, гдѣ приготовлены

*) Ibid. стр. 70.

**) Лѣтописи русской литературы и древностей, 1859. № 2.

для нихъ въ трехъ мѣстахъ—вода, хлѣбъ и кольца: гадаютъ по тому, къ чему подойдетъ курица.

Выводятъ лошадей изъ конюшни черезъ оглобли или черезъ жердь: счастье, если лошадь переступитъ не зацѣпивши. Это гаданье ведетъ свое начало отъ временъ языческихъ. Такъ гадали конемъ жрецы Свѣтовида, божества прибалтійскихъ славянъ, соответствующаго сѣверному Одину.

Слушаютъ, съ которой стороны залазетъ собака; бросаютъ за ворота башмаки; спрашиваютъ перваго встрѣчнаго о его имени, и т. п. Льютъ воскъ, олово въ воду; ставятъ подъ постель чашку воды съ мостикомъ собраннымъ изъ лучинокъ; смотрятъ въ зеркало, накрываютъ приборъ для суженаго въ нежилой комнатѣ и въ полночь ждуть его тѣни, и проч. Большая часть этихъ гаданій касается замужества.

Нѣкоторыя изъ подблюдныхъ пѣсенъ замѣчательны по своему высокому художественному достоинству.

Напримѣръ:

Вился, вился яркий хмѣль,

Слава!

Около тычинки серебряныя,

Слава!

Такъ бы вились князья и бояре*),

Слава!

Около Царя Православнаго

Слава!

* * *

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,

Слава!

У богатаго мужика двѣ радости,

Слава!

И онъ сына-го женить,

Слава!

Дочь замужъ отдаетъ

Слава!

* * *

*) Очевидно, что пѣсни такого содержания были достоянствомъ не одного простонародья. но и князей и бояръ, которые, какъ отсюда видно, тоже присутствовали при пѣньяхъ подблюдныхъ пѣсенъ.

Катилось зерно по бархату,
 Слава!
 Еще ли то зерно бурмитское,
 Слава!
 Прикатилось зерно ко яхонту,
 Слава!
 Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,
 Слава!
 Хорошъ женихъ со невѣстою,
 Слава!
 Да кому мы спѣли, тому добро,
 Слава!
 Кому вынется, тому сбудется,
 Тому сбудется, не минется,
 Слава!
 * * *
 Летить соколъ изъ улицы,
 Слава!
 Голубушка изъ другой,
 Слава!
 Слетались, цѣловались,
 Слава!
 Сизыми крыльями обнимались,
 Слава!
 Ужъ и имъ добрые люди дивовались,
 Слава!
 Какъ соколъ съ голубушкой уживались
 Слава! *)
 * * *

Металлическія кольца, серьги, и особенно золото играютъ важную роль въ святочныхъ гаданьяхъ. Хоронить золото—есть одинъ изъ древнѣйшихъ обрядовъ, отъзывающихся миенческою стариною. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: сидящимъ дѣвицамъ и мущинамъ отдается

*) Снегиревъ. Русскіе простонародные праздники, ч. 2, стр. 71 и слѣд.

оставшееся отъ подблюдной пѣсни кольцо, которое они тайкомъ передаютъ другъ другу; между тѣмъ одна дѣвица или одинъ молодецъ ищетъ его при пѣніи обрядовой пѣсни, до тѣхъ поръ, пока не найдетъ. Пойманный опять начинаетъ отыскивать и т. д.

Эта обрядовая пѣсня*), начинающаяся словами: „И я золото хороню, хороню,“ или „Ужь я золото хороню, хороню“— между прочимъ замѣчательна тѣмъ, что золото называется бѣлицею, или былью (то есть, былымъ?) или былемъ, (то есть, зельемъ, вѣщимъ снадобьемъ?), и сверхъ того змѣинымъ крыломъ:

„Въ коей рукѣ былица,
Змѣиныя крылица?

Такъ спрашивается въ пѣснѣ о золотомъ кольцѣ.

Змій почитается стражемъ краснаго золота, и по славянскимъ, и по нѣмецкимъ преданьямъ. Добрыня Никитичъ

Нашель въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
У лютаго змѣица Горынчица,
Нашель опъ много злата, серебра.

Беофульфъ убилъ змія, который берегъ въ пещерѣ сокровище, оставленное кѣмъ-то послѣднимъ въ родѣ.

Точно такъ и сѣверный Зигурдъ завладѣлъ сокровищемъ Нифлунговъ, убивши стерегшаго кладъ змія Фафнира.

По убѣжденіямъ сѣверной миѳологіи, съ тѣхъ поръ произошли между людьми и богами великія бѣдствія, когда познали цѣну золота. Золото, проклятый кладъ (hott), является роковою судьбою въ германскомъ героическомъ эпосѣ.

Мы должны войти въ нѣкоторыя подробности миѳа о проклятомъ златѣ для того, чтобъ объяснить одинъ изъ самыхъ странныхъ символовъ въ русской обрядной пѣснѣ, которую приведемъ потомъ.

Преданье о великомъ сокровищѣ, тщательно сохраняемомъ и оспариваемомъ въ войнахъ между двумя врагами, мы встрѣчаемъ у многихъ народовъ; но особенное значеніе имѣетъ оно въ финскомъ эпосѣ, подъ именемъ Сампо. Это еще не золото, потому что, по свидѣтельству одной руны въ Калевалѣ, оно сдѣлано изъ лебединого

*) См. тамъ-же, стр. 82.

пера, изъ нѣкоторой травы, изъ ячменнаго зерна и изъ куска веретена: слѣдовательно, Само—символь богатства по преимуществу земледѣльческаго.

Но нѣмецкое преданье о сокровищѣ (hort) относится къ той эпохѣ, когда уже при дальнѣйшемъ развитіи народнаго быта стали понимать цѣну благороднымъ металламъ. Тогда-то, вѣроятно, составилсь сказанья о карликахъ, подземныхъ кузнецахъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ извѣстный во всей Западной Европѣ Волундръ или Виландъ.

Между племенами сѣверными такъ, какъ и у насъ на Русѣ, свято чтился долгъ мести за убіеніе родственниковъ. Въ эпоху господства золота сталъ входить обычай выкупа родной крови золотомъ, обычай виры, вмѣсто древнѣйшаго обычая священной, по понятіямъ язычниковъ, мести. Потому съ представленіемъ золота нѣмецкій героическій эпосъ естественно соединилъ мысль о выкупѣ кроваваго убійства, о цѣнѣ за кровь; и самое золото, какъ и кровь, называется и у насъ, и въ древне-нѣмецкихъ нарѣчіяхъ краснымъ: красно золото.

Само собою разумѣется, что люди благочестивые, по языческимъ понятіямъ, то есть, свято чтившіе обычай родовой мести, должны были гнушаться выкупа родной крови золотомъ. Такое сокровище, вымѣненное на родную кровь, было въ ихъ глазахъ заклемено проклятіемъ.

Такова идея роковаго сокровища, которымъ опредѣляется трагическій характеръ эпоса о Зигурдѣ.

Повѣсть о происхожденіи этого сокровища тѣсными узами связана съ одною изъ нашихъ подблюдныхъ пѣсенъ.

Жиль-быль могущественный и богатый человѣкъ, по имени Грейдмаръ. У него было трое сыновей: змій Фафниръ, Отуръ (нѣмец. Otter, выдра) и Регинъ (совѣтникъ, наставникъ). Вся эта семья, какъ кажется, принадлежала къ породѣ черныхъ Эльфовъ, или карликовъ. Регинъ былъ искусный кузнецъ, хитрый и вѣщій (слич. ковать и ковъ—коварство); онъ работалъ всякія вещи изъ серебра и золота. Отуръ былъ другаго характера. Онъ былъ искусный ловець, превосходи всѣхъ людей въ ловлѣ. Онъ ежедневно оборачивался водою и на рѣкѣ ловилъ рыбу и таскалъ ее своему отцу, а самъ

такъ любилъ воду, что опять отправлялся на рѣку и тамъ одинъ одиныхонекъ поѣдалъ свою добычу. Фафпиръ былъ самый большой изъ братьевъ и самый злой.

Рѣка, гдѣ ловилъ Отуръ, называлась водопадомъ Андвари, по имени карлика, который тутъ жилъ, въ видѣ щуки, и ловилъ себѣ кормъ.

Однажды къ этому водопаду прибыли трое Асовъ: Одинъ, Гёпиръ и Локи. Въ то время Отуръ, въ видѣ выдры, сидѣлъ у воды и, хлопая глазами, жрала рыбу. Локи пустилъ въ него камень и убилъ его до смерти. Асы были очень довольны такою удачею, и, содравъ съ убитаго животнаго шкуру, взяли ее съ собою. Вечеромъ пришли они на почлегъ къ Грейдмару и показывали свою добычу. Тогда хозяинъ съ своими сыновьями, увидавъ шкуру убитаго Отура, схватили Асовъ и требовали за убійство виры—чтобы всю эту шкуру, какъ она есть, наполнили они краснымъ золотомъ. Асы послали Локи добыть золота. Локи взялъ сѣть, закинулъ ее въ источникъ Андвари и вытащилъ изъ воды щуку, то есть, самого карлика въ видѣ этой рыбы. „Что это за рыба въ водѣ!—говоритъ Локи: не умѣла спастись отъ хитрости! Спасай свою голову: добывай рѣчнаго пламени!“ (то есть, золота). Щука отвѣчаетъ: „я называюсь Андвари; по опредѣленію злой Норны я долженъ плавать въ водѣ“—и потомъ отдастъ Локи за свою жизнь все золото, какое у нея есть въ водѣ, и при этомъ чародѣйское кольцо Драупниръ, и кладетъ на это сокровище великій зарокъ, страшное проклятіе: „Золото—говоритъ Андвари—которымъ я владѣлъ, будетъ па смерть обоимъ братьямъ (то есть, Регину и Фафниру) и па пагубу восмерымъ витязямъ! Никто не насладится моимъ добромъ!“

Когда Локи воротился съ золотомъ, Одинъ взялъ чародѣйственное кольцо Андвари себѣ, и Асы стали наполнять золотомъ шкуру Отура, поставивъ ее на ноги (страшный видъ для родни!), какъ бы съ намѣреніемъ кощунствуя надъ неотмщенною памятью убитаго и вмѣстѣ какъ бы издѣваясь надъ новымъ обычаемъ—виною замѣнять родовую месть.

Тогда Локи, на зло Грейдмару, сказалъ: „вотъ тебѣ золото! великій выкупъ за мою голову! Не па добро оно твоимъ сыновьямъ. Обонмъ оно причинитъ смерть!“

Грейдмаръ отвѣтствовалъ: „даешь ты даръ, но не любовный даръ! Даешь ты не отъ чистаго сердца! Если бы я зналъ это прежде, то лучше бы лишилъ васъ жизни!“

Итакъ, Грейдмаръ уже раскаивается, что взялъ виру, а не мстилъ за своего сына смертію.

Въ утѣшеніе несчастному отцу, Локи говоритъ, что современемъ это золото причинитъ еще бѣльшее зло. „Но предчувствую еще горпее—говоритъ Локи—предвижу борьбу родныхъ изъ за дѣвицы (Брингильды), а тѣ князья—я думаю—еще не родились, которыми это золото обречено на вражду“.

Едва удалились Асы, проклятіе оправдалось. Дѣти убили изъ за золота своего отца Грейдмара, и Фафниръ одинъ завладѣлъ сокровищемъ, ничего не давши Регину. Унесъ его, превратился въ змѣю и легъ на золотѣ, храня его; а Регинъ между тѣмъ былъ наставникомъ и совѣтникомъ Зигурда. Послѣ того Зигурдъ, убивши Фафнира, взялъ золото себѣ. Это и былъ знаменитый кладъ Нифлунговъ.

Итакъ, кладъ (hort) ведетъ свое происхожденіе отъ щуки Андвари. Какъ ни странно покажется, но на Руси и доселѣ на Святкахъ въ подблюдныхъ пѣсняхъ богатство символически изображается въ видѣ щуки:

Щука пла изъ Новáгородà,
 Слава!
 Она хвостъ волокда изъ Бѣлá-озерà,
 Слава!
 Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,
 Слава!
 Что серебряная, позолоченая,
 Слава!
 А головка у щуки унизанная,
 Слава!

Что щука упоминается здѣсь не вмѣсто рыбы вообще, видно изъ того, что въ народныхъ русскихъ сказаніяхъ именно щука является виновницею всякаго богатства и исполнительницею всѣхъ желаній: только стоитъ герою сказать: по щучьему велѣнью—по моему прошенью—и все для него сбывается.

2. Встрѣча весны. Славяне подь видомъ куклы изъ соломы провожаютъ зиму, или Морану (смерть), и встрѣчаютъ весну, припѣвая:

Весна красна!
 На чемъ пришла?
 На чемъ пріѣхала?
 На сошечкѣ,
 На бороночкѣ, и проч.

По ранней веснѣ начинаютъ уже играть хороводы, какъ на-примѣръ: „Мы просо сѣяли“ *). Изъ пѣсенъ особенно замѣчательна по намеку на войны Руси съ Царегородомъ:

„Подойду, подойду,
 Подь Царьгородъ подойду, и проч.**)

3. Навскій или Навій день, иначе Радоница, на Оомной недѣлѣ, въ воскресенье, понедѣльникъ или вторникъ. Тризна или поминки по усопшимъ.

4. Праздникъ кукушекъ, въ одно изъ воскресеній по Пасхѣ, въ третье, пятое, шестое или седьмое.—Нагнувъ двѣ молодыя березки, крестьянки связываютъ ихъ вмѣстѣ вѣтвями и платками такъ, чтобы онѣ составляли вѣнокъ, и къ этому вѣнку привѣшиваютъ два креста. Двѣ подруги, желающія покумиться, ходятъ вокругъ вѣнка въ разныя стороны и три раза цѣлуются сквозь вѣнокъ. Между тѣмъ хоръ женскій поеть:

Ты, кукушка, ряба,
 Ты кому же кума?
 Покумимся, кумушка, и проч.

Послѣ того подруги мѣняются крестами и съ того времени называютъ другъ друга кумою. Эта годовщина иначе называется Крещеньемъ кукушекъ.

5. Семикъ и Русальная недѣля, или Зеленыя святки.

Семикъ, то есть, седьмой четвертъ по Пасхѣ, вѣроятно, въ честь Перуну—Тору, празднуется завиваньемъ вѣнковъ и разстави-

*) Снегиревъ. Русскіе простонародные праздники. ч. 3. стр. 30—31.

**) Тамъ-же. стр. 45—46.

ваньемъ березокъ, равно какъ и Троицынъ день. Тоже было и на Западѣ, какъ свидѣтельствуеть Полидоръ Виргилій *).

По южно-русскому повѣрью, наканунѣ Троицына дня, русалки начинаютъ бѣгать по ржи и хлопать въ ладоши, приговаривая: „Бухъ, бухъ! Соломенный духъ! меня мати породила, не крещену положила!“—Согласно съ этимъ русалки иногда представляются некрещеными младенцами. Будто бы они парятъ въ воздухѣ, непуская заунывные стоны. Кто услышитъ эти жалобы, долженъ сказать: „крещая тебя—Иванъ да Мары!“ Впрочемъ это позднѣйшая метаморфоза миѳическихъ дѣвъ, живущихъ въ водѣ. Только на свою недѣлю освобождаются онѣ изъ влажной стихіи и рыщутъ по лѣсамъ, заманивая къ себѣ неопытныхъ и слишкомъ смѣлыхъ. Въ четвергъ на русальной недѣлѣ дѣвушки ходятъ въ лѣсъ и бросаютъ свои вѣнки русалкамъ.

Какъ вилы и полудницы, такъ и русалки загадываютъ смертнымъ загадки; кто не отгадаетъ, того онѣ зачекочутъ до смерти.

Ты послушай меня, красная панночка

(поется въ малорусской пѣснѣ):

Загадаю тебѣ три загадки:

Колн угадаешь—я къ батюшкѣ отпущу,

А какъ не угадаешь—я къ себѣ возьму:

А что ростеть да безъ корня?

А что бѣжить да безъ повода?

А что ростеть безъ всякаго цвѣту?—

Камень ростеть безъ корня;

Вода бѣжить безъ повода;

Папортъ цвѣтеть безъ всякаго цвѣту!—

Дѣвица загадки не отгадала,

Русалочка ее зачекотала.

6. Иванъ Купало и Аграфена Купальница (24 и 23 іюня). Купальница (23 іюня) есть не что иное, какъ канунъ Купалы, ночь на Ивана Купалу, когда раскладываютъ костры или огнища и черезъ нихъ скачутъ. Въ эту ночь будто-бы цвѣтеть папортникъ, цвѣтъ котораго помогаетъ открывать клады. Къ этому празднеству славяне

*) Изд. 1720 г., стр. 239.

пріурочили обряды поклоненія солнцу и огню, точно такъ, какъ кельты считали временемъ, посвященнымъ этому свѣтилѣ—мѣсяць май. Наканунѣ Ивана Купалы всѣ вѣдьмы бывають особенно зловредны. По южно-русскому преданью, собираются онѣ тогда на Лысую гору, или Чертово Беремпце, близъ Кіева. Годовщина эта съ нѣкоторыми видоизмѣненіями извѣстна у всѣхъ европейскихъ народовъ.

7. Въ народѣ земледѣльческомъ годовщины соотвѣтствуютъ господствующему быту. Чествованіе солнца и весны сопровождается молениемъ о хлѣбородіи. Но особенно земледѣльческія пѣсни съ обрядами относятся ко времени сѣнокоса и жатвы. Есть особенныя пѣсни косарскія, заживныя.

Послѣднія сопровождаются любопытнымъ обрядомъ завиванія бороды Волосу. Въ Малороссіи этотъ обрядъ производится слѣдующимъ образомъ. Когда сжинають жито, то на послѣдней нивѣ хозяина оставляють горсть жита, которое связываютъ ниткою—это борода. Въ этотъ пучокъ жита кладутъ кусокъ хлѣба и щепоть соли, садятся кругомъ и поють пѣсни этой миѳической бородѣ. Сверхъ того, кончивъ жнитво, жпецы и особенно жницы—женщины, возвращаясь домой, идутъ къ хозяйну нивы съ обычными, обрядными пѣснями. Старшая изъ жницъ идетъ впереди съ вѣнкомъ изъ жита въ рукахъ. Хозяинъ или хозяйка встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ-солью. Старшая жница кладетъ вѣнокъ на хлѣбъ, говоря: „Дай Боже, чтобъ и на тотъ годъ уродился хлѣбъ“ и проч. Хлѣбъ съ вѣнкомъ изъ жита полагается въ переднемъ углу подъ иконами. Вѣнокъ на Спасовъ день (6 августа) снимають съ хлѣба и несутъ въ церковь, гдѣ его святятъ вмѣстѣ съ яблоками.

Только этимъ немногимъ ограничиваюсь я о такомъ обширномъ предметѣ, какъ народная годовщина.

ЛЕКЦІЯ 17-я.

Читана 11-го февраля 1860 г.

Къ обзорѣнію доисторическаго эпоса славянскаго вообще и русскаго въ особенности, сравнительно съ миѳологическою поэзією прочихъ родственныхъ народовъ, почитаю необходимымъ присовокупить эпизодъ объ эпосѣ финновъ, хотя племя чуждаго происхожденія (сѣвернаго, чудскаго или алтайскаго), но съ незапамятныхъ вре-

мень и доселѣ заселяющихъ необозримыя пространства въ сѣверо-восточной и сѣверо-западной частяхъ нашего отечества.

Калевала заслуживаетъ нашего полного вниманія въ двоякомъ отношеніи: 1) Эта поэма по истинному богатству и необычайной свѣжести творчества, чисто мифологическаго, ничего не имѣетъ себѣ равнаго ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ. Это есть величайшее произведеніе племени, въ раннюю мифическую эпоху, предшествовавшую историческому развитію. И финны доселѣ по устному преданію сохранили это первобытное, національное сокровище! 2) Въ наше время, когда умѣютъ наконецъ по достоинству оцѣнить народную, безыскусственную поэзію, Калевала составляетъ предметъ національной гордости даже для образованныхъ ученыхъ людей Финляндіи. Эта поэма дастъ содержаніе для лекцій въ Александровскомъ университетѣ о поэзіи, мифологии и бытѣ финскихъ племенъ; отрывки изъ нея читаются и объясняются на литературныхъ вечерахъ.

Финны обязаны возсозданіемъ своей національности, возведеніемъ ея на степень ученаго и литературнаго интереса, по преимуществу двумъ лицамъ: Лённроту, собирателю и издателю пѣсенъ (рунъ) Калевалы (въ 1835 г.)*) и особенно Александру Кастрену, который составилъ финскую мифологию, разработывалъ финскую этнографію въ географическомъ, историческомъ, грамматическомъ и въ другихъ отношеніяхъ, и можетъ быть по достоинству названъ создателемъ новой отрасли въ наукахъ—именно финской этнографіи. Къ великому сожалѣнію не только финновъ, но и всей образованной Европы, смерть слишкомъ рано похитила этого гениальнаго ученаго, не щадившаго своей жизни для своихъ многостороннихъ, ученыхъ изслѣдованій, которыя надобно было производить, не сидя въ кабинетѣ, а подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ и случайностямъ непогоды въ отдаленныхъ разъѣздахъ по дикимъ племенамъ, составлявшимъ предметъ его изслѣдованій.

Лучшее сочиненіе о финской Калевалѣ принадлежитъ Якову Гримму (въ журналѣ Гёфера *Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache*, 1845 г., № 1; переводъ на русскій языкъ въ Журналѣ Министрства Народнаго Просвѣщенія за 1846 г., часть 3-я.) Это главное пособіе для настоящей лекціи.

*) Второе значительно пополненное изданіе въ 1849 г. Переводъ Шиффера на нѣмецкій языкъ въ 1852 г.

Хотя въ изданіи Лённрота Калевала составляетъ одно цѣлое, болѣе или менѣе удачно связанное, но въ народѣ она поется отрывками или эпизодами, въ отдѣльныхъ рунахъ или пѣсняхъ.

Уже самое исполненіе этихъ пѣсень, то есть, самое пѣніе ихъ отличается маститою древностью. Оно, какъ кажется, прямо указываетъ на самый процессъ народнаго творчества. Руну поютъ всегда двое. Одинъ какъ бы главный пѣвецъ, а другой его помощникъ. Поютъ они сцѣпившись рука съ рукою и оба качаются, какъ бы надумываясь, что пѣть. Первый начинаетъ одинъ; пропоетъ стихъ, потомъ подхватываетъ его товарищъ, и уже оба они еще разъ пропоютъ тотъ же самый стихъ, сначала пропѣтый главнымъ пѣвцомъ, который, повторяя пропѣтое вмѣстѣ съ товарищемъ, какъ бы замышляетъ слѣдующій стихъ; и этотъ стихъ опять повторяется обоими, и опять вновь пѣвецъ имѣетъ время надуматься для слѣдующаго стиха, и такъ далѣе.

Явленіе въ исторіи поэзій, глубоко знаменательное! Представляя себѣ это дружественное пѣніе, рука съ рукою, при постоянномъ повтореніи одного стиха, чтобъ успѣть замыслить другой стихъ, будто бы присутствуете при самомъ творествѣ народной поэзій, чувствуете, какъ во всей первобытной свѣжести, вмѣстѣ съ пѣсней передъ вами мало по малу созидается народный эпосъ!

Предметъ Калевалы вражда между финнами и дикими лопарями. Первые представляются пародомъ героическимъ. Они живутъ въ родной для пѣвцовъ странѣ, которая называется Калевала и Вейнѣла. Калевала значитъ страна Калевы, бога и родоначальника всѣхъ героевъ, исполина, потому Калевала—страда исполиновъ, но не злыхъ и темныхъ, какъ Югунгеймъ сѣверной мифологіи, а свѣтлыхъ и благотворныхъ. У Калевы былъ сынъ Вейне, который ласкательно называется Вейнемейненъ: это главный герой поэмы, существо божественное. Страна, гдѣ онъ живетъ называется Вейнѣла (то есть, страна Вейнемейна). Обитатели Калевалы и Вейнѣлы называются Суоми (то есть, финны). Враги ихъ, лопари живутъ въ сѣверной, мрачной странѣ, по имени Пóхіóла, госпожею которой, или какъ она въ рунахъ называется—хозяйкою, была вѣщая женщина Лóухи.

Причиною вражды финскихъ героевъ съ жителями Пóхіóлы была невѣста, которую полу-боги жепхи стараются добыть изъ Пóхіóлы въ Калевалу цѣною сокровища, называемаго Сампо.

Но къ этому сюжету, общему въ Калевалѣ съ поэмами другихъ народовъ и особенно съ эпосомъ о Зигурдѣ, Калевала присоединяетъ всѣ мифологическія сказанія финскаго народа, со множествомъ разнообразныхъ вариантовъ.

Финскій эпосъ начинается космогоніею.

Въ началѣ время не было ни земли, ни солнца, ни луны, ни звѣздъ, были только воздухъ и вода. Въ пространныхъ жилищахъ воздуха обитала дѣва Ильматаръ (дочь воздуха), прекрасная и цѣломудренная. Однажды съ воздушныхъ высотъ она спустилась на море. Тогда внезапно поднялась съ востока буря; море взволновалось, и дѣва Ильматаръ понеслась надъ поверхностью моря. Она перестала быть дѣвою воздуха, спустившись на море въ качествѣ матери воды.

Тогда родила она божественное существо Вейнемейпена, котораго 700 лѣтъ носила въ своей утробѣ. Родился Вейнемейпенъ на морѣ, долго скитался по его поверхности, но потомъ начинаетъ творить міръ. „И несется онъ по морю—такъ поетъ рупа—гдѣ подниметь голову, тамъ острова творить; куда рукою махнетъ—тамъ мысы, гдѣ ногою коснется морскаго дна—тамъ рыбахъ ямы роетъ. Гдѣ земля съ землею сходится, тамъ назначаетъ мѣста для неводовъ. Гдѣ остановится—тамъ утесы и скалы и подводныя мели, о которыя разбиваются корабли, и гдѣ гибнуть купцы.“ Итакъ, это твореніе страны приморской, произведеніе бога, родившагося въ воздушныхъ пространствахъ надъ безпредѣльнымъ моремъ. Тогда изъ земли Турьи (самый сѣверъ Похіола) прилетѣлъ орелъ и паритъ въ воздухѣ, высматривая мѣста, гдѣ бы свить себѣ гнѣздо. Вейнемейпенъ поднимаетъ свою колѣнку въ видѣ кочки, покрытой густою травою, и орелъ вьетъ на ней себѣ гнѣздо. Потомъ орелъ снесъ семь яицъ. Между тѣмъ Вейнемейпенъ чувствуетъ, что колѣнка его отъ орлинаго гнѣзда согрѣвается; онъ трихнулъ ею, и яйца падаютъ на дно моря и разбиваются. Изъ разбитыхъ яицъ Вейнемейпенъ творитъ землю, солнце, луну и звѣзды, и при этомъ приговариваетъ свои вѣщія слова: „пусть исподняя скорлуна будетъ землею, а верхняя твердью небесною! бѣлокъ пусть свѣтитъ на небѣ солнцемъ, а желтокъ пусть разсѣиваетъ мракъ въ видѣ луны! Другія части яйца да будутъ звѣздами!“—По другимъ вариантамъ творить

міръ матъ Вейнемейпена Ильматаръ, или же самъ Орель изъ Турьи. Преданіе о происхожденіи всего міра изъ яйца есть одно изъ древнѣйшихъ въ миѳологіи. По ученію индійскихъ брахмановъ міръ развился изъ яйца.

Послѣ того вѣтеръ несетъ Вейнемейпена къ берегамъ Пѳііды, гдѣ его задерживаетъ Лбухи и отпускаетъ домой только съ тѣмъ условіемъ, что онъ пришлетъ своего брата Ильмаринена, который скуетъ Сампо для хозяйки Пѳііды. Ильмариненъ былъ вѣщій коваль, финскій Вёлундръ.

Передъ тѣмъ, какъ воротится домой, Вейнемейненъ видитъ въ радугѣ прекрасную дѣву Сѣвера, знаменитую певѣсту Пѳііды. Она пряла золотымъ веретеномъ. Плѣненный ея красою, Вейнемейненъ зоветъ еѣ съ собою. Она соглашается только подъ тѣмъ условіемъ, если Вейнемейненъ выполнитъ три задачи: во первыхъ, если онъ расщепитъ тупымъ ножомъ волосъ *); во вторыхъ, если, обернувши ниткою яйцо, завяжетъ узелъ такъ, чтобъ не было замѣтно, и въ третьихъ наконецъ, если изъ кусковъ ея веретена сдѣлаетъ лодку, по только такъ, чтобъ топоромъ не задѣтъ по полу. Вейнемейненъ выполнилъ двѣ первыя задачи, но, работая изъ веретена лодку, онъ по неосторожности задѣлъ топоромъ обѣ ноги; топоръ отскочилъ и ранилъ герою палецъ на ногѣ. Кровь льетъ рѣкою и затопляетъ всю страну до вершинъ высокихъ горъ **). Всемогуцій Вейнемейненъ на этотъ разъ не можетъ помочь своей бѣдѣ, потому что забылъ вѣщее слово, причитанье, которымъ заговариваютъ кровь. Онъ идетъ къ чародѣю, но и тотъ не можетъ помочь, потому что, забылъ самое необходимое въ заговариваньи крови—миѳъ о рожденіи желѣза, Вейнемейненъ помогаетъ чародѣю, рассказавъ ему этотъ миѳъ и исцѣляется.

Этотъ миѳъ, составляющій часть финской космогоніи, заслуживаетъ нашего вниманія и потому, что познакомитъ насъ съ вѣщимъ ковалемъ Ильмариненомъ.

„Воздухъ всему матъ—такъ рассказываетъ Вейнемейненъ—вода старшая сестра (старшій братъ—въ подлинникѣ), желѣзо—младшій братъ, а середній, между ними, огонь. Укко (богъ, по собственно

*) Сличь чародѣйскій волосъ въ сербской сказкѣ.

***) Сличь кровавый потокъ сѣверной миѳологіи отъ крови убитаго Имира.

дѣдъ) творецъ всего, богъ на небѣ, отдѣлилъ воду отъ воздуха, а отъ воды землю, только не было желѣза. Тогда Укко, воздушный богъ, потерявъ себѣ руки и приложилъ къ лѣвой колѣнкѣ *): тогда родились три прекрасныя дѣвицы, три матери металловъ. Отъ желтаго молока одной изъ нихъ произошло золото, отъ бѣлаго другой—серебро, и отъ чернаго молока третьей—желѣзо. Только что родилось на свѣтъ желѣзо, тотчасъ же захотѣлось ему повидаться съ своимъ любезнымъ старшимъ братцемъ, съ огнемъ. Но огонь страшно ярится, забираетъ силы, хочетъ спалить несчастнаго, своего милаго брата желѣзо. Желѣзо бѣжитъ, спасается быстрымъ бѣгомъ отъ яростной силы (кулаковъ) огня, отъ злой пасти пламени. И спасается желѣзо въ заболоченныхъ болотахъ, въ гремячихъ ручьяхъ („in den schankungsreichen Sümpfen, und in den sprudelreichen Quellen“), и на пологихъ скатахъ горъ, гдѣ несутъ яйца лебеди, гдѣ гнѣздятся гуси.... Но по болотамъ рыщутъ волки, по степямъ ходятъ медвѣди: подъ стопами волка трясется болото, подъ лапами медвѣдя перегибается поле,—желѣзо выходитъ наружу, гдѣ пробѣжитъ волкъ своими ногами, гдѣ ступитъ медвѣдь лапою. И родился Ильмариненъ, родился и выросъ, на угольной горѣ родился, на угольномъ полѣ выросъ, съ мѣднымъ молоткомъ въ рукѣ, съ клещами въ кулакѣ. Ночью родился онъ, а съ утра строить ужъ кузницу.... Онъ собираетъ желѣзо и расковывая его на огнѣ, готовитъ оружiе и всякую утварь“

Ильмариненъ отказывался было отправиться въ Похiодлу, но въ силу чародѣйства Вейнемейнена уносится туда вихремъ, и куетъ для Лоухи Сампо. Оно было изъ лебединого пера, изъ чародѣйской травы крестовника (senecio), изъ ячменнаго зерна и изъ куска веретена: это сокровище указываетъ на главные занятiя финновъ—земледѣлье, скотоводство и женское руководѣлье. Сампо растетъ въ видѣ дерева; корни его идутъ на девять сажень глубины въ одну скалу Похiодлы; одинъ корень идетъ въ землю, другой въ воду, третiй въ гору родины *). Только что выковано было Сампо, тотчасъ же стало молотъ, какъ мельница—сокровище и обилiе быта земледѣль-

*) Отъ колѣнокъ Имира произошли первыя чловѣкообразныя существа.

**) Сличнъ сѣверный Иггдразиль. Нѣмецкiй hort есть уже золото.

ческаго. Иногда Сампо называется лодкою—богатство рыболововъ и моряковъ *).

Ильмариненъ сватается къ прекрасной дѣвѣ Сѣвера, но безъ успѣха возвращается домой.

Отправляется въ Похіолу свататься третій, меньшей братъ Вейнемейнена, Лемминкайненъ, веселаго нрава и щеголь. Отъѣзжая въ путь, онъ причесываетъ свои кудри и оставляетъ гребень, чтобъ знали, если на зубьяхъ гребня покажется кровь, то Лемминкайненъ будетъ убитъ. Въ Похіолѣ ему также предлагаютъ три задачи; двѣ онъ выполнилъ, а на третьей убитъ былъ лопаремъ. Трупъ его, изрубленный въ куски, брошенъ въ рѣку смерти. Между тѣмъ дома, мать Лемминкайнена по крови, показавшейся изъ зубьевъ гребня, узнаетъ, что сынъ ея убитъ, и, обернувшись жаворонкомъ, летитъ въ Похіолу. Прилетаетъ къ рѣкѣ смерти, и вытащивъ желѣзными граблями куски тѣла Лемминкайнена, прикладываетъ ихъ другъ къ другу, и потомъ нянчитъ на рукахъ своего мертваго сына до тѣхъ поръ, пока онъ ожилъ. Любовь матери вторично даетъ сыну жизнь!

Вейнемейненъ и Ильмариненъ снова ѣдутъ въ Похіолу свататься. Невѣста соглашается выйти замужъ за Ильмаринена. Къ свадьбѣ былъ зарѣзанъ такой громадный быкъ, что цѣлый бы день летѣла ласточка отъ одного его рога до другаго, цѣлый мѣсяць бѣжала бы бѣлка по хвосту его, да еще на половинѣ пути на ночь остановилась бы для отдыха. Лоухи задумала сварить пиво, но не знаетъ, какъ,—и вотъ хмѣль шумитъ съ дерева, вода изъ рѣки, ячмень съ поля: „когда же—говорятъ они—сойдемся мы вмѣстѣ и станемъ киснуть?“ Но пиво не киснетъ: чего то не достаетъ. Чтобъ помочь дѣлу создаютъ пчелу и посылаютъ её за девять морей къ сплещей дѣвицѣ, около которой растетъ золотая трава и цвѣтутъ серебряные цвѣты. Пчела обмакиваетъ свои крылышки въ медвяной росѣ и летитъ домой. Одну лишь каплю этого меда положили въ пиво, и оно, зашумѣвши, пошло густою пѣною черезъ край изъ чановъ въ бочки.

Отпраздновавъ свадьбу, молодые ѣдутъ домой. Молодая въ трогательныхъ причитаньяхъ прощается съ отцомъ-матерью, и съ

*) Сличн слово богатство отъ богъ. Сбожіе—жито и богатство (быть земледѣльческій). Но древнѣе скоть—деньги, скотници—сокровища (быть на-стущескій).

своею родною стороною. Но не долго супруги жили вмѣстѣ. Молодую жену Ильмаринена растерзали дикіе звѣри, которыхъ на зло своему хозяину созывалъ игрою въ свирѣль злой чародѣй Куллерво, служившій у вѣщаго кузнеца въ работникахъ. Изъ семейной жизни Ильмаринена явствуетъ, что она протекала въ бытѣ пастушескомъ. Жена его, отпуская и встрѣчая стадо, совершаетъ обычныя о немъ моленія, вродѣ причтаній.

По смерти своей супруги Ильмариненъ думаетъ утѣшиться въ ея потерѣ самымъ необычайнымъ образомъ. Онъ куетъ себѣ изъ серебра и золота другую супругу *). Всѣмъ она хороша, только не достаетъ языка и теплоты жизненной. Холодомъ вѣетъ отъ металловъ, изъ которыхъ она сдѣлана. Тогда онъ рѣшается опять ѣхать въ Похіолу сватать себѣ меньшую дочь Лоухи. Но безъ удачи возвращается домой.

„Хорошо ли въ Похіолѣ?“ спрашиваетъ Вейнемейненъ Ильмаринена. „Тамъ хорошо жить,—отвѣчаетъ послѣдній,—тамъ Сампо, и оттого тамъ пахнутъ и сѣютъ, урожай отличный и во всемъ счастье.“ Потому братья собираются въ Похіолу за Сампо. Лодка ихъ плыветъ по морю на хребтѣ огромной щуки. Потомъ Вейнемейненъ убиваетъ эту рыбу и изъ ея зубовъ дѣлаетъ арфу, извѣстную подъ именемъ Кантелы. Кромѣ Вейнемейнена никто не можетъ играть на ней; но когда касается ея струнъ этотъ божественный герой, тогда раздаются чародѣйственныя пѣсни **). Цѣлыми стадами сбѣгаются къ нему звѣри, слетаются птицы, плывутъ рыбы; стаи зяблицъ и чижей садятся ему на плечи, и всѣ герои заливаются слезами; и у самого Вейнемейнена слезы текутъ по лицу рѣкою, падаютъ въ море и превращаются въ драгоценныя камни. Сѣрая уточка опускаетъ свой носъ въ холодное море и собираетъ на днѣ его Вейнемейненовы слезы.

Усыпавши всѣхъ въ Похіолѣ волшебною силою, Вейнемейненъ вырываетъ Сампо вмѣстѣ съ корнями. Полагаютъ его на лодку и везутъ домой. Лоухи, пробудившись отъ сна, въ образѣ орла летитъ въ погоню, настигаетъ героя и, послѣ упорной и кровавой борьбы, выхватываетъ Сампо и бросаетъ въ море. Оно разбивается вдребезги. Одна часть Сампо утонула въ морѣ: оттого произошли разныя морскія

*) Сличи мноѣ о Пигмалионѣ.

***) Сличи мноѣ объ Орфѣѣ.

сокровища; малая часть выброшена бурей на берега Калевалы: оттого благосостояніе въ землѣ Суоми или финновъ; а у самой Лоухи осталась только крышка Сампо—оттого въ Лапландіи нищета и голодъ.

Собравши куски Сампо, выброшенные на берегъ, Вейнемейнепъ отдаеть ихъ Пеллервойнену, божеству земледѣлія. Онъ сѣеть посѣвъ, и всѣ деревья поднимаются быстро; только дубъ сначала идетъ очень туго, но за то въ послѣдствіи такъ разрастается, что достигаетъ до облаковъ и своими вѣтвями застилаеть солнце и мѣсяцъ. У финновъ это дерево называется Божьимъ, у нѣмцевъ посвящено Тору—потому слыветъ подъ именемъ *Donnerreiche*, у славянъ и литвы—это дерево Перуна или Перкуна. Итакъ, Сампо, принося земледѣліе, соотвѣтствуетъ эпохѣ Тора-Перуна.

Завидуя благосостоянію Калевалы, Лоухи посылаетъ на нее болѣзнь и моръ, потомъ похищаетъ съ неба солнце и мѣсяцъ и заключаетъ въ скалу въ Похіолѣ *).

Ильмариненъ куетъ изъ серебра и золота новыя небесныя свѣтила, но они, хотя и прекрасны, только не даютъ свѣта и теплоты. Наконецъ кое-какъ при помощи хитрости героямъ Калевалы удаеться высвободить изъ заключенія небесныя свѣтила.

Надобно полагать, что финскій эпосъ долженъ оканчиваться тою руною, въ которой воспѣвается, какъ Вейнемейнепъ на мѣдной лодкѣ скрывается за далекимъ горизонтомъ. Удаляясь изъ здѣшняго міра, онъ предсказываетъ, что пѣкогда явится опять.

„Придетъ время—такъ поетъ онъ свою прощальную вѣщую пѣсню—вспомнить и обо мнѣ, чтобъ я опять сотворилъ Сампо, чтобъ я началъ новую пѣсню, снова вывелъ на небо мѣсяцъ и освободилъ солнце, потому что безъ солнца и мѣсяца нѣтъ на землѣ радости.“

Финскіе пѣвцы довольствуются только отдѣльными рунами, хотя въ сознаніи народа и живетъ смутное представленіе о цѣльномъ единствѣ этого прекраснаго эпоса. Каждая пѣсня, откуда бы она ни была взята, изъ середины или съ конца, вводитъ слушателей въ магическій кругъ ихъ завѣтныхъ преданій.

Ничто лучше не говоритъ объ этомъ рапсодическомъ употребленіи эпоса въ устахъ народа, какъ слѣдующая руна, которая должна стоять во главѣ всей Калевалы.

*) Сличн нѣмецкія и литовскія сказанія.

„Хочется мнѣ пѣть—такъ выражается финскій пѣвецъ—хочется мнѣ пѣть, повѣдать родную пѣсню: слова таюгъ на устахъ, рѣчи падаюгъ, спѣвають на языкъ, разсыпаются (на зубахъ)“ . . .

Потомъ, въ нѣсколькихъ поэтическихъ выраженіяхъ указавъ на живую связь своей пѣсни съ преданьями о поляхъ и стенахъ Похіолы и Калевалы, о Вейнемейненѣ и Ильмариненѣ, пѣвецъ продолжаетъ:

„Эти пѣсни пѣвалъ прежде отецъ мой, вырубая себѣ топорнице; этимъ пѣснямъ учила меня моя матушка, вертя свое веретено, когда малымъ ребенкомъ прыгалъ я около колѣвъ ея.“

Еще разъ пустившись въ міръ чудесныхъ разсказовъ, пѣвецъ намекаетъ, что уже много было пѣтъ о Сампо и Лоухи. Потомъ продолжаетъ:

„Есть у меня въ запасѣ и другія рѣчи, другія загадки и вѣщія слова. Идучи, набиралъ я ихъ возлѣ дороги: срывалъ я ихъ съ цвѣточковъ, ломалъ съ кустарника, обрывалъ съ травы, когда еще въ дѣтствѣ насъ я скотину на лугахъ, идучи вслѣдъ за коровками. Морозъ училъ меня пѣснямъ, дождь приносилъ мнѣ руны; вѣтромъ навѣвало ихъ мнѣ, морскими волнами причаливало! Птички складывали мнѣ слова, вершины деревьевъ сказывали мнѣ сказки.“

„И сматывалъ я пѣсни въ клубокъ, положилъ клубочекъ въ санки, привезъ домой, спряталъ въ амбарѣ, въ желѣзный (въ подлинникѣ: въ мѣдный) сундукъ.“

„Долго были мои пѣсни на морозѣ, долго жили на сторонѣ. Ужь возьму ли я пѣсенки съ холоду, принесу ли сундучекъ съ мороза въ избу. Поставлю сундукъ на лавочкѣ, въ передній уголъ; отворю ли я сундукъ съ пѣснями,—отыщу я питку въ клубкѣ, развяжу ли я узелокъ въ клубкѣ.“

(Подъ видомъ клубка здѣсь разумѣется весь народный эпосъ).

„Запою же—такъ оканчиваетъ пѣвецъ свою припѣвку—запою ли я хорошую пѣсню, сидючи за ржанымъ хлѣбомъ, за столомъ съ пивомъ; а не будетъ ни пива, ни квасу, запою и на тощее сердце, водицей прихлебывая! Запою на радость нашему вечеру, во славу этому красному дечечку, запою на утѣху завтрашнему дню, на встрѣчу новому утру.“

Л Е К Ц І Я 18-я.

Читана 18-го февраля 1860 г.

Изъ предъидущихъ изслѣдованій явствуетъ, что народная словесность живетъ въ устахъ поколѣній рапсодически, т. е., въ отрывкахъ, въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, сказкахъ, причитаньяхъ и т. д. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы вся она, во множествѣ своихъ отдѣльныхъ явленій, не составляла цѣлаго; только это цѣлое, этотъ народный эпосъ не собранъ и не приведенъ въ систематическій порядокъ въ какой-нибудь одной книгѣ или въ памяти и воображеніи какого-нибудь одного пѣвца. Это цѣлое народнаго эпоса опредѣляется цѣльностью и единствомъ народныхъ вѣрованій и преданій.

Это великое эпическое цѣлое, соответствующее родственному, кровному единству всѣхъ народныхъ интересовъ, никогда не выразилось и не могло выразиться во внѣшнемъ видѣ, сплоченное въ одну всеобъемлющую поэмю. Иліада и Одиссея, такъ же, какъ и финская Калевала, суть не что иное, какъ искусственные сборники немногаго изъ тѣхъ національныхъ сокровищъ, которыя жили и живутъ въ устахъ народа разрозненно.

Итакъ, бросимъ общій взглядъ на тѣ разрозненные члены эпическаго цѣлаго, которыми народъ опредѣляетъ свою національность въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ слова.

1. Поэзія для младенствующаго народа не только забава, но и вѣрованье, и обрядъ. Потому, рядомъ съ эпосомъ космогоническимъ и теогоническимъ (т. е., о происхожденіи боговъ и всего міра) развивается поэзія обрядная, въ пѣсняхъ и причитаньяхъ, свадебныхъ, похоронныхъ, умиловляющихъ божество, насылающихъ или предотвращающихъ болѣзни и бѣдствія, и т. п. Такимъ образомъ, поэзія не только поучаетъ, но и руководитъ въ разныхъ случаяхъ жизни. Она есть вѣрованье и первый шагъ къ философскому сознанію о мірѣ и человѣкѣ. Но это вѣрованье постоянно примѣняется къ жизни во множествѣ обрядовъ. Но эта первобытная философія еще не что иное, какъ наивныя сказанія поэтическаго содержанія.

2. Чтò въ эпохѣ развитія существенно отличается другъ отъ друга—именно: поэзія и проза, вѣрованье и знаніе, слово и дѣло—

то первоначально представляется народу соединеннымъ въ одной общей массѣ преданій и повѣрій. Юридическій законъ не отдѣляется еще отъ юридическаго обычая, и обычай беретъ себѣ обязательную силу отъ религіознаго обряда и вѣрованья. Поэзія поучаетъ и сама народная мудрость выражается въ образахъ поэтическихъ. Какъ первыя познанія свои о природѣ народъ выражаетъ въ поэтическихъ сказаніяхъ космогоническихъ и теогоническихъ, такъ и событія историческія передаетъ онъ въ пѣсняхъ героическаго содержанія.

3. Все это богатое наслѣдство старины и преданья, понимаемое въ нераздѣльномъ единствѣ, прекрасно выражается нѣмецкимъ словомъ руна, которое означаетъ: совѣтъ, мудрое изреченіе, пословицу, загадку, причитанье или заклятіе, предсказанье и, наконецъ (у финновъ),—пѣсню. Итакъ, руна—не что иное, какъ вѣщее слово*); потому, со введеніемъ письменности, рунами стали называться письменна. Народная, безыскусственная поэзія такимъ образомъ почувствительно перешла въ письменность или литературу, придавши письменамъ то названіе, которое нѣкогда она употребляла для выраженія всѣхъ отдѣльныхъ членовъ эпическаго народнаго преданія.

4. Хотя мы славяне не имѣемъ особеннаго слова, которое вполне соответствовало бы нѣмецкой рунѣ, однако и у насъ найдемъ наименованія, которыми выражается первобытное понятіе о нераздѣльности мѣта и знанія, слова и дѣла, мысли и поэзіи, вымысла и исторіи, обряда и поэтической рѣчи.

а) Мысль и слово, поэзія. Въ Южной Руси историческія пѣсни называются *думами*.

б) Слово и дѣло, поэзія и юридическій обычай, поэзія и чарованіе. При словахъ вѣщать и вѣчать (отъ *въчатъ*, отъ *въчитъ*) замѣчательны реченія: въ смыслѣ мудреца и предсказателя: *въщій*; въ смыслѣ оратора—*витія*, или по древнему—*вътія*; въ смыслѣ колдуньи—*въщница* (по сербски); въ смыслѣ лѣкарства *въщетинье* (русское областное); въ смыслѣ мірской сродки для суда и правды, т. е., въ смыслѣ юридическомъ,—*въче*. Сверхъ того, отъ слова говорить—

*) На поляхъ записано карандашомъ, но не рукою О. И. Буслаева: „по латышски. руна—говорить“. Далѣе конецъ этого отдѣла и начало слѣдующаго (4) отмѣчено чертою.

заговаривать значить словами что-нибудь заклинать, исцѣлять болѣзни; врачъ—въ старину имѣло смыслъ колдуна, чародѣя. Отъ слова знать—*знахарь*, то есть, знатокъ,—имѣеть значеніе тоже колдуна.

в) Поэзія и событіе. Какъ *былина* значить и пѣсня, и то, что было; такъ еще Несторъ употребляетъ слово *притча* въ смыслѣ пословицы, соединенной съ какимъ-нибудь повѣствованьемъ, напр., „Погибоша аки Обре“, „Вѣда аки въ Роднѣ“, а слово *притча* (или *притка*) въ народномъ языкѣ употребляется въ значеніи какого-нибудь событія и, особенно, событія важнаго, случая по преимуществу несчастнаго, т. е., драматической катастрофы, переворота.

г) Наконецъ, самое реченіе слово (какъ греческое—*эпосъ*) имѣеть смыслъ цѣлаго литературнаго произведенія; напр. „Слово о полку Игоревѣ“, т. е., *разсказъ* или *эпосъ* о полку Игоревѣ.

5. Господствующія формы народной поэзіи суть слѣдующія:

а) Пѣсня. Издавна пѣсни у славянъ пѣлись или въ сопровожденіи струннаго инструмента—гуслей (отъ слова *гуду*), или безъ сопровожденія, притомъ съ пляскою и мимической игрою, или въ спокойномъ положеніи. Пѣсни обрядовыя исполнялись съ пляскою и игрою: это раннее, эпическое предвѣстіе будущей драмы. Пѣспи повѣствовательныя, подъ звуки гуслей, исполняли пѣвицы, сидя или стоя, торжественно и спокойно передавая завѣты предковъ потомкамъ. Пѣсни женскія, безъ сопровожденія музыкальнаго, составляютъ какъ-бы лирическій элементъ народнаго, обряднаго эпоса.

б) Причитанье, въ прозаической формѣ употребляемое на пирахъ въ заздравныхъ рѣчахъ или здравицахъ (какъ говорить сербы), въ обычныхъ рѣчахъ свата или дружки на свадьбѣ, въ надгробныхъ вопляхъ.

в) Заклятіе или заговоръ, оберегъ, преимущественно въ прозаической формѣ, въ избѣжаніе или насланіе болѣзней, бѣдствій и разныхъ притчей или притокъ.

г) Пословица, въ краткой формѣ, иногда стихотворной, иногда прозаической, выражающая вѣковую мудрость всего народа. Отдѣльное лицо въ доказательство истины или для убѣжденія въ какомъ-нибудь нравственномъ понятіи пользуется пословицею, какъ общимъ народнымъ достоиніемъ, точно такъ же, какъ свадебною пѣснею на

свадьбѣ, или причитаньемъ на похоронахъ. И задушевная поэзія, и умное слово въ пословицѣ—не принадлежать извѣстному лицу, но мірское достояніе всѣхъ и каждаго *). Отъ пословицы отличается поговорка тѣмъ, что не выражаетъ опредѣленной мысли, а есть не болѣе, какъ обычная фраза; напр.: „всѣмъ сестрамъ по серьгамъ“.

д) Загадка. Теперь стала она дѣтскою игрою, а прежде была паивною эпическою формою для препиранія и состязанія между двумя лицами о томъ, кто умнѣе и кто больше знаетъ **). Таково состязаніе русалки съ дѣвицами въ малорусской пѣснѣ, Одина съ великаномъ Вафтрудниромъ въ пѣснѣ Древней Эдды, Владиміра съ Давидомъ Иессеевичемъ въ стихѣ о Голубиной Книгѣ ***).

е) Сказка, прозаическое повѣствованіе, иногда съ удержаніемъ стиховъ въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ, въ причитаньяхъ и пѣсенкахъ. Самъ народъ существенно отличаетъ пѣсню отъ сказки, выражаясь пословицею: „Сказка *складка*, а пѣсня *быль*“, т. е., сказка есть вымышленное сложеніе, фантастическая выдумка, а пѣсня—или рассказъ о быломъ, былина, или выраженіе дѣйствительно волнующаго чувства—въ пѣснѣ обрядной и бытовой. Между тѣмъ, исторія словесности показываетъ намъ, что и въ сказкахъ выражаются тѣ же мнѣя и преданія о герояхъ, какъ и въ пѣсняхъ. Напримѣръ, есть сказки о вилахъ, русалкахъ, змійхъ, а также и о богатыряхъ князя Владиміра. Это противорѣчіе въ фактахъ съ народною пословицею должно быть рѣшено взглядомъ на историческое развитіе народной поэзіи. Сказка есть не что иное, какъ переложеніе въ прозу древнѣйшихъ эпическихъ пѣсенъ. Чтò было нѣкогда понимаемо въ пѣсняхъ какъ *быль*, какъ мнѣя и вѣрованье, то впоследствии, мало по малу искажаясь, получало фантастическій характеръ въ прозаической формѣ сказки. Какъ явленіе позднѣйшее, служащее переходомъ отъ эпической пѣсни къ забавному и поучительному повѣствованію, сказка могла удержать многое изъ космогоническаго и героическаго эпоса, но дала этому древнему содержанію позднѣйшую прозаическую форму, а утраченное вѣрованье эпохи мифологической она замѣнила фантастическимъ и необычнымъ. Впоследствии

*) См. Снегирева. Русскія пословицы и поговорки. Стр. 30—35.

***) См. тамъ-же, стр. 52—55.

****) См. Семеновскаго, Малорусскія и Галицкія загадки. 1851 г.

ствіи къ сказкѣ присоединилось правоученіе, и, такимъ образомъ, составился рядъ назидательныхъ сказокъ, которыя въ средніе вѣка входили въ собранія повеллѣ или повѣстей.

Не успѣвъ развить эпоса мнѳологическаго, славяне русскіе заявили свои права въ области европейскіхъ литературъ своею историческою поэзіею.

Историческая пѣсня, или былина, воспѣвающая Владиміра и его богатырей, погромы татарскіе, подвиги Ивана Грознаго, смутное время междуцарствія, разныя событія изъ временъ Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича, свидѣтельствуеъ намъ, что народъ принималъ живѣйшее участіе въ историческихъ судьбахъ Руси, умѣлъ по своему очень вѣрно понимать ихъ и давалъ имъ мѣткую характеристику въ своихъ пѣсняхъ. Современники воспѣвали громкія имена и великія событія своего времени, и передавали ихъ юному, нарождавшемуся поколѣнію, которое, свято сохраняя завѣщанную отъ отцовъ старину, прилагало къ ней былины своего времени, какъ авторъ Слова о полку Игоревѣ прилагалъ былины сего времени (какъ онъ говоритъ) къ замышленію Боянову. Какъ бы ни совершалась эта завѣтная передача историческихъ былинъ, но пѣсни о Владимірѣ, о Татарахъ и Литвѣ, о Иванѣ Грозномъ, о Казачествѣ и другихъ историческихъ предметахъ и доселѣ живутъ въ устахъ простаго народа по всѣмъ концамъ нашего отечества. Ясно, что одно поколѣніе родилось съ другимъ, будучи связываемо историческимъ преданіемъ. Какъ грамотные люди читали о родной старинѣ въ лѣтописяхъ, хронографахъ (или хроникахъ), въ житіяхъ Святыхъ, такъ съ неменьшею для себя пользою простой народъ питался и доселѣ не перестаетъ питаться національными силами родныхъ преданій въ историческихъ былинахъ. Эти былины не только замѣняютъ ему исторію, но и выражаютъ его сознаніе о своемъ историческомъ бытіи и значеніи. Только народъ историческій имѣетъ историческую поэзію, въ которой онъ заявляетъ права на свое историческое существованіе. Въ этой поэзіи народъ выражаетъ свое историческое развитіе, свою историческую народность.

Правда, что былина, по большей части, обилуетъ грубыми анахронизмами, смѣшеніемъ исторической истины съ поэтическимъ

вымысломъ, но въ общемъ своемъ составѣ, но въ нравственной характеристикѣ лицъ и въ пониманіи великихъ событій старины она не уступитъ ни одному изъ настоящихъ историческихъ сочиненій, а по свѣжести и искренности національнаго чувства съ нею могутъ равняться развѣ только лучшія страницы лѣтописи, которой служить эта поэзія живымъ, народнымъ отголоскомъ. Притомъ, самые анахронизмы и кажущіяся нелѣпныи исторической былинны заслуживаютъ тщательнѣйшаго наблюденія для изученія того, какъ принимались народнымъ смысломъ историческіе факты, какъ народъ смотрѣлъ на Татарщину, какъ изображалъ Ивана Грознаго, что воспѣвалъ въ Скопинѣ Шуйскомъ и т. д., какъ, наконецъ, всѣ эти историческіе факты группировались въ воображеніи народа и воспитывали національное чувство. Анахронизмы исторической поэзіи имѣютъ глубокое значеніе по прямому ихъ отношенію къ нравственной жизни народа, которая вся состоитъ изъ безчисленнаго множества преданій, накопившихся изъ различныхъ временъ, вся сложена изъ анахронизмовъ, въ которыхъ новое со старымъ незамѣтно сливается въ одно неразрывное цѣлое.

Итакъ, мы переходимъ изъ періода до-историческаго въ историческій. Этотъ періодъ собственно начинается двумя великими явленіями—учрежденіемъ государственнаго порядка и введеніемъ христіанства. Но этимъ явленіемъ наши лѣтописи предпосылаютъ нѣкоторые историческіе рассказы, которые должны занять мѣсто въ нашемъ изложеніи.

Вступая въ область, собственно историческую, мы тотчасъ же должны обратиться къ мѣстнымъ, географическимъ условіямъ, при которыхъ возникали историческія басни и былинны. Такъ, сначала господствуютъ историческія преданія Кіевскія и Новгородскія, потомъ Западной и Восточной Руси, наконецъ—Московскія.

1. Самая древняя историческая басня, сообщаемая Несторомъ о славянахъ, имѣетъ предметомъ нашествіе Обровъ (Аваровъ въ VI и VII в. въ Дакии). Это преданіе лѣтописецъ называетъ притчею. Оно было мѣстнымъ въ Волинн, гдѣ нѣкогда по Бугу жили Дулѣбы. По Нестору, будто бы Обры покорили Дулѣбовъ и творили имъ насиліе. Когда Обринъ собирался куда-нибудь ѣхать, то впрягалъ не воловъ или коней, а трехъ, четырехъ, или пять женъ Дулѣбскихъ,

такъ и ѣздилъ. „Быша бо Обърѣ тѣломъ велици и умомъ горди—говорить Несторъ—и Богъ потреби я, помроша вси, и не остана ни единъ Объринъ: есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша, аки Обрѣ“. Въ этой притчѣ, согласно эпическимъ преданіямъ, страшные враги представляются великанами, подобно Ютамъ сѣверной Эдды. Замѣчательно, что слово обрѣ у западныхъ славянъ, у чеховъ, лужичанъ и поляковъ употребляется въ значеніи великана вообще (чешск. obr лужичск. hobog, польск. obryzum, вмѣсто древнепольскаго obryzum). Точно такъ же племя славянское Велеты или Волоты оставило по себѣ память въ словѣ Волотъ—въ смыслѣ великана вообще. Есть одна древне-русская повѣсть о Волотѣ Волотовичѣ, который заступаетъ мѣсто Владиміра въ известномъ стихѣ о Голубиной Книгѣ. Будто бы во градѣ Іерусалимѣ въ великую субботу съѣзжались къ церкви сорокъ два царя: „Большой у нихъ былъ царь Волотъ Волотовичъ, второй у нихъ царь Моисей Моисевичъ, третій у нихъ былъ царь Елисей Елисеовичъ, четвертый у нихъ былъ царь Давидъ Пророкъ Іессеовичъ“. Изъ среды всѣхъ выступаетъ большой царь Волотъ Волотовичъ и говоритъ: „Ой вы, цари и князи благовѣрные! Скажите вы мнѣ, не утайте! Ночесъ (т. е., этой ночью) вамъ кому что и каковъ сонъ видѣлся? Не можете вы угадать отъ меня, мнѣ повѣдайте!“ И затѣмъ, рассказавъ свой вѣщій сонъ вступаетъ онъ въ состязаніе съ Давидомъ Іессевичемъ. Содержаніе этого спора загадками почти то же, что въ стихѣ о Голубиной Книгѣ (какъ будетъ объяснено впоследствии), съ тою только разницею, что къ бесѣдѣ присовокуплено сказаніе о женитьбѣ сына Давидова Соломона на дочери Волота Соломонидѣ, и о томъ, что послѣ Волота царствуетъ въ Русской землѣ самъ Соломонъ. Итакъ, поэтическія преданія объ Обрахъ и Волотѣ, какъ-бы родоначальникѣ Волотовъ, относятся къ миѳу о великанахъ. Волотками и доселѣ называются курганы, въ которыхъ погребены кости какихъ-то дружинъ незапамятной эпохи.

2. Мѣстное Кіевское или Полянское сказаніе о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди, состоящее въ связи съ городомъ Кіевомъ, съ горами Щеквицею и Хоревницею и съ рѣкою Лыбедью. Въ Несторово время о Кіѣ рассказывали различно. Одни, указывая на выраженіе: на перевозъ на Кіевъ, думали, что Кій былъ пе-

револонцкѣ; другіе, которымъ слѣдуетъ и самъ Несторъ, называли Кіа княземъ, рассказывали о его походѣ подъ Цареградъ и о пребываніи его на Дунаѣ, гдѣ будто-бы онъ срубилъ, то есть, построилъ городокъ Кіевецъ. Последнее обстоятельство въ сказаніи важно потому, что указываетъ на связь Кіева съ Дунаемъ, гдѣ была родина Русскихъ славянъ. Что же касается до олицетворенія горъ и рѣки въ героическихъ личностяхъ Щека, Хорива и Лыбеди, то, безъ сомнѣнія, эти олицетворенія ведутъ свое начало отъ языческаго обожженія многочисленныхъ существъ горныхъ и рѣчныхъ. Змій называется у насъ Горыничемъ, то есть, сыномъ Горы, а рѣки, по эпической пѣснѣ о Садкѣ, суть не что иное, какъ дочери Морскаго царя, то есть, божества водъ. Если Лыбедь по грамматической формѣ то же, что лебедь, то сестра Кіа не иной кто, какъ дѣва съ лебедными крыльями, въ родѣ сѣверныхъ валькирій. Какъ бы то ни было, по рѣку Лыбедь встрѣчаемъ мы еще при другомъ древнерусскомъ городѣ, и, сверхъ того, на такой мѣстности, гдѣ поклоненіе водамъ существовало издавна. Именно, древній Переяславль Рязанскій былъ построенъ между рѣками Трубежомъ и Лыбедью, устье которой, называемое озеромъ Карасевымъ, почиталось святымъ. Можетъ быть, съ Лыбедью Кіевляне соединяли какую-нибудь историческую и географическую басню, въ родѣ польской о Вандѣ и чешской о дѣвичьемъ ополченіи подъ предводительствомъ Власты, потому что при устьѣ Лыбеди надъ Днѣпромъ возвышеніе называлось Дѣвичь Горы.

По другимъ лѣтописнымъ сказаніямъ Кіа и его братья были разбойниками въ Новгородской области и оттуда перешли уже на югъ; а Оскольдъ и Диръ будто бы были племянниками Кіа и, слѣдовательно, были на Русѣ независимо отъ знаменитой высадки Рюрика съ своими братьями и дружиной; будто бы Олегъ, приходя въ Кіевъ съ Игоремъ, убиваетъ не Оскольда и Дира, а Кіа и его братьевъ.

3. Мѣстная Полянская же сказка о томъ, какъ поляне воевали съ казарами и платили имъ дань мечами. Слова старцевъ казарскихъ ихъ князю объ этой дани отзываются сказочнымъ тономъ, въ похвалу храбрости и воинской силѣ полянъ: „Не добра дань, княже! Мы доискались оружіемъ объ одной сторонѣ (то есть, сабля-

ми), а ихъ оружіе обоюдоостро (то есть, мечь): будутъ они брать дань и съ насъ и съ другихъ страгъ“. Такъ прославляли свое могущество кіевляне уже въ древнѣйшихъ поэтическихъ сказаніяхъ. Замѣтимъ, что и въ готскомъ эпосѣ противопоставляется готскій обоюдоострый мечъ односторошней саблѣ гуновъ*).

4. Согласно съ извѣстіемъ Нестора о томъ, что племена, поселившіяся около Новгорода, собственно назывались славянами, въ другихъ баснословныхъ лѣтописяхъ повѣствуется о родоначальникѣ ихъ Словенѣ, или Славянѣ. Это мѣстное преданіе сѣверно-русское или новгородское. Словенъ будто-бы былъ братъ Русу, построилъ городъ Словенскъ. Это былъ Старый городъ; по разрушеніи его впоследствии былъ построенъ другой городъ и названъ Новымъ, то есть, Новгородъ. Въ соответствии кіевской Лѣбеди, сестра Руса и Словена называлась Ильмерь, по имени которой прозвалось знаменитое озеро. Въ пѣснѣ о Садкѣ Ильмерь представляется добрымъ молодцемъ.

Какъ богатырь Дунай далъ свое имя рѣкѣ, такъ и на сѣверѣ Руси мы встрѣчаемъ подобную же басню о старшемъ сынѣ Словенѣ—Волховѣ.

Предварительно надобно замѣтить, что Словенъ съ родомъ своимъ сѣлъ на нѣкоторой рѣкѣ, называвшейся тогда Мутной, на которой и былъ построенъ городъ Словенскъ Великій. Старшій сынъ князя Словена Волховъ—какъ повѣствуется въ баснословномъ Кіевскомъ лѣтописцѣ—былъ ѳсамъ угодникъ и люгый чародѣй, оборачивался въ лютаго звѣря крокодила**) (то есть, въ водянаго змія) и залегъ въ той рѣкѣ Мутной водный путь и непокоряющихся ему топилъ и пожиралъ. За то язычники почитали его богомъ, называя его громомъ, или Перуномъ. И поставилъ онъ чародѣй, починныхъ ради мечтаній и собранія ѳсовскаго, городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, называемомъ Перыпя, гдѣ и кумиръ Перуновъ стоялъ. И баснословягъ о Волховѣ невѣжды, говоря, что онъ въ боги сѣлъ (то есть, причислилъ себя къ сонмищу боговъ). И былъ этотъ проклятый чародѣй злѣ разбіенъ и удушенъ отъ ѳсовъ въ рѣкѣ Волховѣ, и мечтаніями ѳсовскими окаяннос тѣло его несомо

*) Напримеръ, въ поэмѣ о Вальтерѣ Аквитанскомъ.

**) Сличн пѣсню о чародѣѣ и оборотнѣ Волхѣ Всеславичѣ.

было вверх по рѣкѣ той и извержено было на берегу противъ Волховнаго его городка, гдѣ нынѣ Перыня. И погребали его съ великимъ плачемъ язычники, совершили по немъ тризну и на его могилѣ ссыпали по обычаю высокій курганъ; но чрезъ три дня послѣ того разсѣлась земля и пожрала проклятое тѣло Волхова, и могила его просыпалась вмѣстѣ съ нимъ на дно адское,—„иже и до нынѣ, якоже повѣдаютъ, знакъ ямы той не наполнися“.

Волховный городокъ, иначе Волховскъ, впоследствии былъ освященъ въ памяти народной преданьемъ христіанскимъ, какъ это всегда бываетъ въ исторіи просвѣщенія народовъ: мѣсто, прославленное язычествомъ, впоследствии было освящаемо христіанскою святынею: такъ древнѣйшіе христіанскіе храмы сооружались на развалинахъ языческихъ капищъ. Такъ же и Антоній Римлянинъ (въ XII в.), приплывъ на камнѣ изъ Рима, остановился у береговъ Волхова, у мѣстечка Волховска, гдѣ и былъ потомъ сооруженъ храмъ во имя Рождества Богородицы.

Что же касается до Перыни или Перюни (какъ говорятъ повгородцы), то въ народѣ и доселѣ слыветъ слѣдующая мѣстная сказка. Будто бы былъ звѣрь Зміяка (то есть, крокодилъ Волховъ); жилъ онъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ св. скитъ Перюпскій. Каждую ночь этотъ Зміяка ходилъ въ Ильмень озеро, а потомъ переполъ жить въ самый Новгородъ. А въ то время князь Владиміръ крестилъ Русскую землю святымъ крещеньемъ. Тогда повгородцы бросили Зміяку Перюна въ Волховъ. Зміяка поплылъ вверхъ по рѣкѣ къ Ильмень—озеру, подплылъ къ своему старому жилью и вышелъ на берегъ. Но здѣсь Владиміръ велѣлъ срубить церковь, а Зміяку опять бросили въ воду. Срубили церковь: съ тѣхъ поръ—какъ говоритъ мѣстное преданье—Перюну и ходу нѣтъ. Оттого эта церковь назвалась Перюпскою и скитъ Перюпскій.

Въ заключеніе замѣчу, что мѣстечко Перыня встречается и около Искова, а около Кіева ему соотвѣтствуетъ Перупова Рѣнь (отъ слова—ринуть), то есть, то мѣсто на берегу Днѣпра, гдѣ будто бы вынырнулъ и выпрыгнулъ изъ воды на берегъ брошенный христіанами въ Днѣпръ истуканъ Перуна.

Л Е К Ц І Я 19-я.

Читана 23-го февраля 1860 года.

Самый важный вопрос, котораго никакъ нельзя обойти, говоря объ историческихъ басняхъ древнѣйшей русской словесности, состоитъ въ томъ, какое вліяніе оказали пришлыя Варяжскія дружины на наши своеземныя сказанья и преданья?

Очевидно, что прибывшіе на Русь князья съ своимъ родомъ—племенемъ были значительно выше туземцевъ даже въ мифологическомъ развитіи. Они не только дали Русской землѣ начала государственнаго наряда, или порядка, но и покушались самое язычество привести въ опредѣленныя формы,—смутное вѣрованье они хотѣли воплотить въ видимыя очертанія истукановъ, которые, какъ извѣстно, Владиміръ велѣлъ поставить въ Кіевѣ на холму передъ своими теремами. Но этотъ же князь велѣлъ ихъ и сокрушить, принявъ христіанскую вѣру (988 г.). Потому, каковы бы ни были языческія вѣрованья пришлецовъ, они не успѣли у насъ созрѣть, не успѣли войти въ общее достояніе народа, обходившагося безъ истукановъ и не развившаго опредѣленныхъ обрядовъ своего богослуженія.

Нѣкоторые ученые предполагали, что князья, были ли они норманны, или онѣмечившіеся славяне, пришли въ Русь съ своими княжими пѣвцами, или скальдами. Но это предположеніе не подтверждается фактами. Впрочемъ, весьма естественно, что храбрые моряки могли занести къ намъ нѣкоторые изъ своихъ разсказовъ, потому что, какъ извѣстно, сидя за пирами, они любили хвалиться своими подвигами, и въ самой Скандинавіи и по берегамъ Балтійскаго моря эпическіе разказы поддерживались въ теченіе вѣковъ словоохотливыми бесѣдами общительныхъ и бывалыхъ воиновъ, дававшихъ Европѣ новый порядокъ вещей.

Какъ бы то ни было, но сказаніе о смерти Олега отъ его любимаго коня есть не что иное, какъ отголосокъ эпическихъ разсказовъ объ одномъ норвежскомъ героѣ Орварѣ Одрѣ. Олегу предсказано было кудесникомъ умереть отъ его любимаго коня. Опасаясь предсказанія, Олегъ оставилъ коня въ покоѣ и не ѣздилъ на немъ уже никогда, и вспомнилъ о немъ тогда уже, когда конь околѣлъ. Пріѣхавъ на мѣсто, гдѣ лежали голыя кости коня и его голый лобъ.

И посмѣялся Олегъ, сказавъ: „Отъ этого-ли лба будетъ миѣ смерть?“ И ступилъ ногою на лобъ; и выползла изъ него змѣя и уклонула Олега въ ногу, отчего онъ и померъ. Точно такъ и Орвару Оддру вѣщая колдунья предсказала, что ему назначено 300 лѣтъ счастливой и славной жизни, но что потомъ онъ погибнетъ отъ своего коня. Герой умертвилъ коня и свергнулъ его въ глубокой ровъ, надъ которымъ ссыпалъ курганъ. Прославившись своими подвигами въ разныхъ странахъ и женившись въ Руси на какой-то княжнѣ русской, черезъ 300 лѣтъ воротился онъ въ Норвегію. На родинѣ встрѣтилъ онъ большую перемѣну, происшедшую въ теченіе его долговременнаго отсутствія. Мѣста, нѣкогда зеленѣющія и цвѣтущія, поблекли и засохли. Изсякло и засохло и болото, куда былъ брошенъ его конь; а курганъ разсыпался, обнаруживъ голую голову коня. „И это голова Факса?“ (имя коня)—сказалъ герой, ворочая се кошемъ. Тогда изъ головы коня выскочила ящерица и уязвила героя въ пятку, впустивъ своего яду, отъ котораго Оддръ и померъ.

Всѣ сказанія объ Ольгѣ проникнуты народными преданіями, въ которыхъ туземныя историческія басни перемѣшаны съ повѣствованьями пришлой дружины. Борьба ея съ древлянами имѣетъ глубокой исторической смыслъ—господство новаго варяжскаго порядка вещей надъ вымирающимъ бытомъ племенъ. Послы древлянскіе, пришедшіе сватать Ольгу за своего князя Мала, выражаются о своихъ князьяхъ, какъ истые пастухи и звѣроловы: „Князья наши—говорятъ они—распасли Древлянскую землю“,—то есть, пасли народъ, какъ пастухи—выраженіе, соотвѣтствующее гомерическому названію царя—пастухъ народовъ. Ольга, какъ представительница новаго образованія дружинъ, дурачить древлянскихъ пословъ, заставляя ихъ, чтобы они явились къ ней песенные въ лодкѣ; потомъ сожигаетъ другихъ пословъ древлянскихъ въ банѣ—казнь очень обыкновенная въ сѣверныхъ скандинавскихъ сагахъ. Наконецъ, она даже принимаетъ христіанскую вѣру, сначала будто-бы плѣнивъ своею красотою императора Константина Багрянороднаго, и потомъ обманываетъ его хитростію, отказывая своему крестному отцу въ своей рукѣ (957 г.).

Таковы немногочисленные слѣды варяжскихъ преданій въ русскихъ сказаніяхъ. Оттого и въ самомъ языкѣ русскомъ почти не замѣтно вліяніе варяжское.

Наконецъ, историческія басни съ народными пѣснями и древнѣйшія христіанскія легенды сосредоточиваются къ имени Владиміра Святаго, или Владиміра Красна-Солнышка, какъ зоветъ его народъ, Владиміра Милостиваго князя, согласно съ сѣвернымъ названіемъ князя Милостивцемъ (Mildingr).

Историческая знаменательность и величіе этой эпохи въ судьбахъ Руси доселѣ запечатлѣны въ памяти народной не только христіанскими сказаніями, но и баснословными преданьями свѣтскаго, даже языческаго содержанія, вѣроятно, на томъ основаніи, что Владиміръ не только крестилъ Русскую землю, но, будучи язычникомъ, былъ столько мудръ, что умѣлъ воздать должное и языческой старинѣ, пока еще не позналъ вѣчныхъ истинъ христіанской религіи.

Народныя былины о князѣ Владиміръ обыкновенно открываются проромъ, который онъ даетъ своимъ богатырямъ:

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
 Что у ласкова, сударь, князи Владиміра,
 А и было шровапье, почестный пирь,
 Было столованье, почестный столъ.
 Много на пиру было князей и бояръ,
 И русскихъ могучихъ богатырей—

И когда бывалъ день въ половину дня, а княженецкій столъ во полустолѣ, Владиміръ князь распотѣшител:

По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
 Черныя кудри расчесываетъ—

и богатыри другъ передъ другомъ начинаютъ хвалиться: сильный хвалится силою, богатый богатствомъ (какъ поется въ народѣ).

Точно такъ же и по сказанію Нестора, Владиміръ, сказавшій магометанскимъ посламъ: „Руси есть веселье питье—не можемъ безъ того быти“,—ежепедѣльно по воскресеньямъ творилъ людямъ пиры. Онъ уставилъ—какъ говоритъ Лѣтописецъ—у себя на дворѣ въ гридницѣ пирь творити, и приходитъ боярамъ, и гридямъ, и сотскимъ, и десятскимъ, и нарочитымъ мужамъ, при князѣ и безъ князи. И бывало на пирахъ множество всего въ изобиліи. Когда-же подопьютъ—говоритъ Несторъ—начнутъ бывало роптать на Князя, говоря: „Зло головамъ нашимъ! Ъдимъ мы ложками деревянными, а

не серебряными!“ И услышавши это, Владиміръ велѣлъ сковать для дружины ложки серебряныя, присовокупивъ: „серебромъ и золотомъ не добуду дружины, а дружиною добуду серебра и золота, какъ дѣдъ мой и отецъ доискались дружиною того и другаго,“—потому что (говорить Несторъ) Владиміръ любилъ дружину и бесѣдовалъ съ нею о стрѣбъ Землянѣ, и о ратяхъ, и о Землянѣ уставѣ.

Если по Нестору Владиміръ есть глава дружины, преимущественно варяжской, то по народнымъ пѣснямъ онъ средоточіе, къ которому стекаются въ Кіевъ русскія силы со всѣхъ концовъ нашего отечества. Добрыня Никитичъ, по пѣснямъ, племянникъ, а по лѣтописи—дядя Владиміра, изъ Старой Рязани, гдѣ онъ купался въ рѣкѣ и побѣдилъ змія, хранителя злата въ пещерахъ. Алеша Поповичъ изъ стараго города Ростова, издавна знаменитаго силою своего духовенства; Михаилъ Казариновъ и Дюкъ Степановичъ изъ Воынца, Красна-Галичья, то есть, изъ Галицкой Руси. Они знамениты своимъ вооруженьемъ, особенно Дюкъ Степановичъ, у котораго въ колчанѣ были удивительныя, безцѣныя стрѣлы, по наивному описанію пѣсни:

А и еще есть въ колчанѣ три стрѣлы,
 А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,
 Цѣны не было и не свѣдомо;
 Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было,
 Колоты онѣ были изъ трость дерева,
 Строганы тѣ стрѣлки во Новѣгородѣ,
 Клеены онѣ клеємъ осетра рыбы,
 Перены онѣ перьяцемъ сиза орла,
 А сиза орла, орла орловича *),
 А того орла, птицы Камскія, —
 Не той-то Камы, коя въ Волгу пала,
 А той-то Камы за синимъ моремъ—
 Своимъ устьемъ впала въ сине море;—
 А летѣлъ орелъ надъ синимъ моремъ,
 А ронилъ онъ перьяца въ сине море,
 А бѣжали гости карабельщики,

*) Сличн adel-âr—благородный орелъ.

Собирали перья на синемъ морѣ,
 Вывозили перья на Святую Русь,
 Продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ:
 Покупала Дюкова матушка
 Перо во сто рублей, во тысячу.—
 Почему тѣ стрѣлки дороги?
 Потому онѣ дороги,
 Что въ ушахъ поставлено по тирону,
 По камению, по дорогу самоцвѣтному;
 А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
 Подлѣ ушей перевивано
 Аравитскимъ золотомъ.
 Ѣздитъ Дюкъ подлѣ снѣга моря
 И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
 Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
 Онъ днемъ стрѣляетъ,
 Въ ночи тѣ стрѣлки собираетъ,—
 Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
 А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи, горятъ—
 Свѣчи теплются воску яраго:
 Потому онѣ стрѣлки дороги *).

Соловей Будимировичъ—откуда-то изъ-за моря; онъ привозитъ Князю Владиміру и его Княгинѣ богатые дары, строить чудесныя палаты въ одну ночь въ саду княженицкой племянницы Залавы Путятинны и на ней женится. Особенно знаменитъ корабль, на которомъ прибылъ этотъ богатырь; пѣсня представляетъ его какимъ-то чудовищнымъ звѣремъ:

У того было Сокола у корабли
 Вмѣсто очей было вставлено
 По дорогу камению по ихонту;
 Вмѣсто бровей было прибывапо
 По черному соболу Якутскому
 И Якутскому, вѣдь Сибирскому;
 Вмѣсто уса было воткнуто

*) Кириша Даниловъ. Древнія російскія стихотворенія, стр. 23—25.

Два острые ножика булатные;
 Вмѣсто ушей было воткнуто
 Два востра копья Мурзаецкія,
 И два горностая повѣшены,
 И два горностая, два зимпіе;
 У того было Сокола у корабля
 Вмѣсто гривы прибivano
 Двѣ лисицы бурнастыя;
 Вмѣсто хвоста повѣшено
 На томъ было Соколѣ кораблѣ
 Два медвѣди бѣлые, заморскіе;
 Носъ, корма—по туриному,
 Бока взведены по звѣриному *).

Наконецъ, знаменитый Илья Муромецъ былъ изъ славнаго города Мурома, изъ села Корочаева. По пѣснямъ, онъ былъ сосѣдомъ рязанцу Добрынѣ Никитичу, потому-то они и отправляются вмѣстѣ на подвиги.

Богатыри, отправляясь къ своему Красцу-Солнышку въ Кіевъ, встрѣчали много препятствій—и дремучіе лѣса Брынскіе, и черныя грязи Смоленскія, и Соловья Разбойника—миѳическое существо, живущее въ семи дубахъ и кричащее по-звѣриному, свистящее по-соловьиному, и т. п. Алеша Поповичъ, выѣхавъ изъ Ростова, встрѣтилъ на пути три дороги:

Первая дорога въ Муромъ лежитъ,
 Другая дорога въ Черниговъ градъ,
 Третья ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову Князю Владиміру.

Нѣкоторые ученые думаютъ, что наши богатыри выражаютъ собою православныя силы Руси въ борьбѣ съ темнымъ язычествомъ. Къ этому ложному понятію привело, вѣроятно, то обстоятельство, что богатыри окружаютъ Князя Владиміра, крестившаго Русь. Владиміръ, дѣйствительно, употребляетъ своихъ витязей для разныхъ услугъ—посылаетъ завоевывать города и земли, укрощать народы, сватать себѣ невѣсту, настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей. Но пѣсен-

*) Тамъ-же, стр. 2.

ный Владиміръ не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ Равноапостольнымъ Княземъ. Въ пѣсняхъ, какъ и въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ лѣтописи,—онъ еще герой чисто мифологическаго эпоса. Даже вся обстановка его мифическая. Въ обществѣ богатырей, за столомъ Владиміра Красна-Солнышка является Тугаринъ Зміевичъ, мифическій змій и сынъ змія. Онъ въ какихъ-то темныхъ сношеніяхъ съ супругою самого Красна-Солнышка. Сестра Красна-Солнышка Марья Дивовна, то есть, дочь Дива, чудовищнаго великана, похищена Зміемъ въ пещерѣ, устланной серебромъ и золотомъ, откуда спасаетъ ее Добрыня Никитичъ. Сестра Апраксѣевны, супруги Владиміра, дѣва вонтельница—русская Брингильда—выходитъ замужъ за мифическаго Дуная. Потокъ Михайло Ивановичъ жепится на вѣщій дѣвицѣ, которая, подобно скандинавскимъ валькиріямъ, оборачивается бѣлою лебедью. Самъ Князь Красно-Солнышко присутствуетъ на ихъ свадьбѣ. Даже Илья Муромецъ, какъ отецъ за-Донскаго королевича Збута, сближается съ древнѣйшими героями готскаго эпоса; а его сношенія съ мифическимъ Соловьемъ Разбойникомъ, котораго онъ живьемъ привезъ къ князю Владиміру и который своимъ свистомъ перепугалъ всѣхъ богатырей—составляютъ одинъ изъ эпизодовъ общаго средневѣковаго преданья о зловѣщихъ крикахъ соловья. Въ средніе вѣка, когда вѣрили въ то, что птицы умѣютъ говорить,—романскіе поэты, часто приводятъ звукоподражательный припѣвъ соловья: оссі, оссі, или осіі, осіі, будто бы означающій: убей, убей. Въ древне-французской поэмѣ о монахѣ Евстахіи, знаменитомъ морскомъ разбойникѣ конца XII-го вѣка и начала XIII-го, рассказывается, какъ онъ, убѣжавъ отъ преслѣдовавшаго его графа Булонскаго, поднулъ надъ нимъ, спрятавшись въ лѣсу и припѣвая на голосъ соловья: осіі, осіі!

Замѣчательно, что ни въ одной изъ пѣсней богатырскихъ Владиміръ не представляется съ точки зрѣнія просвѣтителя Руси христіанскою вѣрою. Мы уже знаемъ, что даже самое имя Владиміра въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ есть уже позднѣйшая замѣна другой, древнѣйшей, даже мифологической личности, какъ напримѣръ, въ стихѣ о Голубиной Книгѣ мифическій Волотъ уступилъ мѣсто историческому имени Владиміра. Итакъ, эпосъ о Владимірѣ и его богатыряхъ основывается на древнѣйшихъ преданьяхъ, въ которыхъ главный

роли играютъ сверхъестественныя личности чародѣя Волха, мненческаго Дуная и другихъ богатырей, которые столь чужды христіанству, что за святотатственную борьбу ихъ съ небомъ всѣ они, какъ намъ уже извѣстно, превратились въ камни.

Если мы, такимъ образомъ, не допускаемъ идеи православія въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ, то не можемъ не замѣтить того важнаго переворота, который въ немъ совершился подъ вліяніемъ начала государственнаго. Очень рано пустивъ свои корни въ Южной Руси, это новое начало оказало свое вліяніе на составъ народнаго эпоса: оно сгруппировало цѣлый рядъ богатырей около княжеской власти, олицетворенной въ ласковомъ князѣ Владимірѣ—Красномъ Солнышкѣ.

Итакъ, это второй періодъ нашего народнаго эпоса, когда баснословныя личности древнихъ полу-боговъ подчинились князю Владиміру, какъ бы сошли съ своихъ языческихъ пьедесталовъ и смѣшались съ толпою витязей въ княжей дружинѣ, которую, по свидѣтельству Пестора, Владиміръ еженедѣльно угощалъ пирами.

Затѣмъ наступилъ новый, третій періодъ для нашего эпоса. Съ развитіемъ общественной жизни начинаетъ обнаруживаться различіе въ сословіяхъ, и богатыри Владиміра являются представителями сословій и классовъ народа. Являются около Владиміра богатыри не только изъ разныхъ мѣстностей—изъ Рязани, Мурома, Ростова и проч., но и изъ разныхъ сословій—изъ князей, бояръ, духовенства, изъ гостей, или купцовъ, изъ крестьянъ.

Какъ скоро опредѣлилось въ эпосѣ различіе сословій, тотчасъ же обнаружилась и сословная ревность, или вражда; эпосъ потерялъ свое обычное величавое спокойствіе и внесъ пристрастные взгляды.

Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ эпизодъ о борьбѣ витязей съ однимъ чужеземнымъ великаномъ *). Однажды, подъ начальствомъ Ильи Муромца, караулили въ степяхъ заставу, или границу, русскіе богатыри: Добрыня Никитичъ—рода княжескаго, Алеша Поповскій сынъ, Гришка Боярскій сынъ и Васька Долгополый, изъ купцовъ или изъ посадскихъ людей. Однажды заставу кто-то пере-

*) Наше чатано въ Московскомъ Сборникѣ.

ѣхалъ, оставивъ по себѣ слѣдъ—конскую ископытъ, необычайно громадную, по которой догадались богатыри о близости какого-то враждебнаго великана. Богатыри выбираютъ изъ своей среды товарища для единоборства съ великаномъ. Этотъ выборъ даетъ Ильѣ Муромцу случай проницески отозваться о сословіяхъ, къ которымъ принадлежатъ долгополый Васька, Гришка и Алеша Поповичъ.

Сначала положили было ѣхать на единоборство Васькѣ. Атаманъ Илья Муромецъ говорить:

Не ладно, ребятушки, полóжили;
У Васьки помы долгиа:
По землѣ ходить Васька, заплетается;
На бою, на дракѣ заплетется,
Погинеть Васька по напрасному.

То есть, не купеческое и не посадское дѣло воинскія потѣхи и опасности. Потомъ выбрали было Гришку Боярскаго сына. Илья Муромецъ говорить:

Не ладно, ребятушки, удумали,
Гришка рода боярскаго:
Боярскіе роды хвастливые *),—
На бою-на дракѣ призахвастается,
Погинеть Гришка по напрасному.

Послѣ того положились было на Алешу Поповича. Илья Муромецъ говорить:

Не ладно, ребятушки, положили:
Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
Много злата—серебра;
Злату Алеша позавидуетъ,
Погинеть Алеша по напрасному.

Итакъ, порѣшили ѣхать Добрыиъ Никитичу. Противъ его княжеской породы пѣсня ничего не имѣетъ; но и Добрыня, не смотря на свою благородную отвагу, не успѣлъ въ подвижѣ, и въ ужасѣ отъ сверхъестественныхъ силъ великана возвращается назадъ. „Больше не кѣмъ замѣниться,—говоритъ Илья Муромецъ,—видно

*) Намекъ на мѣстничество.

ѣхать мнѣ самому.“ Взялъ съ собою палицу въ девяносто пудъ, и, выѣхавъ въ поле, крикнулъ громкимъ голосомъ:

Воръ, собака, нахвальщина!
 Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,
 Мнѣ, атаману Ильѣ Муромцу, челомъ не бьешь?
 Подъатаманью Добрынѣ Никитичу?
 Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
 На всю нашу братью наборную?

Послѣ долгаго, остервененнаго боя, сначала оружіемъ, потомъ въ рукопашную, Илья Муромецъ какъ-то поскользнулся и палецъ на земь. Великанъ нахвальщина тотчасъ-же насѣлъ Ильѣ на бѣлыя груди, вынимаетъ булатный кинжалъ:

Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
 Хочетъ закрыть очи ясныя,
 Поплечь отсѣчь буйну голову.
 Еще сталь нахвальщина наговаривать:
 „Старый ты старикъ, старый матерый!
 „Зачѣмъ ты ѣдишь на чисто поле?
 „Будто не кѣмъ тебѣ старику замѣнитися?
 „Ты поставилъ бы себѣ келейку
 „При той путѣ—при дорожничьѣ,
 „Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
 „Тутъ бы ты, старикъ, сытъ—питаненъ былъ.“
 Лежить Илья подъ богатыремъ,
 Говоритъ Илья таково слово:
 „Да не ладно у Святыхъ Отцовъ написано,
 „Не ладно у Апостоловъ удумано:
 „Написано было у Святыхъ Отцовъ,
 „Удумано было у Апостоловъ:
 „Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому,
 „А теперь Илья подъ богатыремъ!“

Только что Илья Муромецъ вымолвилъ эти слова, столько-же исполненныя теплою вѣры, какъ и проникнутыя ироніею и насмѣшкою къ тщетнымъ успіямъ врага,—

Лежучи у Ильи втрое силы прибыло—
 Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди—
 Вышибать выше дерева стоячаго *),
 Паль нахвальщина на сыру землю—
 Въ сыру землю ушолъ до-поясъ.

Послѣ того онъ споролъ великану грудь, отсѣкъ голову и, воткнувъ ее на копье, повезъ къ себѣ на заставу богатырскую.

Добрыня Никитичъ, встрѣчаетъ Илью Муромца,

Со своею братьей приборною;
 Илья бросилъ голову о сыру-землю;
 При своей братьѣ похваляется:
 „Бздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
 „Экаго чуда не наѣзживаль.“

Не смотря на прекрасныя мѣста, пѣсня эта относится къ той поздней эпохѣ, когда изъ сословнаго различія простонародье выдвинуло свой идеалъ въ лицѣ Ильи Муромца. Хотя онъ здѣсь долженъ быть представителемъ крестьянскаго сословія, но уже рисуетъ атаманомъ наборной братіи, какъ-бы козаковъ.

Величавая личность Ильи Муромца, въ своихъ основныхъ, древнѣйшихъ очертаніяхъ, первоначально должна была напоминать идеальный типъ Перуна или Тора—покровителя земледѣлія и громовержца-сокрушителя всего на землѣ зловреднаго; но въ эпоху историческую въ этой личности болѣе и болѣе стало высказываться противодѣйствіе простаго народа исключительному господству дружины. Потомъ, по очень понятному сѣзпленію идей, этотъ герой претворяется въ бродячаго козака и атамана наборной братыи.

Само собою разумѣется, что позднѣйшая метаморфоза любимаго русскаго героя внесла въ его характеръ нѣчто одностороннее, часто доходящее до крайности и нарушающее гармонію и величавое спокойствіе эпическаго героя.

Такъ, въ одномъ вариантѣ, записанномъ въ Архангельской губерніи, о томъ, какъ Илья Муромецъ привезъ къ князю Владимиру Соловья Разбойника, очевидно выражена явная вражда между этимъ героемъ и прочими богатырями. Они не вѣрили его удали

*) Въ подлинникѣ провинціализмъ: жароваго.

и храбрости и завидовали ему, что онъ сокрупилъ Соловья Разбойника. Тогда Илья Муромецъ, какъ новый Самсонъ, поприжалъ всеѣхъ богатырей въ большой уголь и разстроилъ пиръ и всеѣ порядки въ гриднѣ Владиміровой. Князь говоритъ ему:

Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
 Помѣшалъ ты всеѣ мѣста да ученыи,
 Погнулъ ты у насъ сван да всеѣ желѣзныи.
 У меня промежъ каждыиъ богатыремъ
 Были сван желѣзныи,
 Чтобъ они въ пиру да напивалиси,
 Шапивалиси да не столкалси. . . .
 Ты изволь у насъ попить поѣсть,
 Ты изволь у нашей Милости
 Да Воеводой жить *).

Но Илья отказывается отъ предлагаемыхъ ему почестей, въ своей ярости противъ богатырей, бѣспуется и побиваетъ ихъ всеѣхъ до смерти.

Такъ въ своей исключительной крайности выражаются и помрачаются свѣтлыя личности народнаго эпоса. На эти крайности слѣдуетъ обращать вниманіе, но не должно основывать на нихъ на однихъ поэтическую характеристику. Илья Муромецъ забралъ первенство передъ прочими богатырями и, такъ сказать, омужичился и одичалъ только тогда, когда народный эпосъ сталъ исключительнымъ достоянствомъ простоародья, то есть, не далѣе начала XVIII в.

Напротивъ того, русская старина знаетъ другой—величавый и торжественный типъ Ильи Муромца, получившаго сверхъестественную силу чудеснымъ образомъ въ воздаяніе за милостыню. И именно этотъ-то торжественный, спокойный типъ древня Русь окружила сіяніемъ святости, причисливъ Муромскаго богатыря къ лику праведниковъ **).

*) Издаю въ Москвитянии за 1843 г., № 11.

**) Смотри Книгу о русскихъ Святыхъ.—Изображеніе въ гравюрахъ XVII в. къ Кіевскому Патерику.

ЛЕКЦІЯ 20-я.

Читана 25-го февраля 1860 г.

Вступаемъ въ христіанскій періодъ исторіи русской литературы.

Литературы и искусство всегда и вездѣ возникали и развивались въ первые періоды своего бытія въ тѣснѣйшей связи съ религіею народа. Такъ было у язычниковъ, то же видимъ и въ христіанскихъ народахъ.

Греческій эпосъ, лирика и драма были благоуханнымъ цвѣтомъ, литературнымъ плодомъ многовѣковаго, предшествовавшаго имъ развитію мифологическихъ идей и воззрѣній. Гомера и Гезіода называли греки даже творцами своей мифологіи: мысль не вѣрная, потому что мифологія есть общее достояніе поколѣній, а не личное дѣло одного лица, но мысль, дающая намъ понятіе о тѣсной связи, религіи народа съ его поэзіею. Образцовая греческая архитектура возникла и сложилась преимущественно для религіозныхъ цѣлей—въ зодчествѣ храмовомъ. Греческая скульптура обязана своимъ происхожденіемъ вѣрованью въ Олимпійскія божества, которыя передавала она въ мраморныхъ изваяньяхъ на поклоненіе народу.

Намъ уже ясна связь поэзиі съ мифологіею въ эпосахъ нѣмецкомъ, финскомъ и славянскомъ.

Если у народовъ языческихъ отношеніе искусства и литературы къ религіи было простое и—такъ сказать—одинаковое, то есть, къ одной системѣ вѣрованій и убѣжденій, то у народовъ христіанскихъ—не только въ древнѣйшее время, но частію и до позднихъ временъ—это отношеніе было двойное:

1. Отношеніе къ первобытной въ народѣ вѣрѣ языческой, изъ которой развивались не только древнія пѣсни и сказанія, но и множество позднѣйшихъ суевѣрій, вошедшихъ въ народную демонологию, въ сказки, примѣты, даже въ ереси и расколы; и

2. Благотворное отношеніе къ новой, принятой народами, христіанской религіи. Вліяніе этой великой силы было не одинаково для народовъ древняго міра и для народовъ средневѣковыхъ. Міръ древній—греки и римляне уже пережили и изжили свою мифологію, такъ сказать, износили её, уже утратили къ пей всякое довѣріе,

или—по крайней мѣрѣ—будучи образованы, они сознательно смѣнили устарѣлое вѣрованье, потерявшее для нихъ всякій кредитъ, на вѣрованье новое, предвѣщавшее всему міру новую блистательную эпоху.

Напротивъ того, свѣжія племена германскія, литовскія, славянскія еще продолжали путь своего мнѳологическаго развитія, жили еще въ юномъ возрастѣ эпическаго творчества, когда внезапно были озарены лучами христіанскаго свѣта. Если народы новыя съ полною вѣрою свѣжей младенческой натуры принимали христіанство какъ бы безсознательно, болѣе сердцемъ и всею душею *), нежели умомъ, то народы древніе усвоивали себѣ это новое ученіе, какъ дѣйствительное ученіе, сознательно, соображая умомъ, и какъ-бы прививая его къ своей древней, классической образованности.

На преданіяхъ этой образованности древняго міра идеи христіанскія въ искусствѣ и литературѣ должны были сначала принять формы древнія, античныя.

Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ церковное зодчество и иконопись. Известно, что древне-христіанскіе храмы передѣлывались изъ языческихъ капищъ. Христіанская живопись въ римскихъ катакомбахъ (первыхъ вѣковъ христіанства) и барельефы на древне-христіанскихъ саркофагахъ, или гробахъ, во множествѣ своихъ подробностей, такъ же, какъ и въ общемъ стилѣ, носятъ на себѣ всѣ признаки языческой формы античной живописи и валянія. Этотъ художественный стиль древне-христіанскаго искусства былъ нѣкогда общимъ и на Западѣ, и на Востокѣ, въ Византіи, откуда въ своей первобытности перешолъ къ намъ на Русь и удержался въ нѣкоторыхъ подробностяхъ даже до XVIII-го вѣка, нетронутый преобразованіями Петра Великаго.

Древне-христіанскіе художники, вырѣзывавшіе барельефы на саркофагахъ, росписывавшіе стѣны и потолки катакомбъ или изготовлявшіе миниатюры въ рукописяхъ, выходили изъ школъ, въ которыхъ нѣкогда господствовало искусство классическое, и потому естественно переносили въ свои произведенія усвоенныя ими античныя формы съ различными языческими, мнѳологическими мотивами. Припявши христіанство, они оставались художниками античными, и

*) Въ копіи поправлено: „болѣе чувствомъ, нежели умомъ.“ (С. Д.)

потому старались въ древнихъ, хорошо извѣстныхъ имъ формахъ передавать новое ученіе.

Античная форма древне-христіанскаго искусства оказалась, во первыхъ, въ превосходной техникѣ, которая своею художественностью напоминаетъ Помпейскую и Геркуланскую живопись, не только въ катакомбахъ, но и въ византійскихъ миниатюрахъ даже IX-го вѣка, напримѣръ, въ Парижской Псалтыри (IX в.), и, во вторыхъ, эта античность оказалась во множествѣ подробностей, взятыхъ изъ древняго классическаго искусства для выраженія новыхъ христіанскихъ идей.

Съ изяществомъ древне-христіанской техники можно познакомиться въ изданіи катакомбъ Перре, въ точныхъ снимкахъ съ древне-христіанскихъ и византійскихъ миниатюръ. Впослѣдствіи мы опредѣлимъ границы, отдѣляющія стиль древне-христіанскій отъ византійскаго, но теперь для насъ въ отношеніи самыхъ идей, выражаемыхъ столько же искусствомъ, какъ и литературою, особенно важны тѣ античныя подробности, которыя господствовали съ первыхъ вѣковъ христіанства, а у насъ сохранялись почти до нашихъ временъ.

Первые христіанскіе художники, выпедшіе изъ языческихъ школъ, были такъ проникнуты полнотою христіанскихъ идей, что не дерзали изображать въ опредѣленныхъ фигурахъ святыхъ личности Евангельскаго ученія. Потому, вмѣсто изображенія Христа, они ставили—или монограмму, сложенную изъ буквъ X и P, или символическій знакъ рыбы *), на томъ основаніи, что греческое слово *ἰχθῆς* (рыба) состоитъ изъ буквъ, которыми начинаются реченія въ наименованіи Христа: *Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτῆρ* (то есть, Исусъ Христосъ Божій Сынъ Спаситель); къ этому присоединяли символическіе знаки лодьи (Церковь), голубя съ масличною вѣтвію (христіанское смиреніе и любовь), птицы Феникса (бессмертіе), пальмы (побѣды, и особенно христіанскаго торжества мучениковъ) и проч. **)

Символь замѣнялся иногда цѣлою фигурою, взятою изъ античнаго искусства. Такъ Христа разумѣли подъ условнымъ знакомъ Орфея, который звуками своей лиры призываетъ къ себѣ изъ дебрей дикихъ звѣрей.

*) Aringhi (Pauli), *Roma subterranea novissima*. T. 1—2. Romae, 1651. стр. 361.

**) *Ibid.*, стр. 289, 330, 318, 298.

Въ первые же вѣка христіанства сложился символическій образъ Добраго Пастыря: юношеская безбородая фигура, гладко остриженная, въ короткомъ подпоясаномъ одѣяніи, съ барашкомъ на плечахъ *).

Но особенный просторъ для античныхъ фигуръ представлялся древне-христіанскому искусству въ изображеніи различныхъ аксессуаровъ, или околичностей, каковы горы, степи, вода, земля, воздухъ, солнце и мѣсяць, вѣтры, день, ночь, разсвѣтъ и т. п., а также понятія нравственныя и отвлеченныя, какъ то: мудрость, смиреніе и проч. Всѣ эти предметы изображались, согласно античному искусству не только человѣческими фигурами, но часто въ формахъ классической мифологіи. Напримѣръ:

Въ Парижской Псалтыри, Греческой IX в. (а не X-го, какъ значителъ у Дидрона): Давидъ молится, по сторонамъ двѣ фигуры: Ночь и Разсвѣтъ, первая въ видѣ языческой богини Діаны, второй—въ видѣ ребенка (потому что на разсвѣтъ день зарождается) Все это узнаемъ по надписи **).

Въ Русской Псалтыри, писанной въ Угличѣ въ 1485 году ***):

Рѣка или источникъ въ видѣ человѣческихъ фигуръ, изливающихъ изъ урнъ воду. Иногда одна фигура, но чаще двѣ, обыкновенно юноши, встрѣчаются и старцы (Псаломъ 41. 64. 77. 104). Иногда вода изливается изъ устья фигуры (Пс. 41). Особенно замѣчательны эти античные остатки въ изображеніи Богоявленія (Пс. 113).

Море—человѣческая фигура, сидящая на морскомъ чудовищѣ— мужская, бородастая (Нептунъ?), Пс. 103; или женская, Пс. 106.

Вѣтры—античныя божества вѣтровъ, Пс. 134, 106.

Солнце и Луна—Аполлонъ и Діана, скачущіе на колесницахъ, съ солнцемъ и мѣсяцемъ въ рукахъ, Пс. 135.

Въ Русской Псалтыри, писанной въ 1600 г. при патриархѣ Іовѣ, для Димитрія Ивановича Годунова ****):

Рѣка въ видѣ мальчиковъ или юношей, Пс. 41. 64. Солнце и Луна, Пс. 135.

*) Didron. Iconographie chrétienne. Paris 1843, стр. 322.

**) Ibid., стр. 184.

***) Въ Императорской Публичной Библиотекѣ, Отд. I, № 5 (Изъ Библ. гр. Толстова Отд. I, № 32).

****) Въ Библиотекѣ Московской Духовной Академіи, № 74.

Въ Толковомъ Апокалипсисѣ, писанномъ въ 1705 г.:

Море—въ образѣ старца (Нептуна) или женщины.

Земля—въ видѣ женщины.

Пустыня—тоже.

Вѣтры—въ видѣ крылатыхъ мальчиковъ, несомыхъ ангелами, отъ четырехъ сторонъ *).

Такъ глубокѣ были слѣды древняго, классическаго міра, наложенныя въ первые вѣка христіанства, и, не смотря на всѣ перевороты въ исторіи христіанской церкви, не смотря на раздѣленіе ея на Восточную и Западную половину, слѣды античной фантазіи сохранились въ русской письменности независимо отъ преобразованій Петра Великаго.

Такъ, слѣдовательно, сильны были многовѣковыя преданія образованнаго древняго міра.

Напротивъ того, совершенно иначе относилась юная и свѣжая національность народовъ новой Европы ко внесенному къ нимъ христіанскому ученію.

Въ имперіи Римской страдали за истину новыхъ христіанскихъ идей, и тысячи мучениковъ сознательно и добровольно отдавали себя на страшныя истязанія. Напротивъ того, народы юные, еще не пережившіе вѣры въ поэтическій міръ своего мифологическаго эпоса, въ эпоху распространенія христіанства, въ своей первобытной грубости упорно отстаивали вѣру своихъ отцовъ и жертвовали всѣмъ за свою родную старину. Къ тому же римское духовенство къ западнымъ славянамъ, какъ и къ другимъ языческимъ племенамъ, вносило новое ученіе съ огнемъ и мечомъ, подкрѣпляемое воинскими силами. Потому-то чешскія пѣсни, извѣстныя подъ именемъ Краледворской рукописи (XIV-го в.) исполнены этого упornaго противодѣйствія языческой старины противъ всякаго нововведенія, противъ господства христіанскихъ началъ, которыя грозили ниспроверженіемъ преданій и обычаевъ старины.

Слѣдующее сказаніе о герцогѣ Фризскомъ Радботѣ лучше всего объяснить намъ эту стойкость языческой старины, въ эпоху, когда она должна была уступить мѣсто новому христіанскому порядку вещей.

*) По рукописи, принадлежавшей О. И. Буслаеву. Упомянутыя здѣсь рукописи, а также снимки съ оригиналовъ были приносимы Цесаревичу на лекціи.

Св. Вольфрамъ, проповѣдуя христіанство Фризамъ, нѣмецкому племени, однажды сталъ увѣщевать вождя ихъ Радбота, чтобъ онъ принялъ христіанскую вѣру. Радботъ, уступая внушеніямъ проповѣдника, рѣшился креститься, и уже постановилъ было одну ногу въ купель. Вдругъ пришло ему въ голову спросить, куда пойдутъ его предки на томъ свѣтѣ—будутъ ли они съ ликами святыхъ, или пойдутъ мучиться въ адъ?—Проповѣдникъ отвѣтствовалъ: „Они были язычники, и ихъ души погибшія!“ Тогда Радботъ быстро ступилъ назадъ изъ купели и сказалъ: „я не могу разстаться съ своими предками! Пусть лучше буду мучиться въ аду, только бы вмѣстѣ съ ними: безъ нихъ же не хочу и небеснаго блаженства!“—Такъ воспрепятствовалъ дьяволъ крещенію Радбота—говоритъ легенда: потому что герцогъ умеръ на третій день послѣ того, и отправился туда, гдѣ были его родные и предки язычники *).

Согласно съ законами и юридическими постановленіями средне-вѣковыхъ дикарей, имѣвшими характеръ по преимуществу уголовный, карательный, необузданная воля этихъ язычниковъ всего болѣе смирялась передъ грозною идеею праведнаго возмездія на Страшномъ Судѣ. Изображеніе этого великаго событія занимаетъ первое мѣсто во многихъ легендахъ о принятіи народами христіанской вѣры. Тоже самое видимъ и въ русскомъ сказаніи объ испытаніи вѣроисповѣданій княземъ Владиміромъ. Это, можно сказать, первый крупный фактъ въ исторіи русской литературы и искусства въ самую раннюю эпоху христіанскаго просвѣщенія.

Отвергнувъ предложенія жидовъ, магометанъ и латинъ, князь Владиміръ поучается въ православной вѣрѣ отъ греческаго философа. Разсказавъ вкратцѣ исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, философъ заключаетъ свое поученіе слѣдующими словами: „Поставилъ Господь Богъ одинъ день, въ который, сошедши съ небеси, будетъ судить живымъ и мертвымъ, и воздастъ каждому по дѣламъ его: праведнымъ Царство Небесное и красоту неизреченную, веселье безъ конца и безсмертіе,—грѣшнымъ—мука огненная и червь пусынающій, и мукъ не будетъ конца. Вотъ какія мученія будутъ тѣмъ, кто не вѣруетъ въ Господа нашего Иисуса Христа! Мучимы будутъ въ огнѣ всѣ, кто не крестится.“ Сказавши это, философъ

*) Братьевъ Гриммовъ, Deutsche Sagen. № 446.

показалъ Владиміру заповѣду, на которой было написано Суднице Господне, и показалъ ему направо праведныхъ, въ веселіи идущихъ въ рай, а налѣво—грѣшниковъ, идущихъ въ муку. Владиміръ же, вздохнувши, сказалъ: „хорошо этимъ направо, и горе тѣмъ, что налѣво!“ А философъ присовокупилъ: „если хочешь быть съ праведными направо, то крестись!“ Владиміръ же, положивъ на сердце своемъ, отвѣчалъ: „подожду и еще мало!“

Потому ли Владиміръ еще не рѣшался, что желать испытать вѣронисовѣданья, или потому, что въ душѣ его еще не совершился желанный переворотъ,—во всякомъ случаѣ это наивное сказанье лѣтописца въ необыкновенной свѣжести рисуется передъ нами важный моментъ въ исторіи Руси, когда надобно было навсегда отказаться отъ темной, но родной старины для новой, неизвѣстной будущности.

Этотъ знаменательный фактъ въ жизни народной, такъ мастерски замѣченный Несторомъ, пустилъ глубокіе корни въ литературной и художественной дѣятельности древней Руси, отозвался цѣлымъ рядомъ духовныхъ стиховъ о Страшномъ Судѣ, которые и доселѣ поются слѣпыми старцами повсюду на Руси, и постоянно поддерживалъ въ воображеніи народа идею о возмездіи и правосудіи любимымъ и особенно распространеннымъ изображеніемъ этого событія, и въ стѣнной живописи, и въ миниатюрахъ, и наконецъ въ дубочныхъ картинахъ.

Съ плачемъ и рыданьемъ приступаетъ пѣвецъ къ повѣствованью о страшномъ событіи:

Плачемъ и рыдаемъ, (постъ оиъ)
 На смертный часъ помышляемъ!
 Придетъ послѣдній часъ и время:
 Тогда земля потрясется,
 И камни всѣ распадутся;
 Завѣсы престола разрушатся,
 Солнце и мѣсяцъ померкнутъ,
 Часты звѣзды на землю спадутъ. . . .

Небесныя трубы пробуждаютъ мертвыхъ, воскресающіе встають—всѣ одинаковы, въ одинъ ликъ, различаются только по своимъ

добрымъ или злымъ дѣламъ,—возсѣдаетъ на престолѣ самъ грозный и праведный Судя. Но такъ какъ народные стихи въ общихъ чертахъ сходны съ иконописными изображеніями, въ которыхъ почти до нашихъ временъ, въ лубочныхъ картинахъ, удержались древнѣйшіе христіанскіе мотивы, вѣроятно, даже многіе изъ тѣхъ, какіе видѣлъ и самъ Владиміръ на византійской занонѣ, то почитаю умѣстнымъ привести здѣсь описаніе Страшнаго Суда, по подлиннику *), въ сличеніи его съ миниатюрой въ Толковомъ Апокалипсисѣ **).

„Съ краю Горній Іерусалимъ, а въ немъ церкви и полаты. Отъ города облакъ, а въ облакъ Отецъ на престолѣ. Сынь благословляется отъ Отца и идетъ къ Отцу; потомъ Отецъ и Сынь сѣли въ облакъ. Подъ ними лавка. Отъ ногъ ихъ пошла рѣка, и тутъ отпадшіи ликъ, и престолъ криво стоитъ, а отпадшіе пошли въ огонь. Подъ облакомъ Господь возсѣлъ судить на престолѣ славы своей. По сторонамъ престола стоятъ Пресвятая Богородица и Предтеча. У ногъ Адамъ и Ева. По обѣ стороны сидятъ на престолахъ двѣнадцать апостоловъ съ книгами; надъ каждымъ по два ангела. А сидятъ они пониже престола Господня; между ними престолъ, а на немъ Завѣса храма, Евангеліе и Крестъ; подъ престоломъ сосудъ и гвозди; а за престоломъ два ангела держатъ по свитку. Въ первомъ свиткѣ писано: „Приндѣте, благословеніи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе, отъ сложенія міра.“ Въ другомъ свиткѣ: „Престолъ Господень стояще, и свѣтъ возсіявше правды.“ Подъ престоломъ облачекъ, изъ него рука; въ рукѣ души праведныхъ; а на двухъ перстахъ виситъ мѣрило праведное ***), подъ мѣриломъ стоитъ душа, нагая.

А другой рядъ: грядутъ на судъ: Пророки, Апостолы, Мученики и прочіе Святые и Праведники. На сторонѣ Моисей показываетъ жидамъ Христа, въ рукѣ свитокъ, а въ немъ писано: „Азъ вамъ дахъ законъ, вы же не послушасте мене.“ А стоятъ: Жиды, Литва, Арапы Сипіе, Индіяне, Измаильтяне, Песьи головы, Турки, Сра-

*) По подлиннику графа С. Г. Строганова.

**) По рукописи XVIII в. въ Публичной Библіотекѣ 229, (изъ собранія Погодина). Л. 316 об.

***) Т. е. вѣсы, на которыхъ взвѣшиваютъ добрыя и злыя дѣла, совершенныя на землѣ человекомъ.

цны, Нѣмцы, Ляхи, Русь *). (Т. е., до крещенія. Любопытно, что это по преданію повторялось до настоящаго времени).

Подъ ними море и земля—кругло, отдають тѣлеса мертвыхъ. Да тутъ же Правда Кривду стрѣляетъ, и Кривда пала со страхомъ **). Да Христось въ кругу, въ образѣ оленя, объ одномъ рогѣ ***); а въ другомъ кругу—убилъ царство Антихристово; въ третьемъ кругу—Антихристово царство подъ моремъ. А повыше убійство Каиново: Авель, падши на колѣна, плачется,—оглянулся назадъ, а дьяволъ подъ локоть тычетъ Каина.

И отъ того мѣста идутъ бѣсы къ мѣрилу со грѣхами. Два ангела, со скипетрами, волють бѣсовъ, отъ мѣрила.

У Ада изъ горла вышелъ Змій, главою досягаетъ даже до престола, а на немъ мытарства.

Ангель несетъ души праведныхъ (въ видѣ младенцевъ). А отъ ангела къ Раю гора, на горѣ одръ, на одрѣ Лазарь убогій, у главы царь Давидъ сидитъ съ гуслими, да три ангела наклонились, принимаютъ душу Лазареву; (потому стихъ о Лазарѣ я разсматриваю, какъ эпизодъ народной поэмы о Страшномъ Судѣ). Иоаннъ Синайской горы (знаменитый авторъ аскетическихъ сочиненій) въ ногахъ стоитъ, сѣдъ, борода длиннѣе Власіевой, къ концу уже. Въ другомъ мѣстѣ Иоаннъ идетъ отъ Рая, въ рукѣ клюка. Левъ оглянулся, несетъ мантию въ пасти.

Подъ тою горою Пречистая въ виноградѣ. Два ангела: одинъ держитъ крестъ, а другой копьё и трость. Пречистая сидитъ на престолѣ.

А отъ винограда пониже ангель показываетъ Даніилу четыре царства погибельныхъ: первое Вавилонское, второе Мидійское, третье Персидское, четвертое Римское, еже есть Антихристово, на морѣ огненномъ ****).

Подъ тѣмъ мѣстомъ гора; на горѣ ангель со скипетромъ: бьетъ грѣшныхъ и гонитъ въ озеро огненное; и дьяволы ведутъ ихъ связанныхъ въ огонь, а иные бьютъ ихъ молотами. Идутъ въ адъ и плачутся разные грѣшники.

*) См. миниатюру въ Псалтыри XVII в.

***) Сличи въ Голубиной Книгѣ.

****) Древне-христіанскій символъ Христа—единорогъ.

*****) Это извѣстный мотивъ во всѣхъ средневѣковыхъ хроникахъ о 4-хъ монархіяхъ.

Сатана сидитъ въ огнѣ на Адѣ. За нимъ столпъ, прикованъ цѣпью; Гуда на колѣняхъ, огненный. Надъ огнемъ одрѣ; на одрѣ лежитъ богатый, и бѣсы изъ него душу принимаютъ. Ангель ударилъ скипетромъ въ грудь. Три раба около плачуть.

А за головою четыре царства звѣринными образами *): первое, какъ медвѣдь, второй—что лютый звѣрь пардось, голова человѣчья и два крыла, третій какъ львица, четвертый весьма страшень—голова и роговъ десять.

Отъ огня гора и столпъ. У столпа сластолюбець привязанъ, и тутъ стоитъ ангель. И подпись глаголетъ: „что стонеси, человѣче, и позираси на рай и на муку? Сластолюбія бо ради лишень бысть блаженнаго рая, а милостыни ради лишень вѣчныя муки.“

Затѣмъ лики Свитыхъ идутъ въ рай. Петръ отмыкаетъ рай, а Павелъ свитокъ держитъ, а въ немъ писано: „Придѣте, благословеніи и праведніи, въ рай невозбранно.“ Ангель сверху вѣнцы накладываетъ. Въ раю сидятъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ. Въ нѣдрахъ у нихъ младенцы. Межъ ними разбойникъ съ крестомъ.

Описаніе оканчивается распредѣленіемъ мукъ грѣшникамъ, какъ то: мука старцамъ согрѣшившимъ—котель киняць; мука клеветникамъ—за языкъ повѣшены; мука татямъ и разбойникамъ—за ноги повѣшены въ огонь; мука лихоимцамъ и сребролюбцамъ—бѣсы имъ въ горло льютъ (растопленный металл?), и проч.

Л Е К Ц І Я 21-я **).

Идея о возмездіи на Страшномъ Судѣ, грозно пронесшаяся и глубоко потрясшая умы и воображеніе средневѣковыхъ язычниковъ, господствовала и въ образованной, гречко-латинской литературѣ изучаемой нами эпохи.

Въ то время, когда князю Владиміру греческій философъ показывалъ запову съ изображеніемъ Страшнаго Суда, когда въ Болгаріи, подъ вліяніемъ византійской образованности, стала процвѣтать письменность славянская, тогда же перешедшая и къ намъ,—въ Византіи составилось и было распространено одно замѣчательное произведеніе,

*) Это тѣ же 4 монархіи.

**) Время прочтенія не обозначено С. Д.

имѣющее главнымъ своимъ содержаніемъ описаніе воздушныхъ мытарствъ и Страшнаго Суда, именно Житіе Василя Новаго († 944 г.). Оно было писано ученикомъ и послѣдователемъ этого Святаго, мнихомъ Григоріемъ, во второй половинѣ X-го вѣка, то есть, около того времени, когда князь Владиміръ бесѣдовалъ съ греческимъ философомъ о Страшномъ Судѣ.

Сочиненіе это очень рано было переведено съ греческаго на славянскій языкъ, оказывало свое вліяніе на Русь уже въ XII и XIII в., и во множествѣ списковъ распространялось у насъ до позднѣйшихъ временъ, даже въ XIX вѣкѣ переписывалось и украшалось грубѣйшими миниатюрами и доселѣ читается въ грамотномъ просто-народѣ *).

Въ Житіи очень немногое упомянуто о земной жизни самого Василя; за то благочестивый монахъ Григорій внесъ въ свое сочиненіе два обширныхъ эпизода, сначала о мытарствахъ, а потомъ о Страшномъ Судѣ.

Въ царствующемъ семь градѣ, въ новомъ Римѣ, въ Константинѣ градѣ—такъ пишетъ Григорій—при Василя Македонянинѣ были отъ царя посланы нѣкоторые бояре въ дальнія страны, и, проходя горы, нашли тамъ одного пустынника и почитая его бродягою, привели въ Цареградъ и предали суду. Старецъ на судѣ не хотѣлъ дать о себѣ никакихъ свѣдѣній и презрительно обошелся съ судьей, за что былъ много битъ и мучимъ, преданъ былъ дикимъ звѣрямъ на растерзаніе, но, будучи отъ нихъ не вредимъ, наконецъ вверженъ въ море, откуда чудеснымъ образомъ былъ вынесенъ двумя дельфинами. Это былъ не кто иной, какъ Василій Новый. Тогда участь его измѣнилась къ лучшему. Слава о его благочестіи быстро разнеслась по городу, и одинъ патрицій пріютилъ святаго мужа у себя въ домѣ, и далъ ему въ услуженіе свою кормилицу, жену добродѣтельную, многолѣтнюю престарѣвшуюся, по имени Θεодору. Эта благочестивая жена, пахотаясь въ услуженіи у Василя, постоянно была усердною ходатайницею у него за всѣхъ къ нему приходившихъ, пользы ради душевной и тѣлесной. Тогда же пришелъ къ святому и мнихъ Григорій, описавшій житіе его.

*) Въ Макарьевскихъ Четвѣхъ-Минейхъ помѣщено по древнему списку подъ 26-мъ числомъ марта, когда празднуется память Василя Новаго.

Послѣ этого краткаго вступленія начинается главный интересъ повѣствованія.

Ѳеодора, достигнувъ глубокой старости, скончалась. Монахъ Григорій много любилъ и уважалъ ее, и по смерти ея былъ въ душевной тревогѣ, потому что хотѣлъ знать, чтоъ случилось съ этою старицею по смерти, куда она попала, къ лику святыхъ, или къ погибшимъ? Снисходя сильному желанію своего ученика, Василій Новый сказалъ ему, что сомнѣніе его будетъ рѣшено, и дѣйствительно, въ ту-же ночь было ему видѣніе, въ которомъ онъ, ведомый нѣкимъ юношею, приходитъ въ жилище Ѳеодоры, и отъ нея самой узнаетъ, какъ она перешла смертную нужду и какъ миновала воздушныхъ клеветниковъ (то есть, бѣсовъ, пребывающихъ на мытарствахъ *).

— „Какъ могу я тебѣ повѣдать все это—говорила Григорію Ѳеодора: и какъ вообразить въ умѣ моемъ? Отъ страха и трепета многое я забыла; видѣла я образы, которыхъ прежде никогда не видывала, слышала я слова, которыхъ дотолѣ никогда не слыхивала. Какъ расскажу я тебѣ о мукахъ тѣлесныхъ, о великой бѣдѣ и тоскѣ, какую терпятъ умирающіе? Знай-же: кто ногой входитъ въ страшный огонь и сгораетъ, помалу сжигаемъ разрушается: такова и болѣзнь смертная, и люто разлученіе души отъ тѣла“.

„Когда приблизилась я къ концу жизни, увидѣла, какъ приступили къ одру моему множество звѣрообразныхъ ээіоновъ. Страшно смотрѣли они на меня своими искривленными и кровавыми очами, лица ихъ были искажены, а сами черны пуще смолы. И держали они огромные свитки, исписанныя хартїи, и отвивали ихъ, всячески устрашая меня. Когда была я въ такомъ неописанномъ ужасѣ и ни откуда не чаяла себѣ спасенія, внезапно предстали два юноши, прекрасные, въ золотыхъ одеждахъ, съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами. Я несказанно обрадовалась, и одинъ изъ этихъ свѣтлыхъ юношей, грозно обратившись къ тѣмъ омраченнымъ проклятымъ, говорилъ имъ, чтобъ они отошли, потому что имъ не будетъ здѣсь добычи. Но они, безстыдные, стали исчислять всѣ грѣхи мои, съ

*) Мытарство—то же, что мытникъ—собственно значить мѣсто, гдѣ внашивается мыто, или пошлина. то есть, какъ бы таможня (по-гречески *τελώνιον*).

первыхъ дней моей юности и до смерти, и много меня поносили и на меня клеветали“.

„Потомъ явилась сама смерть—продолжала Теодора—смерть, яко левъ ревущій, ужасна и странна, по человѣческаго устроеніи. И носила она на себѣ всякое оружіе—и мечи, и пожи, пилы, серпы, стрѣлы и многія другія незнаемыя орудія, которыми она кознопдѣйствуетъ. Увидѣвъ этотъ страшный образъ, ужаснулась душа моя, а юноши сказали смерти: „Что медлишь? разрѣши союзы“! Тогда смерть приблизилась ко мнѣ, и, взявши малый оскордець (чѣмъ отесываютъ камни), стала отсѣкать мнѣ ноги, потомъ руки, а инымъ орудіемъ—другіе мои тѣлесныя составы, инымъ—иные, и такъ расторгла всѣ союзы и члены моего тѣла, и двадцать ногтей моихъ растерзала. И омертвѣло все тѣло мое, и не имѣла уже я ни рукъ, ни ногъ, и не могла двинуться. Потомъ, взявъ сѣкиру, отсѣкла мнѣ голову“.

(Всѣ эти казни смерти надобно разумѣть иносказательно, то есть: умирая человѣкъ чувствуетъ, какъ отнимаются у него всѣ члены и распадаются всѣ его составы).

„Затѣмъ смерть надила чего-то въ чашу и дала мнѣ пить: О сынъ мой Григорій!—воскликнула Теодора—какъ горька была та чаша! Такъ горька, что въ то же мгновеніе исторглась душа моя и скочила изъ тѣла, какъ птица изъ рукъ ловца. Тогда-то два прекрасныхъ юноши приняли меня ризами на свои руки. И взглянула я назадъ, и увидѣла тѣло мое, лежащее бездушно и неподвижно, и безчувственно: будто кто, скинувъ съ себя одежду, бросить ее, и стоитъ, на нее взирая“*).

„И опять стали приступать ко мнѣ тѣ страшныя эііопы, угрожалъ мнѣ и перечисляя грѣхи мои. Тогда тѣ два прекрасные юноши собрали всѣ добрыя дѣла мои, и все это мѣрили на мѣрилахъ, и мѣрили вмѣстѣ съ моими грѣхами по одиночкѣ, и добрыми дѣлами искупали грѣхи мои, эііопы же скрежетали на меня зубами, порываясь меня исхитить отъ прекрасныхъ юношей. И вдругъ неожиданно явился отецъ вашъ Василій и далъ ангеламъ ковчежець, сказавъ: „Когда вамъ нужно будетъ на воздухѣ миповать мытарства, иску-

*) Слѣхи народный стихъ о прощаніи души съ тѣломъ.

пайте, взимая изъ этого ковчежца“. Сказавъ это, онъ отошелъ, и мнѣ показалось—присовокупила Θεодора—что въ томъ ковчежцѣ было золото.“

(Конечно, подъ этимъ золотомъ должно здѣсь разумѣть дары благодати Васильевой, но здѣсь искупленіе, выкупъ золотомъ какъ бы соотвѣтствуетъ первоначальному значенію мытницы, или таможни).

Искупавши ароматами душу Θεодору, ангелы повели ее по мытарствамъ.

1-е мытарство оклеветанія и 2-е поруганія были пройдены благополучно: „Святые ангелы—говорила Θεодора—недостатки мои наполнили отъ дарованія Св. Василія. И когда мы оттуда восходили по воздуху, мои свѣтлые спутники говорили другъ другу: „По истинѣ сія душа помощь велику имѣеть отъ угодника Божія Василія!“ И говоря такъ, ввели они меня въ 3-е мытарство, зависти. Но благодатию Божіею ничего здѣсь на мнѣ не имѣлось, потому что ни къ кому никогда на имѣла я зависти, и мы съ радостію перепли; демоны же скрежетали на меня зубами, порываясь, какъ бы поглотить меня“.

Въ 5-мъ мытарствѣ, гдѣ испытываютъ о гнѣвѣ и ярости, „старѣйшина эѳіоповъ велѣлъ имъ терзать меня: они же, какъ псы—говорить Θεодора—облизывали меня, и приносили всѣ дѣла мои и рѣчи, что сдѣлала или сказала я въ жизни съ яростію или гнѣвомъ, и чѣмъ кому досадила“.

„Въ 6-мъ мытарствѣ, гордости, ничего во мнѣ не нашли, потому что не могла я гордиться, будучи убогою рабынею“.

7-е мытарство, празднословія. „Бывшіе тамъ обличали меня, что я съ съ юности своей праздно изглагодала и какія мірскія пѣсни пѣла, и всякій мой смѣхъ и глумленье. И сказала я тогда самой себѣ: откуда же знаютъ все это проклятые мытарники, когда и сама то я все это давно уже забыла?“

Черезъ мытарство лихвы и другія, путники достигли 11-го мытарства—пьянственнаго. „И стояли слуги мытарства—говорила благочестивая жена—какъ волки и хищники, въ ярости готовые поглотить насъ. И напали на меня эти истязатели, и даже всѣ тѣ чаши пересчитали, сколько я выпила въ своей жизни, и говорили мнѣ: вотъ не столько ли ты выпила чашъ? И вотъ не такіе ли

именно были тѣ, которые съ тобою вмѣстѣ пили? И не была ли ты тогда-то пьяна паче мѣры?—И точно, окаянные тѣ клеветники поименно называли тѣхъ, съ которыми я дѣйствительно бывала на пирахъ; точно (призпавалась въ своихъ грѣхахъ наивная старица), много ко мнѣ хаживало гостей, и я съ ними пиновала!—Искупивши мои пьянственные грѣхи, пошли мы выше. И говорили мнѣ тогда мои путеводители: „видишь ли, какая бываетъ дупѣ бѣда, пока она минуеть проклятыя начала и власти воздуха сего!“—„Вижу, говорила я, и ужасаюсь“.

„Въ 12-мъ мытарствѣ, злопомнѣнія, были мы скоро отпушены; потому что во многомъ другомъ я окаянна, но всегда имѣла любовь ко всѣмъ, и къ малымъ и великимъ, никогда не помнила я зла, никогда не мстила!“

„И идучи спрашивала я ангеловъ: „Молю васъ, господіе мои! повѣдайте мнѣ, отчего все знаютъ эти беззаконники, будучи такъ далеко отъ міра и отъ земной жизни?“ И отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ моихъ проводниковъ: „всѣмъ христіанинъ отъ св. крещенія приемиетъ себѣ святаго ангела, который и хранитъ его невидимо, наставляетъ его и пишетъ всѣ его добрыя дѣла, и тогда же лукавый дьяволъ пишетъ грѣхи каждаго мытарства“.

Проходя, такимъ образомъ, путники достигли послѣдняго 22-го мытарства. „И сидѣлъ князь зѣло жестокъ, весь изсохъ и унылъ, будто отъ долгой болѣзни, плакалъ и рыдалъ, и дышалъ огнемъ немилосердія. И слуги его окружили меня, какъ пчелы, испытывая меня и истязая, и обыскивая, но ничего не успѣли, мы же съ радостью отошли отъ нихъ“.

Таково знаменитое повѣствованіе старицы Феодоры о мытарствахъ, имѣвшее громадное вліяніе на нашу литературу. Это не просто догматическое ученіе, но живая картина, одушевленная искреннимъ участіемъ самой расказицы, которая постоянно выступаетъ передъ нами дѣйствующимъ лицомъ, и при томъ въ различныхъ положеніяхъ, иногда исполненныхъ драматизма. Этотъ расказъ вполне напоминаетъ намъ Данта, который въ своемъ поэтическомъ странствіи подвергался не меньшему страху и ужасу.

Особенную прелесть этому расказу придаетъ необыкновенная наивность, съ какою эта благочестивая женщина простосердечно

высказываетъ свои прегрѣшенія и заявляетъ о своихъ добрыхъ дѣлахъ. Видимо, это душа уже стоящая внѣ тревоженій и случайностей здѣшняго міра, очищенная отъ всякаго ложнаго стыда, и вознесенная на высоту безпристрастнаго суда даже надъ своею собственною личностью.

Въ этомъ повѣствованьи мы не только сочувствуемъ симпатической личности страждущей души, но и коротко знакомимся съ ея достоинствами и несовершенствами, съ мелкими проступками и многими заблужденіями.

Послѣ хожденія по мытарствамъ освободившюся отъ истязаній душу водили ангелы по селеніямъ райскимъ и потомъ показали ей муки ада, наконецъ водворили ее въ мѣстѣ успокоенія и небеснаго блаженства.

Было уже замѣчено, что это повѣствованіе о мытарствахъ, сильно дѣйствовало на воображеніе благочестивыхъ людей древней Руси.

Антоній Римлянинъ, новгородскій угодникъ († 1147 г.), отходя отъ жизни, говорилъ окружавшей его братіи: „хотя и радостно разрѣшиться отъ плоти и быть со Христомъ, но всеѣмъ страшна чаша смертная, и многихъ по воздуху истязателей мы имѣемъ.... Господи человеколюбче, явися и помоги мнѣ, и избави меня отъ руки властей и міродержателей тьмы, да не покрыетъ меня темный ихъ воздухъ, ниже дымъ ихъ помрачитъ душу мою: укрѣпи меня, Господи, да пренду огненныя волны и глубины бездонныя, яко да не потопленъ буду въ нихъ, и да не обрящетъ врагъ оклеветать меня“.

Другой изъ знаменитыхъ поборниковъ духовнаго просвѣщенія древней Руси, жившій въ Смоленскѣ во второй половинѣ XII-го и въ началѣ XIII-го вѣка, краснорѣчивый ораторъ и искусный живописецъ, одинъ изъ великихъ дѣятелей древней Руси, Авраамій Смоленскій, не только любилъ поучать своихъ многочисленныхъ слушателей описаніемъ воздушныхъ мытарствъ, но и свое художественное дарованіе посвятилъ изображенію двухъ предметовъ, особенно занимавшихъ тогда воображеніе, именно Страшнаго Суда и испытанія воздушныхъ мытарствъ. Но возвратимся къ житію Василя Поваго.

Вторая половина его, служащая естественнымъ продолженіемъ повѣствованья о мытарствахъ, содержитъ въ себѣ тоже видѣнье монаха Григорія, но уже имѣющее не личный интересъ одинокой совѣсти кающейся души, истязуемой на мытарствахъ, а интересъ всеобщій—въ изображеніи необъятной картины Страшнаго Суда.

Видѣніе Страшнаго Суда и будущей жизни вставлено въ житіе Василія Новаго по случаю сомнѣнія монаха Григорія относительно жидовской вѣры. Читая Ветхій Заветъ, Григорій убѣждался во многихъ идеяхъ жидовскаго лжеученія. Св. Василій вразумилъ сомнѣвавшася ученика и наставилъ его въ правилахъ христіанской вѣры, и между прочимъ, противъ вѣры жидовской выразилъ ту же самую мысль, которая вошла въ Несторово сказаніе объ испытаніи вѣроисповѣданій княземъ Владиміромъ: „видишь ли, что прогналъ отъ Себя жидовъ Господь Богъ и расточилъ ихъ въ концы вселенной“.

Воротившись отъ св. Василія, монахъ Григорій въ ту же ночь удостоился слѣдующаго видѣнія, которое было однимъ изъ главныхъ источниковъ для средневѣковыхъ изображеній и поэтическихъ описаній Страшнаго Суда и будущей жизни.

Какъ великій флорентійскій поэтъ начинаетъ свою Божественную Комедію описаніемъ темнаго лѣса, дикаго и ужаснаго, въ которомъ онъ заблудился, и изъ котораго вывелъ его встрѣтившій его тамъ путеводитель, такъ и Григорій, приступая къ описанію великаго зрѣлища говоритъ: „видѣлъ я себя на нѣкоторомъ злачномъ полѣ, цвѣтущемъ прекрасными цвѣтами. Тихій вѣтеръ навѣвалъ тонкую прохладу, нѣжно преклопя цвѣты, а надъ ними носился тонкій и нѣжный паръ, испускавшій благоуханіе. И стоялъ я на томъ полѣ, удивлялся и веселился сердцемъ. И подошелъ ко мнѣ мужъ свѣтелъ и красенъ, въ бѣлыхъ ризахъ, и сказалъ мнѣ, что по моему прошенію удостовѣриться въ законѣ іудейскомъ, молитвами св. отца Василія, онъ покажетъ мнѣ въ видѣніи, что такое вѣра жидовская, покажетъ также вѣроисповѣданья и другихъ народовъ“.

Итакъ, это видѣнье—есть испытаніе вѣроисповѣданій,—идея, давшая у насъ начало одной изъ древнѣйшихъ легендъ о Владимірѣ.

Какъ Дантъ заблудился на среднѣхъ пути своей жизни въ дикомъ лѣсу, откуда онъ былъ выведенъ на путь спасительный жизни за-

гробной, т. е., какъ этотъ великій христіанскій поэтъ не находилъ ничего другаго для спасенія въ здѣшней жизни, какъ духовное восхожденіе изъ нея въ область жизни неземной, такъ и для византійскаго монаха Григорія, заблужденія еретическія и иновѣрческія, которыя смущали тогда умы образованныхъ грековъ, должны были получить свое разрѣшеніе въ видѣніи будущей жизни и Страшнаго Суда.

Свѣтлый путеводитель Григорія былъ никто другой, какъ ангель. И внезапно были они оба подняты и переносимы въ нѣкоторыя необычайно свѣтлыя мѣста, съ землею прозрачною, какъ стекло, въ мѣста, пылавшія пламенемъ, которое однако не пожигало и было исполнено ангельскихъ силъ. Потомъ они очутились при какой-то высокой горѣ, на которую и вошли. Взглянувъ на востокъ, Григорій увидѣлъ великое поле, страшное и блиставшее чистымъ золотомъ. На полѣ былъ великій городъ: это высшій Иерусалимъ, нерукотворенный Сионъ, отъ чистаго золота и изъ 12-ти символическихъ камней. И было въ томъ городѣ 12 воротъ, каждыя изъ одного изъ тѣхъ 12-ти камней. Посреди города явился блестящій холмъ, будто разожженное желѣзо. На холмѣ крестъ страшный, весь въ сіяніи, на крестѣ былъ голубъ, бѣлъ яко снѣгъ.

И когда я смотрѣлъ и дивился—повѣствуетъ Григорій—вдругъ будто блеснула страшная молнія—пронесся надъ тѣмъ городомъ одинъ юноша, и вслѣдъ за нимъ другой—и принесъ чудесный престолъ, и оба тѣ ангелы уготовали его на томъ высококомъ холмѣ. Потомъ слетѣли еще четыре ангела, у каждаго по свѣчѣ въ рукѣ. Наконецъ еще слетѣлъ ангель и торжественно возгласилъ: „Се судъ и воскресеніе мертвыхъ хочетъ быти и воздаяніе комуждо отъ Праведнаго Судіи приде“.

Л Е К Ц І Я 22-я.

Читана 3 марта 1860 г.

Мы остановились на второй половинѣ житія Василия Новаго.

Картина Страшнаго Суда, мастерски переданная византійскимъ монахомъ Григоріемъ, открывается уничтоженіемъ всякой земной жизни.

Отъ высоты пронесся огненный столпъ по всему воздуху и, распаяясь, сошелъ на землю, разлился на всѣ четыре конца ея и поѣлъ все сотворенное. И былъ тогда отъ высоты голосъ на кости человѣческія: „да соберутся кость къ кости, и составъ къ составу, и членъ къ члену своему“. Тогда же былъ схваченъ грозными ангелами антихристъ и низверженъ вмѣстѣ съ своими проклятыми служителями; а 12 ангеловъ съ своимъ воеводою вострубили въ трубы: и былъ громъ отъ гласа трубнаго—и земля, какъ море, отъ страха колебалась,—и вотъ стали восходить жилы и плоть на тѣ кости человѣческія; но духа жизни еще не было въ нихъ. И вострубилъ тотъ воевода въ другой разъ, и пуще прежняго вострепетала земля: и вотъ разверзлись гробы всѣхъ, отъ вѣка усопшихъ, и извергли ихъ изъ себя. И сходили тогда свыше множество ангеловъ, свѣтлые юноши, будго песокъ морской; и каждый изъ нихъ шолъ къ одному изъ возставшихъ, „да вложить душу каждаго человѣка въ его тѣло“. И вострубилъ тотъ же воевода въ третій разъ: и ужаснулись небо и земля отъ гласа трубнаго, и всѣ мертвые ожили, измѣнившись отъ прелести, которою на землѣ прельщались. И тогда море и рѣки, и озера, и болота, и лѣса со страхомъ отдавали отъ себя въ цѣлости всѣхъ людей, различными смертями въ нихъ погибшихъ *).

И вышли всѣ воскресшіе—будго песокъ морской, и равны были всѣ возрастомъ, **) мужи и жены, воскресъ и Адамъ съ Евою (по древнему: съ Евою), и всякій народъ, и всякое колѣно, и стояли на лицѣ всей земли, тѣсня другъ друга—великой тѣсноты ради; и боялись они непознавшихъ таинства воскресенія***), и трепетали, помышляя, какъ разливіяся въ персть тѣлеса измѣнились потомъ въ образы мужей и женъ.

И чудился я (повѣствуетъ Григорій), взирая, какъ у нѣкоторыхъ сіяли лица, будго звѣзды, у иныхъ—какъ луна въ мрачную ночь, у иныхъ—будго разожженное желѣзо, испускающее искры, у

*) Мы уже знаемъ древне-христіанскіе образы земли и моря, которыя отдають мертвецовъ.

**) Сличн въ духовныхъ стихахъ.

***) Художественный мотивъ, замѣчаемый въ Страшномъ Судѣ Микель-Анджело.

иныхъ—сіяло какъ солнце, у другихъ было лицо бѣло, какъ снѣгъ, у иныхъ, какъ волна (т. е., шерсть), чистая и бѣлая, у другихъ было оно бѣло и румяно, какъ цвѣтокъ. И у каждого въ рукѣ была книга молніеобразна, а на челѣ было писаніе. У иного написано: пророкъ Господень, у иного: проповѣдникъ Божій, на иныхъ: апостоль Христовъ, или смиренъ сердцемъ, нищъ духомъ, и проч., и проч. Лица же грѣшниковъ являли скарѣдную нечистоту, были темны и помраченны—многое множество! У иныхъ лица были будто прахъ съ пепломъ смѣшанъ, у иныхъ будто кожа аспидова, у иныхъ будто кожа ослиная, у иныхъ какъ дымная зелень, иные облечены въ свиныя кожи, иные кровью окровавлены,—и въ другихъ грязныхъ и отвратительныхъ видахъ, которыхъ наивное описаніе у Григорія я пропускаю. И всѣ они говорили другъ другу: „О горе намъ! Вотъ ужъ и послѣдній день Пришествія Христова!“ И стояли они понижши, отвѣта отъ Праведнаго Судіи ожидаючи.

И на темени каждого изъ грѣшниковъ были написанія червепыя, означающія ихъ грѣхъ *).

И видѣлъ я: послѣ того сходили вышніе чины, воспѣвая божественную пѣснь, а посреди ихъ несли деревянный крестъ, необычайнымъ свѣтомъ сіяющій, и поставили его на престолѣ, уготованномъ для Судіи. Тогда праведные возрадовались, а грѣшники вострепетали.

И стояли мы тогда—повѣствуетъ мнихъ Григорій, давая своему изображенію необъятные размѣры, согласно описываемому событію—и стояли мы тогда на нѣкоторомъ высокомъ мѣстѣ: и казалось мнѣ, будто стою я на воздухѣ, и вижу все отъ одного края вселенной до другаго, и все я слышалъ, гдѣ бы что ни говорили, даже сказанное гдѣ бы то ни было шопотомъ—все приходило въ уши мои: все я видѣлъ, слышалъ и понималъ. Таково было мнѣ тогда дарованіе! И былъ слышанъ гласъ, и говоры многи, и шумъ великъ, и звуки страшные, и я ужаснулся!—„Не бойся,—сказалъ мнѣ мой путеводитель ангель,—не бойся! увидишь еще больше того! Это двинулись силы небесныя—передъ пришествіемъ самого Великаго Судіи!“

*) Эти написанія соотвѣтствуютъ обычаю древней иконописи.

И стали появляться во множествѣ силы небесныи, и шли на мѣсто судилища, полки ангеловъ шли другъ за другомъ, и всѣ различнаго вида: одни бѣлы, какъ свѣтъ, другіе—какъ пламя, иные блистали золотомъ; и раздѣлились они всѣ на четыре начала, и разошлись по четыремъ краямъ неба.

И вся земля исполнена была челоуѣческаго рода, а воздухъ исполненъ ангельскаго множества!

Вслѣдъ за огненною колесницею, окруженною многоочитыми небесными силами, явился—предшествуемъ страшными ангельскими полчищами—облакъ свѣтеть и бѣль, какъ снѣгъ, четырьмя животными носимъ (то есть, извѣстными символическими образами льва, тельца и проч).

„И что реку! (воскликаетъ благочестивый раскащикъ). Умъ не постигаетъ, мысль не можетъ достигъ, чтобы повѣдать Страшнаго Божества благолѣпіе, и было оно въ проліяніе на всю вселенную, якоже въ темнѣ ноци внезапно солнцу возсіявшу и весь міръ озарившу“. И когда ангелы воззвали великимъ гласомъ: „Благословенъ грядый во имя Господне! Господь Богъ пріиде судити живымъ и мертвымъ!“—тогда всѣ люди пали ницъ на землю и поклонились Судіи,—и только что Господь возсѣлъ на престолѣ своемъ, вострепетали небо и земля, яко листъ на древѣ отъ вѣтра, и всѣ люди одержимы были страхомъ.

И взглянулъ Господь на небо—и оно свернулось отъ лица его, и отъ очей его*). Потомъ взглянулъ Господь на землю—и земля начала бѣжать, потому что была она скверна и нечиста отъ дѣлъ челоуѣческихъ... Итакъ, побѣжала земля и пропала: и всѣ очутились на воздухѣ.

И опять взглянулъ Господь къ выпрерней высотѣ—и стало новое небо; взглянулъ онъ въ безмѣрную глубину—и явилась новая земля, и обновились всѣ люди, и все стало новое. И была твердь, но не было ни солнца, ни луны, ни звѣздъ: потому что вмѣсто того возсіяло незаходимое солнце, немерцающій свѣтъ, Христовъ Богъ нашъ!

И взглянулъ Господь Богъ на море—и изсякла вода морская и предложила въ огонь. Восходилъ пламень отъ огня того и дости-

*) Свернулось, какъ кора березовая или какъ береста—по выраженію духовныхъ стиховъ.

галь до небесъ; и былъ отъ того великій шумъ и клокооть. И началъ на всѣхъ страхъ—едва не погибли было всѣ, потому что огонь тотъ все попалялъ и покрывалъ, поядая, будго свирѣпое море.

Тогда взглянулъ Господь на грѣшниковъ—и внезапно напали на нихъ страшные лики огненныхъ ангеловъ отъ запада, и стали вметать ихъ въ то огненное море. И былъ плачь и скрежетъ зубомъ. Потомъ вострубили ангелы въ страшныя трубы—и было уготовано мѣсто одесную Судіи,—и понеслись отъ востока другіе полки ангеловъ быстро, какъ молнія, и отдѣляя праведныхъ изъ толпы грѣшниковъ, брали всѣхъ, кого находили съ свѣтлыми лицами; и радостно цѣловали ихъ, со тщаніемъ приносили ихъ и поставили одесную Судіи*).

И взглянулъ Господь на сѣверъ и югъ, и вновь понеслись другіе полки—и ставили грѣшниковъ ошуюю Судіи. Тогда Господь обратившись одесную, сказалъ: „Приидите, благословенные Отца Моего, и наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе небесное!“ Обратившись ошуюю, провѣщалъ: „Идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный дьяволу и слугамъ его“.

И еще разъ взглянулъ Господь на обновленную землю—и произросли, и зацвѣли на ней различные сады, и потомъ протекла рѣка, чистая и сладкая, паче мѣры, медвяная, и протекла еще другая рѣка млечная, паче млека естественнаго: и проходили тѣ рѣки по всей землѣ, разливаясь и напаяя сады, но такъ, что млеко не смѣшивалось съ медомъ. И налетѣли небесныя птицы, будго великій облакъ, и наполнили тѣ сады, и пѣли прекрасныя пѣсни.

И еще разъ взглянулъ Господь горѣ—и воинства ангеловъ снесли съ высоты страшный и дивный тотъ городъ, вышній Иерусалимъ, и поставили его на востокѣ. И послѣ того, какъ по трубномъ гласѣ восхвалили Господа всѣ, и на небѣ, и на землѣ, сошелъ Онъ съ своего престола и направился къ блестящимъ вратамъ того города, говоря тихимъ и кроткимъ голосомъ бывшимъ одесную Его: „Приидите, благословенные Отца Моего, и войдите въ радость Господа Бога нашего!“

Этимъ оканчивается первая половина повѣствованія мниха

*) Этотъ мотивъ особенно граціозно живописалъ Беато Анджелико Фьезолийскій (XV в.).

Григорія о Страшномъ Судѣ. Это—общая, всеобъемлющая картина великаго событія, во всѣхъ его громадныхъ размѣрахъ. Затѣмъ слѣдуютъ въ рассказѣ множество эпизодовъ объ отдѣльныхъ лицахъ и группахъ, какъ праведниковъ, такъ и грѣшниковъ, съ ихъ характеристическими особенностями,—согласно съ произведеніями древне-христіанской живописи, восточной и западной, и съ позднѣйшими лубочными изданіями, въ которыхъ эти эпизоды Страшнаго Суда представляются очень наивно, какъ отдѣльныя группы лицъ съ надписями надъ ними, обыкновенно помѣщаемыя въ отдѣльныхъ рамкахъ или въ овальныхъ входахъ въ пещеры (именно группы грѣшниковъ).

Такъ и византійскій монахъ, сдѣлавъ пасъ свидѣтелямъ необъятнаго своего видѣнія, теперь знакомитъ съ отдѣльными лицами этой великой поэмы христіанскаго искусства.

Съ тѣмъ же замѣчательнымъ художественнымъ тактомъ, мнѣхъ Григорій въ описаніи отдѣльныхъ группъ и лицъ не теряетъ въ массѣ спутанныхъ разнообразныхъ представленій; но, будучи вѣрнее средствамъ живописи литературной, поэтической, которая повѣствуя рисуетъ,—онъ поочередно останавливается на каждомъ лицѣ или группѣ по мѣрѣ того, какъ они подходятъ къ Спасителю, приемлющему ихъ по одиночкѣ въ Вышній Іерусалимъ.

Сначала входитъ свѣтозарная жена отъ первыхъ стояній, сама Божія Матерь, которую Христосъ приемлетъ въ обители вѣчной радости, мало преклонивъ пречистый верхъ свой (т. е., привѣтствуя ее поклономъ). Затѣмъ, съ подобающею торжественностію и въ велелѣпіи входили по порядку въ врата того града: 12 апостоловъ, 70 учениковъ Христовыхъ, ликъ св. мучениковъ, святители, постники, мученицы, потомъ Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, судія Ветхаго Закона и первые, послужившіе Господу Богу, т. е., Адамъ, Авель, Ной и т. д.

Надобно замѣтить, что характеристики святыхъ и праведныхъ ликовъ у Григорія довольно безцвѣтны,—и мы не входимъ здѣсь въ подробности, потому что пришлось бы вмѣстѣ съ восторженнымъ монахомъ повторять одно и то же: повсюду велелѣпіе и свѣтъ, всѣ лица праведныхъ бѣлы, какъ снѣгъ, или блистательны, какъ лучи солнца. Напротивъ того, гораздо разнообразнѣе и живописнѣе ха-

ракетристики грѣшниковъ и ихъ мученій, потому что для того гораздо больше представляеть матеріаловъ земная дѣйствительность, въ которой такъ много всякаго зла и страданій, самыхъ разнообразныхъ.

Это есть общая черта во всѣхъ поэтическихъ, живописныхъ и скульптурныхъ представленіяхъ будущей жизни. Точно такъ же и у Данта Адъ и Чистилище несравненно изобразительнѣе и рельефнѣе символическихъ круговъ Рая, блаженные лики котораго будто тонуть въ небесномъ свѣтѣ, нестерпимомъ для человѣческаго глаза, или же ихъ прозрачныя очертанія будто разносятся въ небесныхъ звукахъ райскаго пѣсногѣнія, которое постоянно раздается въ этихъ пространствахъ.

Тою же характеристическою чертою въ живописи грѣха и страданій отличается и древнѣйшій литературный источникъ для всѣхъ средневѣковыхъ изображеній Страшнаго Суда, какъ въ поэзіи, такъ и въ прочихъ искусствахъ.

Многое множество грѣшниковъ (повѣствуетъ нашъ авторъ) стояло по всей землѣ, будто песокъ морской, всѣ, сколько ихъ народилось отъ Адама и до втораго Пришествія Христова, отъ всякаго языка, и отъ всякаго колѣна и племени, всѣ умершіе въ невѣрїи и во грѣхѣхъ. И обратился къ нимъ Господь Богъ—и я видѣлъ (пишетъ мнѣхъ Григорій) въ рукѣ его жезлъ огненный—и вергнувъ Господь тотъ жезлъ на грѣшниковъ, и тѣмъ раздѣлилъ всѣ языки, и колѣна, и племена, и вѣру отъ вѣры, и всякую ересь. И каждый сталъ на своей сторонѣ.

Сначала были отдѣлены христіане отъ невѣрныхъ и послѣдніе были свергнуты въ огненное море. Та же судьба постигла и другихъ грѣшниковъ, но съ нѣкоторыми особенностями въ обстоятельствахъ и въ самой наружности несчастныхъ. Въ послѣдовательномъ порядкѣ идутъ въ муку разбойники, самоубійцы, сквернословцы и смѣхотворцы и проч., и проч. Описаніе нѣкоторыхъ изъ группъ отличается необыкновенно грязнымъ цинизмомъ, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобъ возбудить отвращеніе къ грѣху самыми ужасными чертами средневѣковой затѣйливой фантазіи.

Остановимся на нѣкоторыхъ болѣе поэтическихъ сценахъ.

Одна группа привела въ сильное волненіе самого повѣствователя.

И еще отлучилъ Господь отъ шуйхъ полкъ великъ (говорить онъ): се же бѣ чинъ иноческій. Увидѣвши ихъ, я помрачился, потому вѣдь, что то были Христа ради иночествующіе. За что же вчинены они были ошуюю? Лица ихъ были помрачены, и держали они въ своихъ рукахъ свѣтильники темные и безъ масла *). На выяхъ ихъ лежала лѣньность и небреженіе, и уныніе, и перадыніе, и непокореніе, яко желѣза тяжкія. Инокѣ тѣ не сохранили своего обѣта и поработились плотскимъ страстямъ.

Послѣ того отлучилъ Господь ошуюю иныхъ множество. Были они смѣшаны, иноки и простая чадь. Лица ихъ были черны: но иногда посрамлялись, иногда же просвѣтлялись; отъ правыхъ рукъ ихъ капало масло чистое, яко злато, отъ лѣвыхъ же, яко сурова смола. Видно, что эти несчастные были обоюдного характера: они были грѣшники, но была на нихъ и частица благодати—это были блудники, но надѣлавшіе нищую братію милостынею. Впрочемъ Господь не благоволилъ взглянуть на нихъ, и тотчасъ же суровые ангелы повлекли ихъ грозно. Несчастные часто оборачивались назадъ, взывая къ Господу: „Пощади вась, Боже Милостивый!“—и смотря на нихъ, Господь и милосердовалъ, и гнѣвался.

Драматическое положеніе этой интересной толпы становится еще занимательнѣе по неожиданному появленію новаго лица, придающаго новую художественную черту этому поэтическому эпизоду.

И се внезапно спиде съ небеси отроковица, прекрасная и препрославленная—и служили ей ангелы. И пришедши, стала она передъ Господомъ и умоляла, да мпнуеть муки сонмъ тотъ. Ангелы же, познавши, кто была та отроковица, сказали ей: „Мы знаемъ, кто ты: ты возлюбленная Божія Милостыня, и никтоже паче тебя имѣеть дерзновеніе у Господа Бога **). Но мы не можемъ преслусать Судію.“ Она же отвѣтствовала: „Сама я все знаю, но я много молилась Ему о нихъ, и Онъ повелѣлъ воротить вась.“ И воротились всѣ тѣ, и стали передъ лицомъ Судіи, трепещущи, яко листъ. И тогда сказалъ имъ Судія: „Милостыни вашей ради, огня вѣчнаго избавлю вась, сластолюбія же ради и

*) Какъ нерадивыя дѣвы Евангельской притчи.

***) Сличн олицетвореніе нравственныхъ понятій въ древне-христіанскомъ искусствѣ. Сличн также Беатриче у Данта.

иныхъ нечистотъ и страстей въ Царствіе мое не видите, благъ моихъ не насладитесь и радости не узрите.“ И велѣлъ дать имъ мѣсто на сѣверѣ, да будутъ всего потребнаго лишены.

Итакъ, эта нерѣшительная группа есть не что иное, какъ тотъ милостивый блудникъ, который, по нашему подлиннику и по русскимъ изображеніямъ Страшнаго Суда, будучи прикованъ къ столпу, избавленъ вѣчной муки, но и лишенъ Царствія Небеснаго.—Тотъ же мотивъ нерѣшительности, но не въ приговорѣ суда, а въ сознаниіи своей совѣсти—Орканья выразилъ въ изображеніи Страшнаго Суда—въ величавой фигурѣ Соломона, выходящей изъ могилы между воскресающими и остающейся въ педоумѣніи, куда ей идти—направо къ праведнымъ, или налѣво къ грѣшникамъ. Въ этой фигурѣ итальянскій мастеръ XIV в. хотѣлъ изобразить—какъ думаютъ—колебаніе совѣсти царя Соломона.

Но послѣдуемъ за мнихомъ Григоріемъ.

Слѣдующій затѣмъ эпизодъ какъ бы соотвѣтствуетъ предшествовавшему. Это младенцы, не просвѣщенные христіанствомъ. Не было на нихъ никакого зла, но и благодати они не видали. И возрѣлъ на нихъ Господь и не разгнѣвался: повелѣлъ имъ дать мѣсто покойно, на полудни мало нѣкое вѣчныя жизни наслажденіе, но да не узрятъ они лица Господня.

Затѣмъ слѣдуетъ длинный рядъ различныхъ еретиковъ. Это составляетъ отличительную черту изображенія византійскаго и ставитъ видѣніе Григорія въ связи съ богословскими интересами Византіи, такъ ревностно направленными противъ ересей. Равнымъ образомъ и въ иконописныхъ изображеніяхъ византійскихъ встрѣчаемъ на Страшномъ Судѣ еретиковъ. Этому утонченному богословскому развитію Византіи въ русскихъ изображеніяхъ Страшнаго Суда встрѣчаемъ замѣчательную противоположность.

Не утонченные пороки развитой эпохи и не ухищренія грѣха, не ереси и расколы выступаютъ въ русскихъ изображеніяхъ Страшнаго Суда, которыхъ первообразъ останавливалъ на себѣ вниманіе князя Владиміра—но первоначальныя и основныя нарушенія правды божественной и человѣческой, проступки и грѣхи, извѣстные и понятныя народу грубому и невѣжественному; не отдѣльныя личности изверговъ и тирановъ, какъ это изображается на Страшныхъ Судахъ

византійських, по цѣлыя массы народовъ языческихъ, и Литва, и Нѣмцы, и Ляхи, и какія то Песы-Головы, и наконецъ сама Русь, еще языческая. Всякая мысль объ отдѣльной личности исчезаетъ здѣсь, какъ капля въ морѣ, во всемірномъ переворотѣ, который совершается во имя новой религіи. Такое изображеніе должно было отразить въ себѣ необъятную картину того всемірнаго средневѣковаго движенія, въ которомъ одни народы смѣняются другими: и вотъ они въ своемъ шествіи по временному пути исторіи внезапно задерживаются въ этихъ изображеніяхъ Страшнаго Суда, чтобы своимъ отвѣтомъ передъ вѣчнымъ Судіею опредѣлить свое вѣчное, непреходящее значеніе. Такова должна быть идея тѣхъ картинъ Страшнаго Суда, которые были приносимы проповѣдниками христіанства къ язычникамъ, такова, вѣроятно, была и заповѣдь, показанная князю Владиміру; по крайней мѣрѣ—согласно эпохѣ Владиміровой—и доселѣ въ русскихъ изображеніяхъ Страшнаго Суда Русь стоитъ между язычниками, вмѣстѣ съ жидами, магометанами и нѣмцами—то есть, съ тѣми народами, отъ которыхъ приходили къ Владиміру послы для обращенія Руси въ новую вѣру.

Если русскій Страшный Судъ отличается первобытностью древнѣйшей эпохи перехода отъ язычества къ христіанству, то византійскій—носитъ уже слѣды богословской борьбы съ еретиками.

Безконечное разнообразіе въ лирическихъ движеніяхъ сердца и въ драматизмъ страстей составляетъ послѣдующую исторію этого сюжета въ произведеніяхъ западнаго искусства, начиная отъ поэмы Данта и готическихъ барельефовъ до фресковъ Микель-Анджело.

Итакъ, ереси составляютъ существенное отличіе византійскаго изображенія отъ всѣхъ прочихъ. Разсмотримъ же эпизоды о еретикахъ въ вѣщемъ видѣніи византійскаго монаха Григорія.

За милостивыми сластолюбцами и некрещеными младенцами слѣдуютъ еретики. Ужасная наружность ихъ, согласно съ общимъ стилемъ, описывается въ самыхъ грязныхъ подробностяхъ. Еретики идутъ, то цѣлыми толпами, то по-одиночкѣ. Какъ скоро отдѣлится отъ шумихъ толпа, тотчасъ Праведный Судія требуетъ, чтобы предъ лицо его предсталъ самъ начальникъ той толпы, то есть, ересіархъ, или учитель той ереси; и по допросѣ каждая толпа предается вѣчнымъ мукамъ.

Сначала выступают Ариане. Очень гнѣвно обратился къ нимъ Господь и искалъ прельстившаго ихъ, то есть, самого Арія*). Арій тотчасъ предсталъ. И сказалъ ему Судія: „Не азъ ли есмь Господь Иисусъ Христосъ, соприспосущій Отцу? Како убо ты Мое Божество въ тварь (то есть, въ созданное, въ сотворенное) сведе? И тобою прельщенный сомъ вѣчной мукѣ ты предалъ? Отдай мнѣ ихъ души, о проклятый!“ И сказавъ это, Господь отвратилъ отъ нихъ свое лицо.

Потомъ отъ толпы грѣшниковъ отдѣлились еретики Македоніевой ереси. Предсталъ самъ учитель Македоній**) предъ лицо Господа. И сказалъ ему Господь Богъ: „Азъ умолчу тебѣ, но Святый Духъ, похуленный тобою, придетъ и посрамитъ тебя, якоже истинный Богъ есть.“—И воспѣли тогда небесныя силы пѣснь ужасную, призывая Св. Духъ. Онѣ пѣли: „Царю Небесный, Утѣшителю, Душе Истинный“ и проч. По окончаніи пѣнія, свыше возсіялъ свѣтъ и огненная пресвѣтлая заря. Потомъ блеснула страшная молнія. Явился Престоль смарагдовый, и на немъ Утѣшитель Господь (то есть, Духъ Святый), яко снѣговиденъ голубь, и явившись, почилъ Онъ на Единородномъ Сынѣ Божіи; скверный же Македоній былъ посрамленъ и вмѣстѣ съ своими послѣдователями предагъ мукѣ.

Потомъ отдѣлились Несторіане, и предсталъ самъ Несторій***). Господь говорилъ ему: „Гдѣ же два лица****), какъ ты лжемудрствовалъ обо Мнѣ, и столько народа ввергнулъ въ погибель? Не азъ ли есмь единъ Святъ, единъ Господь Иисусъ Христосъ, въ двухъ естествахъ, но въ одномъ составѣ?“

Какъ предъ Македонія явился самъ Духъ Святый, такъ предъ Несторія, оскорбившаго ученіе о Богородицѣ, явилась сама Дѣва Марія, неизреченнымъ свѣтомъ просвѣщена и недоумѣнною славою украшена, ангелами страшными служима. И пѣли ей ангелы: „Радуйся, сподобившаяся быть Матерью Господу Богу!“

*) 325 годъ. Арій—пресвитеръ Александрійскій. На Никейскомъ соборѣ обвиненъ при Константінѣ Великомъ.

**) 344—381 г. Македоній—патріархъ Константинопольскій. Соборъ Константинопольскій былъ при Феодосіи.

***) 422 г. Несторій—патріархъ Константинопольскій. Соборъ въ Ефесѣ.

****) То есть, лицо божественное—вѣчное и человѣческое—временное, какъ училъ Несторій.

Послѣ того предстали многіе другіе еретики съ своими послѣдователями. Были между ними и иконоборцы *). Одни изъ этихъ послѣднихъ говорили: „По истинѣ осуетились мы въ нашей жизни, не поклоняясь святымъ иконамъ.“ Но другіе возражали: „Хорошо мы дѣлали: привидѣніемъ только, а не по истинѣ, Господь былъ человѣкомъ: какъ же можно написать привидѣніе?“—Это были, говоритъ повѣствователь, тѣ, которые мнили, будто Господь Богъ имѣлъ петлѣнную плоть до распятія.

Наконецъ, какъ злѣйшіе между еретиками, являются жидаы. Мы уже знаемъ, что самое видѣніе мнѣха Григорія было вызвано его сомнѣніями по поводу жидовскаго лжеученія. Слѣдовательно, эти несчастные должны были въ его видѣніи получить самое крайнее мѣсто между еретиками.

Появленіе жидовъ на Страшномъ Судѣ необыкновенно драматично.

Явившись передъ лицомъ Судіи всего міра, жидаы пришли въ ужасъ и трепеть, узнавъ въ немъ распятаго ими Іисуса Христа. Напрасно обращались они за предстательствомъ и защитою къ своему Ветхозавѣтному Богу отцевъ ихъ, напрасно умоляли они своихъ пророковъ и судей—войти въ ихъ положеніе, напрасно обращались и къ самому законодателю своему, Моисею. Тогда Моисей, въ качествѣ законодателя и пророка, сталъ обличать ихъ, обличая заблужденія ихъ, и показывалъ имъ въ Іисусѣ Христѣ Истиннаго Бога **).

Когда Моисей показалъ жидамъ Іисуса Христа и когда отступилъ отъ нихъ, стали они горько плакать и призывать своего Бога: „Боже отецъ нашихъ,—вопіяли жидаы,—Богъ Авраамовъ, Исааковъ, Іаковль! Избави насъ въ часъ бѣды сея! Развѣ тебе, многаго Бога не познахомъ!“—И когда такъ вопіяли они, внезапно блеснула молнія и пронеслась по всей землѣ, потомъ блеснула другая, и обѣ молніи стали надъ Судією, осѣнивши Ею. Тогда воспѣли Ему всѣ силы небесныя со Отцемъ и Св. Духомъ, и потомъ явился другой престоль,

*) При Львѣ Исаврянинѣ. Константиѣ Копронимѣ и Львѣ IV—787 г. Соборъ Никейскій при Иринѣ и Константиѣ.

***) Сличн въ русскомъ изображеніи Страшнаго Суда и въ подлинникахъ, какъ Моисей показываетъ жидамъ Іисуса Христа.

подобенъ престолу Судін, и на томъ престолѣ Ветхій Деньми покоилсѣ съ Единороднымъ Сыномъ и Словомъ: и видя то, іудеи вострепетали. Обличивъ печестивыхъ, Богъ Отець сталъ невидимъ.

Впрочемъ толпы еретиковъ и жидовъ не послѣднія на Страшномъ Судѣ въ видѣніи мниха Григорія. Онъ зналъ одну личность, которая ужаснѣе всѣхъ еретиковъ гибельна была для христіанъ, страшная личность величайшаго изъ мучителей христіанскихъ. Въ эпоху мниха Григорія, когда особенно распространены были въ византійской литературѣ житія святыхъ и повѣствованія о христіанскихъ мученикахъ (или мартирологін), безъ сомнѣнія самую кромѣшную, самую погибельную личность былъ, по преданію, величайшій изъ мучителей III-го вѣка, Діоклитіанъ. Отчаянный голосъ его изъ страшнаго пламени раздается послѣдній на этомъ всемірномъ судилищѣ. Какъ левъ, ревѣлъ и стоналъ этотъ великій грушникъ, и скрежеталъ зубами, напрасно обращалъ съ своими мольбами и къ самому Распятому Господу и къ святымъ Его угодникамъ. И слыша эти вопли и тяжкія стenanія—говоритъ нашъ повѣствователь—вопросилъ я моего ангела путеводителя: „кто это такъ горько мучится?“—„Это Діоклитіанъ, мучитель и гонитель христіанства“,—отвѣтствовалъ мнѣ ангелъ.

Л Е К Ц І Я 23-я.

Читана 5-го марта 1860 г.

Прежде нежели приступимъ къ нашей письменности новаго христіанскаго періода, обратимъ вниманіе на древнѣйшія сказанія и преданія о водвореніи на Руси христіанскаго просвѣщенія и о сооруженіи храмовъ. Въ народѣ невѣжественномъ грамотность составляетъ достоинствѣ очень немногихъ, избранныхъ, между тѣмъ какъ преданія и монументальная святыня новопостроенныхъ храмовъ—предметы общедоступныя и равно понятныя и для немногихъ грамотниковъ, и для грубой толпы.

Самое древнее преданіе о водвореніи христіанской святыни на Руси сообщаетъ намъ Несторъ въ сказаніи, какъ апостоль Андрей посѣтилъ тѣ мѣста, гдѣ впоследствии возникли Кіевъ и Новгородъ. Это преданіе составляетъ эпизодъ изъ средневѣковыхъ разсказовъ,

содержащихъ въ себѣ Хожденія Апостоловъ или Обиходи Апостольскіе (какъ они называются въ русской письменности). Эти Хожденія и у славянъ, и у народовъ Западной Европы дали содержаніе множеству наивныхъ, поэтическихъ сказаній, которыя и доселѣ живутъ въ устахъ народа *).

Для образца приведу одно сказаніе, касающееся народной поэзіи. Оно рассказываетъ у Лужицкихъ славянъ. Однажды Христосъ съ Петромъ проходили деревню. Изъ одной избы раздавалась звучная пѣсня; Христосъ остановился и слушалъ, но Петръ пошелъ далѣе. Послѣ того, когда они прошли нѣсколько, слышалось изъ другой избы пѣніе молитвы. Петръ остановился и слушалъ, а Христосъ, не обращая вниманія, продолжалъ свой путь. Когда Петръ достигъ своего учителя, изъявилъ ему удивленіе, почему онъ остановился слушать пѣсню и не обратилъ вниманія на молитву.—„Любезный мой, св. Петръ,—отвѣтствовалъ Христосъ,—тамъ точно пѣли престонародную пѣсню—только отъ чистаго сердца, а здѣсь, хоть и молитву, только не искренно, не отъ души.“

Преданіе о хожденіи св. Андрея по Руси, освященное многовѣковою давностью и въ народѣ чтимое, содержитъ въ себѣ любопытную примѣсь народнаго творчества. Во первыхъ должно замѣтить, что это сказаніе ведетъ свое происхожденіе изъ Южной Руси, потому что говоритъ очевидно въ пользу Кіева и съ явною ироніею относится о Новгородѣ. Будто-бы изъ Корсуни апостолъ Андрей отправился по Днѣпру, и дошедши до того мѣста, гдѣ потомъ былъ построенъ Кіевъ, онъ сказалъ своимъ ученикамъ: „видите ли эти горы? На нихъ возсіяетъ благодать Божія и будетъ построенъ великій городъ и многія церкви Господь Богъ воздвигнетъ.“ И взошедши на тѣ горы, апостолъ благословилъ ихъ, поставилъ крестъ и, помолившись Богу, сошелъ съ горы и отправился по Днѣпру. Потомъ пришелъ въ Словѣни, гдѣ пылъ Новгородъ и видѣлъ тамъ людей и обычаи ихъ, какъ они моются (то есть, въ банѣ), хлыщутся (вѣвниками) и удивился имъ. Потомъ отправился въ Варяги, и оттуда въ

*) Я. Гриммъ во введеніи къ своей Нѣмецкой Мифологіи указываетъ въ этихъ Хожденіяхъ апостоловъ слѣды мифологіи народной и опредѣляетъ важное ихъ значеніе въ исторіи народной словесности. Кое что изъ русскихъ сказаній объ этомъ предметѣ помѣщено г. Анастасьевымъ въ собраніи легендъ.

Римъ. И рассказывалъ онъ, какъ училъ и гдѣ что видѣлъ: „Дивное видѣлъ я въ Славянской землѣ—говорилъ онъ: идя сюда, видѣлъ я въ той землѣ деревянныя бани, и растопятъ ихъ сильно, а сами раздѣнутся и нагіе обливаются кожевненнымъ квасомъ, и возьмутъ на себя младое прутіе, и сами себя бьютъ, и до того добьются, что выходятъ чуть живы, и оболются студеною водою и оживутъ; и то творить по вся дни не мучимы ни кѣмъ, но сами себя мучатъ, и то творить не мовенъе себѣ, но мученъе.“

Впрочемъ должно замѣтить, что хотя въ народѣ преданіе о посѣщеніи апостоломъ Андреемъ Кіевскихъ горъ теперь довольно распространено, но наши грамотные предки не сильно его держались и неоднократно высказывали, что никогда на Руси не было ни одного апостола. Такъ въ житіи Бориса и Глѣба, составленномъ, вѣроятно, въ XI вѣкѣ, читаемъ: „Пребывала земля Русская въ древней прелести идольской: потому что ни отъ кого не слышали слова о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ: не быша бо ни апостоли заходили къ нимъ и никтоже имъ проповѣдалъ слова Божія.“ Въ одномъ сборникѣ XVI в. *), говоря о томъ, что Господь Богъ разнымъ народамъ и отдѣльнымъ лицамъ открылъ свое ученіе, русскій грамотникъ присовокупляетъ о Русской землѣ: „и открылся послѣди всѣхъ Русскому языку вѣровати во Отца и Сына и Св. Духа, а не бывшу никомуже апостолу въ Русской землѣ, но по истинѣ Русскому языку милость Божія открыся.“

Національныя сказанія о сооруженіи храмовъ и водвореніи христіанской святины на Руси ясно свидѣтельствуютъ намъ, что вмѣстѣ съ христіанствомъ внесены были въ Русь идеи о ея связи не только съ Византійскимъ Востокомъ, но и съ Латинскимъ Западомъ.

Сказанія эти относятся ко временамъ Ярослава и дѣтей его. Несторъ видитъ въ Ярославіи одного изъ главнѣйшихъ двигателей древне-русскаго просвѣщенія. „Заложилъ Ярославъ городъ великій Кіевъ съ Золотыми Воротами—говоритъ онъ—заложилъ и церковь Св. Софійи митрополью, и церковь Благовѣщенія на Золотыхъ Воротяхъ, и монастыри св. Георгія и св. Ирины. При немъ начала вѣра христіанская плодиться и расширяться, стали умножаться черпорицы

*) Синодальный Цвѣтникъ. № 687. л. 25 об.

и были основаны монастыри. Ярославъ любилъ церковные уставы, поповъ любилъ по велику, особенно же черноризцевъ, и былъ прилеженъ къ книгамъ, часто читалъ днемъ и ночью. Собралъ много писцовъ для переложенья книгъ съ греческаго языка на славянскій, и они списали многія для поученія христіаномъ и для наслажденія божественнымъ ученіемъ. Какъ нѣкто вспашеть землю, другой же насѣетъ, а прочіе пожинають и ядятъ обильную пищу: такъ и отецъ Ярослава Владиміръ вспахалъ и умягчилъ Русскую землю, то есть, просвѣтилъ св. крещеніемъ; Ярославъ же посѣялъ книжныя словеса въ сердцахъ людей, а мы пожинаемъ, принимая ученіе книжное.“ (Лѣтопись, I. 65).

Въ ознаменованіе побѣды надъ Печенѣгами (въ 1036 г.) Ярославъ заложилъ въ Кіевѣ храмъ во имя Софіи Премудрости Божіей (въ 1037 г.), а черезъ восемь лѣтъ сынъ его Владиміръ заложилъ тоже во имя Софіи другой храмъ въ Новѣгородѣ (1045 г.). Сооруженіе двухъ самыхъ знаменитыхъ храмовъ древней Руси, въ Кіевѣ и Новѣгородѣ, во имя Св. Софіи свидѣтельствуетъ намъ о томъ художественно-религіозномъ вліяніи, какое Византія своимъ знаменитымъ Софійскимъ храмомъ оказала на новообращенную въ христіанство Русь въ XI в. Даже въ X вѣкѣ легенда приписываетъ это вліяніе на чувства и воображеніе Владиміровыхъ пословъ, которые, воротившись съ изслѣдованія разныхъ вѣроисповѣданій на самыхъ ихъ мѣстахъ, такъ рассказывали о цареградскомъ Софійскомъ соборѣ: „пришли мы въ Греки, и ввели они насъ, гдѣ служатъ своему Богу, и мы не знали, на небѣ ли мы, или на землѣ: не бываетъ на землѣ такого вида, ни такой красоты, и мы недоумѣваемъ, что сказать: знаемъ только, что тамъ самъ Богъ съ человѣками пребываетъ, и служба ихъ лучше всѣхъ прочихъ. Не можемъ мы забыть той красоты. Всякій человѣкъ, вкусивши сладкаго, не приметъ потомъ горечи, такъ и мы не хотимъ здѣсь оставаться.“

Во всей наивности высказывается здѣсь непритворный восторгъ, возбужденный въ вѣрующихъ сердцахъ великолѣпіемъ Цареградскаго храма. Въ рѣчахъ пословъ, которыя передаетъ намъ Несторъ, чувство эстетическое такъ тѣсно связано съ религіознымъ умиленіемъ, какъ это бываетъ возможно только въ самую раннюю эпоху христіанскаго просвѣщенія. Безъ сомнѣнія, отвлеченная, высокая идея о

Божественной Премудрости, которой посвященъ былъ храмъ въ образованной Византіи, была не вполне ясна и вразумительна Руси XI в.; по крайней мѣрѣ безотчетное національное чувство русскихъ было удовлетворено подобіемъ, или подражаніемъ тому высшему храмовому идеалу, который славился по всей Европѣ за образецъ изящества, и который, по русской легендѣ, впервые возбудилъ въ некрещеной еще Руси высокую мысль о пребываніи самого Бога вмѣстѣ съ людьми во время молитвы *).

Въ объясненіе самой идеи о Св. Софійи и для ознакомленія съ образцомъ нашихъ знаменитыхъ храмовъ, очень рано внесены были въ нашу литературу, и въ подробномъ видѣ, и въ извлеченіяхъ въ хронографахъ сказанія о сооруженіи цареградской Св. Софійи, при императорѣ Юстиніанѣ († 565 г.). Эти сказанія, переведенныя съ греческаго, были очень распространены въ древней Руси **). Главное содержаніе ихъ слѣдующее:

Собравши огромныя суммы денегъ, Юстиніанъ велѣлъ отыскивать повсюду различный мраморный матеріалъ для сооруженія храма. И были доставлены въ Цареградъ мраморныя столпы и подстолпныя отъ древнихъ языческихъ храмовъ и бань или термовъ, изъ Рима, Ефеса и съ острововъ. Потомъ, разоривъ до основанія древнюю церковь, сооруженную еще при Константинѣ, царь велѣлъ скупать кругомъ дома для построенія новаго храма въ самыхъ громаднѣхъ размѣрахъ. Въ сказаніи записаны даже имена тѣхъ, у кого были куплены на сломку дома. Нѣкоторые впрочемъ отдавали свои дома и даромъ, съ тѣмъ чтобъ по смерти были они погребены въ ново-зданномъ храмѣ и поминаемы за упокой.

Потомъ царь положилъ основы церковному зданію. Призвать патріарха Евтихія со всѣмъ соборомъ, и по совершеніи молебствія, самъ царь взялъ въ руки скудель и известь и молилъ Господа Бога, чтобъ Онъ призрѣлъ на сооруженіе храма. Тогда же велѣлъ онъ сдѣлать крытый сходъ изъ своихъ палатъ ко храму, для того чтобъ ходить на постройку. Однихъ искусныхъ мастеровъ было до сотни,

*) Желающіе познакомиться съ архитектурой, съ мозаиками и фресками этого Цареградскаго храма могутъ перелистовать великолѣпное изданіе Зальценберга.

***) Изданы О. И. Буслаевымъ во II т. Летописей русской литературы Н. С. Тихомирова, съ предисловіемъ К. К. Герца и О. И. Буслаева. С. Л.

между которыми главными были Михаилъ и Игнатій. Рабочихъ было нѣсколько тысячъ.

Планъ храма, будто бы, предначертанъ былъ свыше: ангель Господень во снѣ показалъ царю, какова будетъ церковь.

Каменьщики для постройки варили въ котлахъ ячмень съ водою, куда вметали известь и глину, прибавляя туда дерева, называемаго вербою. Когда сооружались стѣны и столпы храма, царь постоянно присутствовалъ.

Затѣмъ слѣдуетъ повѣствованіе о трехъ чудесахъ, которыя были совершены во время постройки.

1. О золотѣ. Несмотря на огромныя средства, употребленныя Юстиніаномъ на постройку, все же наконецъ золото истощилось. Тогда къ царю явился самъ ангель въ видѣ юноши и предложилъ ему золота, сколько онъ захочетъ. Въ назначенное мѣсто царь послалъ 20 возовъ и всѣ они воротились, наполненные этимъ металломъ.

2. О трехъ оконцахъ. Долго размышлялъ царь, сколько оконъ сдѣлать въ олтарѣ, два или три. И однажды зодчему явился ангель въ видѣ самого Юстиніана и велѣлъ ему сдѣлать въ олтарѣ три оконца во имя Отца и Сына и Св. Духа.

3. О именованіи церкви отъ ангела. Также былъ царь во многомъ размысленіи, какъ наименовать сооружаемый храмъ. Однажды мастера ушли обѣдать, оставивъ у работъ отрока для стражи. И въ видѣ юноши явился ему ангель и сказалъ, чтобъ онъ пошелъ за мастерами и звалъ ихъ скорѣе отъ обѣда. Но отрокъ не хотѣлъ идти и оставить работу безъ стражи. Тогда ангель сказалъ: „Клянусь тебѣ Софіею Премудростію Божіею, во имя которой созиждется этотъ храмъ, что я самъ стражъ, приставленный къ этой церкви!“ Тогда отрокъ пошелъ сказать царю. Юстиніанъ тотчасъ же отпирался на постройку, но тамъ уже никого не было, и уразумѣлъ онъ, что это былъ ангель Божій, прославилъ Бога и много радовался о томъ, что самъ Господь явилъ ему свою волю, какъ наименовать созидаемый храмъ.

Изъ подробнаго описанія великолѣпной внутренности храма заслуживаютъ особеннаго вниманія:

Трапеза, или престолъ церковный. Такъ была сдѣлана: собравъ во одно золото, серебро и бисеръ, драгоценное каменье,

мѣдь, олово, желѣзо, все это вложили въ горнило разожженное, и когда все это смѣсилось, вылили транезу красоты несказанной. Подъ этой разнообразной смѣсью драгоценностей, какъ кажется, должно разумѣть финифть или эмаль.

Амвонъ былъ сдѣланъ изъ камня сердолика, а столны его изъ золота съ аспиднымъ камнемъ, изъ хрустали и сапфира. Верхъ амвона изъ золота съ блсеромъ и смарагдомъ. На верху золотой крестъ.

Честный крестъ, который—по сказанію—стоялъ гдѣкогда въ сосудохранительницѣ, былъ сдѣланъ въ мѣру возраста Іисуса Христа. Обложенъ серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями.

Крестилнице около кладизя и притворъ. Направо было море, пяди единой возвышено, съ лѣстницею для входа къ нему церковнослужителямъ. А кругомъ были изваяны львы, серны, орель, заяць, телець, воронъ; вода исходила изъ усть ихъ. Это мѣсто было названо Львовымъ.

Изъ мелкихъ церковныхъ утварей въ сказаніи особенно замѣчательны Горлицы комкальницы, то есть, дарохранительницы въ видѣ голубя, употреблявшіяся въ средніе вѣка и на Западѣ.

Для исторіи художественныхъ преданій древней Руси особенно важно въ этомъ Сказаніи упоминаніе, что въ Софійскомъ храмѣ было 365 придѣловъ, то есть, по придѣлу на каждый день въ году, и каждый придѣлъ во имя того святаго или того праздника, котораго память въ тотъ день чествуется. Подъ олтарями положены были мощи святыхъ мучениковъ и другихъ угодниковъ. Такимъ образомъ придѣлы Св. Софін, все вмѣстѣ взятыя, составляли какъ бы архитектурный и иконописный мѣсяцесловъ. Въ предисловіи къ нашимъ подлинникамъ говорится, будто въ каждомъ изъ придѣловъ Св. Софін была икона того святаго, которому посвященъ придѣлъ. Слѣдовательно, это было самое полное и лучшее собраніе иконописныхъ изображеній византійскаго стили.

Такъ какъ Св. Софія есть символическій образъ,—крылатаго, огненнаго Ангела, сидящаго на престолѣ,—то послѣ разсказа о построеніи храма слѣдуетъ въ нашихъ рукописныхъ источникахъ толкованіе, подъ названіемъ: Стихъ Св. Софін Премудрости Божіей *).

*) См. этотъ стихъ во 2-мъ томѣ „Очерковъ“ Буслава, стр. 297—298.

Церковь Божія, Св. Софія, Дѣва Богородица*). *Толкъ:* Дѣвственныхъ душа, неизглаголаннаго дѣвства чистота, смиренной мудрости истина.

Имѣеть надъ главою Христа. *Толкъ:* Глава бо мудрости Сынь, Слово Божіе.

А что простерты небеса превыспрь Господа—*толкъ:* Преклонивъ небеса, снизшелъ на землю и вселился въ Дѣву Чистую.

Сію же возлюбилъ Предтеча Іоаннь Креститель и крестилъ Господа. *Толкъ:* Уставъ дѣвства показаль, о Богѣ жестокое житіе.

Имѣеть дѣвство лицо дѣвичье, огненно. *Толкъ:* огонь есть Божество, поаляющее тлѣнныя страсти и просвѣщающее всякую чистую душу.

Имѣеть же надъ ушамн тѣроки (лепточки, какъ бываетъ у ангеловъ). *Толкъ:* Житіе чистое ангельскому подобно есть, тѣроки же поконще Св. Духа.

На главѣ ся вѣнецъ царскій. *Толкъ:* Смиреніе царствуетъ надъ страстями.

Санъ же преноясанія о чреслахъ. *Толкъ:* Образъ старѣйшинства и святительства.

Въ рукѣ держитъ скипетръ. *Толкъ:* Царскій санъ являетъ.

Крылья имѣеть орлиныя. *Толкъ:* Высокопарное пророчество и разумъ скоръ являетъ. Орель очень зоркая птица, и любитъ мудрость. Когда видитъ ловца, выше возлетаетъ: такъ и любящіе дѣвство не легко уловляемы бываютъ отъ дьявола.

Въ лѣвой рукѣ имѣеть свитокъ написанъ. *Толкъ:* Въ немъ написаны недовѣдомыя, сокровенныя тайны; ибо не постижны божественныя дѣйства ни ангеламъ, ни челоуѣкамъ.

Одѣяніе же свѣта—престоль, на которомъ сидитъ. *Толкъ:* Онаго будущаго свѣта поконще являетъ.

Утверждена же семью столпами. *Толкъ:* Семью Духа дарованіямн.

Ноги имѣеть на камнѣ. *Толкъ:* На семь камнѣ—сказано—созиду церковь Мою, и еще сказано: На камнѣ вѣры утверди меня.

Вотъ какая стройная символическая поэма о дѣвственномъ житіи и монашествѣ сложилась на основаніи таинственного изобра-

*) Смотри изображеніе въ Собраніи Коробанова.

женія Премудрости Божіей! Это символическое изображеніе, объясняющее смысл древнѣйшихъ храмовъ во имя Св. Софіи, получило такое значеніе согласно идеямъ и чаяніямъ монашествовавшихъ подвижниковъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на образованіе древней Руси. Душевная и тѣлесная чистота вознесена была до Премудрости, и въ символическомъ огненномъ ангелѣ видѣлся благочестивымъ подвижникамъ прекрасный, дѣвственный ликъ самой Дѣвы Маріи.

Вѣроятно тотчасъ же по сооруженіи храмовъ во имя Св. Софіи и въ Кіевѣ, и въ Новѣгородѣ, оба храма были украшены живописью и мозаикою.

Изъ многихъ изображеній Кіевской Софіи особенно замѣчательны:

Колоссальное изображеніе Богоматери съ воздѣтыми руками, издавна извѣстное подъ именемъ Нерушимой Стѣны. Въ самомъ верхнемъ ярусѣ, почти на сводѣ олтаря.

Въ среднемъ ярусѣ, отдѣленномъ отъ верхняго мозаическою полосою—Тайная вечеря. Посреди стоитъ престолъ подъ сѣнію, съ двумя ангелами у заднихъ угловъ. У передняго угла съ правой стороны Спаситель обѣими руками преподаетъ Св. Тѣло шести апостоламъ, подходящимъ къ нему поочередно. У другаго передняго угла слѣва—опять изображенъ Спаситель: тутъ Онъ преподаетъ Св. Кровь свою другимъ шести апостоламъ. Это древнѣйшій образецъ для изображенія Тайной вечери и у насъ, и на Западѣ. Ему долго слѣдовали русскіе иконописцы.

Направо отъ царскихъ вратъ—Дѣва Марія съ веретеномъ въ рукѣ. Налѣво—благовѣствуетъ архангелъ Гавріилъ. Въ древне-русской иконописи часто попадаетъ въ изображеніи Благовѣщенія Дѣва Марія съ веретеномъ.

Касательно Новгородскаго Софійскаго собора есть древнія свидѣтельства, что при Владимірѣ Ярославичѣ, соорудившемъ этотъ соборъ, греческіе мастера изобразили въ немъ и икону Св. Софіи.

Изъ стѣнныхъ изображеній въ Новгородскомъ храмѣ особенно замѣчательенъ образъ Іисуса Христа, написанный, какъ и въ Царградскомъ Софійскомъ соборѣ, подъ самымъ куполомъ. Объ этомъ изображеніи сохранилась въ лѣтописяхъ слѣдующая мѣстная, новгородская легенда.

Св. церковь Софіи Премудрости Божіи создана была повелѣніемъ князя Владиміра Ярославича. А дѣлали ее семь лѣтъ, а мастера иконописцы были изъ Цареграда, а освещена была при архієпископѣ Лукѣ. И написали иконописцы во главѣ церковной Спасовъ образъ съ благословляющей рукою. На утро пришло въ храмъ архієпископъ Лука и видѣть изображеніе Спасителя съ рукою сжатою; велѣно было переписать руку по прежнему, и трижды передѣлывали иконописцы руку, и всякій разъ на другое утро она являлась сжатою. На четвертое же утро былъ отъ иконы голосъ: „Иконописцы! Не пишите Меня съ благословляющею рукою, потому что Я держу въ Своей рукѣ Новгородъ: а когда разожметъ эта рука моя, тогда Новгороду будетъ скончаніе!“

Такъ проникнута мѣстными новгородскими интересами эта прекрасная легенда о сжатой рукѣ Спасителя! Будто бы съ этимъ изображеніемъ символически была связана самая судьба великаго Новгорода. Въ этой сжатой рукѣ народъ видѣлъ вѣрный залогъ своего историческаго бытія, своей славы и могущества. Эта легенда поддерживала національныя силы и привязывала къ родной сторонѣ.

Лекція 24-я.

Читана 8 марта 1860 г.

Было упомянуто, что наши древнѣйшія сказанія указываютъ на связь нѣкоторыхъ христіанскихъ преданій Руси не только съ Востокомъ, съ Цареградомъ, но и съ Западною Европою.

Какими бы путями ни распространялось вліяніе Запада на христіанскую Русь отъ X-го и до XII-го вѣка, но слѣды его существованія несомнѣнны и въ Южной и въ Сѣверной Руси. Въ Новгородской области еще въ XII вѣкѣ матери носили своихъ дѣтей для молитвы къ варяжскимъ попамъ, за что подвергались спитимѣ на шесть недѣль, какъ двоевѣрныя. Въ XI и XII вѣкѣ святители русскіе неоднократно разрѣшали нашимъ князьямъ недоумѣнія касательно отличія вѣры латинской или варяжской отъ православной. Такъ о вѣрѣ латинской писали посланія—Ѳеодосій Печерскій къ Изяславу Ярославичу, митрополитъ Нивифоръ къ Владиміру Мономаху. Ѳеодосій Печерскій († 1074 г.) въ своемъ посланіи свидѣтельствуеъ, что въ его время „исполнилась наша земля людей латин-

скаго вѣроисповѣданія: понеже по всей земли Варязи суть, потому великая отъ нихъ бѣда православнымъ христіанамъ, между ними живущимъ“.

Точно такъ и древнѣйшія литературныя сказанія признають варяговъ проводниками западнаго вліянія. Но такъ какъ западный, латинскій элементъ, по русскимъ убѣжденіямъ, долженъ покориться византійскому, то дѣйствующія лица нашихъ сказаній изъ латинской вѣры переходятъ въ православіе, и все западное, латинское, получаетъ высшее освященіе только тогда, когда подчиняется началу восточнаго православія.

Изъ многихъ преданій первое мѣсто занимаетъ сказаніе о Каменной Печерской церкви Успенія Пресвятой Богородицы. Хотя это сказаніе, внесенное въ Кіевопечерскій патерикъ, получило литературную обработку уже въ XIII вѣкѣ подъ перомъ Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго († 1226 г.), однако оно дошло до него по древнѣйшему устному преданію, издавна существовавшему въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ Симонъ нѣкогда былъ монахомъ*).

Предполагая извѣстными основателей монастыря и первыхъ дѣятелей въ немъ на пользу русскаго просвѣщенія, т. е., Иларіона, выкопавшаго пещеру въ Днѣпровской горѣ, Антонія, въ ней поселившагося и основавшаго монастырь († 1073 г.), и Θεодосія, давшаго монастырю уставъ († 1074 г.), приступаю къ самому Сказанію или Повѣсти.

Въ землѣ Варяжской былъ князь Африканъ, братъ Якуна Слѣпнаго, который съ полкомъ своимъ сражался за Ярослава противъ лютаго Мстислава. У Африкана было два сына, Фріандъ (очевидно отъ frījan—любить, frījand—freund) и Шимонъ. По смерти отца Якунъ изгналъ обоихъ сыновей изъ ихъ области (какъ это часто случалось между норманнами вообще и особенно на Скандинавскомъ сѣверѣ). Изгнанный Шимонъ пришолъ въ Русь къ Ярославу, который принялъ его съ честію и отдалъ его сыну своему Всеволоду, чтобъ былъ у него онъ первымъ старѣйшиною. И Шимонъ принялъ великую власть у Всеволода и имѣлъ великую любовь къ Печерскому монастырю, только что тогда получившему свое начало.

*) См. о Симонѣ въ „Обзорѣ“ Филарета, § 44.

Когда въ княженіе Изяслава половцы папали на Русскую землю, противъ нихъ вооружилсь и пошли князья Ярославичи—Изяславъ, Святославъ и Всеводъ съ Шимономъ.

Передъ битвою Антоній Печерскій далъ Шимону благословеніе и предсказалъ, что многіе будутъ убиты, но что онъ—Шимонъ—будетъ спасенъ и потомъ погребенъ въ церкви, которую самъ построитъ. Такъ и случилось. Русскіе были побѣждены половцами, воеводы были побиты, и самъ Шимонъ во время битвы былъ низверженъ на земь. Тогда возрѣвъ на небо, онъ увидѣлъ великую церковь, какъ и прежде видѣлъ на морѣ (о чемъ будетъ рѣчь впереди), сталъ молиться, и мгновенно изытъ былъ нѣкоторою сверхъестественною силою изъ среды труповъ. Послѣ того Шимонъ пришолъ къ Антонію и рассказалъ ему слѣдующее о своемъ видѣніи, которое было еще на пути его изъ Варягъ въ Русскую землю.

Отецъ мой Африканъ—говорилъ Шимонъ—сдѣлалъ огромный крестъ около 10-ти лактей, и на немъ изобразилъ подобіе Христова, и воздавалъ ему великую честь. И возложилъ поясъ о чреслахъ его, имѣвшій 50 гривенъ золота, возложилъ также и золотой вѣнецъ. Когда выгнать меня изъ моей области дядя Якунь, я взялъ поясъ съ Иисуса Христа и вѣнецъ со главы его. И тогда послышался голосъ отъ образа, который мнѣ говоритъ: „Не возлагай вѣнца сего на свою голову, но неси на уготованное ему мѣсто, гдѣ созиждется церковь Моей Матери и Преподобному, которому въ руки отдай вѣнецъ этотъ, да повѣситъ надъ жертвенникомъ*). Потомъ поплыть я на кораблѣ, и возстала страшная буря, грозившая всею памъ гибелью. Тогда вспомнилъ я о поясѣ, снятомъ съ Распятія, и вопилъ: „Господи! прости мнѣ! потому что я погибаю теперь отъ этого пояса, который я снялъ съ Твоего образа“. И вотъ, увидѣлъ я въ высотѣ на воздухѣ церковь, и недоумѣвалъ, что это за церковь? И былъ ко мнѣ свыше гласъ: „Это церковь, которая будетъ создана отъ Преподобнаго во имя Божіей Матери, какъ ты видишь—въ ту же величину и высоту: а размѣрить тѣмъ поясомъ—на 20 поясовъ въ ширину, на 30 въ долготу, а въ высоту на 50; въ этой церкви ты будешь положенъ“. Послѣ того буря прекратилась.—Таковъ раз-

*) Обычай привѣшивать короны при олгарѣ господствовалъ на Западѣ въ отдаленные средніе вѣва.

сказъ Шимона, который потомъ передалъ Антонію поясъ и вѣнецъ, во исполненіе чудесно даннаго ему повелѣнія.

Изъ сказанія о варягѣ Шимонѣ ясно, что первая идея о построеніи Кіевопечерскаго храма во имя Успенія Богородицы принадлежитъ западнымъ выходцамъ, составлявшимъ княжескую дружину.

1. Важнѣйшія святилища для сооруженія храма—поясъ и вѣнецъ Христовы были принесены изъ Варяжской земли.

2. Самое изображеніе Христа, чудесно повѣдавшее о сооруженіи Кіевопечерскаго храма было сдѣлано варягомъ и осталось въ землѣ Варяжской. Изображеніе это очевидно было скульптурное, въ стилѣ древнехристіанскомъ, потому что распятый Спаситель обращалъ голову къ Шимону и съ нимъ говоритъ,—слѣдовательно, это изображеніе, по древнему стилю, было съ открытыми глазами, т. е. изображеніе Распятаго—живымъ, а не усопшимъ*); сверхъ того, тоже по древнему стилю, былъ Онъ въ царской коронѣ, которую Шимонъ взялъ съ собою въ Кіевъ; что же касается до пояса, то—вѣроятно—тоже по древнему обычаю, Распятый былъ не весь обнаженъ, а отъ пояса былъ завѣшенъ пеленою, которая и придерживалась поясомъ.

3. Храмъ долженъ быть сооруженъ во имя не Иисуса Христа, а Богоматери. Въ другомъ мѣстѣ сказанія Она говоритъ, что мѣру для сооружаемой церкви Сама Она послала—поясъ Сына своего Иисуса Христа. Измѣреніе земли поясомъ, веревкою, цѣпью—есть одинъ изъ древнѣйшихъ юридическихъ символовъ завладѣнія; этимъ символомъ—замѣтнымъ мимоходомъ—объясняется извѣстный участокъ, именуемый вервѣю. Отмѣриванье поясомъ должно было означать въ легендѣ не только мѣру зданія, но и право на землю для построенія храма.

Наконецъ, 4. Сказаніе наше ясно говоритъ, что Шимонъ даже въ то время, какъ передавалъ Антонію свое видѣніе, оставался еще въ латинской вѣрѣ, и уже только впоследствии Θεодосій обратилъ его въ православіе: „бысть прежде варягъ, оттолѣ благодатию Божіею, поученіемъ же св. Θεодосія, остави латинскую буеть (т. е. заблужденіе), и истинно восприять православную Христову

*) См. Козлова, стр. 173, и Кореуцкія врата въ Новгородѣ.

вѣру со всѣмъ домоу своимъ, въ немъ же бѣ яко до трехъ тысячъ душъ и съ іереемъ своимъ“ *).

Итакъ, первая мысль о сооруженіи храма дана была предприимчивыми варягами. Но исполненіе дѣла взяла на себя Византія.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ Шимонъ отдалъ чудесный поясъ и вѣнецъ, изъ Византіи Сама Богородица во Влахернѣ дала приказаніе четверымъ греческимъ мастерамъ итти въ Кіевъ и соорудить тамъ церковь по мѣрѣ, которую она уже дала въ поясѣ Сына своего Іисуса Христа. Сверхъ того вручила имъ мощи святыхъ для положенія въ основаніе церкви и свою Богородичную икону, которая должна быть въ новопостроенномъ храмѣ мѣстною.

Къ западной святыни, состоящей въ поясѣ и вѣнцѣ, была такимъ образомъ присовокуплена восточная—именно, мощи и мѣстная икона.

Оставляя разныя подробности сказанія о постройкѣ самой церкви, переходя къ украшенію ея живописью и мусією, или мозаикою, уже черезъ 10 лѣтъ послѣ пришествія тѣхъ зодчихъ изъ Византіи. Это было уже при игуменѣ Никоѣ († 1088 г.). Антоній и Теодосій, уже оба отшедшіе тогда въ вѣчность, чудесно явились въ Цареградѣ иконописцамъ и послали ихъ украшать Кіевопечерскій храмъ, давъ имъ на то золота. Иконописцы отправились, и когда вступили въ Днѣпръ, сама ладья ихъ, никѣмъ не управляемая, нѣкою высшею силою шла вверхъ противъ воды и наконецъ причалила подъ Кіевопечерскимъ монастыремъ.

Воздавъ хвалу Господу Богу и угодникамъ Его, мастера принялись за работу.

Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующій эпизодъ.

Когда византійскіе мастера украшали олтарь мусією, тогда образъ Богородицы самъ собою изобразился въ олтарѣ. Всѣ иконописцы (между которыми былъ и русскій иконописецъ Алипій, † 1114 г.) видѣли дивное и страшное это чудо. И когда они взглянули на образъ, онъ просвѣтился ярче солнца, такъ что они не могли смотрѣть и пали ницъ; потомъ, когда взглянули на образъ опять, увидѣли новое, великое чудо: изъ устъ образа того Пресвятой Богородицы

*.) Такимъ образомъ это сказаніе рѣзко противорѣчитъ увѣреніямъ юристовъ и историковъ, будто „Варяго-Руссы уже при Ярославѣ совсѣмъ исчезли“.

вылетѣлъ бѣлый голубь, и, полетѣвъ вверхъ къ образу Спасителя, тамъ скрылся. Потомъ вылетѣлъ изъ усть образа Спасителя, летать по всему храму и, подлетая къ каждому изъ изображеній святыхъ, кому садился на руки, кому на голову; послѣ того спустился внизъ и сѣлъ за чудотворною мѣстною иконою Богоматери. Тогда—наивно продолжаетъ сказаніе—люди, бывшіе внизу, хотѣли поймать голубя того, и приставили лѣстницу, но ни за иконою, ни за пеленою голубя не нашли. Потомъ изъ усть иконы, что въ олтарѣ, опять показался голубь и полетѣлъ вверхъ къ Спасителю образу. Тогда стоявшіе внизу стали кричать мастерамъ, работавшимъ вверху: „ловите его!“ И тѣ протягивали свои руки, желая поймать, но голубь опять влетѣлъ въ уста образа Спасителя. Послѣ того возсіялъ свѣтъ ярче солнца, бывшіе же въ храмѣ пали ницъ и молились, потому что сподобились видѣть великое чудо.

Каково бы ни было значеніе разныхъ подробностей этого сказанія, но самое главное и очевидное въ немъ то, что оно особенно поддерживало интересы дома и княжескаго рода Всеволода Ярославича Переяславльскаго. Это явствуетъ изъ слѣдующаго:

1. Самъ Шимонъ служилъ у этого князя, которому былъ отданъ Ярославомъ.

2. Сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ, будто бы, еще въ юныхъ лѣтахъ самъ былъ свидѣтелемъ дивному чуду, какъ огонь спалъ съ неба и выгорѣла та яма, гдѣ основаніе Киевопечерской церкви было положено золотымъ поясомъ.

3. Тотъ же Владиміръ Мономахъ, привезенный отцомъ его Всеволодомъ изъ Переяславля, будучи боленъ, возложилъ на себя тотъ чудный золотой поясъ и былъ исцѣленъ; потомъ

4. Тотъ же Владиміръ, взявъ мѣру Киевопечерскаго храма, создалъ въ своемъ княженіи въ Ростовѣ храмъ во всемъ сходный съ Печерскимъ. Наконецъ:

5. Сынъ Владиміра, Георгій, какъ бы слѣдуя родовому преданію, слышавъ отъ своего отца о чудесахъ Печерскаго храма, въ ту же мѣру соорудилъ храмъ и во своемъ княженіи въ городѣ Суздагѣ, во имя Успенія Пречистой Богородицы.

Итакъ, въ сказаніи о Шимонѣ и сооруженіи Киевопечерскаго храма надобно видѣть не только одно изъ основныхъ національныхъ

преданій древней Руси, по и домалпнее или родовое преданіе, свято сохранившееся въ родѣ Всеволода Ярославича и пошедшихъ отъ него Мономаховичей, вмѣстѣ съ которыми оно распространилось въ Ростовѣ и Суздальѣ.

Понятно, что сказаніе это съ особеннымъ интересомъ было обработано въ литературной редакціи Симономъ, епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ.

Кромѣ сказанія о Шимонѣ было другое, говорившее въ пользу варяжскаго вліянія на христіанскія легенды Южной Руси. Это именно преданіе о варяжскомъ кладѣ, будто-бы положенномъ въ одной изъ Кіевскихъ пещеръ, которая потому и получила названіе Варяжской. Объ этой пещерѣ рассказывалъ слѣдующее преподобный Феодоръ, одинъ изъ монаховъ кіевопечерскихъ: „яко еще живущу преподобному отцу нашему Антонію, повѣдаху варяжское быти храплище въ той пещерѣ, яже того ради и Варяжская нарицашеся и до нынѣ; обаче злата и сребра безчисленное видѣхъ множество, сосуды суть латинскіи“. (Кіевопечерскій Патерикъ 1678 г. л. 210).

Подъ сосудами надобно разумѣть здѣсь различную утварь, вѣроятно, и церковную. Слѣдовательно, это свидѣтельство вполне соотвѣтствуетъ сказанію о варяжскомъ происхожденіи святынь, привезенныхъ Шимономъ въ Кіевъ изъ-за моря.

Столь же ясное преданіе о западномъ вліяніи на христіанскія сказанія древней Руси встрѣчаемъ мы и на Сѣверѣ, въ области Новгородской. Это преданіе, вполне соотвѣтствующее свидѣтельству Кіевского патерика о латинскихъ сосудахъ въ Варяжской пещерѣ находимъ мы въ житіи Антонія Римлянина († 1147 г.), о которомъ было уже упомянуто по поводу Волховскаго сельца и видѣніи воздушныхъ мытарствъ.

Литературная обработка этого житія приписывается ученику Антонія, Андрею, который съ 1147—1157 г. былъ игуменомъ Антоніева монастыря.

Во первыхъ, должно обратить вниманіе на то, что Антоній называется Римляниномъ; т. е., онъ былъ латинскаго или римскаго исповѣданія, и, безъ сомнѣнія, пѣмецъ, потому что, не умѣя говорить по-русски, когда только что прибылъ къ Новгороду, онъ

понималъ рѣчь попавшагося ему какого-то греченина готѣнна (ужь не царградскаго ли варяга?). Впрочемъ, исторія памъ свидѣльствуетъ, что не одинъ Антоній былъ съ латинскаго Запада между русскими святыми мужаи. Такъ Меркурій Смоленскій († 1237 г.) былъ тоже римлянииъ, Прокопій Юродивый Устюжскій († 1303 г.)—„отъ Латинска языка отъ Нѣмецкїя земли“ какъ сказано въ его житїи.

Въ житїи Антонїи представляется даже дѣйствительнымъ римляниномъ, т. е., жителемъ Рима. Еще будучи на родиѣ въ Римѣ, онъ уже отказался отъ латинской вѣры и принялъ православїе. И тамъ же бросилъ въ море бочку, наполненную драгоценными вещами, сосудами серебряными, золотыми и хрустальными, блюдами и всякою другою церковною утварью. Потомъ сталъ онъ на камень, бывшїи у морскаго берега, и чудеснымъ образомъ поплылъ на немъ по волнамъ, и приплылъ въ рѣку Волховъ.

„Возстали вѣтры великіе—говоритъ житїе—и море всколебалось такъ, какъ никогда не бывало; волны восходили до камня, на которомъ стоялъ преподобный, безпрестанно творя молитвы. Но вотъ внезапно надулась одна волна, и, поднявши камень, на которомъ стоялъ Антоній, понесла его на томъ камнѣ, будто на кораблѣ. И не зная онъ во время своего странствованїа, когда почь, когда день, потому что объятъ былъ необычайнымъ свѣтомъ. Камень же все плылъ по водамъ безъ кормила и безъ кормчаго. И было его шестїе отъ Римской страны по теплomu морю, а изъ него въ рѣку Неву, а изъ Невы въ Нево озеро, изъ Нева озера вверхъ по рѣкѣ Волхову, противъ быстрии рѣчныхъ“. Наконецъ камень остановился у Волховскаго сельца. Поутру сошелся къ берегу народъ, и все удивлялись, види цвѣдомаго чловѣка, на камнѣ стоящаго. И спрашивали, кто онъ и откуда? Но онъ молчалъ, не понимая по-русски, и не смѣлъ сойти съ камня, на которомъ и пробылъ три дня и три ночи. Тогда то явился здѣсь нѣкоторый гречинъ—готѣнъ, который и вошелъ въ разговоръ съ чуднымъ незнакомцемъ, удовлетворивъ его любопытству о томъ, куда онъ такъ неожиданно попалъ. Послѣ того Антоній скоро научился славянскому языку, сблизился съ епископомъ Никитюю, по постоянно оставался на рѣкѣ, молясь день и ночь на своемъ камнѣ; однако вскорѣ, по настоянїю епископа, по-

строилъ онъ себѣ на томъ мѣстѣ деревянную церковь во имя Рождества Богоматери.

Однажды лѣтомъ, около камня преподобнаго Антонія ловцы ловили рыбу; какъ то случилось, что въ теченіе цѣлой ночи ничего они не поймали. Тогда подошолъ къ нимъ Антоній и сказалъ: „вотъ вамъ, братія, гривенный слитокъ серебра*), закиньте въ воду сѣти, и что поймаете, то да будетъ въ домъ Матери Божіей“. Рыболовы спачала было отказывались, ссылаясь на то, что во всю ночь ничего не поймали, но, по настояніямъ Антонія, согласились закинуть сѣти, и вскорѣ вытащили ихъ полны рыбы и сверхъ того бочку, сколоченную желѣзными обручами. Антоній рыбу отдалъ ловцамъ, а себѣ оставлялъ бочку, но тѣ не соглашались и, возвращая ему рыбу, говорили: „мы у тебя нанялись ловить рыбу, а бочка наша!“ Тогда Антоній предложилъ имъ идти къ судьямъ, пусть разсудятъ этотъ дѣлежъ. Приходитъ къ судьямъ. Антоній говоритъ: „Господа судіи! спросите ловцовъ, что у нихъ положено въ бочкѣ?“ Но ловцы не знали, что отвѣчать. Тогда Антоній продолжалъ: „Господа судіи! послушайте же, что я скажу вамъ. Эта бочка наша худости; влана морской глубинѣ въ Римѣ отъ нашихъ недостойныхъ рукъ, а вложены въ ней сосуды церковные, золотые, серебряные и хрустальные, блюда и другія церковныя вещи, а такъ же золото и серебро отъ имѣнія моихъ родителей; ввержено же въ море, дабы не осквернилось отъ богомерзкихъ еретиковъ: поднеси же на судахъ римскимъ языкомъ писаны суть“.

Послѣ этого объясненія, судьи отдали сокровища Антонію.

Итакъ, въ Новѣгородѣ, въ XII-мъ вѣкѣ была церковная утварь иностранной работы и даже съ латинскими надписями. Житіе Антонія Римлянина въ этомъ отношеніи служитъ объясненіемъ монументальному факту, имѣющему высокій интересъ въ исторіи образованія Новгорода—именно такъ называемымъ Корсуекиимъ вратамъ въ Софійскомъ соборѣ**), металлическимъ воротамъ, съ барельефами нѣмецкой работы XII-го вѣка и съ латинскими надписями. Неизвѣстно, когда и какъ они попали въ Новгородъ, но въ первой половинѣ XIV-го вѣка они уже въ немъ были.

*) Указаніе, любопытное для исторіи гривны.

**) См. три изданіе Корсуекиихъ вратъ Аделунга.

Въ эпоху, когда наше духовенство съ презрѣніемъ и негодованіемъ относилось ко всему римскому, житіе Антонія Римлянина законнымъ образомъ оправдывало вліяніе Запада въ церковныхъ издѣліяхъ и, такъ сказать, давало этимъ послѣднимъ право гражданства.

Таково высокой важности значеніе житія Антонія Римлянина для исторіи древнерусскаго просвѣщенія. И тѣмъ важнѣе это свидѣтельство о западныхъ церковныхъ издѣліяхъ у насъ на Руси, что самое житіе очевидно проникнуто ненавистію къ латинамъ, какъ это видно изъ самаго конца его: „И повелѣлъ архіепископъ Нифонтъ сіе житіе преподобнаго изложить и написать и въ церкви Божіи предать, на утверженіе вѣры христіанской и на спасеніе душамъ нашимъ, а римляномъ, еже отступиша отъ православныя греческія вѣры и предложишася въ латинскую вѣру, на посрамленіе и на укоризну, и на проклятіе“.

Лекція 25-я *).

Древнѣйшія преданія о водвореніи христіанской святыни въ Кіевѣ и Новѣгородѣ, нами разсмотрѣнныя, достаточно убѣждаютъ насъ въ той истинѣ, что при Ярославі и дѣтяхъ его пачатки христіанскаго просвѣщенія явственно возбуждали хотя бы и немногихъ избранныхъ людей къ новой, духовной дѣятельности.

Христіанское ученіе для вкорененія въ умахъ народа должно быть изучаемо, исповѣдуемо. Для этой цѣли необходимы книги и ученіе книжное. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, въ какомъ состояніи была христіанская грамотность на Руси со времени крещенія Владиміра Святаго (988 г.) до конца первой половины XI-го вѣка, но къ 1047 г., то есть, спустя 32 года по кончинѣ Владиміра († 1015), относится, какъ увидимъ ниже, достовѣрное свидѣтельство о древнѣйшемъ письменномъ памятникѣ на Руси, и именно въ Новѣгородѣ при князѣ Владимірѣ Ярославичѣ, соорудившемъ храмъ во имя Софій Премудрости Божіей.

Древнѣйшая русская письменность ограничивалась списками съ болгарскихъ оригиналовъ, которые были приношены на Русь въж-

*.) Время чтенія не обозначено. С. Д.

ными славянами и греками. Въ началѣ второй половины IX-го в., отъ 855 до 862 года христіанскіе первоучители славянъ болгарскихъ и моравскихъ, Константинъ, въ монашествѣ Кирилль, и братъ его Меодій составили славянскую азбуку и перевели съ греческаго на славянскій языкъ необходимѣйшія богослужебныя книги *).

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что славяне, съ давнихъ временъ жившіе въ Греціи, очень рано подчинились греческому просвѣщенію и уже за нѣсколько вѣковъ до Кирилла и Меодія перешли въ христіанство, а слѣдовательно и имѣли на своемъ родномъ языкѣ нѣкоторыя молитвы, даже, можетъ быть, церковную службу. Есть достовѣрное свидѣтельство болгарскаго монаха Храбра, ученика и современника славянскихъ просвѣтителей, жившаго и въ X-мъ в., свидѣтельство о томъ, что до изобрѣтенія грамоты славяне сначала, будучи еще язычниками, читали и гадали какими то чертами и рѣзами (въ родѣ нѣмецкихъ рунъ), а потомъ, принявъ христіанство, пользовались письменами римскими и греческими. Слѣдовательно они могли имѣть славянскія молитвы, записанныя буквами латинскими и греческими. Самое изобрѣтеніе кирилловскаго письма состояло не болѣе, какъ въ прибавленіи только нѣкоторыхъ буквъ къ греческой азбукѣ, которыхъ въ пей недоставало, а именно: **Ѣ, ж, ш, щ, ч, ц, ѡ, ѣ, ѧ, Ѩ, ѩ, Ѫ, ѫ, Ѭ, ѭ, Ѯ.**

Кромѣ свидѣтельства Храбра о письменахъ славянскихъ до Кирилла и Меодія, самый языкъ Св. Писанія, языкъ церковно-славянскій, по всеѣмъ древнѣйшимъ его памятникамъ, вполне убѣждаетъ насъ своею чистотою и ясностью въ выраженіи христіанскихъ идей, что славяне уже съ давнихъ временъ привыкли на своемъ языкѣ высказывать христіанскія понятія и убѣжденія и имѣли уже готовые чисты христіанскія выраженія, когда Кирилль и Меодій съ своими послѣдователями принялись излагать письменно христіанское ученіе на славянскомъ языкѣ.

*) Оба брата родились въ Солунѣ (Оссалоники), Кирилль въ 827 г. На 14-мъ году онъ везанъ былъ въ Царградъ и жилъ при императорскомъ дворѣ. Былъ въ посольствѣ у хазаровъ около 857 г., а въ 862 г., по вызову моравскихъ князей Ростислава, Святополка и Коцела, отправленъ былъ императоромъ Михаиломъ на проповѣдь Евангелія съ братомъ своимъ Меодиємъ, въ Моравію; въ 867 г. отправился въ Римъ и тамъ, принявъ иночество, скончался около 869 г. Меодій оставался въ славянскихъ земляхъ и скончался въ самомъ концѣ IX-го в., около 899 г.

Хотя Кирилль и Меѳодій по преданію сльвуть греками, по они также хорошо знали и греческій и славинскій, то есть, болгарскій языкъ. То же надобно сказать и о послѣдователяхъ ихъ, писателяхъ X-го вѣка въ Болгаріи при болгарскомъ царѣ Симеонѣ. Этотъ X-й вѣкъ, вѣкъ царя Симеона почитается цвѣтущею эпохою болгарской письменности *).

Кромѣ необходимыхъ богослужебныхъ книгъ, переложенныхъ на славинскій языкъ еще въ IX-мъ вѣкѣ, при Симеонѣ переводились съ греческаго различныя сочиненія не только богословскаго содержания, но и философскаго, историческаго и вообще литературнаго; потому что славинскіе переводчики были не только болгаре по языку, но столько же и греки по образованію, такъ что болгарская письменность X-го в. служить какъ бы дополненіемъ къ византійской.

Итакъ, Болгарія была источникомъ, откуда шли церковно-славинскіе оригиналы для нашихъ переписчиковъ ранняго періода Русской письменности. Судя по оставшимся отъ XI-го вѣка и первой половины XII-го памятникамъ, видимъ, что переписываемыя на Русь книги удовлетворяли только самымъ первымъ потребностямъ христіанскаго просвѣщенія. Это были, во первыхъ, книги, необходимыя для богослуженія: такъ въ концѣ XI-го в. были уже службы святымъ, расположенныя по мѣсяцамъ, или Служебныя Миссы **); въ 1056—7 было написано Евангеліе, извѣстное подъ именемъ Остромирова, расположенное по праздникамъ или недѣлямъ, начиная съ Свѣтлаго Христова Воскресенія, а къ 1143 году относится церковно-славинскій списокъ древнѣйшаго Четвероевангелія, то есть, Евангелія, расположеннаго въ порядкѣ главъ по Евангелистамъ ***). Во вторыхъ, дошли до насъ отъ XI-го вѣка въ славинскомъ переводѣ нѣкоторыя изъ книгъ Св. Писанія съ толкованіями, или толковыя книги Св. Писанія, содержація въ себѣ самый текстъ съ присоединеніемъ толкованій послѣ каждаго стиха. Такъ мы имѣемъ отъ XI-го в. Толковую Псалтырь, а по позднѣйшимъ копіямъ знаемъ, что въ 1047 г. въ Новѣгородѣ были переписаны при Владиміръ Ярославичѣ

*) Самъ царь Симеонъ составилъ выборъ изъ словъ Іоанна Златоуста, подъ названіемъ Златоустуя.

***) Въ Синодальной Типографіи въ Москвѣ. Съ помѣтою 1096 г.

***) Въ Синодальной Библиотекѣ, въ Москвѣ.

Книги Пророковъ съ толкованіями: переписывалъ какой то попъ, по прозванію Упиръ Лихой *). Толковыя книги предназначались собственно для назидательнаго чтенія: все невразумительное въ текстахъ объясняли эти книги нашимъ читателямъ, и символическимъ сопоставленіемъ Ветхаго Завета Новому много способствовали символическому настроенію умовъ.

Въ третьихъ, дошли до насъ въ рукописяхъ XI—XII-го в. слова Григорія Богослова**), житія Святыхъ и между прочимъ собраніе назидательныхъ повѣствованій, извѣстное подъ именемъ Синайскаго Патерика (XI—XII в.)***).

Сверхъ этихъ книгъ, удовлетворявшихъ первыя потребности христіанскаго просвѣщенія, до насъ дошли отъ XI-го в. два сборника разнообразнаго содержанія, оба приписываемые Святославу Ярославичу: одинъ въ листъ, 1073 г., другой въ четверку, 1076 г.****).

Вопросы о письменности мы вносимъ въ русскую литературу въ той мѣрѣ, по сколько разрѣшеніе ихъ служитъ намъ къ уясненію успѣховъ литературы и искусства въ древней Руси; потому что писцы были вмѣстѣ и миниатюристами, и переписка рукописи считалась столько же дѣломъ художественнымъ, какъ и подвигомъ благочестія. Остромирово Евангеліе 1056—1057 г. и Изборникъ Святославовъ 1073 г. украшены миниатюрами, свидѣтельствующими о томъ, что наши писцы XI-го вѣка хорошо умѣли себѣ усвоить византійскую технику.

Какъ по идеямъ эта письменность вносила къ намъ христіанское просвѣщеніе и византійскую образованность, такъ по внѣшнему выраженію она налагала на живую русскую рѣчь вліяніе болгарское.

*) Въ Императорской Публичной Библиотекѣ и въ Библиотекѣ Чудова монастыря.

**) Слова Григорія Богослова XI в. въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

***) Въ Синодальной Библиотекѣ.

****) Прежде нежели приступимъ къ описанію некоторыхъ изъ этихъ письменныхъ памятниковъ, мы должны знать, что письмо было у насъ уставное, полууставное (съ XIV в.) и скорописъ (съ XVI в.): рукописи писались на пергаментѣ (харатейный), на хлопчатой бумагѣ или бомбицинѣ (съ XIV в.) и на обыкновенной бумагѣ (съ XV в.). Уставъ переходилъ въ полууставъ и полууставъ въ скорописъ быстрее тамъ, гдѣ скорее развивалось образованіе. Потому византійская письменность уже въ X-мъ вѣкѣ предлагаетъ намъ образцы полуустава и скорописи. Само собою разумѣется, что писали уставомъ и полууставомъ и въ позднѣйшее время, когда уже стала господствовать скорописъ.

И на Западѣ, и у насъ въ Россіи, вмѣстѣ съ внесеніемъ христіанства начинается искусственная, книжная рѣчь, совершенно отличная отъ разговорной; и какъ на Западѣ въ отдаленные средніе вѣка господствовалъ языкъ латинскій, такъ у насъ нарѣчіе болгарское. Наши писцы до того рабски копировали свои болгарскіе оригиналы, что удерживали даже тѣ буквы, для которыхъ въ русскомъ языкѣ не было соответствующихъ звуковъ. Это именно юсы (ѣ, ѓ, ѡ, ѣ). Само собою разумѣется, что и для русскихъ писцовъ, и для ихъ читателей было очень много непонятнаго въ этихъ болгарскихъ книгахъ, особенно литературнаго содержанія, каковъ Изборникъ 1073 года; впрочемъ книги богослужебныя, предназначаемыя для всеобщаго уразумѣнія, гораздо ранѣе стали очищаться отъ непонятныхъ русскому человѣку болгарскихъ выраженій. Чѣмъ болѣе входила въ русскую жизнь какая нибудь книга, чѣмъ она чаще переписывалась, тѣмъ скорѣе теряла свой первоначальный болгарскій колоритъ, и тѣмъ болѣе сближалась съ формами русской, живой рѣчи.

Итакъ, мы уже знаемъ, что еще при жизни Ярослава († 1054 г.) для сына его Владиміра въ Новѣгородѣ въ 1047 г. пошъ Ушуръ Анхой переписалъ книгу Толковыхъ Пророчествъ. Черезъ два года по смерти Ярослава тамъ же была пачата переписка Евангелія дьякономъ Григоріемъ для посадника Остромира. Послѣсловіе къ этой рукописи введетъ насъ въ нѣкоторыя обстоятельства той эпохи. „Слава Тебѣ, Господи Царю Небесный—пишетъ дьяконъ Григорій—что сподобилъ меня написать это Евангеліе. Я пачалъ его писать въ лѣто 6564-е, а кончилъ въ 6565-е. Написалъ же я это Евангеліе рабу Божию, названному въ крещеніи Іосифъ, а мирски Остромиръ. Онъ родственникъ Изяславу князю, который тогда держалъ обѣ власти, и отца своего Ярослава и брата своего Владиміра; самъ же князь Изяславъ правилъ тогда столъ отца своего Ярослава въ Кіевѣ, а брата своего столъ поручилъ править въ Новѣгородѣ родственнику своему Остромиру. Многія лѣта подай Господи стѣжавшему это Евангеліе на утѣшеніе многимъ душамъ христіанскимъ. Дай ему Господь Богъ благословеніе святыхъ евангелистовъ, Іоанна, Матѳея, Луки, Марка, и святыхъ праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова, самому ему и супругѣ его Теофанѣ и чадамъ ихъ и супругамъ

чадь ихъ. Здравствуйте многія лѣта, исполняя порученное вамъ. Амнь. Я, Григорій дьяконъ, написалъ это Евангеліе. Если кто лучше этого напишетъ, да не зазритъ мнѣ грѣшному. А почалъ я писать мѣсяца октября 21 на память Иларіона, а кончилъ мѣсяца мая въ 12 на память Епифана. Молю же всеѣхъ читателей, не кляните меня, но исправляя читайте. Такъ и св. апостоль Павелъ глаголетъ: благословите, а не кляните! Амнь.“

Теперь перейдемъ на Югъ. Черезъ 16 лѣтъ послѣ того дьякъ Іоаннъ въ 1073 г. въ Кіевѣ списалъ огромный Изборникъ въ зистъ для князя Святослава Ярославича. Слѣдующую лѣтопись приводитъ онъ въ своемъ послѣсловіи: „А конецъ всемъ книгамъ. Что тебѣ не любо, того не твори и другому. Въ лѣто 6581-е написалъ Іоаннъ дьякъ Изборникъ этотъ великому князю Святославу. Великій въ князьяхъ князь Святославъ, державный владыка, желаніемъ много возжелалъ обяснить сокровенный разумъ въ глубинѣ многотрудныхъ сихъ книгъ премудраго Василія*); повелѣлъ мнѣ немудрому перемѣну сотворить рѣчи инако, соблюдая тождество разума (то есть, смысла). Какъ трудолюбивая пчела, со всякаго цвѣта писаній собравъ, будго въ одинъ сотъ, въ велемысленное сердце свое, проливаетъ онъ, будго сотъ сладокъ, изъ устъ своихъ передъ богами въ уразумленіе ихъ мыслями. И являея имъ, какъ повый Птоломей не вѣроу, но желаніемъ, и ради собранія многочисленныхъ божественныхъ книгъ, которыми и все податы свои наполнилъ, онъ сотворилъ собѣ тѣмъ вѣчную память (еже памяти вину въспрїяти?); да будетъ христолюбивой его душѣ въ возмездіе вѣнцемъ блаженныхъ и святыхъ мужей въ непреходимый вѣкъ вѣковъ.“

Сравнительно съ послѣловіемъ Остромирова Евангелія, эта лѣтопись дьяка Іоанна отличается необыкновенною напыщенностью и темнотою.

На какомъ основаніи писецъ называетъ Святослава новымъ Птоломеемъ? Гдѣ тѣ литераторы и переводчики, которые окружали его? Напротивъ того, исторически извѣстно, что игуменъ Феодосій, такъ много заботившійся о книжномъ просвѣщеніи въ своемъ монастырѣ, не любилъ Святослава, и долгое время былъ съ нимъ въ

*) Потому что статью Василія Великаго начинается самый Изборникъ: Св. Василія отъ того, еже на Еуномія о Св. Душѣ.

разладѣ. При томъ, что это за полаты князя Святослава, наполненныя книгами, какъ бібліотека ученаго человѣка? Все это возбуждаетъ сильныя педоумѣнія, которыя еще болѣе усилятся, когда бросимъ взглядъ на содержаніе самаго Сборника.

Самое заглавіе показываетъ цѣль, съ которою онъ собранъ:

„Собраніе отъ многихъ отцевъ, толкованія о невразумительныхъ словахъ въ Евангеліи и въ Апостолѣ, и въ иныхъ книгахъ, вкратцѣ сложено на память и на готовый отвѣтъ.“

Итакъ, главная цѣль Изборника — толкованіе Св. Писанія и другихъ церковныхъ книгъ, какъ бы нѣчто въ родѣ Толковыхъ книгъ. Но эта цѣль достигается самыми разнообразными средствами, какія только могла предложить ученая Византія въ IX-мъ или въ X-мъ вѣкѣ. Кромѣ различныхъ словъ Отцевъ церкви и сочиненій богословскихъ въ Изборникѣ встрѣчается много статей философскаго, риторическаго и вообще литературнаго содержанія, которыя въ переводчикѣ сборника и въ его читателяхъ заставляютъ предполагать большую начитанность человѣка, образовавшаго византійскою литературою. Таковы, напримѣръ, статьи о сущемъ, о естествѣ, о случайномъ, о количествѣ, о качествѣ; фізіологическая и символическая статьи о 12-ти драгоценныхъ камняхъ; цѣлая риторика Георгія Хѣробоска (въ подлинникѣ Хуровска) о тропахъ и фигурахъ, рядъ статей о мѣсяцахъ съ разными астрологическими замѣчаніями и примѣтами.

Чтобъ дать понятіе и о невразумительности самаго языка и философскихъ идей для древней Руси при Святославѣ Ярославичѣ, привожу философское ученіе Θεодора Пресвитера о различіи сущія и естества. „Сущіе *) есть вещь о собѣ състоящіяся, не трѣбующи иного на бытѣе, сирѣчь въ собѣ сы, а не въ иномъ бытіи нмы, аки случий. Случий же есть еже не можетъ въ собѣ быти, нъ въ иномъ имать бытѣе. . . рѣкыне тѣло и образъ, не бо есть тѣло въ образѣ, нъ образъ въ тѣлѣ, да тѣло убо есть сущіе, а образъ случий: тако же и душа и мудрость: не бо есть душа въ мудрости, нъ мудрость въ души.“

Въ примѣръ философскаго ученія привожу еще статью о количествѣ и измѣримыхъ (въ русскомъ переводѣ).

*) Правописаніе подновлено.

„Количество есть та мѣра, которою измѣряется что нибудь или считается, сколько именно подѣ числомъ или мѣрою разумѣется (то есть, измѣряемое и считаемое). Количество бываетъ двойного рода—раздѣльное и совокупное. Раздѣльное, когда можетъ быть раздѣляемо, какъ напримѣръ, 30 камней, 10 фишковыхъ: эти предметы могутъ раздѣльно другъ отъ друга считаться, если только не будутъ измѣряемы бѣльшимъ или меньшимъ количествомъ, какою нибудь мѣрою, какъ напримѣръ, пшеница. Совокупное же количество только измѣряется, какъ напримѣръ, одно дерево въ два локтя, въ три локтя“ и проч.

Изъ риторики Георгія Хѣробоска, или изъ сочиненія о творческихъ образахъ (тоже въ русскомъ переводѣ).

„Инословіе (аллегорія) одно говоритъ, а другой смыслъ указываетъ. Такъ отъ Бога речено къ змѣѣ: „проклята ты отъ всѣхъ звѣрей.“ Слово обращено къ змѣѣ, но подѣ змѣею инносказательно разумѣется дьяволъ.

„Переводъ (метафора) есть слово отъ одного на другое переводимое. Переводъ бываетъ четырехъ видовъ: или отъ одушевленнаго къ неодушевленному переводится, или отъ неодушевленнаго къ одушевленному; или отъ одушевленнаго къ одушевленному, какъ напримѣръ, кто цари назоветъ пастухомъ людей (Гомерическое выраженіе пастухъ народовъ): ибо пастухъ собственно овчій; но оба и цесарь и пастырь предметы одушевленные *). Отъ неодушевленнаго къ неодушевленному, какъ напримѣръ, кто нибудь скрывши уголь въ щель, скажетъ: скрываетъ огненное сѣмя; или скажетъ: большое пламя изливается изъ дерева; потому что изливаться можетъ только что нибудь текучее. Отъ одушевленнаго къ бездушному, напр., когда кто вершину горы назоветъ главою горы, потому что голова собственно принадлежитъ предметамъ одушевленнымъ. Отъ неодушевленнаго къ одушевленному, какъ сказано: море видѣло и бѣжало: видѣть говоритъ только объ одушевленныхъ“ **).

До какой степени все это было чуждо интересамъ древне-русской жизни и совершенно непонятно нашимъ предкамъ, можно ви-

*) Слич: цесарство=царство, сокращенно изъ цьсарьство.

**) Это послѣднее объяснено не вѣрно.

дѣтъ изъ многихъ риторическихъ терминовъ, отличающихся необычайнымъ варваризмомъ. Напримѣръ въименимѣтельство (автономазія), отъименіе (метонимія), свратословіе или округлословіе (перифразисъ) и т. п.

И неужели все это переводилъ какой то дьякъ Іоаннъ для Святослава въ Кіевѣ? Іоаннъ ясно говоритъ, что онъ не только переписывалъ, но и перелагалъ. Всѣ эти недоразумѣнія разрѣшаются очень просто однимъ позднѣйшимъ спискомъ этого самаго Сборника (1446 г., въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ). Въ послѣсловіи къ этому списку вмѣсто В. К. Святослава, стоитъ Царь Симеонъ: „великій въ царяхъ Симеонъ желашемъ зѣло возжелать“ и проч. Итакъ, Изборникъ, приписываемый Святославу, есть не что иное, какъ греческій сборникъ, переведенный для Болгарскаго царя Симеона, который самъ былъ писателемъ и по любви къ книжному просвѣщенію могъ быть названъ повѣмъ Птоломеемъ.

Впрочемъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что этотъ сборникъ, съ болгарскаго оригинала, былъ переписанъ уже въ Россіи, и именно въ Южной Россіи, въ Кіевѣ; потому что въ правописаніи не только ежеминутно встрѣчаются ошибки противъ болгарскаго нарѣчія (напр., въ употребленіи юсовъ), но и попадаются чисто русскія формы, напр. ѣжъ (вм. лждь), порося (вм. прася), полонъ (вм. плѣнъ), а также чисто южно-русскія формы, напр. 3-е лицо настоящаго и будущаго времени единств. и множ. числа безъ *тъ* напр. може, буде, чаю, вмѣсто можетъ, будетъ, чають.

Итакъ, Изборникъ Святославовъ служитъ намъ свидѣтельствомъ самой тѣсной связи древне-русской письменности съ болгарской.

Не для обмана, а изъ усердія писецъ замѣнилъ имя Симеона Святославомъ, для котораго онъ работалъ, и сверхъ того приложилъ миниатюру съ изображеніемъ В. К. Святослава съ супругою и дѣтьми. Надъ ними написаны самыя имена: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ, Ярославъ, Княгиня *), Святославъ. А повыше надъ именами: „Желанія сердца моего, Господи, не презри, но пріими насъ всѣхъ и помилуй насъ.“

*) По древнему: вѣпѣгѣнѣи.

ЛЕКЦІЯ 26-я.

Читана 12-го марта 1860 года.

Только тѣ памятники литературы имѣютъ для насъ особенный интересъ, которые кромѣ своего временнаго значенія, опредѣляемаго эпохою ихъ происхожденія, имѣютъ въ жизни народной и значеніе непреходящее, многовѣковое. Если многія статьи Изборника Святослава 1073 г. были невразумительны не только читателямъ русскимъ XI-го в., но и самому писцу, то есть въ немъ и такія статьи, которыя въ теченіе вѣковъ предлагали нашимъ предкамъ наставительное чтеніе, и были переписываемы въ подновленномъ видѣ въ XVI, XVII и даже въ XVIII вѣкѣ. Не говоря о назидательныхъ словахъ Отцевъ церкви, которыми этотъ Сборникъ наполненъ, и которыя всегда составляли любимое чтеніе древней Руси, обращаю вниманіе на сочиненія свѣтскаго содержанія, каковы напримѣръ: 1, Епифанія Кипрскаго († 403) о 12-ти камняхъ, которые были насажены на наперсномъ украшеніи ризъ ветхозавѣтныхъ первосвященниковъ, и 2, Медицинское ученіе о 12-ти мѣсяцахъ съ паставленіями, что когда ѣсть и пить, и отъ чего остерегаться.

Сочиненіе о 12-ти камняхъ есть не что иное, какъ любопытный образецъ наивныхъ свѣдѣній о природѣ, господствовавшихъ въ отдаленные средніе вѣка. Такъ какъ всѣ идеи и поэтическія, и философскія сосредоточивались тогда, какъ къ центру, къ воззрѣніямъ религіознымъ, то и это ученіе о камняхъ было присовокуплено къ описанію логія или логіона, то есть, наперснаго украшения святительской ризы *). Но эта статья имѣла для нашихъ предковъ особенный интересъ по наивному описанію чудесныхъ свойствъ и цѣлительной силы камней. Потому она читалась съ большимъ удовольствіемъ и питала въ нашихъ предкахъ странныя, суевѣрныя понятія о природѣ.

Въ русской энциклопедіи, извѣстной подъ именемъ Азбуковника, особенно распространенной на Руси въ XVII вѣкѣ, мы находимъ это сочиненіе о камняхъ, съ немногими только подновленіями въ языкѣ противъ текста Изборника Святослава 1073 г.

*) Смотри изображеніе Ларопа въ Макарьевской Четвъ-Миней, мѣсяць августъ, по списку Успенскаго собора, 1542 г., № 997, въ Синод. Библіотекѣ, л. 1232 обор. и 1234 обор. (въ сочиненіи Козмы Индикоплова).

Для примѣра привожу нѣсколько выдержекъ изъ Азбуковника въ древне-русскомъ подлинникѣ*).

1. Сардоликъ. Камень вавилонскій, красенъ, аки кровь. Обрѣтается въ Вавилонѣ на земли ко Ассириемъ. Прозраченъ. Имать же силу цѣлители отоки (опухоли) и язвы отъ желѣза бываемыя.

4. Апѣраксъ (карбункулъ) камень, иже инде халцедонъ наричеться. Зѣло червленъ образомъ блещая. Обрѣтается въ Халкидонѣ Ливійстемъ, иже наречетъ Аффрикя. Ноцію обрѣтають его, аки свѣща свѣтищся, пли аки югль (т. е. угль) искрами меща. И по свѣту его шедше обрѣтають ѣ (т. е. его). Носимъ же кацѣми (т. е. какими пибудь) обвить ризами, блескъ его виѣ ризъ сияеть.

Примѣчаніе. Это описаніе напоминаетъ намъ наивную подробность въ пѣснѣ о Дюкѣ Степановичѣ о томъ, какъ у его стрѣлокъ въ ушахъ было вставлено по тирону, по камню самоцвѣтному; потому, когда онъ стрѣляетъ:

Какъ днемъ то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горять,
Свѣчи теплются воску яраго.

(Древнія Стихотворенія, стр. 25).

Точно такъ же распространена была на Руси и такъ же національна и другая изъ упомянутыхъ статей въ Изборникѣ 1073 г., именно о 12-ти мѣсяцахъ.

Древне-русскіе Лѣчебники, кромѣ медицинскихъ пособій, предлагали нашимъ предкамъ разнообразное энциклопедическое чтеніе, обнимавшее свѣдѣнія астрологическія, метеорологическія и многія другія, съ присовокупленіемъ множества примѣтъ и суевѣрій. Между прочимъ встрѣчается въ нихъ и статья о мѣсяцахъ, та же самая, что и въ Изборникѣ 1073 г., съ нѣкоторыми только подновленіями въ языкѣ.

По рукописному лѣчебнику XVIII в. она приписывается самому Монсею и содержитъ въ себѣ слѣдующее:

Мѣсяца Генваря. На тце сердце три похищенія вина испивай (Изб.: Пій вина цѣла мало).

*) По рукописи XVII в. въ моей бібліотекѣ.

Мѣсяца Феврала. Свеклы не яжь *).

Мѣсяца Марга. Сладко яжьд и пей.

Мѣсяца Апрѣля. Рѣдкови не яжь (рѣпы не ѣжь).

Мѣсяца Мая. Маса не яжь.

Мѣсяца Іюня. Воды на тще сердце испивай мало. . . .

Мѣсяца Августа. . . . Сладкаго ничего не яжь.

Мѣсяца Сентября. Прѣсное молоко пей на тще сердце.

Мѣсяца Октябрю. (не *понятно*).

Мѣсяца Ноября. Не мойся.

Мѣсяца Декабрю. Капусты не яжь.

Немногіе дошедшіе до насъ письменные памятники отъ XI-го в. и древнѣйшія христіанскія преданія свидѣтельствуютъ намъ, что христіанское просвѣщеніе вмѣстѣ съ книжнымъ ученіемъ стало развиваться у насъ подѣ вліяніемъ княжеской власти. Успленіе вняжеской власти при Ярославѣ и его дѣтихъ и сосредоточеніе христіанской образованности въ немногихъ центрахъ, подѣ покровительствомъ князей—дало новое направленіе нашей литературѣ въ XI-мъ и XII-мъ вѣкахъ.

Великія историческія событія, вызвавшія Поляпъ, Сѣверяпъ, Древляпъ изъ ихъ безразличнаго, сплошнаго существованія, отразились въ народной словесности, во первыхъ, паденіемъ древняго мнѣологическаго эпоса, и во вторыхъ, началомъ новаго на Руси рода поэзіи, именно поэзіи исторической, дѣйствующими лицами которой являются лица историческія, и по преимуществу князья, заступившіе мѣсто боговъ и полубоговъ древнѣйшаго мнѣологическаго эпоса. Такимъ образомъ составилаь поэзія княжеская. Она имѣла даже своихъ представителей между пѣвцами. Такимъ княжимъ пѣвцомъ былъ Боянъ, о которомъ драгоцѣнныя извѣстія находимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Этотъ поэтъ воспѣвалъ Стараго Ярослава, Храбраго Мстислава, который зарѣзалъ Редю передъ полками Касожскими, Святослава Ярославича, сына его Олега Святославича и князя

*) Любопытно въ Изборникѣ Святослава слово сеукль, вмѣсто свекла, отъ греческаго сеутлон. Изъ Греціи шли къ намъ овощи, а вмѣстѣ и самыя названія ихъ.

Полоцкаго Всеслава Брячиславича **). Мы не знаемъ, что пѣлъ Боянъ объ Ярославѣ, но касательно Мстислава Слово о полку Игоревѣ ясно говоритъ, что Боянъ воспѣлъ извѣстное его единоборство съ Касожскимъ великаномъ Редедю. Объ Олегѣ Святославичѣ онъ говоритъ: „Тогда при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и росли усобицами, погибала жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣчскій сокращался.“ Но особенно въ пѣсняхъ о Всеславѣ Полоцкомъ Боянъ умѣлъ искусно слить въ одно художественное цѣлое элементъ историческій съ мнѣнческимъ. Всеславъ у Бояна не только лицо историческое, не только князь Полоцкій, который „скочилъ къ граду Кіеву, и доткнулся копьемъ золотаго стола Кіевскаго,“ но и вѣщій оборотень, который „людямъ судилъ, князьямъ грады рядилъ, а самъ въ ночь волкомъ рыскалъ до Тмутороканя, великому богу Хорсу волкомъ путь перебѣгалъ.“ По свидѣтельству Бояна Всеславъ былъ очень быстръ и чутокъ: „рано въ Полоцкѣ позвонили ему къ заутрени у Св. Софїи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ.“ Впрочемъ не смотря на вѣщую силу оборотня, которую Боянъ приписывалъ Всеславу, все же, по словамъ пѣвца, много бѣдъ претерпѣлъ этотъ князь: „хоть вѣщія душа и переходила въ чужое тѣло, но все же часто бѣды страдала,“—наконецъ Боянъ даже сложилъ припѣвку о Всеславѣ: „ни хитрому, ни гораздому (ни птицю горазду?) суда Божїи не миновать.“ Сверхъ того, въ Словѣ о полку Игоревѣ, кажется Боянъ же называется пѣснотворцемъ Святославовымъ. Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что на Руси въ XI-мъ вѣкѣ и въ началѣ XII-го былъ княжій пѣвецъ, и вѣроятно не одинъ. Пѣвцы эти слагали историческія пѣсни о князьяхъ, соединяя въ одно цѣлое древнія мѣологическія преданія съ былинными своего времени, или съ историческими разсказами.

Это была поэзія высшихъ слоевъ болѣе просвѣщеннаго южнаго края древней Руси, именно Кіевской Руси, Черниговской и Переяславской. Но какъ теперь, рядомъ съ литературою такъ называемаго образованнаго общества живетъ въ грамотномъ простонародѣ и древняя старопечатная и рукописная литература, а въ народѣ—безъискусственная поэзія: такъ и въ эпоху нами изучаемую еще шире и многозначительнѣе распространялся первобытный пародійный

*) Мстиславъ † 1033, Ярославъ † 1054, Святославъ † 1076, Всеславъ † 1101, Олегъ † 1115 году.

эпосъ въ необозримыхъ захоlustьяхъ, куда не успѣли еще проникнуть новыя образовательныя, историческія начала. Такъ, въ то время, когда на Югѣ уже процвѣтала историческая поэзія, когда уже явились первые начатки христіанской письменности и въ Кіевѣ, и въ Новѣгородѣ,—по Волхову, по Волгѣ, на Бѣлѣозерѣ еще господствовала мнѣическая старина во всемъ ея обаяніи. Противъ нея дѣйствовали совокупными силами оба новыя, историческія начала, давшія новую жизнь древней Руси, то есть, духовенство и князья; духовенство—по своимъ прямымъ обязанностямъ, водворяя христіанство, искореняя язычество;—князья и дружина—какъ представители новыхъ идей христіанскаго образованія и государственнаго порядка.

Нѣкоторыя подробности въ лѣтописи Нестора о противодѣйствіяхъ древняго язычества христіанскому просвѣщенію и вмѣстѣ княжеской власти даютъ намъ разумѣть, какъ еще сильно было въ бытѣ народномъ значеніе древняго мифологическаго эпоса. Только въ связи съ самыми задушевными поэтическими убѣжденіями можетъ быть для насъ понятно то магическое дѣйствіе, какое волхвы и кудесники оказывали на народъ. При князѣ Глѣбѣ въ Новѣгородѣ возсталъ нѣкоторый волхвъ, называвшій себя богомъ и увѣрявшій, что онъ все знаетъ (то есть, вѣщій), и что перейдетъ по рѣкѣ Волхову передъ всѣми: „и былъ мятежъ въ городѣ“—говоритъ лѣтописецъ (подъ 1071 г.),—и всѣ повѣрили волхву и хотѣли погубить епископа. Тогда епископъ, облекшись въ ризы, взялъ крестъ и, ставъ передъ толпами народа, сказалъ: „Кто вѣритъ волхву, пусть идетъ за нимъ; а кто вѣруетъ въ этотъ крестъ, пусть идетъ за крестомъ“,—и каково-же было совершенное отсутствіе христіанскаго просвѣщенія въ народѣ, что когда толпы раздѣлились на двое, то только князь Глѣбъ и его дружина стали на сторонѣ Епископа, а всѣ прочіе люди пошли за волхвомъ!*). Итакъ, князь и дружина—вотъ та новая въ народѣ сила, которая шла наперекоръ преданіямъ древняго мифологическаго эпоса.

Подобное же возстаніе языческой старины въ пользу волхвовъ въ то же время было въ Ростовской землѣ. Два волхва отъ Ярославля шли по Волгѣ къ Бѣлуозеру и во время голода морочили народъ и возстановляли его противъ Яна, княжескаго сборщика подати.

*) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, ч. I, стр. 77.

Духовенство, проникнутое негодованіемъ къ темному язычеству, рано стало обличать русскій народъ въ двоевѣріи, или полухристіанствѣ. Эти обличенія слышатся въ XI, XII, XIII-мъ вѣкахъ и убѣждаютъ насъ, что въ теченіе всѣхъ этихъ вѣковъ грубое двоевѣріе не переставало господствовать на Руси, особенно по украинамъ, то есть, по отдаленнымъ отъ центровъ просвѣщенія концамъ.

По обличеніямъ въ язычествѣ особенно замѣчательно Слово нѣкотораго христіянина и ревнителя по правой вѣрѣ. Оно встрѣчается въ рукописяхъ XIV-го вѣка, но относится къ древнѣйшей эпохѣ. Этотъ русскій христіянинъ не могъ терпѣть христіанъ, двоевѣрно живущихъ, т. е., тѣхъ, которые, принявъ христіанскую вѣру, вѣруютъ въ Перуна, въ Хорса, въ вилъ и проч., называя ихъ богами и богинями. Эти двоевѣрные—какъ сказано въ Словѣ—приносятъ имъ жертвы, и короваи имъ ломаютъ, и курь имъ рѣжутъ; и огню молятся, называя его Сварожичемъ; смѣшиваютъ чистыя молитвы съ языческимъ моленіемъ, и ставятъ трапезы кутейныя Роду и Рожаницамъ. И все это творятъ—присовокупляетъ христіянолюбецъ—не только невѣжды, но и люди знающіе, попы и книжники, а если и не творятъ, то пьютъ и ѣдятъ моленыя, языческія тѣ жертвы, или по крайней мѣрѣ видятъ тѣ злыя дѣла, или слышатъ о нихъ и не хотятъ ихъ обличить. Потому—заключаетъ христіянолюбецъ—не подобаетъ христіанамъ игоръ бѣсовскихъ играть, каковы пляска, гудьба (т. е. музыка), пѣсни бѣсовскія, жертва идольская и проч.

И именно изъ этой то темной массы, суевѣрно чествовавшей языческую старину, выдвинулось впередъ съ своими историческими пѣснями новое поколѣніе княжихъ пѣвцовъ, во главѣ которыхъ преданіе называетъ Бояна.

Древне-русская историческая поэзія состоитъ въ связи уже съ лѣтописью. И та, и другая возникли и развились въ Южной Руси. Боянъ и Несторъ (1056—1111 или даже до 1114) вышли уже изъ новаго направленія княжеской дружины. Какъ Боянъ воспѣвалъ князей и назывался княжимъ пѣвцомъ, какъ бы входилъ самъ въ составъ княжеской дружины: такъ и Несторъ повѣствовалъ о князьяхъ по рассказамъ витязей, сопутствовавшихъ князьямъ въ ихъ дружинѣ. Въ самомъ началѣ своей лѣтописи лѣтописецъ уже выражаетъ свою политическую тенденцію—онъ взялся за перо, для того, чтобъ

объяснить всё и каждому—откуда пошла Русская земля и кто первый стал княжить на Руси. Итакъ, уже первый лѣтописецъ шагъ въ пользу князей власти отказывается отъ интересовъ чисто народныхъ. Опъ не болѣе какъ монахъ, преданный князю и его дружинѣ.

Соединяя интересы народные и литературные, Боянъ былъ достойнымъ современникомъ Нестору, и если самъ опъ заимствовалъ въ свои пѣсни изъ историческихъ рассказовъ, то, безъ сомнѣнія, могъ и передавать лѣтописцу въ звучныхъ пѣсняхъ преданія Русской старины. И лѣтописецъ и поэтъ смотрѣли на мѣръ уже одинаковыми глазами, оба обрабатывали одно и тоже содержаніе, и волею или неволею сходились на однихъ и тѣхъ же предметахъ, какъ на примѣръ, на прославленіи храбраго Мстислава, „иже зарѣза Редедю предъ плъкы Касожьскими“ (какъ сказано въ Словѣ о полку Игоревѣ).

На повомъ, болѣе развитомъ поприщѣ образованности возникли новыя нравственно религіозныя и художественныя типы добра и зла. Внесеніе въ Русь христіанства приплылыми чужеземными Варягами засвидѣтельствовано было въ лѣтописи Нестора древнѣйшимъ христіанскимъ преданіемъ о первыхъ мученикахъ на Руси, именно изъ Варяговъ. Хотя эти мученики (Теодоръ и Іоаннъ) не были княжескаго рода, все же принадлежали къ князей дружинѣ. Но съ принятіемъ христіанства всею Русью, фантазія народная скорѣе встрѣтила для себя христіанскіе идеалы уже въ избранныхъ, передовыхъ людяхъ повопросвѣщенной Руси. И что особенно замѣчательно, раньше всего въ нашей христіанской литературѣ были возсозданы свѣтлые образы Бориса и Глѣба, именно христіанскіе идеалы князей, въ противоположность мрачной тѣни тоже князя, по учителя христіанъ, Святополка Окаяннаго.

Благочестивые князья, пострадавшіе за братолюбіе († 1015), были надѣлены удѣлами, въ которыхъ неодинаково принималось и распространялось христіанство. Борисъ былъ въ Ростовѣ, который, какъ мы видѣли, въ XI в. еще питалъ большое сочувствіе къ язычеству, однако скорѣе, подъ вліяніемъ Кіева, сталъ сосредоточіемъ христіанской святыни на Сѣверо-Востокѣ; между тѣмъ какъ Глѣбъ княжилъ въ Муромѣ надъ язычниками и ничего еще не успѣлъ пред-

принять для обращенія ихъ въ христіанство: такъ что еще въ концѣ XII вѣка изыческій Муромъ противостоялъ обращенію въ христіанство, предпринятому княземъ Константиномъ Святославичемъ вмѣстѣ съ сыновьями его, Михаиломъ и Ѳеодоромъ.

Сторону Бориса и Глѣба приняла Сѣверо-Западная Русь въ лицѣ повгородскаго Ярослава, и именно при помощи Варяговъ. Между тѣмъ Святополкъ оскорбилъ православное духовенство тѣмъ, что ввелъ въ Кіевъ Поляковъ съ Болеславомъ. Въ чистыхъ идеалахъ Бориса и Глѣба еще не изгладились черты варяжскихъ витязей; за нихъ еще крѣпко стоятъ и бьются заморскіе Варяги съ Кіевлянами и Ляхами; между тѣмъ какъ Святополкъ—врагъ православію и варяжской дружигѣ—заклейменъ имепемъ Окаяннаго. Онъ и умеръ гдѣ-то въ странѣ Ляпской, между Чехи и Ляхи (какъ говоритъ лѣтописное преданіе).

Таковы историческія и литературныя данныя, на которыхъ составилось религіозное преданіе о Борисѣ и Глѣбѣ, безъ сомнѣнія вслѣдствіе того торжественнаго перенесенія ихъ мощей, которое въ 1072 г. было совершено братьями князьями Ярославичами. Самъ Осодосій Печерскій участвовалъ въ этомъ торжествѣ. Около того времени отличался своимъ благочестіемъ въ Печерскомъ монастырѣ монахъ Іаковъ, чловѣкъ образованный и писатель, составившій похвалу князю Владиміру Святому. Вѣроятно вскорѣ послѣ торжества въ честь Бориса и Глѣба, т. е., послѣ 1072 г., онъ написалъ и житіе Бориса и Глѣба. Кромѣ того это же житіе обработывалъ и Несторъ и внесъ его съ большими подробностями въ свою лѣтопись. Ясно, что это было одно изъ важнѣйшихъ не только религіозно-нравственныхъ, но и особенно политическихъ явленій тогдашней жизни, и оно явственно отразилось въ литературѣ XI вѣка. И тѣмъ пріятнѣе было Нестору излагать это благочестивое житіе, что героемъ—мстителемъ за правое и святое дѣло является князь Ярославъ, который такъ много покровительствовалъ духовенству и ученію книжному.

Главная идея повѣствованій Іакова и Нестора о Борисѣ и Глѣбѣ—братолюбіе. Хотя благочестивые монахи—лѣтописцы постоянно впускаютъ своимъ современникамъ въ эпоху междоусобій мысль о братолюбіи, однако не падобно думать, чтобъ идея о бра-

толюбіи была идея исключительно христiанская: потому мы встрѣчаемъ ее и въ сказанiяхъ скандинавской Эдды, напр. въ повѣствованiи о смерти чистаго Бальдура и въ видѣнiи вѣщей Вальи, которая предсказываетъ волчiй вѣкъ, когда братья будутъ убивать другъ друга. Христiанство проповѣдуетъ вообще любовь къ ближнему, любовь ко всему человѣчеству; напротивъ того съ идеею братолюбіи соединяется болѣе тѣсное и ограниченное понятiе о семейныхъ и родовыхъ отношенiяхъ. Это есть добродѣтель, особенно чтимая при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ, и именно въ эпоху, когда господствовали раздоры между братьями. Впрочемъ, Іаковъ и Несторъ въ своихъ повѣствованiяхъ о Борисѣ и Глѣбѣ этому тѣсному, семейному чувству братолюбія умѣли придать высоко-христiанское значенiе, изобразивъ этихъ князей кроткими и незлобивыми даже къ своимъ врагамъ и мучителямъ. Здѣсь уже чувство братолюбія возвышается христiанскимъ, человѣколюбивымъ прощенiемъ своему врагу.

Л Е К Ц І Я 27-я.

Читана 15-го марта 1860 года.

Особеннаго нашего вниманiя заслуживаютъ, въ литературномъ отношенiи, тѣ сказанiя и христiанскiя легенды, которыя глубоко вошли въ жизнь всего народа. Какъ бы ни былъ любопытенъ самъ по себѣ какой нибудь письменный памятникъ древне-русскаго, онъ имѣетъ для насъ второстепенное значенiе, если не имѣетъ примаго отношенiя къ понятiямъ и убѣжденiямъ всего народа.

Высокое литературное значенiе сказанiя о Борисѣ и Глѣбѣ опредѣляется именно тѣмъ влiянiемъ, какое это сказанiе произвело на фантазiю народную. Въ народѣ въ теченiе вѣковъ жили и доселѣ живутъ поэтическiя преданья объ этихъ князьяхъ, и притомъ преданья двоякаго рода. Одни отличаются даже мифологическою основою и запечатлѣны мѣстнымъ характеромъ въ извѣстномъ уже намъ сказанiи о Троиновомъ или Зміевомъ валѣ. Какъ благотворители первобытной Руси, Борисъ и Глѣбъ вуютъ первый плугъ и проводятъ первую борозду на Русской почвѣ.

Если въ этихъ полуязыческихъ, двоевѣрныхъ преданьяхъ народная фантазiя придастъ еще древнiя мифологическiя формы новымъ

историческимъ личностямъ, то въ преданіяхъ другаго рода, именно въ духовныхъ стихахъ—она уже слѣдуетъ сказаніямъ лѣтописи и житія святыхъ князей. По этимъ стихамъ доселѣ въ устахъ народа сохранилась память о Князѣ Владимірѣ и его 12-ти сыновьяхъ, изъ которыхъ онъ особенно любилъ Святослава, Глѣба и Бориса. Стихъ поетъ о томъ, какъ Князь Владиміръ дѣлилъ города (т. е., удѣлы) на три части, какъ Кіевъ и Черпиговъ составляли особенные удѣлы; какъ Святой Полкъ (т. е., Свитополкъ) писалъ листы къ своимъ братьямъ:

А вы братья, вы и меньшіе!
Выѣзжайте во чистое поле,
Во чистое поле пиръ пировать,
Пиръ пировать—отца поминать.

Какъ потомъ меньшіе братья—
Берутъ письмо, сильно плачутъ,
Добрыхъ коней сѣдлаючи,
Въ чистое поле выѣзжаючи,
Бѣлы патры раскидаючи, и проч.

Прекраснымъ народнымъ сказаньемъ о Борисѣ и Глѣбѣ открывается цѣлый рядъ такихъ же исполненныхъ жизни сказаній, возникшихъ на новой исторической почвѣ. Мы будемъ продолжать о мѣстныхъ южно-русскихъ сказаніяхъ.

Литературно были они обработаны, отъ конца XI-го до начала XIII-го вѣка, кіевопечерскими монахами—Несторомъ, Поликарпомъ и Симономъ, бывшимъ потомъ епископомъ Владиміра и Суздаля. Сказанія этихъ трехъ писателей составили впослѣдствіи цѣлый сборникъ, извѣстный подъ именемъ Патерика Печерскаго.

Сказанія Кіевскаго Патерика вводятъ насъ во внутренней бытъ образующейся Руси XI-го и XII-го в., во всѣ главные интересы эпохи. Такъ какъ христіанское просвѣщеніе было принадлежностью избранныхъ, передовыхъ людей того отдаленнаго времени, то первое, что обращаетъ на себя наше вниманіе, будетъ отношеніе водворяющейся въ Кіевѣ христіанской святости и усиливающейся власти духовенства къ власти свѣтской, къ князьямъ и боярамъ. Если въ самомъ началѣ интересы духовенства и князей могли совпадать въ

борьбѣ съ языческою Русью, то впоследствии и даже очень скоро—особенно тамъ, гдѣ не нужно было дѣйствовать общими силами противъ общаго ихъ врага, язычества—обѣ эти силы, церковная или монашеская, и свѣтская или княжеская и боярская, могли раздѣляться на два враждебные стана.

Такимъ образомъ, въ высшей степени важно, и для литературы, и для изученія быта, прослѣдить отношенія князей XI-го и XII-го в. къ благочестивымъ дѣятелямъ Кіевопечерскаго монастыря, какъ эти отношенія изображены въ литературной формѣ Кіевского Патерика.

Разсматривая сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ и о чудесномъ сооруженіи Кіевопечерской церкви во имя Успенія Богоматери, мы уже видѣли, что сказанія эти вполне соответствуютъ интересамъ извѣстныхъ княжескихъ личностей. Какъ сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, кромѣ своего собственнаго высокаго значенія, было направлено къ прославленію храбраго христоролюбиваго князя Ярослава, такъ сказаніе о Кіевопечерскомъ храмѣ носитъ на себѣ явственныя слѣды вліянія Всеволодова рода и Мономаховичей.

Любовь къ чтенію книжному и покровительство духовенству—вотъ главныя причины симпатіи, которою писатели древней Руси и въ особенности составители житій и легендъ связываются съ князьями и боярами. Симпатія писателей къ Всеволодову роду-племени очень много объясняется книжнымъ ученіемъ, которое процвѣтало въ этомъ родѣ. Владиміръ Мономахъ, самъ знаменитый авторъ Поученія дѣтямъ, свидѣтельствуетъ о любознательности и книжномъ просвѣщеніи своего отца Всеволода: „Отецъ мой, сидя дома, зналъ пять языковъ“,—говоритъ онъ своимъ дѣтямъ, внушая имъ любовь къ трудамъ и къ ученію книжному.

Конечно, не всѣ князья той эпохи относились къ вопросамъ благочестія такъ же симпатично, какъ Владиміръ Мономахъ, и его просвѣщенная дѣятельность будетъ для насъ еще яснѣе, когда по сказаніямъ Кіевского Патерика обратимъ вниманіе на враждебныя покушенія другихъ князей противъ монашества и аскетической дѣятельности, усиливавшейся въ Кіевопечерскомъ монастырѣ.

Такъ какъ лѣтописцами и составителями церковныхъ и монастырскихъ сказаній были монахи или вообще люди грамотные, монашеству преданныя, то, само собою разумѣется, всякая вражда къ

духовному чину—въ глазахъ лѣтописца или писателя житій—набрасывала тѣнь на историческую личность, хотя бы и замѣчательную по своей свѣтской дѣятельности. Лѣтописецъ естественно ставился къ такой личности пристрастенъ, чувствовалъ къ ней антипатію.

Такимъ образомъ, уже древнѣйшія сказанія, переданныя намъ въ Кіевопечерскомъ Патерикѣ, раскрываютъ передъ нами много тайныхъ нитей въ этой любопытной тяжбѣ свѣтской власти съ духовною.

Только что полагались первыя основы Кіевопечерской свитыни, тотчасъ же начинаются враждебныя столкновенія отшельниковъ съ Кіевскимъ княземъ, который въ сосѣдствѣ этой новой силы видѣлъ противодѣйствіе своей свободной дѣятельности. Какъ скоро около преподобнаго Антонія стали собираться его благочестивые послѣдователи, тотчасъ же были привлечены въ это избранное общество нѣкоторые изъ лицъ, приближенныхъ къ князю Изяславу, и именно нѣкто Варлаамъ, сынъ боярина Іоанна, и княжій отрокъ Ефремъ Евнухъ. Монахи приняли обоихъ въ свое братство и постригли ихъ *). Отецъ же Варлаама, бояринъ Іоаннъ, узнавъ, что сынъ его уже постриженъ Никономъ, очень разгнѣвался на преподобныхъ и, взявъ многихъ отроковъ своихъ, пошелъ на святое то стадо въ пещерѣ, идѣже всѣхъ разгна, а сына своего Варлаама взялъ изъ монастыря и, сбросивъ съ него монашескую мантию, велѣлъ его одѣть въ свѣтское платье **). Князь Изяславъ за постриженіе Варлаама и Ефрема также сильно разгнѣвался на мошаховъ и, велѣвъ привести передъ себя Никона, который обыкновенно постригалъ въ монахи при Антоніи, съ гнѣвомъ взглянулъ на приведеннаго и сказалъ ему: „ты ли постригъ боярина и евнуха безъ моего позволенія?“ Никонъ мужественно отвѣчалъ: „Благодатію Божіею я постригъ ихъ по повелѣнію Небеснаго Царя Іисуса Христа, призваннаго ихъ на таковой подвигъ!“ Тогда князь, разъярившись, возразилъ: „или увѣщевай ихъ воротиться домой, или я сошлю тебя въ заточеніе и всѣхъ твоихъ товарищей, и пещеру вашу раскопаети повелю“. Монахи такъ были напуганы этою грозою, что вмѣстѣ съ

*) Печерск. Патерикъ 1678 г., л. 132.

***) Тамъ же, листъ 126.

Антоніємъ выпли было изъ пещеры и хотѣли спастись отъ княжаго гнѣва въ другой области. Только по ходатайству своей супруги Изяславъ смягчился.

Когда кіевляне, враждуя своему князю Изяславу, выпустили изъ заточенія Всеслава Полоцкаго и посадили его на Кіевскій престолъ, тогда Изяславъ, какъ извѣстно, бѣжалъ къ Болеславу Смѣлому въ Польшу, и, воротившись уже съ нимъ, прогналъ Всеслава. При этомъ случаѣ легенда присовокупляетъ: „Тогда Изяславъ, въ Кіевъ вошедъ, начатъ на преподобнаго Антонія гнѣватися зѣло, діаволу наустившу. Нѣкто бо предъ Изяславомъ биеше оклеветалъ аки бы Антоній Всеслава любилъ, и совѣтовалъ ему: тѣмъ же и всему тому смятенію, аки бы виновенъ былъ“ *).

Какъ бы то ни было, но Антоній долженъ былъ спастись отъ мщенія Изяслава, и, войдя въ сношенія съ Святославомъ Черниговскимъ, онъ получилъ отъ него защиту; тайно ночью скрылся изъ пещеръ и бѣжалъ въ Черниговъ. Потомъ недалеко отъ этого города выкопалъ себѣ пещеру въ горѣ Болдыни, гдѣ впоследствии созданъ былъ монастырь (въ самомъ Черниговѣ),—Елецкій Успенскій монастырь, названный по ели, на которой явилась икона Богородицы.

Позднѣ примиреніе Изяслава съ Антоніємъ и возвращеніе послѣдняго въ Кіевскую область, равно какъ и милости этого князя Варлааму, сдѣлавшемуся потомъ игуменомъ, нисколько не смягчаютъ предшествовавшихъ фактовъ, переданныхъ въ Патерикѣ.

Когда составлялось преданіе объ Антоніи, очевидно, Изяславъ не пользовался симпатією между монахами, и, какъ кажется, потому преимущественно, что, преслѣдуя отшельниковъ печерскихъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ держался стороны польской, былъ женатъ на полькѣ и приводилъ въ Кіевъ Болеслава съ ляхами.

Сказаніе даже сравниваетъ Изяслава съ Болеславомъ Храбрымъ. Тотъ и другой преслѣдовали и изгоняли монаховъ. Сама супруга Изяслава намекаетъ на это сходство, предупреждая своего супруга отъ гибельныхъ послѣдствій за такое беззаконіе: „она же воспоминаше князю гнѣвъ Божій, иже бысть въ отчествіи ея въ землѣ Лядской, изгнаннымъ бывшимъ черноризцемъ отъ отца ея Болеслава Храбраго за постриженіе преподобнаго Моисея Утрина: и глаголаше

*) Тамъ же, листъ 12. Слѣчи также листъ 149 оборотъ.

ему: Послушай мене, господине, и не гнѣвайся, ибо тако же въ странѣ нашей отгнани бѣша таковыи черноризцы, и много зла сотворися за нихъ“ *).

Вообще сношенія съ Польшею представляются въ нашихъ лѣтописяхъ, житіяхъ и легендахъ, какъ знакъ нечестія. Въ Печерскій Патерикъ даже внесенъ одинъ замѣчательный примѣръ мученичества православнаго монаха отъ ляховъ. Это именно сказаніе о Моисей Угринѣ (Патерикъ, листъ 177 и слѣдующ.) Это сказаніе состоитъ въ видимой связи съ житіемъ Бориса и Глѣба, потому что Моисей, по преданію, былъ изъ дружины Бориса, и именно братъ тому вѣрному воину, Георгію Угрину, котораго изъ за золотой гривны обезглавили воины Святополковы, когда убивали Бориса. Будто-бы тогда Моисей спасся бѣгствомъ въ Кіевъ къ сестрѣ Ярослава, къ Предиславѣ. Потомъ Святополкъ Окаянный привелъ на Ярослава ляховъ съ Болеславомъ, и, прогнавши Ярослава, сѣлъ княжить въ Кіевѣ: тогда Болеславъ, возвращаясь домой, взялъ съ собою много плѣнныхъ изъ Руси, въ число которыхъ попалъ и Моисей Угринъ. Если бы Моисей захотѣлъ, ему было бы въ Польшѣ очень хорошо, потому что его полюбила одна богатая и прекрасная полька, принадлежавшая къ значительной фамиліи ляхской, и вмѣстѣ съ своею рукою предлагала ему все свое богатство. Но когда во имя монашескаго безбрачія Моисей презрительно отвергъ всѣ предложенія этой выгодной партіи, тогда подвергся страшнымъ мученіямъ. Это житіе, видимо составленное подъ вліяніемъ аскетическихъ идей, наполнено различными доводами противъ брачной жизни. Но самую существенную историческую часть его составляетъ возбужденіе ненависти къ ляхамъ за гоненіе, которое будто бы воздвигъ Болеславъ на монаховъ ради той прекрасной польки, которую Моисей Угринъ посямилъ своимъ презрѣніемъ.—Намъ извѣстна уже связь этого мѣста съ повѣствованіемъ о гоненіяхъ князя Изяслава на Антонія.

Кромѣ того, слѣды непріязни въ кіевопечерскихъ сказаніяхъ къ ляхамъ очевидны еще въ одномъ, по видимому, незначительномъ мотивѣ, но получающемъ особенный смыслъ, когда мы его поймемъ въ связи съ образомъ мыслей и съ направлепіемъ изучаемой нами эпохи. Въ житіи Матѳея Прозорливаго, которое передаво намъ са-

*) Патерикъ, листъ 126 обор.

нимъ Несторомъ, между прочимъ рассказывается слѣдующее*). Однажды этотъ блаженный старецъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ. Взглянувъ на братію, стоящую по обѣимъ сторонамъ и поющую, вдругъ видитъ онъ—обходитъ ихъ всѣхъ бѣсъ въ образѣ лиха (по позднѣйшей редакціи: въ образѣ воина), а въ приполіи носить цвѣтки, пазываемые лѣпками; беретъ ихъ изъ лона и бросаетъ на каждаго изъ братіи. Когда кому броситъ онъ цвѣтокъ, и когда цвѣтокъ прилѣпился къ кому изъ братіи, тотъ, постоявъ немного, выдумывалъ какую нибудь мнимую причину и оставлялъ церковь, шолъ къ себѣ въ келью и засыпалъ. А къ кому цвѣтокъ не прилѣпился, тотъ стоялъ крѣпко въ теченіе всей утрени.

Это любопытное мѣсто изъ Патерика вопло въ изображеніи Страшнаго Суда, именно составилъ эпизодъ о лѣпивыхъ монахахъ.

Итакъ, антипатія Кіевопечерскихъ преданій къ князю Изяславу не малою долею обязана своимъ происхожденіемъ сношеніямъ и родству этого князя съ Болеславомъ Ляпскимъ.

Если вліяніе Антонія на свѣтскую власть еще было весьма слабо и шатко, то энергическою дѣятельностію Θεодосія оно значительно упрочилось за кіевопечерскими монахами. По крайней мѣрѣ Θεодосій, много заботившійся о книжномъ просвѣщеніи своей братіи и учредившій строгое и суровое общежитіе въ пещерахъ по примѣру восточныхъ православныхъ монастырей, постоянно имѣлъ въ виду обалтательную власть монашескаго смиренія противопоставлять внѣшнимъ силамъ свѣтской власти.

Мы уже видѣли, какъ Изяславъ враждовалъ Кіевопечерскому монастырю. Онъ даже хотѣлъ противопоставить ему другую, подобную же духовную власть, устроивъ свой собственный монастырь во имя Дмитрія (по своему крещеному имени: Изяславъ—Димитрій), и поставилъ въ немъ игуменомъ блаженнаго Варлаама, того самаго, за котораго—какъ было выше рассказано—онъ воздвигалъ гоненія противъ Печерской братіи. Но Θεодосій умѣлъ сблизиться съ княземъ Изяславомъ и подчинить его монастырской дисциплинѣ въ его отношеніяхъ къ Кіевскимъ пещерамъ.

Такъ между прочимъ преподобный Θεодосій положилъ уставъ, чтобъ вратарь никому не отворялъ монастырскихъ воротъ отъ по-

*) Тамъ же, листъ 146.

лудня до вечерень, пока послѣ обѣда отдыхаютъ монахи. Однажды въ полдень подъѣзжаетъ къ монастырю князь Изяславъ только съ однимъ малымъ отрокомъ. Сошолъ съ коня—потому что никогда онъ не позволялъ себѣ въѣзжать въ монастырь на конѣ—и сталъ стучаться въ ворота. Но вратарь, не видя за воротами князя, и не впуская его, сказалъ: „миѣ повелѣно отъ игумена, если даже и князь пріѣдетъ въ это время, не отпирать воротъ: если хочешь потерпи немного, когда будетъ вечерня“. Но и узнавъ князя, все же вратарь не посмѣлъ его впустить, а сначала пошолъ доложить Θεодосію. Пришолъ самъ Θεодосій и ввелъ князя въ монастырь.

Учреждая законный порядокъ въ монастырѣ, Θεодосій хотѣлъ видѣть законность и въ дѣлахъ свѣтскихъ. Потому, во имя законности, онъ протестовалъ противъ Святослава Черниговскаго, когда тотъ, изгнавъ Изяслава, сѣлъ на Кіевскомъ столѣ. Укротивъ Изяслава, сдѣлавъ его изъ врага монастырю защитникомъ и покровителемъ, Θεодосій, подъ предлогомъ похищенія правъ старѣйшинства, обличилъ Святослава и на словахъ, и письменно, посылая къ нему посланія, и грозою церковною желалъ его подчинить вліянію новыхъ идей, разсадникомъ которыхъ становился Печерскій монастырь. Въ одномъ изъ посланій къ Святославу Θεодосій себѣ позволилъ даже слѣдующую фразу: „гласъ крове брата твоего вопіеть къ Богу, якоже Авелева на Каина“. Это было уже слишкомъ. Святославъ вышелъ изъ терпѣнія. Прочитавши это посланіе, въ гнѣвъ бросилъ его на полъ—яко левъ рыкну на преподобнаго—и грозилъ ему немедленнымъ заточеніемъ. Эта гроза привела въ ужасъ монаховъ и многихъ изъ бояръ. Они стали Θεодосія уговаривать, чтобы онъ смирился. Несторъ, въ Патерикѣ, свидѣтельствуетъ, будто Θεодосій бодро принималъ это наказаніе и будто бы стоялъ на своемъ. Однако потомъ смирился, почему—неизвѣстно. Въ сказаніи говорится объ этомъ глухо: „Посемъ же преподобный отецъ нашъ Θεодосій, много молимъ бывъ отъ братіи и отъ вельможъ, наипаче же разумѣвъ, яко ничтоже успѣетъ князю сидевыми словесы, преста обличати его, и оттолѣ умысли мольбою того возбуждати, дабы возвратилъ брату своему область его“*).

Тотчасъ же послѣ того отношенія Θεодосія къ князю Свято-

*) Тамъ же, листъ 75 обор., 76.

славу измѣняются. Святославъ съ боярами посѣтилъ Θεодосіа въ монастырѣ и былъ имъ принятъ съ подобающей честію и смиреніемъ. Игуменъ также сталъ посѣщать князя.

Въ сказаніи есть одна любопытная подробность, характеризующая ихъ обоихъ. Изъ этой подробности видно, что Святославъ въ образѣ жизни своей болѣе наклоненъ былъ къ народнымъ забавамъ двоевѣрія, нежели къ благочестивому препровожденію времени въ бесѣдахъ съ монахами и въ чтеніи книжномъ.

Однажды Θεодосій посѣтилъ князя Святослава*). Вошедши къ князю въ хоромы, онъ увидѣлъ передъ нимъ многихъ играющихъ на гусяхъ и на другихъ инструментахъ: и тако всѣхъ веселящихся якоже обычай есть предъ княземъ. Θεодосій сѣлъ возлѣ князя и, поникнувъ головою, смотрѣлъ внизъ. Потомъ, обратившись къ князю, сказалъ: „будетъ ли такъ въ оный вѣкъ грядущій?“ Князь же, умилившись словами преподобнаго, прослезился и тотчасъ же велѣлъ играющимъ перестать. И послѣ того, когда случалось у князя игры творить, и когда князь слышалъ, что къ нему идетъ Θεодосій, всегда повелѣвалъ играющимъ переставать. Выходилъ къ преподобному навстрѣчу и вводилъ его въ свои хоромы.

Мы уже знаемъ изъ Слова о полку Игоревѣ, что у князя Святослава были какіе то пѣснотворцы, къ числу которыхъ принадлежалъ и знаменитый Боянъ. Въ этомъ сказаніи Нестора о Θεодосіи мы находимъ новое подтвержденіе тому факту, что князя окружали себя пѣвцами, но что эти пѣвцы не нравились Кіевопечерскимъ отшельникамъ и что въ неудовольствіяхъ между Святославомъ и Θεодосіемъ немалую долю позволительно приписать вліянію двоевѣрныхъ забавъ, мірскихъ пѣсенъ и гудьбы, къ которымъ князь Святославъ былъ расположенъ.

Если съ именемъ Всеволода Перелславскаго и Мономаховичей соединяется память о дружескихъ сношеніяхъ съ Кіевопечерскимъ монастыремъ, о покровительствѣ книжному ученю и духовенству, то Святославъ Черниговскій оставилъ по себѣ память враждою съ игуменомъ Θεодосіемъ, двоевѣрными забавами, пѣвцами или поэтами, которые воспѣвали и его, и сына его Олега, прозваннаго Горислави-чемъ. Уже самая нелюбовь книжныхъ людей—лѣтописцевъ къ Олего-

*) Тамъ же, листъ 77.

вичамъ говорить въ пользу той мысли, что въ этомъ княжескомъ родѣ меньше было сочувствія къ книжному ученью и къ духовенству, нежели въ родѣ Всеволода Перенславскаго, который, сидя дома, зналъ пять языковъ, и у котораго сынъ—Владиміръ Мономахъ—получилъ имя знаменитаго писателя въ исторіи древне-русской литературы.

Изборникъ 1073 года, приписываемый Святославу, и внукъ Святослава, Никола Святоша (Давыдовичъ)—составляютъ любопытныя исключенія въ предложенной мною общей характеристикѣ.

Лекція 28-я.

Чтана 17-го марта 1860 года.

Несмотря на энергическую дѣятельность Феодосія, все же въ семействѣ Изяслава Ярославича не могла искорениться антипатія къ Киевопечерскимъ монахамъ; даже съ новою силою возродилась она въ Святополкѣ Изяславичѣ (1092—1113). Этою взаимною антипатіею между княземъ и преданіями монастырскими проникнуто все сказаніе о Прохорѣ Чудотворцѣ (л. 189—194). Уже въ самомъ началѣ сказанія читаемъ слѣдующій неблагопріятный отзывъ объ этомъ князѣ: „Въ дни княженія Святополка Изяславича въ Кіевѣ, много насилія отъ князя сотворися людемъ: дома бо сильныхъ безъ вины искорени и имѣнія многихъ отъятъ. Сего ради Богъ попусти поганымъ силу имѣти на нь (т. е., на него), и всташа рати многи въ державѣ его отъ половцевъ, къ смь же и междоусобная брань: яко быти тогда гладу многажды и скудости веліей въ Русской землѣ.“ Сказаніе обвиняетъ Святополка во всѣхъ бѣдствіяхъ междоусобія, которыхъ печальною жертвою былъ ослѣпленный Василько Ростиславичъ.

Къ голоду присоединилсъ разбой, великое пестроеніе и грабленіе незаконное. Не пустили купцовъ къ Кіеву отъ Галича и Перемышля, и оттого не стало соли по всей землѣ Русской, а кіевскіе промышленники, пользуясь этимъ случаемъ, сильно повысили цѣну на соль и много обогатилсъ.

Это народное бѣдствіе чудеснымъ образомъ было облегчаемо въ Киевопечерскомъ монастырѣ раздачею хлѣба и соли всѣмъ приходящимъ. Прохоръ Чудотворецъ дѣлалъ хлѣбъ изъ травы лебеды, а соль чудодѣйственно производилъ изъ пепла. Промышленники стали поп-

татъ на монастырь и жаловались Святополку Изяславичу на то, что изъ монастыря раздають соль и отнимають у нихъ барышъ въ монополіи, купленной ими у самого князя. И князь Святополкъ, полагая, что въ монастырѣ великіе запасы соли, рѣшился его ограбить. Вотъ какъ разсказывается объ этомъ событіи въ Патерникѣ: *)

Святополкъ, услышавъ жалобу продавцевъ соли, надвое себя помыслилъ—и недовольство прекратить, и самому себя обогатиться. Совѣщавшись съ своими совѣтниками, онъ рѣшилъ, чтобы цѣна соли по прежнему оставалась высокая, самъ же онъ, отпавши соль у Прохора, будетъ ее продавать черезъ своихъ и такимъ образомъ получить новые барыши. И далъ обѣщаніе тѣмъ промышленникамъ: „васъ ради—сказалъ онъ—пограблю мниха.“ Потомъ велѣлъ у Прохора отнять соль. Когда ее привезли къ князю, она оказалась пепломъ. Онъ держалъ этотъ пепелъ три дни, а потомъ велѣлъ его выбросить: тогда пепелъ опять претворился въ соль, и князь удовлетворился въ великомъ чудѣ, узнавъ о томъ, какъ Прохоръ чудодѣйственно пепелъ претворялъ въ соль, а изъ лебеды дѣлалъ хлѣбъ.

При этомъ случаѣ сказаніе прямо указываетъ на нелюбовь Святополка къ Кіевопечерскому монастырю вообще и особенно къ игумену Іоанну, при которомъ подвизался Прохоръ Чудотворецъ; но въ этомъ извѣстіи Патерника особенно важенъ намекъ на противоположныя этому отношенія Владиміра Мономаха къ тому же игумену Іоанну **).

„Сія слышавъ (т. е., о чудесахъ Прохора), Святополкъ устыдѣся дѣла своего, и педъ въ Печерскій монастырь, смирился (т. е., помирился) съ игуменомъ Іоанномъ: прежде бо вражду имаше панъ (т. е., па него), обличенія ради о несытствѣ богатства (т. е., о корыстолюбіи), и о озлобленіи людій: тѣмъ же (т. е., потому) и въ Туровъ того бѣше заточилъ. Обаче убоявся возстанія на ся христолюбиваго князя Владиміра Мономаха, скоро возврати съ честію въ Печерскій монастырь.“

Невозможно найти болѣе ясное свидѣтельство о различныхъ, противоположныхъ отношеніяхъ къ кіевопечерскимъ монахамъ рода Изяславова и рода Всеволодова или Мономаховичей!

*) Листъ 192.

**) Тамъ же, листъ 192 обор.

Взаимная антипатія между родомъ Изяслава и кіевскими монахами съ новою силою сказалась въ покушеніи Мстислава Святополковича на блаженнаго Θεодора, по случаю сокрытыхъ этимъ послѣднимъ сокровищъ въ Варяжской пещерѣ *).

Намъ уже извѣстно кіевское преданіе о Варяжской пещерѣ съ латинскими сосудами, соотвѣтствующее новгородскому преданію о римской утвари, въ житіи Антонія Римлянина. Носился слухъ, что Θεодоръ, бывшій нѣкогда человѣкомъ богатымъ, зарылъ свое сокровище въ пещерѣ, но забылъ, въ какомъ именно мѣстѣ зарылъ; онъ же зналъ и о существованіи варяжскаго клада въ пещерахъ. Извѣстіе объ этихъ монастырскихъ сокровищахъ дошло до Мстислава Святополковича, и онъ рѣшился во что бы то ни стало добыть это сокровище.

Утромъ, будто бы отправляясь на охоту или на какого врага, взялъ онъ съ собою отрядъ воиновъ и, вступивъ въ монастырь, схватилъ блаженнаго Θεодора и привелъ къ себѣ домой. Сначала сталъ его спрашивать ласково: „Скажи мнѣ, отче, точно ли ты нашолъ сокровище, какъ я слышалъ?“ Θεодоръ отвѣчалъ: „да, нашолъ, и теперь оно скрыто въ пещерѣ.“ Князь опять спросилъ: „Извѣстно ли, кто скрылъ это сокровище, и много ли въ немъ золота, серебра и сосудовъ?“ Θεодоръ отвѣчалъ: „Когда еще жилъ преподобный отецъ нашъ Антоній, говорили, что въ той пещерѣ скрыто варяжское сокровище, почему и пещера называется и до нынѣ Варяжскою; а золота и серебра я самъ видѣлъ безчисленное множество, сосуды, суть латинскіи.“ Тогда сказалъ ему князь: „Почему, отче, не отдашь ты мнѣ это сокровище? Я бы раздѣлилъ его съ тобою: сколько хочешь, столько и возьми себѣ! Будешь за то отецъ отцу моему и мнѣ!“ Θεодоръ отвѣтствовалъ, что онъ ничего бы себѣ не потребовалъ и все бы отдалъ князю, но не помнитъ, гдѣ онъ спряталъ сокровище. Мстиславъ, думая, что монахъ нарочно утаиваетъ, съ гнѣвомъ закричалъ своимъ служителямъ: „Повелѣваю вамъ этого монаха оковать по рукамъ и по ногамъ! И цѣлые три дня не давайте ему ни хлѣба, ни воды; потому что онъ не захотѣлъ моей милости.“ Но и окованный, Θεодоръ утверждалъ то же, что Господь отнял у него память, гдѣ спрятано сокровище. Разгнѣвавшись еще болѣе, Мстиславъ

*) Патерикъ. листъ 202—211.

велѣлъ несчастнаго мучить, бить его и палить огнемъ. Но Феодоръ продолжалъ говорить все одно и то же. Тогда позванъ былъ другой монахъ, по имени Василій, на котораго по разнымъ обстоятельствамъ было подозрѣніе, что онъ знаетъ мѣсто, гдѣ сокрытъ кладъ. Но и этотъ монахъ, ничего не зная, давалъ отрицательные отвѣты, и также подвергся жестокимъ истязаніямъ. Тогда, будучи обличаемъ мучимыми монахами, Мстиславъ еще пуще разъярился, шумелъ сый отъ вина, вышелъ изъ себя и пустилъ стрѣлою въ блаженнаго Василя. Василій, извлекши стрѣлу изъ своей утробы, бросилъ ее къ князю, сказавъ: „Этою стрѣлою самъ уязвленъ будешь!“—Въ ту же ночь испустили духъ оба мученика; а предсказаніе Василя дѣйствительно сбылось надъ Мстиславомъ Святополковичемъ. Онъ былъ застрѣленъ въ городѣ Володимірѣ на забралахъ (т. е. на стѣнахъ, на заборахъ) во время битвы съ Давидомъ Игоревичемъ *).

Этотъ рядъ эпизодовъ въ странной повѣсти о борьбѣ южнорусскихъ князей, и особенно кievскихъ, съ кievонечерскими монахами заключу однимъ сказаніемъ, въ которомъ врагомъ монастыря является князь изъ христіанской и по тогдашнему просвѣщенной семьи Всеволода Переяславскаго; это именно Ростиславъ Всеволодовичъ, братъ Владиміра Мономаха. Печерское сказаніе хотя и повѣствуетъ о грубомъ насиліи, которымъ себя прославилъ Ростиславъ, однако все же направлено, какъ увидимъ, къ похвалѣ Владиміра Мономаха.

Именно въ житіи Григорія чудотворца рассказывается слѣдующее: **)

Однажды монахъ Григорій отправился къ Дѣпру почерпнуть воды для очищенія монастырскаго сосуда, оскверненнаго отъ паденія въ него нечистаго животнаго. Въ это время случился тамъ Ростиславъ Всеволодовичъ, который хотѣлъ войти въ Печерскій монастырь помолиться, потому что съ братомъ своимъ Владиміромъ Мономахомъ онъ отправился войною противъ половцевъ. Увидѣвъ отроки Ростиславовы старца того, начали ругаться надъ нимъ и досаждаютъ ему бранными словами. Старецъ же, проразумѣвъ Духомъ Святымъ, что эти отроки близки къ смерти, сказалъ имъ: „вамъ бы слѣдовало

*) Сличъ въ Патерикѣ шестъ 191.

***) Патерикъ, л. 172—176.

имѣть умиленіе и требовать молитвы, а не дѣлать зла: оплакивайте лучше свою погибель и кайтесь въ своихъ согрѣшеніяхъ, дабы принять отраду въ Страншій день; потому что уже васъ постигъ Судъ: всѣ вы потонете въ водѣ вмѣстѣ съ вашимъ княземъ“. Ростиславъ, види въ этихъ словахъ только укоризну раздраженнаго монаха, а не пророчество, во гнѣвѣ вскричалъ: „Мнѣ ли смерть повѣдаешь отъ воды, когда я хорошо умѣю въ ней плавать? Ты самъ ея попробуешь!“ Потомъ велѣлъ связать старцу руки и ноги, а къ шеѣ привѣсить камень, и бросить въ воду. Такъ и былъ онъ потопленъ. Ростиславъ, не види въ своемъ поступкѣ никакого грѣха, и пылая яростью, даже не захотѣлъ войти въ монастырь для молитвы, какъ обѣщался, и удалился отъ него. „Токмо Владиміръ Мономахъ, братъ его—присовокупляетъ сказаніе—въ монастырѣ бысть, молитвы и благословенія прося“. Но потомъ, когда они перешли рѣку Стугну, вступили въ бой съ половцами, по не могли ихъ одолѣть и принуждены были обратиться въ бѣгство. „Тогда Владиміръ бѣжа преѣха рѣку Стугну, молитвъ ради и благословенія Печерскихъ Святыхъ. Ростиславъ же со всѣмъ своимъ воинствомъ потопленъ бысть въ пей. И тако и прореченіе святаго сбытсѣя, и в сю же (т. е., въ какую) мѣру мѣри злый убійца, возмѣрися ему“.

Это печальное событіе на Стугнѣ отозвалось заунывными жалобами матери Ростиславовой, которыя съ видимымъ участіемъ приводитъ авторъ Слова о полку Игоревѣ: „не такъ ли рѣка Стугна, злая струи имѣя, пожравши чужіе ручьи, разбила ладью объ кусты? Юношѣ князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ свои темные берега. Плачется мать Ростиславля по юношѣ князѣ Ростиславѣ: уныли цвѣты жалобою и дерево отъ печали къ землѣ приклонилось“.

Мы уже неоднократно видѣли, сколько симпатіи питають кіевопечерскія сказанія и преданія къ Владиміру Мономаху. Теперь заключимъ двумя сказаніями, очень любопытными для исторіи внутренняго быта древней Руси, и очевидно составившимися въ интересахъ Мономахова рода и какъ бы предлагающими эпизоды историческаго повѣствованія о благочестіи Мономаха, повѣствованія, которое было домашнимъ, семейнымъ преданіемъ этого княжескаго рода.

Въ этихъ сказаньяхъ, составленныхъ Поликарпомъ, повѣствуется въ одномъ объ иконописцѣ Алимпіи (или Алипіи), а въ другомъ о безмездномъ врачѣ Агапитѣ *).

Иконописецъ Алимпій былъ ученикомъ тѣхъ византійскихъ художниковъ, которые прибыли на Русь для украшенія Кіевопечерскаго храма Богородицы. Алимпій и другіе русскіе иконописцы пользовались, вѣроятно, тѣми иконописными свитками, или пергаментными подлинниками, которые принесли съ собою византійскіе мастера. Алимпій въ своемъ художествѣ видѣлъ спасительный, благочестивый подвигъ, подобно всѣмъ набожнымъ средневѣковымъ живописцамъ. Само собою разумѣется, что онъ не бралъ платы за свое мастерство, а если что и давали ему,—жертвовалъ монастырю и неимущимъ. За свое благочестіе онъ былъ посвященъ въ священнической санъ. Съ такою теплою вѣрою онъ предался своему искусству, что будто-бы даже въ самыхъ краскахъ былъ для него источникъ божественной благодати. Такъ, помазывая красками, онъ исцѣлялъ болящихъ гнойными струпами, давалъ зрѣніе слѣпымъ.

Не надобно однако думать, чтобы и въ эти первобытныя, благочестивыя времена Кіевопечерскій монастырь былъ собраніемъ только достойныхъ подвижниковъ. Сказаніе объ Алимпіи вводитъ насъ въ довольно грязныя и пошлыя интриги монастырскія.

Одинъ богатый человекъ построилъ въ Кіевѣ церковь и хотѣлъ украсить ее иконами. Для этого принесъ онъ двумъ своимъ знакомымъ кіевопечерскимъ монахамъ семь досокъ для иконъ и денегъ на краски, поручая имъ, чтобы они попросили Алимпія написать семь иконъ. Тѣ монахи, ничего не сказавъ Алимпію, деньги оставили у себя. Послѣ того, въ другой и въ третій разъ просили у заказчика иконъ денегъ отъ имени Алимпія, и всѣ эти деньги оставляли у себя. Наконецъ заказавшій, не получая отъ Алимпія иконъ, вышелъ изъ терпѣнія и пошолъ на него жаловаться игумену Никону. Былъ призванъ Алимпій, который при допросѣ сказалъ, что ничего не знаетъ о заказѣ. Однако велѣно было принести тѣ семь досокъ, и на нихъ чудеснымъ образомъ изобразились семь иконъ. Корыстолюбивые монахи были посрамлены, но въ своемъ озлобленіи клеветали на святаго, говоря, что они сами написали эти иконы, а

*) Патерикъ, листъ 160 и слѣд., листъ 167 и слѣд.

не чудесная сила, какъ утверждаетъ Алимпій. Однако слава объ этомъ чудѣ стала распространяться: „дойде бо даже до князя Владиміра Мономаха бывшее святаго ради о тѣхъ иконахъ чудо“ *).

Къ тому же случилось слѣдующее обстоятельство. Однажды отъ пожара выгорѣло въ Кіевѣ все Подоліе, сгорѣла и та церковь, въ которой были семь иконъ съ чудесными изображеніями, но всѣ семь иконъ остались цѣлы и невредимы. Услышавъ объ этомъ, князь Владиміръ самъ приполъ видѣть это великое чудо, и тогда узналъ, какъ всѣ онѣ въ одну ночь были написаны Божиимъ мановеніемъ, избавившимъ отъ напасти преподобнаго Алимпія. „И прославилъ тогда—говоритъ сказаніе—князь Владиміръ Мономахъ Творца Бога, сдѣлавшаго толикія чудеса, добродѣтели ради преподобнаго Алимпія; и взявши одну отъ тѣхъ семи иконъ, именно Пресвятой Богородицы, послалъ въ городъ Ростовъ въ находившуюся тамъ каменную церковь, которую самъ онъ построилъ въ мѣру Кіевопечерскаго храма“.

Къ этому семейному преданію Мономаховичей, сказаніе при-
совокупляетъ одну художественную подробность о томъ, какъ нѣкто
заказалъ Алимпію икону Успенія Богородицы, и какъ онъ, будучи
уже при смерти боленъ, не могъ ее докончить. Тогда явился ангель
и дописалъ эту икону.

Теперь сказаніе о врачѣ Агапитѣ. Онъ приполъ въ пенцеры
еще при Антоніи, и скоро прославился, исцѣляя больныхъ нѣкото-
рымъ зельемъ, почему и былъ прозванъ врачомъ. Въ то же время
былъ въ Кіевѣ другой врачъ, родомъ и вѣрою армянинъ, очень
искусенъ во врачеваніи: только взглянетъ на болящаго къ смерти,
немедленно скажетъ день и часъ, когда онъ умретъ. Однажды былъ
принесенъ въ Печерскій монастырь одинъ изъ такихъ болящихъ, пер-
вый изъ бояръ князя Всеволода **); армянскій врачъ предсказалъ
ему смерть черезъ восемь дней. Но блаженный Агапитъ, сотворивъ
надъ нимъ молитву, далъ ему зелья, которое вкушалъ самъ, и исцѣ-
лилъ, и по всей Русской землѣ пропла объ этомъ слава. Послѣ
того, сколько ни старался тотъ армянинъ изъ зависти вредить Ага-
питу, ничего не успѣлъ.

*) Листъ 164 оборотъ.

**) Слѣдовательно и это сказаніе составляетъ принадлежность рода Всево-
лода Переяславскаго и Мономаховичей.

Около того времени разболѣлся въ Черниговѣ князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. Его лѣчилъ тотъ армянинъ, но безъ всякаго успѣха, такъ что недугъ все больше усиливался. Будучи уже въ отчаянномъ положеніи, князь послалъ къ Печерскому игумену Іоанну (уже намъ извѣстному), моли его, чтобы прислалъ къ нему Агапита. Агапитъ не пошолъ, потому что далъ обѣтъ ни для кого не выходить изъ монастырскихъ воротъ; но послалъ князю своего цѣлебнаго зелья. Вкусивъ его, Владиміръ тотчасъ же выздоровѣлъ. Послѣ того князь приходилъ въ Печерскій монастырь, желая увидѣть лично исцѣлившаго его врача, но Агапитъ, не ища временной славы, не показался князю. Тогда князь послалъ ему золота, но Агапитъ отказался и отъ золота, говоря, что не онъ, а самъ Господь Богъ исцѣдилъ князя. Посланный увѣщевалъ инока, чтобъ онъ взялъ деньги по крайней мѣрѣ для раздачи бѣднымъ, но Агапитъ, выбросивъ деньги вонъ изъ кельи и сказавъ, что князь Владиміръ и болѣе того можетъ употребить на милостыню, тотчасъ же скрылся отъ посланнаго. „Князь же—присовокупляетъ сказаніе—не дерзая преслушати святаго, начатъ пещадно раздавати имѣніе свое нищимъ“ *).

Послѣ того Агапитъ опасно расхворался. Армянскій врачъ посѣтилъ его и вошелъ съ нимъ въ состязаніе о врачебной хитрости, вопрошая его, какимъ зельемъ врачуется какой недугъ? Потомъ, взявъ Агапита за руку, предсказалъ ему, что онъ на третій день умретъ. Тогда блаженный возразилъ ему: „развѣ въ этомъ состоитъ врачеваніе? Только о смерти говоришь ты, а не о помощи! Вотъ если ты искусенъ, дай мнѣ жизнь. А если этимъ не владѣешь, что же ты укоряешь меня? Ты осудилъ меня умереть на третій день, а меня Господь извѣстилъ, что я отойду къ Нему черезъ три мѣсяца“. Такъ и случилось по словамъ безмезднаго врача, а армянинъ перешолъ въ православіе и принялъ ипоческій чинъ въ кіевопечерскомъ монастырѣ.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами кіевопечерскихъ сказаній явствуетъ, что Всеволодъ и Мономахъ не только пользовались симпатією монашествовавшихъ и людей грамотныхъ, но находились въ связи со всѣми образованными людьми той эпохи, съ иконописцами и врачами, которые пользовались ихъ покровительствомъ.

*) Патерикъ, л. 168 об., 169.

Л Е К Ц І Я 29-я.

Читана 19-го марта 1860 года.

Не только въ образованномъ обществѣ, и въ современной легкой, журнальной литературѣ, но даже и между учеными людьми господствуетъ застарѣлый предрасудокъ о томъ, будто бы наша древняя литература имѣетъ характеръ по преимуществу церковный. При томъ это мнѣніе обыкновенно доводитъ до того заключенія, что даже и литературы, въ собственномъ смыслѣ этого слова, у насъ не было, а были только книги богослужебнаго и церковнаго содержанія съ присовокупленіемъ немногихъ произведеній, хотя и имѣющихъ предметомъ интересы не исключительно церковные, но составленныхъ въ однообразномъ тонѣ монашескихъ воззрѣній и убѣжденій.

Такое одностороннее мнѣніе, съ одной стороны, объясняется малымъ знаніемъ Русской старины, а съ другой полнымъ невѣдѣніемъ древнѣйшей средневѣковой литературы Западной.

Разсмотрѣнія нами сказанія Кіевопечерскаго патерика, а также сказанія Новгородскія, достаточно убѣждаютъ насъ не только о присутствіи двухъ элементовъ въ древней Руси—свѣтскаго и церковнаго, но и о борьбѣ ихъ, столь ясно выразившейся въ произведеніяхъ литературы; и чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ больше наша литература предлагаетъ намъ интересовъ свѣтскихъ и народныхъ, не только въ XVI или въ XVII в., но даже въ XIII и XIV.

Господствующій предрасудокъ находитъ себѣ оправданіе только въ одной внѣшности, именно, во первыхъ, въ томъ, что большая часть писателей были монахи и люди церковные, слѣдовательно въ своихъ сочиненіяхъ проводили интересы монастырскіе и церковные, и, во вторыхъ, въ томъ, что самая форма сочиненій, болѣею частію состоящихъ въ житіяхъ, въ церковныхъ и монастырскихъ сказаніяхъ, въ благочестивыхъ посланіяхъ и словахъ, есть по преимуществу форма церковная, монастырская.

Но то же самое мы видимъ и на Западѣ. Какъ скоро христіанство одержало верхъ надъ язычествомъ, образованіе и книжное ученіе сосредоточилось въ монастыряхъ. Литература и искусство получили свой смыслъ только въ отношеніи къ христіанской религіи.

Живопись была только иконописью, храмы расписывались церковными и назидательными изображениями для того, чтобъ поучать неграмотныхъ въ истинахъ христіанской религіи. Поэзія лирическая состояла въ стихотворныхъ молитвословіяхъ, и даже самыя пѣсни эти назывались Господи помилуй (Кирие еленсонъ, откуда сокращено: Кирлейсъ, Кирлесъ или просто Лейсъ). И цѣлыя отряды воиновъ, идя въ битву, пѣвали эти Кирлейсы, на Западѣ, такъ же какъ и у славянъ, подобно тому, какъ Владиміръ Мономахъ совѣтуетъ своимъ дѣтямъ, сидя на конѣ, вмѣсто пустыхъ рѣчей, читать по крайней мѣрѣ: Господи помилуй. Древнѣйшія христіанскія поэмы на Западѣ имѣютъ своимъ содержаніемъ Страшный Судъ, сотвореніе міра, Адама и Еву, житія угодниковъ, совершенно также, какъ наши духовные стихи и благочестивыя сказанія древней Руси. Духовные стихи господствовали во Франціи, Германіи и другихъ западныхъ странахъ еще въ XII и XIII вѣкѣ. Ихъ сочиняли поэты для объясненія простому народу значенія или исторіи какого либо церковнаго праздника или житія святаго, и прочитывали ихъ въ тотъ день, къ которому по календарю относились. Стихотворенія эти во Франціи назывались сервентами (serventois), то есть, стихами служебными, потому что они именно служили практической цѣли. Духовныя сервенты неграмотнымъ замѣняли прологъ или святцы (синаксарь), точно такъ же, какъ стѣнная живопись въ церквахъ—библейскія и церковныя сказанія. Въ XIII вѣкѣ было цѣлое поэтическое общество французскихъ поэтовъ въ честь Богоматери, которая была главнымъ предметомъ ихъ творчества.

Въ средніе вѣка храмъ на Западѣ имѣлъ не одно только чисто религіозное значеніе. Туда собирался народъ для политическихъ и разныхъ общественныхъ совѣщаній; тамъ же находилъ онъ пищу своимъ поэтическимъ и художественнымъ интересамъ. На многихъ соборахъ неоднократно принимаемы были строжайшія мѣры противъ оскверненія храмовъ суетными мірскими сходками и бѣсовскими увеселеніями. Но все было тщетно. Наивное благочестіе грубыхъ временъ умѣло придать набожный характеръ тому, за что соборы грозили отлученіемъ. Чтобы придать чарующую силу клятвѣ или суду, собирались въ храмы всемъ міромъ, приносить обѣщанія всякаго рода, судить и рядить. Но прежнему пѣли и даже плясали въ

храмахъ или около, подъ блачестивымъ предлогомъ полнѣе выразить свою радость о рожденіи Христа и Его воскресеніи. Наконецъ, въ воспоминаніе великихъ событій церковныхъ и въ честь святыхъ, представляли въ лицахъ чудеса и мистеріи, присовокупляя къ истинѣ самые грубые вымыслы. Такимъ образомъ, искусство, по своему природному характеру предназначенное служенію религіи, не могло быть вѣрнымъ выраженіемъ христіанскихъ идей, во всей ихъ чистотѣ, опредѣляемой богословскими догматами. Противодѣйствіе богословскихъ ученій свободному творчеству поэтовъ и художниковъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій въ исторіи средневѣковой образованности. Только при значительныхъ уступкахъ съ той и съ другой стороны, то есть—и отъ нуризма богословскихъ преслѣдованій, и отъ необузданной свободы средневѣковой художественной дѣятельности—возможно было процвѣтаніе такъ называемаго христіанскаго искусства. Вслѣдствіе уступокъ со стороны церковныхъ преслѣдователей, а также и вслѣдствіе средневѣковаго невѣжества, къ искусству постоянно присоединялся элементъ мнѣологическій и исключительно народный; и чѣмъ болѣе принимали участіе въ художественной дѣятельности массы народныя, тѣмъ менѣе искусство и поэзія стѣснялись строгостію богословскаго ученія и тѣмъ народнѣе становились.

Усиленнымъ развитіемъ элементовъ народныхъ существенно отличается художественная дѣятельность средневѣковаго Запада отъ древнерусской. И на Западѣ, и у насъ, поэзія и вообще литература имѣла характеръ христіанскій, съ тою только разницею, что менѣе образованный народъ русскій не могъ такъ скоро и такъ рѣшительно усвоить себѣ христіанскія преданія и идеи для художественнаго творчества на новомъ, христіанскомъ поприщѣ. На Западѣ христіанство было распространено въ народѣ гораздо шире, и потому нашло себѣ болѣе полное выраженіе въ искусствѣ и литературѣ. Лучше всего говорить въ пользу этой мысли духовная драма, или мистерія, процвѣтаніе которой относится на Западѣ уже къ XII вѣку.

Мистерія развилась непосредственно изъ римской церковной службы. Сначала присоединилось драматическое представленіе къ чествованію двухъ великихъ праздниковъ—Воскресенія и Рождества.

Потомъ были введены представленія изъ жизни свитыхъ и изъ библейской исторіи. Особенно интересовало публику драматическое изображеніе начала и конца міра, то есть, міротворенія и Страшнаго Суда. Такъ къ XII вѣку относится одна французская драма, подъ названіемъ Адамъ *). Она въ трехъ дѣйствіяхъ: въ первомъ—грѣхонаденіе; во второмъ—смерть Авеля, въ третьемъ—пророчество о Спасителѣ, и наконецъ—эпизодъ, въ которомъ говорится о необходимости покаянія и о знаменіяхъ, предшествующихъ Страшному Суду.

Мѣстомъ для представленія этой мистеріи была площадь около церкви, а сцена—у самой церкви, которая такимъ образомъ составляла часть сцены. По одну сторону церкви—земной рай, на возвышеніи, украшенномъ шелковыми тканями, деревьями и цвѣтами; ниже этого помоста земля, куда изгоняются первые люди изъ рая. По другую сторону—адъ, съ разверстою пропастью, изъ которой поднимается дымъ. Изъ церкви выходитъ самъ Господь Богъ и въ нее уходитъ со сцены.

Въ латинскомъ объясненіи къ французскому тексту драмы такъ означены одежды выводимыхъ въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ лицъ: Господь въ епископскихъ ризахъ, Адамъ въ красной туникѣ, Ева въ бѣлой одеждѣ и съ такимъ же покрываломъ, Каинъ въ красномъ платѣ, Авель въ бѣломъ. Хоръ поетъ латинскіе тексты изъ Библии, соответствующіе представляемому дѣйствію.

Драма развивается согласно библейскому повѣствованію, но въ подробностяхъ замѣтна художественная отдѣлка. Такъ дьяволъ обращается къ Еввѣ свои льстивыя рѣчи:

„Ты слабенькое и пѣжное существо, ты свѣжѣе розы и чище кристалла, бѣлѣе снѣга, который лежитъ въ долипѣ на льду“.

Когда первые человѣки изгоняются изъ Рая, хоръ поетъ по латыни: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой. Потомъ они обрабатываютъ землю и, утомясь тяжелой работою, отдыхаютъ: тогда въ воздѣланную ими и засѣянную землю, къ величайшему ихъ прискорбію, дьяволы бросаютъ плевелы **). Первое дѣйствіе оканчи-

*) Adam, drame anglonormand du XII siècle, par Victor Lasarthe. 1854. Названіе этой французской драмы англо-норманской—неточно.

**) Сличи русскую лицевую Библию.

вается тѣмъ, что бѣсы накидываютъ желѣзные цѣпи на Адама и Еву и съ воплями радости увлекаютъ ихъ въ преисподнюю. Такъ же оканчивается и второе дѣйствіе. Демоны уводятъ обоихъ братьевъ въ адъ: Каина немилосердно бьютъ, а Авеля ведутъ вѣжливо.

Затѣмъ выводится на сцену цѣлый рядъ праотцевъ и пророковъ, которые возвѣщаютъ пути божественнаго милосердія, искупленіе рода человѣческаго и избавленіе отъ вѣчной смерти тѣхъ, которые на время заключены въ адъ. Эти ветхозавѣтныя лица являются въ слѣдующемъ порядкѣ: Авраамъ, съ длинной бородой и въ широкомъ одѣяніи; Моисей, съ жезломъ въ правой рукѣ и съ скрижалями въ лѣвой; Ааронъ, въ епископскихъ ризахъ и съ вѣтвію въ рукахъ, украшенною цвѣтами и плодами; Давидъ въ вѣнцѣ и царскихъ украшеніяхъ, равно какъ и Соломонъ, только помоложе и. т. д.

Особенное развитіе христіанская поэзія получила на Западѣ въ городскомъ населеніи. Каждая корпорація цеховыхъ или мастеровыхъ людей, а также ученики школъ, въ послѣдствіи подъячіе, имѣли своихъ покровителей, или патроновъ, между святыми, и въ честь ихъ представляли въ лицахъ ихъ житіе въ тотъ день, когда по календарю праздновалась ихъ память. Послѣ чтенія житія или легенды представлялась самая драма.

Въ XIV вѣкѣ въ Англіи ремесленники играли драмы въ теченіе трехъ дней, представляя въ послѣдовательномъ порядкѣ священныя событія, отъ Сотворенія міра до Страшнаго Суда. Представленіе этихъ пьесъ было общимъ дѣломъ цѣлаго города, потому что актерами были ремесленники, составлявшіе главную массу городского населенія. Такимъ образомъ мистерія служила выраженіемъ духовнаго и нравственнаго развитія городской жизни. Ремесленники каждаго цеха выбирали себѣ извѣстную пьесу, соответствующую ихъ ремеслу. Соответствіе это опредѣлялось иногда самыми наивными соображеніями. Такъ мистерія Трехъ Царей или Маговъ игралась золотыхъ дѣлъ мастерами и монетчиками, потому что Цари были въ коронахъ и принесли въ даръ Христу золото, слѣдовательно деньги. Бракъ въ Канѣ Галилейской играли виноградари. Мистерія Тайной Вечери, вмѣстѣ съ Умовеніемъ Ногъ, представлялась хлѣбниками и водовозами. Представленіе Потопа раздѣлялось на двѣ части: первую, содержащую въ себѣ построеніе ковчега, играли плотники, а вторую

корабельщики, рыболовы и продавцы рыбы; или же первую часть корабельщички, а вторую виноградаря, на томъ основаніи, что она содержала въ себѣ эпизодъ о винодѣліи Ноя. Иногда участіе извѣстнаго цеха въ представленіи опредѣлялось самыми случайными обстоятельствами. Такъ, мистерія Распятія представлялась кузнецами (потому что вбиваютъ въ Крестъ гвозди), а Бѣгство въ Египетъ именно только тѣми кузнецами, которые подковываютъ (по причинѣ введеннаго въ эту піэсу осла).

Послѣ представленія актерамъ дѣлалось угощеніе. Впрочемъ, вино подносилось только главнымъ дѣйствующимъ лицамъ, то есть, тѣмъ, которыхъ роли были длиннѣе, напримѣръ—Пилату въ мистеріи Страстей. Точно также по длинѣ роли назначалась и плата за игру.

Костюмъ актеровъ первоначально былъ не произвольный, но установленный неизмѣнно для каждаго лица. Частию состоялъ въ связи съ древнѣйшими иконописными преданьями, частию же перенесенъ на сцену съ окрашенныхъ скульптурныхъ украшеній на храмахъ. Такъ напримѣръ, позолоченные парики на дѣйствующихъ лицахъ, представлявшихъ Христа и апостоловъ, очевидно, вошли въ мистерію въ подражаніе церковной скульптурѣ. Къ вышеупомянутымъ подробностямъ о костюмѣ присовокупимъ, что ангелы одѣвались въ бѣлыя широкія ризы съ двумя крыльями; въ представленіи Страшнаго Суда къ ихъ ногамъ подвязывались котурны, для того чтобы быть выше обыкновенныхъ людей соотвѣтственно тому, какъ въ средневѣковой живописи священныя фигуры отличаются отъ обыкновенныхъ людей колоссальностью. На Страшномъ же Судѣ представлялись бѣлыя и черныя души: первыя въ бѣломъ одѣяніи, а послѣднія, съ черными лицами, въ черномъ и желтомъ. Нѣкоторыя лица были въ маскахъ, напримѣръ: дьяволъ и Иродъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что средневѣковой Западъ отличается въ литературѣ тѣмъ же религіознымъ направленіемъ, какъ и древняя Русь въ разсматриваемую нами эпоху. Если церковныя и монастырскія сказанія не успѣли ни въ Кіевѣ, ни въ Новѣгородѣ принять художественной формы серванты или мистеріи, то все же они жили въ народѣ и въ теченіе вѣковъ накапливали въ его сознаніи религіознонравственныя основы его народности.

Лѣтопись въ отдаленныя среднія времена состояла въ связи съ житіями и монастырскими сказаніями. Древнѣйшая русская лѣтопись, приписываемая Нестору (1056—1114), главнѣйшимъ образомъ содержитъ въ себѣ повѣствованіе о первыхъ просвѣтителяхъ Руси христіанскою вѣрою, о русскихъ святыхъ мученикахъ и о кіевопечерскихъ подвижникахъ. Дѣйствительно, житіе Ольги, Владиміра, Бориса и Глѣба и подвиги печерскихъ монаховъ составляютъ большую часть лѣтописи. Событія свѣтскія какъ бы присовокуплены только къ этой главной, церковной основѣ. Лѣтопись писана въ Кіевѣ, и именно въ Печерскомъ монастырѣ, потому что входитъ въ подробности этихъ мѣстностей. Лѣтописецъ слѣдуетъ возрѣніямъ составителей Кіевопечерскихъ сказаній, вошедшихъ въ Патерикъ. Онъ любитъ князей, покровительствующихъ книжное ученіе, и не терпитъ буйства и необузданности страстей, которымъ междуусобіи предлагали широкое поприще. Миротлюбивый князь Владиміръ Мономахъ есть столько же для лѣтописца идеаль умиренности и братолюбія въ эпоху княжескихъ раздоровъ, сколько является онъ и въ Патерикѣ идеаломъ благочестія и набожности. Въ панствіихъ половцевъ видитъ онъ казнь Божію на Русь за язычество въ народѣ и за междуусобія князей. Принадлежа къ передовымъ людямъ своей эпохи, онъ чувствовалъ все въ ней злое и былъ недоволенъ дѣйствительностью, находя оправданіе своему недовольству въ самыхъ казняхъ, которыя Богъ посылаетъ на Русь. Но онъ не отчаивается, и въ карающей десницѣ видитъ указаніе лучшаго пути къ исправленію своихъ современниковъ.

Намъ уже извѣстны древнѣйшія преданія, вошедшія въ лѣтопись, каковы сказанія объ Обрахѣ, Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди, о смерти Олега, о Древлянахъ, о Переславскомъ Кожемякѣ и др. Эти преданія, равно какъ и притчи, лѣтописцемъ заимствованы прямо изъ устъ народа: это элементъ древнѣйшій, народный, стоящій внѣ личныхъ соображеній и интересовъ лѣтописца. Ему занимаютъ только вопросы преимущественно историческіе—водвореніе христіанства на Русь и укрѣпленіе законной княжеской власти. Ему противны язычество и грубый произволъ междуусобій.

Постоянно веда въ связи древне-русскую письменную литера-

туру съ народною, изувною словесностію, мы должны здѣсь остановиться на одномъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ этой эпохи, именно на княжескихъ междоусобіяхъ, и поискать, не сохранились ли слѣды ихъ въ народной поэзіи.

Доселѣ поется народомъ, и не въ Южпой, Кіевской Руси, а въ областяхъ Великорусскихъ, именно въ Нижегородской губерніи, одна былина, въ которой изображаются самыми яркими красками междоусобныя распри между Кіевомъ и Черниговомъ. Это былина про казую-то Василису Даниловую *).

Не надобно затрудняться тѣмъ, что дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ междоусобіяхъ является князь Владиміръ Сеславичъ (т. е. Святославичъ). Мы его увидимъ еще и въ періодъ Татарскій.

Итакъ, былъ по обычаю пиръ у Кіевского князя Владиміра Святославича. Богатыри развеселились и стали другъ передъ другомъ хвалиться. Тогда князь Владиміръ возговорилъ:

Охъ вы гой есте, мои князья бояре!
Ужъ вы всѣ у меня переженены,
Только я одинъ холость хожу;
Вы ищите мнѣ невѣстунку хорошую,
Вы хорошую и пригожую,
Чтобъ лицомъ красна и умомъ свѣрстна,
Чтобъ умѣла русскую грамоту
И чстью-нѣтью церковному,
Чтобы было кого назвать вамъ матушкой,
Велнчать бы государыней.

Одинъ изъ присутствующихъ знаетъ такую особу, по имени Василису Никулишну; но она уже замужемъ за Данилою Деписевичемъ. Этотъ Данила будто бы и находится въ нѣкоторомъ подданствѣ князю Владиміру, но живетъ самостоятельно въ городѣ Черниговѣ.

Подобно Калевалѣ. Иліадѣ и другимъ народнымъ сказаньямъ о добываніи невѣсть, богатыри рѣшаются хитростію или даже съ

*) Записана священникомъ Фаворскимъ. Издана 2-мъ Отд. Академіи Наукъ въ Памятникахъ Великорусскаго нарѣчія. Стр. 9—17.

бою взять прекрасную Василису Никулишну. Только одинъ Илья Муромецъ не раздѣлялъ общаго мнѣнія, сказавъ:

„Ужъ ты батюшка Володиміръ князь!
Изведешь ты яснаго сокола—
Не пымать тебѣ бѣлой лебеди!“
Это слово князю не показалось,
Посадилъ Илью Муромца во погребѣ.

Итакъ, изъ Кіева идетъ рать противъ Данилы Денисьича ко городу Чернигову. Глядитъ Данила ко городу ко Кіеву:

Не бѣлы снѣги забѣлѣлися,
Не черныя гризи зачернѣлися:
Забѣлѣлася, зачернѣлася сила Русская
На того ли на Данилу на Денисьича.
Тутъ заплакалъ Данила горячими слезми,
Возгворить онъ таково слово:
„Знать гораздо я князю стать пепадобенъ;
Знать Володиміру не слуга я былъ!“
Береть Данила саблю боѣвую,
Прирубилъ Денисьичъ силу Русскую.

Но вотъ ѣдутъ на Данилу еще два богатыря, его родной братъ Никита Денисьевичъ и названный братъ Добрыня Никитовичъ. Заплакать тогда Данила горячими слезами и воскликнуть:

Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано.
Братъ на брата со боемъ идетъ!

Воткнулъ въ землю копые тупымъ концемъ, а на вострый самъ упалъ и такимъ образомъ лишилъ себя жизни.

Князь Владиміръ, узнавъ о смерти Данилы, ѣдетъ въ Черниговъ свататься ко вдовѣ этого героя. На его привѣтъ Василиса Никулишна восклицаетъ:

Ужъ ты батюшка Володиміръ князь!
Не цѣлуй меня въ уста во кровавы
Безъ моего друга Данилы Денисьича.

Однако, по желанію Владиміра, она снаряжается въ подвѣпечное платье и ѣдетъ съ нимъ къ Кіеву. На пути, проѣзжая поле

битвы, просить она князя, чтобы онъ пустилъ ее проститься съ ея убитымъ мужемъ. Владиміръ ее пустилъ съ двоими изъ богатырей. Подойдя къ трупу мужа, она сказала богатырямъ:

„Вы подите, скажите князю Владиміру,
Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
По чисту полю со мплымъ другомъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ“—

и убила себя.

Былина оканчивается торжествомъ нравственнаго чувства въ душѣ самого князя Владиміра:

Приѣхалъ Володиміръ во Кіевъ градъ,
Вынуцалъ Илью Муромца изъ погреба;
Цѣловалъ его въ головку, во темечко:
„Правду сказали ты, старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ!“—
Жаловалъ его шубой соболіною.

Л Е К Ц І Я 30-я.

Читана 26-го марта 1860 года.

Не смотря на самые грубые анахронизмы народнаго эпоса, не смотря на имя Владиміра—Красна Солнышка, покрывающее собою цѣлый рядъ князей отъ XI до XIII в., не смотря на Татарщину, которою, какъ густымъ слоемъ, застилаются въ пѣсняхъ всѣ враждебныя отношенія князя Кіевскаго къ прочимъ городамъ и удѣламъ,—все же для привычнаго глаза русская былина неоднократно предлагаетъ явственные слѣды воспоминаній о княжескихъ междоусобіяхъ.

Былина о борьбѣ Кіева съ Черниговомъ, припоровленной къ героической личности какой то прекрасной и энергической женщины, находитъ себѣ очевидное соответствіе въ древнемъ стихотвореніи, подъ названіемъ Ставръ (Годиновичъ) Бояринъ*).

Этотъ бояринъ, хотя и находится сначала на пиру Владиміра и какъ бы въ зависимости отъ этого князя, по тутъ же на пиру

*) Кирша Даниловъ. Древнія стихотворенія, стр. 123 и сл.

высказываетъ свою самостоятельность, вовсе не боярскую, а самостоятельность удѣльнаго князя, который свою силу противопоставитъ авторитету Кіевского князя.

Что это за крѣпость въ Кіевѣ (говоритъ онъ)
У Великаго Князя Владиміра?
У меня де, Ставра боярина,
Широкій дворъ не хуже города Кіева:
А дворъ у меня на семи верстахъ,
А гридни-свѣтлицы бѣлодубовы,
Покрыты гридни сѣдымъ бобромъ,
Поголокъ во гридняхъ черныхъ соболей,
Поль—середа одного серебра,
Крюки да пробои по булату злачены.

Вѣрные слуги донесли объ этой похвальбѣ Ставра боярина князю Владиміру—

Что есть у него дворъ на семи верстахъ,
Крѣпче города Кіева.

Князь въ гнѣвѣ велитъ сковать Ставра и посадить въ погреба глубокіе, а во дворъ его посылаетъ посла—

Чтобъ дворъ его запечатати,
И взять въ Кіевъ молодую его жену.

Но жена Ставра, узнавъ о предстоящемъ бѣдствіи, сама наряжается посломъ, и, встрѣтившись на пути съ посломъ Владиміровымъ, говоритъ ему:

А ѣдемъ мы изъ дальней Орды, Золотой земли,
Отъ грозна короля Етмануила Етмануиловича
Ко городу ко Кіеву,
Ко Великому Князю Владиміру,
Братъ съ него дани, невыплаты,
Не много-не мало за двѣнадцать лѣтъ—
За всякій годъ по три тысячи.

Итакъ, Ставрова жена прибыла въ Кіевъ подъ именемъ Васи-

лія Івановича—посла отъ короля Етмануила Етманупловича. Князь въ испугѣ ничего не подозрѣвалъ, но Княгиня ему говорила:

Ни о чемъ ты, Осударь, не печалуйся:
А не быть тому грозному послу Василью Івановичу,
Быть Ставровой молодой женѣ Василицѣ Микку-
лишичѣ.

Знаю я примѣты все по женскому:
Она по двору идетъ, будто уточка плыветъ,
А по горенкѣ идетъ, частенько ступаетъ. . . .
А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки.

Знакомая уже намъ Василиса Никулишна изъ города Чернигова является здѣсь грознымъ посломъ. Не смотря на подозрѣнія Княгини, она храбро и могущественно выдерживаетъ воинскія испытанія, предлагаемыя ей княземъ Владиміромъ. Какъ сѣверная востельница Бригильда, она одарена необычайною, ненормальною силою. Побѣдила въ единоборствѣ семерыхъ богатырей: одному изъ плеча руку выдернула, другому выломала ногу, третьяго убила наповалъ. Потомъ стрѣляли изъ тугихъ луковъ по сыру дубу за цѣлую версту. Минимый посоль состязался въ стрѣльбѣ съ двѣнадцатью богатырями. Сначала стрѣляли богатыри:

Попадаютъ они по сыру дубу:
Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыхъ,
Отъ той стрѣльбы богатырскія
Только сырой дубъ шатается,
Будто отъ погоды сильныя.

Минимый посоль не хотеть стрѣлять изъ богатырскихъ луковъ, и велитъ принести себѣ, какъ онъ выражается, свой лучонко волокитный. Бросились молодцы за этимъ оружіемъ, но оно оказалось колоссальныхъ размѣровъ:

Подъ первый рогъ несутъ пять человекъ,
Подъ другой несутъ столько же,
Колчанъ тащатъ каленыхъ стрѣлъ тридцать человекъ.

И говоритъ Ставрова жена Князю:

Что потѣшитъ де тебя, Князя Владиміра?—
Береть она во ту рученьку лѣвую

И беретъ стрѣлу каленую—
 Та была стрѣлка булатная.—
 Вытягала лукъ за ухо*);
 Сиѣла тетивка у туга лука:
 Звыла да пошла калена стрѣла,
 Угодила въ сыръ кряковистый дубъ,
 Хлеснетъ по сыру дубу—
 Изломала въ череня пожевые.

Итакъ, жена Ставра принадлежитъ къ воинственнымъ героинямъ первобытнаго эпоса; она же—по извѣстному уже намъ варианту—вѣрная и преданная супруга какого-то Черниговскаго влаетителя, ведущаго войну съ Кіевскою ратью. Это примѣненіе древнѣйшаго, донесторическаго эпизода къ эпохѣ междоусобныхъ распрей между удѣлами.

Минимый посоль не только блистательно выдержалъ испытаніе, но и показалъ свою великую силу. Князь Владиміръ сталъ чествовать посла веселымъ широмъ.—„Нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть?“—спрашивать посоль Князя. Тогда Князь вспомнилъ о Ставрѣ бояринѣ Годиновичѣ, велѣлъ его расковать и привести на ширъ. И пачалъ Ставръ Годиновичъ играть на гуслияхъ:

Сыгрышь сыгралъ Царя-града,
 Танцы навелъ Іерусалима,
 Величалъ Князя со Княгинею,
 Сверхъ того игралъ Еврейскій стихъ;—

Посоль задремалъ и спать захотѣлъ, говорилъ таковы слова:

„Гой еси, Владиміръ Князь!
 Не надо мнѣ твои дани, выходы,
 Только пожалуй веселымъ молодцомъ,
 Ставромъ бояриномъ Годиновичемъ.“

Князь, обрадовавшись, что такъ легко можетъ отдѣлаться, охотно отдать послу Ставра боярина, и супруги благополучно воротились восвоеси.

Примѣчаніе. Мѣсто объ игрѣ Ставра на гуслияхъ есть классическое для исторіи нашей древней поэзіи, въ связи съ музыкою.

*) Въ подлинникѣ здѣсь перенутано.

Оно свидѣтельствуєть намъ, что были въ ходу различные роды народнои поэзи, а именно:

1. Сыгрышъ Царяграда. Воспоминаніе о Цареградѣ доселѣ сохранилось въ хороводныхъ пѣсняхъ и даже въ отдаленныхъ концахъ нашего отечества, напр. въ Оренбургской губерніи:

Подойду, подойду,
Подъ Царьгородъ подойду!
Вышибу, вышибу,
Коньемъ стѣну вышибу!
Выкачу, выкачу,
Съ казной бочку выкачу! *)

Въ Малороссіи доселѣ поется одна пѣсня, въ которой описываются походы русскихъ витязей въ Цареградъ для службы Греческимъ императорамъ **). Вотъ она въ переложеніи на великорусское нарѣчіе:

„Ой подь вербою, подь зеленою, стояла рада (совѣтъ) молодець—громада, рядили они добрую раду (совѣтъ): не кунимъ мы, братцы, золотыхъ перетней, кунимъ мы, братцы, шолковые шнуры, полковые шнуры—мѣдныя чолны; спустимся внизъ да по Дунаю, по Дунаю подь Царьгородъ. Знаемъ мы тамъ добраго пана (то есть, господина вообще): будемъ мы ему вѣрно служить,—а онъ будетъ намъ щедро платить—по вороному коню, по золотому сѣдлу“ и пр.

2. Танцы Герусалима—предметъ необъяснимый. Вѣроятно, тенцоны—извѣстный родъ средневѣковой поэзи.

3. Величанья Князя со Княгинею. Они доселѣ сохранились въ извѣстной подблюдной пѣснѣ:

„Слава Богу на небѣ—Слава!
Государю нашему на сей землѣ—Слава! и пр.

4. Еврейскій стихъ. Это, безъ сомнѣнія, стихи духовнаго содержанія, частью заимствованные и изъ Еврейской исторіи, то есть, изъ Ветхаго Завѣта, напр. объ Иосифѣ Прекрасномъ, объ Адамѣ и Еввѣ.

*) Снегиревъ. Русскіе простонародные праздники и обряды. Ч. 3, стр. 45.

***) Пѣсни собранія Костомаровымъ въ Малорусскомъ сборникѣ Мордовцева, 1859 г., № 8.

Но возвратимся къ пѣснямъ о междоусобіяхъ. Между древними стихотвореніями есть еще былина, въ которой явственпо говорится о нашествіи Кіевского войска на Черниговъ. Это былина объ Иванѣ Годіновичѣ, одномъ изъ богатырей Владиміровыхъ *).

Разъ на пиру князь Владиміръ совѣтуетъ Ивану Годіновичу жениться и самъ сватаетъ ему невѣсту въ городѣ Черниговѣ у какого-то гостя богатаго Дмитрія. Но онъ уже стоворилъ свою дочь за царя дальней земли Загорской, и на письменное предложеніе Владиміра отвѣчаетъ надмѣнно. Владиміръ, узнавъ объ отказѣ, приходитъ въ гнѣвъ и восклицаетъ:

„Гой еси, Иванъ Годіновичъ!
Возьми ты у меня Князя сто человекъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У Книжни ты бери другое сто,
У себя, Иванъ, третье сто;
Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ,
Честью не дасть, ты и слою бери.“

Иванъ Годіновичъ добываетъ себѣ съ бою невѣсту изъ Чернигова, точно такъ же, какъ Владиміръ князь, по извѣстной уже намъ изъ прошлой лекціи былинѣ.

Самое полное и блистательное выраженіе эпохи междоусобій въ русской поэзіи предлагаетъ намъ знаменитое Слово о полку Игоревѣ, имѣющее предметомъ неудачный походъ Игоря и брата его Всеволода, Святославичей, въ 1185 году.

Оба эти князя принадлежали къ мелкимъ удѣльнымъ князьямъ—Ольговичамъ. Игорь княжилъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ, а Всеволодъ въ Курскѣ. Оба были дѣти Святослава Ольговича, князя Черниговскаго († 1165). Братъ этого Святослава, Всеволодъ Ольговичъ, былъ Кіевскимъ княземъ съ 1139 по 1146 г. Сынъ его Святославъ Всеволодовичъ, по смерти своего дяди, отца Игоря, герою поэмы (въ 1165 г.), овладѣлъ Черниговскимъ престоломъ, а въ 1181 г. этому же Святославу добровольно уступили Кіевъ Ростиславичи, потомки Мономаха. Этотъ-то Святославъ Всеволодовичъ († 1194 г.)

*.) Кириша Давидовъ. Древнія стихотворенія, стр. 135.

быть великимъ княземъ въ Южной Руси, когда двоюродные его братья Игорь и Всеволодъ Святославичи походили противъ Половцевъ и были воспѣты въ извѣстномъ Словѣ.

Итакъ, въ то время когда на сѣверо-востокѣ древней Руси, въ княженіи Владимірекомъ возникаетъ новый порядокъ вещей подъ влияніемъ рода Мономаховичей, Южная Русь съ своими усобицами и пабѣгами половецкими нашла себѣ самое полное литературное выраженіе въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Это литературное произведеніе, основанное уже на преданіяхъ Бояна и другихъ княжихъ пѣвцовъ, составлено человекомъ, раздѣлявшимъ мнѣнія и убѣжденія передовыхъ людей своего времени. Онъ держится направленія историческаго и интересуется современными событіями. Взвѣсивъ за перо, онъ думать было подражать древнимъ пѣвцамъ чисто народнаго эпическаго склада: „Не лучше ли намъ, братія, начать старыми словами трудную повѣсть о полку Игоревомъ—Игоря Святославича?“ — спрашиваетъ онъ въ самомъ началѣ своего Слова, разумѣя подъ старыми словами, замышленіе, то есть, вымыслы Бояна и древній народній эпосъ. Но тотчасъ же онъ оставляетъ намѣреніе слѣдовать старымъ словамъ, то есть, древнему народному эпосу, и указываетъ новый, историческій путь: „Пачатся этой пѣснѣ по былинамъ сего времени, а не по замышленію Боянову.“ Однако, какъ человекъ, проникнутый поэзією Бояна, авторъ Слова постоянно приводитъ, то мифологическіе намеки на Волоса, Стрибога, Дажьбога, Хорса, то эпическія басни о какомъ-то Троянѣ, о дѣвѣ, которая лебедными крыльями плещетъ на синемъ морѣ, о Всеславѣ Полоцкомъ, вѣщемъ оборотнѣ, то наконецъ отдѣльныя выраженія и цѣлыя отрывки изъ замышлений Бояна. Эта древняя эпическая основа проходитъ черезъ все Слово, придавая поэтическій колоритъ замышленія Боянова былинамъ того времени о походѣ Игоря *).

Впрочемъ повѣствованье о походѣ Игоря на Половцевъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, вполне согласуется съ свидѣтельствами лѣтописей.

*) См. в. Лѣтописяхъ русской литературы и древности: Русская поэзія XI и начала XII в., кн. I, стр. 8—31. О поэтическомъ языкѣ Слова о полку Игоревѣ см. Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи, стр. 22—27, 30—34.

Отправляясь въ путь, Игорь взглянул на свѣтлое солнце и увидѣлъ отъ него всѣхъ своихъ воиновъ тьмою прикрытыми. Оно затмилось. Это дурной знакъ. Види, что предпріятіе не къ добру, князь восклицаетъ: „братцы и дружина! Лучше быть убитымъ, чѣмъ попасть въ плѣнъ! А сидемъ, братцы, на своихъ борзыхъ коней и посмотримъ снѣга Дона! Хочу преломить конье на полѣ Половецкомъ съ вами, Русичи! Хочу голову свою приложить, или нести племомъ Дону!“

Кони ржутъ за Сулою, звенитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣгородѣ (Сѣверскомъ), стоитъ знамена въ Путнвѣѣ. Игорь ждетъ мила брата Всеволода.

И говоритъ ему буй-туръ Всеволодъ: „одинъ ты у меня братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый, ты Игорь! Оба мы Святославичи! Сѣдай, братецъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы, оседланы у Курска, а мои курскіе воины хитры и свѣдомы, подъ трубами новиты, подъ пледами вздѣланы, кощемъ конья вскормлены; пути имъ вѣдомы, овраги имъ знаемы, луки у нихъ напряжены, тулы отворсны, сабли изострены. Сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ищучи себѣ чести, а князю славы.“

Тогда вступилъ Игорь въ золотое стремя и поѣхалъ по чистому полю.

Все предвѣщало ему бѣдствія. Солнце ему тьмою путь заступило. Ночь, стояная грозою, будила птицъ; звѣри свищутъ въ оврагахъ. Половцы бѣгутъ неготовыми дорогаму къ Дону великому; скрываютъ ихъ телѣги въ полуночи, будто распущенные лебеди. А Игорь къ Дону войско ведетъ. Птицы летятъ свѣдомъ, чуя себѣ поживу; волки грозу сторожатъ по оврагамъ; орлы клеткомъ на кости звѣрей зовутъ; лисицы брешутъ на красные щиты. О, Русская земля! Ты уже за горами!

Ночь меркнетъ. Заря-свѣтъ зашла, мгла поля покрыла, умолкла пѣсня соловья, говоръ галокъ проснулся. Русичи великія поля своими красными щитами перегородили, ищучи себѣ чести, а князю славы.

Рано въ пятницу Русичи потоптали поганыхъ Половцевъ: и разсыпались по полю стрѣлами, помчали въ плѣнъ красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними золото и паволоки (ткани), и драгіе ок-

самнты, а епанчами и шубами стали мосты моститъ по болотамъ и тонкимъ мѣстамъ, и всякими узорочьями половецкими.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо (то есть, Ольговичи), далече оно залетѣло. Не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чорный воронъ, поганый Половчиннъ!

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.—

Походъ не кончился этою счастливою битвою. Зловѣщія предсказанія должны были оправдаться надъ головою князя Игоря.—

На другой день очень рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, черныя тучи съ моря идутъ, хотять прикрыть четыре солнца*), а въ тучахъ трепещуть снѣгі молніи. Быть грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Тутъ копыямъ преломаться, тутъ саблямъ потручатъ о племы половецкіе на рѣкѣ на Каялѣ у Дону великаго. О, Русская земля, ты уже за горами!

Вотъ вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы! Земля стонетъ, рѣки мутно текутъ, туманы поля покриваетъ—знамена говорятъ. Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ сторонъ.

Русскіе полки отступили. Дѣти бѣсовы кликами своими полки перегородили, а храбрые Русичи перегородили красными щитами.

Ярь-гуръ Всеволодъ! стоишь ты на оборонѣ, прищешь па вонповъ стрѣлами, гремишь о племы мечами булатными. Куда ты поскачешь, своимъ золотымъ племомъ посвѣчивал, тамъ лежать поганья головы половецкія, тамъ ращепаны саблями калеными племы оварекіе, отъ тебя, Ярь-гуръ Всеволодъ! Всякая рана тебѣ не почемъ: ты ужъ не думаешь ни о чести, ни о жизни, ни о городѣ Черниговѣ и отческомъ златомъ престола, ни о свычаяхъ и обычаяхъ своей милой супруги Глѣбовны**).

Съ зараніи до вечера, съ вечера до свѣту летять стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о племы, трещать конья въ полѣ незнаемомъ, среди земли Половецкой. Черна земля подъ копытами косями была посѣяна, а кровью полита, бѣдою взошли тѣ кости по Русской землѣ.

*) То есть, Игоря, брата его Всеволода Трубчевскаго, сына его Владиміра Путивльскаго и племянника—Святослава Ольговича Рильскаго.

***) Ольга Глѣбовна, дочь Глѣба Юрьевича, брата Андрея Боголюбскому.

Что мигъ шумить, что мигъ звенить рано передъ зарями? Игорь полки заворачиваетъ. Жаль ему милого брата Всеволода. Билсь день, билсь другой: третьяго дня къ полудню пали знамена Игоревы. Тутъ разлучилсь братья на берегахъ быстрой Каалы. Тутъ кроваваго вина не достало: тутъ ширь dokonчали храбрые Русичи; сватовъ попили, а сами полегли за землю Русскую.

Поникла трава отъ жалости, и дерево печально (съ тугою) къ землѣ приклонилось! Уже, братцы, невеселая година встала, встала обида въ силахъ Дажь-божа внука! Вступила дѣвою въ землю Троянову, всплескала лебедиными крылами на сипемъ морѣ, у Дону плещучи. Въ усобицахъ князья отъ поганыхъ погибали. Говорить братью брату: „это мое, и это мое же,“ и стали князья о маломъ заботиться, какъ о великомъ; сами на себя крамолу ковали: а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на Русскую землю.

О! далече залетѣлъ соколы, птиць побивая къ морю! А Игоревъ храбраго полку не воскреситъ!

Жены рускія восплакались, приговаривая: уже намъ своихъ милыхъ супруговъ (ладъ) ни мыслию смелити, ни дуемою судумати, ни очами сглядати, а золота и серебра а меньше того потрениати!

А возстонать, братцы, Кіевъ печалью, а Черниговъ напастями; тоска разлилась по Русской землѣ; печаль великая протекла середь земли Русской! А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые парискивали побѣдами на Русскую землю, брали дань по бѣлѣ отъ двора.

Нѣмцы и Венеціане, Греки и Моравы поютъ славу Святославу, каютъ князя Игоря.

Игорь высадился изъ златаго сѣдла и сѣлъ въ сѣдло пѣшника. Упыли городскія стѣны и веселіе поникло.—

Бѣдствіе Игоря отозвалось на Русь чудеснымъ, необычайнымъ образомъ. Святославъ князь видѣлъ въ Кіевѣ вѣщій сонъ, извѣстившій его о бѣдственномъ исходѣ набѣга. Въ то же время, супруга Игоря, Евфросинія Ярославна*), исполненная зловѣщихъ предчувствій, оплакивала великую бѣду, рано утромъ въ Путивлѣ на городскихъ стѣнахъ.

Намъ уже извѣстна ея вѣщая пѣсня, граціозная по чувству любви, и вмѣстѣ величавая, какъ заклятіе, съ обращеніемъ къ госпо-

*) Дочь Ярослава Владиміровича Галицкаго Осмомысла.

дину Вѣтру, къ Диѣпру Словутичу и къ господину Солицу, столь враждебнымъ Игорю. Какъ героиня древняго эпическаго періода, она представляетъ себя безчастною кукушкою, и желала бы летѣть къ Дунаю, омочить бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ и утереть кровавыя раны свосму милому князю.

Нѣжный ли призывъ любящей супруги, или вѣщія слова заклинанія рѣшили судьбу Игоря, только онъ тотчасъ же свѣнитъ на эти родные звуки, раздающіеся съ городскихъ стѣгъ Путивля.—

Прыснуло море въ полночи; пдутъ тучи мглами. Игорю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой въ землю Русскую. Погасли вечернія зори. Игорь спитъ, Игорь бодрствуетъ, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Конь готовъ къ полуночи. Овлурь *) свиснулъ за рѣкою, велитъ князю разумѣть.

Кликнула, стукнула земля, занумѣла трава. Вѣжи половецкія двинулись. А Игорь скочилъ горностаемъ въ тростникъ, а бѣлымъ гоголемъ на воду. Бросился на борзаго коня; потомъ скочилъ съ него босымъ волкомъ, и понесся къ луку Донца. Полетѣлъ соколомъ подѣ мглами, избивая гусей и лебедей, къ завтраку, къ обѣду и ужину. Когда Игорь соколомъ летѣлъ, тогда Влурь (Овлурь) волкомъ бѣжалъ, труся собою студеную росу. Измучили они своихъ борзыхъ коней.

Донецъ говоритъ: „Князь Игорь! Не мало тебѣ величія, а Кончаку нелюбія, а Русской землѣ веселія!“ Игорь говоритъ: „О Донецъ! Не мало тебѣ величія, что ты летѣлъ князя на волнахъ, сталъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми мглами подѣ свѣію зеленыхъ деревъ, стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чирками на вѣтрахъ.“

„Не такъ,—говоритъ онъ,—рѣба Стугна, злую струю имѣя, пожавши чужіе ручки, разбила о кусты ладья! Юношѣ князю Ростиславу затворилъ Диѣпръ темные берега. Плачется мать Ростиславля по юношѣ князѣ Ростиславѣ. Уняли цвѣты жалобю, и дерево печально къ землѣ приклонилось.“

Какъ трогательно это воспоминаніе въ устахъ бѣдствующаго Игоря!

*) Крещеный половчанинъ Лавръ, способствовавшій побѣгу Игоря.

По слѣду Игореву ѣдетъ Гзакъ съ Кончакомъ. И молвить Гзакъ Кончаку: „Коли соколъ къ гнѣзду летить, растрѣляемъ-ка соколича золочеными стрѣлками“ *)! Говорить Кончакъ Гзаку: „Коли соколъ ко гнѣзду летить, а мы соколича опутаемъ красною дѣвицею“, (т. е. женимъ). И отвѣчалъ Гзакъ Кончаку: „Коли его опутаемъ красною дѣвицею, не будетъ памъ ни соколича, ни красной дѣвицы: и почнуть насъ итницы бить въ полѣ Половецкомъ.“

Солнце свѣтится на небѣ—Игорь князь въ Русской землѣ. Дѣвицы поють на Дунаѣ:—вьются голоса черезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Св. Богородицѣ Пирогощей **).

Страшы рады, города весель; пѣвни пѣсно старымъ князьямъ—потомъ молодымъ пѣть. Пѣть славу Игорю Святославичу, Буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу.

Да здравствуютъ князья и дружина, побораѣ за христіанъ на поганые полки. Князьямъ слава, а дружинѣ—аминь.

ЛЕКЦІЯ 31-я.

Чтана 29-го марта 1860 года

Въ то время, когда неизвѣстный авторъ воспѣвать неудачный походъ князей Сѣверскихъ, Игоря Новгородскаго и Всеволода Трубчевскаго, слѣдуя старымъ словесамъ княжихъ пѣвцовъ, и, очевидно, будучи преданъ этимъ князьямъ и ихъ интересамъ, какъ бы одинъ изъ дружины ихъ,—великимъ княземъ во Владимірѣ былъ Всеволодъ Георгіевичъ (1176—1212), сынъ Георгія Долгорукаго, внукъ Владиміра Мономаха. „Въ 1201 г., какъ сказано въ лѣтописи, послалъ благовѣрный и христілюбивый князь великій Всеволодъ Георгіевичъ, внукъ Владиміра Мономаха, сына своего Ярослава въ Переяславль Русскій княжить, на столъ правды и дѣда своего; самъ великій князь былъ тогда въ Переяславлѣ съ дѣтми своими Константиномъ и Георгіемъ. Переяславцы, взявши князя своего отъ Св. Спаса, пошли съ радостію великою, хваля Бога и Св. Богородицу и Св. Михаила, давшаго имя князя, котораго они желали; братья же,

*) Соколъ—Игорь, Соколичъ—его сынъ Владиміръ.

***) Боричево—Кіевское урочище. Храмъ Богоматери Пирогощей заложенъ В. К. Мстиславомъ въ 1131 г.

Константинь и Георгій, проводили его съ честію: и была великая радость въ городѣ Переяславѣ.“ Къ этому-то юному Переяславскому князю изъ рода Мономаховичей, къ Ярославу Всеволодовичу писалъ свое посланіе въ началѣ XIII в. какой-то Данило Заточникъ, неизвѣстно за что сосланный и заточенный на озеро Лачь (теперь въ Олонецкой губерніи *). Отдаленность ссылки можетъ быть объяснена тѣмъ, что при Всеволодѣ Георгіевичѣ Новгородская область была подчиняема власти Мономаховичей.

Данило Заточникъ называетъ себя жителемъ города Переяславля, сыномъ рабыни князя Ярослава Всеволодовича, то есть, подданнымъ этого князя и сыномъ его подданной, природнымъ слугою князя Переяславскаго, однимъ изъ самыхъ преданныхъ людей его дружины.

Какъ человѣкъ искренно любящій Ярослава Всеволодовича, онъ говоритъ: „Княже мой господине! какъ дубъ крѣпится множествомъ корней, такъ и градъ нашъ твоею державою. Кормчій глава кораблю, а ты, Княже, глава людямъ своимъ. Видѣть и однажды полкъ безъ князя, и сказалъ: великъ звѣрь, а головы не имѣеть: мужья глава женамъ, а мужамъ князь, а князю Богъ. Какъ наволока, многими шелками нещерепа, красно лицо являетъ: такъ и ты, Княже нашъ, многими человѣками славенъ и честенъ во всѣхъ странахъ явидся. Какъ неводъ не удержитъ воды, но беретъ множество рыбъ, такъ и ты, Княже нашъ, не удержи богатства, но раздай сильнымъ, совокупля храбрыхъ, и тѣмъ добудешь себѣ и золота, и городовъ.“ — „Земля подастъ плодъ обильный, дерева оwoць, а ты, Княже нашъ, богатство и славу; потому что все притекають къ тебѣ и пріемлють въ печали избавленіе, сироты и вдовицы, отъ богатыхъ потоцлемыя; притекають они къ тебѣ, какъ къ заступнику Богу. Птєпци радуются подъ крыльями своей матери, а мы веселимся подъ твоею державою. Избави меня, господине, отъ нищеты моей, какъ серну отъ тенетъ, какъ птицу отъ западни, не торгни меня отъ скудости моей, какъ утєпка изъ когтей ястреба, какъ овцу отъ волка: ибо кто въ печали мужа призритъ—будто водою студеною напоитъ въ день знойный.“ — „Княже мой господине! Орелъ царь надъ птицами, а осетръ надъ рыбами, а левъ надъ звѣрьми,

*) По рукописи XV в. издано Ундольскимъ въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., кн. 2-я.

а ты, Княже, надъ Переяславцами. Левъ рыкнетъ—кто не устрашится?—а ты, Княже, речешь—кто не убоится? Какъ змій страшенъ своимъ свистаньемъ, такъ и ты, Княже нашъ, грозенъ множествомъ сильныхъ воиновъ. Золото—красота женамъ, а ты, Княже, красота людямъ своимъ. Тѣло крѣпится жилами, а мы, Княже, твоею державою. Птенцы радуются веснѣ, а младенцы матери, а мы, Княже, тебѣ. Гусли строятся перстами, а городъ нашъ твоею державою. Какъ птица рыбчикъ*), не только собираетъ своихъ птенцовъ, но и отъ чужихъ гнѣздъ приноситъ яйца: такъ и ты, Княже, многихъ около себя совокупилъ, не только своихъ домочадцевъ, но и отъ иныхъ странъ приходящихъ къ тебѣ, ради твоей обычной милости. Ибо князь милостивый, какъ источникъ тихій, не только скотовъ напаяетъ, но и людей.“

Хотя, обращаясь къ князю Ярославу Всеволодовичу, Данило Заточникъ неоднократно говоритъ: „азъ рабъ твой, сынъ рабыни твоея“,—однако не надобно разумѣть, чтобъ онъ былъ дѣйствительно изъ холоповъ. Напротивъ того, съ великою гордостью онъ относится о боярахъ и особенно презираетъ холопскую у нихъ службу, потому ли, что онъ претерпѣлъ отъ нихъ много неприятностей и даже, можетъ быть, заточенъ по ихъ интригамъ, или потому, что гордая душа Заточника преклонялась только передъ княземъ, которому былъ онъ искренно преданъ. Какъ бы то ни было, по слѣдующія слова Заточника въ высшей степени любопытны и важны для исторіи общественаго быта древней Руси: „Княже мой господине! Былъ я въ великой нуждѣ, подъ рабскимъ ярмомъ пострадать, и испыталъ въ немъ все злое! Лучше мнѣ видѣть свою погу въ лаптѣ въ твоемъ дому, нежели въ красномъ сапогѣ—въ боярскомъ дворѣ. Лучше мнѣ тебѣ въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ—въ боярскомъ дворѣ. Не лѣпо видѣть золотую серьгу въ поздыхъ свиньи, и на холопѣ—красивое одѣяніе. Дай котлу хоть золотыя кольца въ уши, но дну его никогда не избыть черноты и копоти: такъ и холопу: сколько ему ни гордиться, но укора ему своего не избыть—холопья имени. Лучше бы мнѣ воду пить въ твоемъ дому, нежели пить медъ въ боярскомъ дворѣ. Лучше мнѣ хоть воробья испеченаго принять отъ твоей руки, нежели плечо баранье отъ руки злыхъ

*) Въ подлинникѣ—рыбъ.

бояръ. Много разъ казался полныю рабскій хлѣбъ въ устахъ монахъ. Доброму господину служба, дослужившись свободы, а злomu мужу служба, дослужившись большей работы (то есть, рабства).“ Въ другомъ мѣстѣ еще съ большею энергіею намекаетъ онъ на недостойное холопство у бояръ. Присоединяя свои собственные изреченія къ народнымъ пословицамъ, онъ говоритъ: „глаголется въ мірекихъ притчахъ: не птица въ птицахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣряхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не скотъ въ скотахъ коза, не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ“ (т. е., въ рабствѣ).

Въ своей непамяти и презрѣніи къ боярамъ, Заточникъ внушаетъ князю осторожно пользоваться ихъ совѣтами: „Не море потопляетъ корабль,—говоритъ онъ,—но вѣтры: такъ и ты, Княже, не самъ впадаешь въ печаль, но введутъ тебя думцы (то есть, съ кѣмъ думаешь, твои совѣтники): не огонь разжигаетъ желѣзо, но надуваніе мѣхами.“

По непониманью намекамъ можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о характерѣ Заточника. Наввно сознается онъ князю: „Княже, господине мой! Хотя я тебѣ па рати не храбръ, но па словахъ крѣпокъ.“—„Храбраго, Княже, скорѣе добудешь, а умный дороже его; потому что умныхъ дума добра: у тѣхъ и полки крѣпки и города тверды. А у которыхъ полки сильны безъ думы, на тѣхъ бываетъ побѣда: ибо многіе, ополчаясь на большіе города, съ своихъ меньшихъ сѣдаютъ“ *).

Какъ бы оправдывая себя въ малой отвагѣ па войнѣ, Заточникъ присовокупляетъ: „умный мужъ не очень храбръ па ратяхъ бываетъ, но крѣпокъ въ замыслахъ. Потому хорошо собирать около себя мудрыхъ.“—„Нашедши мужа мудраго, говори съ нимъ, и прилѣпи къ нему сердце твое. Сказано въ Писаніи: взыщи премудрость и жива будетъ душа твоя; прилѣпляясь къ премудрымъ, премудръ будешь. Мужа лукаваго бѣгай и наставленія его не слушай. Ибо очи мудраго во главѣ, а безумный какъ во тмѣ ходитъ. Мужа мудраго пошлавъ, мало ему наказывай, а безумнаго пошлавъ, и самъ не лѣнися по немъ идти.“

Заточникъ имѣетъ какія-то темныя понятія о мудрости аѳинскихъ философовъ, но сознается, что не отъ нихъ научился мудро-

*) Намекъ на княжескія распри изъ за великокняжескаго стола.

сти: „Княже мой господине! Хотя я не въ Аѳинахъ выросъ и не у философовъ учился, но, какъ пчела изъ различныхъ цвѣтовъ, изъ книгъ собираю я сладость словесную, совокупляя мудрость, какъ въ мѣхъ воду морскую.“

Горько жалуется онъ на свои бѣдствія, впрочемъ присовокупляеть, что они исправляютъ человѣка и научаютъ его мудрости: „Княже мой господине! Ржавчина ѣстъ желѣзо, а печаль человѣку умъ отнимаетъ. Моль ризы портитъ, а печаль умъ человѣку. Какъ олово, много разжигаемое, гибнетъ, такъ и человѣкъ, многія бѣды пріемли худѣеть.“ — „Злато некушается огнемъ, а человѣкъ, — напастьми. Пшеница, много мучима, чистъ хлѣбъ являетъ, а человѣкъ бѣды подымля, смышленъ обрѣтается. Кто не бывалъ во многихъ бѣдахъ, яко у бѣса на всапри, въ томъ прѣтъ вѣжества. Ничто не можетъ стрѣлою звѣзды выстрѣлить, ни въ напасти смышлять.“ — „Хоть я и не мудръ, но все же нѣсколько мудрости встрѣтилъ во воротахъ, разумныхъ людей сапоги носилъ, въ ризы смышленныхъ облачался.“

„Или ты скажешь мнѣ, Княже, что отъ безумія сказалъ я такое слово: то не видѣлъ я неба полстiana, ни звѣздъ лутовяиныхъ, ни безумнаго мудрость глаголюща... Ни мертвеца размѣшнить, ни безумнаго научить. Когда пожретъ снница орда, тогда безумный уму научится. Какъ въ углую тыкву дуть, такъ безумнаго учить... Безумныхъ не орутъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, ни ткуть, ни прядутъ, но сами рождаются.“

„Или, Княже, скажешь мнѣ: ты солгалъ мнѣ, какъ тать: то, еслибы умѣлъ красть—столько бы къ тебѣ не скоробѣлъ. Пбо мужъ погубляетъ свою красоту татьбою.“

Этотъ благородный человѣкъ, предпочитавшій лучше страдать, нежели унизиться до раболѣпія и подлости, быть свѣтскаго званія, какъ это видно изъ слѣдующаго:

„Или ты скажешь мнѣ, Княже, у богатаго тестя жепшь: тутъ пей и ѣшь! То лучше мнѣ лихорадкою болѣть, нежели со злою и нелюбою женою быть. Лихорадка потрясетъ и отпуститъ, а злая жена до смерти сушитъ“....

„Или речешь, Княже: постригись въ черицы!... то лучше мнѣ такъ скончать свою жизнь, нежели, воспріемши ангельскій образъ, Богу солгать. Можно лгать міру, а не Богу. Богу нельзя

лгать, ни вышнимъ играть. Ибо многіе, отшедши отъ міра сего въ монастырь, опять возвращаются на мірскія дѣла: обходятъ села и дома славныхъ міра сего, яко пси ласкосердїи; гдѣ браки и шпы—тутъ монахи и монахини беззаконныс. Отеческій имѣють на себѣ санъ, а правомъ развратны; свитительскій имѣють на себѣ санъ, а обычаемъ непростойны.“

Эти сатирическія выходы противъ злоупотребленій монашества увѣряють насъ, что наша древняя литература вовсе не ограничивалась монашескимъ направленіемъ.

Если начинаетъ свое Слово Заточникъ какъ то пслово, будто паугадъ взятыми изъ Св. Писанія текстами, то оканчиваетъ энергическими желаніями своему любимому князю всего лучшаго:

„Воскресни, Боже! Суди земли. Воздвигни князя, разбуди бояръ! Умножь силу Князю нашему! Укрѣпи насъ и утверди лѣннвыхъ. Вложи ярость въ сердце боязливыхъ. Не дай, Господи, въ полонъ земли нашей языкамъ, незнающимъ Бога, да не рекутъ иноплеменики: гдѣ Богъ ихъ?... Подай же, Господи, Князьямъ нашимъ силу Самсонову, храбрость Александрову, Иосифовъ умъ, Соломонову мудрость, кротость Давыдову. Умножи люди во вѣки по державѣ твоей, да славятъ Тебя всѣ страпы и всякое дыханіе человѣческое.“

Это замѣчательное Слово, исполненное нравственныхъ идей, облеченныхъ въ форму пословицы, или притчи, дошло до насъ во многихъ спискахъ, преимущественно въ спискахъ Пчелы, то есть, собранія нравственныхъ изреченій на различныя темы. Въ позднѣйшихъ спискахъ XVII в. *) въместо Переяславскаго князя Ярослава Всеволодовича, упоминается просто сынъ Царя Владиміра, то есть, князя Владиміра Мономаха, полагають—Юрій Долгорукій **). По списку XV в. принятому нами, Заточникъ, оплакивалъ свое горе, выражается игривою поговоркою: „Кому Переяславль, а мнѣ Гореславль.“ Въ спискахъ позднѣйшихъ эта мысль примѣнена къ мѣстности Владимірскаго княжества: „Кому Любово (или Боголюбово, какъ въ иныхъ спискахъ), а мнѣ горе лютое.“—„Кому озеро Лачь, а мнѣ на немъ ндя—плачь горькій.“—Тоже въ примѣненіи къ третьей мѣстности.

*) По изданію Балайдовича въ Памятникахъ Русской словесности XII в.

**) Смотр. Филарета Обзоръ Русской духовной литературы, § 35, стр. 51, гдѣ это слово отнесено къ Юрію Долгорукому.

Разсмотрѣвъ древнюю нашу литературу до Татарщины, возникшую подъ вліяніемъ княжескихъ интересовъ, какъ Мономахова, такъ и Ольгова рода, теперь предложимъ характеристику важнѣйшихъ направленій нашей литературы подъ вліяніемъ духовнаго просвѣщенія той эпохи.

Эти направленія даны были Византіею вмѣстѣ съ самими идеями и предметами для литературной дѣятельности древнихъ русскихъ писателей духовнаго чина. Потому для яснаго уразумѣнія этого предмета необходимо познакомиться съ тѣми изъ произведеній, принесенныхъ къ намъ изъ Византіи, которыя послужили на Руси образцомъ или источниками для лѣтописей, патерика, духовныхъ повѣствованій, житій и легендъ, для поученій разнаго рода, даже для духовныхъ стиховъ и вымышленныхъ сказаній.

Но прежде, нежели войдемъ въ подробности отдѣльныхъ произведеній Византійской и вообще древне-христіанской литературы, оказавшихъ вліяніе на развитіе литературныхъ идей древней Руси*), почитаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о господствовавшемъ въ средніе вѣка и у насъ, и на Западѣ, символическомъ направленіи, которое уже въ XI вѣкѣ было усвоено нашими предками въ переводахъ разныхъ византійскихъ сочиненій.

Въ первыя времена христіанства, сверхъ античныхъ фигуръ Орфея или Нептуна, и сверхъ извѣстныхъ символическихъ знаковъ рыбы, пальмы, голубя, пѣтуха и т. п., употреблялись въ искусствѣ, для выраженія евангельскихъ идей и событій — соотвѣтствующія имъ сцены изъ Ветхаго Завѣта.

Еще не дерзая бранными формами живописи или скульптуры выразить необъятныя тайны Искупленія, художники только намекали на эти великія идеи, ставя имъ въ параллель прообразующія ихъ событія Ветхаго Завѣта. Этотъ параллелизмъ составляетъ главную характеристическую черту древнѣйшихъ христіанскихъ изображеній на саркофагахъ и на стѣнахъ въ катакомбахъ.

Иона, извергнутый изъ чрева кита — символически означалъ Воскресеніе Иисуса Христа**).

*) Какковы: Палея, Хронографъ, Физиологи, или Бестиарій, Лимонарь, Скитскій Патерикъ, Римскій, Климакъ, или Лѣствица, книга Старецъ, или Старчество Исторія о Варлаамѣ и Юсафѣ царевичѣ и проч.

***) Aringhi Roma Subterranea, стр. 214.

Грѣхопаденіе Адама и Еввы соотвѣтствовало Искупленію грѣховъ всего рода человѣческаго *).

Ной, выпускающій изъ ковчега голубицу—будущее спасеніе въ нѣдрахъ христіанской церкви.

Моисей, жезломъ извлекающій изъ скалы воду—источникъ вѣчной жизни, открывающійся намъ въ крещеніи и т. д.

Уже гораздо позднѣе стали изображать событія изъ Новаго Завѣта; хотя они и встрѣчаются въ катакомбахъ, но уже въ позднѣйшихъ. Напр. Цѣлованіе Елисаветы, Рождество, Крещеніе, Распятіе **).

Оставляя въ сторонѣ богословское значеніе, не можемъ не признать того же стilia въ толкованіяхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта или въ Толковыхъ книгахъ, которыя составлялись въ IV и V-мъ вѣкахъ, и къ намъ въ переводахъ съ греческаго перешли уже въ XI в., какъ напр. Толковая Псалтырь и Толковые Пророки (по списку Упиря 1047 г.).

Этотъ символическій параллелизмъ, имѣющій свое глубокое основаніе въ идеѣ о прообразованіи и пророчествѣ, отразился не только въ богословскомъ толкованіи, но и въ художественной формѣ древнѣйшихъ миниатюръ, которыя уже наглядно развивали въ читателяхъ это символическое направленіе.

Извѣстная уже намъ Псалтырь съ миниатюрами, писанная въ Угличѣ въ 1485 г. ***), до этой позднѣйшей эпохи во всей чистотѣ сохраняетъ намъ символическій параллелизмъ древне-христіанскаго искусства.

Намъ уже извѣстны античныя воспоминанія въ изображеніи водъ, вѣтровъ, свѣтилъ, удержавшіяся въ этой Псалтыри. Эти античныя символы восполняются символическимъ параллелизмомъ, который состоитъ въ объясненіи псалмовъ Давида сценами изъ Новаго Завѣта.

Напримѣръ: къ тексту: „Азъ днесъ родихъ тя.“ Пс. 2.—Рождество I. X.

„Въ мирѣ вкушѣ усну и почію.“ Пс. 4.—Распятіе.

*) Ibid., стр. 382.

**) Ibid., стр. 516. 160.

***) Въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

„Воскресни, Господи, гнѣвомъ твоимъ.“ Пс. 7.—Сшествіе
I. X. во адъ.

„Вознесся на небеса, Боже.“ Пс. 56.—Вознесеніе.

„Ты утвердилъ еси сілюю Твоею море.“ Пс. 73.—Крещеніе,
и т. п.

Иногда символическая миниатюра заимствуетъ содержаніе изъ
исторіи церкви, изображая святыхъ мучениковъ, пустынниковъ и
подвижниковъ благочестія. Напр.:

„Хранить Господь вся кости ихъ.“ Пс. 33.—Алтарь съ мощами
святыхъ мучениковъ.

„Суди ми, Боже, и разсуди прю мою.“ Пс. 42.—Симеонъ Столп-
никъ († 459).

„Проидохомъ сквозѣ огонь и воду.“ Пс. 65.—Сорокъ Мучени-
ковъ (320 г.).

„Праведникъ яко финикъ процвѣтетъ.“ Пс. 91.—Аскетическая
фигура Онуфрія Великаго, египетскаго пустынника.

„Уста моя отверзохъ и привлекохъ духъ.“ Пс. 118.—Марія
Египетская и св. Зосима.

Нѣкоторые символы очень любопытны для исторіи христиан-
скихъ идей.

Напр. Икона Богородицы на горѣ. Въ объясненіе тексту: „Гора
тучная“. Пс. 67.—„Гору Сіюню, юже возлюбн.“ Пс. 77.

Иные очень наивны и странны, напр.: „Гробъ отверсть гортани
ихъ.“ Пс. 5.; „Юнци тучніи одержаша мя.“ Пс. 21.; „Яко обыдоша
мя пси мнози.“ Пс. 21.; „Языкъ ихъ преиде по земли.“ Пс. 72, и
проч. Смотри сверхъ того въ самой рукописи многое другое тому
подобное. Слѣди Псалтырь Годунова, конца XVI в.

(Продолженіе въ слѣдующей Московской книгѣ).

15-го мая 1883 года.

Въ этотъ день рано утромъ направились мы въ Кремль черезъ Троицкія ворота. По Воздвиженкѣ уже трудно было проѣхать, а у башии Кутафинъ пришлось остановиться. Каретъ многое множество подѣзжало со всѣхъ сторонъ. Пѣшеходы валили въ Кремль, стѣною напирая въ ворота. Съ трудомъ проникли мы до Министерскаго подъѣзда, откуда черезъ Зимній садъ прошли во Владимірскую залу, уже наполненную народомъ. На Красномъ Крыльцѣ насъ обдало свѣжимъ воздухомъ. Эстрады уже сильно наполнялись, а на площади стояла сплошная толпа. По широкому красному сукну, между соборами, сповали взадъ и впередъ придворные и военные чины. Погода была сѣрая, съ рѣдкими проблесками солнца. Временами накрапывалъ мелкій дождь. Народъ ожидалъ долго и терпѣливо; когда наконецъ раздался благовѣстъ, стали креститься. Еще немного, и начнется шествіе. Изъ Граповитой Палаты медленно подвигаются многочисленные чины Двора по два въ рядъ, за ними красная вереница Фрейлингъ... Все звучнѣе гудитъ Иванъ Великій и вся Кремлевская площадь, переполненная народомъ, замираетъ въ ожиданіи Царя. Всѣ взоры устремлены на Красное Крыльцо. Все тише выступаютъ сановники, вотъ и Государственное знамя...

Изъ за сѣрыхъ облаковъ яркій лучъ солнца ударилъ на Красное Крыльцо; лучи быстро разошлись, и въ дверяхъ Граповитой Палаты показался Государь. Солнце озаряло его въ это мгновеніе. Что то было невыразимо-чудное, когда при звонѣ всѣхъ колоколовъ раздались кличи народныя и все слилось въ одно протяжное, непрерывающееся, восторженное ура...

Въ дверяхъ Успенскаго Собора—остановка: встрѣчаетъ Митрополитъ Иоанникій и говоритъ слово, которое не слышно даже въ двухъ шагахъ. Когда Государь вступилъ въ Соборъ, колокола замолкли и служба началась. На площади стало тихо, но не на долго. Снова показались тучи, закапалъ дождь, поднялись зонтики и вся площадь приняла совершенно иной видъ. Тѣмъ временемъ въ Архангельскій Соборъ изъ Успенскаго прослѣдовалъ Преосвященный Владимірскій и Суздальскій Θεогностъ, а въ Благовѣщенскій—Ярославскій и Ростовскій Арх. Ионаанъ. На паперти Благовѣщенскаго Собора намъ встрѣтились: Д. В. Григоровичъ, А. П. Боголюбовъ, М. П. Боткинъ, И. Θ. Горбуновъ и другіе.

А погода все ненадежная, хотя дождь и пересталъ. Вскорѣ громъ орудій и трезвонъ колоколовъ возвѣстили о возложеніи вѣнца. До слуха долетаетъ возгласъ многолѣтія, послѣ провозглашенія полнаго царскаго титула. На площади засуетились; широко открылись двери Архангельскаго Собора. Обѣдня кончилась. Опять погода стала разгуливаться, опять солнце... Вотъ загудѣлъ Иванъ Великій и дрогнула площадь. Всѣ сорокъ сороковъ Московскихъ слились въ одинъ дивный, умилительный, потрясающій звонъ. Изъ Успенскаго Собора двинулось шествіе и обогнуло Ивана Великаго. По движенію народа можно было слѣдить за медленнымъ ходомъ подъ baldахиномъ. Вотъ показалось шествіе изъ за угла Архангельскаго Собора и все хлынуло въ нашу сторону. Изъ западныхъ дверей Царской усыпальницы вышелъ Государь въ порфирѣ со скипетромъ и державою... На головѣ его блистала алмазный вѣнецъ. За нимъ шла Государыня; малая брилліантовая корона надѣта была съ легкимъ наклономъ. Государь шествовалъ медленно и былъ очень блѣденъ. Еще мгновение, и все опять скрылось въ дверяхъ Благовѣщенскаго Собора, куда взопли въ предшествіи Ионаана Ярославскаго. Видѣли мы потомъ, какъ тихо двинулось все обратно, подымаясь по Красному Крыльцу. Все слилось тогда и смѣшалось въ нестройнъ парядовъ и цвѣтовъ; въ глазахъ словно потемпѣло. Всѣ взоры напряженно направлены были на одно мѣсто—на площадку Краснаго Крыльца. Среди сплошной толпы вдругъ ярко заблестала корона. Государь остановился лицомъ къ народу. Еще мгновение, и корона три раза наклонилась. То были три царскихъ поклона, въ отвѣтъ на оглушительные клики восторга

и торжества... Но вотъ вошелъ Государь въ Грановитую Палату—и, словно по магію жезла, все разомъ утихло.

Что оставалось намъ дѣлать въ Кремлѣ, когда все главное уже совершилось и на душѣ стало тихо и легко? Невольно мысли отдалялись отъ этой беспокойной праздничной толпы, отъ шитыхъ мундировъ и суеящихся особъ... Съ Краснаго Крыльца удалось заглянуть въ Грановитую Палату, гдѣ все было благоустроено и приготовлено къ трапезѣ. Подъ сѣнію двойнаго престола, два прибора накрыты для вѣнчаныхъ; и тутъ же столы, прямые и кривые, съ великимъ множествомъ стариннаго серебра... Древніе своды Грановитой Палаты и стѣны ея все убраны богатыми коврами. Все было изящно и впушительно. Черезъ Кремлевскія хоромы прошли мы затѣмъ на средній дворцовый балконъ, обращенный къ Москворѣчью. Безчисленная толпа стѣною стояла вдоль набережной Москвы рѣки. Чудная и давно знакомая родная картина красовалась во всемъ своемъ величій. Нѣсколько иностранцевъ тутъ же стояло на балконѣ, видимо любуясь... Усталый и словно совсѣмъ безучастный ** пребывалъ въ безмолвіи... Иноземный Генералъ съ видомъ скуки что то пояснялъ своему соотечественнику... Еще дальше, въ Зимнемъ дворцовомъ саду, намъ встрѣтился взволнованный, словно растерянный, добрый и почтенный С. М. Сухотинъ...

Въ тотъ же вечеръ курьерскій поѣздъ Николаевской дороги отошелъ въ Петербургъ съ однимъ только „пассажиромъ“.

21-го мая 1883 года.

С.-Петербургъ.

**

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЦЪ, МѢСТЪ И ПРЕДМЕТОВЪ

въ VIII-й книгѣ.

А.

- Ааронъ**, первосвященникъ Ветхаго За-
вѣта—322, 351.
- Авары**, народъ—249; см. еще Обры.
- Авдотья Лиховидьевна**, лебедь бѣлая
(былны)—166.
- Авель**, сынъ Адама—350, 351, 274, 288.
- Авраамія** Смоленскаго св. житіе—281.
- Авраамъ**, праотець—275, 288, 351.
- Австрія**—119.
- Аганитъ**, врачъ св. (Кіев. Патерикъ)—
344, 345, 346.
- Аграфена** Бунальница—233.
- Adam**, drame anglo-normand par V. La-
sarre—350.
- Адамъ**, праотець—273, 284, 288, 348, 360.
- Аделунгъ** Фридрихъ, ученый—312.
- Адріатическое море**—117, 119, 120.
- Адъ** (Hel) въ сканд. поэзиі—155, 156,
159; въ русской иконографіи—274.
- Азбуки** славянской изобрѣтеніе—314.
- Азбуковникъ** (др. рус. энциклопедіи)—
322, 323.
- Азіатскій департаментъ**—27.
- Азія** Малая—6.
- Аі** (прадѣдъ). въ Древн. Эддѣ—161.
- Академія** Наукъ—50, 354.
- Аксакова**—74, 75.
- Аксаковъ** Иванъ Сергѣевичъ—81, 85.
- Актеры** въ мистеріяхъ—351, 352.
- Александровскій** Университетъ—235.
- Александръ I**, императоръ—47.
- Александръ II**, императоръ—66, 67, 98,
- Александръ III**, императоръ—98, 376,
377, 378.
- Алексѣевъ** Н. С.—42.
- Алексѣй**, діаконъ села Останкина, іе-
ромонахъ, игумень Устюжскаго Ни-
колаевскаго Моденскаго монасты-
ря—87, 88, 89, 91, 95.
- Алексѣй Михайловичъ**, царь—248.
- Алеша Поповичъ**, богатырь—257, 259,
261, 262, 263.
- Алипій** или Алимній, иконописецъ св..
† 1114 г. (Кіев. патер.)—308, 344, 345.
- Алтайское** происхожденіе Финновъ—
234.
- Альфы** или Эльфы Эдды—148, 166, 169.
- Амалунги**, готскій владѣтельный
родъ—186.
- Амша** (Бабка въ Древн. Эддѣ)—162.
- Анахронизмы** истор. поэзиі—249.
- Андвари**, водопадъ въ скандинавскомъ
эпосѣ—230.
- Англія**—48, 110, 351.
- Англо-саксы**—116, 207.
- Андрей Боголюбскій**, князь—364.

Андрей, игумень Антоніева монастыря, ученкъ Антошя Римлянина—310.
 (о) **Андрей** апостолѣ сказ. въ лѣтописи—295, 296, 297.
Анненковъ Павелъ Васильевичъ, литературный критикъ, издатель перваго собранія сочиненія А. С. Пушкина—33, 39.
Ансы (см. еще Асы) новые боги Эдды—148, 186.
Антихристово царство въ описаніи Страшнаго Суда—274, 373, 374.
Античный элементъ въ христ. литературѣ и искусствѣ—267.
Антоній Печерскій св.—305, 306, 307, 308, 333, 334, 335, 336, 345.
Антоній Римлянинъ св.—253, 281, 310, 311, 341.
Анораксъ, камень—323.
Апокалипсисъ толковый—270, 273.
Аполлонъ въ др.-рус. миниатюрѣ—269.
Апостоловъ хожденія (обиходи)—296.
Апраксина Софья Васильевна, графиня, урожденная Лодомирская—28.
Апраксѣвна, княгиня, супруга Владимира (былны)—260.
Аракчеевъ Алексѣй Андреевичъ, графъ—36, 47.
Арапы синіе въ изображеніи Страшнаго Суда—273.
Арамакъ (литературное общество 1815—1818 г.)—48.
Арарумъ, городъ—43.
Ариане, еретики—293.
Арий, ересіархъ—293.
Atinghi Roma subterranea novissima—268, 373.
Аріостъ, Итальянскій поэтъ XVI в.—127.
Армфельдъ Александръ—49.
Архангельская губернія—134, 201, 264.
Архангельскій соборъ въ Москвѣ—377.
Архивъ кн. О. А. Куракина—86, 96.
Архивъ села Остафьева—3, 50.
Асгардъ (жилище Асовъ въ Эддѣ)—150, 166.
Аскольдъ—251.
Askr (ясень) въ Древн. Эддѣ—153.

Ассири (Азбуковникъ)—323.
Асы, новые боги въ Эддѣ—148, 149, 150, 151, 153, 154, 158, 159, 161, 163, 166, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 175, 176, 179, 186, 230, 231,
Атли въ Древ. Эддѣ—208.
Аудумбла, мнѣшеская корова или коза въ Эддѣ—147, 160.
Афанасьевъ Александръ Николаевичъ, изслѣдователь рус. народной словесности—296.
Аѳ (Дѣдъ) въ Древ. Эддѣ—162.
Африканъ, князь варяжскій—305, 306.
Африкя (Азбуковникъ)—323.
Афросинья Королевишна (былны)—118.
Ахиллъ—192.

Б.

Бабка (Атта), въ Древ. Эддѣ—162.
Бабочка въ сербск. преданіи—190.
Бабья красота, въ русскихъ свадеб. пѣсняхъ—200, 202.
Баварскій король (Roi de Bavière)—60, 62.
Бакунина Прокосья—49.
Балканскія горы—119.
Балтійское море—116, 117, 119, 121, 254.
Бальдуръ, сынъ Одина и Фрей (Эдда)—168, 169, 170, 176, 208, 330.
Бани, видѣнныя апостоломъ Андреемъ у Словѣнъ—297.
Баруковъ Николай Платоновичъ—5, 10, 12, 27, 84.
Бартезвы—65, 66.
Батюшковъ—45.
Беато Анджелико Фьезолійскій, живописецъ XV в.—287.
Беатриче (Божественная комедія)—290.
Бегичевъ Дмитрій Никитичъ, писатель, попечитель Московскаго Дома трудолюбія, сенаторъ—49.
Бейрутъ, городъ—21.
 (о) **Беульффъ** англо-саксовская поэма—116, 138, 175, 207, 228.
Беранже Пьеръ-Жанъ, французскій поэтъ—33.

- Бессарабская область**—143.
Бестіаріи—373.
Бестужевъ Александръ Александровичъ, беллетристъ и критикъ (Марлинскій)—7, 8, 30, 32, 55.
Бестужевъ Михаилъ Александровичъ, декабристъ—7.
Бестужевъ Николай Александровичъ, декабристъ—39, 53.
Бесѣда Русскаго Слова (литер. общество)—52.
Бесѣды въ Обществѣ Россійс. Словесности—84.
Бецкій И. Е.—86.
Бибииковъ Дмитрій Гавриловичъ—2, 3, 5, 6, 21, 25, 48.
Библиотеки: Императора Александра III Александровича—98, О. И. Буслая—323, села Остафьева—8, Михайловская—10, Московской Духовной Академіи—269, Публичная Императорская—269, 273, 274, Синодальная Патриаршья—313, 316, 322, Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича—97, Императора Николая II Александровича—99.
Библии, въ готскомъ переводѣ Ульфила—118.
Библия лицевая, русская—350.
Билевичъ Николай—49.
Битва при Тиверьядѣ, трагедія А. Н. Муравьева—37.
Bigföst (радуга), въ скандн. эпосѣ—156.
Благовѣщеніе Дѣвы Маріи съ веретеномъ, изображеніе въ Кіевскомъ храмѣ св. Софіи—303.
Благовѣщенія церковь, на Золотыхъ Воротахъ въ Кіевѣ—297.
Благовѣщенскій соборъ въ Москвѣ—377.
Благородный (Jarl), смыслъ Fadir и Módir въ Древ. Эддѣ—162.
Боборыкинъ Николай—49.
Бобринскіе, графы—28.
Бобринскій Алексѣй Алексѣевичъ, графъ, извѣстный сельскій хозяинъ—49.
Бобринскій Василій, графъ—49.
Богатыри—116, 247, 248, 256, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 354, 355, 356, 358, 362.
Богемія—121, 137.
Боголюбово, во Владимірскомъ княжествѣ (Моленіе Данила Заточника)—372.
Боголюбовъ А. П.—377.
Божественная комедія Данта—282.
Болгарія—275, 315.
Болгарская письменность эпохи царя Симеона (X в.)—315.
Болгарскіе свадеб. обычаи—204.
Болгарскіе славяне—119, 120, 121, 131, 314.
Болгарскій языкъ—315.
Болгарское вліяніе на рус. рѣчь—316.
Болдыня гора, около Чернигова—334.
Болеславъ Храбрый, король польскій († 1025)—329, 334, 335, 336.
Бориса и Глѣба свв. житіе—297, 328, 329, 330, 332, 335, 353, Іакова мниха—329, Пестора—329.
Борисъ и Глѣбъ въ южно-русскомъ сказаніи о Трояновомъ валѣ—142, 143, 330, въ духовныхъ стихахъ—331.
Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина—51.
Боричево, Кіевское урочище, въ Словѣ о полку Игоревѣ—367.
(по) Бородинской битвѣ помняки, стихи П. А. Вяземскаго Д. Г. Бибиикову—3.
Босфоръ—24.
Боткинъ М. П.—377.
(въ) Бочкѣ опусканіе въ море, сказочный мотивъ—208.
Боянъ, ибвецъ (Слово о полку Игоревѣ)—130, 145, 181, 248, 324, 325, 327, 328, 338, 362.
Боянъ (Скутари), въ сербск. эпосѣ—122, 123, 151, 152.
Бракъ въ Канѣ Галлійской, мистерія—351.
Бранцкіе—25.
Братцово, село Московской губ.—28.
Брингильда, валькирія (Эдда)—119, 135, 140, 231, 260.
Британскій островъ—116.
Брови по народнымъ представленіямъ—190.
Брынскіе лѣса (былны)—259.

Брюловъ Карль Павловичъ, живописецъ—39.
Бугъ, рѣка—249.
Булгаковъ Александръ Яковлевичъ, писатель—22, 23, 24, 26, 27, 28, 48, 49.
Булгаковъ Константинъ—49.
Булгаринъ Оаддей Вепедиктовичъ, журналистъ—31, 32, 34, 38, 47, 52.
Буслаевъ Федоръ Ивановичъ, историкъ литературы—49, 97, 98, 99.
Буюкдере, деревня на берегу Босфора—21, 24.
Буяновъ, герой „Опаснаго Сосѣда“, поэмы В. Л. Пушкина—10.
Былины—118, 119, 180, 181, 193, 218, 323, 247, 248, 249, 251, 252, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 265, 355, 356, 357, 358, 359, 361, 362.
Бѣгство въ Египетъ, мистерія—352.
Бѣлая рѣка (въ чеш. поэмѣ „Любушентъ судъ“)—136.
Бѣлая Церковь, мѣстечко въ Кіевской губерніи—25.
Бѣлина рѣка (въ чеш. поэмѣ „Любушентъ судъ“)—136.
Бѣлка, въ сканд. поэзіи—160.
Бѣлое море—119.
Бѣлое озеро въ валаш. сказкѣ—218, въ рус. подблюдной пѣснѣ—231.
Бѣлокуровъ Сергій Алексѣевичъ—1.
Бѣлоозеро, въ лѣтописи—326.
Бѣлорусское царѣвѣ—121.
Бѣляевъ И. С.—1.
Бюргеръ Готфридъ Августъ, нѣмецкій поэтъ—196.

В.

Вавель гора (польск. эпосъ)—137.
Вавилонское царство, въ др.-рус. описаніи Страшнаго Суда—274.
Вавилонъ (Азбуковникъ)—323.
Валашская сказка о царевичѣ Флоріанѣ—217, 220.
Валуевъ Петръ Александровичъ, графъ, русскій писатель и государственный дѣятель—48, 72, 73, 74.
Валы вѣщей дѣвы видѣніе (Voluspa) въ Древн. Эддѣ—173, 174, 176, 330.

Вальгалла, жилище боговъ въ Эддѣ—155, 160, 175.
Валькирии, дѣвы полубогини сѣвернаго эпоса, распорядительницы и покровительницы битвъ—119, 135, 166, 195, 196, 251, 260.
 (о) **Вальтерѣ** Аквитанскомъ средне-вѣковая поэма—252.
 (о) **Валѣ** Грояномъ или Зміевомъ сказаніи—142, 143, 330.
 (о) **Вандѣ** княжнѣ, дочери Крака, польская басня—140, 141, 191, 251.
Ваны, повые боги Эдды—148, 149, 150, 151, 159, 164, 168, 173, 176, 179.
Варлаамъ Печерскій, затѣмъ Дмитровскій игуменъ (Кіевосеч. Патерикъ)—333, 334, 336.
 (о) **Варлаамѣ** и Иосафѣ царевичѣ исторія—373.
Варшава—60, 61.
Варяги—296, 305, 306, 307, 311, 328, 329.
Варяжская вѣра—304, земля—305, 307, пещера—310.
Варяжскіе поны—304.
Варяжскіи дружины—254.
Варяжское вліяніе на русскія преданія и сказанія—254.
Василиса Микулишна, Ставрова жена (былины)—358.
 (про) **Василису Никулишну** Даниловую былина—354.
Василій Великій св.—318.
Василій Ивановичъ—Ставрова жена (былины)—357.
Василій Македонянинъ, византійскій императоръ—276.
Василій монахъ (Кіевосечерск. Патерикъ)—342.
Василія Новаго св. житіе—275, 281, 283.
Васильевъ вечеръ (каунъ Новаго года)—225.
Василько Ростиславичъ, князь (ослѣпленный)—339.
Васька Долгополый (былины)—261, 262.
Вафтрудниръ, великанъ въ Древн. Эддѣ—247.
Веймаръ—82, 83.

- Вейне**, сынъ Калевы—236.
Вейнѣла (Калевала), страна Финновъ—236.
Вейнемейненъ (Вейне), главный герой Калевалы, сынъ Калевы—236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243.
Велесъ, скотій богъ—130, 145.
Велеты, племя славянское—250.
Великаны—155, 156, 157, 158, 162, 165, 166, 172, 247, 250, 261, 263.
Великорусское нарѣчіе—121.
Великъ день—Пасха—216.
Величаныя князя со княгиней (въ быльнѣхъ и въ подблюдн. пѣснѣхъ)—359, 360.
Вельманъ Александръ Омичъ, романистъ и археологъ—49.
Венгрія—120.
Венеціане, въ Словѣ о полку Игоревѣ—365.
Венеція—62, 63, 64, 65, 84.
Wenzig, ученый—219, 220.
Верстовскій Алексѣй Николаевичъ, композиторъ—49.
Весенніи пѣснн—232.
Westlawischer Märchenschatz Wenzig'a—219.
Вечеръ (2-й) на бивуакахъ кн. Цертолева—31.
Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи А. А. Бестужева—8, 55.
Wigrid (ригалище битвы въ Эддѣ)—175.
Видосава, жена Момчила (серб. пѣсня)—123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 135.
Видѣніе св. Ѳеодоры—277, мошаха Григоріи—282, 289.
Византія—130, 267, 275, 291, 295, 298, 299, 308, 319, 373.
Виландъ (Волундръ), карликъ въ сѣверномъ эпосѣ—229.
Вилы—131, 134, 151, 152, 154, 157, 158, 179, 221, 233, 247, 327.
Винкельманнъ Іоганнъ Іоакимъ, основатель археологін классическаго искусства—189.
Вира, выкупъ родной крови золотомъ—229, 230.
Висла, рѣка—132, 137, 141.
Владимира св. житіе—353.
Владиміровы богатыри—116, 248.
Владимірская зала во дворцѣ—376.
Владимірское княженіе—362.
Владиміръ, городъ—331, 342, 367.
Владиміръ Игоревичъ, князь путивльскій (Слово о Полку Игоревѣ—364, 367.
Владиміръ князь, въ быльнахъ—118, 119, 144, 248, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 264, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 361, въ дух. стихѣхъ—331, въ дух. стихѣхъ о Голубиной книгѣ—247, 250, 260, въ преданіяхъ—253.
Владиміръ Мономахъ, князь—222, 304, 309, 332, 339, 340, 342, 343, 345, 346, 348, 353, 361, 367, 372, 373.
Владиміръ св.—144, 313, 329, въ лѣтописи—139, 140, 254, 256, 259, 261, 271, 273, 275, 276, 282, 291, 292, 298.
Владиміръ Ярославичъ, князь—298, 303, 304, 313, 315, 317.
Владыки, древне-чешское сословіе—133.
Владыкинъ Антопъ, ученикъ архимандрита Іоакима Шишковскаго въ Песнѣхъ—90, 95.
(о) **Власть** воительницѣ чешская баснь—135, 140, 251.
Влахерна, въ сказаніи о созданіи церкви Печерской—308.
Вліяніе христіанства на народный календаръ—215.
Влѣтава (Молдава), рѣка—132.
Вода: на похоронахъ—209, свадебный символъ—204.
Воданъ (Вуотанъ, Одинъ), богъ Эдды—148; см. еще Одинъ.
Водяной, въ литовской сказкѣ—154.
Водяныя дѣвы, въ валашской сказкѣ—218.
Восйковъ Александръ Ѳеодоровичъ, писатель—30.
(о) **Возвращеніи** молота Тора сказаніе Эдды—165.
Воздвиженка, улица въ Москвѣ—376.
Возрожденіе поле, въ Эддѣ—186.
Волга—24, 257, 326.
Волось, скотій богъ—130, 131, 145, 179, 234, 362.

Волотки, курганы—250.
Волоть Волотовичъ (стихъ о Голубиной книгѣ)—250, 260.
Волоты, племя славянское и великаны—250.
Волундръ (Виландъ), карликъ, подземный кузнецъ въ сѣверной мифологiи—229.
Voluspa (Эдда)—173, 174, 176, 330.
Волхвы, въ лѣтописи—326.
Волховный городокъ—253.
Волховское, сельце—310, 311.
Волховскъ, городъ—253.
Волховъ, рѣка—252, 253, 311, 326.
Волхъ Всеславьевичъ (былины)—182, 252, 261.
Волчій вѣкъ, въ Эддѣ—174.
Волынецъ Красно-Галичье (былины)—257.
Волынь—249.
Вольное Общество Любителей Словесности—50, 52.
Вольтеръ, Франсуа-Мари-Аруэ—41.
Вольфрамъ св., въ сказанiи о Радбогѣ Фризскомъ—271.
Вопли, при похоронахъ—209.
Воронъ—30.
Воронцова Марья Васильевна, княгиня—48.
Воронцовъ, графъ—23, 46, 52.
Воронцовъ, графъ (князь)—34.
Воскресенiя Христова мистерiи—349.
Воспоминанiя Ф. И. Бусласва—97.
Востокъ—110, 267, 297, 304.
Восточная страна (Ость-Готвъ)—113.
Всеволодъ Георгиевичъ, князь (Большое Гнѣздо)—367, 368.
Всеволодъ Ольговичъ, Кiевскiй князь—361.
Всеволодъ Святославичъ, Сѣверскiй князь—361, 363, 364, 365, 367.
Всеволодъ Ярославичъ, Переяславскiй князь—305, 306, 309, 310, 332, 338, 339, 340, 342, 345, 346.
Всеславъ Брячиславичъ, Полоцкiй князь—325, 334, 362.
Вукашничъ краль (сербск. пѣсня)—122, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 151, 152.
Вульфла (Ульфла)—118.

Вуотанъ (Воданъ, см. еще Одинъ)—148.
Выписка о iеромонахѣ Алексѣѣ—95.
Вышеградъ (чешск. городъ)—135.
Вьюнъ (вѣвъ, вѣнокъ)—199, 200.
Вѣно, плата за пѣвѣсту—199.
Вѣстникъ Европы—45, 53, 97.
Вюртембергскiй герцогъ—7.
Вяземская Александра Павловна, княжна—3.
Вяземская Вѣра Феодоровна, княгиня—26, 27, 29, 30, 47, 49, 58, 59, 60, 62, 65, 66.
Вяземская, княжна—47.
Вяземская Марья Аркадьевна, княгиня—27, 49.
Вяземская М. П., княжна—7.
Вяземская Н. П., княжна—7.
Вяземская П. П., княжна—7.
Вяземская Софья Феодоровна, княжна (замужемъ Лодомирская)—28.
Вяземскiй Иванъ Андреевичъ, князь—47.
Вяземскiй Павелъ Петровичъ, князь—7, 12, 21, 22, 24, 27, 28, 49.
Вяземскiй Петръ Андреевичъ, князь—1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 22, 23, 30, 33, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 84, 85, 86.
Вятчи, у Нестора—199, 208.

Г.

Габбе, Варшавскiй знакомый князя П. А. Вяземскаго—12, 46, 47.
Гаврилада, поэма—9.
Гавриила архангела изображенiе въ Кiевской церкви св. Софiи—303.
Гага, городъ—7.
Гагарина Вѣра Феодоровна, княжна, въ замужествѣ княгини Вяземская—47.
Гагарина Надежда Феодоровна, княжна, въ замужествѣ княгини Святопольк-Четвертинская—47.
Гагаринъ Феодоръ Феодоровичъ, князь—28, 49.
Гагенъ (Древ. Эдда)—195.
Гаданiя святочныя—225.
Гаддингiа (Гельги), въ Др. Эддѣ—196.
Гадубрандъ (эпосъ о Дитрихѣ Бернскомъ)—112.

- Галиція**—119.
Галицкая Русь—223, 257.
Галичъ, городъ Южной Руси—339.
Галлія—117.
Гальфданъ (Древн. Эдда)—196.
Галатовскій Иоанникій, южно-русскій писатель († 1688)—178.
Гамлетъ Шекспира—130.
Garm (лютая собака—врагъ Тора въ Эддѣ)—176.
Воданъ, Воданъ, Вуотанъ, Одинъ, главный богъ въ Эддѣ—148.
Гедброддъ, женихъ Зигруны въ Древн. Эддѣ—195.
Гёдуръ, сѣбнои братъ Бальдура (Новая Эдда)—169.
Гезіодъ, др.-греческій поэтъ—266.
Heimdallr, стражъ радуги въ Эддѣ—156, 161, 166, 167, 170, 173, 175, 176.
Гекторъ—211.
Hel, скандинавскій Адъ—156, 172.
Гельги, сынъ Зигмунда, убійца Гуплина въ Др. Эддѣ—195, 196.
Гениръ, Асъ (Эдда)—230.
Геннади Григорій Николаевичъ, библиографъ—39.
Георгій (Юрій) **Владиміровичъ Долгорукій**, князь, сынъ Мономаха—309, 367, 372.
Георгій Всеволодовичъ, князь († 1238)—367, 368.
Георгій Побѣдоносецъ св.—143.
Георгій Угринъ, слуга св. кн. Бориса—335.
Георгія св. монастырь въ Кіевѣ—297.
Георгія Хѣробоска (Хуровьска) риторика, въ Изборникѣ 1073 г.—319, 320.
Георгъ IV—62, 63.
Герабрандъ, отецъ Гильдебранда (эпосъ о Дитрихѣ Берискомъ)—113.
Герборгъ, королева гуповъ (сканд. эпосъ)—262.
Герибрандъ (эпосъ о Дитрихѣ Берискомъ)—186.
Геркулеса тишь по Винкельманну—189.
Германія—110, 146, 205, 348.
Германцы—110, 164.
Герцеговина—123.
Герцъ Карлъ Карловичъ, профессоръ археологій и искусствъ въ Московскомъ Университетѣ—299.
Гёферъ, нѣмецкій ученый—255.
Гзакъ, Половецкій ханъ (Слово о полку Игоревѣ)—364, 367.
Гильдебрандъ, другъ Дитриха Берискаго—112, 113, 186.
Гималаи, горы—110.
Giallar-hogn, рогъ (сосудъ) Мнипра (сканд. эпосъ)—158.
Главкъ, герой Иліады—126.
Глинка Авдотья, писательница—49.
Глинка Федоръ Николаевичъ, писатель—30, 31, 49, 50.
Глѣбъ князь св.: въ житіи—297, 328, 329, 330, 331, 332, 335, 353, въ дух. стихахъ—331, въ сказаніи о Трояновомъ валѣ—330, 142, 143.
Глѣбъ Святославичъ, князь—321, 326.
Глѣбъ Юрьевичъ, князь—364.
Гнѣдичъ Николай Ивановичъ, поэтъ—30, 31.
Гнѣздо, городъ—133.
Гнѣзна, городъ—133.
Гоголь Николай Васильевичъ—40, 99.
Годовыя перелѣты въ мнѳологій—214.
Годуновъ Дмитрій Ивановичъ, бояринъ—269, 375.
Годъ въ мнѳологій—217.
Годъ у славянъ, скандинавовъ и готовъ—118.
Гойко (сербск. пѣсня)—151, 152.
Гойковица (сербск. пѣсня)—152, 153.
Голицына Вѣра Аркадьевна, княгиня—22, 48.
Голицына Зинаида Васильевна, княгиня—28.
Голицынъ Александръ Николаевичъ, князь, государственный дѣятель—36.
Голицынъ В. С., князь—49.
Голицынъ Давидъ Осдоровичъ, князь—22, 48.
Голицынъ, князь—40.
Голицынъ Сергій, князь—86.
Голицыны, князья—22, 48.
Голова вѣщая Мнипра (Эдда)—159.
(о) Голубиной книгѣ духовный стихъ—148, 154, 222, 247, 250, 260, 274.
Голубъ (христ. символъ)—268, 373.
Гомбургъ, городъ 78, 79, 80, 81.

Гомеръ—120, 126, 128, 129, 130, 145, 181, 266.
Гора Лѣха—133.
Горбуновъ Иванъ Оседоровичъ, писатель—377.
Гореткина Елизавета—49.
Гореткинъ Иванъ—49.
Горлицы комкальницы (дарохранительницы въ храмѣ св. Софїи въ Царьградѣ)—301.
Городища—151.
Горчаковъ Дмитрій Петровичъ, князь, сатирикъ—9.
Горычнице, змій (былина)—228.
Горынычъ, змій—251.
Господство зап.-европ. началъ (періодъ въ исторіи рус. литературы)—106, 109.
Государственная Коллегія Иностр. Дѣлъ—88, 89, 91, 95.
Готскій эпосъ—116.
Готскій языкъ—116.
Готы, народъ—116.
Гофмейстеръ, комедія Фонвизина—32, 55.
Грановитая Палата въ Московскомъ дворцѣ—376, 377, 378.
Грановскій Тимофей Николаевичъ, профессоръ исторіи—49.
Графика русская подъ болг. влияніемъ—317.
Грейдмаръ (сканд. эпосъ)—229, 230, 231.
Греки—110, 111, 120, 365.
Греція—119, 145, 266, 314.
Греческая трагедія—201.
Греческій мнѣ—204.
Греческій языкъ—315.
Гречь Николай Ивановичъ, педагогъ и журналистъ—30, 31, 50, 53.
Грибоѣдовъ Александръ Сергѣевичъ, драматургъ—86.
Григорій дьякопъ, писецъ Остромирова Евангелія—317, 318.
Григорій мнихъ, авторъ житія св. Василия Поваго—276, 277, 282, 283, 284, 285, 288, 289, 291, 292, 294, 295.
Григорій чудотв. (Кіевск. Патерикъ)—342.

Григоровичъ Дмитрій Васильевичъ, писатель—377.
Гриммы братья Яковъ и Вильгельмъ, филологи—113, 114, 115, 120, 199, 205, 235, 271, 296.
Гришка, боярскій сынъ (былицы)—261, 262.
Гротъ Яковъ Карловичъ, академикъ—50.
Гудруна (Древн. Эдда)—208, 212, 213.
Гудубрандъ (эпосъ о Дитрихѣ Беринскомъ)—186.
Гульковскій Михаилъ—49.
Гумбольдтъ Вильгельмъ, лингвистъ—213.
Гундинъ (Древн. Эдда)—195.
Гуны, народъ—112, 113, 212, 252.
Гурьева Ольга Николаевна—47.
Гусли—246.
Гьюки (скандл. эпосъ)—212, 213.

Д.

Давидъ Игоревичъ, князь—342.
Давидъ Иессеевичъ (Голубиная книга)—247, 250.
Давидъ, пророкъ—351, 374.
Давидъ Святославичъ, князь—321.
Давыдовъ Александръ Львовичъ—35, 39.
Давыдовъ Василій Львовичъ—39.
Давыдовъ Дмитрій Александровичъ—28, 49.
Давыдовъ Ростиславъ—28.
Дагъ, братъ Зигруны въ Древн. Эддѣ—195.
Даждь богъ—130, 182, 325, 362, 365.
Далемилъ, чешскій хронистъ—132.
Данила Денпеевичъ (былина)—354, 355, 356.
Данило Заточникъ—368, 369, 370, 372.
Данила пророка видѣніе—274.
Данилъ Паломникъ—98.
Данія—249.
Дантъ Алигьери—280, 282, 289, 290, 292.
Дашковъ Дмитрій Васильевичъ, государственный и литературный дѣятель—48.
Двоевѣріе—182, 327.

- Девкаліонъ (греч. мифъ)—204.
 Декабристовъ тайное общество—8.
 Дельвигъ Антонъ Антоновичъ, баронъ,
 поэтъ—30, 51.
 Деница звѣзда, въ пѣсняхъ—177, 178.
 День, въ сканд. мифологіи—221.
 Деньги, на свадьбѣ—204.
 Департаментъ Внѣшней Торговли—
 2, 3.
 Департаментъ Духовныхъ дѣлъ—51.
 Департаментъ Мануфактуръ—50.
 Державина Дарья Алексѣевна (Ми-
 лена)—52.
 Державинъ Гавріилъ Романовичъ, по-
 этъ—31, 50, 52, 55.
 Deutsche Rechtsalterthumer Якова
 Гримма—205.
 Deutsche Sagen Гриммовъ—271.
 Димитрій—Изяславъ князь—336; см.
 еще Изяславъ Ярославичъ.
 Димитрій, купецъ (быльня)—361.
 Димитровскій монастырь—336.
 Диръ, князь—251.
 Дитрихъ Бернскій—112, 116, 186.
 Діана, въ церковн. живописи—269.
 Didron'a, Iconographie chrétienne—269.
 Діоклетіанъ, царь—144, 295.
 Діомедъ, герой Илиады—126.
 Дмитріевъ Иванъ Ивановичъ, поэтъ—
 30, 42, 47, 53.
 Дневникъ М. П. Погодина—49.
 Дней названія скандинавскія—216.
 Днѣпровскій лиманъ—142.
 Днѣпръ (богатырь и рѣка)—139, 196,
 197, 251, 253, 296, 308, 342, 343, 366.
 Добровольскій Василій—49.
 Добрый настырь (Христосъ)—269.
 Добрыня Никитичъ (быльня)—192,
 193, 228, 257, 259, 260, 261, 262, 263,
 264, 355.
 Донсторическій періодъ въ исторіи
 русской словесности—106.
 Долгова А. С.—1.
 Долговъ Семень Осиповичъ—1, 84, 85,
 86, 99, 101, 214, 287, 299, 313.
 Домовой—131.
 Донецъ, рѣка—366.
 Doppelreiche, дубъ, дерево Тора—242.
 Доношеніе іеромонаха Алексѣя Л. Т.
 Нагелю—91.
 Донъ, рѣка—363, 364, 365, 366.
 Драгунскій лейбъ-гвардіи полкъ—7.
 Драмы духовныя—349, 350, 351, 352.
 Драуниръ, чародѣйское кольцо въ
 Эддѣ—230.
 Драшусовъ Владиміръ—49.
 Древляне—197, 198, 255, 324, 353.
 Древнія русскія стихотворенія Кир-
 ши Данилова—119, 181, 258, 323, 356
 361.
 Древо всемірное въ сканд. поэзиі—
 155, 159, 160, 175, 176.
 Древо праведное въ литов. сказкѣ—
 154, 156.
 Дубъ: въ Калевалѣ—242, въ литовск.
 сказкѣ—155, въ юго-запад. русск.
 пѣснѣ—160.
 Дулѣбы, народъ (лѣтописи)—249.
 Думы, историч. пѣсни Южной Ру-
 си—245.
 Дунай (богатырь и рѣка)—117, 118,
 119, 132, 135, 140, 141, 142, 196, 251,
 252, 260, 261.
 Дурмиторъ (сербск. пѣсни)—123.
 Духовные стихи—104, 143, 144, 148,
 154, 183, 222, 247, 250, 260, 271, 273,
 274, 278, 284, 286, 331, 348, 360.
 Души съ тѣломъ разставаніе (духовн.
 стихи)—278.
 Дьякова Дарья Алексѣевна (Держа-
 вина Милена)—52.
 Дѣвино (чешск. эпосъ)—135.
 Дѣвичъ гора надъ Днѣпромъ—251.
 Дѣвы нерадивыя Евангельской прит-
 чи—290.
 Дѣвья красота (уборъ невѣсты)—200
 201.
 Дѣдъ (Афі), въ Древн. Эддѣ—162.
 Дѣды, дяды—предки—214.
 Дѣло о бывшемъ въ Пекинѣ іеромо-
 нахѣ Алексѣѣ—87.
 Дѣтскія пѣсни—184, 187, 188.
 Дюкъ Степановичъ (быльня)—257,
 258, 323.

Е.

- Евангелія: Остромирово—315, 1143 г.—
 315.
 Ева—273, 284, 348, 350, 351, 360.

Евгеній Онѣгинъ, поэма А. С. Пушкина—40, 51.
Еврейскій стихъ поеть Ставрѣ (былицы)—359, 360.
Европа Западная—105, 110, 111, 120, 121, 129, 145, 146, 190, 223, 229, 233, 270, 296.
Евросима, сестра Момчила (серб. пѣсня)—124, 125, 126, 128, 135.
 (о) **Евстахій Монахъ** древ.-француз. поэма—260.
Евтихій, патріархъ Константинопольскій—299.
Евфросинія Ярославна, княгиня (Слово о полку Игоревѣ)—364; см. еще **Ярославна**.
Егиръ, морской великанъ (Новая Эдда)—169, 170, 171.
 (о) **Егоріи Храброе** стихъ—143, 144, 154.
Егорій Храбрый—143, 144, 145.
Егорьевъ день—145.
Единорогъ (христ. символъ)—273.
Екатерина II, императрица—41, 52, 89, 90, 91.
Елецкій Успенскій монастырь—334.
Елисавета Алексѣевна, императрица—50.
Елисавета Петровна, императрица—52.
Елисаветы праведной цѣлованіе, въ иконографіи—374.
Елисей Елисеовичъ, царь (Голубиная книга)—250.
Ель, въ литов. сказкѣ—154, 155.
Embla (Ольха), въ Иддѣ—153.
Епифанія Кипрскаго о 12 камняхъ статья въ Изборникѣ 1073 г.—322.
Еретики, въ изображеніи Страшнаго Суда—292.
Essai de Mythologie comparée Max Muller—111.
Етмануилъ Етмануловичъ, король (былица)—118, 357, 358.
 (на) **Еуномія** слово св. Василия—318.
Ефесскій соборъ—293.
Ефесъ—299.
Ефреъмъ евнухъ (Кіев. Патерикъ)—333.

Ж.

Жандръ Андрей Андреевичъ, писатель—32, 55.
Жарки, имѣніе кн. Е. П. Голицыной—26, 27, 48.
Женева—59, 61.
 (о) **Женитьбѣ** мѣсяца сербск. пѣсня—177.
Женскія пѣсни: сербовъ—118, славянъ—183.
Живая вода—218.
Жиды въ описаніи Страшнаго Суда—273, 292, 294.
Жизнь и Труды М. П. Погодина, Н. Барсукова—50, 51, 52.
Жизнь и Труды П. М. Строева, Н. Барсукова—46, 47.
Житія Святыхъ:—248, 295, 348; Авраамія Смоленскаго 281; Антонія Римлянина—253, 281, 310, 311, 341; Бориса и Глѣба—297, 332, 335; Василия Нового—276, 281, 283; Владимира князя—353; Ольги княгини—353.
Жрецъ-дружка, у поляковъ—206.
Жуковскій Василій Андреевичъ, поэтъ—37, 45, 48, 99, 113, 196.
Журналы: Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—143, Министерства Народнаго Просвѣщенія—235.
Журнальныя статьи А. С. Пушкина—43.
 3.
Загадки—247.
Заговоры—145, 206, 246.
Загорская земля (былицы)—361.
Загоскинъ Михаилъ Николаевичъ, романистъ—49.
Заемный Банкъ—2.
Зажививыя пѣсни—234.
Зальценбергъ, ученый—299.
Замѣчаніе на краткое обзоріе Русской Литературы 1822 г.—55.
Замѣчанія кн. П. А. Вяземскаго: на сочиненія А. С. Пушкина—33, на Опаснаго Сосѣда В. Л. Пушкина—45.
Замѣчанія неизвѣстнаго на записку кн. П. А. Вяземскаго—14, 17, 18, 19.

Замѣчанія О. И. Буслаева на свои лекціи—99, 101, 103, 113, 245, 267.
Зандъ Карль Людвигъ, убійца Коцебу—34.
Запава Путятишна (былины)—258.
Западное вліяніе въ древн. Руси—304, 310.
Западные славяне—121.
Западъ—104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 267, 297, 303, 304, 306, 311, 313, 317, 347, 348, 349, 351, 352, 373.
Записка кн. П. А. Вяземскаго—14, 17, 18, 19.
Записки: М. А. Бестужева—7, барона В. И. Левенштерна—46, А. С. Пушкина—41.
Записки о Южной Руси Кулиша—139.
Збутъ, За-Донскій королевичъ (быльни)—260.
Звенящій рогъ Эдды—175.
Здекауеръ Николай Федоровичъ, заслуженный врачъ—70, 71.
Зевсъ—189, 222.
Зеленая святки—232.
Земля-мать (Jord) въ Эддѣ—164.
Зендъ, древне-персидскій языкъ—110.
Зигелинда (сѣверн. эпосъ)—186.
Зигемундъ (сѣверн. эпосъ)—186.
Зигруна, дочь Гагепа въ Древн. Эддѣ—195, 196.
Зигурдъ (въ Эддѣ)—119, 186, 212, 213, 228, 229, 231, 237.
Зигфридъ (Нибелунги)—119, 186.
Зифа (Sifra) супруга Тора(Эдда)—164, 165, 171, 190.
Златоструй (древне-болгарскій литературный сборникъ)—315.
Златоустъ Іоаннъ св.—315.
Зміевъ валъ—141, 143, 330.
Зміяка=крокодилъ Волховъ, въ преданіи—253.
Змій—137, 138, 139, 142, 154, 159, 160, 172, 173, 174, 175, 218, 220, 221, 228, 229, 247, 251, 252, 253, 257, 260, 330.
Золотая Орда (быльни)—118.
Золото: сокровище мнѣологін—228, хоронить (святочн. обрядъ)—227, цѣна крови—229, 230.
Золотыя ворота въ Кіевѣ—297.
Зоря—зоряница—221.

Зосима св., въ иконографіи—375.
Зурабъ, герой персидской поэмы Фирдуси—113.

И.

Иванъ Алферьевичъ, Иркутскій и колыванскій генералъ-губернаторъ—89.
Иванъ Васильевичъ Грозный, царь—204, 248, 249.
Иванъ Великій (колокольня)—376, 377.
Иванъ да Марья, въ заклинаніи русалокъ—некрещеныхъ младенцевъ—233.
Иванъ Купало (банунъ 24 іюня)—182, 233.
(объ) Иванѣ Годяновичѣ былина—361.
Иггдразиль, всемірное историческое древо въ Эддѣ—239; см. Iggdrasil.
Игнатій, строитель храма св. Софін въ Царьградѣ—300.
Игорь, мужъ кн. Ольги—141, 251.
Игорь Святославичъ, князь Сѣверскій (въ Словѣ о полку Игоревѣ)—196, 197, 211, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367.
Игра Ставра Годяновича на гусяхъ (былина)—359.
Изборника 1073 г. составъ—319.
Изборники князя Святослава Ярославича 1073 и 1076 г.—316, 318, 319, 321, 322, 323, 339.
Измаильтяне, въ др. русскомъ описаніи Страшнаго Суда—273.
Измайловичъ (Измайлловъ) Александръ Ефимовичъ, писатель—31, 32, 53.
Измайловскій полкъ—48.
Измѣрѣніе земли поясомъ, древнѣйшій юридическій символъ землевладѣнія—307.
Изображеніе Ильи Муромца, какъ святаго—265.
Изяславъ Ярославичъ, князь—304, 306, 317, 333, 334, 335, 336, 337, 339, 340, 341.
Иконоборцы, въ видѣніи византійскаго монаха Григорія—294.

Иконопись—273, 274, 276, 285, 287, 291, 294, 301, 303, 304, 307, 308, 322.
Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій—305.
Иліада—126, 199, 244, 354.
Илія пророкъ, въ сербской пѣснѣ—177, 178.
Иллирійское племя славянъ—119, 120, 121.
Ильмариненъ, братъ Вейнемейнена, вѣщій ковачъ (Калевала)—238, 239, 240, 241, 243.
Ильматаръ, дочь воздуха, мать Вейнемейнена въ Калевалѣ—237, 238.
Ильмень, Ильмеръ—252, 253.
Илья Муромецъ—113, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 355, 356.
Имиръ, родоначальникъ великавовъ, въ Эддѣ—147, 148, 150, 165, 169, 173, 238, 239.
Индійцы—110, 111.
Индіане, въ др.-русскомъ описаніи Страшнаго Суда—273.
Индоевропейская семья народовъ—110.
Иноземцевъ Федоръ Ивановичъ, знаменитый врачъ—49.
Иркутское намѣстничество—89, 91.
Иркутскъ—89, 95.
Ирина, Византійская императрица—294.
Ирины св. монастырь въ Кіевѣ—297.
Иродъ, въ мистеріяхъ—352.
Исаакъ, праотець—275, 288.
Искусство древне-христіанское—373, на Западѣ—347, 348, 349.
Исландія—146.
Испанія—117.
Исполины, въ Калевалѣ—236.
Испытаніе вѣръ св. княземъ Владиміромъ—271, 282, 298.
Историческая поэзія славянъ—131.
Историческіе Очерки О. И. Буслаева—301.
Историческія преданія, басни, сказанія—249.
Историческія пѣсни—248, 325, 327; см. еще **Вылины**.
Историческое введеніе въ статистическое описаніе Бессарабской области—143.

(объ) **Историческомъ** значеніи русской народной поэзіи Н. И. Костомарова—161.
Исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія А. Я. Пятковского—54.
Исторія о Варлаамѣ и Иоасафѣ царевичѣ—373.
Исторія Государства Россійскаго Н. М. Карамзина—1, 12, 43.
Исторія нѣмецкаго языка Якова Гримма—114.
Исторія Пугачевского бунта А. С. Пушкина—40.
Источники Jggdrasil (Эдда)—156.
Италійскія племена—110.
Италія—117.

I.

Іаковъ, мнихъ печерскій, авторъ Похвалы св. Владиміру и житія свв. Бориса и Глѣба—329, 330.
Іаковъ, праотець—275, 288.
Jarl (благородный), въ Древн. Эддѣ—162.
Jggdrasil (дерево всемірное въ сканд. поэзіи)—155, 158, 159, 160, 175.
Ídauöllr, поле возрожденія въ Эддѣ—176.
Іерусалимъ горній—273, 283, 288.
Іерусалимъ, городъ—6, 21, 250, 359.
Iconographie chrétienne Didron'a—268.
Іоанникій, митрополитъ Московскій—376.
Іоаннъ бояринъ (Кіевопеч. Патерикъ)—333.
Іоаннъ дьякъ, списавшій Изборникъ 1073 г.—318, 321.
Іоаннъ Златоустъ—315.
Іоаннъ игумень печерскій (Кіевопеч. Патерикъ)—340, 346.
Іоаннъ, муч. отъ Варяговъ—328.
Іоаннъ Синайской горы, авторъ аскетическихъ сочиненій, въ описаніи Страшнаго Суда—274.
Іоасафъ царевичъ—373.
Іованъ, сынъ Гойко, (серб. пѣсн.)—153.
Іовъ, патріархъ—269.
Іона пророкъ (символь христіанскій)—373.

Ионаанъ, арх. Ярославскій и Ростовскій—377.
Jord мать-земля (Эдда)—164.
Иосифъ прекрасный—360.
Iotunheimr (жилище Иотовъ), въ Эддѣ—148, 166, 167, 172, 178, 236.
Иоты (великаны въ Эддѣ)—148, 151, 166, 167, 176, 250.
Иуда предатель, въ описаніи Страшнаго Суда—275.

К.

Казань—47.
Казары (лѣтопись)—251.
Кайнъ—274, 350, 351.
Калайдовичъ Константинъ Ѳедоровичъ, археографъ и историкъ—372.
Калевала, страна финновъ и финскій народный эпосъ—199, 228, 235, 236, 237, 242, 243, 244.
Калева, родоначальникъ финскихъ героев—236.
Kalendae—223.
Калики, лѣтцы духовныхъ стиховъ—104, 143, 183, 272.
Калуга—26.
Калужская губ.—214.
Кама, рѣка (былины)—257.
Камилъ—24, 28.
Камни драгоценные—258, 322, 323.
Канкринъ Валеріанъ Егоровичъ, графъ—27, 48.
Канкринъ Егоръ Францевичъ, графъ, писатель и государственный дѣятель—2.
Каннинги—24.
Канингъ Страттфордъ, лордъ—48.
Кантела, арфа Вейнмейстера (Калевала)—147.
Кантемиръ Антиохъ Дмитриевичъ—8.
Караджичъ Вукъ Стефановичъ—120, 122, 124, 151, 177, 190, 193.
Бара (Зигруна), въ Древн. Эддѣ—196.
Карамзина Екатерина Андреевна—21.
Карамзина Екатерина Михайловна—5.
Карамзина Елизавета—64, 66.
Карамзинъ Николай Михайловичъ, исторіографъ—1, 6, 10, 46, 47, 99.
Карамзинъ—22, 34.
Карасево озеро—251.
Карбункулъ, камень—323.
Каринтія (Австрія)—137.
Карлики Эдды—148, 149, 166, 172, 229, 230.
Карлсбадъ, городъ—64, 66.
Karl (свободный), въ Древней Эддѣ—162.
Карпаты, горы—137.
Касоги—324, 328.
Кастренъ Александръ, филологъ—235.
Каховскій—39.
Каченовскій Михаилъ Трофимовичъ, журналистъ и профессоръ—15.
Каша на свадьбѣ—204.
Каша, чешская княжна (эпосъ)—134.
Каяда, рѣка (Слово о полку Игоревѣ)—196, 364, 365, 366.
Квасиръ (Эдда)—149, 159, 181.
Кельты—110, 111, 354.
Кирилло-Вълозерскій списокъ Изборника 1073 г.—321.
Кирилловское письмо—314.
Кириллъ Кожемяка—138, 139.
Кириллъ св.—119, 314, 315.
Кириейсы (Кирие елейсон), стихотв. молитвословія—348.
Кириичниковъ Александръ Ивановичъ—98, 99.
Кириша Даниловъ—113, 181, 192, 258, 356, 361.
Кириѣвскій Петръ Васильевичъ, собиратель народныхъ пѣсень—143.
Кисилевъ—86.
Киссингенъ, городъ—57, 58, 59, 61, 62, 63, 65, 69, 76, 77.
Китайскій государь—92, 93, 94.
Китайское государство—89.
Клшиневъ, городъ—42.
Киевецъ, городокъ на Дунаѣ (лѣтопись)—251.
Киевляне—251, 252, 329.
Киевопечерскій монастырь—305, 329, 332, 336, 337, 338, 339, 342, 344, 346, 353.
Киевопечерскій Патерикъ—305, 310, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 340, 341, 342, 344, 346, 347, 353.

- Киевское** русское племя—120.
Кіевъ—24, 25, 26, 27, 28, 108, 119, 121, 133, 138, 234, 250, 251, 253, 254, 256, 257, 259, 295, 296, 297, 298, 308, 310, 313, 317, 318, 321, 325, 326, 328, 331, 334, 335, 339, 344, 345, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 361, 363, 365, 367.
Кій (лѣтонисъ)—250, 251, 353.
Kinder und Hausmärchen Grimm'a—113.
Кладка (условная плата жениха и свекра невѣстѣ)—199.
Климакъ (Лѣстница), книга—373.
Кметы, др. чешск. сословіе—133, 137.
Книга о русскихъ святыхъ—265.
Книга Исторіографія Мавроурбина—137.
Княжевичъ Александръ Максимовичъ, министр финансов—2.
Княжеская поэзія на Руси—324.
Княжичъ Яковъ Борисовичъ, драматургъ—41.
Князь и княгиня=женитъ и невѣста—205.
Князь, Конг (Древн. Эдда)—136.
Кобякъ, въ Словѣ о полку Игоревѣ—196.
Ковалевскій Евграфъ Петровичъ—2.
Кожемяка, герой русскихъ сказаній—138, 139, 140, 143.
 (о) **Кожемякъ** Переяславскомъ сказаніе—353.
Коза, въ сканд. поэзиі—160.
Козаки—264.
Козачество—248.
Козла жертвоприношеніе, колядка—224.
Козьма Индикопловъ—322.
Коляда—216, 223.
Колядныя пѣсни—224.
Комонъ Арсенъ, французскій археологъ—307.
Конг, Konung, Kupings, князь (Древн. Эдда)—163.
Константинополь—6, 7, 28, 48, 278, 298; см. еще **Царьградъ**.
Константинопольскій соборъ—293.
Константинъ Багрянородный, Византійскій императоръ—255.
Константинъ Великій, Византійскій императоръ—293, 299.
Константинъ Всеволодовичъ, князь—367, 368.
Константинъ Копронимъ, Византійскій императоръ—294.
Константинъ Святославичъ, князь, просвѣтитель Муромъ—329.
Кончагъ, Половецкій князь—364, 267.
Конь Момчила (серб. пѣсня)—124, 125.
Корабль, перевозящій покойниковъ (Naglfari)—174, 208.
Корабль Соловья Будимировича (былшы)—258.
Кормчая книга—98.
Корниловичъ Александръ Осиповичъ, декабристъ, писатель—31, 52.
Корнильевъ Василій—49.
Коробановъ—302.
Коронованіе императора Александра III Александровича—376, 377, 378.
Короны привѣшыванье у алтари—306.
Короцаево село, родина Ильи Муромца—259.
Кореунскія врата въ Новгородѣ—307, 312.
Корсунъ—296.
Корутане—120.
Коршунъ, въ сканд. поэзиі—160.
Косарскія пѣсни—234.
Космогонія финнскаго эпоса—287.
Космогонія Эдды—148.
Косси—60, 62.
Костомаровъ Николай Ивановичъ, историкъ—161, 361.
Костюмы актеровъ въ западныхъ мистеріяхъ—352.
Коцебу Августъ Фридрихъ, нѣмецкій драматургъ и романистъ—36.
Коцель, Моравскій князь—314.
Кракъ, польскій князь (эпосъ)—134, 137, 139, 140, 143, 151.
Криледворская рукопись (чешск. эпосъ)—270.
Красное Крыльцо Московскаго дворца—376, 377, 378.
Красовскій, цензоръ—53, 54.
Кремль Московскій—376, 378.
Кривлицы Петръ и Александръ—40.
Кривда, въ описаніи Страшнаго Суда—274.

(о) **Крикъ** птица средневѣковое по-
вѣрье—260.
Кримгильда, въ Нибелунгахъ—208,
212, 222.
Крокодилъ (русское преданіе)—252.
Крокъ, Чешскій князь (эпосъ)—134, 137.
Крымъ—60, 61, 63, 64, 65, 66, 67.
Кубасовъ Иванъ—53.
Будри русыя—192.
Кузьма богатырь (сказаніе о Зміевомъ
валѣ)—143.
Кукушекъ праздникъ (Крещенье)—232.
Кулишъ Пантеленмонъ Александро-
вичъ, малорусскій поэтъ, публицистъ
и историкъ—139.
Куллерво чародѣй (Калевала)—241.
Кумъ (шаферъ въ старину)—206.
Купало—216, 221.
Куракинъ Александръ Борисовичъ,
князь—87.
Куракинъ Ѳ. А., князь—87, 96.
Курбскій Князь, романъ Бориса Ѳе-
дорова—51.
Курскъ—361, 363.
Кутафія, башня Московскаго Крем-
ля—376.
Кушникова Елизавета Сергѣевна—5.
Кушникова Софія Сергѣевна—5.
Кушниковъ С. А.—5.
Кюхельбекеръ Вильгельмъ Карло-
вичъ—42.
Кяхта—95.

Л.

Лаба (Эльба), рѣка—121.
(о) **Лазаръ** духовный стихъ—274.
Лаокоонъ Лессинга—128.
Лапландія—242.
Lasarsche Victor—350.
Латвскій языкъ—117.
Лачъ озеро (Слово Данила Заточни-
ка)—368, 372.
(въ) **Лебедь** обращеніе—166.
Лебедя рыцарь, въ средневѣковомъ
сказаніи—208.
Левенштернъ Владиміръ Ивановичъ,
баронъ—46.
Левенштернъ Левъ Павловичъ, ба-
ронъ—11, 46.
Левницкая Юлія—73, 74.

Левъ IV, Византійскій императоръ—
294.
Левъ Исавряннинъ, Византійскій импе-
раторъ—294.
Легенды русскія народныя А. Н. Ава-
нашева—297.
Лекціи Ѳ. И. Гуслаева Е. И. В. Наслѣд-
нику Цесаревичу Николаю Алексан-
дровичу—97.
Леманъ (Léman), Женеvское озеро—
57, 58.
Лемминкайнентъ младшій братъ Вей-
немейнена (Калевала)—240.
Леннротъ, Elias Lönnrot, собиратель
пѣсень Калевалы—235, 236.
Ленора Бюргера—196.
Лермонтовъ Михаилъ Юрьевичъ,
поэтъ—124.
Лессингъ Готтольдъ Ѳфраимъ, нѣмец-
кій писатель—128.
Ливадія—65, 66, 67, 68, 84.
Ливентъ князь—62, 63.
Лимонарь (патерикъ)—373.
Линде Самуэль Богумиль, польскій
ученый—29, 49.
Литва—110, 111, 154, 167, 175, 177,
178, 179, 242, 248, 273, 293.
Литва (женитъ и его свита), въ мало-
рус. пѣсняхъ—198.
Литовскій гвардейскій полкъ 46.
Литовскія хроники—175.
Лицей Царскосельскій—9, 10.
Лобановъ Михаилъ Евстафьевичъ, пе-
реводчикъ—31, 53.
Лодомпрекая Зинаида—49.
Лодомпрекая Софія—49.
Лодомпрекіе—28.
Лодомпрекій Петръ Васильевичъ—28.
Лодья: при похоронахъ—207, символъ
христіанскій—268.
Лосасенна, пѣснь Древней Эдды—169.
Локи, коварное существо изъ Асовъ
(Эда)—150, 156, 164, 165, 166, 167,
168, 169, 170, 171, 172, 174, 175, 176,
230, 231.
Ломоносовъ Михаилъ Васильевичъ,
поэтъ и ученый—2, 106, 108.
Лондонъ—60, 61.
Лопарь—236, 240.
Лоповъ Алексѣй—96.

Лоухи, хозяйка Похіолы (Калевала)—
236, 239, 240, 241, 242, 243.
Лужинъ Иванъ—49.
Лужичане—121, 296.
Лузациа—121.
Лука, архієпископъ Новгородскій—
304.
Лунина Екатерина Петровна (впо-
слѣдствіи графиня Риччи)—44.
Лыбедь, сестра Кія и рѣка—250, 251,
252, 253.
Лысая гора—234.
Львово мѣсто въ храмѣ св. Софій
Цареградской—301.
Львовъ Федоръ Петровичъ, писатель
и знатокъ музыки—52.
Лѣнокъ цвѣтокъ (Кієвопеч. Пате-
рикъ)—336.
Лѣтвица (книга)—373.
Лѣтописецъ Кієвскій—252.
Лѣтописи—174, 187, 248, 353, 367.
Лѣтописи рус. литературы и дре-
вностей Н. С. Тихонравова—225,
299, 362.
Лѣха орлы—133.
Лѣхи (др.-чешское сословіе)—133.
Лѣхъ, воевода (эпосъ зап.-славян-
скій)—132, 133, 134, 137, 140, 151.
Лѣчебники др.-русскіе—323.
Лѣшій—131, 203.
Любуша, дочь чешскаго князя Крюка—
132, 134, 135, 140.
Любушинъ судъ (чешск. поэма)—133,
134, 135, 137, 156, 204.
Людмила, баллада В. А. Жуковска-
го—196.
Ляхи—131, 132, 133, 134, 253, 274, 292,
329.
Ляхъ, воевода (Лѣхъ)—132.

М.

Мавроурбинъ, историкъ—137.
Магницкій Михаилъ Леонтьевичъ—
12, 47.
Маговъ (3-хъ) мистерія—351.
Магометане, въ изображеніи Страш-
наго Суда—292.
Майковъ Леонидъ Николаевичъ—54.
Макарьевскія Четыр Мисси—276, 322.

Македоніане, еретики, въ видѣніи мо-
наха Григорія—293.
Македоній, патріархъ Константино-
польскій, еретикъ, въ видѣніи мона-
ха Григорія—393.
Максимовичъ Михаилъ Александро-
вичъ, ученый—46, 49.
Малороссія—360.
Малорусская сказка о Кожемякѣ—138.
Малорусскія и Галицкія загадки Се-
ментовскаго—247.
Малорусскія пѣсни—118, 247.
Малорусское нарѣчіе—121.
Малоруссы—118, 198, 210, 223, 224,
233, 234.
Малуша, мать Владиміра, у Нестора—
205.
Маль, древланскій князь (лѣтопись)—
140, 255.
(о) **Мамаевоиъ** побишѣ сказаніе—11.
Ману (индійскій прародитель)—136.
Марина, въ былинѣ о Добрынѣ—193.
Марина Мнишекъ—52.
Марія Александровна, Великая княж-
на—85.
Марія Александровна, императрица—
57, 59, 60, 61, 62, 64, 65, 66, 67, 72,
73, 77, 78, 85.
Марія Египетская св.—375.
Марія Феодоровна, императрица—377.
Марко Кралевичъ (серб. эпосъ)—129,
157, 158, 160, 196.
Марлинскій (Бестужевъ А. А.)—7.
Мартирологіи—295.
Марья Дивовна (былны)—260.
Марѳа Всеславьевна, въ былинѣ о
Волхѣ—218.
Массенбахъ Эвелина—67, 68.
Матеріалъ для письма на Руси—316.
Мать (Módir), въ Древи. Эддѣ—162.
Матѳей Прозорливый (Кієвопеч. Пате-
рикъ)—335.
Медъ драгоцѣнный (Эдда)—149, 150.
Меджіасъ—Тейсисесъ, древо правед-
ное Литовцевъ—154.
Мей Левъ Александровичъ, поэтъ—49.
Мельгуновъ Алексѣй—49.
Мѣльниръ (Mólnir) молотъ Тора (Эд-
да)—165, 171.
Меркурій Смоленскій св.—311.

- (о) **Мертвой рукѣ** преданіе—192.
Мессія Правдивый Іоаннкія Галл-
товскаго—178.
Метлинскій Амвросій Лукьянович,
собирагель пѣсень, профессоръ, ма-
лорусскій поэтъ—210.
Мечь кладенець—159.
Меѳодій святый—119, 314, 315.
Мидійское царство, въ описаніи Страш-
наго Суда—274.
Микель Анджело—284, 292.
Милена (Д. А. Державина)—52.
Милютна Е. Д.—82, 83.
Мимръ, мудрѣйшій изъ Асовъ (Эд-
да)—158, 159, 163, 175, 181.
Миниен служебныя XI в.—315.
Министерство Финансовъ—2, 50.
Миніатюры—268, 273, 276, 316, 321,
322, 374, 375.
Минская губ.—121.
Мистеріи—349, 350, 351, 352.
Михайло Ивановичъ Потокъ, бога-
тырь—260.
Михаэль, Византійскій императ.—314.
Михаэль Константиновичъ, князь—
329.
Михаэль Павловичъ, Великій князь—
39.
Михаэль, строитель храма св. Софій—
300.
Михаэль Фодоровичъ, царь—204, 248.
Мицкевичъ Адамъ, польскій поэтъ—
40, 86.
Мифологія—110, 111, 114, 129, 130,
131.
Midhgardr (средннее жилище въ
Эддѣ)—148, 150, 172, 175.
Mildingr (Милостивецъ), названіе кня-
зя—256.
Могилевская губ.—121.
(въ) **Могилѣ** погребеніе—207.
Módir (Древн. Эдда)—162.
Моисей Моисеевичъ, въ рус. По-
вѣсти—250.
Моисей, пророкъ—294, 351, 374.
Моисей Угринъ прп.—334, 335.
Молдава, рѣка—132.
Молнія—177, 178.
Молотъ Тора (Эдда)—165, 166, 167,
169, 178.
Момчплъ (серб. пѣсня)—122, 123, 124,
125, 126, 127, 128, 129.
Монастыри: Аптоніевъ—310, Елецкій
Успенскій—334, Дмитровскій Изя-
слава—336, Ирнинскій Кіевскій—
297, Кіевопечерскій—305, 329, 332,
336, 337, 338, 339, 342, 344, 346, 353,
Устюжскій Николаевскій Моден-
скій—88, 89, 95.
Монограмма плени Хрпста—268.
Моравія—121, 314.
Моравскіе славяне—314.
Моравы (Слово о полку Игоревѣ)—
365.
Морана (смерть)—232.
Мордовцева малорусскій сборникъ—
360.
Москва, городъ—1, 20, 22, 23, 24, 27,
28, 29, 47, 49, 50, 51, 87, 89, 95, 106,
107, 108, 109.
Москва, рѣка—24, 73, 74, 378.
Москвитянинъ, журналъ—265.
Московскій періодъ въ исторіи рус-
ской литературы—106, 107.
Московскій Публичныи и Румицев-
скій Музеи—86, 98, 99.
Московскій сборникъ, славянофиль-
скій журналъ—261.
Московскій университетъ—50, 53, 97.
Московское Отдѣленіе Коммиссіи Ста-
рины и Новизны—1.
Мрнявчевичи (дѣти Мрнявы), въ серб.
пѣснѣ—151.
Мстиславъ Владиміровичъ Храб-
рый, князь—305, 324, 325, 328.
Мстиславъ Святополковичъ, князь—
341, 342.
Муки грѣшниковъ, въ изобр. Страш-
наго Суда—275.
Муравьевская школа колонповожа-
тыхъ—52.
Муравьевъ—39.
Муравьевъ Андрей Николаевичъ, пи-
сатель—37, 42.
Муркосъ Г. А.—1.
Муромъ, городъ—108, 259, 261, 328,
329.
Muspellheimr (жилище огня въ Эддѣ)—
147, 148, 175.
Мутная, рѣка (лѣтопись)—252.

Мухановъ—60, 61.
Мухановъ В. А.—7, 28.
Мухановъ Николай Алексѣевичъ—29, 48, 49.
Мытарства воздушныя—276, 279, 281, 310.
Мыши (день и ночь), въ сканд. поэзіи—160.
Мѣрило праведное, въ изобр. Страшнаго Суда—273.
(о) Мѣсяцахъ 12-ти медіц. статьи въ Изборникѣ 1073 года—322.
Мѣсяцевъ имена: у нѣмцевъ—216, у русскихъ—215, у поляковъ—215, у скандинавовъ—216.
Мѣсяцевъ олицетвореніе—215.
Мѣсяць—177, 178.
Muller Max, мнѣологъ—111.
Мюнхенъ, городъ—35.

Н.

Нава, лодка, могила, адъ—208.
Навскій день—день весенней памяти усопшихъ—208, 232.
Навь—покойники—208.
Нагель Ларіонъ (Людвигъ Тимофеевичъ), правитель Иркутскаго Намѣстничества—89, 91.
Naglfari корабль мертвецовъ—174.
(о) Наивной и севтимвентальной поэзіи Шиллера—126.
Наяннъ, городъ въ Китаѣ—94.
Наяна супруга Бальдура (Эдда)—169.
Написанія грибовъ на темени грибовъ—285.
Народная поэзія—111.
(о) Народной поэзіи въ древне-русскаго литературѣ рѣчь Ф. И. Буслаева—206.
Народныя южно-русскія пѣсни Меглѣнскаго—210.
Народы, въ изображеніи Страшнаго Суда—273.
Наружность человѣка по поэт. источникамъ—188.
Нарышкина Вѣра—60, 61.
Нарышкина Марья Антоновна—47, 60, 61.
Нарышкина Надежда—60, 61.

Настасья Королевишна (былны)—118, 119.
Начатки христіанскаго просвѣщенія (2-й періодъ въ исторіи русс. литературы)—106, 107.
Нащокня Павель—49.
Нева, рѣка—311.
Нево, озеро—311.
Недѣля—217, 220, 221.
Неистовый Орландъ (Orlando furioso) Аріоста—127.
Нептунъ (христ. симв.)—269, 373.
Нёрдъ (Nírdgr) Ванъ, отецъ Фрея и Френ (Эдда)—164.
Нерта, германская богиня—164.
Нерушимая стѣна, изобр. Богородицы—303.
Нессельроде Карлъ Васильевичъ, графъ, государств. дѣятель—46.
Несторіане, еретики—293.
Несторій, ересиархъ—293.
Несторова дѣтошнъ—140.
Несторъ дѣтописецъ—133, 139, 140, 146, 174, 190, 197, 198, 199, 205, 208, 246, 249, 250, 251, 252, 256, 257, 261, 272, 282, 295, 297, 298, 326, 327, 329, 330, 331, 336, 337, 338, 353.
Нибелунги, германскій эпосъ—119, 130, 194, 208, 222.
Нижегородская губернія—354.
Нижній Новгородъ—66, 67.
Никейскій соборъ—293, 294.
Никита епископъ (XII в.)—311.
Никитинъ—31.
Никифоръ, митрополитъ Кіевскій (XII в.)—304.
Никола Давидовичъ Святоша, князь—339.
Николаевъ, городъ—25.
Николай Александровичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ—97.
Николай II Александровичъ, императоръ—99.
Николай I Павловичъ, императоръ—6, 39, 40, 42, 47, 48.
Николай чудотворецъ—177.
Никонъ, игуменъ Кіевопечерскій (XI в.)—308, 333, 344.
Nifheimr (жилище мрака и холода въ Эддѣ) 147, 172, 173.

- Нифлунги** (скандинавское название Нибелунгов)—228, 231.
- Нифонтъ**, архіепископъ—313.
- Новгородская легенда** объ образѣ Иисуса Христа въ Софійскомъ храмѣ—303.
- Новгородская область**—251.
- Новгородское русское племя**—121.
- Новгородцы**—253.
- Новгородъ**—108, 117, 134, 231, 252, 253, 257, 295, 296, 298, 303, 304, 307, 310, 312, 313, 315, 317, 326, 347, 352, 368, Сѣверскій—361.
- Новосильцева Марта**—49.
- Новосильцевъ**—29.
- Новосильцевъ Петръ**—49.
- Ногти мертвецовъ** (корабль смерти)—174, 175, 208.
- Ной**, праотець—288, 352, 374.
- Норвегія**—255.
- Норвежскій герой Орваръ Оддъ**—254.
- Норманны**—254, 305, 317.
- Норны** (скандинавскія судныя дѣвы)—137, 156, 159, 230.
- Ночь**, въ скандинавской мифологіи—221.
- Нѣмецкая Мифологія Якова Гримма**—114, 296.
- Нѣмецкій свадебный обычай**—205.
- Нѣмцы**—111, 113, 116, 117, 118, 120, 129, 130, 146, 155, 164, 167, 177, 179, 185, 186, 189, 215, 216, 228, 242, 245, 266, 274, 292, 310, 311, 365.

О.

- Оберегъ**:—206, 246, женищихся—203.
- Обзоръ** рус. дух. литературы Филарета арх. Черниговскаго—305, 372.
- Обиходи** Апостольскіе или Хожденія Апостоловъ, апокрифъ—296.
- Обозрѣніе** могилъ, валовъ и городницъ Киев. губерніи Фундукля—143.
- Оболенскіе князья**—47.
- Оболенскій Андрей Петровичъ**, князь—29, 47.
- Оболенскій Михаилъ Андреевичъ**, князь—49.
- Обры** (Авары и великаны)—246, 249, 250, 353.

- Общество Любителей Россійской Словесности**—51, 53, 84.
- Общество Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія**—86, 99.
- Овгуръ** (Слово о пол. Игоревѣ)—366.
- Огарева Елизавета Сергѣевна**—34.
- Огонь**: на похоронахъ—209, свадеб. символъ—204.
- Одде**, родина Семунда, собирателя Эдды—146.
- Одесса**—24, 25, 26, 29, 30, 52.
- Одесскій карантинъ**—23.
- Одинъ**, скандинавскій богъ—147, 148, 153, 155, 158, 159, 160, 163, 164, 167, 168, 170, 172, 173, 175, 176, 179, 181, 195, 216, 230, 247.
- Одиссей**—113, 124, 127.
- Одиссея**—147, 167, 244.
- Ожерелье Френ** (Bresinga mene), въ Древн. Эддѣ—166.
- Олега смерть** (лѣтопись)—353.
- Олегиъ**, князь—251, 254, 255, 353.
- Олегиъ Святославичъ**, князь—321, 324, 325, 338, 364.
- Оленина**—34.
- Оленинъ Алексѣй**—86.
- Олень** съ однимъ рогомъ (христ. символъ)—274.
- Олимпъ** Скандинави—148, 168, 179.
- Олинъ Валеріанъ Николаевичъ**, поэтъ—32, 54.
- Олицетвореніе**: мѣсяцевъ—219; нравственныхъ понятій въ изображеніи Страшнаго Суда—290.
- Олонецкая губернія**—368.
- Ольга**, вел. кн. св.—67, 68, 140, 141, 255.
- Ольга Глѣбовна**, княгиня (Слово о полку Игоревѣ)—364.
- Ольги** в. к. св. житіе—353.
- Ольха**, въ Эддѣ—153, 154.
- Омела** (mistel, viscum), въ Новой Эддѣ—168, 169.
- Онуфрій Великій**, святой—375.
- Опасный Сосѣдъ**, поэма В. Л. Пушкина—10, 45.
- Опутать**=сватать—205.
- Опыты** общихъ правилъ стихотворства кн. Н. А. Цертелева—50.
- Орвандиль** (сюжетъ Гамлета)—130.

- Орварь** Одръ, норвежскій герой—254, 255.
Орда (былины)—357.
Орель: въ гербѣ польскомъ—133, въ сканд. поэзіи—160, изъ Турьи (Калевала)—237, 238.
Оренбургская губ.—360.
Орендель (Орвадиль)—130.
Орканья, итальянскій живописецъ XIV в.—291.
Орловская губ.—214.
Орловъ Александръ Сергѣевичъ—1.
Орловъ Алексѣй Ѳеодоровичъ—38.
Орловъ-Денисовъ Н., графъ—49.
Орфей (символь Христа)—241, 268, 373.
Осина, въ литов. сказкѣ—155.
Оскольдъ (лѣтопись)—251.
Останкино, село—88.
Остара, германская богиня—216.
Остафьево село—1, 6, 8, 23, 24, 26, 27, 28, 48.
Остафьевскій Архивъ князей Виземскихъ—50, 52, 53, 54.
Остромирово Евангеліе—146, 315, 316, 317, 318.
Острохиръ посадникъ—317.
Ость-готы—113.
Осыпало на свадьбѣ—204.
Отводное на свадьбѣ—206.
Отворотный столъ на свадьбѣ—206.
Отеть (Fadig), въ Древн. Эддѣ—162.
Отрывки изъ жизни Маріи Мнишскъ—52.
Отуръ (Otter), въ эпосѣ о Зигурдѣ—229, 230.
Очаковъ, городъ—91.
Очи въ искусствѣ, поэзіи и вѣрованіяхъ—189, 190.

П.

- Павель**, Аностоя: въ описаніи Страшнаго Суда—275, въ пѣснѣ—177.
Павлова Каролина Карловна, писательница—29, 49.
Павловъ Николай Филипповичъ, писатель—29, 49.
Палень—42.
Палея (книга)—98, 373.
Пальма (символь христ.)—268, 373.

- Памятники** великорусск. нарѣчія, изд. 2-мъ отд. Ак. Наукъ—354.
Памятники Русской Словесности XII в.—372.
Пандиъ Никита Петровичъ, графъ, дипломатъ—42.
Параллелизмъ въ древ. христ. изображеніяхъ—373, 374.
Парижъ—49, 60, 61, 146.
Парки, богини судьбы—156.
Паскевичъ Иванъ Ѳеодоровичъ, графъ, князь—43.
Патерикъ Киевопечерскій—305, 310, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 339, 340, 341, 342, 344, 346, 347, 353.
Патерикъ Римскій—373.
Патерикъ Синайскій въ рук. XI—XII в.—316.
Патерикъ Скитскій—373.
Пегасъ, мнѣ. конь—125.
Пекниъ, городъ—88, 89, 91, 92, 95, 96.
Пелазги—110.
Пеллервойненъ, божество земледѣлія (Калевала)—242.
Пенелопа—127.
Пера—22.
Перевлѣскій Петръ—49.
Перемышль (Киевоч. Патерикъ)—339.
Переяславль: русскій—139, 309, 325, 367, 372, Рязанскій—251.
Періоды исторіи русской литературы—106, русскаго эпоса—261.
Перкунъ (Перунъ)—164, 167, 178, 179, 242.
Перлиторъ, городъ (серб. пѣсни)—123.
Перре, издатель катакомбъ—268.
Персидское царство, въ описаніи Страшнаго Суда—274.
Персы—110, 111.
Перунова рѣнь—253.
Перунъ, богъ грома и молніи—130, 131, 145, 164, 167, 178, 179, 190, 216, 220, 224, 232, 242, 252, 253, 264, 327.
Перыня—252, 253.
Перюнскій скитъ—255.
Нестель Павель Ивановичъ, декабристъ—35, 39.
Песьи головы, въ изображеніи Страшнаго Суда—273, 292.

- Петербургское Общество Любителей Росс. Словесности**—30, 50.
- Петербургъ**—1, 7, 21, 28, 29, 47, 52, 53, 60, 61, 64, 65, 68, 69, 81, 378.
- Петергофъ**—57, 58, 71, 72, 82, 83.
- Петръ**, апостоль—177, 296.
- Петръ I**, императоръ—40, 53, 108, 109, 267, 270.
- Печенѣги**—298.
- Печенѣжскій великанъ** (лѣтопись)—139.
- (о) **Печерской церкви сказаніе**—305.
- Пещера варяжская** (Кіевоч. Патарикъ)—310.
- Пигмаліонъ**—241.
- Плать**—325.
- Пирра**—204.
- Пиръ** Владиміра—256, 261.
- Письма:** А. А. Бестужева П. А. Вяземскому—30, А. Я. Булгакова кн. П. П. Вяземскому—22; кн. П. А. Вяземскаго—23, А. Я. Булгакову—21, П. П. Вяземскому—7, Д. Θ. и Е. Θ. Тютчевымъ—56; кн. В. Θ. Вяземской—26, 29, 58, 59, 60, 62, 65, 66; Н. М. Карамзина кн. Вяземскому—1, 11, И. И. Дмитріеву—47; В. П. Тптова кн. П. П. Вяземскому—21; А. И. Тургенева кн. П. А. Вяземскому—51, 52; гр. Н. П. Шереметева кн. А. Б. Куракину—87.
- Письмо славянское**—316.
- Плачъ** на свадьбѣ—200.
- Плачъ** в. к. Евдокіи, въ Словѣ о житіи в. кн. Дмитрія—211.
- Плачъ** Зигруны—195.
- Плачъ** Ярославны, въ Словѣ о полку Игоревѣ—196, 365.
- Плетневъ** Петръ Александровичъ, критикъ—30, 56.
- Плещеевъ** Александръ—49.
- Повѣсти**—248, 249.
- Погоднъ** Михаилъ Петровичъ—49, 51, 53, 68, 69.
- Погруженіе** въ воду на Насхѣ—216.
- Подблюдныя** пѣсни—224, 225, 226, 228, 229, 237, 360.
- Подлинникъ** иконописный—273.
- Подолане**, въ малор. свадеб. пѣсняхъ—198.
- Подшвы** углубленіе по народ. космогоніи—193.
- Пожраніе** солнца—174.
- Полабское племя** славянъ—121.
- Полевой**—51.
- Полддоръ** Варгилій—223.
- Полкаръ** ипокъ Кіевоч.—331, 341.
- Полное собраніе** сочиненій кн. П. А. Вяземскаго—3, 5, 46, 48, 49, 53, 55, 84, 85.
- Половецкая земля**, въ Словѣ о полку Игоревѣ—196.
- Половцы**—174, 306, 342, 362, 363, 364, 367.
- Полоцкъ**—325.
- Полтарацкій** Сергій Дмитріевичъ, библиографъ и библиофиль—10, 28, 49.
- Полудницы**, мнѣшескія существа—221, 233.
- Польское** возстаніе—60, 61.
- Польскія** лѣтописи—132.
- Польша**—137, 140, 335.
- Поляки**—137, 121, 131, 132, 133, 134, 206, 329.
- Поляне**—133, 251, 324.
- Полярная Звѣзда** (журналь)—8, 32, 55.
- Помники** по Бородинской битвѣ, стихотвореніе П. А. Вяземскаго—3.
- Пожраченіе** свѣтлыхъ боговъ, въ Эддѣ—172.
- Посланіе** къ Державину В. И. Туманскаго—52.
- Посланіе** кн. П. А. Вяземскаго къ И. И. Дмитріеву—32, 55.
- Посланіе** Θ. П. Львову гр. Д. И. Хвостова—52.
- Посланія:** Никифора митрополита Владиміру Мономаху—304, Θεодосія Печерскаго кн. Изяславу—304.
- Пословцы**—134, 144, 192, 203, 231, 246, 247, 370, 372.
- Послѣловія:** Изборника 1073 г.—318, 321, Остромирова Евангелія—317.
- Потемкинъ** Григорій Александровичъ, князь—41.
- Потокъ** Михайло Ивановичъ, богатырь—113, 260.
- Потопъ**, мистерія—351.
- Поученіе** Владиміра Мономаха—221, 332.

Похвала св. кн. Владимиру Іакова мнѣха—329.
Похвальное слово г-жѣ Сталь Габбе—46.
Похиола, страна лопарей въ Калевальѣ—236, 237, 238, 239, 240, 241, 242.
Похоронные обряды—201.
Почелокъ у невѣсты—200.
Поэмы запад. религиозныя—348.
Прабабка (Edda)—161.
Правда, въ описаніи Страшнаго Суда—274.
Праведный въ лит. сказкѣ—154.
Прага чешская—131, 135.
Прадѣдъ (Аі), въ Эддѣ—161.
Празднества народныя—223.
Преданія мѣстныя русскія—249.
Предписаніе Л. Т. Нагеля іером. Алексѣю—89.
Премьсль, Чешскій князь—136, 145.
Приглашеніе друзей на инкшпкѣ кн. П. А. Вяземскаго—86.
Приданое невѣстѣ—199.
Примѣчанія къ лекціямъ О. И. Буслая—270.
Примѣчанія къ перепискѣ кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ Сангова—8.
Притча—346, 249, 250.
Прпчитанья: малорусское—210, похоронныя—209, 240, 246, русское и сербское—209.
Прокопій, юродивый Устюжскій, св.—311.
Прологъ—348.
Пророки толковыя, въ спискѣ Уинрия Лихого—316, 317, 374,
Прохоръ чудотворецъ—339, 340 (Киевопечерск. Патерикъ).
Прошеніе пгумена Алексѣя—88.
Прутъ, рѣка—141.
Пряхи вѣщія славянскія—156, 157.
Псалтыри: Годунова XVI в.—375, парижская, греческая XI в.—268, 269, русскія 269, 274, Толковая (Чуд. XI в.)—374, угличская 1485 г.—374.
Псковъ—108, 253.
Птоломей, въ Изборникѣ Святослава—318, 321.
Публичная Библіотека—53.

Пугачевъ—41.
Путешествіе въ Арзрумъ А. С. Пушкина—43.
Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева—43.
Путешествіе на Востокъ кн. П. А. Вяземскаго—7.
Путивль—363, 365.
Путо при сватаньи—205.
Пушкина графиня—38.
Пушкинъ Александръ Сергѣевичъ—1, 8, 9, 31, 33, 51, 52, 54, 86, 99, 124.
Пушкинъ Алексѣй Михайловичъ—44.
Пушкинъ Василій Львовичъ, поэтъ—10, 36.
Пушкинъ Левъ Сергѣевичъ—38.
Пчела (флорилегій)—98, 372.
Пѣвцы финскихъ рунъ—236.
Пѣсни—173, 177, 183, 184, 185, 188, 191, 192, 196, 198, 200, 201, 209, 210, 224, 225, 226, 228, 229, 231, 232, 233, 234, 246, 247, 248, 249, 360; см. еще **Былины и Духовные стихи**.
Пѣсни, собранныя Костомаровымъ—360.
Пѣтухъ (христ. символъ)—373.
Пясть (польскій князь)—136.
Пятковский Александръ Яковлевичъ—54.
Пятница св., въ сказкѣ—220.

Р.

Рабъ (Thraell), сынъ Аі и Edda, въ Древн. Эддѣ—161.
Рабыня (Thyr), жена Thraell'a, въ Древн. Эддѣ—161.
Ragnarök, сумерки, затмѣніе, помраченіе боговъ, въ Эддѣ—174.
Рагоци—59, 61.
(о) Работѣ фризскомъ сказаніе—270.
Радищичъ, у Нестора—199.
Радищевъ Александръ Николаевичъ, писатель—43.
Радоица, день поминовенія усопшихъ на Ѳоминной недѣлѣ—232.
Радуга, въ сканд. поэзи—156, 161.
Радъ, зодчій въ сербск. пѣснѣ—153.
Разные проекты и записки П. А. Вяземскаго—3.
Распятія мистерія—352.

- Рафаэль**—127.
Ревель—46.
Регинъ, эльфъ, кузнецъ (скандинавск. эпосъ)—229, 230.
Редея (Слово о полку Игоревѣ)—324, 328.
Религіозная поэзія—104.
Рёкна, служанка Тора (Эдда)—165.
Рецензентъ, газета—54.
Rig (стражъ радуги), въ Древн. Эддѣ—161, 162, 167.
Римляне—110, 111, 199.
Римскій патерикъ—373.
Римскія области—117.
Римское царство, въ описаніи Страшнаго Суда—274.
Римъ—117, 253, 268, 297, 311, 312, 314.
Ринальдо, рыцарь (Непст. Орландъ)—127.
Ристалище битвы (Эдда)—175.
Ритогаръ, алеман. князь, въ сказаніи о Кракѣ—140, 141.
Риторика Георгія Херобоска (Изборникъ 1073 г.)—319, 320.
Риччи, графиня—44.
Робертъ Леопольдъ—24.
Рогволодъ, князь Полоцкій—186.
Рогнѣдъ—186, 205.
Рогъ Мимира (Эдда)—158.
Родители=покойники—214.
Родна (лѣтопись)—246.
Родъ (богъ производитель)—130, 214.
Родъ и рожаницы—214, 327.
Рождество Христово: мистерія—349, народное празднество—223.
Рокъ—217.
Романскіе языки—117.
Романъ Святославичъ, князь—321.
Roma subterranea Aringhi—268, 373.
Росети (Смирнова) А. О.—39.
Россія—107, 108, 141, 205; см. еще Русск. земля и Русь.
Ростемъ, въ поэмѣ Фирдуси—113.
Ростиславъ Всеволодовичъ, князь—342, 343, 366.
Ростиславъ, Моравскій князь—314.
Ростовъ—108, 257, 259, 261, 309, 310, 326, 328, 345.
Рукописи—97, 98, 99, 146, 268, 269, 270, 273, 274, 276, 294, 297, 301, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 368, 373, 374, 375.
Руны—159, 182, 228, 235, 236, 237, 242, 245.
Русалки—130, 134, 141, 179, 221, 233, 247.
Русальная недѣля—232.
Русская Бесѣда, журналъ—368.
Русская земля—117, 144, 250, 253, 254, 256.
Русская поэзія XI и XII вв.—362.
Русская Правда, памятникъ обычнаго права—180.
Русская Старина, журналъ—8, 37, 46, 47, 52, 53, 55.
Русскіе простонар. празд. и обряды, Снегирева—224, 227, 232, 360.
Русскій Архивъ, журналъ—53, 54.
Русскій Вѣстникъ, журналъ—152.
Русскія народныя пѣсни, Кирѣевскаго—143.
Русскія пословицы и поговорки, Снегирева—247.
Русское племя—119, 120, 121, 131.
 (о) **Русскомъ народномъ стихотворствѣ**, кн. Н. А. Цертелева—50.
Русь (лѣтопись)—252.
Русь—107, 108, 109, 121, 134, 139, 144, 145, 174, 198, 214, 216, 220, 231, 232, 248, 250, 251, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 261, 267, 272, 274, 276, 281, 292, 295, 297, 298, 299, 303, 304, 305, 306, 310, 313, 315, 317, 321, 322, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 331, 332, 335, 339, 343, 345, 347, 352, 353, 355, 362, 363, 364, 365, 366, 369, 373.
Рыба (христ. символъ)—268, 373.
Рылѣвъ Кондратій Федоров., декабристъ и поэтъ—7, 8, 31, 39, 43, 53, 55.
Рѣчь кн. П. А. Вяземскаго—2.
Рюрикъ, князь—251.
Рязань старая—257, 361.

С.

- Сабиннокъ** похищеніе—199.
Сабля съ очами у Момчила (серб. пѣсня)—124, 125.

- Сантовъ В. И.—8, 50, 52, 54.
 Саксонъ грамматикъ (датскій лѣтописецъ)—130.
 Сальясъ Елизавета, графиня—49.
 Сампо, сокровище въ финскомъ эпосѣ—228, 229, 236, 239, 240, 241, 242, 243.
 Санскритъ—110.
 Сапога сниманіе на свадьбѣ—205.
 Сардопкъ, камень (Азбуковникъ)—323.
 Сближеніе Руси съ Западомъ (періодъ въ исторіи рус. литературы)—106, 108.
 Сбожіе—240.
 Свадебныя обряды—194.
 Сварогъ, божество солнца—130, 179, 216.
 Сварожичъ, божество огня—130, 139, 216, 327.
 Свекла—324.
 Свободный (Karl) въ Древ. Эддѣ—162.
 Свѣтлорусская земля—144.
 Свѣтовитъ, богъ балтійскихъ славянъ—179, 226.
 Святки—180, 216, 224, 232, 221.
 Святополкъ Изяславичъ, князь—336, 430.
 Святополкъ, Моравскій князь—314.
 Святополкъ Окаянный—133, 140, 141, 328, 329, 331, 335.
 Святополкъ Четвертинская Вѣра Борисовна, княжна—48.
 Святополкъ Четвертинская Елизавета Борисовна, княжна—48.
 Святополкъ Четвертинская Марья Антоновна, княжна—47.
 Святополкъ Четвертинская Марья Борисовна, княжна—48.
 Святополкъ Четвертинская Надежда Борисовна, княжна—47, 48.
 Святополкъ Четвертинская Надежда Осодорвна, княгиня—47.
 Святополкъ Четвертинская Наталья Борисовна, княжна—48.
 Святополкъ Четвертинская Ольга Николаевна, княгиня—47.
 Святополкъ Четвертинская Праксovia Борисовна, княжна—48.
 Святополкъ Четвертинскій Борисъ Антоновичъ, князь—47.
 Святополкъ Четвертинскій Борисъ Борисовичъ, князь—47.
 Святославовы Изборники—316.
 Святославовы ляди, въ Словѣ о полку Игоревѣ—196.
 Святославъ Всеволодовичъ, князь—361.
 Святославъ Всеволодовичъ, Черниговскій князь—334, 337, 338, 339, 365.
 Святославъ Игоревичъ, Кіевскій князь—192.
 Святославъ, князь въ дух. стихахъ—331.
 Святославъ Ольговичъ, Рильскій—364.
 Святославъ Ольговичъ, Черниговскій князь—361.
 Святославъ Ярославичъ, князь—306, 316, 318, 319, 321, 324.
 Святцы—348.
 Себастианъ—35.
 Седенга, рѣка—95.
 Семейскій Михаилъ Ивановичъ—37, 51, 87.
 Семейныя пѣсни—183.
 Семеновскій—247.
 Семикъ—180, 220, 232.
 Семундъ Вѣщій или Умный, собиратель пѣсней Эдды—146, 172, 180.
 Сербская грамматика Караджича—120.
 Сербская пѣсня о Вилѣ—141.
 Сербскіе причитанья—209.
 Сербскій свадебный обычай—204.
 Сербскія пѣсни, В. С. Караджича—122, 151.
 Сербскія сказки—238.
 Сербскія сказки, Караджича—120, 157, 190, 193.
 Сербскія слова—245.
 Сербы—118, 120, 131, 173.
 Сервенты (serventois)—348, 352.
 Середа—220.
 Сжиганіе мертвыхъ—207.
 Сибирь—42.
 Сивка бурка—125.
 Символическое направленіе въ искусствѣ—373, 374, въ литературѣ—373.
 Символы 4-хъ царствъ, въ изображеніи Страшнаго Суда—275.

- Символы** христіанскіе—268, 373, 374.
Симеонъ Столпникъ св.—375.
Симеонъ, царь болгарскій—315, 321.
Симонъ, епископъ Владимірскій—305, 310, 331.
Синайскій Патерикъ, въ рук. XI—XII в.—316.
Синаксарь—348.
Синодальная Московская Типографія—315.
Синодальная Патриаршая бібліотека—315, 316, 322.
Синодальный цвѣтникъ, рукопись—297.
Сипягинъ Дмитрій Сергѣевичъ—5, 6.
Сипягинъ Николай Мартыановичъ—5.
Сіонъ—283, 375.
Скадръ, городъ—122, 123, 131.
Сказаніе Кіевское или Полянское о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ—250, Полянское о дани Казарамъ—251, Новгородское о Словенѣ—252.
Сказаніе о созданіи церкви Кіевопечерской—305, 332.
Сказки—154, 156, 183, 186, 157, 208, 217, 218, 219, 220, 238, 247.
Сказки сербскія, В. С. Караджича—120, 157, 190, 193.
Скальды, пѣвцы—254.
Скандинавія—254.
Скандинавская литература—146.
Скандинавскія саги—255.
Скандинавы—116.
Сканцони—57, 59, 60, 61.
Скильдъ, въ поэмѣ о Беовульфѣ—207.
Скитскій Патерикъ—373.
Скопинъ Шуйскій—249.
Скотти Михаилъ Ивановичъ—49.
Скотъ, скотницы—240.
Skuld („будущая“ Иорна)—156.
Скульптура церковная—352.
Скутары—122.
Славяне—197, 208, 215, 221, 232, 233, 234, 242, 246, 248, 249, 250, 251, 254, 266, 348, прибалтійскіе—226, 296, 314.
Славяно-германская словесность—112, 116.
Славяно-нѣмецкое племя—110.
Славянская этнографія, Шафарика—115.
Славянскія древности, Шафарика—115.
Славянскія нарѣчія—115.
Слейнинръ, сканд. конь—125, 136.
Слова Григорія Богослова въ рукописи XI—XII в. 316.
Словаки—121.
Словацкая сказка—219.
Словенскъ, городъ (хѣтопись)—252.
Словенъ родоначальникъ (хѣтопись)—252.
Słownik języka Polskiego Линде—49.
Слово Данила Заточника—372.
Слово нѣкоего христіолобца—327.
Слово о житіи в. кн. Дмитрія Ивановича—211.
Слово о Полку Игоревѣ—119, 130, 179, 181, 182, 196, 246, 248, 301, 324, 325, 328, 338, 343, 362.
Словѣни (Новгородцы)—216.
Словяне—110, 111, 112, 113, 115, 117, 118, 119, 121, 122, 130, 131, 132, 145, 164, 167, 175, 178, придунайскіе—116, балт.—179.
(на) Слѣдъ чары—192.
Слюна Асовъ и Вановъ (Элда)—149.
Смирновъ—39.
Смоленскъ—108, 281.
Смолянниковъ В. Н.—86.
Смутное время—248.
Снегирева: рус. простон. празд. и обряды—360.
Снегиревъ Иванъ Михайловичъ, профессоръ—224, 227, 232, 247.
Сновидѣнія—222.
Снопы—223.
Снорри Стурлусонъ, составитель Новой Эдды—146.
Snór-Schnur сноха, Древн. Эдда—162.
Снѣжная земля (Исландія)—146.
Соболевскій—37.
Соборы вселенскіе—293, 294.
Сокровища храма св. Софій въ Царьградѣ—300.
Соллогубъ, графъ—68, 69, 84.
Солнце—178, 179.
Солнце, божество одноглазое—159.
Соловей Будимировичъ (былны)—258.
Соловей разбойникъ (былны)—246, 259, 260, 265.

- Соловьевъ** Сергѣй—49.
Соломонида, въ Повѣсти о Голубиной книгѣ—250.
Соломонъ—291, 351, въ Повѣсти о Голубиной книгѣ—250.
Солунь—314.
Соревнователь Просвѣщенія, журналъ—50.
Сосуды латинскіе: въ Кіевопеч. Патерикѣ и въ житіи Антонія Римлянина—311, 312, 344.
Сѣбѣ св. церковь: въ Кіевѣ—297, 298, 303; въ Новгородѣ—303, 304, 312, 313; въ Царьградѣ—298, 299; въ Полоцкѣ—325.
Софроній, архимандритъ—89, 95.
Сочиненія Державина, Грота—50.
Сочиненія К. Н. Батюшкова, Л. Н. Майкова—54.
Спандонъ—24.
Снобъ на свадьбѣ—206.
(о) Спящей царевнѣ: сказка — 156, 186.
Сравнительная грамматика—110.
Сравнительное изученіе языковъ, мѣлологій, обычаевъ и преданій—110.
Сравнительно-историческая грамматика нѣмецкихъ нарѣчій Якова Гримма—114.
Сраципи, въ описаніи Страннаго Суда—273.
Сродство славянъ, литовцевъ и нѣмцевъ—111, 112.
(о) Ставрѣ Годиновичѣ былина — 356.
Стадице (чеш.)—136.
Сталь—46.
Стамбуль—21.
Старина (былина)—181.
Старина и Новизна—1, 9.
Старчество—373.
Стихи: А. А. Бестужева: Жуковскому—37; П. А. Вяземскаго: „Баркаролла“—68, 69, 84, Маріи Тютчевой—56, „Поминокъ по Бородинской битвѣ“—3, 8, Эпиграмма на Булгарина—38; **Измайлова(ича)**—31, „Въ Альбомѣ сестрицы“—53; **Лобанова** переводъ Федры—31; **Надишь** на Исаакіевской колоннѣ—36; **Олина**—32;
 А. С. **Пушкина:** Адели—39, „Арионъ“—39, Берлинское 2-е издан. 1870 г.—9, „Братья разбойники“—54; Булгарину—37, „Вишня“—35, „Вольность“—34, „Второе посланіе къ Аристарху“—35, Гараль и Гальвина—33, „Городокъ“, „Десятая заповѣдь“—34, „Для чего тебѣ о Вигель“—33, „Евгеній Овѣгнъ“—40, Н. М. Карамзину—37, „Книжалъ“—34, княжѣ С. А. Урусовой—38, кн. А. Г. Голицину—36, Къ портрету Аракчсва—36, „Когда великое свершилось торжество“—39, А. Н. Муравьеву—37, „Мѣдный Всадникъ“—40, На воцареніе Александра I—35, На выздоровленіе Лукулла—43, „Не помнишь ли ты“—33, Николаю I—36, „Нѣтъ подлѣе до Алтая“—37, Огаревой Е. С. (не Олениной)—34, М. Ѳ. (А. Ѳ.) Орлову—38, Пестелю—35, „Про себя“—36, „Прощаніе съ жизнью“—31, Пушкину В. Л.—10, Л. С. Пушкину—38, А. О. Россети—39, Северину—35, „Цѣль нашей жизни“—33, Эпиграмма на Б. Ѳедорова—51, О. Ф. Юрьеву—38, М. Г. Яковлеву—38, Алексѣя Михайловича Пушкина „Воспитанница музъ“, „На смерть Кутузова“—44; В. Л. **Пушкина** (Опасный сосѣдь)—10, **Рылѣва** „Войнаровский“—53, „Къ временнику“—43, „Ссылный“—31, **Тютчева**—57; кн. **Цертелева** (2-й вечеръ на бивуакахъ)—31, Б. **Ѳедорова**—52.
Стихъ св. Софій, Премудрости Божіей—301.
Столыпина—60, 61.
Столыпина Вѣра Аркадьевна—48.
Столыпинъ Димитрій Аркадьевичъ—28, 29, 30, 49.
Стражъ радуги (Rîgr), Древн. Эдла—161.
Стрибогъ, богъ вѣтра—130, 179, 362, 364.
Страннопріимный домъ имени кн. Куракинныхъ—87.
Страстей мистерія—352.
Страшнаго суда мистерія—352.
(о) Страшномъ Судѣ: духовные стихи—272.

Страшный Судъ: въ иконописи—273, въ житіи св. Василія Новаго—284, Микель Анджело—284.
Строгановъ С. Г., графъ—273.
Строевъ Павелъ Михайловичъ, археографъ—11, 46, 47.
Стрѣлы Дюка (былины)—257.
Стугна, рѣка—343, 366.
Стурдза Александръ—36.
Судныя дѣвы—135, 156.
Судъ Любуши, чешск. поэма—133, 134, 135, 137, 204.
Судъ (свадьба)—200, 204.
Суженые (женнихъ и невѣста)—200.
Суздаль—309, 310, 331.
Сула, рѣка—363.
Суоми, финны въ Калевалѣ—236, 242.
Суртуръ, стражъ пламеннаго міра (Древ. Эдда)—175, 176.
Сушкова Дарья—49.
Сумковъ Николай Васильевичъ, драматургъ и поэтъ—49, 70, 71.
Сыгрышъ Царь-града (былины)—359, 360.
Сынъ Отечества, журналъ—54, 55.
Сѣверниъ—35.
Сѣверное тайное общество—53.
Сѣверяне, у Нестора—199, 324.

Т.

Тайной вечера изображеніе въ Киево-Софійск. соборѣ—303, мистерія—351.
Танцы Иерусалима (былины)—359, 360.
Татарскій періодъ въ исторіи русской литературы—106, 107.
Татарское иго—106.
Татарщина—249.
Татары—248.
Тахтамышъ—20.
Тейсвельсъ—медіастъ, въ литов. сказкѣ—154.
Тейсусъ (справедливый) въ литовск. сказкѣ—154.
Теранія—24.
Тетка (чеш. княжна)—134, 141.
Типографія Синодальная Московская—315.
Тиль Ильи Муромца—265.
Тилы богатырей—262.
Тиръ (др. скандинав.)—216.

Титова Юлія—73, 74.
Титовъ Владиміръ Павловичъ—21, 22.
Титовы—24.
Тихонравовъ Николай Саввичъ—299.
Тіальфи, слуга Тора (Эдда)—165.
Тматороканъ—325.
Толкованіе церкви св. Софій—312.
Толковая псалтирь XI в. (Чуд.)—315.
Толковыя книги св. Писанія—315.
Толстая Александра Андреевна—76, 78, 85.
Толстой, графъ—43.
Толстой Дмитрій Андреевичъ, графъ—49.
Толстой Спиридонъ Юрьевичъ—3.
Толстой Юрій Васильевичъ, Товарищъ Оберъ-Прокурора Св. Синода—3.
Толстой Яковъ—32, 55.
Торъ (Thögg—Thonar) сынъ Одина—151, 164, 165, 166, 167, 169, 171, 175, 176, 178, 179, 216, 220, 224, 232, 242, 264.
Thraell, Рабъ (Древ. Эдда)—161.
Тримъ, господинъ великановъ (Древ. Эдда)—166, 167.
(о) Трояновомъ валѣ юго-зап. рус. сказаніе—142, 330.
Троянъ—362.
Трубежъ, рѣка—139, 251.
Трубецкая Надежда Борисовна, княгиня—47, 48, 49.
Трубецкой Александръ Васильевичъ, князь—21, 48.
Трубецкой Николай, князь—49.
Тугаринъ Зміевичъ (былины)—260.
Тула—26.
Туляковская (?)—23.
Туманскій Василій Ивановичъ—31, 52, 53.
Тундра—92.
Тургеневъ А. И.—8, 32, 48, 50, 51, 53, 54.
Турки—273.
Турція—119.
Турья (сѣверъ Похюлы), въ Калевалѣ—237, 238.
Тютчева Анна Федоровна—66, 67, 68, 85.
Тютчева Марія—56.
Тютчевъ Иванъ Федоровичъ—56.
Тютчевы Дарья и Екатерина Федоровны—56.
Тугъ, Рабыня (Древ. Эдда)—161.

У.

- Уваровъ Сергѣй Семеновичъ—32, 44, 49, 55.
 (объ) Увеселеніяхъ въ царствованіе Петра Великаго, статья А. О. Корниловича—53.
 Углеша воевода, въ серб. пѣснѣ—151, 152.
 Угличъ, городъ—269, 374.
 Угринскіе аньяны (Китай)—95.
 Указатель (ключъ) къ исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина, П. М. Стросва—11, 46, 47.
 Укко, богъ, творецъ всего (Калевала)—238, 239.
 Украинская поэзія—362.
 Ульфила—118.
 Умовеніе ногъ, мистерія—351.
 Умыканіе—197, 199.
 Ундольскій Вуколь Михайловичъ—368.
 Упиръ Лихой, пошъ, переписчикъ Толковыхъ Пророчествъ—316, 317, 374.
 Urdr („прошедшая“—Норна)—156.
 Урусова С. А., княжна—38.
 Усмошвецъ (Кирилла-Кожемяка въ южно-русской сказкѣ)—138.
 Успенскій списокъ Макарьевскихъ Четьихъ Мнней—322.
 Устюжскій Николаевскій Моденскій монастырь—88, 89, 95.
 Усудъ (Судъ), серб. сказка—157.
 Ухтомскій Александръ, князь—49.
 Учебная книга Россійской Словесности П. Н. Греча—50, 53.

Ф.

- Фавнъ—189.
 Фаворскій священникъ—354.
 Fadir (Отецъ, въ древ. Эддѣ)—162.
 Факсъ, конь Орвара Одда—255.
 Фанараки—24.
 Фафиръ, змій (эпосъ о Зигурдѣ)—228, 229, 230, 231.
 Федра, въ переводѣ М. Е. Лобанова—31, 53.
 Фениксъ (символъ христ.)—268.
 Фенриръ, волкъ (Эдда)—172, 174, 175.
 Verdandi („настоящая“ Норна)—156.

- Феррау (рыцарь Нейст. Орл.)—127.
 Физиологи—373.
 Филаретъ, архіеп. Черниговскій—305, 372.
 Фидимонки Моск. губ. Подольскаго уѣзда—48.
 Финляндія—235.
 Финскій пѣвецъ о своемъ эпосѣ—243.
 Финны—199, 228, 234, 235, 236, 245, 266.
 Фирдеси (Фирдуси)—113.
 (о) Флоріанъ царевичъ Валашская сказка—217, 218, 219, 220.
 Фонвизинъ—41, 55.
 Франкфуртъ—79, 80.
 Франція—110, 348.
 Фредериксъ—76, 77.
 Фрей (Фрея), супруга Одина—149, 150, 151, 166, 167, 168, 216.
 Фрейръ, богъ солнца (Эдды)—176.
 Фризы—271.
 Фриандъ, сынъ Африкана, князя Варяжскаго—305.
 Фундуклей—143.

Х.

- Хазары—314.
 Халкидонъ Ливійскій (Азбук.)—323.
 Халцедонъ, камень—323.
 Характеристика Ф. И. Буслаева періодовъ исторіи Русской литературы—106, 107, 108, 109.
 Харонъ—258.
 Харьковскій университетъ—50.
 Хвостовъ Д. И., графъ—52.
 Херсонесъ—23.
 Хлѣбу и соли подблюдная пѣсня—224.
 Ховрица Марья—49.
 Хожденія апостоловъ, апокрифъ—296.
 Хомяковъ—50.
 Хорвата—132.
 Хорватская земля—137.
 Хорваты—120, 132.
 Хоревца—250.
 Хорнвъ—250, 251, 353.
 Хороводныя: игры—199, пѣсни—360.
 Хоръ глав. божество—325, 327, 362.
 Horgt, сокровище—228, 231, 239.

Хорутане—120.
Храбръ, черпорицець—314.
Храмовъ значеніе на Западѣ—348.
Храмовъ сооруженія на Руси (сказанія)—297.
Храмы: Богородицы Пирогощей—367, кіевопечерскій—305, кіевскій—297, 298, 303, повгородскій—303, 304, 312, полоцкій—325, ростовскій—309, суздальскій—309, царьградскій—298, 299, 300.
Храповицкій—70, 71.
Христіанскій періодъ русской литературы—266.
Христоролюба пѣлаго слово—327.
Хроника Саксона Грамматика—130.
Хронографы—98, 298, 299, 373.
Хрущовъ И. П.—52.

Ц.

Царей 3-хъ мистерія—351.
Царское село—11, 57, 58, 60, 61, 66, 67, 70, 71, 72, 76, 77, 86.
Царства погибельныя—274.
Царственная книга (лѣтопис. сборникъ)—204.
Царьградъ—232, 251, 298, 304, 308, 314, 359, 360.
Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache—235.
Цензура—2, 30, 32, 40, 53.
(о) Церкви Кіевопечерской сказаніе—305, 332.
Церковно-славянскій языкъ—119, 314.
Цертелевъ Николай Андреевичъ, князь—30, 31, 32, 50.
Циклоны—147, 158, 167.

Ч.

Чаадаевъ Петръ—49.
Части энцическаго цѣлаго—244.
Чемпнскія стѣны около Пескина—92.
Черниговская Русь—325.
Черниговское уѣздное казначейство—50.
Черниговъ—259, 331, 334, 346, 354, 355, 358, 361, 364, 365.
Черное море—67, 68.

Чернышевъ, князь—46.
Четвертинская Надежда, княгиня—49.
Четвертинскіе—12, 28, 48.
Чертово Беремнще (близъ Кіева)—234.
Четъи Миней Макарьевскіи—276, 322.
Чехи—137, 121, 131, 132, 133, 134, 239.
Чехъ—132, 133, 134, 137, 151.
Чешскія лѣтописи—132.
Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей російскихъ—98, 143.
Чудеса при построеніи храма св. Софіи въ Царьградѣ—300.
Чудесный волосъ, сербс. сказки—190.
Чудское происхожденіе финновъ—234.
Чужъ—чужаппнъ, въ свад. пѣсняхъ—199.

Ш.

Шаликовъ, князь—37.
Шараць, конь Марка кралевича—157, 158.
Шафарикъ—113.
Шаховская Елизавета Алексѣевна, княжна—49.
Шаховская Наталья Борисовна, княгиня—48.
Шаховская Софья, княгиня—28.
Швейцарія—60, 61, 67, 68.
Шевыревъ—29, 49.
Шекспиръ—130.
Шеметово—22.
Шепелевъ—41.
Шереметева—60, 61.
Шереметева Екатерина Павловна, графиня—1, 28, 48, 49.
Шереметевъ, графъ—43.
Шереметевъ Николай Петровичъ, графъ—87, 95.
Шереметевъ Сергій Дмитріевичъ, графъ—1, 7, 10, 50, 56, 84, 85.
Шиллеръ—129.
Шиллингъ—86.
Шимонъ, сынъ Африкана, князя Варяжскаго—305, 306, 307, 309, 310.
Шифнеръ—235.
Шихматовъ, князь—45.
Шпшковский Иоакимъ, архимандритъ—88, 89, 90, 91, 95.
Шниковъ—35, 45, 99.
Шоттъ, изслѣдователь—217.
Шубы выворачиваніе—203.

Щ.

- Щекавица**—250.
Щекъ—250, 251, 353.
Щепкинъ Михайль—49.
Щербатова Прасковья Борисовна, княгиня—48.
Щука, символъ богатства—231.

Э.

- Эдда** (сборникъ сканд. эпоса)—146, 147, 149, 154, 161, 180, 250, 330.
Эдда Древняя (сборникъ скандн. эпоса XI в.)—116, 118, 120, 129, 146, 153, 161, 165, 169, 172, 176, 194, 208, 247.
Эдда Новая (сборникъ скандн. эпоса XIII в.)—130, 146, 165, 168, 172.
Эльба, рѣка—121, 132.
Эльслеръ Фанни—29.
Эльфы, въ Эддѣ—148, 165, 229.
Эосъ (др.-греч.)—221.
(Объ) Эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи—362.
Эрна, жена Ирля (Древ. Эдда)—173.

Ю.

- Юговосточные славяне**—119.
Южное тайное общество—53.
Южно-русскія сказанія—331.
Юнацкія цѣсни—120.
Юрьевъ Ѳ. Ф.—38.
Юстиніанъ, Византійскій императоръ—299, 300.

Я.

- Языкъ Изборника 1073 года**—321.
Языческій періодъ въ исторіи русской словесности—106.
Языческія имена—186, 187.
Яковлевъ М. А.—38.
Якувъ слѣпой, князь Варяжскій—305, 306.

- Янъ**, сборщикъ княжеской подати (лѣтопись)—326.
Ярль (Jarl—благородный), Древ. Эдда—162, 163.
Ярополкъ, князь, у Нестора—205.
Ярославль, городъ (лѣтопись)—326.
Ярославна (Евфросинія), княгиня (Слово о полку Игоревѣ)—196, 365.
Ярославъ Владиміровичъ, князь Галицкій (Осмомысль)—365.
Ярославъ Всеволодовичъ, Переясл. князь—367, 368, 369, 372.
Ярославъ Мудрый, князь—174, 180, 297, 298, 305, 308, 309, 313, 317, 324, 325, 329, 332, 335.
Ярославъ Святославичъ, князь—321.
Ясень: въ Литовской сказкѣ—155, 156, въ Эддѣ—153, 154, 155.

Ѳ.

- Ѳедоровъ Борисъ Михайловичъ**, писатель—31, 50.
Ѳеогность, архіепископъ Владимірскій и Суздальскій—377.
Ѳеодора св. (кормилица въ услуженіи у св. Василія Нового)—276, 277, 278, 279, 280.
Ѳеодоръ блаженный (Кіев. Патерикъ)—341, 342.
Ѳеодоръ, муч. отъ Варяговъ—328.
Ѳеодоръ, пресвитеръ—319.
Ѳеодоръ Константиновичъ, князь—329.
Ѳеодосій, Византійскій императоръ—293.
Ѳеодосій св. Печерскій—304, 305, 307, 308, 318, 329, 336, 337, 338.
Ѳеофана, жена посадника Остромира—317.
Ѳессалоники (Солунь), городъ—314.

А. Орловъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТРАН.
Князь Вяземскій и Пушкинъ. Н. Барсукова:	
Князь Вяземскій и Пушкинъ 1—10; Князь Вяземскій: Письмо Н. М. Карамзина 11—12, Записка князя Петра Андреевича Вяземскаго 12—20, Письма В. П. Титова къ князю П. П. Вяземскому 21—22, Письма А. Я. Булгакова къ князю П. П. Вяземскому 22—23, Письма князя П. А. Вяземскаго 23—30, Письмо А. А. Бестужева 30—32; Пушкинъ 33—44; Опасный Сосѣдь Василя Львовича Пушкина 45; Примѣчанія 46—55.	1— 55
Письма князя Петра Андреевича Вяземскаго къ Д. Θ. и Е. Θ. Тютчевымъ, сообщенныя П. Θ. Тютчевымъ:	
Письма 56—83, Примѣчанія 84—85.	56— 85
Князя П. А. Вяземскаго приглашеніе друзей на пивникъ, сообщено С. Доловымъ.	86
Дѣло о бывшемъ въ Пекинѣ іеромонахѣ Алексѣѣ, сообщено В. Н. Смольяниновымъ.	87— 96
Лекціи Θ. И. Буслаева Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу (1859—1860) I—XXXI .	97—375
15-го мая 1883 года.	376—378
Указатель.	379—408

**Изданія Общества ревнителей русскаго историческаго про-
свѣщенія въ память Императора Александра III.**

- 1) Сборникъ „Старина и Новизна“. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 книги. Цѣна 2 р. каждой книги, для членовъ Общества по 1 р.^{*)}
- 2) I выпускъ. „Завѣтъ Царя-Миротворца“. Рѣчь протоіерея П. А. Смирнова, произнесенная 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собраніи Общества. Изданіе безплатное.
- 3) II выпускъ. 1) Рѣчь гр. С. Д. Шереметева, 2) Стихотвореніе А. П. Майкова, 3) Стихотвореніе гр. А. А. Толенищева-Кутузова, произнесенныя 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собраніи Общества. Изданіе безплатное.
- 4) III выпускъ. Братья Кирѣевскіе. Жизнь и труды ихъ. Валерія Ласковскаго. Цѣна 80 к., для членовъ Общества 40 к.
- 5) IV выпускъ. Біографія генерала Котляревскаго. Соч. гр. В. Соллогуба. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.
- 6) V выпускъ. Крестянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Посошковъ. Его жизни и дѣятельности. Историческій очеркъ И. С. Бѣляева. Цѣна 40 к., для членовъ Общества 25 к.
- 7) VI выпускъ. Рѣчь Предсѣдателя Общества, произнесенная въ засѣданіи Совѣта 21 апрѣля 1902 г. въ двадцатый день по кончинѣ Дмитрія Сергѣевича Сипягина. Изданіе безплатное.
- 8) VII выпускъ. Рѣчь Предсѣдателя Общества, произнесенная въ засѣданіи Совѣта 12 мая 1902 г. по поводу кончины Сергѣя Александровича Рачинскаго. Изданіе безплатное.
- 9) VIII выпускъ. С. А. Рачинскій, съ портретомъ. П. М. Горбова. Цѣна 30 коп.
- 10) IX выпускъ. Памяти С. А. Рачинскаго, † 2 мая 1902 г. Валерія Ласковскаго. Цѣна 20 коп.
- 11) Татѣвскій Сборникъ С. А. Рачинскаго. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Цѣна 1 р. 50 к., для членовъ Общества 1 р.
- 12) Бесѣды о древней русской литературѣ. И. П. Хрущова. Цѣна 1 р. 25 к., для членовъ Общества 65 к.
- 13) Переводы. Выпускъ I. „Константинополь“. Соч. Ф. Мариона Крауфордъ. Переводъ съ англ. гр. Е. П. Шереметевой, подъ редакціей проф. Помаловскаго. Цѣна 50 к., для членовъ Общества 25 к.
- 14) X выпускъ. Меншиковъ. Историч. драма въ 5 дѣйств., въ стихахъ. Соч. В. Л. Величко. Съ портр. Меншикова. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.
- 15) XI выпускъ. Война и Миръ (1805—1812). Съ историч. точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника. По поводу соч. гр. Л. Н. Толстого „Война и Миръ“. А. С. Норова. Цѣна 50 коп., для членовъ Общества 25 коп.

Цѣна VIII книги «Старина и Новизна» — 2 руб., для гг. членовъ Общества — 1 руб.

Складъ изданій Общества: 1) С.-Петербургъ, Фонтанка, 34. 2) Москва, Воздвиженка, д. 8, гр. С. Д. Шереметева.

^{*)} Гг. члены Общества могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ, лишь по одному экземпляру каждой книги, требуемое же сверхъ сего экземпляры оплачиваются по цѣнѣ, установленной для постороннихъ лицъ.